UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 01740990 5

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobranies1v2kire

I

LR
K5847G
Kireevsky, Ivan Vasil'evich

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

Polnoe sobranie

СОЧИНЕНІЙ

Sochineny

И. В. КИРѢЕВСКАГО

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

М. ГЕРШЕНЗОНА

2v. in 1
519843
22. 3. 51
v.1

Томъ I

МОСКВА.
Типографія Императорскаго Московскаго Университета.
1911.

Иванъ Кирѣевскій.

ФОТОТИП. ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И К°. МОСКВА

Настоящее изданіе сочиненій И. В. Кирѣевскаго въ общемъ воспроизводитъ текстъ перваго, Кошелевскаго изданія (1861 г.), редактированнаго братьями Кирѣевскаго по матери, В. А. и Н. А. Елагиными. Отличія нашего изданія отъ Кошелевскаго заключаются въ слѣдующемъ:

1) Мы не сочли нужнымъ перепечатывать обширныя выдержки изъ автобіографіи Стеффенса, переведенныя по указанію И. В. Кирѣевскаго его матерью, А. П. Елагиной, и сохранили только написанное имъ предисловіе къ этимъ выдержкамъ.

2) Въ немногихъ мѣстахъ возстановлены цензурные пропуски, что̀ отмѣчено въ Примѣчаніяхъ.

3) Добавлены: статья о Баратынскомъ, стихотворенія, Письма и Примѣчанія.

4) Наконецъ, текстъ раздѣленъ на три отдѣла: въ первомъ собраны философскія статьи Кирѣевскаго, во второмъ—литературно-критическія, въ третьемъ—беллетристика. Въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ матеріалъ расположенъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Среди бумагъ Кирѣевскаго, предоставленныхъ для настоящаго изданія внучкою А. П. Елагиной, М. В. Беэръ, не нашлось никакихъ неизданныхъ его статей. Основываясь на его собственномъ показаніи (см. ниже, т. II, стр. 232), мы не внесли въ изданіе извѣстной записки 1832 года о закрытіи „Европейца“, представленной отъ его имени Бенкендорфу. Точно также опущено стихотвореніе, напечатанное за подписью „Киреевскій“ въ приложеніи къ „Сочиненіямъ кн. З. А. Волконской“ (На-

рижъ и Карлсруэ, 1865), такъ какъ неизвѣстно, кѣмъ изъ двухъ братьевъ Кирѣевскихъ оно написано *).

Изъ писемъ Кирѣевскаго, уже ранѣе бывшихъ въ печати, немногія мало-содержательныя опущены; часть писемъ печатается впервые, съ подлинниковъ. Въ „Русскомъ Архивѣ", гдѣ появилось наибольшее число писемъ Кирѣевскаго, они печатались крайне небрежно, со множествомъ ошибокъ и сокращеній; въ настоящемъ изданіи всѣ такія письма воспроизводятся съ подлинниковъ, и всѣ вообще письма печатаются вполнѣ, безъ сокращеній, за исключеніемъ немногихъ, оригиналъ которыхъ утраченъ или былъ намъ недоступенъ. Какъ въ текстѣ сочиненій, такъ и въ текстѣ писемъ соблюдены правописаніе и пунктуація подлинника. Слогъ Кирѣевскаго своеобразенъ; старомодная тяжеловѣсность и почти торжественность фразы соединяется у него съ замѣчательной ясностью, глубиной и мѣткостью языка; замѣнить эти важныя окончанія на *ію*, напримѣръ въ *нравственностію*, банальнымъ *ью*, или выкинуть многочисленныя запятыя, которыми уснащены его періоды, значило бы подновить его слогъ, т. е. исказить его писательскую физіономію.

Портретъ, приложенный къ настоящему изданію, воспроизведенъ съ наброска Э. А. Дмитріева-Мамонова въ одномъ изъ альбомовъ А. П. Елагиной, подпись взята изъ письма.

Въ книгѣ моей „Историческія Записки" есть глава о Кирѣевскомъ; тамъ я указалъ и то, въ чемъ вижу цѣнность мысли Кирѣевскаго, и то, въ чемъ вижу его заблужденія. Его частныя *мнѣнія*, историческія, политическія, церковныя, кажутся мнѣ во многомъ ошибочными, — но я высоко цѣню его корен-

*) Возможно даже, что оно вовсе не принадлежитъ никому изъ Кирѣевскихъ: отсутствіе иниціала имени и ошибка въ начертаніи фамиліи показываютъ, что въ подлинникѣ подписи не было.—Тамъ-же помѣщено и другое стихотвореніе— „Куплеты на день рожденія кн. З. А. Волконской 3-го декабря 1828 г., составленные въ Москвѣ Вяземскимъ, Баратынскимъ, Шевыревымъ, Павловымъ, Киреевскимъ".

ное нравственно-философское *убѣжденіе*. Въ той книгѣ я старался показать, что онъ незаконно вывелъ свои невѣрныя мнѣнія изъ своей вѣрной основной идеи. Эти его мнѣнія сыграли огромную пагубную роль, не только тѣмъ, что изъ нихъ выросла вся реакціонная политическая идеологія, на которую русская власть и извѣстная часть общества донынѣ опираются въ своей борьбѣ противъ свободы и просвѣщенія народнаго,—но и потому, что онѣ заслонили въ общемъ сознаніи подлинную истину, изъ которой онѣ будто бы были выведены. Сочиненія Кирѣевскаго въ извѣстномъ смыслѣ, для новѣйшей русской исторіи,—первоисточникъ и русской правды, и русской неправды. Поэтому я считалъ полезнымъ ихъ переизданіе; надо привести общество къ первоисточнику тѣхъ идей, которыя въ немъ борятся; пусть оно непосредственно увидитъ самую эту истину, заключенную въ коренномъ убѣжденіи Кирѣевскаго, и пусть увѣрится также, что та ложь беззаконно ссылается на нее, какъ на свою основу и оправданіе.

16 ноября 1910 г.

М. Г.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ

И. В. КИРѢЕВСКАГО.

Родъ Кирѣевскихъ принадлежитъ къ числу самыхъ старинныхъ и значительныхъ родовъ Бѣлевскихъ и Козельскихъ дворянъ. Въ старину Кирѣевскіе служили по Бѣлеву, владѣли въ Бѣлевскомъ уѣздѣ многими вотчинами и помѣстьями, и имъ изстари принадлежало село Долбино, въ 7 верстахъ отъ г. Бѣлева. Замѣчательное красотою мѣстоположенія, Долбино знаменито въ округѣ своею старинною церковью, въ которой находится чудотворный образъ Успенія Пресвятыя Богородицы, усердно чтимый мѣстными жителями. Въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, почти ежедневно являются изъ г. Бѣлева благочестивые горожане отслужить молебенъ и поклониться Св. Иконѣ. Въ Августѣ, во время Успенской ярмарки, нѣсколько тысячъ народа стекается въ с. Долбино изъ всѣхъ окружныхъ городовъ и уѣздовъ.

Въ Долбинѣ прошли первые дѣтскіе годы И. В. Кирѣевскаго. Его отецъ, Василій Ивановичъ Кирѣевскій, былъ человѣкъ замѣчательно просвѣщенный. Онъ зналъ пять языковъ; библіотека, имъ собранная, свидѣтельствуетъ о его любви къ чтенію; въ молодости самъ переводилъ и даже печаталъ романы и другія мелкія литературныя произведенія того времени; но по преимуществу онъ занимался естественными науками, физикой, химіей и медициной; охотно и много работалъ въ своей лабораторіи; съ успѣхомъ лечилъ всѣхъ, требовавшихъ его помощи. Онъ служилъ въ гвардіи, и вышелъ въ отставку секундъ-маіоромъ; въ 1805 году женился на Авдотьѣ Петровнѣ Юшковой. Во время первой милиціи былъ онъ выбранъ въ дружинные начальники. Въ 1812 году перевезъ всю свою семью въ Орелъ. Здѣсь и въ Орловской деревнѣ своей (Кирѣевской Слободкѣ), въ 3-хъ верстахъ отъ Орла, онъ далъ пріютъ многимъ семействамъ, бѣжавшимъ изъ Минска, Смоленска, Вязьмы и Дорогобужа; взялъ на себя леченіе, содержаніе и продовольствіе 90 человѣкъ раненыхъ Русскихъ, съ христіанскимъ самоотверженіемъ ухаживалъ за больными, брошенными Французами,—и на подвигѣ христіанскаго сердоболія заразившись тифозною горячкою, скончался въ Орлѣ 1-го Ноября 1812 года. Тѣло его было перевезено въ с. Долбино и похоронено въ церкви. Послѣ него остались два сына—Иванъ (родился въ Москвѣ 1806 года 22 Марта) и Петръ (родился въ Долбинѣ 1808 года 11 Февраля), и еще дочь Марія (род. 1811 года 8 Августа), на рукахъ своей матери, овдовѣвшей на 23-мъ году жизни.

Авдотья Петровна Кирѣевская возвратилась съ дѣтьми въ Долбино. Сюда въ началѣ 1813 года переѣхалъ Василій Андреевичъ Жуковскій,

ся близкій родственникъ, воспитанный съ нею вмѣстѣ и съ дѣтства съ нею дружный. Жуковскій прожилъ здѣсь почти два года. Въ концѣ 1815 года онъ оставилъ свою Бѣлевскую родину: поѣхалъ въ Петербургъ для изданія своихъ стихотвореній, надѣясь возвратиться скоро и думая посвятить себя воспитанію маленькихъ Кирѣевскихъ и принять на себя опекунскія заботы.

Вотъ отрывки изъ его писемъ 1815 года:

„Вотъ мое расположеніе: кончивъ изданіе своихъ стиховъ, котораго на бѣду никому постороннему поручить не могу, тотчасъ отправлюсь въ Дерптъ..... Вы между тѣмъ увѣдомьте, что̀ вы хотите дѣлать, когда соберетесь къ намъ и когда должно мнѣ пріѣхать за вами. Гораздо было бы лучше, когда бы я васъ и проводилъ изъ Дерпта, тогда могъ бы подолѣе съ вами остаться. При свиданіи будемъ говорить о томъ, что для меня есть одно изъ главныхъ дѣлъ жизни, о воспитаніи нашихъ дѣтей. Я ждалъ и жду плана, и право не даромъ сказалъ, что въ этотъ планъ входитъ много моего будущаго. Чтобы придумать что-нибудь основательное, надобно имѣть этотъ планъ въ рукахъ; а вы все еще его не присылаете“.

„Милые друзья, благодарствуйте за добрые совѣты, а еще болѣе за то нѣжное чувство дружбы, которое видно въ вашихъ письмахъ. Слава Богу! Это восклицаніе весьма тутъ кстати. Какъ не сказать слава Богу, думая о друзьяхъ и видя ихъ къ себѣ дружбу? Послушайте, милая Долбинская сестра *). Я и самъ было испугался своего предложенія **), сдѣланнаго вамъ въ первую минуту, но испугался только своей неспособности его исполнить. Что, если бы мнѣ удалось только болѣе еще испортить дѣла ваши? Но, какъ говорятъ, на безрыбьѣ и ракъ рыба, а я готовъ быть для васъ ракомъ. Что же было бы лучше, какъ потрудиться для нашихъ милыхъ дѣтенковъ, да вы отъ меня не уйдете. Дайте мнѣ устроить свое здѣшнее, и я опять у васъ, опять въ своей семьѣ, опять въ прекрасномъ родимомъ краю, окруженный всѣми милыми воспоминаніями, среди соловьевъ и розъ и проч. и проч. Знаете, что всякій ясный день, всякій запахъ березы производитъ во мнѣ родъ Heimweh. . . .“.

Жуковскому не суждено было возвратиться на житье въ Долбино. Жуковскій остался въ Петербургѣ, вступилъ въ службу и только изрѣдка, и на короткое время, могъ пріѣзжать въ свою Бѣлевскую родину. Но нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ вблизи такого человѣка, каковъ Жуковскій, не могли пройти безъ слѣда для молодой души Кирѣевскаго. Кирѣевскій развился весьма рано. Еще въ 1813 году, онъ такъ хорошо владѣлъ шахматною игрою, что плѣнный генералъ Бо-

---

*) Авдотья Петровна Елагина.
**) Быть опекуномъ надъ малолѣтными Кирѣевскими.

нами не рѣшался играть съ нимъ, боясь проиграть семилѣтнему мальчику; съ любопытствомъ и по нѣскольку часовъ слѣдилъ за игрою ребенка, легко обыгрывавшаго другихъ Французскихъ офицеровъ. Десяти лѣтъ Кирѣевскій былъ коротко знакомъ со всѣми лучшими произведеніями Русской Словесности и такъ называемой классической Французской литературы; двѣнадцати лѣтъ онъ хорошо зналъ Нѣмецкій языкъ. Конечно, тихіе Долбинскіе вечера, когда Жуковскій почти каждый разъ прочитывалъ что-нибудь, только что имъ написанное, должны были имѣть сильное вліяніе на весь строй его будущей жизни; отсюда, быть можетъ, его рѣшительная склонность къ литературнымъ занятіямъ, идеально-поэтическое настроеніе его мыслей. Для Кирѣевскаго Жуковскій всегда оставался любимымъ поэтомъ. Излишне, кажется, говорить объ ихъ дружескихъ отношеніяхъ, неизмѣнявшихся во все продолженіе ихъ жизни. Жуковскій горячо любилъ Кирѣевскаго, вполнѣ цѣнія и его способности, и возвышенную чистоту его души. При всѣхъ литературныхъ предпріятіяхъ Кирѣевскаго, Жуковскій спѣшилъ являться первымъ и ревностнымъ сотрудникомъ, и, если обстоятельства того требовали, энергическимъ заступникомъ. Зная Кирѣевскаго, онъ всегда смѣло могъ ручаться за благородство его стремленій, за искренность его желаній блага. Вотъ отрывокъ изъ письма Кирѣевскаго къ матери, писаннаго незадолго до кончины Жуковскаго.

„Съ тѣхъ поръ, какъ я вамъ писалъ, я получилъ письмо отъ Жуковскаго, въ отвѣтъ на мое. Удивительный человѣкъ этотъ Жуковскій. Хотя, кажется, знаешь необыкновенную красоту и возвышенность его души, однако при каждомъ новомъ случаѣ узнаешь, что сердце его еще выше и прекраснѣе, чѣмъ предполагалъ. Онъ почти кончилъ свою Одиссею, работая надъ нею постоянно, и перевелъ, и уже почти напечаталъ 23 пѣсни съ половиною, — и оторвался отъ этой работы, потому что пришла страстная недѣля, и онъ сталъ говѣть. Въ это время получилъ онъ мое письмо съ просьбою. Для говѣнья онъ оставилъ Одиссею; но для добраго дѣла въ ту же минуту нарушилъ свой святой шабашъ, и написалъ длинное и прекрасное письмо къ принцу Ольденбургскому, другое къ Б. и третье ко мнѣ. Эту жертву, конечно, Богъ приметъ, какъ живую молитву сердца“.

До пятнадцатилѣтняго возраста Кирѣевскіе оставались безвыѣздно въ Долбинѣ; у нихъ не было ни учителей, ни гувернеровъ *); они росли и воспитывались подъ непосредственнымъ руководствомъ матери и вотчима. Въ 1817 году А. П. Кирѣевская вышла замужъ за своего внучатнаго брата Ал. Ан. Елагина. Елагинъ, горячо и нѣжно любившій Кирѣевскихъ, былъ ихъ единственнымъ учителемъ до 1822 года; и мо-

*) При маленькихъ Кирѣевскихъ отъ 1815 до 1818 года былъ Нѣмецъ К. И. Вагнеръ, для упражненія въ Нѣмецкихъ разговорахъ. Обязанность его была сидѣть дѣтей, гулять съ ними, словомъ все, что требуется отъ дядьки; но онъ никогда не былъ ни гувернеромъ, ни преподавателемъ.

лодой Ваня Кирѣевскій привязался къ своему второму отцу всѣми силами своей любящей души. Кирѣевскій развивался быстро, не говоря уже о томъ, что онъ еще въ деревнѣ прекрасно выучился по Французски и по Нѣмецки, коротко познакомился съ литературами этихъ языковъ, перечелъ множество историческихъ книгъ и основательно выучился математикѣ. Еще въ Долбинѣ началъ онъ читать философическія сочиненія, и первые писатели, которые случайно попались ему подъ руки, были Локкъ и Гельвецій, но они не оставили вреднаго впечатлѣнія на его отроческой душѣ *). А. А. Елагинъ, въ началѣ усердный почитатель Канта, котораго „Критику чистаго разума" онъ вывезъ съ собою изъ за-граничныхъ походовъ, въ 1819 году черезъ Веланскаго познакомился съ сочиненіями Шеллинга, сдѣлался его ревностнымъ поклонникомъ, и въ деревнѣ переводилъ его письма о догматизмѣ и критицизмѣ. Свѣтлый умъ и врожденныя философическія способности И. В. Кирѣевскаго были ярки въ этомъ, почти что отроческомъ возрастѣ; прежніе литературные разговоры, во время длинныхъ деревенскихъ вечеровъ не рѣдко стали замѣняться бесѣдами и спорами о предметахъ чисто философическихъ; и когда Елагины, для дальнѣйшаго воспитанія дѣтей, переселились въ Москву, молодой Кирѣевскій явился (1822) въ кругу своихъ сверстниковъ знакомымъ со многими положеніями тогдашней Германской философіи.

Въ Москвѣ (1822) И. В. началъ учиться по Латыни и по Гречески, и выучился сколько требовалось тогда для экзамена **), бралъ уроки у Снегирева, Мерзлякова, Цвѣтаева, Чумакова и другихъ профессоровъ Московскаго Университета; слушалъ публичныя лекціи профессора Павлова, и выучился по Англійски. Нѣкоторые уроки онъ бралъ вмѣстѣ съ Ал. Ив. Кошелевымъ, и съ этихъ поръ начинается дружба Кирѣевскаго и Кошелева, крѣпкая на всю жизнь. Они вмѣстѣ выдержали такъ называемый комитетскій экзаменъ, и въ одно время вступили на службу въ 1824 году, въ Московскій Главный Архивъ Иностранной Коллегіи. Въ это время въ Архивѣ, подъ просвѣщеннымъ начальствомъ Алексѣя Ѳедоровича Малиновскаго, служилъ цвѣтъ тогдашней Московской молодежи,—архивные юноши, какъ называлъ ихъ Пушкинъ. Това-

---

*) Въ 1830 году, вотъ что писалъ Кирѣевскій А. И. Кошелеву: „О Гельвеціи, я думаю, и самъ былъ бы такого же мнѣнія, какъ ты, если бы прочелъ его теперь, но лѣтъ десять назадъ онъ произвелъ на меня совсѣмъ другое дѣйствіе. Признаюсь тебѣ, что тогда онъ казался мнѣ не только отчетливымъ, яснымъ, простонародно убѣдительнымъ, но даже нравственнымъ, не смотря на проповѣданіе эгоизма. Эгоизмъ этотъ казался мнѣ не точнымъ словомъ, потому что подъ нимъ могли разумѣться и патріотизмъ, и любовь къ человѣчеству, и всѣ добродѣтели. Къ тому же мысль, что добродѣтель для насъ не только долгъ, но и счастіе, казалась мнѣ отмѣнно убѣдительною въ пользу Гельвеція".

**) Недостаточность своихъ свѣдѣній въ древнихъ языкахъ И. В. почувствовалъ гораздо позднѣе, и въ сороковыхъ годахъ, черезъ 20 лѣтъ, снова сталъ учиться по Латыни и по Гречески, и выучился хорошо, такъ что могъ въ подлинникѣ читать классиковъ и Св. Отцовъ.

рищами Кирѣевскаго были: Веневитиновы (Д. В. и А. В.), В. П. Титовъ, С. П. Шевыревъ, П. С. Мальцевъ, Н. А. Мельгуновъ, С. А. Соболевскій и многіе другіе. Изъ нихъ составился первый кругъ друзей Кирѣевскаго, и къ нему примкнули питомцы Московскаго Университета: Н. М. Рожалинъ, М. А. Максимовичъ и М. П. Погодинъ. Это было цвѣтущее время Русской Словесности, ознаменованное яркими успѣхами Пушкина; вокругъ него начинала свѣтиться блестящая плеяда первоклассныхъ поэтическихъ талантовъ; имена Баратынскаго, Языкова, Барона Дельвига, Веневитинова, Хомякова, начали не рѣдко мелькать въ альманахахъ и журналахъ того времени. Они навсегда останутся драгоцѣннымъ украшеніемъ Русской Словесности;—но рядомъ съ возникновеніемъ дѣятельности чисто литературной, въ Москвѣ стала возникать въ это время новая умственная дѣятельность, подъ вліяніемъ философіи Шеллинга. Въ 1821 году профессоръ М. Г. Павловъ, по возвращеніи изъ-за границы, читалъ въ Университетѣ и въ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ лекціи о природѣ. Впечатлѣніе его лекцій было сильное и плодоносное, возбудившее въ тогдашнемъ поколѣніи Москвичей сочувствіе къ философіи Германской. Однимъ изъ первыхъ ея поборниковъ явился тогда питомецъ Московскаго Университета, князь В. Ѳ. Одоевскій, собиравшій у себя небольшой кругъ молодыхъ литераторовъ, во имя Любомудрія, и съ 1824 года издававшій свою 4-хъ книжную Мнемозину, въ началѣ которой была помѣщена прекрасная статья его учителя Павлова о способахъ изслѣдованія природы. Къ этому кругу принадлежалъ Кирѣевскій съ своими архивскими сослуживцами, между которыми самою блестящею и любимою надеждою былъ Д. Веневитиновъ, „рожденный для философіи еще болѣе, чѣмъ для поэзіи“ *) но по несчастію, у той и другой отнятый преждевременною неожиданною смертью. Еще въ исходѣ 1826 года, когда, пріѣхавши въ Москву, Пушкинъ такъ дружно сошелся съ Веневитиновымъ и сблизился съ его товарищами, у нихъ состоялся новый литературный журналъ, Московскій Вѣстникъ, подъ редакціей М. П. Погодина. Кирѣевскій не выступалъ еще на литературное поприще, къ которому готовился, и на которомъ начинали дѣйствовать его товарищи. Къ этому времени (1826 и 1827) относятся первыя уцѣлѣвшія его письма, и мы помѣщаемъ ихъ здѣсь вполнѣ.

КЪ А. А. ЕЛАГИНУ.

1826 Августъ.

„Вы ко мнѣ не хотите писать, милый папенька, потому, что въ грустномъ расположеніи духа, а я гораздо лучше бы хотѣлъ отъ васъ получить грустное письмо, нежели шуточное, и пишу къ вамъ теперь

*) Слова Кирѣевскаго.

именно потому, что мнѣ не весело. Въ эти минуты душа невольно какъ-то обращается къ тому, что всего дороже, и забываетъ все, что ее развѣвало, и всѣ обыкновенныя занятія, которыя, скользя только по поверхности ея, не доходили въ глубь. Я, по крайней мѣрѣ, во время печали невольно ищу предмета, который бы вполнѣ занималъ всего меня, который бы заключалъ въ себѣ не одно опредѣленное желаніе, не одну опредѣленную мысль, но входилъ бы во всѣ желанія, во всѣ мысли, и если что нибудь живое на землѣ можетъ быть такимъ предметомъ полнаго я, то, безъ сомнѣнія, это вы и маменька. Ибо вы оба служите для меня связью всей прошедшей моей жизни, и входите во всѣ тѣ планы, которые воображеніе строитъ въ будущемъ, которые, можетъ быть, не сбыточны, но которые трогаютъ самыя чувствительныя струны моего сердца. На всемъ пути жизни моей (которую, признаюсь, люблю одѣвать въ блестящія краски) я вижу васъ непремѣннымъ сопутникомъ моимъ, и до сихъ поръ не рождалось у меня ни одного желанія, ни одной надежды, которыя бы вполнѣ занимали меня, и которыя бы могли исполниться безъ васъ. Вотъ почему и думается объ васъ, когда грустно, а если думается, то и пишется. Но, впрочемъ, мысли эти не связываются ни съ чѣмъ тѣмъ, что у насъ теперь дѣлается, ни въ чемъ изъ того, что насъ теперь занимаетъ, и связываются только съ тѣмъ, что занимаетъ меня всегда, къ чему я постоянно возвращаюсь отъ вседневныхъ занятій. И такъ, если бы писать къ вамъ объ томъ, о чемъ думается, и такъ, какъ хочется, то я не писалъ бы къ вамъ ни объ васъ, ни обо мнѣ, ни объ нашемъ, но писалъ бы къ вамъ о высочайшемъ счастіи, о средствахъ къ общему нашему достиженію онаго, о самоусовершенствованіи, и т. п. Не знаю, впрочемъ, въ какую минуту вы получите письмо мое; можетъ быть, въ минуту холодную,—а мнѣ бы не хотѣлось профанировать моихъ мыслей. И такъ, если вы хотите, чтобы я къ вамъ писалъ, то обѣщайте мнѣ, что вы иначе не распечатаете письма моего, какъ тогда, когда вамъ будетъ грустно. Это необходимое условіе для того, чтобы понять меня, какъ я того хочу".

1827.

КЪ А. И. КОШЕЛЕВУ.

„Спасибо, Кошелевъ, за твое письмо. Истинно счастливый подарокъ. Я въ немъ нашелъ прежнее участіе, прежнюю любовь и довѣренность. Минута полученія была для меня драгоцѣнною минутою. Признаться стыдно, но необходимо для облегченія совѣсти, что и я начиналъ уже сомнѣваться въ твоихъ чувствахъ ко мнѣ. Твои холодныя письма—и Богъ знаетъ что еще—а можетъ быть и привычка къ потерямъ, внушали мнѣ самыя грустныя мысли. Я ихъ развивалъ и оправдывалъ. Я думалъ: теперь Кошелевъ живетъ въ свѣтѣ, сдѣлалъ

много новыхъ знакомствъ и, можетъ быть, пріобрѣлъ новыхъ друзей: они открыли ему новую сторону въ жизни, и его образъ мыслей могъ измѣниться; можетъ быть, онъ нашелъ людей съ умомъ возвышеннымъ, съ дарованіями рѣшительными, и тѣ качества, которыя уважалъ прежде, уже считаетъ ничтожными. Я съ своей стороны долгимъ молчаніемъ далъ ему право думать, что и я перемѣнился, и пр. и пр. Все это оправдывалось одно другимъ и сливалось въ одно тяжелое чувство. Но твое письмо, милое, дружеское, разомъ уничтожило все сплетенье несправедливыхъ предположеній, сказавъ: Кошелевъ тотъ же: онъ тебя любитъ и увѣренъ въ твоей любви.

„Благодарю тебя за твои разспросы обо мнѣ и буду охотно отвѣчать на нихъ обстоятельно; ибо нѣтъ тяжеле состоянія, какъ быть неузнаннымъ тѣми, кого мы любимъ. Для меня на всемъ земномъ шарѣ существуютъ только два человѣка, которыхъ одобреніемъ я дорожу, какъ собственнымъ: это ты и Титовъ. И оба вы меня не поняли. Вы думаете, что я, не зная цѣны жизни, безполезно трачу свое время, не сожалѣя о потерянныхъ минутахъ и не имѣя въ душѣ того огня, который не позволяетъ успокоиться въ бездѣйствіи, за настоящимъ забываю и прошедшее, и будущее; что я произвольно предоставилъ обстоятельствамъ направлять мои поступки по волѣ случая, и оправдываю это состояніе (которое ты справедливо называешь состояніемъ ничтожества) тѣмъ, что въ немъ есть нѣчто поэтическое. Но въ самомъ дѣлѣ не знаю я: есть ли поэзія въ произвольной утратѣ самобытности; знаю только, что я не искалъ такой поэзіи. Но не вы виноваты въ томъ, что не поняли меня; виноватъ одинъ я, или, лучше сказать, тѣ обстоятельства, которыя ввели меня въ двумысленное положеніе.

„Еслибы передъ рожденіемъ судьба спросила меня: что хочешь ты избрать изъ двухъ? или родиться воиномъ, жить въ безпрестанныхъ опасностяхъ, безпрестанно бороться съ препятствіями, и не зная отдыха, наградою за всѣ труды имѣть одно сознаніе, что ты идешь къ цѣли высокой,—и лечь на половинѣ пути, не имѣя даже въ послѣднюю минуту утѣшенья сказать себѣ, что ты видѣлъ желанное? или провесть спокойный вѣкъ, въ кругу мирнаго семейства, гдѣ желанья не выходятъ изъ опредѣленнаго круга возможностей, гдѣ одна минута сглаживаетъ другую, и каждая встрѣчаетъ тебя равно довольнымъ, и гдѣ жизнь течетъ безъ шума и утекаетъ безъ слѣда?... Я бы не задумался о выборѣ и рѣшительною рукою взялъ бы мечъ. Но, по несчастію, судьба не посовѣтовалась со мною. Она окружила меня такими отношеніями, которыя разорвать значило бы измѣнить стремленію къ той цѣли, которая одна можетъ украсить жизнь, но которыя сосредоточиваютъ всю дѣятельность въ силу перенесенія. И здѣсь существуетъ для меня борьба, и здѣсь есть опасности и препятствія. Если онѣ незамѣтны, ибо происходятъ внутри меня, то отъ того для меня значительность ихъ не уменьшается.

„Въ самомъ дѣлѣ, разсмотри безпристрастно (хотя въ теперешнемъ твоемъ положеніи это значитъ требовать многаго): какое поприще могу я избрать въ жизни, выключая того, въ которомъ теперь нахожусь?—Служить—но съ какою цѣлью?—Могу ли я въ службѣ принесть значительную пользу отечеству? Ты говоришь, что сообщеніе съ людьми необходимо для нашего образованія,—и я съ этимъ совершенно согласенъ; но ты зовешь въ П.—Назови же тѣхъ счастливцевъ, для сообщества которыхъ долженъ я ѣхать за тысячу верстъ, и тамъ употреблять большую часть времени на безполезныя дѣла. Мнѣ кажется, что здѣсь есть вѣрнѣйшее средство для образованія: это—возможность употреблять время, какъ хочешь. Не думай, однакоже, чтобы я забылъ, что я Русскій, и не считалъ себя обязаннымъ дѣйствовать для блага своего отечества. Нѣтъ! всѣ силы мои посвящены ему. Но мнѣ кажется, что внѣ службы—я могу быть ему полезнѣе, нежели употребляя все время на службу. Я могу быть литераторомъ, а содѣйствовать къ просвѣщенію народа не есть ли величайшее благодѣяніе, которое можно ему сдѣлать? На этомъ поприщѣ мои дѣйствія не будутъ безполезны; я могу это сказать безъ самонадѣянности. Я не безполезно провелъ мою молодость, и уже теперь могу съ пользою дѣлиться своими свѣдѣніями. Но цѣлую жизнь имѣя главною цѣлью: образовываться, могу ли я не имѣть вѣса въ литературѣ? Я буду имѣть его, и дамъ литературѣ свое направленіе. Мнѣ все ручается въ томъ, а болѣе всего сильные помощники, въ числѣ которыхъ не лишнее упомянуть о Кошелевѣ; ибо люди, связанные единомысліемъ, должны имѣть одно направленіе. Всѣ тѣ, которые совпадаютъ со мной въ образѣ мыслей, будутъ моими сообщниками. Кромѣ того, слушай одно изъ моихъ любимыхъ мечтаній: у меня четыре брата, которымъ природа не отказала въ способностяхъ. Всѣ они будутъ литераторами, и у всѣхъ будетъ отражаться одинъ духъ. Куда бы насъ судьба ни завела и какъ бы обстоятельства ни разрознили, у насъ все будетъ общая цѣль: благо отечества, и общее средство: литература. Чего мы не сдѣлаемъ общими силами? Не забудь, что когда я говорю *мы*, то разумѣю и тебя и Титова.....

„Мы возвратимъ права истинной религіи, изящное согласимъ съ нравственностію, возбудимъ любовь къ правдѣ, глупый либерализмъ замѣнимъ уваженіемъ законовъ, и чистоту жизни возвысимъ надъ чистотою слога. Но чѣмъ ограничить наше вліяніе? Гдѣ положишь ты ему предѣлъ, сказавъ nec plus ultra? Пусть самое смѣлое воображеніе поставитъ ему Геркулесовы столбы,—новый Колумбъ откроетъ за ними новый свѣтъ.

„Вотъ мои планы на будущее. Что можетъ быть ихъ восхитительнѣе? Если судьба будетъ намъ покровительствовать, то представь себѣ, что лѣтъ черезъ 20 мы сойдемся въ дружескій кругъ, гдѣ каждый изъ насъ будетъ отдавать отчетъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ, и въ свои свидѣтели призывать просвѣщеніе Россіи. Какая минута!

„Но если я теперь не дѣлаю ничего, то причина тому, по несчастію, слишкомъ достаточная. Я такъ разстроилъ свое здоровье въ нынѣшнюю зиму, что всякое напряженіе ума для меня вредно. Нѣкоторыя обстоятельства заставляютъ даже опасаться чахотки, и потому ѣздить верхомъ, ходить, спать и прочее, составляютъ всѣ мои занятія. Даже кофе, на который ты такъ нападаешь, долженъ я былъ промѣнять на шоколадъ à la santé. Трубка еще не покидаетъ меня, но это потому, что она мнѣ не вредитъ. Впрочемъ, образъ жизни моей весьма однообразенъ. Утро я провожу въ своей комнатѣ, читаю романы, стихи и все то, что не требуетъ большаго труда. Послѣ обѣда сплю, а ввечеру ѣзжу верхомъ. Новыхъ знакомствъ не дѣлаю, и видаюсь почти только съ Рожалинымъ, Полевымъ, Мицкевичемъ и Соболевскимъ, съ которымъ вмѣстѣ ѣзжу по окрестностямъ Москвы. Вотъ тебѣ подробный отчетъ обо всемъ, что до меня касается. Надѣюсь получить отъ тебя такой же. Если же ты собираешься скоро къ намъ, то оставь Титову завѣщаніе: не лѣниться. Онъ сталъ ни на что не похожъ“.

Въ началѣ 1827 года, когда въ Москвѣ возобновились литературные вечера у княгини З. А. Волконской, на которыхъ бывалъ Кирѣевскій, князь Вяземскій успѣлъ взять съ него слово написать что-нибудь для прочтенія, и онъ написалъ „Царицынскую ночь“. Это былъ первый литературный опытъ Кирѣевскаго, сдѣлавшійся извѣстнымъ многочисленному кругу слушателей и нынѣ впервые напечатанный. Весною 1828 г., когда Московскіе литераторы провожали уѣзжавшаго въ Петербургъ Мицкевича, за ужиномъ, при поднесеніи ему серебрянаго кубка, И. Кирѣевскому первому пришлось произнесть свои стихи въ честь Польскаго поэта. Въ томъ же году, онъ написалъ для Московскаго Вѣстника, издаваемаго его друзьями, Погодинымъ и Шевыревымъ: Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина. Статья была напечатана безъ подписи его имени и только съ цифрами 9 и 11. Тогда же и Петръ Кирѣевскій напечаталъ въ Вѣстникѣ отрывокъ изъ Кальдерона, переведенный имъ съ Испанскаго, и издалъ особою книжкою переводъ Байроновской повѣсти Вампиръ. Такимъ образомъ въ 1828 г. оба брата вмѣстѣ выступили на литературное поприще.

КЪ А. И. КОШЕЛЕВУ, въ 1828 г. Октября 1-го.

„Получивши твое письмо 17 Сентября, я отложилъ отвѣтъ до сегодняшняго дня, потому что рѣшился писать къ вамъ, Петербургскимъ, только два раза въ мѣсяцъ, 1-го и 15, для того, чтобы писать, ибо иначе я вѣчно бы остался при однихъ сборахъ. И такъ, ты не долженъ на меня сердиться за медленность отвѣта и напередъ пріучи себя ждать 2 недѣли, выключая экстренныхъ случаевъ. Я лучше хочу навѣрное писать изрѣдка, нежели собираться цѣлый годъ — писать

каждый день, т.-е. я не хочу брать примѣра съ людей, каковъ Кошелевъ. Нечего сказать, министръ на обѣщанія! Хотѣлъ писать часто и до сихъ поръ написалъ только одно письмо; хотѣлъ прислать отрывки изъ своихъ сочиненій объ исторіи, и я увѣренъ, и сочиненія и отрывки sind noch im Werden. Хотѣлъ перевести Cousin, хотѣлъ прочесть всего Гердера, и я дамъ руку отсѣчь, что ты одного не кончилъ, а другаго и не начиналъ. Знаешь ли ты, отчего ты до сихъ поръ ничего не написалъ? Отъ того, что ты не пишешь стиховъ. Еслибы ты писалъ стихи, тогда бы ты любилъ выражать даже бездѣльныя мысли, и всякое слово, хорошо сказанное, имѣло бы для тебя цѣну хорошей мысли а это необходимо для писателя съ душой. Тогда только пишется, когда весело писать, а тому, конечно, писать не весело, для кого изящно выражаться не имѣетъ самобытной прелести, отдѣльной отъ предмета. И потому: хочешь ли быть хорошимъ писателемъ въ прозѣ?—пиши стихи. Я увѣренъ, что Титовъ моего мнѣнія. Что Шеллингъ любитъ поэзію и хорошо знаетъ всѣхъ древнихъ и новыхъ поэтовъ,—это извѣстно; но, читая его рѣчь объ искусствахъ, нельзя сомнѣваться, чтобы онъ въ молодости не писалъ стиховъ. За то Кантъ, поручусь, никогда не прибралъ ни одной риѳмы; за то онѣ незваныя приходили къ нему въ его прозѣ; за то читатели Канта къ читателямъ Шеллинга какъ 5 къ 5000. Изъ всего этого слѣдуетъ: Кошелевъ, пиши стихи! Не будешь писать стиховъ, не будешь имѣть читателей, какъ бы твои мысли хороши ни были; слѣдовательно: Кошелевъ, пиши стихи!

„Я увѣренъ, что не только для усовершенствованія слога, но и для образованія ума и воображенія, для развитія чувства изящнаго (которое, какъ мы съ тобой знаемъ, есть начало, причина, мѣра и цѣль всякаго усовершенствованія), слѣдовательно для счастія жизни, для красоты жизни, для возвышенности жизни, необходимо писать стихи: и потому, Кошелевъ, пиши стихи!

„Ты вѣрно согласенъ, что чѣмъ образованнѣе человѣкъ, тѣмъ онъ лучше владѣетъ своимъ языкомъ; но развей эту мысль и ты увидишь, что въ ней самой заключается еще другая: чѣмъ лучше человѣкъ владѣетъ языкомъ, тѣмъ онъ образованнѣе. Слѣдовательно, опять возвратимся къ моему припѣву: Кошелевъ, пиши стихи!

„Не думай, чтобы это была шутка, или что я пишу къ тебѣ объ стихахъ отъ нечего писать: нѣтъ, у меня это крѣпко лежитъ на сердцѣ, и я считаю за долгъ говорить тебѣ объ томъ, что мнѣ кажется въ тебѣ недостаткомъ. Впрочемъ, если ты знаешь другое средство заставить себя заниматься языкомъ для самаго языка, тогда, пожалуй, можешь и не писать стиховъ. Но мнѣ всетаки лучшимъ средствомъ кажутся стихи, потому: Кошелевъ, пиши стихи!

„Перейдемъ къ прозѣ, т.-е. къ моимъ занятіямъ. Съ твоего отъѣзда мои занятія состояли въ ничего-недѣланіи. Прожектовъ много, но лѣни еще больше. Не думай однако, чтобъ я не писалъ стиховъ; я ча-

сто ихъ дѣлаю, хотя, разумѣется, никому не показываю. Но мое стихотворство не помѣшаетъ моей дѣятельности. Не знаю, отчего, мнѣ даже некогда и читать то, что хочется, а некогда отъ того вѣроятно, что я ничего не дѣлаю. Правда, я прочелъ комедій 200 послѣ твоего отъѣзда, одну съигралъ, одну перевелъ, но мои прожекты объ Жуковскомъ, объ критикѣ, объ философіи въ Россіи,—до сихъ поръ все еще прожекты. На дняхъ намѣренъ приняться за исполненіе. Между тѣмъ много еще другихъ сочиненій—кандидатовъ, которые просятся въ комплектъ, но которыхъ я до сихъ поръ оставляю при особенныхъ порученіяхъ. А между тѣмъ ты понимаешь, что они другъ другу мѣшаютъ, перебиваютъ другъ у друга мѣста и пр. Но я буду писать, и скоро. Если бы ты зналъ, какъ весело быть писателемъ. Я написалъ одну статью, говоря по совѣсти, довольно плохо, и если бы могъ, уничтожилъ бы ее теперь. Но, не смотря на то, эта одна плохая статья доставила мнѣ минуты неоцѣненныя; кромѣ многаго другаго, скажу только одно: есть въ Москвѣ одна дѣвушка, прекрасная, умная, любезная, которую я не знаю, и которая меня отъ роду не видывала. Тутъ еще нѣтъ ничего особенно пріятнаго, но дѣло въ томъ, что у этой дѣвушки есть альбомъ, куда она пишетъ все, что ей нравится, и, вообрази, подлѣ стиховъ Пушкина, Жуковскаго и пр., списано больше половины моей статьи. Что она нашла въ ней такого трогательнаго, я не знаю; но, не смотря на то, это одно можетъ заставить писать, если бы даже въ самой работѣ и не заключалось лучшей награды.

„Кстати или не кстати: на другой день послѣ твоего отъѣзда былъ у меня А. Н. съ своею поэмою. Я уговорилъ его не печатать ее, не сдѣлавши нѣкоторыхъ поправокъ; а поправки я ему задалъ такія, что надѣюсь, будетъ работы по крайней мѣрѣ еще на годъ. Мнѣ того только и хотѣлось, ибо въ поэмѣ много хорошихъ мѣстъ, но вся она никуда не годится. Чѣмъ больше онъ будетъ поправлять ее, тѣмъ лучше. Я знаю, ты другаго мнѣнія; но если ты хочешь спорить, то я возвращусь опять къ старому припѣву: Кошелевъ, пиши стихи. Между тѣмъ пиши письма. Сдѣлай по моему, пиши рѣдко и много. Отчего бы, напримѣръ, не развивать тебѣ твои мысли объ исторіи въ письмахъ ко мнѣ! Мы будемъ спорить, толковать, и, право, это будетъ намъ обоимъ полезно, а всего полезнѣе для твоего сочиненія, ибо это заставитъ тебя невольно больше и чаще объ немъ думать. Одно условіе: пиши безъ приготовленій, что въ голову придетъ, и въ томъ порядкѣ, какъ придетъ въ голову, иначе мнѣ вѣкъ не дождаться твоего письма. Такая переписка всего лучше познакомитъ насъ съ положеніемъ другъ друга: для насъ теоретическія мысли еще жизнь; наша опытность—опытность ума; покуда мы не будемъ богаче дѣлами, чѣмъ мыслями, до тѣхъ поръ, вмѣсто вопросовъ о здоровьѣ, о житьѣ-бытьѣ и пр., намъ надо спрашивать другъ у друга: какія перемѣны въ вашемъ образѣ мыслей? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ мы скажемъ все. Въ старости будетъ у насъ другая переписка.

„Твоимъ мыслямъ о Cousin я очень радъ. Что ты говоришь объ его лекціяхъ, я то же думалъ объ его fragments philosophiques. Но я еще больше радъ тому, что тебѣ нравится Гердеръ. Не испорченность ума, какъ ты думаешь, но бо̀льшая зрѣлость заставляетъ тебя предпочитать поэтическое сухимъ выкладкамъ. Самъ Шеллингъ – поэтъ тамъ, гдѣ даетъ волю естественному стремленію своего ума. Только необходимость принаравливаться къ ограниченному понятію читателей заставляетъ его иногда быть сухимъ. Но, мнѣ кажется, онъ въ этомъ ошибся: кто не понялъ мысль чувствомъ, тотъ не понялъ ее, точно также какъ и тотъ, кто понялъ ее однимъ чувствомъ. Но для меня непонятно то, что ты говоришь о пламенной любви Гердера ко вселенной. Что такое любовь ко вселенной? Ты что-то не то хотѣлъ сказать.

„Было у меня еще что-то сказать тебѣ, но теперь забылъ. Прощай. Твой Кирѣевскій“.

Въ концѣ 1829 года М. А. Максимовичъ, собираясь издать Альманахъ Денницу на 1830 годъ, убѣдилъ Кирѣевскаго написать для нея Обозрѣніе Русской Словесности за 1829 годъ. И онъ охотно занялся этою второю статьею, написанною имъ для печати, и рѣшился подъ нею, въ первый разъ, подписать свое имя.

Въ Іюлѣ 1829 года Петръ Васильевичъ Кирѣевскій отправился за границу для слушанія лекцій въ Германскихъ университетахъ. Ив. Вас. остался въ Москвѣ; онъ желалъ ѣхать въ чужіе края, прежде чѣмъ приступить къ исполненію своихъ завѣтныхъ предположеній объ изданіи журнала и заведеніи типографіи. Его приковывали къ Москвѣ другія сердечныя заботы. Иванъ Васильевичъ полюбилъ ту, которой впослѣдствіи суждено было сдѣлаться подругой его жизни, и въ Августѣ 1829 года искалъ ея руки; но предложеніе его, по нѣкоторымъ недоразумѣніямъ, не было принято. Со стороны Кирѣевскаго, это не была минутная страсть, скоропреходящее увлеченіе молодости: онъ полюбилъ всею душою, на всю жизнь, и отказъ глубоко потрясъ всю его нравственную и физическую природу. Его, и безъ того слабое, здоровье видимо разстроилось, за него стали бояться чахотки, — и путешествіе было уже предписано медиками, какъ лучшее средство для разсѣянія и поправленія разстроеннаго здоровья. Иванъ Васильевичъ выѣхалъ изъ Москвы въ началѣ Января 1830 г.—и 11-го Января былъ уже въ Петербургѣ.

Письма Кирѣевскаго изъ-за границы.

11 Января 1830. 11 часовъ вечера.

„...Какъ провели вы нынѣшній день? Я встрѣтилъ его тяжело, а кончилъ грустно, слѣдовательно легче; я кончилъ его съ Жуковскимъ, у котораго въ комнатѣ пишу теперь. Хотѣлось бы разсказать вамъ все, что было со мною до сихъ поръ и, лучше сказать, было во мнѣ

но этого такъ много, такъ смѣшано, такъ нестройно. Оставя Москву, я уже оставилъ родину; въ ней все, что въ отечествѣ не могила, и все, что могила; я оставилъ все; на дорогу вы отпустили со мною память о вашихъ слезахъ, которыхъ я причиною. Осушите ихъ, если любите меня; простите мнѣ то горе, которое я доставилъ вамъ; я возвращусь, возвращусь скоро. Это я чувствую, разставшись съ вами. Тогда, можетъ быть, мнѣ удастся твердостью, покорностью судьбѣ и возвышенностью надъ самимъ собою загладить ту слабость, которая заставила меня уѣхать, согнуться подъ ударомъ судьбы".

Половина перваго.

„Я остановился писать, задумался и, очнувшись, уже не въ состояніи продолжать. Прощайте до завтра. Трое сутокъ я почти не спалъ, а сегодня почти ничего не ѣлъ и оттого усталъ очень, хотя здоровъ совершенно. Боюсь только, что завтра не вспомню всего, что говорилъ съ Жуковскимъ. Вы теперь еще не легли, а вы, маменька, еще, можетъ быть, долго не заснете. Чѣмъ заплачу я вамъ?"

12 Января.

„Я пріѣхалъ въ Ибргъ вчера въ два часа. Въ конторѣ дилижансовъ меня ждали уже два письма: одно отъ А. П., другое отъ Жуковскаго.— Первая пріискала для меня квартиру, а Василій Андреевичъ звалъ переѣхать прямо къ нему. Я такъ и сдѣлалъ. Жуковскій обрадовался мнѣ очень и провелъ со мною весь вечеръ, разспрашивалъ обо всѣхъ васъ, радовался моему намѣренію ѣхать учиться и совѣтовалъ ѣхать въ Берлинъ, хотя на мѣсяцъ. „Тамъ на мѣстѣ ты лучше увидишь, что тебѣ дѣлать: оставаться въ Берлинѣ, или ѣхать въ Парижъ". Послѣднее, однако, кажется, ему не нравится. Я послушаюсь его, поѣду въ Берлинъ, проведу тамъ мѣсяцъ, буду ходить на всѣ лекціи, которыя меня будутъ интересовать, познакомлюсь со всѣми учеными и примѣчательными людьми, и если увижу, что Берлинская жизнь полезнѣе для моего образованія, нежели сколько я ожидаю отъ нея, то останусь тамъ и больше... Разговоръ Жуковскаго я въ связи не припомню. Вотъ вамъ нѣкоторыя отрывочныя слова, которыя остались у меня въ памяти; вообще каждое его слово, какъ прежде было, носитъ въ себѣ душу, чувство, поэзію. Я мало съ нимъ разговаривалъ, потому что больше слушалъ, и старался удержать въ памяти все хорошо сказанное, т.-е. все похожее на него; а хорошо сказано и похоже на него было каждое слово.

„При немъ невольно теплѣешь душею, и его присутствіе даетъ самой прозаической головѣ способность понимать поэзію. Каждая мысль его— ландшафтъ съ безконечною перспективою. Вотъ что я запомнилъ изъ его разговора: „Изо всѣхъ насъ твоя мать перемѣнилась меньше всѣхъ. Она все та же, по крайней мѣрѣ такъ кажется изъ ея писемъ. Все, кажется,

она пишетъ одно письмо. — Ты будешь со временемъ писателемъ, когда поучишься хорошенько. Теперь объ этомъ еще и думать рано. У тебя въ слогѣ, сколько я читалъ твои сочиненія, есть свой характеръ; — виденъ человѣкъ мыслящій, но еще молодой, который кладетъ свои мысли на Прокрустову постель. Но со временемъ это качество можетъ быть полезно, ибо это доказываетъ привычку думать. Теперь тебѣ надо наблюдать просто, безкорыстно. Теоріи только вредны, когда мало фактовъ. Замѣчай самъ все, и не старайся подвести подъ систему твои наблюденія; бойся вытянуть карлу и обрубить ноги великану. Впрочемъ, слогъ твой мнѣ нравится. Знаешь ли, у кого ты выучился писать? у твоей матери. Я не знаю никого, кто бы писалъ лучше ея. Ея письма совсѣмъ она. Она, М. А. и А. А.—вотъ три. А. А. писала прекрасно, il y avait du génie dans son style". Тутъ пріѣхалъ Г. П. Опухтинъ, и я ушелъ въ ту комнату, которую Жуковскій отвелъ для меня. Мнѣ бы хотѣлось описать вамъ эту комнату, потому что она произвела на меня сильное впечатлѣніе своими картинами. Горница почти квадратная. Съ одной стороны два окна и зеркало, передъ которымъ бюстъ покойной Прусской королевы, прекрасное лицо и хорошо сдѣлано. Она представлена сонною. На другой стѣнѣ картины Фридрихса. По серединѣ большая: ночь, луна и подъ нею сова. По полету видно, что она видитъ; въ расположеніи всей картины видна душа поэта. Съ обѣихъ сторонъ совы виситъ по двѣ маленькихъ четвероугольныхъ картинки. Одна подарокъ Александра Тургенева, который самъ заказалъ ее Фридрихсу. Даль, небо, луна,—впереди рѣшетка, на которую облокотились трое: два Тургенева и Жуковскій. Такъ объяснилъ мнѣ самъ Жуковскій. Одного изъ этихъ мы вмѣстѣ похоронили, сказалъ онъ. Вторая картинка: ночь, море и на берегу обломки трехъ якорей. Третья картина: вечеръ, солнце только что зашло и западъ еще золотой; остальное небо, нѣжно-лазуревое, сливается съ горою такого же цвѣта. Впереди густая высокая трава, по срединѣ которой лежитъ могильный камень. Женщина въ черномъ платьѣ, въ покрывалѣ, подходитъ къ нему и, кажется, боится, чтобы кто-нибудь не видалъ ее. Эта картина понравилась мнѣ больше другихъ. Четвертая, къ ней, это могила Жидовская. Огромный камень лежитъ на трехъ другихъ меньшихъ. Никого нигдѣ нѣтъ. Все пусто и кажется холодно. Зеленая трава наклоняется кой-гдѣ отъ вѣтра. Небо сѣро и испещрено облаками; солнце уже сѣло и кой гдѣ на облакахъ еще не погасли послѣдніе отблески его лучей. Этимъ наполнена вторая стѣна противъ двери. На третьей стѣнѣ четыре картины, также Фридрихсовой работы. На одной, кажется, осень, внизу зеленая трава, на верху голыя вѣтви деревьевъ, надгробный памятникъ, крестъ, бесѣдка и утесъ. Все темно и дико. Вообще природа Фридрихсова какая-то мрачная и всегда одна. Это островъ Рюгенъ, на которомъ онъ жилъ долго. Другая картина—полуразвалившаяся каменная стѣна; на верху, сквозь узкое отверстіе, выходитъ луна.

Внизу, сквозь вороты, чуть виденъ ландшафтъ: деревья, небо, гора и зелень. Третья картина: огромная чугунная рѣшетка и двери, растворенныя на кладбище, которое обросло густою, непроходимою травою. Четвертая картина: развалины, образующія сводъ по серединѣ колонны, подлѣ которой стоитъ, облокотившись, женщина. Она обернулась задомъ, но видно, по ея положенію, что она уже давно тутъ, давно задумалась, засмотрѣлась ли на что-нибудь, или ждетъ, или такъ задумалась—все это мѣшается въ головѣ и даетъ этой картинѣ необыкновенную прелесть. Между дверью и окномъ Мадонна съ Рафаэлевой,—чей-то подарокъ. Двѣ стѣны комнаты занимаетъ угловой диванъ, подлѣ котораго большой круглый столъ—подарокъ Прусскаго принца. Онъ самъ разрисовалъ его. Когда Опухтинъ уѣхалъ, я опять пришелъ къ Ж. Ему принесли Сѣверную Пчелу и разговоръ сдѣлался литературный. Про Булгарина онъ говоритъ, что у него есть что-то похожее на слогъ и однако нѣтъ слога; есть что-то похожее и на талантъ, хотя нѣтъ таланта; есть что-то похожее на свѣдѣнія, но свѣдѣній нѣтъ; однимъ словомъ, это-какой то восковой человѣкъ, на котораго разныя обстоятельства жизни положили нѣсколько разныхъ печатей, разныхъ гербовъ, и онъ носится съ ними, не имѣя ничего своего.

„Выжигинъ ему крѣпко не нравится, также и Самозванецъ; онъ говорилъ это самому Булгарину, который за то на него сердится. Юрій Милославскій ему понравился очень. Я показывалъ ему дѣтскій журналъ и сочиненія. Онъ прочелъ все, съ большимъ удовольствіемъ, смѣялся и особенно радовался повѣстью, которую хвалилъ на каждомъ почти словѣ. Разспрашивалъ объ нашемъ житьѣ-бытьѣ, взялъ мою статью на ночь и улегся спать. На другой день говорилъ, что она ему не понравилась. Опять Прокрустова постель, говоритъ онъ. Гдѣ нашелъ ты литературу? Какая къ чорту въ ней жизнь? Что у насъ своего? Ты говоришь объ насъ, какъ можно говорить только объ Нѣмцахъ, Французахъ и проч. Душегрѣйка ему не понравилась, о Баратынскомъ также; однимъ словомъ, онъ почти ничего не похвалилъ. Говоритъ, однакоже, что эта статья также хорошо написана, какъ и первая, и со временемъ изъ меня будетъ прокъ, только надобно бросить Прокрустову постель.

„... Потомъ я отправился къ Титову и Кошелеву. Обѣдали мы вмѣстѣ съ Жуковскимъ, который остался дома нарочно для меня; разспрашивалъ про Долбино, про Мишенское. Всѣ дома, говоритъ онъ, всѣ слѣды прежняго уже не существуютъ. Въ Москвѣ я не зналъ ни одного дома: они сгорѣли, перестроены, уничтожены; въ Мишенскомъ также, въ Муратовѣ также. И это, казалось ему, было отмѣнно грустно. Послѣ обѣда онъ легъ спать въ моей комнатѣ; я также. Въ вечеру онъ отправился въ Эрмитажъ, а ко мнѣ пришелъ Кошелевъ и увелъ меня къ Одоевскому, гдѣ ждалъ Титовъ. Кошелевъ и Титовъ оба зовутъ меня переѣхать къ нимъ; но кажется, что я не стѣсняю Ж.—Здѣсь я оста-

нусь до слѣдующей середы, до 22-го Января. Въ своихъ я нашелъ здѣсь еще больше дружбы и теплоты, нежели сколько ожидалъ. Говоря свои, я разумѣю Титова и Кошелева. Вчерашній вечеръ у Одоевскихъ была совсѣмъ Москва.

„Я былъ вчера въ Казанскомъ соборѣ и слушалъ Евангеліе, загадавши, но не разслушалъ ни одного слова, кромѣ послѣдняго: „И возвратится въ домъ свой“.

„Прощайте, пора на почту“.

Отъ 14-го Января.

„... Оттуда я пошелъ осматривать Петербургскія улицы и зашелъ въ лавку къ Смирдину. Вертеръ, который у него былъ, уже весь проданъ *). Онъ проситъ прислать ему экземпляровъ 20 на коммиссію. Полеваго Исторіи у него разошлось около 200 экз., т. е. почти всѣ, на которые онъ подписался. Юрій Милославскій былъ разхваченъ въ одну минуту, и теперь его въ Петербургѣ нельзя найдти до новаго полученія изъ Москвы. Видѣлъ тамъ Денницу, и ея изданіе мнѣ очень понравилось. Скажите это Максимовичу, которому кланяются всѣ здѣшніе и я включительно. Выйдя изъ лавки Смирдина, я озябъ порядочно и отправился обѣдать къ Демуту, оттуда къ Титову, тамъ домой. Въ вечеру явились Тит. и Одоевск., съ которыми мы просидѣли до часу ночи. Жуковскій, который сидѣлъ вмѣстѣ съ нами, былъ очень милъ, веселъ, любезенъ,—не смотря на то, что его глаза почти слипались, какъ говоритъ Вася, ибо онъ обыкновенно ложится въ 10 часовъ. Онъ разсказывалъ много интереснаго про свое путешествіе, про Жанъ-Поля, говорилъ объ Исторіи Полеваго, объ Юріи Милославскомъ и пр., словомъ выискивалъ разговоръ общезанимательный. Я еще не описалъ вамъ его образа жизни, потому что не хорошо знаю его и не успѣлъ распросить всего подробно. Я выѣзжаю отсюда ровно черезъ недѣлю, потому отвѣтъ на это пишите ко мнѣ въ Берлинъ, poste-restante“.

Отъ 15 Января.

„... Я всякій день вижусь съ своими Петербургцами: съ Титовымъ, Кошелевымъ, Одоевскимъ и Мальцевымъ. Пушкинъ былъ у насъ вчера и сдѣлалъ мнѣ три короба комплиментовъ объ моей статьѣ. Жуковскій читалъ ему дѣтскій журналъ, и Пушкинъ смѣялся на каждомъ словѣ,—и все ему понравилось. Онъ удивлялся, ахалъ и прыгалъ; просилъ Жуковскаго „Зиму“ напечатать въ Литературной газетѣ, но Ж. не далъ. На Литературную газету подпишитесь непремѣнно, милый другъ папенька; это будетъ газета достоинства Европейскаго; большая часть статей въ ней будетъ писана Пушкинымъ, который открылъ средство

---

*) Переводъ Н. М. Рожалина, изданный Елагинымъ.

въ критикѣ, въ простомъ извѣщеніи объ книгѣ, быть такимъ же необыкновеннымъ, такимъ же поэтомъ, какъ въ стихахъ. Въ его извѣщеніи объ исповѣди Амстердамскаго палача вы найдете, какъ говоритъ Жуковскій, и умъ, и приличіе, и поэзію вмѣстѣ.

„... Жуковскаго опять нѣтъ дома, у него почти нѣтъ свободной минуты; оттого немудрено ему лѣниться писать. Вчера однако мы видѣлись съ нимъ на минуту поутру и вмѣстѣ провели вечеръ съ Пушкинымъ“.

17 Января.

„... Дни мои проходятъ все однимъ манеромъ. Поутру я встаю поздно часовъ, въ 11, пишу къ вамъ, потомъ одѣваюсь, кто нибудь является ко мнѣ, или я отправляюсь куда нибудь; потомъ обѣдаю по большей части въ трактирѣ,— послѣ обѣда я сплю, или гуляю: въ вечеру, если дома, то съ Жуковскимъ, а если не дома, то съ Петербургскими Московцами; потомъ ѣду къ вамъ въ Москву, т.-е. ложусь спать: въ эти два часа, которые проходятъ между раздѣваньемъ и сномъ, я не выхожу изъ-за Московской заставы. Вчера Жуковскій сдѣлалъ вечеръ, какъ я уже писалъ къ вамъ; были всѣ, кого онъ хотѣлъ звать выключая Гнѣдича, мѣсто котораго заступилъ Василій Перовскій, и, слѣдовательно, число 12 не разстроилось. Жуковскій боялся тринадцати, говоря, что онъ не хочетъ, чтобы на моемъ прощальномъ вечерѣ было несчастное число. Чтобы дать вамъ понятіе о Крыловѣ, лучше всего повторить то, что говоритъ объ немъ Жуковскій, т.-е. что это славная виньетка для его басень: толстый, пузатый, сѣдой, чернобровый, кругломордый, старинный, въ каждомъ движеніи больше смѣшной, чѣмъ острый.—Пришелъ Мальцевъ. Прощайте до завтра“.

20 Января.

„Неужели вы не получаете моихъ писемъ, тогда какъ я писалъ каждый день, три раза во время дороги и здѣсь уже разъ 12? Не носятъ ли писемъ моихъ кому другому? Нѣтъ ли другой Елагиной у Красныхъ воротъ? Если вы теперь получили мои письма, то вы видѣли изъ нихъ, что вчера я еще разъ осматривалъ Эрмитажъ. Я употребилъ на это три часа; стоялъ передъ нѣкоторыми картинами болѣе $^1/_4$ часа и потому все еще не видалъ большей половины какъ должно. Оттуда я отправился къ Dubois, (это родъ Andrieux), гдѣ меня ждали Титовъ и Кошелевъ; оттуда къ Одоевскому, потомъ домой, гдѣ проспорилъ съ Васильемъ Андреевичемъ до 1-го о Фламандской школѣ, и, кажется, опять оставилъ о себѣ такое же мнѣніе, какое онъ имѣлъ обо мнѣ послѣ перваго нашего свиданія въ 26 году. Но я не раскаиваюсь; когда нибудь мы узнаемъ другъ друга лучше. Онъ читалъ мнѣ нѣкоторые стихи свои давнишніе, но мнѣ неизвѣстные: къ фрейлинамъ, къ Нарышкину, на заданныя риѳмы и проч. Cette pro-

fanation du génie m'a choqué. Теперь онъ не пишетъ ничего, и тѣмъ лучше. Поэтическое дѣло важнѣе поэтическихъ стиховъ. Но окончивши, ему опять хочется возвратиться къ поэзіи и посвятить остальную жизнь Греческому и переводу Одиссеи.

„Если бы я могъ высказать вамъ всю дружбу, которую мнѣ показываютъ здѣсь всѣ наши, то вѣрно доставилъ бы вамъ этимъ большое удовольствіе; — особенно Кошелевъ, который обходится со мною такъ, какъ только дѣлается между родными братьями. Жуковскій надавалъ мнѣ кучу рекомендательныхъ писемъ въ Берлинъ и Парижъ; кромѣ того подарилъ мнѣ свою дорожную чернилицу и ящикъ съ складными перьями. Онъ читалъ письма Петрушины и говоритъ объ нихъ съ большимъ чувствомъ. Въ самомъ дѣлѣ письма брата такъ хороши, что по нимъ можно узнать его. Жуковскій обѣщается писать къ вамъ послѣ моего отъѣзда, и я увѣренъ, что сдержитъ слово. Напишите мнѣ въ Берлинъ все, что онъ скажетъ обо мнѣ. По многимъ причинамъ мнѣ это будетъ отмѣнно интересно. Если можно, пишите обо всемъ, что для меня можетъ быть интересно и что мнѣ весело будетъ узнать и что нѣтъ,—только бы я зналъ“.

Письмо В. А. Жуковскаго.

Середа 21 Января, Спб. 1830.

„. . . . Нынче въ 10 часовъ отправился нашъ милый странникъ въ путь свой, здоровый и даже веселый. Мы съ нимъ простились у самаго дилижанса, до котораго я его проводилъ. Ему будетъ хорошо ѣхать. Повозка теплая, просторная; онъ не одинъ; хлопотъ не будетъ никакихъ до самаго Берлина. Дорога теперь хороша, и ѣзда будетъ скорая. Въ Берлинѣ ему будетъ, надѣюсь, пріятно. Я снабдилъ его письмами въ Ригу, Берлинъ и Парижъ. Въ Ригѣ одинъ мой добрый пріятель поможетъ ему уладить свои экономическія дѣла, то есть размѣнять деньги выгоднѣйшимъ образомъ. Въ Берлинѣ мое письмо познакомитъ его прозаически съ нашимъ посломъ, который дастъ ему рекомендательныя письма далѣе, и поэтически съ Гуфландомъ, который потѣшитъ душу его своею душою. Въ Парижѣ онъ найдетъ Тургенева, котораго я просилъ присосѣдить его къ себѣ, и быть ему руководцемъ на Парижскомъ паркетѣ. Для меня онъ былъ минутнымъ милымъ явленіемъ, представителемъ яснаго и печальнаго, но въ обоихъ образахъ драгоцѣннаго прошедшаго, и веселымъ образомъ будущаго, ибо, судя по немъ и по издателямъ нашего домашняго журнала (особливо по знаменитому автору заговора Катилины) и еще по Мюнхенскому нашему медвѣженку, въ вашей семьѣ заключается цѣлая династія хорошихъ писателей — пустите ихъ всѣхъ по этой дорогѣ! Дойдутъ къ добру. Ваня—самое чистое, доброе, умное и даже философи-

ческое твореніе. Его узнать покороче весело. Вы напрасно такъ трусили его житья-бытья въ Петербургѣ: онъ не дрожалъ отъ холода, не терпѣлъ голода въ трактирѣ; онъ просто жилъ у меня подъ роднымъ кровомъ, гдѣ бы и вамъ было мѣсто, если бы вы его проводить вздумали, и напрасно не вздумали. Къ несчастію, по своимъ занятіямъ, я не могъ быть съ нимъ такъ много, какъ бы желалъ, но все мы пожили вмѣстѣ. Я познакомилъ его съ нашими отборными авторами; показывалъ ему Эрмитажъ. Болѣе вмѣстѣ нигдѣ быть не удалось. Но Петербургъ отъ него не убѣжитъ: черезъ 2 года вы пріѣдете его встрѣтить здѣсь, и вмѣстѣ съ нимъ и со мною все осмотрите. Удивляюсь, что вы не получали писемъ отъ него. Онъ писалъ ихъ нѣсколько разъ съ дороги и почти всякій день изъ Петербурга. Я не писалъ отъ того, что онъ писалъ. Теперь пишу объ немъ, чтобы вы были совершенно спокойны на его счетъ: здоровъ и веселъ. До извѣстной вамъ раны я не прикасался, дорога затянетъ ее. . .“.

Письма И. В. Кирѣевскаго.

27 Января, Воскресенье, Рига.

„Вотъ онъ *я*, въ Ригѣ. Вчера въ вечеру пріѣхалъ и вчера же отправился съ письмомъ отъ Жук. къ прокурору Петерсону, которымъ studiosus Петерсонъ стращалъ станціонныхъ смотрителей. Этотъ прокуроръ Петерсонъ принялъ меня какъ роднаго, какъ друга. Но въ будущемъ письмѣ я опишу это подробно. Сегодня цѣлый день провелъ я въ расхаживаньи, въ разъѣздѣ по городу, котораго достопримѣчательности показывалъ мнѣ этотъ милый толстый прокуроръ. Сейчасъ изъ Муссы, гдѣ видѣлъ Нѣмцевъ, которые еще Vorschmack тѣхъ Нѣмцевъ къ которымъ ѣду. Въ Дерптѣ я не былъ у бабушки, потому что проѣзжалъ черезъ Дерптъ въ 2 часа ночи; но видѣлъ ихъ домъ и отсюда пошлю ваше письмо, вмѣстѣ съ своимъ и съ вашимъ образомъ. Прощайте, уже 1 часъ, а завтра мнѣ надо вставать въ 6, мѣнять деньги, пить кофе у Петерсона и перемѣнить паспортъ, который оказался недѣйствительнымъ, ибо по новому постановленію онъ живетъ только три недѣли. Найду ли я на почтѣ письмо отъ васъ? Я оставлю здѣсь у Петерсона подробное описаніе моего отъѣзда изъ Петербурга сюда до послѣдняго часа отсюда въ Кенигсбергъ. Петерсонъ отправитъ это на слѣдующей почтѣ“.

27 Января.

„Я ошибся вчера числомъ и вмѣсто 26 поставилъ 27. Сегодня, т.-е. въ Понедѣльникъ, я послѣдній день въ Ригѣ и завтра вмѣстѣ съ свѣтомъ выѣзжаю въ Кенигсбергъ, куда нанялъ извощика за 40 руб. сер. Это очень дешево по мнѣнію цѣлой Риги, потому что я познако-

мился почти съ цѣлой Ригой у милаго, почтеннаго, толстаго, добраго Петерсона, который совершенно плѣнилъ меня своею добротою, добродушіемъ, готовностію къ добру и умѣньемъ его дѣлать. Весело видѣть человѣка, котораго почти каждая минута посвящена пользѣ и добру. Онъ пользуется здѣсь всеобщимъ уваженіемъ и заслуживаетъ его болѣе, чѣмъ кто другой. Das Rechte—вотъ его цѣль, его любовь, его божество. Въ два или три дня, которые я пробылъ здѣсь, я успѣлъ уже узнать его такъ хорошо, что готовъ отвѣчать головою за каждый его поступокъ. Право, онъ успѣлъ уже сдѣлать столько хорошаго, показать столько доброты, сколько у другаго частнаго человѣка растянется на всю жизнь. Въ исполненіи своей должности онъ отличается какимъ-то рыцарствомъ законности, независимостію отъ постороннихъ толковъ и частныхъ волей (какъ вы говорите), самостоятельностію характера, твердостію, прямотою, и необыкновеннымъ знаніемъ дѣла и людей. Вотъ общая молва объ немъ всего города. Комната его съ утра до вечера набита людьми, изъ которыхъ одни приходятъ просить у него совѣта, другіе помощи, третьи услуги, четвертые приходятъ толковать о городскихъ новостяхъ, пятые ничего не дѣлать, и для всѣхъ для нихъ достанетъ у него времени, охоты и веселости. Теперь особенно домъ его набитъ народомъ, потому что все почетное дворянство Остзейскихъ провинцій съѣхалось сюда провожать маркиза Паулучи, который черезъ недѣлю ѣдетъ въ Италію, оставляя свое мѣсто графу Палену. Со мной Петерсонъ обошелся такъ, какъ обходятся съ 20-лѣтнимъ другомъ. Но я разскажу вамъ все подробно: изъ Петербурга выѣхалъ я 22-го. Жуковскій, Мальцевъ, Титовъ и Кошелевъ провожали меня въ контору дилижансовъ. Всѣ провожавшіе меня обѣщались въ тотъ же день писать къ вамъ. Напишите, кто сдержитъ слово. Дорога была довольно безпокойна, потому что дилижансы изъ Петербурга въ Ригу устроены скверно. Черезъ Дерптъ я проѣхалъ въ 2 часа ночи и не видалъ никого и ничего. Но только дышать Дерптскимъ воздухомъ и знать, что здѣсь университетъ, здѣсь Ласточка и проч.—все это такъ живо напоминаетъ нашего Петерсона и Языкова, что мнѣ было въ Дерптѣ и весело и скучно. Въ Ригу я пріѣхалъ 25-го въ 12 часовъ, остановился въ трактирѣ Петербургъ, напился кофе, выбрился, разложился; между тѣмъ пришло время обѣда, послѣ котораго я улегся спать и въ осьмомъ часу отправился къ прокурору Петерсону. У него я засталъ большое общество и музыку. Онъ самъ маленькій, толстый, плѣшивый, въ тепломъ пестромъ халатѣ, сидитъ важно посреди комнаты въ большихъ креслахъ, которыя едва вмѣщаютъ его персону. Когда я отдалъ ему письмо отъ Жуковскаго и назвалъ свое имя, онъ вскочилъ, бросился обнимать меня и пришелъ въ совершенный восторгъ. Когда первый порывъ его кончился, прерванная музыка доигралась, то онъ повелъ меня въ другую комнату, прочелъ письмо Жуковскаго, говорилъ много объ немъ въ Дерптѣ, съ большимъ чувствомъ,

съ большою душою, и разстроганный разговоромъ и воспоминаніемъ, досталъ кошелекъ, который подарила ему A. A. W. при прощаніи, и поцѣловалъ его со слезами, говоря, что это лучшее сокровище, которое онъ имѣетъ. На другой день этотъ кошелекъ отдавалъ мнѣ на память.—Нужно ли еще разсказывать вамъ, какъ онъ обходился со мною? Интереснаго я въ Ригѣ видѣлъ: 1) Die Domkirche, гдѣ недавно отвалился камень и открылся замуравленный человѣкъ: это былъ рыцарь, заколовшій епископа въ этой же церкви. Вотъ повѣсть для Погодина. Церковь сама стара только снаружи, внутри все перекрашено, выбѣлено и—чисто. 2) Домъ Шварцгейптеровъ, das Schwarzhäupterhaus, котораго зала превращена въ новую, но изъ подъ новаго можно отгадать и весело отгадывать бывшее старое. Я многое осматривалъ еще, но интереснаго, кромѣ этого, не видалъ; былъ однако въ Муссѣ, смотрѣлъ водопроводъ и безпрестанно гляжу на памятникъ 12-го года, который стоитъ передъ моими окнами. Это такая же холодная металлическая слава, какая стоитъ у насъ на Красныхъ воротахъ, только вмѣсто Красныхъ воротъ узенькая колонна, вмѣсто Москвы Рига, вмѣсто—и проч. Забылъ еще интересное: постыдный столпъ, къ которому привязывали преступниковъ.—Довольны ли вы моею аккуратностію? Чего я не разсказалъ, то вы можете легко отгадать. Отъ васъ же писемъ здѣсь нѣтъ и Богъ знаетъ будутъ ли?"

11/23 Февраля. Берлинъ.

„Сегодня рожденіе брата. Какъ-то проведете вы этотъ день? Какъ грустно должно быть ему! Этотъ день долженъ быть для всѣхъ насъ святымъ: онъ далъ нашей семьѣ лучшее сокровище. Понимать его возвышаетъ душу. Каждый поступокъ его, каждое слово въ его письмахъ обнаруживаютъ не твердость, не глубокость души, не возвышенность, не любовь, а прямо величіе. И этого человѣка мы называемъ братомъ и сыномъ!

„Вчера получилъ я ваши письма, ваши милыя, святыя письма. Чувство, которое они дали мнѣ, я не могу ни назвать, ни описать. На каждое слово ваше я отвѣчалъ вамъ слезою, а на большую часть у васъ недостаетъ словъ. Не удивляйтесь этому: съ нѣкотораго времени я выучился плакать. Однако не толкуйте этого дурно; напротивъ, вообще я сталъ покойнѣе, яснѣе, свѣжѣе, чѣмъ въ Москвѣ.—За чѣмъ спрашиваете вы, борюсь ли я самъ съ собою? Вы знаете, что у меня довольно твердости, чтобы не пережевывать двадцать разъ одного и того же. Нѣтъ, я давно уже пересталъ бороться съ собою. Я покоенъ, твердъ и не шатаюсь изъ стороны въ сторону, иду вѣрнымъ шагомъ по одной дорогѣ, которая ведетъ прямо къ избранной цѣли. Мысли, въ несбытности которыхъ я разъ убѣдился, для меня умерли, безъ воскресенія. Слѣдъ, который онѣ оставили въ душѣ, не ослабляетъ ее,

но укрѣпляетъ. Не знаю, поймете ли вы меня, но крайней мѣрѣ вѣрьте, что это такъ. Мои намѣренія, планы, мечты получили какую-то осѣдлость. Я сталъ такъ дѣятеленъ, какъ не былъ никогда. На жизнь и на каждую ея минуту я смотрю какъ на чужую собственность, которая повѣрена мнѣ на честное слово, и которую слѣдовательно я не могу бросить на вѣтеръ. Иногда мнѣ кажется, что такое состояніе души и его причина есть особенное благодѣяніе моего Ангела Хранителя, въ котораго я вѣрю. Я не рожденъ былъ къ нему. Но можетъ быть оно спасетъ меня отъ ничтожества и сдѣлаетъ достойнымъ братомъ моего брата, возвышеннаго, сильнаго. Если бы можно было пережить снова, то я опять дѣйствовалъ бы такъ же, какъ прежде; но теперь если бы все перемѣнилось, я уже не возвратился бы назадъ, а остался бы вѣренъ теперь избранной дорогѣ.

Въ Берлинъ пріѣхалъ я третьяго дня къ вечеру и едва, едва могъ отыскать комнату въ трактирѣ: такъ весь городъ набитъ проѣзжими, которые отправляются на Франкфуртскую ярмарку. Завтра надѣюсь переѣхать на особенную квартиру, которую отыскалъ мнѣ молодой Петерсонъ, сынъ Рижскаго прокурора, получившій въ наслѣдство отъ отца все его добродушіе и обязательность. Онъ покуда единственный человѣкъ, съ которымъ я познакомился въ Берлинѣ. Надѣюсь однако, что не оставлю ни одного примѣчательнаго человѣка, которыхъ здѣсь какъ въ морѣ песку, съ которымъ бы, по крайней мѣрѣ, я не попробовалъ познакомиться. Въ Кенигсбергѣ я провелъ вечеръ у профессора Штруве, филолога и брата Дерптскаго. Я имѣлъ къ нему письмо отъ стараго Петерсона и узналъ въ немъ человѣка отмѣнно любопытнаго, умнаго, ученаго, проницательнаго и теплаго. Черезъ полчаса мы уже были съ нимъ, какъ старые знакомые, и разстались почти какъ друзья. Все, что онъ сказалъ мнѣ интереснаго, я напишу въ письмѣ къ Баратынскому, вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ моего путешествія. Если всѣ Нѣмецкіе ученые такъ доступны, какъ Штруве, то я возвращусь въ Россію не съ одной расходной книжкой. Послѣдняя, впрочемъ, не велика до сихъ поръ и могла бы быть вдвое меньше, еслибы я зналъ напередъ, гдѣ и что должно платить. Но опытность моя не должна пропасть понапрасну. Скажите Погодину, что я пришлю ему подробную роспись всѣхъ издержекъ, сдѣланныхъ мною, вмѣстѣ съ совѣтами и примѣчаніями. Но все это, вмѣстѣ съ письмомъ къ Баратынскому и съ вторымъ Берлинскимъ письмомъ къ вамъ, я пришлю черезъ мѣсяцъ, а можетъ быть и меньше. А вы, ради Бога, пишите ко мнѣ два раза въ мѣсяцъ, и если можно еще больше, еще подробнѣе. Говорите меньше обо мнѣ и больше объ васъ: это тотъ же я, только лучше, больше интересный для худшаго. Голубушка, милая сестра! исполни свое обѣщаніе, пиши всякій день и больше. Сегодня я видѣлъ тебя во снѣ такъ живо, такъ грустно, какъ будто въ самомъ дѣлѣ. Мнѣ казалось, что вы опять собираете меня въ дорогу, а Маша

сидитъ со мною въ залѣ подлѣ окна и держитъ мою руку и уставила свои глазки на меня, изъ которыхъ начинаютъ выкатываться слезки. Мнѣ опять стало такъ же жаль ее, какъ въ день отъѣзда, и все утро я сегодня плакалъ, какъ ребенокъ. Умѣлъ однако спрятать слезы, когда пришелъ Юлій Петерсонъ. Вообще не бойтесь моей излишней довѣрчивости. Что для меня свято, тѣмъ помыкаться я не могу, еслибы и хотѣлъ; либо полное участіе, либо никакого, было моимъ всегдашнимъ правиломъ, и я тѣмъ только дѣлюсь съ другими, что они могутъ вполнѣ раздѣлить со мною".

13 Февраля.
25 Февраля.

Я былъ два раза на лекціи у Риттера. Онъ читаетъ географію, и покуда я останусь въ Берлинѣ, не пропущу ни одной его лекціи, несмотря на то, что онъ читаетъ въ одинъ часъ съ Hegel'емъ. Одинъ часъ передъ его каѳедрой полезнѣе цѣлаго года одинокаго чтенія. Каждое слово его было для меня новостью, ни одна мысль не пахнетъ общимъ мѣстомъ. Все обыкновенное, проходя черезъ кубикъ его огромныхъ свѣдѣній, принимаетъ характеръ геніальнаго, всеобъемлющаго. Все факты, все частности, но въ такомъ порядкѣ, въ такой связи, что каждая частность кажется общею мыслію. Даже въ отдѣльности почти каждая частность была для меня новостью. Присоедините къ этому даръ слова отмѣнно пріятный, спокойный и немножко поэтическій, и вы поймете, почему я предпочитаю его Hegel'ю, котораго впрочемъ я еще не слыхалъ. Кромѣ Риттера, я буду еще слушать Раумера, профессора новѣйшей исторіи, Stuhr, также профессора исторіи 18-го столѣтія, и, можетъ быть, нѣкоторыхъ другихъ, о которыхъ отдамъ отчетъ слышавши ихъ. Каждую лекцію я буду записывать и присылать вамъ экстракты всего интереснаго; это будетъ для Петерсона и для тѣхъ, кому онъ захочетъ показать. Я былъ также на лекціи Риттера, когда онъ читалъ географію Палестины, но только для того, чтобы увидѣть и удивляться его манерѣ. Но такъ какъ эти подробности меня не очень интересуютъ, то я ограничусь одною всеобщею географіею. Комнату я нанялъ особенную, хорошенькую, чистую, меблированную, съ постелью, полотенцами для умыванья и пр., пр., пр., и плачу въ мѣсяцъ 6 талеровъ, т.-е. около 22 руб. Не познакомился я еще ни съ кѣмъ, кромѣ здѣшнихъ Русскихъ студентовъ, изъ которыхъ большая часть взята изъ семинаріи и воротится въ Россію такими же неумытыми, какими пріѣхали сюда. Завтра отправлюсь къ Радовицу, къ которому Жуковскій далъ мнѣ письмо, оттуда къ Барону Мальтицу, оттуда къ Посланнику, оттуда къ Гуфланду. Обо всемъ напишу вамъ подробно въ слѣдующемъ письмѣ, за которое готовьтесь платить рублей 20, потому что это будетъ не письмо, а тетрадь. Письма къ вамъ мой журналъ. Не смотря на то, или именно потому, не ждите найдти

въ нихъ многаго обо мнѣ самомъ. Я теперь то, что внѣ меня; то, что я вижу, то, что я слышу — плюсъ нѣсколько мыслей объ Москвѣ, одинакихъ, неизмѣнныхъ, какъ Господи помилуй. Одна только перемѣна можетъ быть и бываетъ въ этихъ мысляхъ: большее или меньшее безпокойство объ васъ. Вотъ почему прошу васъ всѣмъ сердцемъ, пишите ко мнѣ больше и чаще. . . . . Уѣзжая я думалъ, что меня будутъ интересовать подробности объ моей статьѣ; вообразите, что это было самое не интересное мѣсто въ вашемъ письмѣ, если что нибудь можетъ быть не интересно въ вашемъ письмѣ. Это письмо, я думаю, вы получите 1-го марта. Поздравляю всѣхъ васъ и обнимаю крѣпко, крѣпко. Прощайте до черезъ мѣсяцъ. Въ Берлинѣ я останусь до 1-го Апрѣля, т.-е до конца лекцій".

20 Февраля.
4 Марта.

„Вы, конечно, не позабыли, что обѣщали мнѣ писать черезъ 2 недѣли послѣ 27 Января; а вотъ уже 4-е Марта, т.-е. 20-е Февраля, а отъ васъ еще нѣтъ ни слова. Вы также вѣрно помните, что послѣднее письмо ваше было для меня не совсѣмъ понятно, потому что многое въ немъ было продолженіемъ того, что вы писали ко мнѣ въ Ригу и что, слѣдовательно, до меня не дошло. Къ тому же корь, шпанская муха, ваше безпокойство, нездоровье, безсонныя ночи, требовали бы отъ васъ скорѣйшаго извѣстія. Я пишу къ вамъ это для будущаго, потому что надѣюсь отъ васъ получить прежде, чѣмъ вы получите это письмо. Къ брату писалъ почти тотчасъ по пріѣздѣ и безпрестанно жду отвѣта. Я звалъ его на будущій семестръ въ Берлинъ, надѣясь, что здѣшній университетъ будетъ для него полезнѣе Мюнхенскаго. Но теперь вижу, что ошибся. Историческія лекціи здѣсь не стоятъ ни гроша, не потому чтобы профессора не были люди ученые, и особенно въ своей части, но потому, что они читаютъ отмѣнно дурно. Штуръ читаетъ исторію 18-го вѣка по тетрадкѣ, написанной весьма посредственно, съ большими претензіями на краснорѣчіе, слѣдовательно дурно. Раумеръ, славный ученый Раумеръ, всю лекцію наполняетъ чтеніемъ реляцій и другихъ выписокъ изъ публичныхъ листовъ. Эти реляціи и выписки по большей части на Французскомъ языкѣ; вообразите же, какъ пріятно передаютъ ихъ Нѣмецкія уста! Нѣмецкія остроты ихъ еще пріятнѣе. Особенно острятся Штуръ и Раумеръ. Когда удается имъ сказать что нибудь соленое, т. е. соленое на Нѣмецкій вкусъ, то они такъ обрадуются этой находкѣ, что жуютъ и пережевываютъ свою соль до тѣхъ поръ, пока она совершенно распустится, а между тѣмъ вся аудиторія громко хохочетъ. Вообще исторія здѣсь не въ большомъ уваженіи, и тогда какъ въ Университетѣ больше 2,000 студентовъ, у профессоровъ исторіи ихъ бываетъ отъ 40 до 50 человѣкъ. У Раумера на предпослѣдней лекціи было 37, вмѣстѣ съ нимъ и со мною.—Теоло-

говъ здѣсь больше другихъ, и говорятъ, что этотъ факультетъ здѣсь въ цвѣтущемъ состояніи. Въ особенности блеститъ Берлинскій университетъ своимъ юридическимъ факультетомъ. Здѣсь Савиньи, Гансъ, Кленцъ и другіе пріобрѣли извѣстность Европейскую еще больше своими лекціями, нежели книгами. Ганса я слушалъ нѣсколько разъ; это ученикъ Гегеля и читаетъ естественное право, народное положительное право и Прусское гражданское. Онъ отмѣнно краснорѣчивъ, уменъ и милъ на каѳедрѣ, не смотря на то, что онъ крещенный Жидъ. Но этотъ Жидъ провелъ многіе года во Франціи, въ Парижѣ, и это отзывается въ каждомъ его словѣ: приличностію, блескомъ изложенія и неосновательностію свѣдѣній. Въ его лекціяхъ рѣдко можно услышать новый фактъ (выключая одной объ Жидовскомъ правѣ, гдѣ онъ сказалъ много любопытнаго); за то безпрестанныя отступленія къ общимъ мыслямъ, отступленія неумѣстныя и которыя были бы утомительны, еслибъ онъ не умѣлъ ихъ прикрасить жаромъ и даромъ слова.—Медицинскій факультетъ также, говорятъ, одинъ изъ лучшихъ въ Германіи. Но все это не то, что нужно намъ—съ братомъ. Гегель на своихъ лекціяхъ почти ничего не прибавляетъ къ своимъ Handbücher. Говоритъ онъ несносно, кашляетъ почти на каждомъ словѣ, съѣдаетъ половину звуковъ и дрожащимъ, плаксивымъ голосомъ едва договариваетъ послѣднюю. Есть однако здѣсь одинъ профессоръ, который одинъ можетъ сдѣлать ученье въ Берлинѣ полезнымъ и незамѣнимымъ—это Риттеръ, профессоръ географіи. Каждое слово его дѣльно, каждое соображеніе ново и вмѣстѣ твердо, каждая мысль всемірна. Малѣйшій фактъ умѣетъ онъ связать съ бытіемъ всего земнаго шара. Присоедините къ этому простоту, ясность, легкость выраженія, краснорѣчіе истины, и вы поймете, отчего я не пропускаю почти ни одной его лекціи. Вотъ все, что я до сихъ поръ могу сказать объ здѣшнемъ университетѣ. Студенты по большей части не отличаются ничѣмъ отъ другихъ гражданъ ни въ одеждѣ, ни въ манерахъ. Немногіе только носятъ усы, еще меньшее число носитъ длинные волосы и не носитъ галстуковъ, и не больше 20 ходятъ съ бородою, и тѣ не Берлинцы, а выходцы изъ другихъ Университетовъ. Дуэли здѣсь почти также рѣдки, какъ въ нашей миролюбивой Москвѣ, и если встрѣтится гдѣ нибудь разрубленная щека, то почти навѣрное можно сказать, что она принадлежитъ лицу не Берлинскому.—Знакомствъ я до сихъ поръ сдѣлалъ не много. Былъ у посланника, который пригласилъ меня обѣдать, и я провелъ у него почти цѣлый день, вмѣстѣ съ маркизомъ Паулучи, который былъ здѣсь на два дня проѣздомъ въ Парижъ. Ни жена посланника, ни дочь не знаютъ ни одного слова по-Русски, и спрашивали меня, хорошо ли пишетъ Жуковскій. Изъ его писемъ и записокъ они отгадывали qu'il doit ecrire très joliment. Впрочемъ, онѣ любезны и со мной были очень привѣтливы за письмо Жуковскаго, котораго они очень любятъ. Кромѣ того я познакомился съ барономъ Мальтицемъ, совѣтникомъ при по-

сольствѣ, къ которому также имѣлъ письмо отъ Жуковскаго. Онъ только годъ въ Берлинѣ и провелъ 8 лѣтъ въ Соединенныхъ Штатахъ: человѣкъ отмѣнно серьезный, молчаливый, умный и немного ultra. Онъ обѣщалъ мнѣ показать все достопримѣчательное въ Берлинѣ, но до сихъ поръ еще не успѣлъ, потому что мы или не заставали другъ друга дома, или онъ былъ занятъ службою и пр. У Гуфланда я еще не былъ. Но больше всѣхъ понравился мнѣ въ Берлинѣ Радовицъ, также хорошій знакомый Жуковскаго. Твердую, богатую, многостороннюю ученость соединяетъ онъ съ душою горячею, съ мыслями оригинальными и съ добродушіемъ Нѣмецкимъ. Онъ досталъ мнѣ билетъ въ здѣшній музей, который я осматривалъ съ однимъ молодымъ, но уже извѣстнымъ живописцемъ Rühl, съ которымъ я познакомился у Радовицей. Она, или Frau Majorin von Radowitz, молодая, хорошенькая, очень умная, очень добрая и очень любезная женщина, особенно пріятна простотою своего обхожденія....

„Скажите Погодину, что я ему пришлю для журнала выписку изъ моего журнала, заключающую въ себѣ дорогу отъ Кенигсберга до Берлина, т. е. больше всего описаніе Маріенбурга. Если Дельвигъ въ Москвѣ, то скажите ему, что онъ можетъ получить отъ меня статью объ религіозномъ направленіи ума въ Германіи. Кстати: я слышалъ проповѣди Шлейермахера, славнаго переводчика Платона, одного изъ краснорѣчивѣйшихъ проповѣдниковъ Германіи, одного изъ замѣчательнѣйшихъ теологовъ и философовъ, одного изъ лучшихъ профессоровъ Берлина, и человѣка имѣющаго весьма сильное вліяніе на высшій классъ здѣшней столицы и на религіозныя мнѣнія всей протестантской Германіи. За то, послѣ Гегеля, можетъ быть нѣтъ человѣка, на котораго бы больше нападали, чѣмъ на него. Но прежде чѣмъ я оставлю Берлинъ, я постараюсь покороче познакомиться съ его сочиненіями и съ нимъ самимъ, и тогда напишу объ немъ подробно. Въ театрѣ я былъ нѣсколько разъ, видѣлъ всѣхъ лучшихъ актеровъ и въ хорошихъ піесахъ, но больше не пойду, потому что ни одно представленіе мнѣ не пришлось по вкусу. Тасса—Гете я смотрѣлъ даже съ досадой, не смотря на то, что его играли лучшіе актеры и что почти вся публика была въ восторгѣ. Можетъ быть я ошибаюсь, но мнѣ казалось, что ни одинъ актеръ не понялъ поэта, и одинокое кабинетное чтеніе этой трагедіи говоритъ въ тысячу разъ больше душѣ, чѣмъ ея представленіе. Видѣлъ новую трагедію Раупаха—Генриха VI, гдѣ, не смотря на неестественность и нехудожественность цѣлаго и частей, красота и сила стиховъ и эффектность нѣкоторыхъ сценъ невольно увлекаютъ и трогаютъ. Видѣлъ также нѣкоторыя новыя Нѣмецкія комедіи, которыя гораздо лучше на сценѣ, чѣмъ воображалъ. Во всѣхъ этихъ представленіяхъ особенное вниманіе обращалъ я на публику, и результатомъ моихъ наблюденій было то, что, не смотря на бо́льшую образованность Нѣмцевъ, они въ массѣ такъ же бездушны и глупы, какъ наши соотe-

чественники, которыми наполняются наши театры. Въ трагедіяхъ великій крикъ, особенно неумѣстный, непремѣнно аплодированъ. Все истинное, простое, естественное незамѣчено, какъ бы не было. Вообще чѣмъ больше актеры горячатся, тѣмъ больше имъ хлопаютъ; чѣмъ напыщеннѣе стихъ, тѣмъ больше восхищаетъ онъ публику. Это объясняетъ множество лирическихъ трагедій, которыми наводнена Нѣмецкая литература. Какъ это портитъ актеровъ и писателей, тому служитъ доказательствомъ Берлинскій театръ и Раупахъ. Въ комедіи Нѣмцы хохочутъ каждой глупости, аплодируютъ каждой непристойности, и на театральное лицо, которое говоритъ самыя обыкновенныя вещи и дурачится самымъ незамысловатымъ образомъ, Нѣмцы глядятъ съ какимъ-то почтеніемъ, какъ на существо другаго міра. Между всѣми восклицаніями, которыми они выражаютъ свой восторгъ, особенно повторяется das ist ein verrückter Kerl. Все, что выходитъ изъ однообразной колеи ихъ жизни и разговоровъ, кажется имъ признакомъ геніальности. Я вслушивался въ разговоры простаго народа на улицахъ и замѣтилъ, что онъ вообще любитъ шутить, но съ удивленіемъ замѣтилъ также, что шутки ихъ почти всегда однѣ и тѣ же. Сегодня онъ повторитъ съ удовольствіемъ ту же замысловатость, которую отпустилъ вчера, завтра тоже, не придумавъ къ ней ничего новаго, и, не смотря на то, повторитъ опять, покуда какой нибудь verrückter Kerl выучитъ его новому, и это новое онъ пойметъ и приметъ не прежде, какъ слышавши разъ 20 отъ другихъ. Отъ того нѣтъ ничего глупѣе, какъ видѣть смѣющагося Нѣмца, а онъ смѣется безпрестанно. Но гдѣ не глупъ народъ? Гдѣ толпа не толпа?..... Наконецъ письмо отъ васъ! Я не умѣю выразить, что мнѣ получить письмо отъ васъ! Не смотря на то, что оно грустно, что почти каждое слово въ немъ тема на цѣлый концертъ тяжелыхъ догадокъ, я читалъ его съ такимъ наслажденіемъ, котораго давно не имѣлъ. Вы знаете, какъ не люблю я говорить о томъ, что чувствую, но это считаю необходимымъ сказать вамъ, чтобы вы знали и соображались съ этимъ, писали ко мнѣ больше, чаще и подробнѣе. Вся моя жизнь съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ Москву, была въ мысляхъ объ Москвѣ, въ разгадываньи того, что у васъ дѣлается; все остальное я видѣлъ сквозь сонъ. Ни одного впечатлѣнія не принялъ я здѣсь свѣжимъ сердцемъ, и каждый порывъ вниманія стоилъ мнѣ усилія. Судите жъ, послѣ этого, какъ живительны, какъ необходимы мнѣ ваши письма..... Я былъ, наконецъ, у Гуфланда, который былъ со мной отмѣнно милъ, показалъ мнѣ много добродушной привѣтливости и звалъ къ себѣ въ середу на вечеръ. Alle Tage und jeden Augenblick wird es mir höchst erfreulich seyn Sie zu sehen, aber Mittwochs müssen Sie mir versprechen auf jeden Fall bei mir den Abend zuzubringen, denn da versammeln sich gewöhnlich alle meine Freunde; es wird mir eine grosse Freude machen Sie mit meiner Familie bekannt zu machen.

„У Гуфланда я, можетъ быть, познакомлюсь съ нѣкоторыми учеными, которыхъ здѣсь, какъ въ Москвѣ извощиковъ. Для чего Рожалину жить съ Петрушей? Для перваго это будетъ жертва, для втораго стѣсненіе,—кому жъ польза? Петръ долженъ дѣйствовать и учиться самъ; наставника, который бы безпрестанно надсматривалъ за нимъ, дать ему мудрено и странно. Учиться вмѣстѣ съ Рожалинымъ можетъ быть пріятно (и то, судя по характеру брата, сомнительно), но пріятное и полезное не одно. Я теперь испыталъ, что учиться и вообще дѣйствовать одному и легче и успѣшнѣе. При товарищѣ онъ мѣрило нашихъ успѣховъ; одинъ никогда не доволенъ собою, боишься отдыхать и дѣлаешь въ тысячу разъ больше и лучше. Впрочемъ поговорю объ этомъ съ Рожалинымъ и съ братомъ. Отчего васъ такъ занимаютъ критики на меня? Или онѣ справедливы? Это было бы весьма удивительно отъ Булгарина и я былъ такъ увѣренъ въ невозможности этого, что Сѣверная Пчела, гдѣ разборъ моей статьи, уже двѣ недѣли здѣсь у одного изъ моихъ знакомыхъ Русскихъ, я до сихъ поръ еще не собрался со временемъ прочесть ее, хотя мы живемъ на одной улицѣ. Пойду завтра, потому что ваше участіе въ ней мнѣ не понятно, послѣ того, какъ вы напередъ знали, что Булгаринъ будетъ отвѣчать и отвѣчать съ желчью. Писать противъ него было бы неприлично и, простите мнѣ эту гордость, мнѣ кажется, это было бы унизительно защищаться отъ его нападеній. Если будете имѣть случай что нибудь послать ко мнѣ, то не забудьте прислать Максимовича альманахъ, потому что даже тѣ листочки, гдѣ была моя статья, я оставилъ въ Петербургѣ у Жуковскаго, а мнѣ хотѣлось бы прочесть мою статью брату. Живу я здѣсь въ одной изъ лучшихъ частей города между театромъ, нашимъ посланникомъ и университетомъ, подлѣ той улицы которая называется Unter den Linden, потому что на ней посажены въ 4 ряда липки. Моя улица называется die Mittelstrasse. Комната моя не велика, но свѣтла и покойна, въ ней $4^1/_2$ шага поперегъ и около 9 шаговъ въ длину, 2 окна, бюро, постель, фортепіяно, диванъ, два столика и 3 стула. Плачу въ мѣсяцъ mit Aufwartung 6 талеровъ. За кофе поутру и чай въ вечеру, за хлѣбъ, сахаръ, молоко и топку выходитъ въ недѣлю около $2^1/_2$ талеровъ. Обѣдаю я въ трактирѣ, гдѣ плачу 8 грошей, т. е. около нашего рубля. Вообще въ Берлинѣ 2-мя тысячами можно жить безъ нужды, а если разомъ устроиться на годъ, то, тративши еще меньше, можно жить еще лучше.....“

$^3/_{15}$ *Марта.*

„Сегодня только могъ я отправить къ вамъ письмо, потому что вчера слишкомъ поздно понесъ его на почту. Надѣюсь однако, что оно было не такъ далеко отъ предпослѣдняго, чтобы заставить васъ безпокоиться. Это письмо отправится къ вамъ черезъ двѣ недѣли, т. е. при отъѣздѣ моемъ изъ Берлина. Я началъ его сегодня только потому,

что доведенъ своимъ днемъ, т. е. своею сегодняшнею дѣятельностію, и чувствую, что стою награды — разговора съ вами. Начну его хвастовствомъ, т. е. отчетомъ въ сегодняшнихъ занятіяхъ. Я всталъ сегодня въ 6 часовъ. Вообще въ Берлинѣ я встаю рано. Два часа провелъ дома за умываньемъ, кофеемъ, одѣваньемъ и Шлейермахеровой догматикой. Въ 8 часовъ я былъ уже въ университетѣ у Шлейермахера же, который отъ 8 до 9 читаетъ жизнь Іисуса Христа. Сегодня была особенно интересная лекція объ воскресеніи. Но что сказать о профессорѣ? - Сказать что нибудь надобно, потому что сегодня онъ выказалъ зерно своихъ религіозныхъ мнѣній. Говоря объ главномъ моментѣ христіанства, онъ не могъ достигнуть до него иначе, какъ поднявшись на вершину своей вѣры, туда, гдѣ вѣра уже начинаетъ граничить съ философіей. Но тамъ, гдѣ философія сходится съ вѣрою, тамъ весь человѣкъ, по крайней мѣрѣ духовный человѣкъ. Коснувшись этого разбора двухъ міровъ, міра разумнаго убѣжденія и душевной увѣренности, онъ долженъ былъ разорвать всѣ понятія о ихъ взаимномъ отношеніи, представить вѣру и философію въ ихъ противоположности и общности, слѣдовательно въ ихъ цѣлостномъ, полномъ бытіи. Необходимость такой исповѣди заключалась въ самомъ предметѣ. Иначе онъ дѣйствовать не могъ, если бы и хотѣлъ; доказательство то, что онъ хотѣлъ и не могъ. Я заключаю изъ того, что онъ точно хотѣлъ избѣгнуть центральнаго представленія своего ученія, что вмѣсто того, чтобы обнять разомъ предметъ свой въ одномъ вопросѣ, онъ вертѣлся около него съ кучею неполныхъ, случайныхъ вопросовъ, которые не проникали въ глубь задачи, но только шевелили ее на поверхности, какъ напр. началось ли гніеніе въ тѣлѣ Іисуса или нѣтъ, оставалась ли въ немъ непримѣтная искра жизни, или была совершенная смерть, и проч. Но самая случайность его вопросовъ, самая боязнь — обнять вполнѣ предметъ свой, по моему мнѣнію, уже вполнѣ показываютъ его образъ мыслей. Такъ ли смотритъ истинный Христіанинъ на воскресеніе Іисуса? такъ ли смотритъ философъ нынѣшній на моментъ искупленія человѣческаго рода, на моментъ его высшаго развитія, на минутное, но полное сліяніе неба и земли? Здѣсь совокупность Божественнаго откровенія для перваго; здѣсь средоточіе человѣческаго бытія для втораго; для обоихъ задача, которая обнимаетъ все зданіе ихъ убѣжденія. Для разрѣшенія этой задачи совершенно безполезно знать, разложилась ли кровь на свои составныя части или нѣтъ, глубока ли была рана копьемъ, и точно ли въ ребра или ниже. Къ какому классу мыслящихъ людей принадлежитъ тотъ, кто съ такими вопросами приступаетъ къ такому предмету? Можно смѣло сказать, что онъ не принадлежитъ къ числу истинно вѣрующихъ, потому что для послѣднихъ вопросъ о дѣйствительной или мнимой смерти Іисуса разомъ рѣшенъ тѣмъ, что душа Его, на это время, отдѣлилась отъ тѣла; по крайней мѣрѣ, вопросъ ляжетъ передъ нимъ въ этомъ видѣ, если только для

него можетъ существовать вопросъ такого рода. Съ такимъ же правомъ, мнѣ кажется, можно сказать, что человѣкъ, который съ этой матеріальной точки смотритъ на смерть Іисуса, не принадлежитъ къ числу мыслителей нашего времени, для которыхъ вопросъ о достовѣрности воскресенія принимаетъ опять другой видъ, т. е. разлагается на два другихъ вопроса: 1) на вопросъ историческій о достовѣрности Евангелія вообще, и 2) на вопросъ умозрительный объ отношеніи чудеснаго къ естественному, или другими словами, объ отношеніи обыкновеннаго къ необыкновенному, вседневнаго къ вѣковому; ибо чудо, въ физическомъ мірѣ, также отличается отъ тѣхъ событій, которыя нашими несовершенными науками разложены на извѣстные намъ вседневные *) законы природы, какъ въ нравственномъ мірѣ геній отличается отъ толпы. Къ числу невѣрующихъ нельзя отнести Шлейермахера, потому что какъ бы ни былъ матеріаленъ образъ его объясненій, но это объясненіе совершенно очищаетъ предметъ отъ противорѣчій, а вѣру отъ сомнѣній. Кромѣ того лучшимъ доказательствомъ глубоко христіанскаго, сердечнаго расположенія Шлейермахера можетъ служить его проповѣдь, недавно имъ самимъ говоренная надъ тѣломъ страстно любимаго единственнаго сына его. То же подтвердитъ цѣлая жизнь его и энтузіазмъ значительной части его прихожанъ. Къ числу людей неглубокомыслящихъ нельзя отнести его, во первыхъ, за его превосходный, можетъ быть лучшій переводъ Платона, не выключая самаго Cousin; во вторыхъ, за его философическія сочиненія, гдѣ нѣкоторые вопросы проникнуты до дна, и рѣшены съ окончательностію мышленія самобытнаго, свободнаго, глубокаго и строго отчетливаго. Какъ же согласить эти противорѣчія? Что онъ такое? Чтобы имѣть право рѣшить этотъ вопросъ, надобно познакомиться съ его мнѣніями короче, нежели сколько я успѣлъ сдѣлать до сихъ поръ. Но до сихъ поръ вотъ какъ я понимаю его: ему также мало можно отказать въ сердечной преданности къ религіи, какъ и въ философическомъ самодержавіи ума. Но сердечныя убѣжденія образовались въ немъ отдѣльно отъ умственныхъ, и между тѣмъ какъ первые развились подъ вліяніемъ жизни, классическаго чтенія, изученія св. Отцевъ и Евангелія, вторые росли и костенѣли въ борьбѣ съ господствующимъ матеріализмомъ XVIII вѣка. Вотъ отчего онъ вѣритъ сердцемъ и старается вѣрить умомъ. Его система похожа на языческій храмъ, обращенный въ христіанскую церковь, гдѣ все внѣшнее, каждый камень, каждое украшеніе, напоминаетъ объ идолопоклонствѣ, между тѣмъ какъ внутри раздаются пѣсни Іисусу и Богородицѣ. Но если онъ остатокъ прошедшаго, не переплавленный въ составъ новѣйшаго, то все онъ примѣчателенъ, какъ одна изъ прекраснѣйшихъ и значительныхъ развалинъ XVIII вѣка. Къ XIX-му онъ принадлежитъ, во

---

*) Шлейермахерово выраженіе.

первыхъ, какъ интересный фактъ, во вторыхъ, какъ мыслитель, имѣющій сильное вліяніе на отсталыхъ. Я думаю, что онъ особенно былъ бы полезенъ у насъ, какъ одна изъ ловкихъ ступеней къ высшему, и переводъ его книгъ могъ бы быть важнымъ литературнымъ предпріятіемъ. Но довольно объ Шлейермахерѣ. Я заговорился объ немъ потому, что вмѣстѣ и писалъ и думалъ. Прежде обдумать этого было некогда, потому что тотчасъ послѣ его лекціи отправился къ славному Савиньи. Объ внутреннемъ достоинствѣ его преподаванія я не скажу ничего, во первыхъ потому что въ этой части мало смыслю (онъ читаетъ пандекты), а во вторыхъ потому, что прекрасный обзоръ его системы былъ изъ Revue Encyclop. переведенъ въ Телеграфѣ. Наружная форма преподаванія не можетъ быть приличнѣе, изящнѣе и проще. Въ 10 часовъ я отправился на почту, которая около 2-хъ верстъ отъ университета. Тамъ нашелъ я письмо отъ брата, милое, теплое и почти все объ васъ, объ Московской половинѣ насъ. Онъ еще не знаетъ, что у всѣхъ дѣтей была корь. Объ себѣ обѣщаетъ онъ писать на дняхъ. Оттуда отправился я въ противоположную часть города, гдѣ чинились мои часы. Оттуда въ театръ, чтобы перемѣнить билетъ. Не смотря на зарокъ, услышавши, что играютъ Гамлета, я рѣшился отправиться туда, чтобы имѣть какое нибудь понятіе о Шекспировскихъ трагедіяхъ на сценѣ; но, по несчастію, билетъ взялъ не самъ, а поручилъ одному Нѣмцу, знакомому съ дирекціей. Этотъ Нѣмецъ досталъ билетъ близкій къ сценѣ, но не театральнаго, а абонированнаго кресла. Сегодня я узналъ, что Гамлета отмѣнили, хотѣлъ перемѣнить билетъ, потому что совсѣмъ не любопытенъ былъ видѣть Клейстову Kätchen, но мнѣ не удалось, потому что билетъ былъ не отъ дирекціи, а купленъ у частнаго человѣка. Оттуда, немного уставши, пошелъ я въ университетъ отдохнуть на лекціи Ганса. Объ немъ я, кажется, уже писалъ къ вамъ. Сегодня онъ читалъ Церковное право, совершенно въ Римско-Католическомъ духѣ, что было для меня отмѣнно интересно своею новостью, а особенно тѣмъ, что этотъ Римско-Католическій духъ былъ подчиненъ духу Гегелевой философіи, и слѣдовательно этотъ католицизмъ былъ не Іезуитскій, а если можно такъ сказать, католицизмъ новѣйшаго протестантства. Оттуда въ 12 часовъ я пошелъ въ Thiergarten, единственный Берлинскій садъ и который лежитъ подлѣ самаго города. Оттуда въ трактиръ обѣдать, оттуда въ университетъ къ Вилькену, сочинителю Крестовыхъ походовъ, который читаетъ отъ 2-хъ до 4-хъ. Вообразите, какъ я долженъ былъ удивиться войдя въ аудиторію Вилькена, когда нашелъ ее совершенно пустою! Черезъ нѣсколько минутъ вошли 3 человѣка и скоро за ними Вилькенъ. Мы четверо сѣли на лавку, передъ нами профессоръ, и что же? вмѣсто исторіи среднихъ вѣковъ, которую онъ читаетъ отъ 3-хъ до 4-хъ, я попалъ на лекцію Арабскаго языка, который онъ преподаетъ отъ 2-хъ до 3-хъ. Само собою разумѣется, какую жалкую роль

и фигуру я игралъ въ продолженіе этого часа. Вилькенъ смотрѣлъ на меня съ большимъ любопытствомъ и почтеніемъ, принимая, можетъ быть, за какого нибудь славнаго оріенталиста. Какой-то услужливый студентъ, который сидѣлъ подлѣ меня, во всю лекцію держалъ мнѣ передъ носомъ свою Арабскую тетрадь и показывалъ пальцемъ на тѣ мѣста, которыя читалъ профессоръ. Давно я не былъ въ такомъ фальшивомъ положеніи. Но что было дѣлать? Сказать услужливому студенту, что я не знаю по Арабски, нельзя было, не объяснивъ причины моего присутствія; а говорить много нельзя, не прервавши лекціи. Уйти также нельзя: здѣсь ни одинъ студентъ не уходитъ съ лекціи прежде конца, хотя многіе входятъ передъ самымъ концомъ. Оставалось одно- сидѣть и слушать. Но и второй часъ Вилькенова чтенія не вознаградилъ меня за Арабскій языкъ. Я былъ у него въ первый разъ сегодня и больше не буду. Сказать объ его манерѣ ничего нельзя особеннаго, кромѣ: не хорошо. Отъ Вилькена до Гегеля оставался цѣлый часъ, который я провелъ у Stehely, лучшемъ кофейномъ домѣ въ Берлинѣ, гдѣ всѣ Нѣмецкія и мало Французскихъ газетъ. Въ 5 часовъ я слушалъ Гегеля, который читаетъ исторію философіи и сегодня кончалъ Декарта и началъ Спинозу. Я началъ мириться съ его гнуснымъ образомъ преподаванія: съ нѣкотораго времени я промѣнялъ на него моего Риттера, который читаетъ съ нимъ въ одни часы. Я предпочелъ слушать Гегеля, потому что онъ старъ, скоро умретъ, и тогда уже не будетъ возможности узнать, что онъ думалъ о каждомъ изъ новѣйшихъ философовъ. Но трудолюбивый Риттеръ вѣроятно издастъ новую Erdkunde, гдѣ изложитъ вполнѣ свою систему. Въ 6 часовъ попробовалъ я пойти въ театръ, но небрежная игра актеровъ и пустота піэсы выгнали меня оттуда послѣ перваго акта, и вотъ я теперь у себя и пишу къ вамъ. Не думайте однако, чтобы всѣ дни мои были такъ дѣятельно наполнены, какъ сегодняшній. Но уже поздно, прощайте!“.

$^{14}/_{26}$ *Марта.*

„За полночь. Сейчасъ отъ Гегеля и спѣшу писать къ вамъ, чтобы подѣлиться съ вами моими сегодняшними впечатлѣніями, хотя не знаю, какъ выразить то, до сихъ поръ неиспытанное расположеніе духа, которое насильно и какъ чародѣйство овладѣло мною при мысли: я окруженъ первоклассными умами Европы! Но начну сначала, чтобы вы лучше поняли причину этого страннаго расположенія духа. Вотъ исторія моего знакомства съ Гегелемъ: я долго не рѣшался, идти къ нему или нѣтъ! Зачѣмъ? думалъ я. Къ чему послужитъ мнѣ холодный пятиминутный визитъ? Уваженіе, участіе и пр. и пр. со стороны неизвѣстнаго, интересны для него быть не могутъ, когда онъ имѣетъ столько поклонниковъ между извѣстными. Между тѣмъ мнѣ хотѣлось его видѣть. Но чтобы визитъ мой не былъ просто

церемонною незначительностію, я написалъ къ нему письмо отмѣнно учтивое и много мнѣ стоявшее, потому что я давно уже ничего не писалъ по Нѣмецки. Въ этомъ письмѣ просилъ я позволенія придти къ нему. Онъ въ тотъ же день отвѣчалъ мнѣ очень милымъ и Французски свѣтскимъ манеромъ, назначая часы, когда я могу застать его дома. На другой день я провелъ у него часть утра. Разговоръ былъ интересный, глубокій и, не смотря на то, очень свободный,—такъ глубокое для него сдѣлалось естественнымъ и легкимъ. Каждому предмету разговора давалъ онъ невольно оборотъ ко всеобщности, все намекало на цѣлую систему новѣйшаго мышленія, мышленія Гегелевскаго. Можете представить, какъ широко и вмѣстѣ тѣсно я себя чувствовалъ въ это время. Результатъ этого разговора, или лучше сказать, результатомъ этого добродушія было то, что на другой день посланный отъ него разбудилъ меня съ приглашеніемъ отъ Гегеля на вечеръ завтра или послѣ завтра, или въ воскресенье, или если вы въ эти дни не свободны, то назначьте, когда вамъ угодно: Herr Professor möchte aber es voraus wissen, denn es werden dazu noch mehrere Andere eingeladen. Что можетъ быть милѣе этого? Я выбралъ пятницу, потому что это былъ ближайшій свободный день, хотя, впрочемъ, я всѣ возможныя дѣла оставилъ бы охотно для Гегелевскаго вечера.—Сейчасъ оттуда, гдѣ, кромѣ хозяина, хозяйки и его родственницы Frau Generalin von . . . забыть, были: 1) Гансъ, извѣстный всѣмъ изъ моихъ писемъ и который столько же любезенъ въ обществѣ, сколько краснорѣчивъ на каѳедрѣ, а это много сказано. 2) Мишелетъ, профессоръ философіи и умный и милый ученый. Этотъ обѣщалъ мнѣ рекомендательное письмо въ Парижъ къ одному изъ своихъ друзей учениковъ, съ которымъ, говоритъ, мнѣ интересно будетъ познакомиться, 3) Hotte, профессоръ Нѣмецкой литературы: съ этимъ я говорилъ меньше; хотя успѣлъ въ немъ замѣтить многое, что мнѣ понравилось. 4) Раупахъ, котораго нѣкогда я такъ любилъ и съ которымъ теперь у насъ былъ довольно горячій споръ объ Россіи. Гансъ, свидѣтель спора, остался на моей сторонѣ. Дѣло шло о томъ, есть ли у Русскихъ энергія. Вы можете представить себѣ, что послѣ этого Раупахъ мнѣ не понравился. И патріотизмъ въ сторону, учтиво ли, прилично ли утверждать такія мнѣнія въ присутствіи Русскаго? Однако мнѣ удалось сохранить совершенно хладнокровіе и потому я могъ говорить убѣдительно. 5) Путешествующій Американецъ, который ѣдетъ въ Россію и въ Москву, и котораго имя я позабылъ.—Во весь вечеръ разговоръ былъ живой и всеобщій, хотя я по большей части говорилъ съ самимъ Гегелемъ особенно. Гостепріимнѣе, привѣтливѣе и добродушнѣе его быть невозможно. Послѣ ужина мы всѣ отправились пѣшкомъ. Въ жару разговора съ Гансомъ и съ Раупахомъ, зашелъ въ ихъ сторону, которая далеко отъ меня, и Гансъ былъ такъ добръ, что проводилъ меня до поворота въ мою улицу. Объ чемъ говорили мы? спросите вы. О политикѣ, о философіи, объ религіи, о поэзіи и

проч., и проч., но подробно описать разговоръ не могу, потому что все были частности теперешняго минутнаго интереса, къ которымъ общее только примыкало издали. Завтра иду къ Гансу, послѣ завтра къ Мишелету, а между тѣмъ всякій день хожу на почту и все понапрасну. Сегодня былъ тамъ два раза, но почта изъ Россіи не пришла за половодьемъ. Это отчасти утѣшительно.—28-го. Почта пришла, писемъ нѣтъ. И братъ, который въ послѣднемъ письмѣ обѣщалъ писать на дняхъ много, до сихъ поръ ни слова. Былъ ли вчера кто нибудь подъ Симоновымъ? Что мои розы и акаціи? Еслибъ онъ, т. е. Веневитиновъ, былъ на моемъ мѣстѣ, какъ прекрасно бы отозвалось въ нашемъ отечествѣ испытанное здѣсь!—Я нѣсколько разъ видѣлся съ Гансомъ, съ Мишелетомъ и съ Гегелемъ. Послѣдній особенно былъ для меня поучителенъ своею индивидуальностью. Первый, т. е. Гансъ, можетъ быть представителемъ Нѣмца нашего времени; разговоръ его отмѣнно занимателенъ, дѣленъ, горячъ и даже остръ. Мишелетъ немного не доварилъ своихъ мнѣній. Онъ ученикъ и приверженецъ Гегеля, но, кажется, понимаетъ хорошо только то, что Гегель сказалъ, а что непосредственно слѣдуетъ изъ его системы, то для Мишелета еще не ясно, и онъ какъ будто боится высказать свое мнѣніе прежде своего учителя, не зная навѣрное, сойдется ли съ нимъ или нѣтъ. Большая часть нашихъ разговоровъ или, лучше сказать, нашихъ споровъ кончалась такъ: Ja wohl! Sie können vielleicht Recht haben, aber diese Meinung gehört vielmehr zu dem Schellingischen, als zu dem Hegelischen System.

Это одно слово, нѣсколько разъ повторенное и еще несправедливо приведенное (потому что мнѣніе, которое я утверждалъ, совершенно согласно съ основными положеніями Гегелевской системы)—это одно слово показываетъ человѣка. Не смотря на наши споры, мы познакомились довольно хорошо, и передъ прощаньемъ онъ подарилъ мнѣ свою диссертацію о преступленіи и наказаніяхъ, съ надписью: Nobilissimo viro Jean v. Kireiwsky,—неправда ли, что и здѣсь пахнетъ Германіей? Спасибо, милый другъ Петерсонъ, за von. Гегель далъ мнѣ письмо въ Парижъ къ одному изъ своихъ пріятелей, и поручилъ кланяться Cousin.—Вы видите уже изъ того, что я успѣлъ разсказать вамъ о своей Берлинской жизни, что каждая минута моя здѣсь занята, отчего я не успѣлъ писать ни къ кому въ Россію. Напомните всѣмъ, кого увидите, обо мнѣ, особенно моему милому Баратынскому. Я нехотя виноватъ передъ нимъ: я причиной глупой Булгаринской выходки. Надѣюсь однако, что онъ умѣетъ платить презрѣньемъ за покупную брань и корыстную хвалу. Сейчасъ принесли мнѣ Телеграфъ. Я еще не читалъ и не знаю, успѣю ли прочесть критику на меня, потому что ѣду послѣ завтра въ 6 часовъ утра, а сегодня $^{18}/_{30}$ Марта. Мнѣ смѣшно видѣть, какъ они горячатся. Изъ Дрездена буду писать къ кому успѣю, а къ папенькѣ непремѣнно. Папенька перенесъ свою мнительность изъ міра физическаго въ нравственный; и какъ прежде со-

мнѣвался въ своемъ здоровьѣ, такъ теперь сомнѣвается въ моей любви къ нему. Если бы онъ хотя на минуту могъ переселиться въ мою душу, то вѣрно раскаялся бы въ своемъ несправедливомъ мнѣніи, которое для меня тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ я дальше отъ васъ, чѣмъ меньше способовъ имѣю высказаться вамъ вполнѣ, чѣмъ съ другой стороны яснѣе и полнѣе представляются мнѣ и его любовь и все, что онъ сдѣлалъ для меня, и все, что онъ мнѣ и намъ. Если бы онъ подслушалъ хоть разъ, какъ я, всякій день, въ сердечныхъ мысляхъ объ васъ съ любовію, благодарностію и дружбою благословляю его внутри души, онъ вѣрно бы мысленно прижалъ меня къ груди своей, какъ достойнаго сына. Пришлете ли вы мнѣ портретъ сестры? Я къ ней не пишу особенно потому, что мнѣ бы хотѣлось, чтобы письма мои были ко всѣмъ вамъ вмѣстѣ. Но кромѣ васъ пожалуйста не показывайте ихъ никому, иначе я стану ихъ сочинять. Это письмо вы получите къ Свѣтлому Воскресенью. Ради Бога сдѣлайте его для себя праздникомъ; я встрѣчу его съ братомъ въ Мюнхенѣ. Намъ будетъ вмѣстѣ не такъ грустно или лучше сказать намъ будетъ лучше грустно. Отвѣтъ на это письмо пишите въ Парижъ poste restante, пишите больше и подробнѣе. — Держишь ли слово, милая сестра? Но Богъ знаетъ еще, что у васъ дѣлается. Здоровы ли вы? Это письмо толсто. Но за то я заплатилъ за прошедшее. За ваши письма я не плачу ни копѣйки. Не скупитесь только вы, а больше всего не давайте воли такимъ чувствамъ, которыя мѣшаютъ счастію. Я съ этой стороны предъ собою и передъ вами правъ. Слово счастіе я перевелъ на свой языкъ: дѣятельность и бодрость духа, и въ этомъ смыслѣ оно мнѣ кажется доступнымъ, т. е. въ томъ случаѣ, если съ вашей стороны будетъ искреннее содѣйствіе. Для васъ же я бы хотѣлъ оставить счастіе безъ перевода. И отчего бы въ самомъ дѣлѣ не знать вамъ его въ оригиналѣ?—Къ Жуковскому еще не писалъ изъ Берлина; если успѣю, то напишу сегодня, а то изъ Дрездена. Къ вамъ же буду писать черезъ 2 недѣли вмѣстѣ съ братомъ. Прощайте, любите меня, т. е. будьте веселы и крѣпки.

Милый папенька! Выпишите, если нѣтъ въ Москвѣ: Encyclopedie der Philosoph. Wissenschaften von Hegel. Здѣсь вы найдете столько любопытнаго, сколько не представляетъ вся новѣйшая Нѣмецкая литература, вмѣстѣ взятая. Ее трудно понять, но игра стоитъ свѣчь. — Сейчасъ прочелъ статью въ Телеграфѣ. Полеваго критика на меня не такъ желчна, какъ я думалъ. Неужели это можетъ васъ сердить?

Апрѣля $^{5}/_{17}$, *Мюнхенъ.*

„Здравствуйте! Черезъ часъ у васъ ударятъ въ колоколъ, и теперь вы уже проснулись и приготовляетесь къ заутренѣ. Какъ живо я вижу всѣхъ васъ, ваши сборы, одѣванье, кофей; даже, кажется, отгадалъ бы разговоры ваши, еслибъ былъ увѣренъ, что у васъ все такъ, какъ было при послѣднемъ письмѣ вашемъ, что вы здоровы и спокойны.

Думая объ насъ, вы знаете, что наши мысли теперь съ вами, и если вы всѣ не сомнѣваетесь въ этомъ, то бьюсь объ закладъ, что Машенька это сказала. Напишите, пробилъ ли я? У насъ здѣсь, не смотря на Греческую церковь, заутрени нѣтъ, но это не мѣшаетъ намъ слышать Русское: Христосъ воскресе и присутствовать при вашемъ христосованьи. Завтра, однако, мы будемъ у обѣдни реально. Послѣ послѣдняго письма моего изъ Берлина, я не успѣлъ отдать вамъ отчета о томъ, что я дѣлалъ и что со мною дѣлалось. Постараюсь вознаградить это теперь, сколько возможно. 31-го Марта по н. с., простившись съ моими Берлинскими знакомыми, я возвратился домой въ 8 часовъ вечера и началъ укладываться, чтобы на другой день отправиться въ 6 часовъ утра. Юлій Петерсонъ, сынъ Рижскаго, съ которымъ мы видались въ Берлинѣ почти каждый день, милый, дѣльный и, что рѣдко, вмѣстѣ gemüthlicher малый, докторъ Нордманъ, объ которомъ я писалъ къ Максимовичу, отмѣнно интересный человѣкъ,—и еще нѣсколько другихъ нѣмцевъ и русскихъ, пришли меня провожать, помогли уложиться и просидѣли до 2-хъ часовъ, потому что я не хотѣлъ ложиться спать, боясь прогулять время отъѣзда почты, которая буквально не ждетъ 2-хъ минутъ послѣ назначеннаго срока. Когда они ушли, то мы съ Юліемъ велѣли сдѣлать себѣ кофею, и такъ заговорились, что не замѣтили дня и чуть-чуть не пропустили роковой минуты. По счастію, хозяинъ мой напомнилъ намъ часъ, и мы успѣли придти на почту за 5 минутъ до отъѣзда кареты. Если Юлій прежде меня воротится въ Россію и будетъ въ Москвѣ, то постарайтесь, сколько можно, отплатить ему за его обязательность и, можно сказать, дружбу ко мнѣ. Сутки ѣхалъ я до Дрездена, гдѣ, чрезъ часъ по пріѣздѣ, свидѣлся съ Рожалинымъ. Рожалинъ совершенно тотъ же, выключая длинныхъ волосъ (которые, однако, онъ сегодня остригъ) послѣ двухъ лѣтъ уединенной жизни. Онъ занимается много, и дѣльно; привыкъ къ сухому, не потерявъ нисколько внутренней теплоты. Выучился по Англійски и по Польски; послѣдній языкъ особенно знаетъ онъ прекрасно; читалъ съ выборомъ, и никогда не терялъ изъ виду главнаго предмета своихъ занятій: филологіи и древностей. Кругъ его знакомства не широкій, но выборъ дѣлаетъ честь его характеру. Вообще, однако, можно сказать, что во все это время онъ былъ почти одинъ; это, однако, не имѣло невыгоднаго вліянія на его обыкновенное расположеніе духа и дало его образу мыслей и выраженіямъ бо́льшую оригинальность, безъ односторонности. Завидное качество, такъ какъ и вообще его поведеніе въ отношеніи ко внѣшнимъ обстоятельствамъ его цѣлой жизни. Въ первый часъ нашего свиданія мы съ радости усидѣли бутылочку за ваше здоровье и за лучшее на родинѣ. Это развязало немножко наши языки, такъ что мы тутъ же приступили къ переговорамъ о его переѣздѣ въ Мюнхенъ, соображаясь съ вашими письмами. Отъѣздъ его изъ Дрездена сейчасъ же былъ рѣшенъ, но онъ колебался еще, ѣхать ли ему

со мною или ждать Кайсарову, и остановился на мысли —ѣхать только въ день моего отъѣзда. Собраться было не долго, и вотъ мы въ Мюнхенѣ. Въ Дрезденѣ пробылъ я три дня, видѣлъ галлерею, слышалъ славный концертъ и лучшихъ пѣвцовъ и музыкантовъ, но театра не видѣлъ по причинѣ поста, и не познакомился ни съ кѣмъ изъ интересныхъ литераторовъ и ученыхъ, живущихъ въ Дрезденѣ. Городъ самый и описывать вамъ не стану, потому что скучно, да къ тому же вы можете разспросить объ немъ у Пушкиныхъ... Музыку описывать нельзя, галлерею описывать много. Скажу только, что Рафаэлевой Мадонны я не понялъ, въ Корреджіевой Магдалинѣ хотя искалъ, но не могъ найти ничего новаго и отличнаго отъ копіи К. и крѣпко подозрѣваю послѣдняго, что онъ не самъ скопировалъ, а укралъ свою копію у какого нибудь отличнаго мастера. За то другія картины произвели на меня тѣмъ большее впечатлѣніе; но еслибъ я хотѣлъ вамъ разсказать впечатлѣніе этихъ картинъ, то говорилъ бы не объ нихъ, а потому оставляю это до свиданія. Къ брату пріѣхали мы въ Субботу передъ здѣшнимъ Свѣтлымъ Воскресеніемъ, т. е. въ нашу Лазареву Субботу, и застали его за обѣдомъ, который сейчасъ увеличился двумя порціями и бутылкою вина за свиданье и за васъ. Я писалъ уже вамъ о перемѣнѣ, которая такъ счастливо произошла въ его внѣшней сторонѣ. Впрочемъ, въ отношеніи къ прежнему, но она только начало для будущаго. Мнѣ не нужно прибавлять, что это счастливая перемѣна только внѣшняя, и что внутри онъ еще счастливѣе: остался тотъ же глубокій, горячій, несокрушимо одинокій, какимъ былъ и будетъ во всю жизнь. При этой силѣ и теплотѣ души, при этой твердости и простотѣ характера, которыя дѣлаютъ его такъ высокимъ въ глазахъ немногихъ, имѣвшихъ возможность и умѣнье его понять — ему не доставало одного: опытности жизни, и это именно то, что онъ теперь такъ быстро начинаетъ пріобрѣтать. Необходимость сообщаться съ людьми сдѣлала его и сообщительнѣе и смѣлѣе, уменьшивъ нѣсколько ту недовѣрчивость къ себѣ, которая могла бы сдѣлаться ему неизлѣчимо вредною если бы онъ продолжалъ еще свой прежній образъ жизни. Конечно внѣшняя сторона его никогда не достигнетъ внутренней, даже и потому, что ей слишкомъ далеко было бы гнаться, но все таки это внѣшнее образованіе будетъ одна изъ главнѣйшихъ пользъ его путешествія. Занимается онъ здѣсь много и хорошо, т. е. сообразно съ своею цѣлью. Особенно въ его сужденіяхъ замѣтно то развитіе ума, которое даетъ основательное занятіе философіей, соединенной съ врожденною вѣрностью взгляда и съ нѣкоторыми сердечными предразсудками, на которые можетъ быть сводится все достоинство человѣка, какъ человѣка. Вотъ самое интересное изъ видѣннаго мною въ Мюнхенѣ, — я хотѣлъ сказать изъ всего, что видѣлъ, разставшись съ вами. Мы покуда поселились у брата; я останусь здѣсь еще около недѣли, а потомъ они наймутъ другую квартиру, гдѣ имъ

будетъ просторнѣе и за ту же цѣну, вѣроятно, потому что квартиры здѣсь отмѣнно дешевы и хороши, а братъ платитъ за свою дорого, по здѣшнему, хотя она и хороша, т. е. была, покуда лучшая изъ двухъ комнатъ не загромоздилась лишними двумя кроватями. — 2 часа. Теперь уже вы въ сборѣ и можетъ быть уже у всенощной. Думайте объ насъ весело. Обнимаю васъ крѣпко до завтра. Петръ и Рожалинъ уже спятъ давно. Петръ что-то говоритъ сквозь сонъ, можетъ быть христосуется съ вами. Попробую, не удастся ли мнѣ повидаться съ вами во снѣ. Покуда прощайте.

„18 Апрѣля. Не знаю, что у васъ сегодня дѣлается, и потому не знаю, праздникъ ли для васъ сегодня. Эта мысль мѣшаетъ еще больше, чѣмъ разлука съ вами. Какая скверная вещь — разстояніе! Въ каждую мысль объ васъ она втирается незваннымъ гостемъ, похожимъ на Варвиковаго сосѣда. Сегодняшній день старались мы сколько возможно сдѣлать нашимъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны. Въ 9 часовъ отправились въ Греческую Церковь. Но здѣсь ни что не напоминало намъ даже Русской обѣдни, потому что, кромѣ Греческаго языка, въ здѣшней церкви еще и та особенность, что попъ вмѣстѣ дьячокъ и дьяконъ и попъ. Зрителей, любопытныхъ Нѣмцевъ, собралась непроходимая толпа, а изъ Русскихъ, кромѣ насъ, были только Тютчевы, у которыхъ мы сегодня и обѣдали. Оба брата и жена Ѳедора Ивановича очень милые люди, и покуда здѣсь, я надѣюсь видѣться съ ними часто. Жаль, для моего брата, что они ѣдутъ въ Россію. Они нравятся и ему, что впрочемъ вы могли замѣтить изъ его писемъ.—26. Мы получили ваши милыя письма, которыя опять освѣжили душу. Что бы ни писали вы, даже то, что вы пишете объ моемъ разстраиваньи братниной и Рожалиновой дружбы, все читается съ наслажденіемъ. Каждое слово, каждый оборотъ фразы переноситъ меня передъ васъ. Смотря на васъ, говоря съ вами, я не всегда чувствовалъ ваше присутствіе такъ живо, какъ читая ваши письма. Ради Бога, не велите Машѣ трудиться надъ письмами къ намъ и учиться писать ихъ. . . . Пусть пишетъ, что придетъ въ голову и такъ какъ придетъ. Мнѣ кажется, что для того, чтобы ей умѣть оцѣнить свои письма, она должна принять за правило то, что чѣмъ хуже написаннымъ письмо ей кажется самой, тѣмъ оно лучше въ самомъ дѣлѣ. Не ужели все душевное, простое, милое, должно дѣлаться безъ сочиненія! Послѣ этого въ чемъ же состоитъ мудрость? Теперь только чувствую, какъ глубоко чувствовалъ Рафаэль, когда вмѣсто всякаго выраженія своей Мадоннѣ, далъ только одно выраженіе— робкой невинности. Но чтобы мнѣ не заговориться, я начну отвѣчать на ваше письмо по порядку. Сначала объ Рожалинѣ. Если я не совсѣмъ понялъ васъ изъ прежняго письма вашего объ немъ, то въ этомъ виноваты немножко вы сами. Вы не писали ко мнѣ, что ему хочется ѣхать въ Мюнхенъ, но что онъ соглашается ѣхать туда за то, чтобы

послѣ вы доставили его въ Россію. По крайней мѣрѣ я такъ понялъ васъ. Если же житье Рожалина въ Мюнхенѣ жертва, думалъ я, то это жертва безполезная, потому что брату онъ другой пользы не принесетъ, кромѣ удовольствія быть вмѣстѣ. Для этого не стоитъ ему жертвовать другими планами, если у него есть выгоднѣйшіе. (Я тогда не зналъ еще, что отъѣздъ Кирѣева оставлялъ его на 1-й тысячѣ рублей, и кромѣ того думалъ объ В.). Но если Рожалинъ считаетъ поѣздку въ Мюнхенъ жертвою, то онъ долженъ видѣть въ ея результатахъ что нибудь больше простаго удовольствія. Что же! Быть учителемъ брата, и пр. и пр.—вотъ мысли, которыя заставили меня написать къ вамъ то, что я написалъ. Конечно я виноватъ, что не понялъ васъ, но и вы не правы, что положились слишкомъ на мою понятливость, а еще больше, что предположили, что я буду дѣйствовать противъ вашей воли. Я ни минуту не поколебался, когда узналъ ее, а еще больше, когда, увидѣвшись съ Рожалинымъ, я узналъ его обстоятельства. Напротивъ, только моя твердая рѣшительность могла преодолѣть его колебаніе. Но говорить объ дѣлѣ сдѣланномъ не значитъ ли терять время? На вопросы ваши о Петрушѣ я отвѣчалъ въ послѣднемъ письмѣ. Объ уныніи его не могу ничего сказать, потому что теперь вмѣстѣ намъ унывать некогда. Вообще я надѣюсь, что онъ слишкомъ занятъ для этого. А если бываетъ иногда грустно, думая на Востокъ — тѣмъ лучше! Это дастъ значительность жизни и дѣятельность. Я очень хорошо испыталъ это въ послѣднее время: вообразите, что свиданіе съ братомъ и Рожалинымъ отняло у меня безпокойство одиночества, отняло вмѣстѣ почти всю ту дѣятельность, которой я самъ радовался въ Берлинѣ. Я опять сплю послѣ обѣда, опять не чувствую каждой минуты, опять ничего не сдѣлалъ. До сихъ поръ не былъ ни у Шеллинга, ни у кого изъ примѣчательныхъ людей и кромѣ театра, сада, концерта и ежедневной картинной галлереи — не видалъ ничего и ни кого. За то, картинная галлерея совсѣмъ овладѣла мною. Иногда мнѣ кажется, что я рожденъ быть живописцемъ, если только наслажденіе искусствомъ значитъ имѣть къ нему способность; чаще однако мнѣ кажется, что я никогда не буду имѣть никакого толка въ живописи и даже неспособенъ понимать ее, потому что именно тѣ картины, которыя всего больше дѣлаютъ на меня впечатлѣніе, всего меньше занимаютъ меня сами собою. Я до сихъ поръ еще не могу пріучить себя, смотря на картину, видѣть въ ней только то, что въ ней есть. Обыкновенно начинаю я съ самаго изображенія, и чѣмъ больше вглядываюсь въ него, тѣмъ больше удаляюся отъ картины къ тому идеалу, который хотѣлъ изобразить художникъ. Здѣсь поле широкое, и прежде чѣмъ я успѣю опомниться, воображеніе закуситъ удила и, какъ чортъ св. Антонія, унесетъ такъ быстро, что прежде чѣмъ успѣешь поднять шапку, она лежитъ уже за тысячу верстъ. Только тогда, когда матеріальное при-

сутствіе картины напомнитъ о себѣ, узнаешь, что былъ далеко, почти всегда тамъ, гдѣ всходитъ солнце. Мнѣ самому смѣшно сознаваться въ этой способности наслаждаться въ картинѣ тѣмъ, чего въ ней нѣтъ, и я очень хорошо чувствую всю странность этого качества, которое, чтобы быть совершенно conséquent, должно больше всего радоваться золотою рамкою около пустаго мѣста. Еще страннѣе мнѣ видѣть это качество именно въ себѣ, у котораго оно не замѣняется даже творчествомъ воображенія, потому что воображенія собственно у меня нѣтъ, а его мѣсто заступаетъ просто память. Вообразите, что мнѣ иногда случается долго смотрѣть на одну картину, думая объ другой, которая виситъ черезъ стѣну, подойдя къ этой, опять вспомянуть про ту. Это не врожденное, и я очень хорошо знаю — откуда".

28 Апрѣля.
10 Мая.

„Вотъ я уже цѣлый мѣсяцъ тутъ, и останусь, можетъ быть, весь семестръ; слѣдовательно пишите ко мнѣ не въ Парижъ, а въ Мюнхенъ. Въ самомъ дѣлѣ странно бы было уѣхать отсюда, не слыхавши Шеллинга. Онъ начинаетъ завтра. Я между тѣмъ слушаю уже Окена натуральную исторію и его же физіологію, и Шорна исторію новѣйшаго искусства. У Шеллинга и Окена я былъ, познакомился съ ними и надѣюсь быть не одинъ разъ. Но подробности всего въ слѣдующемъ письмѣ. Кромѣ ихъ и Тютчевыхъ я здѣсь еще не видалъ никого. День мой довольно занятъ, потому что, кромѣ субботы и воскресенья, я четыре часа въ сутки провожу на университетскихъ лавкахъ; въ остальное время записываю лекціи. Если мнѣ удастся ихъ записать, пришлю къ Погодину, если вы беретесь взять съ него честное слово, чтобы онъ не напечаталъ изъ нихъ ни одной буквы, потому что если Шеллингъ узнаетъ, что его слова тискаются, то готовъ сдѣлаться заклятымъ врагомъ. Этому были уже примѣры. Прощайте! Письмо къ Баратынскому пошлите въ деревню, если онъ еще не въ Москвѣ. Пишите къ намъ чаще и больше и подробнѣе, а пуще всего будьте здоровы Вѣрно еще письмо пришлемъ черезъ двѣ недѣли. Мы разочли, что такъ какъ мы вмѣстѣ, можемъ писать вдвое чаще. Напишите мнѣ все что знаете обо всѣхъ, кто помнитъ меня и кто забылъ. Перестали ли грызть мою статью?"

21-го Мая.
2-го Іюня.

„Дѣятельность моя Берлинская нашла здѣсь на мель. Вмѣсто того, чтобы заниматься близкимъ, я пускаю мысли въ далекое, и отъ того $^1/_3$ дня провожу на постели. Однако это не помѣшало мнѣ прочесть много интереснаго. Пишу я мало, за то слушаю лекціи аккуратно и

нѣкоторыя записываю. Шеллинговы лекціи легли довольно стройно, и потому я ихъ пришлю не къ Погодину, а къ папенькѣ, а то первый, боюсь, напечатаетъ. Вы за то прочтете ему то изъ нихъ, что вамъ понравится, потому что эти лекціи писаны такъ, что, кажется, и вы прочтете ихъ не безъ удовольствія. Система Шеллинга такъ созрѣла въ его головѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ пересталъ печатать, что она, какъ готовый плодъ, совсѣмъ отдѣлилась отъ той вѣтви, на которой начинала образоваться, и свалилась кругленькимъ яблочкомъ между Исторіей и Религіей. Вѣроятно, однако, что яблочко будетъ началомъ новой Троянской войны между философами и нефилософами Германіи. Курносый Шеллингъ будетъ играть роль Париса, а въ пламенные Ахиллы, я не знаю, кто бы годился изъ Нѣмцевъ, если нашъ Л. не возьметъ на себя этой роли. Въ боги также можно навербовать изъ сотрудниковъ Телеграфа, Максимовича въ Марсы и пр. Только кто будетъ Венерою?.... Увѣрьте въ этомъ перваго слѣпаго и велите ему быть Гомеромъ, съ условіемъ однако, чтобы онъ смотрѣлъ на Венеру сквозь пальцы. Рожалинъ, которому я это прочелъ, говоритъ, что она Елена, изреченіе достойное ученика Тирша. Соболевскаго здѣсь еще нѣтъ, не смотря на то, что онъ обѣщалъ быть къ намъ въ половинѣ Мая. Тютчевы уѣхали 28 въ Россію. Если вы увидите ихъ отца, то поблагодарите его хорошенько за сына: нельзя быть милѣе того, какъ онъ былъ съ Петрухою, который не смотря на предупрежденіе, съ которымъ, помните? поѣхалъ изъ Москвы, здѣсь былъ разомъ совершенно обезоруженъ Тютчевскимъ обхожденіемъ. Онъ могъ бы быть полезенъ даже только присутствіемъ своимъ, потому что у насъ такихъ людей Европейскихъ можно счесть по пальцамъ. Кромѣ Тютчева, я здѣсь незнакомъ ни съ кѣмъ. У Шеллинга и у Окена былъ раза по 2 и только. Братъ съ ними знакомъ и больше умѣетъ мастерски обходиться. На дняхъ пришла намъ охота учиться по Итальянски; мы уже условились съ учителемъ и достали нѣсколько Итальянскихъ книгъ. Что вы скажете объ этомъ?“

30 Мая.
11 Іюня.

„Папенька также разъ началъ учиться по Итальянски, маменька по Итальянски знаетъ. Машу мы выучимъ въ 2 мѣсяца, и вотъ у насъ языкъ a parte, языкъ Петрарки и Данте! Не знать такого легкаго языка такъ же стыдно, какъ стыдно бы было не перейти черезъ улицу, еслибы на Мясницкой показывали Альфьери и Петрарку. Авось и папенькѣ придетъ охота продолжать Итальянскій языкъ! Въ Тиролѣ мы не были, потому что погода была скверная. За то были въ Шлейсгеймѣ, который часъ ѣзды отъ Мюнхена. Мы провели тамъ 7 часовъ, которыхъ едва достало, чтобы вскользь осмотрѣть 42 залы, гдѣ больше 2000 картинъ, и почти все изъ древнихъ Нѣмецкихъ школъ. Осо-

беннаго впечатлѣнія не произвела на меня ни одна, потому что ихъ было слишкомъ много; къ тому же я пріѣхалъ туда уже избалованный здѣшнею центральною галлереею, куда перенесены лучшія картины изъ Шлейсгейма. Не стыдно ли вамъ безпокоиться объ моей поѣздкѣ будущей въ Парижъ? Я не только отважусь ѣхать туда черезъ 2 мѣсяца, но еще имѣю дерзость везти съ собою брата. Какъ бы желалъ, чтобы вы хотя для того увидѣлись съ Тютчевымъ, чтобы получить отъ него вѣрныя свѣдѣнія обо всемъ, что васъ такъ напрасно безпокоитъ. Какой-такой ученый журналистъ увѣрилъ васъ, что всѣ путешественники выѣзжаютъ изъ Франціи? Это что-то пахнетъ Булгаринымъ".

3/15 *Іюня.*

„Наконецъ третьяго дня удостоились мы приложиться къ явленному образу Соболевскаго, худаго, стройнаго, тонкаго, живаго, прямосидящаго, тихоговорящаго и пр. Онъ пробудетъ здѣсь около недѣли и отправится въ Италію. Вотъ вамъ просьба очень важная, которую исполнить попросите Петерсона съ помощью Яниша К. И. и всѣхъ тѣхъ, кого найдете къ этому способнымъ. Дѣло въ томъ, чтобы узнать навѣрное и аккуратно, есть ли въ нашихъ старинныхъ церквахъ своды или украшенія, или двери, или окна, выгнутые подковою, т. е. полукругъ съ продолжительными дугами называется подковою; если есть, то гдѣ? какъ? когда? и проч. Объ этомъ проситъ меня справиться профессоръ Шорнъ, потому что этимъ однимъ фактомъ онъ можетъ опровергнуть цѣлую новую систему архитектурнаго вліянія Арабовъ. Если бы можно было прислать хотя только геометрическими линіями снятое изображеніе Успенскаго собора, то это было бы всего лучше. Въ такого рода занятіяхъ проходятъ всѣ наши часы здѣсь. Поэтому разсказывать остается почти ничего. Тѣмъ больше нетерпѣніе получать ваши письма. Соболевскій писалъ уже въ Парижъ, чтобы ваши (письма) оттуда прислали ко мнѣ сюда; Александръ Тургеневъ уже уѣхалъ изъ Парижа. Досадно, что я не увижусь съ нимъ, тѣмъ больше, что кромѣ его у меня не было ни къ кому писемъ въ Парижъ. Соболевскій даетъ нѣсколько писемъ къ какимъ-то мадамамъ, своимъ друзьямъ-пріятельницамъ, къ которымъ я могу ѣздить въ халатѣ, хотя онѣ самыя почтенныя особы Французскаго языка. Чувствуете ли вы, какъ ловко мнѣ будетъ?"

29 Іюня.

„Каковъ я умница! Какъ я славно обманулъ васъ! Обѣщалъ писать черезъ 2 недѣли, а вотъ уже прошло съ тѣхъ поръ четыре. Впрочемъ безпокоиться вы не могли, зная насъ всѣхъ вмѣстѣ, т. е. насъ трехъ плюсъ Соболевскаго, который пріѣхалъ на два дня и зажился здѣсь цѣлый мѣсяцъ. Долго ли онъ здѣсь останется — еще не извѣстно, хотя онъ

собирается каждый день. Думаю однако, что онъ уѣдетъ не сегодня, потому что сегодня Петрушины именины. Мы начали день Итальянскимъ урокомъ, а кончить думаемъ въ театрѣ, гдѣ дается la Muette de Portici. Середину дня еще не знаемъ, хотя за обѣдомъ Рожалинъ уже предчувствуетъ пробочный выстрѣлъ. Итальянскій языкъ нашъ не идетъ впередъ, а бѣжитъ. Скоро мы надѣемся приняться за Данта и теперь уже это сдѣлали бы, еслибы нашъ Кавальеръ Мафей былъ не такъ глупъ. Братъ въ концѣ семестра можетъ быть поѣдетъ мѣсяца на три въ Италію, между тѣмъ какъ я отправлюсь прямо въ Парижъ..... Рожалинъ остается еще здѣсь послѣ насъ, чтобы слушать Тирша, на которомъ онъ сходитъ съ ума и который ему альфа и омега для Греческихъ и Римскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если гдѣ нибудь онъ можетъ образоваться для своей цѣли, такъ это здѣсь, гдѣ онъ къ этому имѣетъ всѣ способы. Впрочемъ я боюсь за него въ уединеніи. Уже Дрезденская жизнь много перемѣнила его характеръ, такъ какъ вообще характеръ всякаго перемѣняется въ безлюдіи, среди людей, которые близки только по мѣсту. Впрочемъ я надѣюсь, что когда воротится въ Россію, то скоро оботретъ съ себя эту корку, посреди тѣхъ, съ которыми можно жить спустя рукава и разстегнувши грудь, не боясь, что пріятели въ нее воткнутъ, не кинжалъ (это бы слава Богу), а иголку, которую замѣтишь только по боли. Не знаю кто, а вѣрно были у Рожалина добрые пріятели, которые такъ его ласкали иголочками, потому что мы еще до сихъ поръ не можемъ навести на прежнюю колейну, хотя и стараемся каждый своимъ манеромъ, я — философствованіями, а Петруха—своимъ простымъ, дружескимъ, откровенно деликатнымъ обхожденіемъ. Вотъ un grand homme pour son valet de chambre. Такая одинаковость съ такою теплотою сердца и съ такою правдою въ каждомъ поступкѣ, врядъ ли вообразимы въ другомъ человѣкѣ..... Когда поймешь это все хорошенько, да вспомнишь, что между тысячами милліоновъ, именно его мнѣ досталось звать братомъ, какая-то судорга сожметъ и расширитъ сердце. — 3/15 Іюля. Сегодня Соболевскій отъиде. Онъ прожилъ съ нами больше мѣсяца и отправился теперь въ Миланъ и оттуда въ Туринъ, гдѣ останется мѣсяца два. Съ его отъѣздомъ точно будто уѣхало сорокъ человѣкъ. У насъ опять тихо, порядочно и трезво; что же касается до нашихъ главныхъ занятій, т. е. лекцій и проч., то имъ не мѣшалъ и Соболевскій, который бурлилъ только въ антрактахъ, но за то такъ, что бѣдный Рожалинъ всякій день принужденъ былъ откупаться отъ его крика слезами и виномъ, хотя и это не всегда помогало. Вообще, если бы надо было однимъ словомъ назвать нашу Мюнхенскую жизнь, нужно было бы сочинить новое слово между скукою и пустотою. Мы здѣсь плывемъ на кораблѣ вокругъ свѣта, не входя въ гавани, по морю безъ бурь, и отъ нечего дѣлать читаемъ Шеллинга, Окена и проч. Поблагодарите Языкова за его милую приписку въ прошедшемъ вашемъ

письмѣ и за Раупаха особенно *). Я не пишу ни къ кому теперь, боясь задержкою письма дать вамъ лишній день безпокойства, хотя вамъ, зная насъ всѣхъ вмѣстѣ, безпокоиться нельзя по настоящему, но всегда ли у васъ бываетъ по настоящему? Извините меня передъ Погодинымъ, если онъ сердится на мое молчаніе; скажите что отъ лекцій и отдыховъ у меня нѣтъ свободной минуты, и что въ слѣдующій разъ я непремѣнно буду писать къ нему. Шеллинговы лекціи врядъ ли и придутъ къ вамъ, потому что гора родила мышь. Въ суммѣ оказалось, что противъ прошлогодней его системы новаго не много. Не знаю, что еще будетъ; къ тому же пересылка была бы слишкомъ дорога, а переписка слишкомъ скучна. Баратынскаго обнимаю отъ всей души. Если я къ кому нибудь буду писать кромѣ васъ, то вѣрно прежде всѣхъ къ нему. Но до сихъ поръ, судите сами, когда въ Москвѣ я не находилъ времени писать нужныя письма, бывши не занятъ цѣлый день, то здѣсь, гдѣ мнѣ на письма и на отдыхъ остается одинъ усталый вечеръ—найдти свободную минуту право родъ геройства. Особенно Баратынскому столько хочется сказать, что рука не поднимается начать. Не смотря на то, я уже изорвалъ одно письмо къ нему, потому что когда перечелъ его, то увидѣлъ, что все написанное въ немъ разумѣлось само собою и слѣдовательно не стоило вѣсовыхъ. Я получилъ отмѣнно милое письмо отъ Шевырева, почти все объ моей статьѣ, которую онъ читалъ, и похвалы, которыхъ она далеко не стоитъ. Это одно заплатило мнѣ, съ жидовскими процентами, за всѣ брани Булгариныхъ. Надѣюсь, что теперь уже замолчали и почувствовали

Que je n'ai point merité
Ni cet excès d'honneur, ni cette indignité.

Пожалуйста, напишите больше и чаще обо всѣхъ и даже не интересное".

Въ Іюлѣ.

„Послѣ долгаго ожиданія получить письмо, въ которомъ отъ маменьки нѣсколько строчекъ приписки. Маменькѣ некогда писать къ намъ! Впрочемъ мы потеряли право жаловаться послѣ того безпокойства, которое доставило вамъ долгое наше молчаніе. Хотя мы не такъ виноваты, какъ вы думаете. Условіе было писать черезъ мѣсяцъ, а Рожалинъ отправилъ свое письмо не сказавши намъ. Еслибы кто нибудь изъ насъ сдѣлалъ съ нимъ то же, то это было бы непростительно; но съ бѣднаго Рожалина взыскивать нельзя, что онъ не понимаетъ

---

*) Намекъ на эпиграмму Языкова на Раупаха.

Чѣмъ весь сія славна, вы знаете ль, друзья?
Здѣсь сердце Русское невольно полно страхомъ,
Здѣсь Софьей казнены Хованскіе князья,
Убитые потомъ Нѣмцемъ Раупахомъ.

того, что нельзя расчесть умомъ, когда чувство не наведетъ на этотъ расчетъ. Впрочемъ это чувство безпокойства по напрасну мы въ семьѣ нашей утончили до нельзя. Но хотя по напрасну, оно справедливо: это необходимый налогъ, который судьба кладетъ на великое счастіе, и еслибы счастіе дружбы освободилось отъ него, то нравственный міръ пришелъ бы въ неравновѣсіе. Вы однако, кромѣ налога необходимаго, дѣлаете еще добровольныя пожертвованія, и я не понимаю, зачѣмъ такое великодушіе. Уже потому что мы оба молчимъ, должны мы быть оба здоровы и живы, и еще къ тому заняты. Но вы, написать два слова между строкъ, при вашей легкости писать, зная какъ намъ дорого каждое лишнее слово вашего письма. — Даже длина паненькинаго письма, который будто сжалился надъ нами и хотѣлъ вознаградить насъ необыкновеннымъ усиліемъ за вашу короткую приписку. Вотъ письмо ваше отъ 24-го, которое залежалось на почтѣ Богъ знаетъ отчего и которое своимъ милымъ содержаніемъ и полновѣсностію говоритъ мнѣ: дуракъ, безпокоится по напрасну! Еслибы я только могъ найдти какого нибудь неподкупнаго протоколиста, который бы подъ каждою строкою вашею подписывалъ: съ подлиннымъ вѣрно!—Если правда, что вы здоровы и веселы, зачѣмъ же безпокоятъ васъ сны? По настоящему они должны безпокоить не васъ, а насъ, какъ доказательство вашего несовсѣмъ здоровья. Но такъ и быть, я готовъ уступить вамъ это, только съ тѣмъ, чтобы, кромѣ сновъ, цѣлую жизнь вашу не безпокоило васъ ничто на свѣтѣ. Со мной 23 марта не было, сколько помню, ничего не обыкновеннаго, и до сихъ поръ мы всѣ безпрестанно здоровы совершенно. За именины мои благодарю отъ всего сердца. Если вамъ было весело, то это въ самомъ дѣлѣ былъ мой праздникъ. Что ваши глазки! Отчего вы ничего не скажете объ нихъ? И за чѣмъ и къ чему хвалиться здоровьемъ? Даже и потому вы не можете быть довольно здоровы, что здоровье ваше нужно для всѣхъ насъ, слѣдовательно вамъ надобно его вдесятеро больше, чѣмъ каждому изъ насъ. Планы наши на Парижъ пошатнулись, хотя, кажется, тамъ опять все спокойно. Можетъ быть, мы поѣдемъ въ Италію. Шевыревъ зоветъ въ Римъ. Я бы хотѣлъ, чтобы вы видѣли его милыя письма! Сколько въ нихъ дружбы и сколько жара завидной молодости. Да! для меня молодость уже качество чужое и завидное, и на всякое кипѣнье восторга я смотрю съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ безногій инвалидъ глядитъ на удалыя движенья своихъ товарищей. Движенія Шевырева въ самомъ дѣлѣ удалыя. Чѣмъ больше онъ работаетъ, тѣмъ больше становится сильнѣе, и вмѣсто усталости все больше и больше набирается энтузіазма и духа. Онъ въ жизни какъ рыба въ водѣ, и еще такая рыба, которая можетъ не выплывать на воздухъ и не дышать чужимъ элементомъ. Это качество столько же драгоцѣнно, сколько оно рѣдко въ людяхъ съ талантомъ. Мицкевичъ, говорятъ, былъ въ Смирнѣ и уже опять возвратился въ

Римъ. Если это правда, то вотъ новая туда приманка. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, безъ писемъ въ Парижъ все равно что не ѣхать. Съ Потемкинымъ я незнакомъ. Думая пробыть въ Мюнхенѣ только 2 дня, я не сдѣлалъ ему визита; а черезъ двѣ недѣли уже было поздно. Теперь впрочемъ я радъ, что не въ Парижѣ, иначе вы безпокоились бы обо мнѣ еще больше. Италія же во всякомъ случаѣ не будетъ безполезна и для языка, и для памяти, на которой она отпечатаетъ столько изящнаго. Рожалинъ остается здѣсь для того, чтобы учиться по Гречески. Въ деньгахъ онъ не нуждается. Что же касается до насъ, то мы не только себѣ ни въ чемъ не отказываемъ, но еще тратимъ много лишняго. Третьяго дня мы отъ 6 часовъ утра до часу за полночь провели за городомъ въ Штарренбергѣ, катаясь по озеру, которое 5 часовъ длины и на горизонтѣ сливается съ Тирольскими горами. Прогулка эта стоила намъ больше 25 рубл., и это была еще одна изъ всего меньше глупыхъ издержекъ нашихъ..... Извѣстіе о Баратынскомъ меня очень огорчило. Послѣдствія этого рода воспаленій всегда двусмысленны. Надѣюсь однако въ первомъ письмѣ вашемъ видѣть его совсѣмъ здоровымъ. Между тѣмъ, какъ не выпросили вы у него новаго романа, какъ не прочли его до сихъ поръ, и не прислали къ намъ? Я бы теперь охотно написалъ ему разборъ; только побывши въ чужихъ краяхъ, можно выучиться чувствовать все достоинство нашихъ первоклассныхъ, потому что.... но я нехочу теперь дорываться до причины этого, которая лежитъ на днѣ всего вѣка. Общія мысли, какъ важныя дѣла, оставимъ до утра, то есть до свиданія. Вообще все Русское имѣетъ то общее со всѣмъ огромнымъ, что его осмотрѣть можно только издали. Еслибы вы видѣли, чѣмъ восхищаются Нѣмцы, и еще какимъ нелѣпымъ восторгомъ! Нѣтъ, на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ народа плоше, бездушнѣе, тупѣе и досаднѣе Нѣмцевъ! Булгаринъ передъ ними геній! Кстати: дайте мнѣ какое нибудь понятіе объ эпиграммахъ на душегрѣйку. Какъ благодаренъ я вамъ, милый папенька, за то, что вы не забыли подѣлиться съ нами университетскимъ засѣданіемъ *). Знаете ли, что оно и насъ тронуло до слезъ. И народъ, который теперь можетъ быть одинъ въ Европѣ способенъ къ восторгу, называютъ непросвѣщеннымъ. Поцѣлуйте Погодина, поздравьте его и поблагодарите отъ насъ за подвигъ горячаго слова. Какъ бы я отъ сердца похлопалъ вмѣстѣ съ вами! Но не ужели намъ до возвращенія не читать этой рѣчи?—Лекціи Шеллинга я пересталъ записывать; ихъ духъ интереснѣе буквальности. Вмѣсто присылки ихъ самихъ, что стало бы дорого, я лучше напишу вамъ что нибудь объ нихъ, когда будетъ время, т. е. когда кончится семестръ. Это будетъ около 25-го

*) Здѣсь говорится о рѣчи М. П. Погодина, произнесенной 26-го Іюня 1830 г. При этомъ случаѣ были первыя рукоплесканія въ Университетѣ; ихъ начали А. А. Елагинъ и Н. М. Языковъ, а публика подхватила.

этого мѣсяца по новому стилю. Что же касается до регулярности нашихъ писемъ, то ея лучше не требовать. Ожидая письма навѣрное въ извѣстный день, не получить его хуже, чѣмъ просто долго не получать. Къ тому же послѣднее, надѣюсь, не повторится. Это была съ нашей стороны точно непростительная вѣтреность. Біографію Баварскаго короля писать для альманаха мудрено, особенно когда для этого надобно знать столько подробностей, которыхъ мы не знаемъ. Біографію Баженова писать изъ Германіи странно, когда вы можете написать ее въ Россіи, гдѣ встрѣчный и поперечный скажетъ вамъ объ немъ что нибудь новое. Но если Языковъ хочетъ имѣть статью отъ меня, то я готовъ служить ему сколько въ силахъ. И лучше напишу объ чемъ нибудь, что̀ меня занимаетъ. Если же статья не понравится, то я напишу другую, третью и такъ далѣе. Зачѣмъ только онъ хочетъ назвать альманахъ свой душегрѣйкой? *) Конечно, это былъ бы величайшій знакъ дружбы, который писатель можетъ оказать другому писателю, такъ открыто одобрить то, на что всего больше нападаютъ. Но благоразумно ли это? Не смотря на то, что онъ Языковъ, онъ Языковъ только для понимающихъ. Для Булгариныхъ онъ просто цѣль по выше другихъ. Пусть ихъ грязь не долетитъ до этой цѣли, но покуда летитъ, она заслоняетъ цѣль отъ взоровъ тѣхъ, кто внизу, а эти-то низкіе и дороги для альманаха. Отсовѣтуйте ему рыцарствовать, а лучше пусть его воротится къ своей Ласточкѣ **). Увѣрьте его, что мнѣ довольно знать его одобреніе, чтобы быть вознаграждену за критики всѣхъ возможныхъ Полевыхъ..... Германіей ужъ мы сыты по горло. Къ Языкову, Баратынскому, Погодину, кажется, я написать не успѣю. Языкову крѣпкое рукожатіе за стихи. Съ тѣхъ поръ какъ я изъ Россіи, я ничего не читалъ огненнѣе, сильнѣе, воспламенительнѣе. Пловецъ его мнѣ уже былъ знакомъ,—это тотъ же, который хотѣлъ спорить съ бурей, только теперь онъ дальше въ океанѣ. Если ваши глазки здоровы, только не иначе, то окончите мнѣ остальныя звѣздочки. Вмѣсто Катона, представьте какого нибудь мученика въ то время, когда ему говорятъ: пожри богамъ нашимъ! Можно вотъ какъ: онъ обнимаетъ посреди стоящій крестъ, по бокамъ палачи, вдали народъ и разведенные огни; надъ крестомъ звѣзда".

---

*) Молодой Кирѣевскій, въ краснорѣчивомъ и полномъ мыслей обозрѣніи нашей словесности, говоря о Дельвигѣ, употребилъ сіе изысканное выраженіе: древняя муза его покрывается иногда душегрѣйкой новѣйшаго унынія. Выраженіе, конечно, смѣшное. Зачѣмъ не сказать было просто: въ стихахъ Дельвига отзывается иногда уныніе новѣйшей поэзіи? Журналисты наши, о которыхъ г. Кирѣевскій отозвался довольно не почтительно, обрадовались, подхватили эту душегрѣйку, разорвали на мелкіе лоскутки, и вотъ уже годъ какъ ими щеголяютъ, стараясь насмѣшить свою публику.

Изъ Зап. Пушкина.

**) Названіе альманаха, который предполагалъ издать поэтъ Языковъ. Примѣчаніе издателя.

5/17 *Августа.*

„Поклонитесь Янишамъ и скажите имъ, что мы такъ часто думаемъ объ нихъ и особенно такъ любимъ вспоминать ихъ пятницы, что имъ въ честь и въ воспоминаніе завели пятницы у себя, съ тою только разницею, что вмѣсто одной у насъ ихъ семь на недѣлѣ. Этотъ Нѣмецкій Witz въ Русскомъ переводѣ значитъ слѣдующее: сегодня мы думаемъ ѣхать въ Италію, завтра въ Парижъ, послѣ завтра остаемся еще на нѣкоторое время здѣсь, потомъ опять ѣдемъ и т. д., и вотъ почему я не могу вамъ сказать ничего опредѣленнаго объ нашихъ планахъ. Вѣроятнѣе другаго однако то, что мы проведемъ осень въ Сѣверной Италіи, а къ ноябрю будемъ въ Римѣ, гдѣ пробудемъ много ли, мало ли, Богъ знаетъ. Между тѣмъ я убѣдился, что для завтра нѣтъ наряда больше къ лицу, какъ длинное густое покрывало, особливо когда отъ насъ зависитъ его приподнять. Не знаю сказать, почему, а очень весело безпрестанно дѣлать другіе планы и возвращаться къ старымъ, какъ къ такимъ знакомымъ, съ которыми встрѣтиться весело, а разстаться не грустно. Это похоже на ѣзду въ дилижансѣ, гдѣ вмѣсто товарищей Нѣмцевъ съ одной стороны сидитъ Швейцарія, съ другой madame Италія и спереди monsieur Парижъ. Въ этихъ дилижансахъ ѣздимъ мы обыкновенно за обѣдомъ и за вечернимъ кофеемъ, потому что остальное время почти все проводится либо въ Университетѣ, либо за книгами и за итальянскими уроками. Въ университетѣ теперь лекціи скоро кончатся (25-го Авг. н. с.), и потому многіе профессоры, чтобы успѣть кончить свои лекціи, вмѣсто одного раза читаютъ 2 раза въ день, что отнимаетъ у насъ нѣсколько часовъ отъ болтанья, ничего недѣланья и отъ другихъ непринужденныхъ занятій. Прибавьте къ этому необходимость гулять подъ глубокимъ яхонтовымъ небомъ, послѣобѣденные южные жары, а больше всего мою врожденную и благопріобрѣтенную лѣность; составьте изъ всего этого благовидное фрикасе и попотчуйте имъ всѣхъ тѣхъ, къ кому я до сихъ поръ не писалъ. Особенно постарайтесь оправдать меня передъ милымъ Баратынскимъ, Языковымъ и Погодинымъ. Отъ перваго я получилъ милое письмо, на которое, если успѣю, буду отвѣчать сегодня; если же не успѣю, то на дняхъ, и пришлю письмо къ вамъ.... Въ Италію, больше картинъ и статуй, привлекаетъ меня небо. Южное небо надобно видѣть, чтобы понять и южную поэзію, и миѳологію древнихъ, и власть природы надъ человѣкомъ. Это небо говоритъ не воображенію какъ сѣверное, какъ звѣзды, какъ буря; оно чувственно прекрасно, и нужно усиліе, нужно напряженіе, чтобы любоваться имъ. Здѣсь небо такъ близко (не смотря на то, что глубоко), такъ близко къ человѣку, что ему не нужно подыматься на пальцы, чтобы достать до него, между тѣмъ какъ на сѣверѣ надобно взгромоздиться на цѣлую лѣстницу Оссіановскихъ тѣней, чтобы небо сдѣ-

лалось ощутительнымъ. Вы знаете, что я никогда не былъ энтузіастомъ природы; но на этотъ яхонтъ смотрю иногда право почти съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ смотритъ на яхонтъ Жидъ. Такъ и рвется изъ груди вздохъ Гете и Веневитинова: отдайте мнѣ волшебный плащъ. Впрочемъ здѣсь мы рѣдко видимъ этотъ яхонтъ. Близость горъ и возвышенность мѣста даютъ намъ очень часто погоду Англійскую. За то, тѣмъ больше наслаждаемся мы хорошею. Иногда однако, когда вспомнится, что на сѣверѣ Россія, захочется и блѣднаго неба. Но чуть ли я не разсуждаю съ вами о погодѣ? Вотъ что значитъ побыть 7 мѣсяцевъ въ Германіи! Впрочемъ жизнь наша здѣсь такъ однообразна, такъ уединенна, что если выключить то, что̀ мы думаемъ объ васъ, что̀ читаемъ и слышимъ на лекціяхъ, то чуть ли не останется говорить объ одной погодѣ. Но повторять вамъ слышанное на лекціяхъ было бы скучно, и мудрено, и смѣшно, и дорого, повторять читанное въ книгахъ не лучше, а мысль объ васъ—какъ Итальянское небо, которое можно понять только чувствомъ, и которое въ описаніи будетъ только слово. Эти мысли, впрочемъ, какъ-то не доходятъ до мысли; онѣ то память, то чувство, то воздушный замокъ, то сонъ, и никогда не силлогизмъ. Покуда думаешь ихъ, не думая объ нихъ, кажется наполненъ мыслями; захочешь разсказать, ни одной не поймаешь въ слово. Тѣмъ больше, что все это, кажется, разсказывать не для чего. Въ самомъ дѣлѣ къ чему вамъ знать, что тогда-то я думалъ то-то, то какъ вы сидите вмѣстѣ, то какъ гуляете въ саду, то здоровы ли вы, то какъ я прощался съ вами, то Языковъ читаетъ на столѣ стихи, то у васъ болятъ глазки, то вы здоровы и веселы и думаете объ насъ, то какъ мы споримъ съ папенькой о политической экономіи, то толкуемъ о Шеллингѣ, то Андрюшка дернулъ бровкой, то Васька сочинилъ стихи и пр. Кстати, отъ чего вы не пришлете намъ ничего изъ дѣтскаго журнала? Еще больше кстати: какъ можно печатать мое письмо о Шлейермахерѣ? Не потому только, что слогъ, какъ вы говорите, не отдѣланъ и что показываться въ халатѣ передъ тѣми друзьями, которыхъ мнѣ сдѣлало мое обозрѣніе съ душегрѣйкой, было бы безразсудно, а передъ незнакомой публикой неприлично; но потому, что я говорю объ людяхъ живыхъ и къ тому же не такъ, какъ я говорилъ бы публично. . . . Пожалуйста, повѣрьте моимъ опытамъ и несомнѣнному убѣжденію, что видѣть меня такимъ, каковъ я въ самомъ дѣлѣ, и вмѣстѣ любить, можетъ только моя семья. Не многіе друзья мои, не всѣ исключеніе; изъ нихъ многіе любятъ такія качества, которыхъ я не имѣю. Но и вы, развѣ я вашъ не въ тысячу разъ лучше меня настоящаго..... Къ Баратынскому я написать не успѣлъ. До сихъ поръ еще не отвѣчалъ Шевыреву. Но скоро кончатся лекціи, и тогда я примусь за письма, и можетъ быть еще напишу что-нибудь для Языковскаго альманаха, разумѣется не въ такомъ родѣ, чтобы одолжить его столькими пріятелями, сколькими мнѣ обязанъ Макси-

мовичъ. . . . . Благодарствуйте за то, что часто бываете подъ Симоновымъ; только что же вы такъ долго не пишете? Пришлите непремѣнно романъ Баратынскаго и то, что есть новаго Пушкина, Языкова, Вяземскаго и, если можно, хотя предисловіе къ Борису. Откуда такая досада на славу? Не уже ли жъ Булгарины могутъ заставить Пушкина молчать? Прощайте. Пишите больше и чаще и даже объ томъ, что вамъ кажется неинтереснымъ".

21-го Августа.
2-го Сентября.

„Нашъ отъѣздъ въ Италію совсѣмъ еще не рѣшенъ, ни когда, ни куда именно; думаемъ однако, что около половины Сентября н. с. подымемся отсюда и подвинемся къ Сѣверной Италіи. Между тѣмъ письма ваши пусть идутъ сюда. Парижское письмо ваше пропало на почтѣ. Мнѣ его жаль. Я люблю перечитывать ваши письма, даже старыя, и часто это дѣлаю; такимъ манеромъ я иногда слушаю васъ больше двухъ часовъ, потому что пакетъ уже набрался порядочный. Зачѣмъ только въ этомъ разговорѣ столько печальнаго? Объ насъ разсказывать почти нечего; послѣ послѣдняго письма перемѣнилось только то, что мы не ходимъ въ университетъ, и больше лѣнимся, и больше вмѣстѣ, и строимъ больше плановъ, которые не исполняются. Я хотѣлъ написать кое что для Языкова альманаха, но до сихъ поръ еще не принимался. Столько разныхъ мыслей крестятся въ головѣ, что вся голова вышла церковь безъ попа, кладбище, которое ждетъ еще Ангела съ трубою. Трубу, впрочемъ, я нашелъ, только не ангельскую, а фрауенгоферскую. Я надѣюсь, что папенька будетъ ею доволенъ..... Можетъ быть, мы пробудемъ здѣсь недѣли три, можетъ быть меньше, можетъ быть больше, словомъ мы не знаемъ. Я между тѣмъ читаю Аріоста и совсѣмъ утонулъ въ его граціозномъ воображеніи, которое такъ же глубоко, тепло и чувственно, какъ Итальянское небо. Тассу я также только теперь узналъ цѣну; и вмѣстѣ понялъ все варварство тѣхъ, кто, оторвавши крылья у бабочки, думаютъ, что она полетитъ..... До сихъ поръ я не отвѣчалъ ни Шевыреву, ни Соболевскому, все откладываю до завтра. Но завтра примусь безъ отсрочки".

Сентябрь.

„Изъ этого письма вы видите: 1) что братъ и Рожалинъ (особливо первый) непростительные лѣнтяи, которые откладывали писать къ вамъ до самаго часа отъѣзда; 2) вы видите, что они уѣхали въ Вѣну, чтобы провести тамъ около недѣли, что̀ вмѣстѣ съ путешествіемъ составитъ 3, или около. Богъ знаетъ, удастся ли имъ видѣть что нибудь интересное, кромѣ театра и улицъ: и можетъ быть кромѣ галлереи, куда можно войти безъ рекомендательныхъ писемъ, хотя съ ре-

комендательнымъ гульденомъ. Но еслибъ они ничего не видали, кромѣ Дунайскихъ береговъ, то все путешествіе было бы заплачено. Отчего же я не поѣхалъ? спросите вы. Отвѣтъ на этотъ вопросъ раздѣлили между собою братъ и Рожалинъ. Одинъ сказалъ одну половину причины, другой другую, слѣд. мнѣ остается только повторить обѣ половины, т. е. я не поѣхалъ для того, что пора раздѣлаться съ письмами и передъ поѣздкою въ Италію не худо быть посильнѣе въ Итальянскомъ языкѣ. Когда я вспомню, сколько мнѣ въ эти три недѣли написать писемъ, то волосы становятся дыбомъ отъ лѣни. Вотъ тѣ, къ кому мнѣ необходимо писать (изъ записной книжки моей я выпишу ихъ по азбучному порядку): Баратынскій, которому я до сихъ поръ не отвѣчалъ, Веневитиновъ, Кн. Волконская, которая черезъ Шевырева спрашиваетъ, получилъ ли я камешекъ; Жуковскій, тетенька Зонтагъ, Кошелевъ, Мальцевъ, Одоевскій, Петерсоны: Александръ, Юлій и Остафій: передъ послѣдними двумя я такъ виноватъ молчаніемъ, что не знаю, какія извиненія поставить въ началѣ письма, — Погодинъ, Скорятинъ, Шевыревъ, Языковъ; тутъ забылъ еще Соболевскаго, которому около двухъ недѣль я собираюсь отвѣчать на письмо, требующее отвѣта немедленнаго. Видите ли, какъ я тотъ же".

2 Октября
20 Сентября.

„Я до сихъ поръ не кончилъ письма своего, потому что мнѣ было стыдно, или, лучше сказать, досадно посылать вамъ длинное письмо отъ себя, между тѣмъ какъ отъ нихъ только 2 строчки. Но, по счастію, теперь могу приложить сюда ихъ письма съ дороги, и, надѣюсь, вы объ нихъ безпокоиться не будете. Съ самаго ихъ отъѣзда я не выхожу изъ своей комнаты и бываю только въ трактирѣ, гдѣ обѣдаю, и въ музеѣ, гдѣ читаю газеты. Остальное время все посвящено Итальянскому языку. Признаюсь однако, что это изученіе Итальянскаго почти то же, что far niente, только ancora piu dolce, благодаря Аріосту. Я купилъ за 7 гульденовъ Данта, Петрарку, Аріоста и Тасса, словомъ Il Parnasso Italiano. Досталъ тоже Восассіо, остальныя книги беру у моего Cavallieri Maffei, и, безпрестанно перемѣняя одного другимъ, читаю ихъ всѣхъ вмѣстѣ, но больше Аріоста, выше котораго до сихъ поръ я не вижу ни одного поэта. Можетъ быть, это только жаръ перваго знакомства и пройдетъ какъ всякій жаръ, когда не достанетъ новыхъ дровъ. Однако не думаю, чтобы скоро. 35 пѣсенъ и каждая въ Расиновскую трагедію! Судьба точно насильно тащитъ меня въ Италію. Вы знаете, собирался ли я туда? Еще за 6 мѣсяцевъ я не думалъ учиться по Итальянски. Кстати, вы мнѣ дѣлаете слишкомъ много чести, предполагая, что я не поѣхалъ въ Парижъ отъ того, что боялся быть тамъ во время революціи. Право, не отъ того. Объ

революціи я узналъ тогда, когда уже все было почти кончено. Если это обстоятельство избавило васъ отъ лишняго безпокойства обо мнѣ, то благодарите за то одинъ случай, который вотъ уже болѣе, года взялъ всю мою волю въ свои руки.

„Недавно видѣлъ я здѣсь Wallenstein'a. Эслеръ игралъ Валленштейна и игралъ превосходно. Но трагедія, не смотря на то, не произвела на меня никакого впечатлѣнія, и тѣмъ меньше, чѣмъ больше восхищались ею Нѣмцы. Не смотря на всѣ усилія, которыя я дѣлалъ, чтобы видѣть въ героѣ что нибудь, кромѣ Нѣмецкаго студента, ни на минуту не могъ обмануться. Гдѣ нужно дѣло, онъ говоритъ общія мысли; гдѣ нужно рѣшиться, онъ сомнѣвается; гдѣ надо думать, онъ разсказываетъ сонъ и пр. Вчера я былъ свидѣтелемъ славнаго Мюнхенскаго праздника Octoberfest, учрежденнаго здѣсь въ 1810 году, въ воспоминаніе и въ честь свадьбы нынѣшняго короля съ королевою. Народу было на огромномъ лугу (Teresienwiese) больше 60,000. Со всего государства собраны были лучшія лошади, коровы, быки, свиньи, бараны и пр. Самъ король осматривалъ ихъ и раздавалъ владѣльцамъ призы, состоящіе изъ знаменъ, книгъ (über Viehzucht und Ackerbau in Deutschland und besonders in Bayern) и изъ денегъ; потомъ была скачка, и хотя король уѣхалъ прежде 6 часовъ, народъ оставался за полночь. На всемъ лугу не было ни одного солдата, ни одного полицейскаго, выключая національной милиціи (Landmiliz), и не только не вышло ни одной драки, но и ни одного громкаго слова. Впрочемъ Нѣмцы, благодаря пиву, чѣмъ пьянѣе, тѣмъ тише. Замѣчательнѣе всего были свиньи. Я такихъ не видывалъ отъ роду. Извѣстно впрочемъ, что свиньи Баварскія, съ незапамятныхъ временъ, считаются первыми во всей Европѣ, не выключая и Чухонскихъ. Не смотря однако на всю торжественность этого праздника, мнѣ было на немъ больше чѣмъ скучно. Кромѣ двухъ глупыхъ Нѣмцевъ, съ которыми я только кланяюсь, потому что раза два съ ними обѣдалъ въ трактирѣ, у меня не было тамъ ни одного знакомаго. Это еще не бѣда: напротивъ, но не скучать мнѣ мѣшала какая-то böse Laune. Къ тому же на языкъ привязался противъ воли стихъ (какъ то часто бываетъ съ нашимъ семействомъ). Этотъ стихъ, который такъ неумѣстно вертѣлся на моемъ языкѣ, былъ изъ перваго монолога Гетевской Ифигеніи: Weh dem и пр. Чѣмъ больше я старался это прогнать, тѣмъ онъ возвращался сильнѣе, какъ бревно висящее, которое толкаетъ медвѣдь. Но въ вечеру дурной нравъ мой околдовалъ мой другъ Аріостъ. Этимъ я обязанъ ему уже не въ первый разъ, и это единственная книга, которой эпитетъ друга не натянутъ. Онъ грѣетъ, утѣшаетъ и разсѣеваетъ. Міръ его фантазіи—это теплая, свѣтлая комната, гдѣ можетъ отдохнуть и отогрѣться, кого морозъ и ночь застали на пути. Я не знаю, впрочемъ, засидится ли въ этой комнатѣ тотъ, кто ѣздитъ въ шубѣ и съ фонарями. Потому совсѣмъ не удивляюсь, что Аріостъ не для

всѣхъ величайшій изъ поэтовъ. Для большей части людей его вымыслы должны казаться вздоромъ, въ которомъ нѣтъ ни тѣни правды. Но мнѣ они именно потому и нравятся, что они вздоръ, и что въ нихъ нѣтъ ни тѣни правды. Окончивъ Аріоста, примусь за Баярда, котораго знаю только изъ папенькиныхъ разсказовъ, которые еще въ Долбинѣ дѣлали на меня сильное впечатлѣніе, такъ что боюсь найти его ниже ожиданія. 5 Октября. Сейчасъ получилъ письмо отъ Рожалина и брата изъ Вѣны. Они въ восторгѣ отъ одного изъ. . . . Вѣнскихъ театровъ; уже изъ трактира переѣхали на квартиру; однако денегъ, посланныхъ мною, еще не получали, и не чудаки ли, т. е. боятся, что я не скоро ихъ вышлю, можетъ быть залѣнюсь и пр. Они оттуда хотятъ писать къ вамъ и потому я письма ихъ ко мнѣ не посылаю. Въ Вѣнѣ останутся они около мѣсяца; однако письма къ нимъ присылайте ко мнѣ. Къ тому же отвѣтъ на это письмо уже не найдетъ ихъ (тамъ). Я между тѣмъ буду писать къ вамъ чаще обыкновеннаго, чтобы хоть этимъ вызвать ваши письма. Знаете ли однако, что писать къ вамъ, не получая такъ долго отъ васъ, совсѣмъ не удовольствіе. Правда, что, писавши къ вамъ, я больше съ вами, чѣмъ когда просто объ васъ думаю. Однако я говорю съ вами какъ глухой и слѣпой, который знаетъ, что слышатъ его, но не знаетъ, кстати ли то, что онъ говоритъ; не знаетъ, что дѣлается вокругъ него, боится шутить не въ пору, боится не въ пору вздохнуть и можетъ быть даже замолчалъ бы, если бы не боялся, что и молчаніе его будетъ не въ пору".

Октябрь.

„Я получилъ ваше письмо отъ 8 Сентября и тотчасъ же послалъ его къ брату, который еще въ Вѣнѣ, и, какъ говоритъ, писалъ къ вамъ 2 раза. Изъ его писемъ вы видите, что онъ не теряетъ времени даромъ. Но ваше письмо—знаете ли вы, что я послѣ него чуть-чуть не поѣхалъ къ вамъ. Сначала потому, что было испугался чумы, а потомъ, обдумавши, что вы не станете рисковать нашими,—уже не для чумы, а просто для того, что возможность скоро увидаться съ вами, родила во мнѣ такое желаніе отправиться къ вамъ, что долженъ былъ испытать надъ собою все краснорѣчіе благоразумія, чтобы остаться въ Мюнхенѣ. Краснорѣчіе это имѣло успѣхъ, но до сихъ поръ я еще не знаю, прочный ли. Жду съ нетерпѣніемъ еще письма отъ васъ, и увѣренъ, что послѣ послѣдняго вы не заставите меня долго дожидаться. Иначе, т. е., если 12 Ноября н. с., ровно черезъ мѣсяцъ послѣ послѣдняго, я не получу отъ васъ втораго письма, то къ 12 декабря ждите меня въ Москву. Что за бурлаки, которые пришли въ Ниж. Новгородъ съ чумою, какъ пишетъ Journal de St.-Pétersbourg? И вы послѣ всего этого еще мѣсяцъ, можетъ быть, не будете писать! Разумѣется, я буду здѣсь дожидаться новыхъ отъ васъ вѣстей и не уѣду въ Италію, какъ вы думаете, прежде чѣмъ увѣрюсь на вашъ счетъ. Не знаю еще,

что скажетъ братъ въ отвѣтъ на ваше письмо..... Изъ стиховъ, присланныхъ вами, разумѣется Языковскіе прочелъ я съ больше крѣпкимъ чувствомъ. О псалмѣ и говорить нечего. Стихи къ сестрѣ (можетъ быть братство вмѣшивается одно въ судейство) показались мнѣ chef d'oeuvre этого рода. Какая грація, приличность и мѣрность и вмѣстѣ какая Языковская ковка! Присылайте скорѣе Баратынскаго поэму. Объ себѣ сказать мнѣ почти нечего новаго, кромѣ того, что я уже не такъ уединенно живу; я, случайно познакомившись съ нѣкоторыми молодыми людьми не Нѣмецкаго покроя, почти каждый вечеръ ужинаю вмѣстѣ съ ними, иногда даже у одного изъ нихъ; проводимъ мы цѣлыя ночи въ толкахъ объ суетѣ мірской и премудрости Божіей, т. е. изъ пустаго въ порожнее..... Соболевскій съ Шевыревымъ удивляются, что мы съ Рожалинымъ такъ долго къ нимъ не пишемъ. А мы всего просрочили только 5 мѣсяцевъ отвѣчать послѣднему, и 2— первому; вообразите странность съ ихъ стороны! Шевыревъ пишетъ мнѣ, что онъ послалъ на Булгарина громовое письмо; что такое? Жаль мнѣ бѣдной Мареы, если она всуе печешеся. Но этотъ опытъ какъ бы ни былъ неудаченъ въ стихахъ, будетъ небезполезенъ для его прозы. Что онъ заводитъ типографію, я очень радъ: будутъ двѣ хорошихъ; но что Языковъ издаетъ альманахъ, я хотя и радъ, однако не знаю, что прислать ему. Постараюсь къ тому времени что нибудь сдѣлать. А между тѣмъ прощайте".

30-го Октября.

„Вотъ и братъ воротился съ Рожалинымъ изъ Вѣны, а отъ васъ еще нѣтъ писемъ. Я сказалъ уже, что покуда не получу, въ Италію не поѣду, но эта угроза что-то не дѣйствуетъ. Если еще нѣсколько времени пройдетъ безъ писемъ отъ васъ, тогда, вмѣсто Италіи, я поѣду въ Россію. Потому, смотрите, не удивитесь, если я вдругъ явлюсь передъ вами. Что сказать вамъ теперь объ насъ? Изъ письма брата вы, вѣроятно, видите, что онъ ѣздилъ не понапрасну, что онъ видѣлъ много новаго, интереснаго, а пуще всего радъ тому, что и въ Вѣнѣ Нѣмцы—Нѣмцы. Объ себѣ сказать вамъ нечего. Теперь разумѣется съ братомъ и Рожалинымъ безпрестанно, покуда опять выскажемся до истощенія. Впрочемъ, мнѣ разсказывать имъ было нечего, кромѣ Октябр. праздника, да фейерверка, который состоялъ изъ 3-хъ ракетъ и одного бурака. Итальянскій языкъ мой дошелъ до того, что я могу уже сказать: date mi mangiare, слѣд. въ Италіи съ голоду не умру. За то я все почти понимаю и даже стихи. Скажите Баратынскому, что я начинаю читать Alfieri, и только для того ничего не читалъ до сихъ поръ изъ его трагедій, чтобы вполнѣ оцѣнить того, кого Баратынскій называетъ величайшимъ поэтомъ. Что вы не пишете? Что болѣзнь Веневитинова? Что холера? Гдѣ она? Продолжаютъ ли у васъ говорить объ ней? Надѣюсь, однако, что на всѣ эти вопросы вы будете отвѣчать еще прежде, чѣмъ

получите это письмо. Объ нашей будущей поѣздкѣ въ Италію нельзя сказать навѣрное когда, за то можно утвердительно сказать куда, т. е. въ Римъ, въ Римъ къ Ватикану, къ Шевыреву, къ Папѣ, и къ св. Петру, и все, если мы получимъ скоро письма отъ васъ. Иначе мы бросимъ жеребій: одинъ на сѣверъ, другой на югъ.—Рожалинъ останется здѣсь, потому адресуйте къ нему всѣ письма. Онъ будетъ знать, гдѣ мы и какъ переслать намъ что нужно. Боюсь, однако, что онъ будетъ тутъ слишкомъ одинъ. Уединеніе можетъ сдѣлать его не то что мизантропнѣе, а людобоязненнѣе, хотя онъ способенъ къ тому и къ другому. Я недавно опять получилъ письмо отъ Шевырева въ отвѣтъ на мое. Онъ уже заготовляетъ намъ комнату и пишетъ, что рѣжетъ Булгарина. Читали ли вы его критики? и хороши ли?

„Я къ вамъ пишу сегодня не много, потому что братъ пишетъ больше, и Рожалинъ также, кажется, не лѣнится. Я не много опоздалъ и не хочу откладывать письма до завтра, потому что и такъ мы уже долго откладывали, и я боюсь, что если письмо опоздаетъ, то вы будете безпокоиться о братѣ, и о томъ, какъ онъ пріѣхалъ изъ Вѣны. Потому прощайте! Скоро либо напишу къ вамъ еще, либо самъ пріѣду. Обнимаю васъ отъ всей души; поклонитесь всѣмъ, кто обо мнѣ помнитъ".

11-го Ноября.

„Здравствуйте! Вотъ я въ Варшавѣ, ѣду къ вамъ, однако не въ Москву, потому что увѣренъ, что вы оттуда уѣхали, а въ Петербургъ, гдѣ по всѣмъ вѣроятностямъ вы должны быть теперь. Въ Москву же пишу къ вамъ только такъ, на удачу, и крѣпко надѣюсь, что мое письмо сдѣлаетъ крюкъ изъ Москвы въ Петербургъ. Однако, не смотря на крюкъ, оно придетъ прежде меня, потому что я здѣсь долженъ ждать цѣлую недѣлю, ибо дилижансъ отходитъ только въ середу, а теперь четвергъ; къ тому же этотъ проклятый дилижансъ идетъ два дня съ половиной до Польской границы. Тамъ я возьму извощика можетъ быть до самаго Петербурга, потому что на почтѣ, или на перекладныхъ ѣхать и слишкомъ дорого и безъ человѣка невѣрно, ибо когда некому смотрѣть за вещами, то само собою разумѣется, что онѣ могутъ пропасть. Хотя я не везу съ собой никакихъ драгоцѣнностей, однако все непріятно остаться въ одной шубѣ. Извощикъ же, который меня повезетъ, принадлежитъ Графу Гуровскому, съ которымъ я здѣсь познакомился, или, лучше сказать, возобновилъ знакомство, ибо зналъ его въ Мюнхенѣ. Онъ ручается мнѣ за вѣрность, услужливость и расторопность своего кучера и за доброту его лошадей. Не смотря на то однако, что я везу и кучеру и лошадямъ грозный ордеръ отъ барина, въ которомъ сказано между прочимъ: ѣхать какъ можно скорѣе, вся моя дорога съ фурманомъ продолжится около двухъ съ половиною недѣль, а можетъ быть и больше; слѣдовательно

въ Петербургъ пріѣду я не прежде половины Декабря, ибо сегодня 11-е Ноября. Если не найду васъ тамъ, то узнаю отъ Жуковскаго, гдѣ вы, и отправлюсь туда. Вотъ и разлука наша, которая при началѣ казалась безъ конца, сама собою кончилась. Еще не прошло года, какъ я васъ оставилъ. Кажется, судьба только пошутила съ нами, заставивши насъ прощаться такъ на долго. Хотя эта шутка была совсѣмъ Нѣмецкая, и ни она сама, ни ея развязка, совсѣмъ не забавны. Неужели и судьба Нѣмка? Вы видите, милая маменька, что я ѣду къ вамъ съ совершенно спокойнымъ духомъ, ибо твердо увѣренъ, что вы не подвергаете ни себя для насъ, ни нашихъ ни малѣйшей опасности. Я не сомнѣваюсь, что это письмо пришлется къ вамъ либо въ Петербургъ, либо въ Ригу, и что вы уѣхали изъ Москвы, какъ скоро пріѣхалъ папенька изъ деревни, а папенька, конечно, не рисковалъ вами изъ лишняго рубля, который онъ могъ бы выхозяйничать тамъ, и расчелъ, что лучше уѣхать безъ ничего, чѣмъ оставаться съ тысячами. Однако признаюсь вамъ, что страхъ иногда находитъ на меня. Но я умѣю его разгонять больше простою волею, чѣмъ благоразумнымъ разсужденіемъ. Пишите какъ можно скорѣе къ брату, который остался въ Мюнхенѣ и боится за васъ еще больше меня. Уже двѣ недѣли, какъ я его оставилъ, и если онъ еще не получилъ объ васъ извѣстія, то это было бы съ вашей стороны слишкомъ жестоко. Но нѣтъ нѣтъ! прочь всѣ безпокойныя мысли, вы къ нему писали изъ Петербурга. И онъ покоенъ на вашъ счетъ. Я хочу вѣрить всему хорошему, хочу не сомнѣваться въ лучшемъ; иначе, поддавшись страху дурнаго, теперь какая бы душа могла устоять? За чѣмъ я оставилъ васъ? Но что сдѣлано, то сдѣлано. Прошедшаго воротить нельзя, и мы властны только надъ настоящимъ. Надъ нимъ я буду господиномъ, буду управляться собою и докажу это даже въ этихъ обстоятельствахъ надъ своими чувствами и воображеніемъ. Я буду покоенъ до тѣхъ поръ, покуда увижусь съ вами. Еще цѣлый мѣсяцъ! Но запасъ моей воли станетъ еще на долѣе. Прощайте, обнимаю васъ всѣхъ. Гостинцевъ не везу никому, выключая меньшихъ, и то только для того, чтобы они были мнѣ рады. При выѣздѣ изъ Варшавы, т. е. черезъ недѣлю, буду писать еще, а теперь еще разъ обнимаю васъ. Вашъ Иванъ.

„Сейчасъ явился извощикъ, который берется доставить меня до Польской границы за три червонца, вмѣстѣ съ другимъ пассажиромъ, который платитъ столько же. И такъ я ѣду сего дня. Прощайте до Петербурга“.

Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій воротился въ Москву 16 Ноября, черезъ недѣлю пріѣхалъ и Петръ Васильевичъ, промедлившій по неволѣ нѣсколько дней въ Кіевѣ *). На этотъ разъ холера, слава Богу,

---

*) П. В. проѣхалъ черезъ Варшаву наканунѣ возмущенія. Курьеръ, привезшій извѣстіе о вспыхнувшемъ возмущеніи, пріѣхалъ въ Кіевъ нѣсколькими часами

не коснулась ихъ семьи и оба брата нашли здоровыми всѣхъ своихъ близкихъ и друзей.

Въ продолженіе 1831 года, И. В. Кирѣевскій написалъ нѣсколько водевилей и комедій, которые были разыграны на домашнемъ театрѣ. Вмѣстѣ съ Языковымъ написалъ онъ „Вавилонскую Принцессу", драматическую фарсу въ прозѣ, перемѣшанную стихами, и осенью приступилъ къ исполненію давно задуманнаго плана: изданію журнала. Названіе „Европеецъ" достаточно указываетъ на тогдашній образъ мыслей Кирѣевскаго. Ревностными сотрудниками Европейца въ Москвѣ были Языковъ, Баратынскій и Хомяковъ; въ Петербургѣ Жуковскій, Кн. Вяземскій, А. И. Тургеневъ и Кн. Одоевскій. Въ концѣ этого года Жуковскій пріѣхалъ въ Москву и отдалъ для перваго нумера свою сказку „О спящей царевнѣ", и тотчасъ послѣ выхода первой книжки, прислалъ „Войну мышей и лягушекъ", „Судъ Божій", „Царя Берендея" и нѣсколько мелкихъ піэсъ, почти что цѣлый томъ стихотвореній. Пушкинъ, довольный разборомъ Бориса Годунова, написалъ Языкову, что пришлетъ для Европейца все, что будетъ имъ окончено, радовался новому журналу, и обѣщалъ свое полное и дѣятельное сотрудничество. Европейцу предстояла блестящая будущность; все что было знаменитаго тогда въ литературѣ, блестящіе таланты того времени, которыми, по справедливости, всегда будетъ гордиться Русская словесность, люди эти безкорыстно соединились для дружной дѣятельности. Но Европейца вышло только двѣ книжки; все что было въ этихъ книжкахъ самого Кирѣевскаго, нынѣ перепечатано вполнѣ. Читатель можетъ ясно видѣть, что въ статьяхъ сихъ нѣтъ ничего возмутительнаго, ничего такого, что могъ бы вычеркнуть самый подозрительный цензоръ нашего времени. Но у Кирѣевскаго было много враговъ литературныхъ, которымъ не нравился успѣхъ новаго журнала, и которые не могли забыть его прежнихъ критическихъ разборовъ.

прежде Кирѣевскаго. Въ Кіевѣ, въ полиціи отказались дать свидѣтельство для полученія подорожной; полиціи показалось страннымъ, что человѣкъ спѣшитъ въ чумный городъ, изъ котораго всѣ старались выѣхать; Польское окончаніе фамиліи на скій; паспортъ, въ которомъ было прописано, что при г-нѣ Кирѣевскомъ человѣкъ, между тѣмъ какъ онъ возвращался одинъ, ибо человѣкъ былъ отпущенъ нѣсколько мѣсяцевъ прежде; всѣ эти обстоятельства показались подозрительными и полиція не дозволила выѣхать изъ города, безъ высшаго разрѣшенія. Мюнхенскаго студента потребовали явиться къ Генералъ-Губернатору: тогда Ген. Губ. былъ Княжнинъ. Онъ принялъ Кирѣевскаго строго и сухо, предложилъ ему нѣсколько вопросовъ, и, выслушавъ отвѣты, въ раздумьѣ началъ ходить по комнатѣ. Молодой Кирѣевскій, не привыкшій къ такимъ начальническимъ пріемамъ, пошелъ вслѣдъ за нимъ. „Стойте, молодой человѣкъ"! воскликнулъ Генералъ-Губернаторъ, закипѣвшій отъ негодованія. „Знаете ли вы, что я сейчасъ же могу засадить васъ въ казаматъ, и вы сгніете тамъ у меня, и никто никогда объ этомъ не узнаетъ?" „Если у васъ есть возможность это сдѣлать, спокойно отвѣчалъ Кирѣевскій, то вы не имѣете права это сдѣлать!" „Ступайте," сказалъ Г. Губернаторъ, нѣсколько устыдившись своей неумѣстной вспыльчивости, и въ тотъ же вечеръ приказалъ выдать подорожную.

Статья его „XIX вѣкъ“ была перетолкована, и 22 Февр. 1832 года журналъ былъ запрещенъ. Въ запретительной бумагѣ было сказано: что „хотя сочинитель и говоритъ, что онъ говоритъ не о политикѣ, а о литературѣ, но разумѣетъ совсѣмъ иное: подъ словомъ просвѣщеніе онъ разумѣетъ свободу, дѣятельность разума означаетъ у него революцію, а искусно отысканная середина ничто иное, какъ конституція; статья сія не долженствовала быть дозволена въ журналѣ литературномъ, въ каковомъ запрещается помѣщать что либо о политикѣ, и вся статья, не взирая на ея нелѣпость, писана въ духѣ самомъ неблагонамѣренномъ“. Далѣе разборъ представленія „Горе отъ ума“ признанъ за самую непристойную выходку противъ находящихся въ Россіи иностранцевъ. Почему Ценсоръ былъ подвергнутъ законному взысканію, продолженіе журнала воспрещено, и Кирѣевскій офиціально признанъ человѣкомъ неблагомыслящимъ и неблагонадежнымъ. Цензоръ Серг. Тим. Аксаковъ, пропустившій въ то же время шуточную поэму „12-ть спящихъ буточниковъ“, вскорѣ былъ отставленъ. Кирѣевскому, кромѣ запрещенія журнала, угрожало удаленіе изъ столицы, и онъ спасенъ былъ только горячимъ и энергическимъ заступничествомъ В. А. Жуковскаго.

Счастливы мы, что живемъ въ такія времена, когда не только возможно перепечатать статьи, вполнѣ безвредныя, не только возможно разсказать о тогдашней ценсурной придирчивости, но когда подобныя ценсурныя дѣла перешли уже въ область преданія, которому вѣрится съ трудомъ, стали дѣлами давно минувшихъ дней, глубокою стариною, которой, слава Богу, конечно не суждено уже возродиться *).

Глубоко поразила Кирѣевскаго эта неудача на поприщѣ журнальной дѣятельности, онъ смотрѣлъ на нее какъ на лучшее средство быть полезнымъ отечеству, готовился къ ней, какъ къ святому подвигу жизни, и дѣятельность эта, поддержанная дружескимъ сотрудни-

---

*) Книжки Европейца сдѣлались библіографической рѣдкостью, поэтому перепечатываемъ вполнѣ оглавленіе первыхъ двухъ нумеровъ: № 1. Девятнадцатый вѣкъ, И. В. Кирѣевскаго.—Сказка о спящей Царевнѣ, В. А. Жуковскаго.—Императоръ Іуліанъ, переводъ изъ Вильменя, Д. С. — О слогѣ Вильменя, И. В. Кирѣевскаго.—Элегія. Е. А. Баратынскаго.—Е. А. Свербѣевой,—Ау, стихотворенія, Н. М. Языкова.—Чернецъ, повѣсть съ Нѣмецкаго. — Письма Гейне о картинной выставкѣ.—Критика: Обозрѣніе Русской Литературы И. В. Кирѣевскаго.—Письма изъ Парижа Людвига Берне. Смѣсь. Литературныя Новости, А.—Сѣверо-американскій Сенатъ. С.—Мысли изъ Жанъ Поля. Д. — Горе отъ Ума на Московской сценѣ И. В. Кирѣевскаго.—Е. Письмо изъ Лондона.

№ 2. Война мышей и лягушекъ. В. А. Жуковскаго.—Перстень, повѣсть въ прозѣ Ев. А. Баратынскаго.—Воспоминаніе. Стихотвореніе Н. М. Языкова.—Карлъ Марія Веберъ, съ Нѣмецкаго.—Конь Н. М. Языкова.—Элегія его же.—Языкову Е. А. Баратынскаго. — Письма Гейне. Окончаніе. — Современное состояніе Испаніи, статья, составленная П. В. Кирѣевскимъ.—Иностранкѣ, А. С. Хомякова. — Ей же, А. С. Хомякова. Обозрѣніе Русской Литературы. И. В. Кирѣевскаго. О Бальзакѣ. — Смѣсь. Письмо изъ Парижа. А. И. Тургенева. Письмо изъ Берлина.—Русскіе Альманахи: И. В. Кирѣевскаго.—Антикритика Е. А. Баратынскаго. О небесныхъ явленіяхъ.

чествомъ людей, мнѣніемъ и одобреніемъ которыхъ онъ дорожилъ еще болѣе, чѣмъ блескомъ успѣха, дѣятельность эта была внезапно порвана при самомъ началѣ. Кирѣевскій пересталъ вовсе писать. Въ продолженіе 11-ти лѣтъ, имъ не было написано ни одной статьи, подъ которой онъ подписалъ свое имя. Маленькій разборъ стихотвореній Языкова, помѣщенный въ Телескопѣ, былъ напечатанъ безъ имени. Близкіе друзья его, и даже самъ Языковъ не знали, что статья принадлежитъ ему. Небольшая статейка объ Русскихъ писательницахъ была написана по просьбѣ Анны Петровны Зонтагъ, для Одесскаго Альманаха, изданнаго съ благотворительною цѣлью. Повѣсть Опалъ и другой отрывокъ изъ повѣсти были написаны для Европейца, хотя и были напечатаны въ послѣдствіи. Въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ Кирѣевскій почти ничего не писалъ, и когда онъ снова началъ печатно высказывать свои мысли (1845), онѣ, по направленію, были во многомъ несогласны съ тѣми мнѣніями, выраженіемъ которыхъ служилъ Европеецъ.

Повторимъ здѣсь слова Хомякова: „слишкомъ рано писать біографію Кирѣевскаго; о движеніи и развитіи его умственной жизни говорить еще нельзя, они такъ много были въ соприкосновеніи съ современнымъ и еще недавно минувшимъ, что не возможно говорить о нихъ вполнѣ искренно и свободно“. Въ этомъ очеркѣ мы и не думаемъ писать полной его біографіи; передавая въ хронологическомъ порядкѣ письма его къ семьѣ и друзьямъ, мы старались сдѣлать нѣсколько объяснительныхъ примѣчаній, разсказать о тѣхъ внѣшнихъ событіяхъ его жизни, во время которыхъ были писаны его сочиненія и письма, нынѣ печатаемыя. Мы вовсе не думали анализировать движеніе его умственной жизни; замѣтимъ одно: могъ измѣниться его взглядъ на многія историческія явленія, на значеніе Петровскаго преобразованія, даже на все наше просвѣщеніе въ отношеніи къ просвѣщенію Западному, но въ самомъ Кирѣевскомъ не было рѣзкихъ противорѣчій. Читатель можетъ видѣть, еще до изданія Европейца, изъ его письма объ Шлейермахерѣ, что и тогда Кирѣевскаго не удовлетворила разсудочная раздвоенность Нѣмецкаго философа-богослова; что онъ и тогда требовалъ цѣльности воззрѣнія, хотя и не высказывалъ прямо этого слова. Въ немъ самомъ не было этой раздвоенности; его сердечная увѣренность никогда не была въ разладѣ съ его логическими выводами. „Кто не понялъ мысли чувствомъ, тотъ еще не понялъ ее вполнѣ, точно также какъ и тотъ, кто понялъ ее однимъ чувствомъ“, писалъ Кирѣевскій въ 1827 году. Логическій выводъ былъ у Кирѣевскаго всегда завершеніемъ и оправданіемъ его внутренняго вѣрованія, и никогда не ложился въ основаніе его убѣжденія.

Подлѣ Кирѣевскаго, неразлучно съ самыхъ первыхъ лѣтъ дѣтства, былъ его братъ Петръ Васильевичъ. Они были связаны такою нѣжною, горячею дружбою, которая бываетъ рѣдка даже между братьями. Мы

видѣли выше, изъ писемъ Ивана Васильевича, какъ высоко онъ цѣнилъ своего меньшаго брата, но въ эпоху запрещенія Европейца, взгляды ихъ во многомъ были несходны. Щедро одаренный отъ природы *), Петръ Васильевичъ, съ молоду, съ особенной любовью сосредоточилъ всѣ свои силы надъ изученьемъ Русской старины и выработалъ свой самостоятельный взглядъ—глубокое убѣжденіе въ безусловномъ вредѣ насилія Петровскаго переворота, въ этомъ отступничествѣ дворянства отъ коренныхъ началъ Русской народной жизни. Онъ долго оставался одинокъ съ своими убѣжденіями, они казались чудачествомъ, непослѣдовательностью въ человѣкѣ, который искренно былъ преданъ свободѣ и просвѣщенію, и Ивану Кирѣевскому трудно было согласить свои Европейскія мнѣнія съ упорнымъ Славянствомъ брата. Ихъ разномысліе въ такомъ жизненномъ вопросѣ выражалось почти что въ ежедневныхъ, горячихъ спорахъ, состояніе это не могло не быть крайне тяжелымъ для того и другаго; чтобы уцѣлѣла вполнѣ ихъ единодушная дружба, необходимо было, чтобы одинъ изъ нихъ пересоздалъ свой образъ мыслей о Русскомъ народѣ. Кажется, можно съ увѣренностью сказать, что при непрерывномъ, страстномъ обмѣнѣ мыслей и свѣденій, взглядъ старшаго брата постепенно измѣнялся, по мѣрѣ того, какъ несокрушимо-цѣльное убѣжденіе младшаго укрѣплялось и опредѣлялось изученіемъ современной народности и древней, вѣчевой Руси.

Иванъ Кирѣевскій былъ друженъ съ Дмитріемъ Влад. Веневитиновымъ, и еще съ 1824-года былъ знакомъ съ другомъ Веневитинова, Алек. Степ. Хомяковымъ; послѣ запрещенія Европейца, короткое знакомство ихъ перешло въ дружбу. Ал. Ст. Хомяковъ былъ ревностный исполнитель обрядовъ православной церкви, еще въ то время, когда въ высшемъ обществѣ, воспитанномъ на Французскій ладъ, невѣріе считалось признакомъ либеральности, а православіе едва ли не служило синонимомъ невѣжества. Для многихъ, не коротко знавшихъ Хомякова, его строгое постничество казалось однимъ желаніемъ идти

---

*) Петръ Вас. говорилъ и писалъ на семи языкахъ; свѣтлый умъ его былъ обогащенъ многообразными свѣденіями, но способности его были гораздо меньше блестящи, нежели у старшаго брата, ибо онъ не былъ такъ краснорѣчивъ и писалъ съ большимъ трудомъ. Единственная статья его была написана для Москвитянина 1845-го года; изъ переводовъ его молодости остались въ рукописи нѣсколько оконченныхъ трагедій Кальдерона (съ Испанскаго) и Шекспира. Его переводъ исторіи Магомета, Вашингтонъ Ирвинга, былъ напечатанъ послѣ его смерти. Свой подвигъ собиранья русскихъ пѣсенъ онъ началъ лѣтомъ 1831-го года. Въ молодости Петръ В. былъ крайне застѣнчивъ, потому изъ друзей брата съ нимъ сдружались только тѣ, кого судьба приводила пожить нѣсколько лѣтъ подъ одной кровлей. Одинаковость основныхъ убѣжденій заставила Хомякова искать сближенія съ нимъ. Онъ говорилъ, что не видывалъ человѣка съ большими миссіонерскими способностями. Вспомнимъ здѣсь другое справедливое замѣчаніе Хомякова; невозможна отдѣльная біографія Ивана В., также какъ невозможна отдѣльная біографія Петра В., возможна только біографія братьевъ Кирѣевскихъ.

на перекоръ принятыхъ обычаевъ свѣта, для того, чтобы вызвать на споръ и въ спорѣ потѣшить свои блестящія діалектическія способности. Кирѣевскій былъ друженъ съ нимъ и зналъ, что въ Хомяковѣ все было искренно, все основывалось на твердой и сознательной вѣрѣ, и что эта животворящая струя проникла въ немъ всѣ изгибы его бытія. Духовную высоту, нравственную чистоту его характера, Кирѣевскій цѣнилъ выше и его прекраснаго поэтическаго таланта и геніальныхъ способностей его ума. Хомяковъ съ ранней молодости былъ славянофиломъ; въ этомъ отношеніи онъ дружно сошелся съ Петромъ Кирѣевскимъ и одинъ изъ первыхъ и вполнѣ оцѣнилъ, узналъ его.

Въ 1834 году исполнились давнишнія сердечныя желанія Кирѣевскаго. Въ Мартѣ мѣсяцѣ онъ помолвилъ и 29 Апрѣля женился на Натальѣ Петровнѣ Арбеневой. Вскорѣ послѣ свадьбы онъ познакомился съ схимникомъ Новоспасскаго монастыря, отцомъ Филаретомъ, и когда впослѣдствіи короче узналъ его, сталъ глубоко уважать и цѣнить его бесѣды. Во время предсмертной болѣзни старца, И. В. ходилъ за нимъ со всею заботливостію преданнаго сына, цѣлыя ночи просиживалъ въ его кельѣ надъ постелью умирающаго. Конечно, это короткое знакомство и бесѣды схимника не остались безъ вліянія на его образъ мыслей и содѣйствовали утвержденію его въ томъ новомъ направленіи, которымъ были проникнуты его позднѣйшія статьи.

Съ 1834 года, Кирѣевскій проводилъ почти всегда зимы въ Москвѣ, уѣзжая на лѣто въ свое Долбино. Зимою 1839 года у него бывали еженедѣльные вечера, для небольшаго круга его друзей. По условію, каждый изъ посѣтителей долженъ былъ поочереди прочесть что нибудь вновь написанное. Тутъ нѣсколько разъ читалъ Гоголь свои комедіи и первыя главы тогда еще неизданныхъ Мертвыхъ Душъ; для этихъ вечеровъ была написана покойнымъ профессоромъ Крюковымъ прекрасная статья о древней Греческой Исторіи, и А. С. Хомяковъ написалъ статью О старомъ и новомъ. Статья эта въ нѣкоторыхъ частностяхъ какъ будто противорѣчитъ выраженному впослѣдствіи взгляду Алексѣя Степановича на Русскую исторію; но она никогда не предназначалась для печати. Очень можетъ быть, что Хомяковъ написалъ ее съ намѣреніемъ вызвать возраженіе со стороны Кирѣевскаго. Отвѣтная статья Кирѣевскаго принадлежитъ уже къ его позднѣйшему направленію, тому направленію, которое впослѣдствіи онъ самъ называлъ Православно-Славянское, „которое преслѣдуется странными нападеніями, клеветами, насмѣшками, но во всякомъ случаѣ достойно вниманія, какъ такое событіе, которому, по всей вѣроятности, предназначено занять не послѣднее мѣсто въ судьбѣ нашего просвѣщенія". Во главѣ этого новаго умственнаго движенія были братья Кирѣевскіе и Хомяковъ, и вокругъ нихъ собралось нѣсколько молодыхъ и сочувствующихъ людей, между коими нельзя не вспомнить Дмит. Александ. Валуева, племянника Языкова, выросшаго вблизи Кирѣевскихъ и раз-

витіемъ своимъ во многомъ обязаннаго ихъ вліянію. Валуевъ скончался въ первой молодости, но безъ отдыха до самой смерти, во вредъ своему здоровью, сгорая жаждою дѣятельности, неутомимо трудился надъ задуманными имъ изданіями. Первые томы Славянскаго и Симбирскаго сборниковъ долженствовали быть началомъ обширнаго предпріятія. Кто зналъ твердую волю и неутомимое трудолюбіе покойнаго Валуева, тотъ смѣло могъ бы поручиться, что наша ученая литература обогатилась бы многими и многими книгами, еслибы смерть прежде времени не подкосила эту молодую, дѣятельную жизнь. Два сборника, изданные Валуевымъ, первыя по времени книги, которыя вполнѣ принадлежатъ Московскому Славянскому направленію. Москвитянинъ, начавшійся въ сороковыхъ годахъ, не смотря на сочувствіе къ Славянамъ, на уваженіе къ древней Русской исторіи, никогда не былъ вполнѣ выраженіемъ того образа мыслей, во главѣ котораго стояли Хомяковъ и Кирѣевскіе. До 1845 года Кирѣевскіе вовсе не участвовали въ Москвитянинѣ; участіе Хомякова было отрывочно; это было переходное время, когда еще два мнѣнія не раздѣлились на два отдѣльные лагеря, когда въ Библіотекѣ для Воспитанія (изданіе, выходившее подъ редакціей Валуева) участвовали и Грановскій, и Хомяковъ, и Кирѣевскій (Кирѣевскимъ написана была для Библіотеки краткая біографія Баратынскаго). Къ сожалѣнію, сохранилось весьма мало писемъ Кирѣевскаго, этой переходной эпохи, отчасти отъ того, что онъ въ это время рѣдко уѣзжалъ на долго изъ Москвы, и поэтому не писалъ писемъ къ друзьямъ, съ которыми часто видался. Помѣщаемъ здѣсь письма къ Н. М. Языкову и къ А. С. Хомякову.

Къ Н. М. ЯЗЫКОВУ.

4 Іюня 1836.

„Теперь главное мое занятіе—хозяйство, т. е. когда вообще я имѣю время заниматься чѣмъ нибудь. Обыкновенно же у меня ничего не дѣлать перемѣшано съ минутными, разрывчатыми заботами, и такъ уходитъ день за другимъ. Но тебѣ, какъ человѣку неженатому, беззаботному, непростительно ничего не дѣлать, а еще непростительнѣе быть больнымъ. Это говорю я не въ шутку, а потому, что глубоко убѣжденъ въ томъ, что въ болѣзни твоей виноватъ самъ ты, или, лучше сказать, твое пристрастіе къ гомеопатіи. Подумай самъ: если она истинна, то отчего же въ 2 года не могъ ею вылечиться? И охота тебѣ пробовать на своемъ тѣлѣ какую бы то ни было систему, тогда какъ нѣтъ сомнѣнія, что мѣсяцъ леченья у хорошаго медика могъ бы тебя привести въ прежнее здоровое положеніе. Ты скажешь, что ты испробывалъ такое леченье, и ошибешься. Ты лечился у Р...., который могъ быть, но еще не былъ хорошимъ, свѣдущимъ, мыслящимъ и опытнымъ врачомъ. Но гемеопатія твоя, я боюсь, можетъ совсѣмъ

тебя разстроить. Впрочемъ, если ты такой ревностный ея почитатель, то позволь мнѣ сказать тебѣ вкратцѣ то, что я думаю объ ней, для того, что твои возраженія можетъ быть и меня наведутъ на путь истины.

„Была ли хоть одна система отъ сотворенія міра, въ которой бы не обозначался характеръ ея изобрѣтателя? мнѣ кажется, и быть не можетъ. Въ чемъ же состоитъ характеръ самого Ганнемана? Умъ геніальный, соединенный съ характеромъ шарлатана. Слѣдовательно, уже напередъ можно сказать, что во всѣхъ его изобрѣтеніяхъ должна быть истина въ частяхъ и ложь въ цѣломъ. Онъ началъ свое поприще извѣстности съ того, какъ ты знаешь, что объявилъ открытіе новаго пневматическаго эликсира, который лечитъ отъ всѣхъ болѣзней. Покупателей было много до тѣхъ поръ, пока оказалось, что въ немъ нѣтъ ничего кромѣ особенно приготовленнаго бозакса. Послѣ первой неудачи Ганнеманъ объявилъ изобрѣтеніе порошка, единственнаго и несомнѣннаго и во всякомъ случаѣ полезнаго противъ скарлатины. Средство это оказалось въ самомъ дѣлѣ новымъ и полезнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но отнюдь не всегда. Оно принесло пользу наукѣ, когда вошло въ нее какъ часть, но много вреда, покуда его употребляли безъ разбора. Вслѣдъ за порошкомъ явилась гомеопатія. Она основывается на трехъ положеніяхъ: 1-е на употребленіи средствъ, однородныхъ съ болѣзнію, 2-е на безконечно малыхъ пріемахъ, 3-е на леченіи признаковъ безъ розысканія причинъ. Все это вмѣстѣ дѣлаетъ ее наукою, доступною людямъ несвѣдущимъ въ медицинѣ, и такимъ образомъ замѣняетъ пневматическій эликсиръ, Но разберемъ ея три основанія. Дѣйствительно, въ большей части болѣзней признаки болѣзни принадлежатъ не ей, а стремленію самаго организма къ здоровью. Потому усилить признаки значитъ пособить выздоровленію.—Это открытіе есть дѣло важное для науки, дѣло генія; но распространять это положеніе на всѣ болѣзни было дѣло шарлатана, и есть вещь вредная, для больныхъ еще больше, чѣмъ для медицины.—2-я мысль, что очищеніе вещества отъ постороннихъ примѣсей увеличиваетъ его силу, давно извѣстна. Мысль другая, что вещество можетъ очищаться посредствомъ безконечнаго раздробленія, есть опять мысль геніальная и въ нѣкоторыхъ случаяхъ справедливая. Но сказать, что раздробленіе есть средство къ очищенію всѣхъ веществъ,—есть дѣло шарлатана. Потому чѣмъ болѣе пользы онъ принесетъ наукѣ въ будущемъ, тѣмъ болѣе вреда сдѣлаетъ своимъ больнымъ въ настоящемъ.—3-е. Леченіе признаковъ безъ розысканія причинъ ихъ уже чистое шарлатанство, безъ всякой примѣси геніальности. Это очевидно изъ самой таблицы признаковъ, гдѣ прибавленіе новаго измѣняетъ иногда лекарство въ противоположное. Не значитъ ли это то, что онъ думаетъ одно, а увѣряетъ въ другомъ? Извѣстное количество признаковъ служитъ вѣроятнымъ выраженіемъ извѣстной причины, противъ которой онъ

совѣтуетъ средство на авось, между тѣмъ какъ совѣстливые медики дѣлаютъ тоже, только признаются, и къ тому же потому должны ошибаться менѣе, что принаравливаются къ каждому больному въ особенности, и кромѣ того имѣютъ помощь въ опытности и своихъ медицинскихъ свѣденіяхъ,—чего не имѣетъ человѣкъ, который, какъ ты, лечится по книгѣ.

„Что же изъ этого слѣдуетъ? что гомеопатія должна быть полезна медицинѣ, но не въ отдѣльности, а въ раціональной совокупности со всѣми естественными и медицинскими науками. Но что для настоящаго времени гораздо важнѣе система испробованная, нежели новая, особливо въ рукахъ неопытныхъ. Потому, если твой гомеопатъ не вылечитъ тебя скоро, то пріѣзжай въ Москву, и я готовъ поручиться, что черезъ мѣсяцъ ты будешь здоровъ совершенно, если станешь лечиться у Рихтера, котораго по счастію или по несчастію мнѣ удалось узнать въ этотъ годъ и въ которомъ я нашелъ одного изъ необыкновенныхъ врачей въ Россіи, человѣка столько же умнаго, сколько ученаго, опытнаго, прозорливаго и добросовѣстнаго. Я совѣтую тебѣ пріѣхать въ Москву безкорыстно, потому что меня уже въ ней не будетъ. Прощай покуда. Твой И. К“.

Къ А. С. ХОМЯКОВУ.

1840 г. 15-го Іюля.

„Эти послѣдніе дни я былъ не совсѣмъ здоровъ. Однако воспользовался этимъ случаемъ, чтобы вставать поздно и ночью писать. Днемъ я рѣшительно не могу ни писать, ни жить, развѣ только читать, что, по славамъ Фихте, то же, что курить табакъ, т. е. безъ всякой пользы приводить себя въ состояніе сна на яву. Впрочемъ въ деревнѣ мнѣ трудно и читать, потому что трудно не перерываться. За то ночь моя собственная. Теперь не зайдетъ ко мнѣ ни управитель, ни сосѣдъ. Окно открыто, воздухъ теплый, самоваръ мой кипитъ, трубка закурена, давай бесѣдовать!

„Меня въ это время, внѣ ходячей дѣйствительности, занимали нѣкоторые вопросы о *волѣ*, которые я хотѣлъ положить на бумагу, да что-то неудачно ложатся. Видно еще имъ рано ложиться, а надобно прежде уходиться въ головѣ. Въ отношеніяхъ воли къ разуму, есть нѣкоторыя тайны, которыя до сихъ поръ не были, и можетъ быть не могли быть постигнуты. Но мнѣ кажется, что при теперешнемъ развитіи законовъ разума, онѣ могутъ быть хотя нѣсколько пояснены, небезполезно для науки, и можетъ быть даже для практическаго приложенія. Сравнивъ наше время съ древними, кажется, мы потеряли секретъ

укрѣплять волю. Исключеніе, какъ Наполеонъ, не доказательство. Вообще, кажется, развитіе разума въ обратномъ содержаніи къ развитію воли, и въ человѣкѣ и въ народѣ. Я говорю о разумѣ логическомъ.

„Мысль моя та, что логическое сознаніе, переводя дѣло въ слово, жизнь въ формулу, схватываетъ предметъ не вполнѣ, уничтожаетъ его дѣйствіе на душу. Живя въ этомъ разумѣ, мы живемъ на планѣ, вмѣсто того, чтобы жить въ домѣ, и начертавъ планъ, думаемъ, что состроили зданіе. Когда же дойдетъ дѣло до настоящей постройки, намъ уже тяжело нести камень, вмѣсто карандаша. Отъ того, говоря вообще, въ наше время воля осталась почти только у необразованныхъ, или у духовно образованныхъ. — Но такъ какъ въ наше время, волею или неволею, человѣкъ мыслящій долженъ провести свои познанія сквозь логическое иго, то по крайней мѣрѣ онъ долженъ знать, что здѣсь не верхъ знанія, и есть еще ступень, знаніе гиперъ-логическое, гдѣ свѣтъ не свѣчка, а жизнь. Здѣсь воля растетъ вмѣстѣ съ мыслію.—Ты поймешь меня безъ распространеній. Этимъ, между прочимъ, объясняется фактъ, который каждый изъ насъ испыталъ тысячу разъ, что мысль до тѣхъ поръ занимаетъ насъ горячо и плодоносно, покуда мы не выскажемъ ее другому. Тогда вниманіе наше отъ предмета живаго обратится къ его изображенію, и мы удивляемся, отчего вдругъ онъ перестаетъ на насъ дѣйствовать, забывая, что цвѣтокъ на бумагѣ не растетъ и не пахнетъ. Покуда мысль ясна для разума, или доступна слову, она еще безсильна на душу и волю. Когда же она разовьется до невыразимости, тогда только пришла въ зрѣлость. Это невыразимое, проглядывая сквозь выраженіе, даетъ силу поэзіи и музыкѣ и пр. Отъ того есть только одна минута, когда произведеніе искусства дѣйствуетъ вполнѣ. Во второй разъ послѣ этой минуты оно дѣйствуетъ слабѣе, покуда наконецъ совсѣмъ перестанетъ дѣйствовать, такъ что пѣсня въ десятый разъ сряду уже несносна, картина надъ письменнымъ столомъ почти какъ песочница, отъ того что сила не въ выраженіи. Чрезъ нѣсколько времени, та же картина и пѣсня могутъ дѣйствовать на насъ по прежнему, или еще сильнѣе, только надобно не ограничиваться ихъ впечатлѣніемъ, а внимать ихъ отношенію къ своей неразгаданной душѣ. И чѣмъ болѣе человѣкъ найдетъ въ душѣ неразгаданнаго, тѣмъ онъ глубже постигъ себя. Чувство вполнѣ высказанное перестаетъ быть чувствомъ. И въ этомъ смыслѣ также справедливо слово: гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше! Практическую истину можно извлечь изъ этого ту, что воля родится втайнѣ и воспитывается молчаніемъ.—Ты можешь быть мнѣ живымъ подтвержденіемъ. Никогда не слыхалъ я, чтобы ты говорилъ о своихъ нравственныхъ побужденіяхъ, отъ того, въ этомъ отношеніи, и воля твоя желѣзная. А въ другихъ отношеніяхъ, много ли сдѣлалъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что могъ? Лѣнь не причина. Она отъ того, что въ душѣ не кипитъ; а душу простуживаетъ языкъ. Утѣшительно для тебя можетъ

быть развѣ многочисленность компаніи, въ которой ты находишься. Ночь прошла, солнце хочетъ выходить, и мухи проснулись. Прощай".

Съ 1839-то года Кирѣевскій былъ почетнымъ смотрителемъ Бѣлевскаго уѣзднаго училища. Онъ принялъ это мѣсто не для того, чтобы считаться на службѣ и, ежегодно жертвуя небольшую сумму денегъ, получать чины, но добросовѣстно исполнялъ свою должность, слѣдилъ за направленіемъ и ходомъ преподаванія и принималъ живое участіе въ успѣхѣ учениковъ. Въ 1840-мъ имъ была написана особая записка „о направленіи и методахъ первоначальнаго образованія народа," поданная тогдашнему попечителю учебнаго округа Графу Сергѣю Григорьевичу Строганову. Въ 1854-мъ, представилъ онъ другую записку: о преподаваніи Славянскаго языка совмѣстно съ Русскимъ, —въ слѣдствіе которой преподаваніе Славянскаго языка было введено въ Бѣлевское училище. Ревностно желая быть полезнымъ дѣлу просвѣщенія въ Россіи, Кирѣевскій, сознавая свои силы, не могъ удовлетвориться дѣятельностью смотрителя уѣзднаго училища. Въ сороковыхъ годахъ, въ Московскомъ университетѣ, каѳедра философіи, ограниченная тогда одною логикою, оставалась безъ преподавателя. Иванъ Васильевичъ искалъ этой каѳедры; по этому случаю была имъ написана: записка о преподаваніи логики, представленная имъ попечителю Московскаго университета Графу Строганову. — Университетская каѳедра была бы конечно для него самымъ лучшимъ поприщемъ; здѣсь вполнѣ могли бы раскрыться способности его, которыми такъ богато одарила его природа. Все, что писалъ Кирѣевскій, носитъ въ себѣ несомнѣнный признакъ даровитости; но даровитость эта еще ярче отражалась въ его разговорахъ. Кирѣевскій былъ увлекательно краснорѣчивъ, и говорилъ гораздо лучше, нежели писалъ; и конечно силою своего таланта плодоносно и благотворно дѣйствовалъ бы на умы молодаго поколѣнія. Къ сожалѣнію, намѣреніе его не могло исполниться. Кажется, что память о Европейцѣ и оффиціальная неблагонадежность тяготѣли надъ нимъ и заграждали ему путь къ каѳедрѣ, хотя мысли, высказанныя въ Европейцѣ, сдѣлались почти что ходячими въ Русской литературѣ, и давно перестали считаться опасными.

Въ 1844-мъ году, друзья Кирѣевскаго, зная, что, по характеру его, срочная работа всего болѣе могла побуждать къ дѣятельности, желали снова подвигнуть его на поприще журналистики.—Но въ тѣ поры не было и надежды получить позволеніе издавать новый журналъ. Михаилъ Петровичъ Погодинъ, подвергнувшійся въ то время разнымъ несчастіямъ, предложилъ передать Кирѣевскому Москвитянинъ. Кирѣевскій въ это время былъ въ деревнѣ, переговоры шли безъ него. — Помѣщаемъ здѣсь письма Ивана Васильевича къ брату его Петру Васильевичу.

„Спасибо, братъ Петръ, что ты не полѣнился побывать у Погодина и написать ко мнѣ, но все я не понимаю хорошо, отчего вы не рѣшите дѣло безъ меня и чего именно вы отъ меня требуете?—Я назначалъ четверыхъ, потому что предполагалъ ихъ въ Москвѣ; но за отсутствіемъ ихъ ты могъ бы съ Погодинымъ рѣшить все вдвоемъ. По крайней мѣрѣ отбери у него его условія и напиши ихъ мнѣ или уговори его написать самого, или продиктовать, если онъ писать не можетъ. Если, какъ вѣроятно, эти условія будутъ для меня возможны, то такъ дѣло и уладится. Если же я найду ихъ почему либо для меня неудобоисполнимыми, то напишу ему, и тогда по крайней мѣрѣ будетъ дѣло ясно.— Хомяковъ писалъ ко мнѣ, но не знаю съ согласія ли Погодина, что надобно будетъ отдѣлить извѣстное число подписчиковъ на расходы по журналу, а сколько именно, это лучше всего можетъ знать самъ Погодинъ по опыту; потомъ слѣдующіе за тѣмъ 100 подписчиковъ въ пользу Погодина,—на это условіе я согласенъ.

„Но такъ какъ я думаю, что первый годъ будетъ мнѣ средствомъ къ знакомству съ публикою, то надѣюсь имѣть въ слѣдующіе годы больше подписчиковъ; отъ того надобно чтобы Погодинъ лишилъ себя права отнять у меня журналъ иначе, какъ съ моего согласія.

„Но прежде всего, и самое существенное—это получить позволеніе; безъ того всѣ разсчеты пишутся на воздухѣ.

„Если министръ будетъ въ Москвѣ, то тебѣ непремѣнно надобно просить его о пѣсняхъ, хотя бы къ тому времени тебѣ и не возвратили экземпляровъ изъ цензуры. Можетъ быть даже и не возвратятъ, но просить о пропускѣ это не мѣшаетъ. Главное на чемъ основываться, это то, что пѣсни народныя, а что весь народъ поетъ, то не можетъ сдѣлаться тайною, и цензура въ этомъ случаѣ столько же сильна, сколько Перевощиковъ надъ погодою. — Уваровъ вѣрно это пойметъ, также и то, какую репутацію сдѣлаетъ себѣ въ Европѣ наша цензура, запретивъ народныя пѣсни, и еще старинныя. Это будетъ смѣхъ во всей Германіи.

„А тебѣ въ самомъ дѣлѣ безъ стиховнаго отдѣла мудрено издавать. Въ этомъ-то и главная особенность твоего собранія. Лучше бы всего тебѣ самому повидаться съ Уваровымъ, а если не рѣшишься, то поговори съ Погодинымъ.“

15-го Мая 1844.

„Я не могъ пріѣхать, другъ Петръ, между прочимъ и потому, что былъ боленъ, простудилъ горло, и нѣсколько времени не выходилъ изъ комнаты, а когда выздоровѣлъ, то не зналъ, застану ли уже кого въ Москвѣ, потому что о времени отъѣзда X. мнѣ не писалъ, а увѣдомилъ только, что скоро — нарѣчіе неопредѣленное, требовавшее частицы не. Вообще вы пишете очень необстоятельно, и читаете письма также. Напр., кто тебѣ сказалъ, что трудъ этотъ былъ бы для меня чрез-

мѣрно тяжелъ? Напротивъ, я жажду такого труда, какъ рыба еще не зажаренная жаждетъ воды. — И съ вашею помощію, надѣюсь одолѣть его. Если же правда, что мое участіе могло бы расколыхать дѣятельность моихъ друзей, то это счастіе было бы для меня величайшею причиною желать согласиться на ваше предложеніе. Но хочу только не ввести никого въ отвѣтственность и не прятаться какъ злоумышленникъ. На рядъ именъ я могъ бы согласиться, въ такомъ случаѣ, если бы мое было позволено съ сознаніемъ, что оно мое. Если Погодинъ возьмется исходатайствовать это, то на рядъ именъ я готовъ согласиться, разумѣется, съ тѣмъ, чтобы это нисколько не стѣсняло моихъ убѣжденій. Тогда пусть этотъ рядъ издаетъ Москвитянина нынѣшній годъ, а я пріѣду участвовать къ осени. Условія пусть дѣлаетъ Хомяковъ, такъ чтобы и Погодину было выгодно и журналъ могъ идти.

„На будущій годъ я бы думалъ: хорошо завести слѣдующую систему изданія: 1. Самую аккуратную бухгалтерію. 2. Начать журналъ, когда бы онъ имѣлъ 1000 подписчиковъ, и уменьшить объемъ, если будетъ меньше. 3. Все остающееся количество сбора за расходами употребить на плату за статьи, считая оригинальныя втрое противъ переводныхъ, также уменьшать и увеличивать плату по мѣрѣ подписчиковъ.

„Этотъ разсчетъ сдѣлать легко, и при аккуратной бухгалтеріи ни одинъ участникъ не будетъ считать себя обманутымъ и журналъ будетъ имѣть сотрудниковъ. При каждомъ № на оберткѣ печатать число подписчиковъ, и разсчетъ суммы, слѣдующей участникамъ.

„Сообщи это письмо Хомякову, и пришли мнѣ отвѣтъ скорый, т. е. немедленный. Если и ты и Хомяковъ залѣнитесь писать, то поручите кому нибудь. Но поймите меня хорошенько; я согласенъ на ваши предложенія только въ случаѣ офиціальнаго позволенія, и притомъ при такомъ устройствѣ, чтобы при скоропостижной смерти Жуковскаго никто не пострадалъ отъ меня, и при жизни и здоровьѣ Ж., чтобы я не былъ стѣсненъ чужою волею.

„Кажется, требованія мои справедливы и нельзя быть сговорчивѣе. Впрочемъ удастся ли это дѣло или нѣтъ, но скажу тебѣ, что я уже извлекъ изъ него такія выгоды, которыя превышаютъ всякую неудачу. Безъ преувеличенія могу сказать, что я имѣлъ минуты настоящаго счастія, соображая все дружеское участіе въ этомъ дѣлѣ именно тѣхъ, кто такъ высоко у меня въ сердцѣ.

„О пѣсняхъ твоихъ нельзя ли написать еще разъ къ К. А то ты, пожалуй, способенъ отложить еще на годъ. Хотя я и очень радъ бы былъ твоему пріѣзду, но еще лучше желалъ бы тебя видѣть съ книгою, чѣмъ съ рукописью. Кто притѣснилъ Языкова и принудилъ его бросать свой бурмицкій бисеръ въ такую выпачканную свинью? Обнимаю тебя. Твой братъ И. К.

„Нельзя ли въ отвѣтѣ твоемъ, или кому ты поручишь, сообщить мнѣ твое мнѣніе особенно, Хомякова особенно, и предложеніе Погодина особенно.

„Если бы вы согласились на переговоры съ С., то это дѣло можно бы было поручить Грановскому, который конечно бы не отказалъ, и исполнилъ бы въ мѣру, ясно, благородно и удовлетворительно. Подумай объ этомъ. Кажется при самомъ дурномъ результатѣ будетъ выгода, т. е. мы будемъ знать, чего надѣяться нельзя.“

Жажда дѣятельности была такъ сильна, что Кирѣевскій принялъ участіе въ изданіи Москвитянина, не получивъ оффиціальнаго разрѣшенія, о которомъ онъ такъ много заботился. Имъ изданы были три первыя книги Москвитянина на 1845-й годъ. Онѣ во многомъ напоминаютъ книжки Европейца. Снова Жуковскій поспѣшилъ прислать все, что имъ было написано въ стихахъ, и нѣсколько отрывковъ въ прозѣ, съ посланіемъ, которое начиналось:

Слухъ до меня достигъ на берегъ Майна,
Что ты, Кирѣевскій, мой другъ,
Задумалъ быть Москвитяниномъ.

Многія имена прежнихъ сотрудниковъ Европейца являются участниками обновленнаго Москвитянина: Александръ Ив. Тургеневъ, Хомяковъ, Языковъ, князь Вяземскій. Но въ статьяхъ самого Кирѣевскаго и въ прозаическихъ статьяхъ Хомякова свѣтитъ уже другое направленіе, и достаточно поименовать другихъ сотрудниковъ Кирѣевскаго: его брата, Петра Вас. Кирѣевскаго, Константина Сер. Аксакова, Дм. Ал. Валуева, Вас. Алекс. Панова, Мих. Алекс. Стаховича, Як. А. Линовскаго (страшно сосчитать, въ какое короткое время и сколькихъ уже нѣтъ!),—достаточно назвать сіи имена, и имена другихъ, слава Богу, еще живыхъ дѣятелей, чтобы увидѣть, что здѣсь начинается высказываться то убѣжденіе, органомъ котораго впослѣдствіи служили Московскій Сборникъ и Русская Бесѣда. Подъ редакціей Кирѣевскаго были изданы только три первыя книжки Москвитянина на 1845-й годъ, и переданы многіе матеріалы для 4-го №. Невозможность издавать журналъ не будучи его полнымъ хозяиномъ и отвѣтственнымъ издателемъ, и отчасти разстроенное здоровье, заставили Кирѣевскаго отказаться отъ редакторства. Лѣтомъ 1845 года Кирѣевскій переѣхалъ въ свое Долбино и оставался здѣсь до осени 1846 года. 1846-й годъ, по словамъ Кирѣевскаго, былъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ въ его жизни. Въ этотъ годъ онъ похоронилъ свою маленькую дочь и лишился многихъ близкихъ друзей. Почти что въ одинъ годъ скончались Дм. Ал. Валуевъ, Алек. Ив. Тургеневъ, Алек. Анд. Елагинъ, Ник. Мих. Языковъ. Помѣщаемъ здѣсь письма Кирѣевскаго къ матери о кончинѣ Языкова; оба письма писаны уже послѣ кончины Николая Михайловича, но Ки-

рѣевскій, зная, какъ глубоко огорчитъ это извѣстіе, желалъ приготовить къ нему, и потому написалъ прежде объ опасной болѣзни.

1846 г. Декабрь.

„Милая маменька!

„До насъ дошли слухи о вашемъ нездоровьѣ; очень страшно и грустно за васъ. Ради Бога, будьте здоровы! — Я хотѣлъ было ѣхать къ вамъ, но остановился дожидаться письма отъ васъ, потому что у меня тоже не совсѣмъ здоровы жена и маленькая Маша. . . .

„Въ Москвѣ новаго мало. Бѣдный Языкушко очень боленъ. Кажется, послѣ такихъ безпрестанныхъ 15-ти-лѣтнихъ страданій, разстроившихъ его весь организмъ, мудрено повѣрить Иноземцеву, который видитъ надежду выздоровленія. Иногда думаю, что не эгоизмъ-ли это съ нашей стороны—желать ему продолженія страданій, ему, котораго чистая, добрая, готовая къ небу душа, утомленная здѣсь, вѣрующая, жаждущая другой жизни, не можетъ не найдти тамъ тѣхъ радостей, которыхъ ожидаетъ. Здѣсь ему буря непогоды, за которой онъ давно предчувствовалъ, что есть блаженная страна. Впрочемъ все во власти Того, Кто лучше насъ знаетъ что лучше. Потому я не прошу у Него ни того, ни другаго, а только чтобы умѣть просить Его Святой воли.

„Въ Москвѣ теперь дѣлаетъ большой шумъ диссертація Аксакова. Она наконецъ напечатана въ огромной книгѣ, слишкомъ 30 листовъ убористаго шрифта, и черезъ двѣ недѣли по выходѣ вдругъ запрещена, остановлена въ продажѣ и должна опять перепечатываться. Въ самомъ дѣлѣ, кажется, что это насмѣшка не простительная, если это только не просто глупость источника нашего ума—Московскаго Университета. Пропустить книгу цѣлымъ совѣтомъ Профессоровъ, печатать ее полтора года и потомъ велѣть перепечатывать!

„Простите, обнимаю васъ, до завтрашней почты“.

———

„Милая маменька, сейчасъ получилъ письмо отъ васъ и отъ Маши. Вы пишете, что всѣ нездоровы, и не описываете чѣмъ,—это не хорошо и даетъ безпокойство. У насъ горе: бѣдный Языкушко боленъ. Я хотѣлъ писать къ брату, но такъ какъ онъ теперь у васъ, то сообщите вы ему. За Хомяковымъ я послалъ эстафету. У него (Языкова) горячка, онъ простудился, выпивши стаканъ холодной воды. Бредитъ стихами, въ которыхъ словъ нельзя разобрать, и что-то поетъ. Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ, онъ исповѣдался и пріобщился, былъ въ чистой памяти, распорядился всѣми своими дѣлами. Онъ потребовалъ священника въ 4-мъ часу ночи, не смотря на то, что Иноземцевъ увѣрялъ его, что болѣзнь не опасна и что увѣренъ въ его выздоровленіи. Языковъ съ твердостію настоялъ на своемъ желаніи, говоря, что это

лекарство лучше всѣхъ, и что оно одно ему осталось. Послѣ того ему было лучше. Иноземцевъ не предвидѣлъ близкой опасности. Въ середу ему было гораздо лучше. Иноземцевъ успокоилъ всѣхъ; въ четвергъ стало хуже. Иноземцевъ въ 2 часа пополудни нашелъ его въ бреду и велѣлъ поставить шпанскую муху, хотѣлъ заѣхать въ 9 часовъ, узнать, какъ подѣйствовала шпанская муха, но въ 5 часовъ Языковъ успокоился. До этой минуты жизнь его была страдальческая. Онъ перешелъ въ другую свѣтлую, достойную его свѣтлой, доброй души. Нѣтъ сомнѣнія, что если кому-либо изъ смертныхъ суждено тамъ славить величіе и красоту и благость Господа, то вѣрно изъ первыхъ ему. П. М. здѣсь. А. М. былъ здѣсь и уѣхалъ въ Симбирскъ, по необходимымъ дѣламъ, въ прошедшую пятницу. Лицо Языкушки свѣтло и спокойно, хотя носитъ печать прежнихъ долгихъ страданій, залогъ будущихъ теперь наступившихъ утѣшеній. Наканунѣ кончины онъ собралъ вокругъ себя всѣхъ живущихъ у него, и у каждаго по одиночкѣ спрашивалъ, вѣрятъ ли они воскресенію душъ? Когда видѣлъ, что они молчатъ, то просилъ ихъ достать какую-то книгу, которая совсѣмъ перемѣнитъ ихъ образъ мыслей, — но они забыли названіе этой книги! Обстоятельство крайне замѣчательное, теперь они стараются всѣми силами, и не могутъ вспомнить. Очевидное и поразительное доказательство таинственнаго Божіяго смотрѣнія о спасеніи и руководствѣ душъ человѣческихъ. Прощайте, обнимаю васъ за жену и за дѣтей. Вашъ сынъ П. К.

„Пожалуйста, напишите о себѣ и заставьте Петруху брата написать также. Скажите ему не вдругъ объ Яз. Я боюсь, что это слишкомъ поразитъ его. Приготовьте также и Петерсона. Это будетъ въ завтрашнихъ газетахъ, потому боюсь теперь не сообщить вамъ“.

10-го Января 1847.

„Обнимаю тебя, другъ братъ Петруха, и вмѣстѣ съ тобою и со всѣми вами соединяюсь мысленно и сердечно, чтобы поздравить васъ съ завтрашнимъ днемъ. Я не писалъ къ тебѣ передъ новымъ годомъ, потому что не нашелъ въ себѣ духу говорить тебѣ о бѣдномъ нашемъ Языкушкѣ. Изъ письма моего къ маменькѣ, писаннаго 27-го Декабря, ты узнаешь подробности о его послѣднихъ минутахъ; онѣ были святы, прекрасны и тихи. Хомяковъ пріѣзжалъ на нѣсколько часовъ, и, похоронивъ Языкова, тотчасъ отправился къ женѣ въ деревню, потому что она больна. Тутъ я видѣлъ въ первый разъ, что Хомяковъ плачетъ; онъ перемѣнился и похудѣлъ, какъ будто бы всталъ изъ длинной болѣзни. Тѣло положили въ Даниловѣ подлѣ Валуева. Шевыревъ написалъ объ немъ прекрасную статью въ городскомъ листкѣ. Онъ вспоминаетъ всю его жизнь, его же стихами.

„Сегодня жду писемъ изъ Петрищева; очень боюсь за маменьку. У меня тоже не совсѣмъ здоровы жена и маленькая Машенька. Въ этотъ годъ я перешелъ черезъ ножи самыхъ мучительныхъ минутъ,

сцѣпленныхъ почти безпрерывными бѣдами, такъ что когда я несъ мою бѣдную Катюшу въ церковь, то это было уже почти легко, въ сравненіи съ другими чувствами.

„Обнимаю тебя крѣпко. Твой братъ И. К.“

Въ началѣ 1852-года Кирѣевскій написалъ свое извѣстное письмо къ графу Комаровскому: о характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи.—Статья эта была написана для Московскаго Сборника, издаваемаго однимъ изъ молодыхъ друзей Кирѣевскаго, Иван. Сер. Аксаковымъ, и напечатана въ первой книгѣ. Второй томъ Сборника постигла участь Европейца. Кирѣевскій пересталъ вовсе писать для печати.

„Литературныя занятія мои“, писалъ онъ въ то время, „ограничиваются кой-какимъ чтеніемъ, и то новаго читаю мало, а старое охотнѣе, можетъ быть отъ того, что самъ состарѣлся. Однакоже не теряю намѣренія написать, когда будетъ можно писать, курсъ философіи, въ которомъ, кажется, будетъ много новыхъ истинъ, то есть новыхъ отъ человѣческой забывчивости. Жаль, очень жаль, что западное безуміе стѣснило теперь и нашу мысль, именно теперь, когда, кажется, настоящая пора для Россіи сказать свое слово въ философіи, показать имъ, еретикамъ, что истина науки только въ истинѣ православія. Впрочемъ и то правда, что эти заботы о судьбѣ человѣческаго разума можно предоставить Хозяину, который знаетъ когда и кого послать на свое дѣло“. (Изъ письма къ Кошелеву, 1852 г. 2-е Окт.).

Въ тишинѣ своего деревенскаго уединенія, Кирѣевскій продолжалъ работать для своего будущаго философскаго сочиненія, изучая писанія Святыхъ Отцовъ: „Ученіе о Святой Троицѣ не потому только привлекаетъ мой умъ, что является ему какъ высшее средоточіе всѣхъ святыхъ истинъ, намъ откровеніемъ сообщенныхъ,—но и потому еще, что, занимаясь сочиненіемъ о философіи, я дошелъ до того убѣжденія, что направленіе философіи зависитъ, въ первомъ началѣ своемъ, отъ того понятія, которое мы имѣемъ о Пресвятой Троицѣ“.

Долбино въ сорока верстахъ отъ Козельской Оптинской пустыни. Сюда не рѣдко уѣзжалъ Кирѣевскій и проводилъ здѣсь цѣлыя недѣли, душевно уважая многихъ старцевъ святой обители и особенно отца Макарія, своего духовнаго отца, бесѣды котораго онъ высоко цѣнилъ.

Оптинскій монастырь, знаменитый въ округѣ благочестіемъ монашествующихъ братій, извѣстенъ почти въ цѣлой Россіи изданіемъ многихъ переводовъ Святыхъ Отцевъ и другихъ назидательныхъ книгъ. Въ изданіяхъ сихъ и Кирѣевскій принималъ живѣйшее участіе; почти всѣ корректуры исправлялись въ его домѣ; но не только завѣдываніе печатаньемъ, не однѣ хлопоты съ типографіей, цензурою и книгопродавцами, не объ одной внѣшней сторонѣ дѣла заботился Кирѣевскій;

помѣщаемъ здѣсь его письмо къ покойному отцу Макарію, которое доказываетъ, что и самыя рукописи и переводы просматривались Кирѣевскимъ.

„Милостивый батюшка!

„Прилагаю письмо инспектора Сергія, полученное мною въ отвѣтъ на то, которое я ему писалъ по вашему приказанію о послѣднихъ главахъ Аввы Ѳалассія, и прошу вразумить меня, что ему отвѣчать? составить ли примѣчаніе здѣсь и послать ему на одобреніе или просить его самого составить его? — Въ указаніи на Іоанна Дамаскина онъ ошибся: я писалъ ему объ 11-й главѣ и 3-мъ параграфѣ, разумѣя первую часть, въ которой говорится о Пресвятой Троицѣ. А онъ вмѣсто 3-го параграфа прочелъ 3-ю часть, и въ ней искалъ одиннадцатой главы, гдѣ идетъ рѣчь о другомъ. — Въ указанномъ же мною мѣстѣ говорится именно о безначальности и небезначальности Сына.

„Для усмотрѣнія вашего, выписываю это мѣсто, и при семъ прилагаю. Выписываемый о. Инспекторомъ ирмосъ кажется мнѣ тоже недовольно ясенъ. Не имѣется ли въ церковныхъ пѣсняхъ что-либо еще ближе къ предмету?—Въ книгѣ Іоанна Дамаскина еще указана ссылка на Григорія Назіанзена, слово 29 и 39-е, но я ихъ не смотрѣлъ. Въ примѣчаніи же, я думаю, къ выпискѣ изъ І. Дамаскина, достаточно прибавить нѣсколько словъ о томъ, что слово начало имѣетъ нѣсколько смысловъ. Иногда означаетъ оно черту, отъ которой возникаетъ что-либо во времени или пространствѣ; иногда означаетъ основаніе чего-либо, иногда причину, или вину. Здѣсь небезначальный употреблено въ семъ послѣднемъ смыслѣ, и собственно значитъ имѣющій вину своего сыновняго бытія въ Отцѣ, совѣчно Ему и безначально пребывая, какъ Божество, Ему единосущное, но отъ него прежде всѣхъ вѣковъ рожденное, какъ свѣтъ отъ свѣта, Богъ истинный отъ Бога истиннаго.

„Когда будете разсматривать переводъ Филиппова Максима исповѣдника, то на первой страницѣ его, гдѣ говорится о томъ, что любовь составляется изъ вожделѣнія и страха, не найдете ли приличнѣе замѣнить слово вожделѣніе словомъ влеченіе?“

Около этого времени были написаны Кирѣевскимъ два большихъ письма къ А. И. Кошелеву,—по поводу книги Vinet, объ отношеніи церкви къ государству, къ сожалѣнію еще неотысканныя. Вообще надо замѣтить, что наше собраніе матеріаловъ далеко не полное. Еще не собраны и не отысканы его письма къ Жуковскому, Баратынскому, Хомякову и другимъ лицамъ.

Помѣщаемъ здѣсь два письма 1855 г. къ К. С. Аксакову и М. П. Погодину.

К. С. АКСАКОВУ.

Москва. 1-го Іюня. 1855.

„Многоуважаемый и любезнѣйшій Константинъ Сергѣевичъ! Благодарю васъ за присылку вашей статьи о глаголахъ. Я прочелъ ее съ большимъ удовольствіемъ, хотя и совершенный невѣжда въ этомъ дѣлѣ. По этой причинѣ, т. е., потому, что я въ этомъ дѣлѣ совершенный невѣжда,—вамъ вѣроятно не любопытно будетъ знать мое мнѣніе о вашей статьѣ. Однакоже, такъ какъ я не просто невѣжда, а невѣжда-пріятель, то прошу васъ выслушать краткій отчетъ въ тѣхъ мысляхъ, которыя возбудило во мнѣ чтеніе вашей статьи.

„Въ ней, также какъ и во всемъ почти, что вы пишете, есть что-то очень возбудительное. Читая вашу грамматику, чувствуешь себя не въ школѣ, и не въ душномъ кабинетѣ.

„Съ этой точки зрѣнія, кажется мнѣ особенно замѣчательна ваша мысль о личныхъ правахъ Русскихъ глаголовъ. Совершенно справедливо, что въ этомъ совмѣщеніи личной самостоятельности съ цѣльностью общаго порядка, заключается главная особенность того языка, по которому слово живетъ и движется въ Русскомъ умѣ. Въ прежнія времена такъ жили и двигались не одни слова. Это отличительный типъ Русскаго взгляда на всякій порядокъ, и потому должно было составлять главное затрудненіе иностранныхъ систематиковъ, сочинявшихъ намъ грамматики. Ихъ голова не вмѣщаетъ порядка безъ однообразія. Самообразность частной особенности коробитъ имъ глазъ. Между тѣмъ личная самостоятельность глаголовъ такъ мало противорѣчитъ общей законности языка, и такъ ясно сливается съ нею для Русскаго ума, что каждый ребенокъ еще прежде, чѣмъ доростетъ ученья грамотѣ, уже не дѣлаетъ никакой ошибки въ спряженіи. Но ученый Нѣмецъ, проведя лѣтъ двадцать въ Россіи, еще способенъ сказать: стригнулся. Самый родъ этой законности не ясенъ для Нѣмца, и если они будутъ продолжать намъ составлять грамматики, то, пожалуй, мало по мало отучатъ наши глаголы такъ своевольничать и подвергнутъ ихъ подъ свой ваганьковскій порядокъ. Однакоже то, что Русскій ребенокъ понимаетъ безсознательнымъ чутьемъ и что вы сознали умомъ,—то еще не существуетъ для науки до тѣхъ поръ, покуда общая мысль не развернется во всей полнотѣ своихъ внутреннихъ и наружныхъ признаковъ такъ, чтобы изъ общаго можно было предугадывать частное, а на частномъ всегда видѣть отраженіе общаго закона. Потому, какъ ни вѣрна ваша мысль, какъ ни много она обѣщаетъ въ возможности своего развитія, — но покуда еще въ возможности. Это богатое зерно для будущей вашей книги,—зерно, которое еще не умерло и не воскресло въ вашей статьѣ, но ждетъ еще вашей полной грамматики, которой и я съ нетерпѣніемъ ожидаю.

„Меньше, признаюсь вамъ, нравится мнѣ мысль ваша о томъ, что въ Русскомъ языкѣ вовсе нѣтъ временъ, и что языкъ нашъ обратилъ вниманіе на качество дѣйствія, и уже отъ качества вывелъ, по соотвѣтствію, заключеніе о времени (стр. 15).— Простите мнѣ, если я, какъ не филологъ, не умѣю понять законности такого процесса ума Русскаго, который, сознавая общее качество дѣйствія, отдѣляетъ отъ него качество времени, и потомъ уже, по соотвѣтствію качества времени съ другими качествами, выводитъ его какъ заключеніе. Я понимаю, что формы стремленія Русскаго глагола выражаютъ не одно время, но еще и другія качества дѣйствія, и потому вы правы противъ Ломоносова и его послѣдователей, смѣшавшихъ эти другія качества съ категоріею времени, — и противъ Фатера и Боппа, раздробившихъ одинъ глаголъ на многіе разные, смотря по различному его выраженію различныхъ качествъ того же дѣйствія. Но мнѣ кажется, что въ Русскомъ умѣ (языкѣ) эта гибкость формы для выраженія различныхъ качествъ дѣйствія не могла возникнуть предварительно, но только совокупно, съ выраженіемъ времени. Вотъ въ какомъ отношеніи мысль ваша кажется мнѣ преувеличенною и потому одностороннею. Правда, что безъ этого преувеличенія ваша статья лишилась бы нѣсколько своего блеска. Но за то она лишилась бы нѣсколько и своей Нѣмецкой отвлеченности въ изъясненіи вашемъ о переходѣ ума отъ качества дѣйствія къ категоріи времени,—отвлеченности, которая, если бы и была справедлива въ отношеніи къ процессу ума вообще, то все же несправедлива въ отношеніи къ образу мышленія ума Русскаго.—Мысль человѣка Русскаго идетъ не Нѣмецкими путями, какъ очень хорошо знаетъ авторъ Луповицкаго. Потому я думаю, что хотя бы и была постигнута вами настоящая система Русскаго языка, но она до тѣхъ поръ останется не дозрѣвшею въ вашемъ, а слѣдовательно и въ нашемъ сознаніи, неоконченною, покуда не приметъ самородной Русской формы мышленія. Я думаю, что отыскивая эту форму истины, умъ мыслителя еще болѣе прояснитъ себѣ и самую сущность ея.

„Если же принять вашу мысль безъ того, что мнѣ кажется въ ней преувеличеннымъ (т. е. что въ Русскомъ глаголѣ нѣтъ формы, непосредственно выражающей время, но понятіе о времени только выводится изъ предварительнаго понятія о другихъ качествахъ), тогда языкъ нашъ представится намъ богаче другихъ, но менѣе отличенъ отъ нихъ въ своемъ физіологическомъ устройствѣ. Не другой породы звѣрь, но существо той же породы, только въ организмѣ, полнѣе развитомъ.

„То смѣшеніе временныхъ формъ, которое вы замѣчаете въ Русскомъ языкѣ и почитаете исключительною его особенностію, кажется принадлежитъ больше, или меньше всѣмъ языкамъ, Нѣмецъ, напримѣръ, почти только въ грамматикѣ своей обозначаетъ свое будущее

вспомогательнымъ werden, а въ употребленіи онъ почти всегда вмѣсто будущаго ставитъ настоящее: Morgen geh' ich zu ihm, sage ihm das und das и проч. Прошедшее совершенное на всѣхъ языкахъ одинаково съ причастіемъ прошедшимъ; но такъ какъ въ понятіи прошедшаго причастія, или отглагольнаго прилагательнаго уже заключается понятіе о времени, то не очевидно ли, что форма, обозначающая время, перешла не отъ прилагательнаго къ глаголу, а отъ глагола къ прилагательному, слѣдовательно въ глаголѣ она самородная, а не выводная *). Къ тому же, какъ вамъ извѣстно, въ коренномъ Славянскомъ языкѣ была еще и другая форма прошедшаго. Въ Церковно-Славянскомъ есть: видѣхъ, есть и видяхъ, ядохъ и ядяхъ и пр. Слѣдовательно Русскій современный языкъ только утратилъ одну изъ формъ обще-Славянскаго языка (ибо и на другихъ нарѣчіяхъ Славянскихъ, говорятъ, есть тѣ же формы),—а не по особенному процессу мышленія составилъ свои формы.

„Да и что такое глаголъ, если не дѣйствіе, понятое во времени? Такъ называемое неокончательное наклоненіе не есть собственно глаголъ, но отглагольное существительное. Безъ понятія о времени, нѣтъ глагола,—нѣтъ даже въ возможности.

„Фраза, которую вы привели на страницѣ 9-й, чтобы показать, что Русскаго будущаго нельзя назвать будущимъ, можетъ быть буквально переведена на Нѣмецкій языкъ съ тою только разницею, что вмѣсто будущаго Нѣмецъ употребитъ настоящее, также относя его къ прошедшему времени: Die Tage vergingen für uns sehr einförmig; ich gehe zu seiner Thür, klopfe ein Paar Mahl dran, er öffnet mir и проч.

„Изъ этого, однакоже, вы не можете заключить, что Нѣмцы не имѣли настоящаго времени. Настоящее время они имѣютъ, а мы имѣемъ будущее, мы несомнѣнно имѣемъ его, и что бы мы еще имѣли, если бы и будущее было ихъ же!

„Къ тому же нѣтъ ли здѣсь недоразумѣнія? Вы сами говорите, что конецъ фразы, рядъ будущихъ, останется одинаковъ, если вы перемѣните начало, и вмѣсто прошедшаго: всякій день проходилъ, поставите настоящее: проходитъ, или будущее: будетъ проходить. Не показываетъ ли это, что конецъ фразы, рядъ будущихъ, относится не къ этому началу, а къ чему-то другому, что можетъ быть подразумѣвается? Здѣсь можетъ подразумѣваться: всякій день, или всегда, или обыкновенно... Если бы конецъ фразы явно относился къ прошедшему, то вы не могли бы употребить въ ней будущихъ формъ. Вы не можете сказать: вчерашній день я подойду къ его двери

---

*) Прилагательное больной можетъ быть происходитъ и не отъ глагола, но болѣлый очевидно перешло черезъ глагольную форму. Также служебный и служилый.

и пр.—Но вы скажете: я подошелъ къ его двери, или я подходилъ къ его двери. Но если вы нѣсколько разъ подходили къ двери, то можете сказать: вчерашній день, я нѣсколько разъ подойду къ его двери, постучусь и онъ не отворяетъ мнѣ. Слѣдовательно здѣсь будущія времена относятся не къ вчерашнему дню, а къ нѣсколько разъ, т. е. къ понятію о повторявшемся дѣйствіи. Замѣтьте еще, что еслибы это было не рядъ дѣйствій, или, по крайней мѣрѣ, не два дѣйствія, взаимно относящіяся одно къ другому, а только одно дѣйствіе, то хотя бы оно и повторялось нѣсколько разъ, но вы не могли бы выразить его формою будущаго, когда оно совершалось въ прошедшемъ. Вы не можете сказать: бывало я подойду къ его двери, и этимъ кончить. Вамъ непремѣнно надобно прибавить другой глаголъ, съ которымъ глаголъ подойду будетъ взаимно относиться: я подойду, онъ отворитъ и тому подобное. Слѣдовательно такого рода будущія зависятъ не отъ словечка бывало, также какъ они не относятся ко времени, о которомъ идетъ рѣчь, но выражаютъ только порядокъ, въ которомъ одно дѣйствіе относится къ другому. Птица полетитъ, я выстрѣлю, это можетъ относиться ко всѣмъ временамъ. Такое будущее можно назвать будущимъ самостоятельнымъ.

„Если я не ошибаюсь, если точно въ языкѣ нашемъ есть будущее самостоятельное, то не предвѣщаніе ли это нашей судьбы?

„Если будущее самостоятельное можетъ замѣняться другими временами или даже смѣшиваться съ ними вездѣ, гдѣ рѣчь идетъ не о времени, но о порядкѣ отношенія между двумя или нѣсколькими дѣйствіями, то это не мѣшаетъ будущему быть будущимъ, настоящему настоящимъ, а прошедшему прошедшимъ, тамъ, гдѣ нужно опредѣлить время дѣйствія.—Правда, что форма нашего будущаго не всегда отличается отъ формы настоящаго въ изъявительномъ наклоненіи; но за то повелительное, которое тоже будущее, у насъ яснѣе обозначается, чѣмъ во многихъ другихъ языкахъ. Это тоже что нибудь должно значить относительно особенности нашего характера; но только здѣсь я уже не знаю, до какой степени другіе народы будутъ завидывать намъ въ этой особенности.

„Разсматривая Русскій глаголъ, какъ вы дѣлаете, въ самой жизни языка, независимо отъ системъ, составленныхъ по иностраннымъ образцамъ, и постоянно имѣя въ виду замѣченное вами свойство Русскаго глагола: при всѣхъ измѣненіяхъ сохранять право неискаженнаго развитія своей духовной личности, — можно бы, кажется, придти къ совершенно противоположному заключенію, не нарушая законовъ логики, т. е. что именно потому, что Русскій глаголъ выражаетъ, кромѣ времени, еще и качество дѣйствія, онъ долженъ быть богаче другихъ формами, выражающими время. Ибо сверхъ обыкновенныхъ общихъ подраздѣленій времени качество дѣйствія даетъ возможность еще къ

нѣкоторымъ обыкновеннымъ подраздѣленіямъ. Такъ, кромѣ замѣченныхъ вами и прекрасно выраженныхъ смысловъ различныхъ формъ временъ, Русскій глаголъ имѣетъ еще особенную форму для выраженія той быстроты, съ которою дѣйствіе переходитъ въ прошедшее. Разумѣется, эта форма возможна только для тѣхъ глаголовъ, которыхъ личный смыслъ вмѣщаетъ возможность этой мгновенной быстроты. Этого времени, уже не однократнаго только, но мгновенно прошедшаго, нѣтъ въ другихъ языкахъ и слѣдовательно нѣтъ въ иностранныхъ грамматикахъ. — Не знаю, есть ли оно въ вашей, но, кажется, должно быть, потому что есть въ языкѣ. Этой формы не было прежде въ нашихъ грамматикахъ (и не могло быть, потому что искали только формъ общихъ для всѣхъ глаголовъ) и потому языкъ литературный ее избѣгаетъ. Отъ того она не развилась, какъ бы должна была развиться, и носитъ на себѣ какой-то оттѣнокъ неблагороднаго, какъ свойственная больше народу, чѣмъ людямъ образованнымъ. Къ этой формѣ мгновенно-прошедшаго относятся слова: глядь, хвать, прыгъ, щелкъ, стукъ, брякъ, звякъ, бухъ, шлепъ, скокъ, мигъ, шмыгъ, бацъ, кехъ, плюхъ, пихъ и проч. Эта форма хотя выражаетъ прошедшее дѣйствіе, однако еще такъ тепла пролетомъ настоящаго, что животрепещетъ сердцу прошедшимъ и настоящимъ дѣепричастія, занимая отъ перваго смыслъ, синтаксическія права изъявительнаго наклоненія, отъ втораго—необходимость соединяться съ другимъ глаголомъ, въ отношеніи къ которому опредѣляется мгновенность выражаемаго ею дѣйствія.

„Но дописывая съ горяча четвертый листъ моего письма къ вамъ, я не знаю, посылать ли его, зная, что все сказанное мною можетъ быть длинная чепуха, доказывающая только мое незнаніе предмета, о которомъ пишу. Впрочемъ, если и такъ, то вы увидите въ этой чепухѣ еще доказательство того, какое сильное дѣйствіе произвело на меня чтеніе вашей статьи. Между тѣмъ прошу васъ все сказанное мною принять не какъ мое мнѣніе, но какъ вопросы о томъ, что мнѣ въ вашей статьѣ показалось не яснымъ для моего неразвитаго понятія.

„Прошу васъ передать мое искреннее почтеніе вашему много и глубоко уважаемому батюшкѣ и всему вашему почтенному семейству.

Преданный вамъ
Иванъ Кирѣевскій.“

„ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ 1855 ГОДА“.

„Любезный другъ Погодинъ, къ намъ, въ деревню, доходятъ новости поздно, однакожъ отъ этого онѣ мало теряютъ своей живости. Въ послѣднемъ № Московскихъ Вѣдомостей я прочелъ рѣчь, которую ты говорилъ Хрулеву, и прочелъ съ такимъ удовольствіемъ, какого давно

не испытывалъ отъ печатнаго. Тебѣ Богъ вложилъ огонь въ слово. Видно ты въ самомъ дѣлѣ скипѣлся душою съ жизнію нашего отечества, что при каждомъ явленіи этой жизни, при страданіи ея, при радости, у тебя вырывается изъ сердца настоящій звукъ. Твои голоса, т. е. не печатанные,—возбуждаютъ почти общее сочувствіе. Разумѣется не всѣ, но большая часть. Въ рѣчи Хрулеву меня особенно поразила и обрадовала мысль о томъ, что Европа не догадывается, сколько добра извлечетъ Россія изъ того зла, которое она думаетъ ей нанесть. Я думалъ, что я одинъ утѣшаю себя этою мыслію, и хотѣлъ бы обнять тебя, видя, что ты говоришь, что̀ я думаю. Твоя увѣренность укрѣпляетъ мою. Да, любезный другъ, эти страданья очистительныя; эта болѣзнь къ здоровью. Мы бы загнили и задохлись безъ этого потрясенія до самыхъ костей. Россія мучается, но это муки рожденія. Тотъ не знаетъ Россіи и не думаетъ о ней въ глубинѣ сердца, кто не видитъ и не чувствуетъ, что изъ нея рождается что-то великое, не бывалое въ мірѣ. — Общественный духъ начинаетъ пробуждаться. Ложь и неправда, главныя наши язвы, начинаютъ обнаруживаться. Ужасно, невыразимо тяжело это время; но какою цѣною нельзя купить того блаженства, чтобы Русскій православный духъ,—духъ истинной Христіанской вѣры,—воплотился въ Русскую общественную и семейную жизнь! А возможность этого потому только невѣроятна, что слишкомъ прекрасна.

„Впрочемъ, въ стремленіи къ Русскому народному духу, есть возможность недоразумѣнія, которое, къ сожалѣнію, часто встрѣчается, и многое путаетъ.

„Подъ Русскимъ духомъ разумѣютъ не одушевленіе общечеловѣческаго ума духомъ православнаго, истиннаго христіанства, — но только отрицаніе ума западнаго. Подъ народнымъ разумѣютъ не цѣлостный составъ государства, но одно простонародное,—смѣшанный отпечатокъ полуизглаженныхъ прежнихъ общественныхъ формъ, давно изломанныхъ, и слѣдовательно уже не возстановимыхъ. Духъ живитъ,—но улетаетъ, когда имъ хотятъ наполнить разбитыя формы.

Очень бы ты обязалъ меня, если бы нашелъ минуту подѣлиться тѣми мыслями, которыя теперь тебя занимаютъ. Не написалъ ли ты чего новаго послѣ моего отъѣзда изъ Москвы? Если бы прислалъ мнѣ прочесть, то тетрадь твоя возвратилась бы скоро; а благодарность моя осталась бы невозвратною. —

Твой И. Кирѣевскій.

Въ 1856-мъ году, послѣ великой грозы на Руси, повѣяло новой жизнью; Русской умъ почувствовалъ просторъ и уста заговорили гласно. Въ Москвѣ основался новый журналъ: „Русская Бесѣда“ подъ редакціей Кошелева, съ участіемъ всѣхъ друзей и единомышленниковъ Кирѣевскаго.—И дружеское отношеніе къ издателю, и желаніе участво-

вать въ предпріятіи, начатомъ съ безкорыстною цѣлью добра, и наконецъ возможность вполнѣ высказаться безъ боязни, что слова его будутъ перетолкованы,—все это заставило Кирѣевскаго немедленно приняться за работу. Въ Февралѣ онъ прислалъ въ Москву свою первую статью: „О возможности и необходимости новыхъ началъ для философіи“.—По неисповѣдимой судьбѣ, статья эта, долженствовавшая быть началомъ большаго труда, была его послѣднею статьею.

Въ концѣ великаго поста, Кирѣевскій поѣхалъ въ Петербургъ, чтобъ видѣть экзаменъ сына, кончившаго курсъ въ Лицеѣ. Онъ пробылъ въ Москвѣ нѣсколько дней; остановился въ домѣ у матери и повидался здѣсь въ послѣдній разъ съ братьями и друзьями. 10-го Іюня онъ занемогъ холерою, быстро и съ страшною силою развившейся, и скончался 11-го Іюня на рукахъ сына и двухъ друзей его молодости, графа Комаровскаго и Алексѣя Влад. Веневитинова. Тѣло его было перевезено въ Оптину пустынь и положено близъ соборной церкви [1]).

Въ „Русской Бесѣдѣ“ было напечатано нѣсколько страницъ, написанныхъ въ это время Алек. Ст. Хомяковымъ. Приведемъ въ заключеніе нѣсколько словъ оттуда:

„Конечно, немногіе еще оцѣнятъ вполнѣ И. В. Кирѣевскаго, но придетъ время, когда наука, очищенная строгимъ анализомъ и просвѣтленная вѣрою, оцѣнитъ его достоинство и опредѣлитъ не только его мѣсто въ поворотномъ движеніи Русскаго просвѣщенія, но еще и заслугу его передъ жизнію и мыслію человѣческою вообще. Выводы, имъ добытые, сдѣлавшись общимъ достояніемъ, будутъ всѣмъ извѣстны; но его немногія статьи останутся всегда предметомъ изученія, по послѣдовательности мысли, постоянно требовавшей отъ себя строгаго отчета, по характеру теплой любви къ истинѣ и людямъ, которая вездѣ въ нихъ просвѣчиваетъ, по вѣрному чувству изящнаго, по благоговѣйной признательности его къ своимъ наставникамъ,—предшественникамъ въ путяхъ науки,—даже тогда, когда онъ принужденъ ихъ осуждать, и особенно по какому-то глубокому сочувствію невысказаннымъ требованіямъ всего человѣчества, алчущаго живой и животворящей правды“.

(Н. А. Елагинъ.)

22-го Марта
1861 г.

---

[1]) На могильномъ памятникѣ И. В. Кирѣевскаго начертано (изъ Кн. Премудр. Солом., гл. 8, ст. 2 и 22-й): *Премудрость возлюбихъ и поискахъ отъ юности моея... Познавъ же, яко не инако одержу, аще не Господь дастъ, пріидохъ ко Господу.*

Прим. ред.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

Девятнадцатый вѣкъ.

(1832).

Столько уже говорено о направленіи девятнадцатаго вѣка, что мудрено было бы сказать объ немъ что либо новое, если бы девятнадцатый вѣкъ былъ для насъ прошедшимъ. Но онъ живетъ, и слѣдовательно измѣняется; и каждое измѣненіе его господствующаго духа ставитъ насъ на новую точку зрѣнія. Другая перспектива, въ которой минувшее располагается передъ текущею минутою, даетъ ему другое значеніе. Такъ путешественникъ, съ каждою перемѣною мѣста, видитъ въ новомъ свѣтѣ пройденную дорогу. Такъ новый опытъ въ жизни даетъ цѣлому міру воспоминаній новую стройность и новый смыслъ.

Этимъ новымъ опытомъ въ жизни девятнадцатаго вѣка были событія послѣднихъ лѣтъ. Я говорю не о политикѣ. Но въ литературѣ, въ обществѣ, въ борьбѣ религіозныхъ партій, въ волненіяхъ философскихъ мнѣній, однимъ словомъ, въ цѣломъ нравственномъ бытѣ просвѣщенной Европы замѣтно присутствіе какого-то новаго, какого-то недавняго убѣжденія, которое если не измѣняетъ господствующаго направленія, то по крайней мѣрѣ даетъ ему оттѣнки и другія отношенія.

Въ чемъ же состоитъ эта особенность текущей минуты?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ служить основаніемъ нашихъ сужденій обо всемъ современномъ; ибо одно понятіе текущей минуты, связывая общія мысли съ частными явленіями, опредѣляетъ въ умѣ нашемъ мѣсто, порядокъ и степень важности для всѣхъ событій нравственнаго и физическаго міра. Было время, когда понятіе настоящей минуты вѣка составляло исключительную принадлежность Генія, предполагая въ немъ порывъ какого-то безотчетнаго, пророческаго и немногимъ доступнаго вдохновенія. Но теперь, когда опредѣлить господствующее направленіе вѣка сдѣлалось главною общею цѣлію всѣхъ

мыслящихъ; когда всѣ *данныя* для того извѣстны и собраны; когда всѣ отрасли ума и жизни породнились между собою столь тѣсно, что изученіе одной открываетъ намъ современное состояніе всѣхъ другихъ, — понятіе настоящаго направленія времени уже не требуетъ ни геніальности, ни вдохновенія: оно сдѣлалось доступно для каждаго мыслящаго, и предполагаетъ въ немъ только внимательный взглядъ на окружающій міръ, холодный разсчетъ и безпристрастное соображеніе.

Однако, не смотря на это всеобщее стремленіе постигнуть духъ своего времени, не было вѣка, изученіе котораго представляло бы столько трудностей, сколько представляетъ изученіе нашего; ибо никогда измѣненія господствующаго направленія не совершались столь быстро и столь рѣшительно. Прежде характеръ времени едва чувствительно перемѣнялся съ перемѣною поколѣній; наше время для одного поколѣнія мѣняло характеръ свой уже нѣсколько разъ, и можно сказать, что тѣ изъ моихъ читателей, которые видѣли полвѣка, видѣли нѣсколько вѣковъ, пробѣжавшихъ предъ ними во всей полнотѣ своего развитія.

Утвержденіе это не игра пустыхъ словъ: его истина подтверждается ежедневно очевидными доказательствами. Сравните прежнія времена съ настоящимъ; раскройте историческія записки, частныя письма, романы и біографіи прошедшихъ вѣковъ: вездѣ и во всякое время найдете вы людей *одного времени*. При всемъ разнообразіи характеровъ, положеній и обстоятельствъ, каждый вѣкъ представитъ вамъ одинъ общій *цвѣтъ*, одно клеймо, которое больше или меньше врѣзано на всѣхъ одновременныхъ лицахъ. Всѣ воспитаны одномысленными обстоятельствами, образованы одинакимъ духомъ времени. И тѣ умы, которые въ борьбѣ съ направленіемъ своего вѣка, и тѣ, которые покорствуютъ ему, всѣ равно обнаруживаютъ его господство: оно служитъ общимъ центромъ, къ которому примыкаютъ направленія частныя, какъ правая и лѣвая сторона въ палатѣ депутатовъ.

Но взгляните на Европейское общество нашего времени: не разногласныя мнѣнія одного вѣка найдете вы въ немъ, нѣтъ! вы встрѣтите отголоски нѣсколькихъ вѣковъ, не столько *противные* другъ другу, сколько *разнородные* между собою. Подлѣ человѣка *стараго времени*, найдете вы человѣка, образованнаго духомъ *Французской революціи*; тамъ человѣка, воспитаннаго

обстоятельствами и мнѣніями, *послѣдовавшими непосредственно за Французскою революціею*; съ нимъ рядомъ человѣка, проникнутаго тѣмъ порядкомъ вещей, который начался на твердой землѣ Европы съ паденіемъ Наполеона: наконецъ, между ними встрѣтите вы человѣка послѣдняго времени, и—каждый будетъ имѣть свою особенную физіогномію, каждый будетъ отличаться отъ всѣхъ другихъ во всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ жизни, однимъ словомъ, каждый явится предъ вами отпечаткомъ особаго вѣка.

Нѣкоторые полагаютъ, что эта быстрота измѣненій духа времени зависитъ отъ самой сущности сихъ измѣненій; другіе напротивъ того думаютъ, что она происходитъ отъ обстоятельствъ постороннихъ, отъ случайныхъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ и т. п., третьи видятъ причину ея въ духѣ настоящаго просвѣщенія вообще. Мы не станемъ разыскивать степени справедливости каждаго изъ сихъ объясненій; замѣтимъ только существованіе самаго *факта*, и постараемся опредѣлить исторически особенность и сущность послѣдняго изъ сихъ измѣненій господствующаго направленія *Европеизма*.

Въ концѣ осьмнадцатаго вѣка, когда борьба между старыми мнѣніями и новыми требованіями просвѣщенія находилась еще въ самомъ пылу своего кипѣнія, господствующее направленіе умовъ было безусловно *разрушительное*. Науки, жизнь, общество, литература, даже самыя искусства изящныя, все обнаруживало одно стремленіе: ниспровергнуть старое. Замѣчательно, что даже мысль о новомъ, долженствовавшемъ заступить мѣсто стараго, почти не являлась иначе какъ *отрицательно*. Эти электрическія слова, которыхъ звукъ такъ потрясалъ умы: *свобода*, *разумъ*, *человѣчество*,—что значили они во время Французской революціи?

Ни одно изъ сихъ словъ не имѣло значенія *самобытнаго*; каждое получало смыслъ только изъ отношеній къ прежнему вѣку. Подъ *свободою* понимали единственно отсутствіе прежнихъ стѣсненій; подъ *человѣчествомъ* разумѣли единственно матеріяльное большинство людей, то есть противоположность тѣмъ немногимъ лицамъ, въ коихъ по прежнимъ понятіямъ оно заключалось; царствомъ *разума* называли отсутствіе предразсудковъ, или того, что почитали предразсудками;—и что не предразсудокъ предъ судомъ толпы непросвѣщенной? Религія пала вмѣстѣ съ злоупотребленіями оной, и ея мѣсто заступило лег-

комысленное невѣріе. Въ наукахъ признавалось истиннымъ одно ощутительно испытанное, и все сверхъ-чувственное отвергалось не только какъ недоказанное, но даже какъ невозможное. Изящныя искусства отъ подражанія классическимъ образцамъ обратились къ подражанію внѣшней неодушевленной природѣ. Тонъ общества отъ изысканной искусственности перешелъ къ необразованной естественности. Въ философіи господствовалъ грубый, чувственный матеріализмъ. Правила нравственности сведены были къ разсчетамъ непросвѣтленной корысти. Однимъ словомъ, все зданіе прежняго образа мыслей разрушалось въ своемъ основаніи; вся совокупность нравственнаго быта распадалась на составныя части, на азбучныя, матеріяльныя начала бытія.

Но это направленіе разрушительное, которому яснымъ и кровавымъ зеркаломъ можетъ служить Французская революція, произвело въ умахъ направленіе противное, контръ-революцію, которая, хотя совершилась не вездѣ одновременно, но выразилась вездѣ однозначительно. Систематическія умозрѣнія взяли верхъ надъ ощутительнымъ опытомъ, который пересталъ уже быть единственнымъ руководителемъ въ наукахъ. Мистицизмъ распространился между людьми, не поддавшимися увлеченію легкомысленнаго невѣрія. Общество, униженное до простонародности, старалось возвыситься блескомъ внѣшняго великолѣпія и пышности. Въ искусствахъ подражаніе внѣшней природѣ замѣнилось сентиментальностію и мечтательностію, которыя на всю дѣйствительность набрасывали однообразный цвѣтъ исключительнаго чувства или систематической мысли, уничтожая такимъ образомъ самобытность и разнообразіе внѣшняго міра. Въ области философіи, какъ противоположность прежнему матеріализму, начали развиваться системы чисто духовныя, выводящія весь видимый міръ изъ одного невещественнаго начала. Такимъ образомъ во всѣхъ отрасляхъ ума и жизни болѣе или менѣе замѣтна была потребность *единства*, противоположная прежнему разрушительному началу. Эта потребность единства произвела ту насильственную стройность, то искусственное однообразіе, которыя такъ же относятся къ прежнему безначалію, какъ великій похититель Французскаго престола относится къ воспитавшей его Французской республикѣ. Но сіи два противоположныя направленія, *разрушительное, и насильственно соединяющее*, согласовались въ одномъ: въ борьбѣ съ прежнимъ

вѣкомъ. Изъ этой борьбы родилась потребность мира: изъ противорѣчащихъ волненій—потребность успокоительнаго равновѣсія, и образовалось третье измѣненіе духа девятнадцатаго вѣка: стремленіе къ мирительному соглашенію враждующихъ началъ.

Терпимость, вмѣстѣ съ уваженіемъ къ религіи, явилась на мѣсто ханжества, невѣрія и таинственной мечтательности. Въ философіи идеализмъ и матеріялизмъ помирились системою тожества. Общество высшимъ закономъ своимъ признало изящество образованной простоты, равно удаленной отъ той простоты грубой, которая происходитъ отъ разногласнаго смѣшенія состояній, и отъ той изысканности неестественной, которая царствовала при дворѣ Людовика XIV-го, и отъ того великолѣпія необразованнаго, которое окружало Наполеона въ его величіи. Въ поэзіи подражаніе видимой дѣйствительности и мечтательность замѣнились направленіемъ историческимъ, гдѣ свободная мечта проникнута неизмѣняемою дѣйствительностью, и красота однозначительна съ правдою. И эта поэзія историческая почти не заимствовала предметовъ своихъ ни изъ древней исторіи, ни изъ новой; содержаніемъ ея почти исключительно была исторія средняя, то-есть то время, изъ котораго развился недавно прошедшій порядокъ вещей, находившійся въ борьбѣ съ новыми стремленіями. Историческіе разыскатели также ограничивались преимущественно эпохою среднихъ вѣковъ, исключая нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ филологовъ, далеко не составляющихъ большинства. Даже мода искала *готическаго* въ своихъ минутныхъ нарядахъ, въ убранствахъ комнатъ и т. п. Вообще въ цѣломъ бытѣ просвѣщеннѣйшей части Европы образовался новый, *сложный* порядокъ вещей, въ составъ котораго вошли не только результаты новыхъ стремленій, но и остатки стараго вѣка, частію еще уцѣлѣвшіе, частію возобновленные, но въ обоихъ случаяхъ измѣненные новыми отношеніями. Господствующее направленіе умовъ, соотвѣтствовавшее этому новому порядку вещей, заключалось въ стремленіи къ успокоительному уравновѣшенію новаго духа съ развалинами старыхъ временъ и къ сведенію противоположныхъ крайностей въ одну общую, *искусственно отысканную* середину.

Но долго ли продолжалось это направленіе?

Оно продолжается еще и теперь, но уже значительно измѣненное. Докажемъ это состояніемъ литературы.

Въ литературѣ результатомъ сего направленія было стремленіе: согласовать воображеніе съ дѣйствительностью, правильность формъ съ свободою содержанія, округленность искусственности съ глубиною естественности, однимъ словомъ, то, что напрасно называютъ *классицизмомъ*, съ тѣмъ, что еще неправильнѣе называютъ *романтизмомъ*. Гете, въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ, и Валтеръ Скоттъ, въ своихъ романахъ, могутъ во многихъ отношеніяхъ служить примѣромъ такого стремленія.

Тому десять лѣтъ, Гете и Валтеръ Скоттъ были единственными образцами для всѣхъ подражаній, были идеалами тѣхъ качествъ, которыхъ Европейская публика требовала отъ своихъ писателей.

Но теперь большинство публики ищетъ уже другаго. Это замѣтно не только изъ того, что подражанія прежнимъ образцамъ значительно уменьшились; но еще больше изъ того, что теперь въ литературѣ властвуютъ такого рода писатели и сочиненія такихъ родовъ, которыми наслажденіе несовмѣстно съ предпочтеніемъ Гете и Валтера Скотта. Неестественная изысканность подлѣ безвкусной обыкновенности въ мысляхъ; натянутость и вмѣстѣ низость слога, и вообще уродливость талантовъ, господствующихъ въ самыхъ просвѣщенныхъ словесностяхъ, доказываютъ ясно, что вкусъ нашего времени требуетъ чего-то новаго, чего недостаетъ прежнимъ писателямъ и для чего еще не явилось истиннаго поэта.

Правда, этими уродливыми талантами восхищается полуобразованная толпа, составляющая матеріяльное большинство публики, между тѣмъ какъ люди со вкусомъ просвѣщеннымъ смотрятъ на нихъ съ однимъ участіемъ сожалѣнія. Однако ненадобно забывать, что эта полуобразованная толпа та самая, которая нѣкогда восхищалась Шекспиромъ и Попомъ, Расиномъ и Вольтеромъ, Шиллеромъ и Лессингомъ, и еще недавно Байрономъ, Валтеромъ Скоттомъ и Гете. Дѣло только въ томъ, что для нея красота есть достоинство второстепенное даже и въ поэзіи, и что первое, чего она требуетъ, это—*соотвѣтственность съ текущею минутою*.

Доказывать сего положенія, кажется, не нужно: его подтверждаютъ тысячи поэтовъ безталантныхъ, которые имѣли короткій успѣхъ только потому, что выражали образъ мыслей или чувство, господствовавшіе въ ихъ время.

И такъ, чтобы опредѣлить эту соотвѣтственность между требованіями текущей минуты и настоящимъ состояніемъ поэзіи, надобно найти *общія качества*, которыя бы равно были свойственны всѣмъ писателямъ, пользующимся незаслуженными успѣхами. Ибо, чѣмъ менѣе таланта въ счастливомъ писателѣ, тѣмъ болѣе обнаруживаетъ онъ требованія своей публики.

По моему мнѣнію, въ самыхъ изысканностяхъ и неестественностяхъ, въ отвратительныхъ картинахъ, перемѣшанныхъ съ лирическими выходками, въ несообразности тона съ предметомъ, однимъ словомъ, во всемъ, что называютъ *безвкусіемъ* у большей части счастливыхъ писателей нашего времени,—замѣтны слѣдующія отличительныя качества:

1-е. Больше восторженности, чѣмъ чувствительности.

2-е. Жажда сильныхъ потрясеній, безъ уваженія къ ихъ стройности.

3-е. Воображеніе, наполненное одною дѣйствительностію во всей наготѣ ея.

Постараемся соединить въ умѣ эти три качества, и спросимъ самихъ себя: что предполагаютъ они въ человѣкѣ, который ищетъ ихъ въ поэзіи?

Безъ сомнѣнія, качества сіи предполагаютъ холодность, прозаизмъ, *положительность* и вообще *исключительное стремленіе къ практической дѣятельности*. Тоже можно сказать и о большинствѣ публики въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ Европы.

Вотъ отъ чего многіе думаютъ, что время поэзіи прошло, и что ея мѣсто заступила жизнь дѣйствительная. Но не ужели въ этомъ стремленіи къ жизни дѣйствительной нѣтъ своей особенной поэзіи?—Именно изъ того, что Жизнь *вытѣсняетъ* Поэзію, должны мы заключить, что стремленіе къ Жизни и къ Поэзіи *сошлись*, и что, слѣдовательно, часъ для поэта Жизни наступилъ.

Такое же сближеніе жизни съ развитіемъ человѣческаго духа, какое мы замѣтили въ поэзіи, обнаруживается и въ современномъ состояніи наукъ. Въ доказательство возмемъ самое умозрительное и самое отвлеченное изъ человѣческихъ познаній: философію.

Натуральная философія, названная такъ по случайной особенности своего происхожденія, была послѣднею ступенью, до которой возвысилось новѣйшее любомудріе. Идеализмъ Фихте

и реализмъ Спинозы, догматизмъ Схоластики и критицизмъ Канта, предустановленная гармонія Лейбница и вещественная послѣдовательность Англійскаго и Французскаго матеріялизма, однимъ словомъ, все развитіе новѣйшаго мышленія отъ Декарта до Шеллинга, совмѣстилось въ системѣ сего послѣдняго и нашло въ ней свое окончательное развитіе, дополненіе и оправданіе. Казалось, судьба философіи рѣшена, цѣль ея отыскана и границы раздвинуты до невозможнаго. Ибо, постигнувъ сущность разума и законы его необходимой дѣятельности, опредѣливъ соотвѣтственность сихъ законовъ съ законами безусловнаго бытія, открывъ въ цѣломъ объемѣ мірозданія повтореніе того же вѣчнаго разума, по тѣмъ же началамъ вѣчной необходимости,—куда еще могла бы стремиться любознательная мысль человѣка?

Таково было мнѣніе почти всѣхъ приверженцевъ системы тожества, то есть, не однихъ Шеллингистовъ, но и послѣдователей Гегеля, Окена, Аста, Вагнера и другихъ предводителей новѣйшаго Нѣмецкаго любомудрія. И по мѣрѣ того, какъ это любомудріе распространялось внѣ Германіи, вмѣстѣ съ нимъ распространялась увѣренность, что оно составляетъ послѣднее звено и верховный вѣнецъ философскаго мышленія.

Но тотъ же Шеллингъ, который первый создалъ систему тожества, теперь самъ открываетъ новую цѣль и прокладываетъ новую дорогу для Философіи. Истинное познаніе, говоритъ онъ, познаніе *положительное*, *живое*, составляющее конечную цѣль всѣхъ требованій нашего ума, не заключается въ логическомъ развитіи необходимыхъ законовъ нашего разума. Оно *внѣ* школьно-логическаго процесса, и потому *живое;* оно *выше* понятія вѣчной необходимости, и потому *положительное*; оно *существеннѣе* математической отвлеченности, и потому *индивидуально-опредѣленное*, *историческое*. Но всѣ системы новѣйшаго любомудрія, подъ какими бы формами онѣ ни обнаруживались, подъ какими бы ни скрывались именами, преслѣдовали единственно развитіе законовъ умственной необходимости, и даже новѣйшій матеріялизмъ основывался на убѣжденіи чисто логическомъ, выведенномъ изъ отвлеченнаго понятія законовъ нашего разума, но не изъ живаго познанія сущности вещей и бытія. Весь результатъ такого мышленія могъ заключаться только въ познаніи *отрицательномъ*; ибо разумъ, самъ себя развивающій, самъ собою и ограничивается.

Познанія отрицательныя необходимы, но не какъ цѣль познаванія, а только какъ средство; они очистили намъ дорогу къ храму живой мудрости, но у входа его должны были остановиться. Проникнуть далѣе предоставлено философіи положительной, *Исторической*, для которой теперь только наступаетъ время; ибо теперь только довершено развитіе философіи отрицательной и логической.

Очевидно, что это требованіе исторической существенности и положительности въ философіи, сближая весь кругъ умозрительныхъ наукъ съ жизнью и дѣйствительностью, соотвѣтствуетъ тому же направленію, какое господствуетъ и въ новѣйшей литературѣ. И то же стремленіе къ существенности, то же сближеніе духовной дѣятельности съ дѣйствительностью жизни обнаруживается въ мнѣніяхъ религіозныхъ.

Мы уже замѣтили, что съ легкомысленнымъ и насмѣшливымъ невѣріемъ, распространеннымъ Вольтеромъ и его послѣдователями, боролся мечтательный мистицизмъ, который однакоже по сущности своей доступенъ только для немногихъ и, слѣдовательно, не могъ преодолѣть почти всеобщаго Вольтеровскаго вольнодумства. Но чего не могъ совершить мистицизмъ, то совершилось успѣхами просвѣщенія вообще, искоренившаго нѣкоторыя злоупотребленія и уничтожившаго предразсудки, которые мѣшали безпристрастію. Теперь, благодаря симъ успѣхамъ просвѣщенія, уваженіе къ религіи сдѣлалось почти повсемѣстнымъ, исключая, можетъ быть, Италію, гдѣ тонъ легкомысленнаго безвѣрія, данный Вольтеромъ, еще во всей силѣ, но гдѣ просвѣщеніе и не въ этомъ одномъ отстало отъ образованной Европы.

Но это уваженіе къ религіи по большей части сопровождалось какимъ-то равнодушіемъ, которое противорѣчило дальнѣйшему развитію просвѣщенія, и которое теперь начинаетъ проходить вмѣстѣ съ распространеніемъ болѣе истинныхъ понятій. Ибо недавно еще: какъ понимала религію большая часть людей просвѣщенныхъ? Либо какъ совокупность обрядовъ, либо какъ внутреннее, индивидуальное убѣжденіе въ извѣстныхъ истинахъ. Но это ли Религія?

Нѣтъ, Религія не одинъ обрядъ и не одно убѣжденіе. Для полнаго развитія, не только истинной, но даже и ложной религіи, необходимо единомысліе народа, освященное яркими воспоминаніями, развитое въ преданіяхъ односмысленныхъ, со-

проникнутое съ устройствомъ государственнымъ, олицетворенное въ обрядахъ однозначительныхъ и общенародныхъ, сведенное къ одному началу положительному, и ощутительное во всѣхъ гражданскихъ и семейственныхъ отношеніяхъ. Безъ этихъ условій есть убѣжденіе, есть обряды, но собственно Религіи—нѣтъ.

Истина эта особенно распространяется въ наше время, когда жизнь народовъ развита глубже и многостороннѣе, и когда потребность религіи стала ощутительна не въ однихъ умозрѣніяхъ. Замѣчательно, что и Паписты, и Іезуиты, и Сен-Симонисты, и Протестанты Супранатуралисты и даже Раціоналисты, однимъ словомъ, всѣ религіозныя партіи, которыя теперь въ такомъ множествѣ волнуются по Европѣ, и которыя несогласны между собою во всемъ остальномъ, всѣ однакоже въ одномъ сходятся: *въ требованіи большаго сближенія Религіи съ жизнью людей и народовъ.*

Такая же потребность сближенія съ жизнью замѣтна и въ цѣломъ мірѣ Европейской образованности. Вездѣ господствуетъ направленіе чисто практическое и дѣятельно положительное. Вездѣ дѣло беретъ верхъ надъ системою, сущность надъ формою, существенность надъ умозрѣніемъ. Жизнь и общество становятся прямѣе и проще въ своихъ отношеніяхъ, яснѣе и естественнѣе въ своихъ требованіяхъ. То *искусственное* равновѣсіе противоборствующихъ началъ, которое недавно еще почиталось въ Европѣ единственнымъ условіемъ твердаго общественнаго устройства, начинаетъ замѣняться равновѣсіемъ *естественнымъ*, основаннымъ на просвѣщеніи общаго мнѣнія.

Можетъ быть, это просвѣщеніе общаго мнѣнія только мечта, которая разрушится опытомъ. Можетъ быть, это счастливая истина, которая подтвердится благоденствіемъ обществъ. Но мечта или истина—рѣшитъ Провидѣніе; мы замѣтимъ только, что *вѣра* въ эту мечту или въ эту истину составляетъ основаніе господствующаго характера настоящаго времени, и служитъ связью между дѣятельностью практическою и стремленіемъ къ просвѣщенію вообще. Ибо направленіе практическое тогда только можетъ быть вѣнцомъ просвѣщенія, когда частная жизнь составляетъ одно съ жизнію общественной; когда жизнь дѣйствительная, образованная общимъ мнѣніемъ, устроена вмѣстѣ по законамъ разума и природы. Въ противномъ случаѣ, то есть, когда просвѣщеніе общаго мнѣнія въ разногласіи съ

основными мнѣніями людей просвѣщенныхъ,—жизнь идетъ по одной дорогѣ, а успѣхи ума по другой, и даже въ людяхъ необыкновенныхъ, составляющихъ исключеніе изъ своего времени, эти двѣ дороги сходятся рѣдко и только въ нѣкоторыхъ точкахъ.

И можетъ ли одинъ человѣкъ образовать себѣ жизнь особую посреди общества, образованнаго иначе? Нѣтъ; въ жизни внутренней, духовной, одинокой, будетъ онъ искать дополненія жизни внѣшней и дѣйствительной. Онъ будетъ поэтомъ, будетъ историкомъ, розыскателемъ, философомъ, и только иногда *человѣкомъ*: ибо въ тѣсномъ кругу немногихъ сосредоточено поприще его практической дѣятельности.

Вотъ почему главный характеръ просвѣщенія въ Европѣ былъ прежде попеременно поэтическій, историческій, художественный, философическій, и только въ наше время могъ образоваться чисто *практическимъ*. Человѣкъ нашего времени уже не смотритъ на жизнь, какъ на простое условіе развитія духовнаго; но видитъ въ ней вмѣстѣ и средство, и цѣль бытія, вершину и корень всѣхъ отрослей умственнаго и сердечнаго просвѣщенія. Ибо жизнь явилась ему существомъ разумнымъ и мыслящимъ, способнымъ понимать его и отвѣчать ему, какъ художнику Пигмаліону его одушевленная статуя.

Обратимся теперь къ просвѣщенію нашего отечества и посмотримъ, какъ отражалась на немъ жизнь просвѣщенія Европейскаго.

Жизнь Европейскаго просвѣщенія девятнадцатаго вѣка не имѣла на Россію того вліянія, какое она имѣла на другія государства Европы. Измѣненія и развитіе сей жизни отзывались у насъ въ образѣ мыслей нѣкоторыхъ людей образованныхъ, отражались въ нѣкоторыхъ оттѣнкахъ нашей литературы, но далѣе не проникали. Какая-то Китайская стѣна стоитъ между Россіею и Европою, и только сквозь нѣкоторыя отверстія пропускаетъ къ намъ воздухъ просвѣщеннаго Запада; стѣна, въ которой Великій Петръ ударомъ сильной руки пробилъ широкія двери; стѣна, которую Екатерина долго старалась разрушить; которая ежедневно разрушается болѣе и болѣе, но не смотря на то, все еще стоитъ высоко и мѣшаетъ.

Скоро ли разрушится она? Скоро ли образованность наша возвысится до той степени, до которой дошли просвѣщенныя

государства Европы?—Что должны мы дѣлать, чтобы достигнуть этой цѣли или содѣйствовать къ ея достиженію?—Изъ внутри ли собственной жизни должны мы заимствовать просвѣщеніе свое, или получать его изъ Европы?—И какое начало должны мы развивать внутри собственной жизни? И что должны мы заимствовать отъ просвѣтившихся прежде насъ?

Чтобы отвѣчать на эти вопросы, надобно опредѣлить характеръ и степень просвѣщенія Европейскаго, и ихъ взаимныя отношенія.

Какъ же относится Русское просвѣщеніе къ Европейскому?—На этотъ вопросъ слышимъ мы ежедневно столько же отвѣтовъ, сколько встрѣчаемъ людей, почитающихъ себя образованными. Между тѣмъ, отъ понятія, которое мы имѣемъ объ отношеніяхъ Россіи къ Европѣ, зависятъ наши сужденія о томъ, что можетъ ускорить или замедлить наше просвѣщеніе; о томъ, что даетъ ему ложное или истинное направленіе; о томъ, къ чему мы должны стремиться и чего избѣгать; о томъ, что намъ полезно и вредно, что мы должны заимствовать у сосѣдей нашихъ и чего удаляться, и слѣдовательно, вся совокупность нашихъ мыслей объ Россіи, о будущей судьбѣ ея просвѣщенія и настоящемъ положеніи; вся совокупность нашихъ надеждъ и ожиданій; вся совокупность нашихъ желаній и ненавистей, и—если мы хотимъ быть согласны сами съ собою—самый характеръ нашей практической дѣятельности, посредственно или непосредственно, долженъ зависѣть отъ *того понятія, которое мы имѣемъ объ отношеніи Русскаго просвѣщенія къ просвѣщенію остальной Европы.*

И такъ, нѣтъ истины, которой признаніе было бы важнѣе; нѣтъ мнѣнія, въ которомъ общее согласіе было бы благодѣтельнѣе.

Но общее мнѣніе составляется изъ частныхъ. Тамъ, гдѣ оно еще не составилось или не обнаружилось явно, ни чей голосъ не можетъ быть лишній;—напротивъ, каждый *обязанъ* произносить свой приговоръ; ибо приговоръ каждаго можетъ содѣйствовать къ образованію общаго. Вотъ почему я постараюсь высказать здѣсь свое мнѣніе, хотя въ общихъ чертахъ и сколько позволятъ мнѣ необходимыя условія журнальной статьи. Если читатель найдетъ мои мысли ошибочными, то по крайней мѣрѣ увидитъ въ нихъ искреннее стремленіе къ истинѣ, и потому, я надѣюсь, не оставитъ ихъ безъ вниманія; я надѣюсь

также, что благонамѣренные литераторы не откажутся почтить ихъ своими замѣчаніями, исправятъ ошибочное и подтвердятъ справедливое.

Я знаю, что общія мысли, не развитыя въ ощутительныхъ подробностяхъ, рѣдко понимаются въ томъ смыслѣ, въ какомъ ихъ хотятъ представить; ибо рѣдко, даже человѣку съ талантомъ, удается найти выраженіе простое и незапутанное, когда онъ говоритъ общими выводами о предметахъ сложныхъ и подлежащихъ не одному разуму, но вмѣстѣ и опыту, и памяти, и личнымъ соображеніямъ каждаго. Потому я никогда не рѣшился бы начать этой статьи, если бы не смотрѣлъ на нее единственно какъ на введеніе къ подробнѣйшему изложенію моихъ мыслей; если бы не надѣялся каждую изъ нихъ развить особенно, и въ примѣненіяхъ къ *дѣйствительности* подтвердить и пояснить то, что въ краткомъ очеркѣ не можетъ быть представлено иначе, какъ умозрительно. —

Не со вчерашняго дня родилась Россія: тысящелѣтіе прошло съ тѣхъ поръ, какъ она начала себя помнить; и не каждое изъ образованныхъ государствъ Европы можетъ похвалиться столь длинною цѣпью столь раннихъ воспоминаній. Но не смотря на эту долгую жизнь, просвѣщеніе наше едва начинается, и Россія, въ ряду государствъ образованныхъ, почитается еще государствомъ молодымъ. И это недавно начавшееся просвѣщеніе, включающее насъ въ составъ Европейскихъ обществъ, не было плодомъ нашей прежней жизни, необходимымъ слѣдствіемъ нашего внутренняго развитія; оно пришло къ намъ извнѣ, и частію даже насильственно, такъ что внѣшняя форма его до сихъ поръ еще находится въ противорѣчіи съ формою нашей національности.

Очевидно, что причины, столь долгое время удалявшія Россію отъ образованности, не могутъ быть случайными, но должны заключаться въ самой сущности ея внутренней жизни; и хотя въ каждую эпоху нашей исторіи находимъ мы особенныя и различныя обстоятельства, мѣшавшія нашему развитію, но совокупность сихъ обстоятельствъ заставляетъ насъ заключать, что враждебное вліяніе ихъ зависило не столько отъ ихъ случайнаго явленія, сколько отъ кореннаго образованія первоначальныхъ элементовъ нашего быта, и, можетъ быть, то же обстоятельство, которое вредило просвѣщенію въ Россіи, могло бы способствовать его успѣхамъ въ Италіи или въ Англіи.

Но если даже случайныя, внѣшнія причины останавливали успѣхи нашей образованности, то все же вліяніе сихъ причинъ должно было условливаться внутреннимъ состояніемъ Россіи: и внѣшнее обстоятельство, дѣйствуя такимъ образомъ, становилось уже однимъ изъ элементовъ внутренней жизни, одною изъ постоянныхъ пружинъ послѣдующаго развитія. Слѣдовательно, прежде нежели мы приступимъ къ вопросу: какое отношеніе между просвѣщеніемъ Россіи и Европы существуетъ *теперь*? мы должны еще разсмотрѣть: какіе элементы личной и гражданственной образованности представляетъ намъ прошедшая жизнь Россіи, и въ какомъ отношеніи находились эти элементы къ просвѣщенію Европейскому?

Отъ самаго паденія Римской Имперіи до нашихъ временъ, просвѣщеніе Европы представляется намъ въ постепенномъ развитіи и въ безпрерывной послѣдовательности. Каждая эпоха условливается предыдущею, и всегда прежняя заключаетъ въ себѣ сѣмена будущей, такъ что въ каждой изъ нихъ являются тѣ же стихіи, но въ полнѣйшемъ развитіи.

Стихіи сіи можно подвести къ тремъ началамъ: 1-е, вліяніе Христіанской Религіи; 2-е, характеръ, образованность и духъ варварскихъ народовъ, разрушившихъ Римскую Имперію; 3-е, остатки древняго міра. Изъ этихъ трехъ началъ развилась вся Исторія Новѣйшей Европы.—Котораго же изъ нихъ недоставало намъ, или что имѣли мы лишняго? —

Еще прежде десятаго вѣка имѣли мы Христіанскую Религію; были у насъ и варвары и, вѣроятно, тѣ же, которые разрушили Римскую Имперію; но *классическаго древняго міра* недоставало нашему развитію. Посмотримъ, какое отличіе произошло отъ того въ нашей Исторіи.

Извѣстно, и послѣ ученыхъ разысканій Савиньи, послѣ глубокомысленныхъ соображеній Гизо уже несомнѣнно, что во все продолженіе среднихъ, такъ называемыхъ Варварскихъ вѣковъ, Римскіе законы, Римское устройство, разнообразно измѣненные, иногда смѣшенно, иногда чисто, но всегда очевидно, существовали во всѣхъ мѣстахъ Европы, куда прежде простиралось Римское владычество. Эти законы, эти устройства, примѣшиваясь къ обычаямъ варваровъ, естественно должны были способствовать къ ихъ образованію и дѣйствовать на ихъ гражданскій бытъ, а часто и на личное ихъ просвѣщеніе. Но очевиднѣе всего вліяніе ихъ на устройство торговыхъ городовъ, которые,

сдѣлавшись независимыми, стали одною изъ сильнѣйшихъ пружинъ и однимъ изъ необходимыхъ элементовъ Европейскаго образованія.

У насъ также были Новгородъ и Псковъ; но внутреннее устройство ихъ (занятое по большей части изъ сношеній съ иноземцами) тогда только могло бы содѣйствовать къ просвѣщенію нашему, когда бы ему не противорѣчило все состояніе остальной Россіи. Но при томъ порядкѣ вещей, который существовалъ тогда въ нашемъ отечествѣ, не только Новгородъ и Псковъ долженствовали быть задавлены сильнѣйшими сосѣдями, но даже ихъ просвѣщеніе, процвѣтавшее столь долгое время, не оставило почти никакихъ слѣдовъ въ нашей Исторіи,— такъ несогласно оно было съ цѣлою совокупностью нашего быта.

Но еще важнѣе, чѣмъ на образованіе вольныхъ городовъ, дѣйствовало устройство древняго міра на внѣшнее образованіе Римской церкви и на ея политическое вліяніе во времена среднихъ вѣковъ. Извѣстно, что гражданская власть духовенства въ Европѣ была прямымъ наслѣдіемъ устройства Римскаго, и что свѣтское правленіе епископовъ было устроено по образцамъ Римскимъ, еще уцѣлѣвшимъ въ частяхъ, когда цѣлое уже и разрушилось *). Самая противоположность, которая существуетъ между духомъ древняго языческаго міра и Христіанствомъ, долженствовала служить къ усиленію послѣдняго и къ его многостороннѣйшему развитію; ибо, находясь въ постоянной борьбѣ со всѣмъ его окружающимъ, Христіанство получало безпрестанно новыя силы отъ безпрестанно новыхъ успѣховъ, и, побѣждая язычество, подчиняло себѣ его просвѣщеніе. Такимъ образомъ являлось оно въ двухъ различныхъ видахъ двумъ противоположнымъ и борящимся стихіямъ; на остатки древняго міра Христіанство дѣйствовало какъ противоположное ему, обновляющее, преобразовывающее начало, которое разрушаетъ для того, чтобы создать новое; варварамъ оно являлось какъ начало созидающее, образовывающее, какъ источникъ просвѣщенія, порядка и единства, посреди разногласнаго, нестройнаго и невѣжественнаго броженія; и это двойное отно-

*) Еще Римскіе императоры предоставили епископамъ почти неограниченную власть надъ городами, и „эта власть“, говоритъ Тьерри, „безпрестанно возрастая послѣ паденія Римской Имперіи, почти вездѣ переобразовалась въ господство феодальное“.

шеніе Христіанства къ новому и древнему міру содѣлало его центромъ обоихъ и средоточіемъ всѣхъ элементовъ Европейскаго развитія. Отъ того церковь, въ обновленной Европѣ, стала не только источникомъ духовнаго образованія, но и главою устройства политическаго. Она была первымъ звеномъ того феодальнаго порядка, который связалъ въ одну систему всѣ различныя государства Европы; на ней утверждена была Святая Римская Имперія; она была первою стихіею того рыцарства, которое распространило одинъ нравственный кодексъ посреди разнородныхъ политическихъ отношеній; она была единственнымъ узломъ между всѣми нестройными элементами и всѣми различными народами; она дала одинъ духъ всей Европѣ, подняла крестовые походы и, бывъ источникомъ единодушія и порядка, остановила набѣги варваровъ и положила преграду нашествіямъ Мусульманъ.

Въ Россіи Христіанская Религія была еще чище и святѣе. Но недостатокъ классическаго міра былъ причиною тому, что вліяніе нашей церкви, во времена необразованныя, не было ни такъ рѣшительно, ни такъ всемогуще, какъ вліяніе церкви Римской. Послѣдняя, какъ центръ политическаго устройства, возбудила одну душу въ различныхъ тѣлахъ и создала такимъ образомъ ту крѣпкую связь Христіанскаго міра, которая спасла его отъ нашествій иновѣрцевъ;—у насъ сила эта была не столь ощутительна, не столь всемогуща, и Россія, раздробленная на удѣлы, не связанные духовно, на нѣсколько вѣковъ подпала владычеству Татаръ, на долгое время остановившихъ ее на пути къ просвѣщенію.

Не нужнымъ почитаю я доказывать здѣсь, что система раздробленія была свойственна не одной Россіи, что она была во всей Европѣ и особенно развилась во Франціи, не смотря на то остановившей стремительный натискъ Арабовъ *). Но мелкія королевства, связанныя между собою сомнительною и слабою подчиненностью политическою, были соединены болѣе ощутительно узами религіи и церкви. Извѣстно также, что дѣти владѣтелей такихъ королевствъ наслѣдовали поровну владѣнія своего отца, раздробляя его такимъ образомъ болѣе и болѣе;

*) Seulement en Belgique et sur les bords du Rhin on a compté jusqu'à cent vingt-trois grandes terres, possédées par les rois de la seconde race. *Augustin Thiery, Lettres sur l'Histoire de France, Lettre XII.*

и что образъ внутренняго управленія ихъ во многомъ походилъ на образъ управленія нашихъ Удѣльныхъ Князей. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы феодальная система и система удѣловъ были одно и тоже, какъ утверждали у насъ нѣкоторые писатели; ибо, не говоря уже о другомъ, одна зависимость феодальнаго устройства отъ церкви, служащей первымъ основаніемъ всѣхъ феодальныхъ правъ и отношеній, уже полагаетъ такое различіе между двумя системами, что непонятно, какимъ образомъ многіе изъ литераторовъ нашихъ, хотя на минуту, могли почитать ихъ одинакими. Но съ другой стороны феодальное устройство представляетъ столько сходнаго съ нашими удѣлами, что нельзя не предположить, что система удѣловъ была однимъ изъ элементовъ феодализма *).

Этотъ элементъ, отчужденный отъ всего остальнаго образованія Европы, произвелъ у насъ то устройство, котораго слѣдствіемъ были Татары, коимъ мы не могли противопоставить ни зрѣлой образованности, ни силы единодушія. Не имѣя довольно просвѣщенія для того, чтобы соединиться противъ нихъ *духовно*, мы могли избавиться отъ нихъ единственно *физическимъ*, матеріяльнымъ соединеніемъ, до котораго достигнуть могли мы только въ теченіе столѣтій. Такимъ образомъ очевидно, что и нашествіе Татаръ и вліяніе ихъ на послѣдующее развитіе наше, имѣло основаніемъ одно: *недостатокъ классическаго міра*. Ибо, теперь даже, раздѣлите Россію на такіе удѣлы, на какіе она раздѣлена была въ 12-мъ вѣкѣ,—и завтра же родятся для нея новые Татары, если не въ Азіи, то въ Европѣ. Но еслибы мы наслѣдовали остатки классическаго міра, то религія наша имѣла бы болѣе политической силы, мы обладали бы большею образованностью, большимъ единодушіемъ, и слѣдовательно, самая раздѣленность наша не имѣла бы ни того варварскаго характера, ни такихъ пагубныхъ послѣдствій.

Этотъ же недостатокъ образованности общаго развивающагося духа, происходящій отъ недостатка классическаго міра, отзывается и въ самой эпохѣ нашего освобожденія отъ Татаръ.

---

*) Сходство сіе служитъ однимъ изъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ общаго происхожденія Варяговъ, нашедшихъ на Россію, и Германскихъ народовъ, разрушившихъ Римскую Имперію. Но одинакіе обычаи сихъ варваровъ должны были измѣниться различно, смотря по различію тѣхъ земель, куда они являлись, и вѣроятно то же начало, которое у насъ произвело систему удѣловъ, въ Европѣ образовалось въ систему феодальнаго устройства.

Намъ не предстояло другаго средства избавиться отъ угнетенія иноплеменнаго, какъ посредствомъ соединенія и сосредоточенія силъ; но такъ какъ силы наши были преимущественно физическія и матеріяльныя, то и соединеніе наше было не столько выраженіемъ единодушія, сколько простымъ матеріяльнымъ совокупленіемъ; и сосредоточеніе силъ было единственно сосредоточеніемъ *физическимъ*, не смягченнымъ, не просвѣщеннымъ образованностію. Потому, избавленіе наше отъ Татаръ происходило медленно и, совершившись, долженствовало на долгое время остановить Россію въ томъ тяжеломъ закоснѣніи, въ томъ оцѣпенѣніи духовной дѣятельности, которыя происходили отъ слишкомъ большаго перевѣса силы матеріяльной надъ силою нравственной образованности.—Это объясняетъ намъ многое, и между прочимъ показываетъ причины географической огромности Россіи.

Пятнадцатый вѣкъ былъ для Европы вѣкомъ изобрѣтеній, открытій, успѣховъ умственныхъ и гражданскихъ. Но пятнадцатый вѣкъ былъ приготовленъ четырнадцатымъ, который самъ былъ слѣдствіемъ предыдущихъ, развившихся подъ вліяніемъ остатковъ древняго міра. Это вліяніе сначала обнаруживалось образованностью и силою Римской церкви; но потомъ, когда просвѣщеніе уже распространилось въ самомъ бытѣ народа и вкоренилось въ свѣтской гражданственности, тогда и Церковь перестала быть единственнымъ проводникомъ образованности;— и Европа обратилась прямо къ своимъ умственнымъ праотцамъ— къ Риму и Греціи. И это новое, самопознавшееся стремленіе къ міру классическому обнаруживается не только въ высшихъ умахъ, въ людяхъ, стоящихъ впереди своего народа; оно обнаруживается не только въ наукахъ и искусствахъ, дышавшихъ единственно освѣженными воспоминаніями о Грекахъ и Римлянахъ; но даже и въ самомъ народномъ быту просвѣщенныхъ земель, въ самомъ устройствѣ ихъ гражданственности и національности. И еще прежде паденія Греческой Имперіи уже Италіянскія республики образовывались по образцу древнихъ; между тѣмъ, какъ архитектура, живопись, ваяніе, науки и самый патріотизмъ въ Италіи носили глубокую печать одного идеала: *классическаго міра*.

Такимъ образомъ для новой Европы довершился кругъ полнаго наслѣдованія прежняго просвѣщенія человѣчества. Такимъ образомъ новѣйшее просвѣщеніе есть не отрывокъ, но продолже-

ніе умственной жизни человѣческаго рода. Такимъ образомъ государства, причастныя образованности Европейской, внутри самихъ себя совмѣстили всѣ элементы просвѣщенія всемірнаго, сопроникнутаго съ самою національностію ихъ.

И на Западѣ, почти въ то же время какъ у насъ, происходила подобная кристаллизація силъ и элементовъ: мелкія королевства соединялись въ большія массы, частныя силы сосредоточивались въ подчиненности одной силѣ общей. Но это сосредоточеніе и соединеніе имѣли совершенно другой характеръ отъ того, что частныя силы, частные элементы были образованы, развиты и самобытны. И тутъ и тамъ идетъ борьба за національность, независимость и цѣлость; и тутъ и тамъ стремленіе къ сосредоточенію и единству;—но тамъ просвѣщеніе уже развитое, слѣдовательно, знаменемъ борьбы, цѣлью стремленія, является всегда *мысль* религіозная или политическая; тутъ мѣсто мысли заступаетъ *лице*, частное событіе, *самозванецъ*.

Только съ того времени, какъ Исторія наша позволила намъ сближаться съ Европою, то есть со времени Минина и Пожарскаго, начало у насъ распространяться и *просвѣщеніе въ истинномъ смыслѣ сего слова*, то есть, не отдѣльное развитіе нашей особенности, но участіе въ общей жизни просвѣщеннаго міра; ибо отдѣльное, Китайски особенное развитіе замѣтно у насъ и прежде введенія образованности Европейской; но это развитіе не могло имѣть успѣха *общечеловѣческаго*, ибо ему недоставало одного изъ необходимыхъ элементовъ всемірной прогрессіи ума.

Что это Европейское просвѣщеніе начало вводиться у насъ гораздо прежде Петра и особенно при Алексѣѣ Михайловичѣ,—это доказывается тысячью оставшихся слѣдовъ и преданій. Но не смотря на то, начало сіе было столь слабо и ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что совершилъ Петръ, что, говоря о нашей образованности, мы обыкновенно называемъ его основателемъ нашей новой жизни и родоначальникомъ нашего умственнаго развитія. Ибо прежде него просвѣщеніе вводилось къ намъ мало по малу и *отрывисто*, отъ чего, по мѣрѣ своего появленія въ Россіи, оно искажалось вліяніемъ нашей пересиливающей національности. Но переворотъ, совершенный Петромъ, былъ не столько развитіемъ, сколько переломомъ нашей національности: не столько внутреннимъ успѣхомъ, сколько внѣшнимъ нововведеніемъ.

Но могло ли просвѣщеніе придти къ намъ иначе, какъ посредствомъ перелома въ нашемъ развитіи, иначе, какъ въ видѣ внѣшней силы, противоположной нашему прежнему быту, сражающейся съ нашею національностію на жизнь и смерть, и долженствующей не помириться съ нею, но побѣдить ее, покорить своему владычеству, преобразовать, породить новое?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ выводится ясно изъ предыдущаго; и если въ нашей прежней жизни недоставало одного изъ необходимыхъ элементовъ просвѣщенія: міра классическаго,—то какъ могли бы мы достигнуть образованности, не заимствуя ея извнѣ? И образованность заимствованная не должна ли быть въ борьбѣ съ чуждою ей національностію?

Просвѣщеніе человѣчества, какъ мысль, какъ наука, развивается постепенно, послѣдовательно. Каждая эпоха человѣческаго бытія имѣетъ своихъ представителей въ тѣхъ народахъ, гдѣ образованность процвѣтаетъ полнѣе другихъ. Но эти народы до тѣхъ поръ служатъ представителями своей эпохи, покуда ея господствующій характеръ совпадаетъ съ господствующимъ характеромъ ихъ просвѣщенія. Когда же просвѣщеніе человѣчества, довершивъ извѣстный періодъ своего развитія, идетъ далѣе и, слѣдовательно, измѣняетъ характеръ свой, тогда и народы, выражавшіе сей характеръ своею образованностію, перестаютъ быть представителями Всемірной Исторіи. Ихъ мѣсто заступаютъ другіе, коихъ особенность всего болѣе согласуется съ наступающею эпохою. Эти новые представители человѣчества продолжаютъ начатое ихъ предшественниками, наслѣдуютъ всѣ плоды ихъ образованности и извлекаютъ изъ нихъ сѣмена новаго развитія. Такимъ образомъ съ тѣхъ самыхъ поръ, съ которыхъ начинаются самыя первыя воспоминанія Исторіи, видимъ мы неразрывную связь и постепенный, послѣдовательный ходъ въ жизни человѣческаго ума; и если по временамъ просвѣщеніе являлось какъ бы останавливающимся, засыпающимъ, то изъ этого сна человѣкъ пробуждался всегда съ большею бодростію, съ большею свѣжестью ума, и продолжалъ *вчерашнюю* жизнь съ новыми силами. Вотъ отъ чего просвѣщеніе каждаго народа измѣряется не суммою его познаній, не утонченностью и сложностью той машины, которую называютъ *гражданственностью*,—но единственно участіемъ его въ просвѣщеніи всего человѣчества, тѣмъ мѣстомъ, которое онъ занимаетъ въ общемъ ходѣ человѣческаго развитія.

Ибо просвѣщеніе одинокое, Китайски отдѣленное, должно быть и Китайски ограниченное: въ немъ нѣтъ жизни, нѣтъ блага, ибо нѣтъ прогрессіи, нѣтъ того успѣха, который добывается только совокупными усиліями человѣчества.

На чемъ же основываются тѣ, которые обвиняютъ Петра, утверждая, будто онъ далъ ложное направленіе образованности нашей, заимствуя ее изъ просвѣщенной Европы, а не развивая изнутри нашего быта?—

Эти обвинители великаго создателя новой Россіи съ нѣкотораго времени распространились у насъ болѣе, чѣмъ когда либо: и мы знаемъ, откуда почерпнули они свой образъ мыслей. Они говорятъ намъ о просвѣщеніи національномъ, самобытномъ; не велятъ заимствовать, бранятъ нововведеніе и хотятъ возвратить насъ къ коренному и старинно-Русскому. Но что же? Если разсмотрѣть внимательно, то это самое стремленіе къ національности есть не что иное, какъ непонятое повтореніе мыслей чужихъ, мыслей Европейскихъ, занятыхъ у Французовъ, у Нѣмцевъ, у Англичанъ, и необдуманно примѣняемыхъ къ Россіи. Дѣйствительно, лѣтъ десять тому назадъ стремленіе къ національности было господствующимъ въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ Европы: всѣ обратились къ своему народному, къ своему особенному; но тамъ это стремленіе имѣло свой смыслъ: тамъ просвѣщеніе и національность одно, ибо первое развилось изъ послѣдней. Потому, если Нѣмцы искали чисто Нѣмецкаго, то это не противорѣчило ихъ образованности; напротивъ, образованность ихъ такимъ образомъ доходила только до своего сознанія, получала болѣе самобытности, болѣе полноты и твердости. Но у насъ искать національнаго, значитъ искать необразованнаго; развивать его на счетъ Европейскихъ нововведеній, значитъ изгонять просвѣщеніе; ибо, не имѣя достаточныхъ элементовъ для внутренняго развитія образованности, откуда возмемъ мы ее, если не изъ Европы?—Развѣ самая образованность Европейская не была послѣдствіемъ просвѣщенія древняго міра?—Развѣ не представляетъ она теперь просвѣщенія общечеловѣческаго? — Развѣ не въ такомъ же отношеніи находится она къ Россіи, въ какомъ просвѣщеніе классическое находилось къ Европѣ?—

Правда, есть минуты въ жизни Петра, гдѣ, дѣйствуя иначе, онъ былъ бы согласнѣе самъ съ собою, согласнѣе съ тою мыслію, которая одушевляла его въ продолженіе всей жизни. Но

эта мысль, но общій характеръ его дѣятельности, но образованность Россіи, имъ начатая—вотъ основаніе его величія и нашего будущаго благоденствія! Ибо блогоденствіе наше зависитъ отъ нашего просвѣщенія, а имъ обязаны мы Петру. Потому будемъ осмотрительны, когда рѣчь идетъ о преобразованіи, имъ совершенномъ. Не позабудемъ, что судить объ немъ легкомысленно—есть дѣло неблагодарности и невѣжества: не позабудемъ, что тѣ, которые осуждаютъ его, не столь часто увлекаются ложною системою, сколько подъ нею скрываютъ свою корыстную ненависть къ просвѣщенію и его благодѣтельнымъ послѣдствіямъ; ибо невѣжество, какъ преступникъ, не спитъ ночью и боится дня.

Екатерина II дѣйствовала въ томъ же духѣ, въ какомъ работалъ Великій Петръ. Она также поставила просвѣщеніе Россіи цѣлью своего царствованія, и также всѣми средствами старалась передать намъ образованность Европейскую. Можетъ быть, средства сіи были не всегда самыя приличныя тогдашнему состоянію Россіи; но, не смотря на то, образованность Европейская начала распространяться у насъ видимо и ощутительно только въ царствованіе Екатерины. Причина тому заключается, по моему мнѣнію, не столько въ томъ, что Екатерина нашла въ Россіи уже многое приготовленнымъ, сколько въ томъ особенномъ направленіи, которое просвѣщеніе Европы начало принимать въ половинѣ восьмнадцатаго вѣка.

Мы видѣли, что съ половины восьмнадцатаго вѣка просвѣщеніе въ Европѣ приняло направленіе противоположное прежнему. Новыя начала и старыя явились въ борьбѣ, различно измѣненной, но всегда одномысленной. Мы видѣли, что въ наукахъ, въ искусствахъ, въ жизни, въ литературѣ, однимъ словомъ въ цѣлой сферѣ умственнаго развитія Европы, новые успѣхи *), хотя были послѣдствіемъ прежняго развитія, но, не смотря на то, принимали характеръ противоположный ему и съ нимъ несовмѣстный, какъ плодъ, который родился и созрѣлъ на деревѣ, но, созрѣвъ, отпадаетъ отъ него и служитъ сѣменемъ новаго древа, которое вытѣсняетъ старое.

Для большаго поясненія возмемъ еще нѣсколько примѣровъ. Нѣтъ сомнѣнія, что изобрѣтеніе паровыхъ машинъ есть слѣд-

---

*) Не должно смѣшивать успѣхи истинные съ мнимыми, и нововведенія мечтательныя, вредныя, съ необходимымъ развитіемъ просвѣщенія.

ствіе Европейскаго просвѣщенія, что оно благодѣтельно для рода человѣческаго вообще, и для будущихъ успѣховъ промышленности. Но настоящее состояніе промышленности Европейской, которое также есть слѣдствіе предыдущаго, противорѣчитъ успѣхамъ сего изобрѣтенія. Милліоны людей должны искать новыхъ средствъ къ пропитанію, между тѣмъ какъ средства сіи и безъ того затруднены слѣдствіемъ прежняго устройства промышленности. Но паровыя машины еще въ началѣ своихъ примѣненій; еще тысячи новыхъ работъ будутъ замѣнены ими: какой же сильный переворотъ долженъ произойти въ промышленности Европейской! Какое противорѣчіе между прежнимъ порядкомъ вещей и новыми успѣхами просвѣщенія!

То же, что и о промышленности, можно сказать и о юриспруденціи. Римскіе законы, мы видѣли, были основаніемъ образованности и началомъ законнаго порядка. Но польза ихъ уже кончилась, и теперь они являются въ противорѣчіи съ потребностями гражданскаго устройства. Между тѣмъ во многихъ государствахъ они еще имѣютъ силу живую и не могутъ быть замѣнены иначе, какъ съ совершеннымъ преобразованіемъ уложеній.

Внѣшнее устройство Римской церкви было первымъ источникомъ Европейской образованности; но именно потому формы сего устройства должны были совершенно соотвѣтствовать тому времени, въ которое онѣ произошли. Естественно, что съ измѣненіемъ времени, и формы сіи въ нѣкоторыхъ государствахъ во многихъ отношеніяхъ не совмѣщались съ новыми потребностями. Отъ того явились реформаціи, нарушившія единство Европейской церкви, а въ нѣкоторыхъ земляхъ водворилось совершенное безвѣріе, которое съ трудомъ побѣждается теперь успѣхами свѣтскаго просвѣщенія.

Такъ образованность Европейская является намъ въ двухъ видахъ: какъ просвѣщеніе Европы прежде и послѣ половины восьмнадцатаго вѣка. Старое просвѣщеніе связано неразрывно съ цѣлою системою своего постепеннаго развитія, и чтобы быть ему причастнымъ, надобно пережить снова всю прежнюю жизнь Европы. Новое просвѣщеніе противоположно старому и существуетъ самобытно. Потому народъ, начинающій образовываться, можетъ заимствовать его прямо и водворить у себя безъ предыдущаго, непосредственно примѣняя его къ своему настоящему быту. Вотъ почему и въ Россіи и въ Америкѣ просвѣ-

щеніе начало примѣтно распространяться не прежде восьмнадцатаго и особенно въ девятнадцатомъ вѣкѣ.

Сказанное нами достаточно для того, чтобы вывести всѣ нужные результаты и данныя для опредѣленія настоящаго характера нашей образованности и ея отношеній къ просвѣщенію общечеловѣческому. Но мы предоставляемъ сдѣлать сей выводъ самимъ читателямъ; ибо, если намъ удалось изложить наши мысли ясно и убѣдительно, то результаты ихъ очевидны. Если же, читая статью сію, читатели не раздѣлили нашего мнѣнія, то и послѣдствія сего мнѣнія покажутся имъ произвольными и неосновательными.

Въ отвѣтъ А. С. Хомякову.

(1838).

Статья г-на Хомякова возбудила во многихъ изъ насъ желаніе написать ему возраженіе. Потому я хотѣлъ сначала уступить это удовольствіе другимъ и предложить вамъ статью объ иномъ предметѣ. Но потомъ, когда я обдумалъ, что понятіе наше объ отношеніи прошедшаго состоянія Россіи къ настоящему принадлежитъ не къ такимъ вопросамъ, о которыхъ мы можемъ имѣть безнаказанно то или другое мнѣніе, какъ о предметахъ литературы, о музыкѣ или о иностранной политикѣ, но составляетъ, такъ сказать, существенную часть насъ самихъ, ибо входитъ въ малѣйшее обстоятельство, въ каждую минуту нашей жизни; когда я обдумалъ еще, что каждый изъ насъ имѣетъ объ этомъ предметѣ отличное отъ другихъ мнѣніе, тогда я рѣшился писать, думая, что моя статья не можетъ помѣшать другому говорить о томъ же, потому что это дѣло для каждаго важно, мнѣнія всѣхъ различны, и единомысліе могло бы быть не безполезно для всѣхъ.

Вопросъ обыкновенно предлагается такимъ образомъ: прежняя Россія, въ которой порядокъ вещей слагался изъ собственныхъ ея элементовъ, была ли лучше или хуже теперешней Россіи, гдѣ порядокъ вещей подчиненъ преобладанію элемента Западнаго?—Если прежняя Россія была лучше теперешней, говорятъ обыкновенно, то надобно желать возвратить старое, исключительно Русское, и уничтожить Западное, искажающее Русскую особенность; если же прежняя Россія была хуже, то надобно стараться вводить все Западное и истреблять особенность Русскую.

Силлогизмъ, мнѣ кажется, не совсѣмъ вѣрный. Если старое было лучше теперешняго, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы оно было лучше теперь. Что годилось въ одно время, при однихъ обстоятельствахъ, можетъ не годиться въ другое, при другихъ обстоятельствахъ. Если же старое было хуже,

то изъ этого также не слѣдуетъ, чтобы его элементы не могли сами собой развиться во что-нибудь лучшее, если бы только развитіе это не было остановлено насильственнымъ введеніемъ элемента чужаго. Молодой дубъ, конечно, ниже однолѣтней съ нимъ ракиты, которая видна издалека, рано даетъ тѣнь, рано кажется деревомъ и годится на дрова. Но вы конечно не услужите дубу тѣмъ, что привьете къ нему ракиту.

Такимъ образомъ и самый вопросъ предложенъ неудовлетворительно. Вмѣсто того, чтобы спрашивать: лучше ли была прежняя Россія?—полезнѣе, кажется, спросить: нужно ли для улучшенія нашей жизни теперь возвращеніе къ старому Русскому, или нужно развитіе элемента Западнаго, ему противоположнаго?—

Разсмотримъ, какую пользу мы можемъ извлечь изъ рѣшенія этого вопроса?

Положимъ, что вслѣдствіе безпристрастныхъ изысканій мы убѣдимся, что для насъ особенно полезно бы было исключительное преобладаніе одного изъ двухъ противоположныхъ бытовъ; положимъ, притомъ, что мы находимся въ возможности имѣть самое сильное вліяніе на судьбу Россіи,—то и тогда мы не могли бы отъ всѣхъ усилій нашихъ ожидать исключительнаго преобладанія одного изъ противоположныхъ элементовъ, потому именно, что хотя и одинъ избранъ *въ нашей теоріи*, но другой вмѣстѣ съ нимъ существуетъ *въ дѣйствительности*. Сколько бы мы ни были врагами Западнаго просвѣщенія, Западныхъ обычаевъ и т. под.; но можно ли безъ сумасшествія думать, что когда-нибудь, какою-нибудь силою истребится въ Россіи память всего того, что она получила отъ Европы впродолженіе двухъ сотъ лѣтъ? Можемъ ли мы не знать того, что знаемъ, забыть все, что умѣемъ? Еще менѣе можно думать, что 1000-лѣтіе Русское можетъ совершенно уничтожиться отъ вліянія новаго Европейскаго. Потому, сколько бы мы ни желали возвращенія Русскаго или введенія Западнаго быта,—но ни того, ни другаго исключительно ожидать не можемъ, а поневолѣ должны предполагать что-то третье, долженствующее возникнуть изъ взаимной борьбы двухъ враждующихъ началъ.

Слѣдовательно, и этотъ видъ вопроса—который изъ двухъ элементовъ исключительно полезенъ теперь?—также предложенъ неправильно. Не въ томъ дѣло: который изъ двухъ? но

въ томъ: какое *оба* они должны получить направленіе, чтобы дѣйствовать благодѣтельно? Чего отъ взаимнаго ихъ дѣйствія должны мы надѣяться, или чего бояться?

Вотъ вопросъ, какъ онъ существенно важенъ для каждаго изъ насъ: направленіе туда или сюда, а не пріобрѣтеніе того или другаго.

Разсматривая основныя начала жизни, образующія силы народности въ Россіи и на Западѣ, мы съ перваго взгляда открываемъ между ними одно очевидно общее: это христіанство. Различіе заключается въ особенныхъ видахъ христіанства, въ особенномъ направленіи просвѣщенія, въ особенномъ смыслѣ частнаго и народнаго быта. Откуда происходитъ общее, мы знаемъ: но откуда происходитъ различіе и въ чемъ заключается его характеристическая черта?

Два способа имѣемъ мы для того, чтобы опредѣлить особенность Запада и Россіи, и одинъ изъ нихъ долженъ служить повѣркою другому. Мы можемъ, или восходя исторически къ началу того или другаго вида образованности, искать причину различія ихъ въ первыхъ элементахъ, изъ которыхъ они составились; или, разсматривая уже послѣдующее развитіе этихъ элементовъ, сравнивать самые результаты. И если найдется, что то же различіе, какое мы замѣтимъ въ элементахъ, окажется и въ результатахъ ихъ развитія, тогда очевидно, что предположеніе наше вѣрно, и основываясь на немъ, намъ уже виднѣе будетъ, какія можно дѣлать изъ него дальнѣйшія заключенія.

Три элемента легли основаніемъ Европейской образованности: Римское христіанство, міръ необразованныхъ варваровъ, разрушившихъ Римскую Имперію, и классическій міръ древняго язычества.

Этотъ классическій міръ древняго язычества, недоставшійся въ наслѣдіе Россіи, въ сущности своей представляетъ торжество формальнаго разума человѣка надъ всѣмъ, что внутри и внѣ его находится,—чистаго, голаго разума, на себѣ самомъ основаннаго, выше себя и внѣ себя ничего непризнающаго и являющагося въ двухъ свойственныхъ ему видахъ—въ видѣ формальной отвлеченности и отвлеченной чувственности. Дѣйствіе классицизма на образованность Европейскую должно было соотвѣтствовать тому же характеру.

Но потому ли, что христіане на Западѣ поддались беззаконно вліянію классическаго міра, или случайно ересь сошлась

съ язычествомъ, но только Римская церковь въ уклоненіи своемъ отъ Восточной отличается именно тѣмъ же торжествомъ раціонализма надъ преданіемъ внѣшней разумности надъ внутреннимъ духовнымъ разумомъ. Такъ вслѣдствіе этого внѣшняго силлогизма, выведеннаго изъ понятія о Божественномъ равенствѣ Отца и Сына, измѣненъ догматъ о Троицѣ, въ противность духовному смыслу и преданію; такъ вслѣдствіе другаго силлогизма папа сталъ главою церкви вмѣсто Іисуса Христа, потомъ мірскимъ властителемъ, наконецъ непогрѣшаемымъ; бытіе Божіе во всемъ христіанствѣ доказывалось силлогизмомъ; вся совокупность вѣры опиралась на силлогистическую схоластику; инквизиція, іезуитизмъ, однимъ словомъ, всѣ особенности католицизма развились силою того же формальнаго процесса разума, такъ что и самый протестантизмъ, который католики упрекаютъ въ раціональности, произошелъ прямо изъ раціональности католицизма. Въ этомъ послѣднемъ торжествѣ формальнаго разума надъ вѣрою и преданіемъ проницательный умъ могъ уже напередъ видѣть въ зародышѣ всю теперешнюю судьбу Европы, какъ слѣдствіе вотще начатаго начала, т. е., и Штрауса, и новую философію со всѣми ея видами, и индустріализмъ, какъ пружину общественной жизни, и филантропію, основанную на разсчитанномъ своекорыстіи, и систему воспитанія, ускоренную силою возбужденной зависти, и Гете, вѣнецъ новой поэзіи, литературнаго Талейрана, мѣняющаго свою красоту, какъ тотъ свои правительства, и Наполеона, и героя новаго времени, идеалъ бездушнаго разсчета, и матеріальное большинство, плодъ раціональной политики, и Лудвига Филиппа, послѣдній результатъ такихъ надеждъ и такихъ дорогихъ опытовъ!

Я совсѣмъ не имѣю намѣренія писать сатиру на Западъ; никто больше меня не цѣнитъ тѣхъ удобствъ жизни общественной и частной, которыя произошли отъ того же самаго раціонализма. Да, если говорить откровенно, я и теперь еще люблю Западъ, я связанъ съ нимъ многими неразрывными сочувствіями. Я принадлежу ему моимъ воспитаніемъ, моими привычками жизни, моими вкусами, моимъ спорнымъ складомъ ума, даже сердечными моими привычками; но въ сердцѣ человѣка есть такія движенія, есть такія требованія въ умѣ, такой смыслъ въ жизни, которые сильнѣе всѣхъ привычекъ и вкусовъ, сильнѣе всѣхъ пріятностей жизни и выгодъ внѣшней разумности,

безъ которыхъ ни человѣкъ, ни народъ не могутъ жить своею настоящею жизнію. Потому, вполнѣ оцѣнивая всѣ отдѣльныя выгоды раціональности, я думаю, что, въ *конечномъ* развитіи, она своею болѣзненною неудовлетворительностію явно обнаруживается началомъ односторонним, обманчивымъ, обольстительнымъ и предательскимъ. Впрочемъ распространяться объ этомъ было бы здѣсь неумѣстно. Я припомню только, что всѣ высокіе умы Европы жалуются на теперешнее состояніе нравственной апатіи, на недостатокъ убѣжденій, на всеобщій эгоизмъ, требуютъ новой духовной силы внѣ разума, требуютъ новой пружины жизни внѣ разсчета, однимъ словомъ, ищутъ вѣры и не могутъ найти ее у себя, ибо христіанство на Западѣ исказилось своемысліемъ.

Такимъ образомъ раціонализмъ и въ началѣ былъ лишнимъ элементомъ въ образованіи Европы, и теперь является исключительнымъ характеромъ просвѣщенія и быта Европейскаго. Это будетъ еще очевиднѣе, если мы сравнимъ основныя начала общественнаго и частнаго быта Запада съ основными началами того общественнаго и частнаго быта, который если не развился вполнѣ, то по крайней мѣрѣ ясно обозначился въ прежней Россіи, находившейся подъ прямымъ вліяніемъ чистаго христіанства, безъ примѣси міра языческаго.

Весь частный и общественный бытъ Запада основывается на понятіи о индивидуальной, отдѣльной независимости, предполагающей индивидуальную изолированность. Оттуда святость внѣшнихъ формальныхъ отношеній, святость собственности и условныхъ постановленій важнѣе личности. Каждый индивидуумъ—частный человѣкъ, рыцарь, князь или городъ, *внутри своихъ правъ* есть лицо самовластное, неограниченное, само себѣ дающее законы. Первый шагъ каждаго лица въ общество есть окруженіе себя крѣпостію, изъ нутра которой оно вступаетъ въ переговоры съ другими и независимыми властями.

Въ прошедшій разъ я не докончилъ статьи моей, а потому обязанъ продолжать ее теперь. Я говорилъ о различіи просвѣщенія въ Россіи и на Западѣ. У насъ образовательное начало заключалось въ нашей Церкви. Тамъ вмѣстѣ съ христіанствомъ дѣйствовали на развитіе просвѣщенія еще плодоносные остатки древняго языческаго міра. Самое христіанство Западное,

отдѣлившись отъ Вселенской Церкви, приняло въ себя зародышъ того начала, которое составляло общій оттѣнокъ всего Греко-языческаго развитія: начала раціонализма. Потому и характеръ образованности Европейской отличается перевѣсомъ раціональности.

Впрочемъ этотъ перевѣсъ обнаружился только впослѣдствіи, когда логическое развитіе, можно сказать, уже задавило христіанское. Но въ началѣ раціонализмъ, какъ я сказалъ, является только въ зародышѣ. Римская Церковь отдѣлилась отъ Восточной тѣмъ, что нѣкоторые догматы, существовавшіе въ *преданіи* всего Христіанства, она измѣнила на другіе, вслѣдствіе *умозаключенія*. Нѣкоторые распространила, вслѣдствіе того же логическаго процесса, и также въ противность преданію и духу Церкви Вселенской. Такимъ образомъ логическое убѣжденіе легло въ самое первое основаніе католицизма. Но этимъ и ограничилось дѣйствіе раціонализма на первое время. Внутреннее и внѣшнее устройство Церкви, уже совершившееся прежде въ другомъ духѣ, до тѣхъ поръ существовало безъ очевиднаго измѣненія, покуда вся совокупность церковнаго ученія не перешла въ сознаніе мыслящей части духовенства. Это совершилось въ схоластической философіи, которая, по причинѣ логическаго начала въ самомъ основаніи Церкви, не могла иначе согласить противорѣчіе вѣры и разума, какъ силою силлогизма, сдѣлавшагося такимъ образомъ первымъ условіемъ всякаго убѣжденія. Сначала, естественно, этотъ же самый силлогизмъ доказывалъ вѣру противъ разума и подчинялъ ей разумъ силою разумныхъ доводовъ. Но эта вѣра, логически доказанная и логически противопоставленная разуму, была уже не живая, но формальная вѣра, не вѣра собственно, а только логическое отрицаніе разума. Потому въ этотъ періодъ схоластическаго развитія католицизма, именно по причинѣ раціональности своей, Западная Церковь является врагомъ разума, угнетающимъ, убійственнымъ, отчаяннымъ врагомъ его. Но развившись до крайности, продолженіемъ того же логическаго процесса, это безусловное уничтоженіе разума произвело то извѣстное противодѣйствіе, котораго послѣдствія составляютъ характеръ теперешняго просвѣщенія. Вотъ что я разумѣлъ, говоря о раціональномъ элементѣ католицизма.

Христіанство Восточное не знало ни этой борьбы вѣры противъ разума, ни этого торжества разума надъ вѣрою. Потому и дѣйствія его на просвѣщеніе были не похожи на католическія.

Разсматривая общественное устройство прежней Россіи, мы находимъ многія отличія отъ Запада, и во первыхъ: образованіе общества въ маленькіе такъ называемые міры. Частная, личная самобытность, основа Западнаго развитія, была у насъ такъ же мало извѣстна, какъ и самовластіе общественное. Человѣкъ принадлежалъ міру, міръ ему. Поземельная собственность, источникъ личныхъ правъ на Западѣ, была у насъ принадлежностью общества. Лицо участвовало во столько въ правѣ владѣнія, во сколько входило въ составъ общества.

Но это общество не было самовластное, и не могло само себя устраивать, само изобрѣтать для себя законы, потому что не было отдѣлено отъ другихъ ему подобныхъ обществъ, управлявшихся однообразнымъ обычаемъ. Безчисленное множество этихъ маленькихъ міровъ, составлявшихъ Россію, было все покрыто сѣтью церквей, монастырей, жилищъ уединенныхъ отшельниковъ, откуда постоянно распространялись повсюду одинакія понятія объ отношеніяхъ общественныхъ и частныхъ. Понятія эти мало по малу должны были переходить въ общее убѣжденіе, убѣжденіе въ обычай, который замѣнялъ законъ, устроивая, по всему пространству земель подвластныхъ нашей Церкви, одну мысль, одинъ взглядъ, одно стремленіе, одинъ порядокъ жизни. Это повсемѣстное однообразіе обычая было, вѣроятно, одною изъ причинъ его невѣроятной крѣпости, сохранившей его живые остатки даже до нашего времени, сквозь все противодѣйствіе разрушительныхъ вліяній, въ продолженіе 200 лѣтъ стремившихся ввести на мѣсто его новыя начала.

Вслѣдствіе этихъ крѣпкихъ, однообразныхъ и повсемѣстныхъ обычаевъ, всякое измѣненіе въ общественномъ устройствѣ, не согласное съ строемъ цѣлаго, было невозможно. Семейныя отношенія каждаго были опредѣлены прежде его рожденія; въ такомъ же предопредѣленномъ порядкѣ подчинялась семья міру, міръ болѣе обширный—сходкѣ, сходка—вѣче и т. д., покуда всѣ частные круги смыкались въ одномъ центрѣ, въ одной Православной Церкви. Ни какое частное разумѣніе, ни какое искусственное соглашеніе не могло основать новаго порядка, выдумать новыя права и преимущества. Даже самое слово: *право*, было у насъ неизвѣстно въ Западномъ его смыслѣ, но означало только справедливость, правду. Потому ни какая власть, ни какому лицу, ни сословію, не могла ни даровать, ни уступить никакого права, ибо правда и справедливость не могутъ

ни продаваться, ни браться, но существуютъ сами по себѣ, независимо отъ условныхъ отношеній. На Западѣ, напротивъ того, всѣ отношенія общественныя основаны на *условіи*, или стремятся достигнуть этого искусственнаго основанія. *Внѣ* условія нѣтъ отношеній правильныхъ, но является произволъ, который въ правительственномъ классѣ называютъ *самовластіемъ*, въ управляемомъ—*свободою*. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ этотъ произволъ доказываетъ не развитіе внутренней жизни, а развитіе внѣшней, формальной. Всѣ силы, всѣ интересы, всѣ права общественныя существуютъ тамъ отдѣльно, каждый самъ по себѣ, и соединяются не по нормальному закону, а—или въ случайномъ порядкѣ, или въ искусственномъ соглашеніи. Въ первомъ случаѣ торжествуетъ матеріальная сила, во второмъ—сумма индивидуальныхъ разумѣній. Но матеріальная сила, матеріальный перевѣсъ, матеріальное большинство, сумма индивидуальныхъ разумѣній, въ сущности составляютъ одно начало, только въ разныхъ моментахъ своего развитія. Потому *общественный договоръ* не есть изобрѣтеніе энциклопедистовъ, но дѣйствительный идеалъ, къ которому стремились безъ сознанія, а теперь стремятся съ сознаніемъ всѣ Западныя общества, подъ вліяніемъ раціональнаго элемента, перевѣсившаго элементъ христіанскій.

Въ Россіи мы не знаемъ хорошо границъ княжеской власти прежде подчиненія удѣльныхъ княжествъ Московскому; но если сообразимъ, что сила неизмѣняемаго обычая дѣлала всякое самовластное законодательство невозможнымъ; что разборъ и судъ, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ принадлежалъ князю, не могъ совершаться несогласно со всеобъемлющими обычаями, ни толкованіе этихъ обычаевъ, по той же причинѣ, не могло быть произвольное; что общій ходъ дѣлъ принадлежалъ мірамъ и приказамъ, судившимъ также по обычаю вѣковому и потому всѣмъ извѣстному; наконецъ, что въ крайнихъ случаяхъ князь, нарушавшій правильность своихъ отношеній къ народу и Церкви, былъ изгоняемъ самимъ народомъ,—сообразивши все это, кажется очевидно, что собственно княжеская власть заключалась болѣе въ предводительствѣ дружинъ, чѣмъ во внутреннемъ управленіи, болѣе въ вооруженномъ покровительствѣ, чѣмъ во владѣніи областями.

Вообще, кажется, Россіи такъ же мало извѣстны были мелкіе властители Запада, употреблявшіе общество, какъ бездушную

собственность, въ свою личную пользу, какъ ей неизвѣстны были и благородные рыцари Запада, опиравшіеся на личной силѣ, крѣпостяхъ и желѣзныхъ латахъ, не признававшіе другаго закона, кромѣ собственнаго меча и условныхъ правилъ чести, основанныхъ на законѣ самоуправства.

Впрочемъ, рыцарства у насъ не было по другимъ причинамъ.

Съ перваго взгляда кажется непонятнымъ, почему у насъ не возникло чего нибудь подобнаго рыцарству, по крайней мѣрѣ во время Татаръ? Общества были разрознены, власть не имѣла матеріальной силы, каждый могъ переходить съ мѣста на мѣсто, лѣса были глубокіе, полиція была еще не выдумана; отчего бы, кажется, не составиться обществамъ людей, которые бы пользовались превосходствомъ своей силы надъ мирными земледѣльцами и горожанами, грабили, управлялись, какъ хотѣли, захватили бы себѣ отдѣльныя земли, деревни, и строили бы тамъ крѣпости; составили бы между собой извѣстныя правила, и такимъ образомъ образовали бы особенный классъ сильнѣйшаго сословія, которое, по причинѣ силы, могло бы назваться и благороднѣйшимъ сословіемъ?—Церковь могла бы воспользоваться ими, образуя изъ нихъ отдѣльные ордена, съ отдѣльными уставами, и употребляя ихъ противъ невѣрныхъ, подобно Западнымъ крестоносцамъ. Отчего же не сдѣлалось этого?

Именно потому, я думаю, что Церковь наша въ то время не продавала чистоты своей за временныя выгоды. У насъ были богатыри только до введенія христіанства. Послѣ введенія христіанства у насъ были разбойники, шайки устроенныя, еще до сихъ поръ сохранившіяся въ нашихъ пѣсняхъ, но шайки, отверженныя Церковью и потому безсильныя. Ничего не было бы легче, какъ возбудить у насъ крестовые походы, причисливъ разбойниковъ къ служителямъ Церкви и обѣщавъ имъ прощеніе грѣховъ за убіеніе невѣрныхъ: всякій пошелъ бы въ честные разбойники. Католицизмъ такъ и дѣйствовалъ: онъ не поднялъ народы за вѣру, но только бродившихъ направилъ къ одной цѣли, назвавъ ихъ святыми. Наша Церковь этого не сдѣлала, и потому мы не имѣли рыцарства, а вмѣстѣ съ нимъ и того аристократическаго класса, который былъ главнымъ элементомъ всего Западнаго образованія.

Гдѣ больше было неустройства на Западѣ, тамъ больше и сильнѣе было рыцарство; въ Италіи его было всего менѣе. Гдѣ

менѣе было рыцарства, тамъ болѣе общество склонялось къ устройству народному; гдѣ болѣе, тамъ болѣе къ единовластному. Единовластіе само собой рождается изъ аристократіи, когда сильнѣйшій покоряетъ слабѣйшихъ, и потомъ правитель на условіяхъ переходитъ въ правителя безусловнаго, соединяясь противъ класса благородныхъ съ классомъ *подлыхъ*, какъ Европа называла народъ. Этотъ классъ подлыхъ, по общей формулѣ общественнаго развитія Европы, вступилъ въ права благороднаго, и та же сила, которая дѣлала самовластнымъ одного, естественнымъ своимъ развитіемъ переносила власть въ матеріальное большинство, которое уже само изобрѣтаетъ для себя какое-нибудь формальное устройство, и до сихъ поръ еще находится въ процессѣ изобрѣтенія.

Такимъ образомъ, какъ Западная Церковь образовала изъ разбойниковъ рыцарей, изъ духовной власти власть свѣтскую, изъ свѣтской полиціи святую инквизицію, что̀ все, можетъ быть, имѣло свои временныя выгоды,—такимъ же образомъ дѣйствовала она и въ отношеніи къ наукамъ, искусствамъ языческимъ. Не извнутри себя произвела она новое искусство христіанское, но прежнее, рожденное и воспитанное другимъ духомъ, другою жизнію, направила къ украшенію своего храма. Оттого искусство романтическое заиграло новою блестящею жизнію, но окончилось поклоненіемъ язычеству, и теперь кланяется отвлеченнымъ формуламъ философіи, покуда не возвратится міръ къ истинному христіанству, и не явится міру новый служитель христіанской красоты.

Науки существенною частію своею, т. е., какъ познанія, принадлежатъ равно языческому и христіанскому міру, и различаются только своею философскою стороною. Этой философской стороны христіанства католицизмъ не могъ сообщить имъ потому, что самъ не имѣлъ ее въ чистомъ видѣ. Оттого видимъ мы, что науки, какъ наслѣдіе языческое, процвѣтали такъ сильно въ Европѣ, но окончились безбожіемъ, какъ необходимымъ слѣдствіемъ своего односторонняго развитія.

Россія не блестѣла ни художествами, ни учеными изобрѣтеніями, не имѣя времени развиться въ этомъ отношеніи самобытно, и не принимая чужаго развитія, основаннаго на ложномъ взглядѣ и потому враждебнаго ея христіанскому духу. Но за то въ ней хранилось первое условіе развитія правильнаго, требующаго только времени и благопріятныхъ обсто-

ятельствъ; въ ней собиралось и жило то устроительное начало знанія, та философія христіанства, которая одна можетъ дать правильное основаніе наукамъ. Всѣ Святые Отцы Греческіе, не исключая самыхъ глубокихъ писателей, были переведены и читаны, и переписываемы, и изучаемы въ тишинѣ нашихъ монастырей, этихъ святыхъ зародышей несбывшихся университетовъ. Исаакъ Сиринъ, глубокомысленнѣйшее изъ всѣхъ философскихъ писаній, до сихъ поръ еще находится въ спискахъ 12 и 13 вѣка. И эти монастыри были въ живомъ, безпрестанномъ сопрокосновеніи съ народомъ. Какое просвѣщеніе въ нашемъ подломъ классѣ не въ правѣ мы заключить изъ этого одного факта! Но это просвѣщеніе не блестящее, но глубокое; не роскошное, не матеріальное, имѣющее цѣлью удобства наружной жизни, но внутреннее, духовное; это устройство общественное, безъ самовластія и рабства, безъ благородныхъ и подлыхъ; эти обычаи вѣковые, безъ писанныхъ кодексовъ, исходящіе изъ Церкви и крѣпкіе согласіемъ нравовъ съ ученіемъ вѣры; эти святые монастыри, разсадники христіанскаго устройства, духовное сердце Россіи, въ которыхъ хранились всѣ условія будущаго самобытнаго просвѣщенія; эти отшельники, изъ роскошной жизни уходившіе въ лѣса, въ недоступныхъ ущельяхъ изучавшіе писанія глубочайшихъ мудрецовъ христіанской Греціи, и выходившіе оттуда учить народъ, ихъ понимавшій; эти образованные сельскіе приговоры; эти городскія вѣча; это раздолье Русской жизни, которое сохранилось въ пѣсняхъ— куда все это дѣлось? Какъ могло это уничтожиться, не принесши плода? Какъ могло оно уступить насилію чужаго элемента? Какъ возможенъ былъ Петръ, разрушитель Русскаго и вводитель Нѣмецкаго? Если же разрушеніе началось прежде Петра, то какъ могло Московское Княжество, соединивши Россію, задавить ее? Отъ чего соединеніе различныхъ частей въ одно цѣлое произошло не другимъ образомъ? Отъ чего при этомъ случаѣ должно было торжествовать иностранное, а не Русское начало?

Одинъ фактъ въ нашей исторіи объясняетъ намъ причину такого несчастнаго переворота; этотъ фактъ есть *Стоглавый Соборъ*. Какъ скоро ересь явилась въ Церкви, такъ раздоръ духа долженъ былъ отразиться и въ жизни. Явились партіи, болѣе или менѣе уклоняющіяся отъ истины. Партія нововводительная одолѣла партію старины, именно потому, что старина

разорвана была разномысліемъ. Оттуда, при разрушеніи связи духовной, внутренней, явилась необходимость связи вещественной, формальной, оттуда мѣстничество, опричина, рабство и т. п. Оттуда искаженіе книгъ по заблужденію и невѣжеству, и исправленіе ихъ по частному разумѣнію и произвольной критикѣ. Оттуда передъ Петромъ правительство въ разномысліи съ большинствомъ народа, отвергаемаго подъ названіемъ раскольниковъ. Отъ того Петръ, какъ начальникъ партіи въ государствѣ, образуетъ общество въ обществѣ, и все что за тѣмъ слѣдуетъ.

Какой же результатъ всего сказаннаго? Желать ли намъ возвратить прошедшее Россіи, и можно ли возвратить его? Если правда, что самая особенность Русскаго быта заключалась въ его живомъ исхожденіи изъ чистаго христіанства, и что форма этого быта упала вмѣстѣ съ ослабленіемъ духа; то теперь эта мертвая форма не имѣла бы рѣшительно никакой важности. Возвращать ее насильственно было бы смѣшно, когда бы не было вредно. Но истреблять оставшіяся формы можетъ только тотъ, кто не вѣритъ, что когда-нибудь Россія возвратится къ тому живительному духу, которымъ дышетъ ея Церковь.

Желать теперь остается намъ только одного: чтобы какой-нибудь Французъ понялъ оригинальность ученія христіанскаго, какъ оно заключается въ нашей Церкви, и написалъ объ этомъ статью въ журналѣ; чтобы Нѣмецъ, повѣривши ему, изучилъ нашу Церковь поглубже и сталъ бы доказывать на лекціяхъ, что въ ней совсѣмъ неожиданно открывается именно то, чего теперь требуетъ просвѣщеніе Европы. Тогда, безъ сомнѣнія, мы повѣрили бы Французу и Нѣмцу, и сами узнали бы то, что имѣемъ.

Обозрѣніе современнаго состоянія литературы.

(1845).

I.

Было время, когда, говоря: *словесность*, разумѣли обыкновенно изящную литературу; въ наше время изящная литература составляетъ только незначительную часть словесности. Потому мы должны предупредить читателей, что, желая представить современное состояніе литературы въ Европѣ, мы по неволѣ должны будемъ обращать болѣе вниманія на произведенія философскія, историческія, филологическія, политико-экономическія, богословскія, и т. п., чѣмъ собственно на произведенія изящныя.

Можетъ быть, отъ самой эпохи такъ называемаго возрожденія наукъ въ Европѣ, никогда изящная литература не играла такой жалкой роли, какъ теперь, особенно въ послѣдніе годы нашего времени,—хотя, можетъ быть, никогда не писалось такъ много во всѣхъ родахъ и никогда не читалось такъ жадно все, что пишется. Еще 18-й вѣкъ былъ по преимуществу литературный; еще въ первой четверти 19-го вѣка чисто литературные интересы были одною изъ пружинъ умственнаго движенія народовъ; великіе поэты возбуждали великія сочувствія: различія литературныхъ мнѣній производили страстныя партіи: появленіе новой книги отзывалось въ умахъ, какъ общественное дѣло. Но теперь отношеніе изящной литературы къ обществу измѣнилось; изъ великихъ, всеувлекающихъ поэтовъ не осталось ни одного; при множествѣ стиховъ и, скажемъ еще, при множествѣ замѣчательныхъ талантовъ,—нѣтъ поэзіи: незамѣтно даже ея потребности; литературныя мнѣнія повторяются безъ участія; прежнее, магическое сочувствіе между авторомъ и читателями прервано; изъ первой блистательной роли

изящная словесность сошла на роль наперсницы другихъ героинь нашего времени; мы читаемъ много, читаемъ больше прежняго, читаемъ все, что попало; но все мимоходомъ, безъ участія, какъ чиновникъ прочитываетъ входящія и исходящія бумаги, когда онъ ихъ прочитываетъ. Читая, мы не наслаждаемся, еще меньше можемъ забыться; но только принимаемъ къ соображенію, ищемъ извлечь примѣненіе, пользу;—и тотъ живой, безкорыстный интересъ къ явленіямъ чисто-литературнымъ, та отвлеченная любовь къ прекраснымъ формамъ, то наслажденіе стройностію рѣчи, то упоительное самозабвеніе въ гармоніи стиха, какое мы испытали въ нашей молодости,—наступающее поколѣніе будетъ знать объ немъ развѣ только по преданію.

Говорятъ, что этому надобно радоваться; что литература потому замѣнилась другими интересами, что мы стали дѣльнѣе; что если прежде мы гонялись за стихомъ, за фразою, за мечтою, то теперь ищемъ существенности, науки, жизни. Не знаю, справедливо ли это; но признаюсь, мнѣ жаль прежней, непримѣняемой къ дѣлу, безполезной литературы. Въ ней было много теплаго для души; а что грѣетъ душу, то можетъ быть не совсѣмъ лишнее и для жизни.

Въ наше время изящную словесность замѣнила словесность журнальная. И не надобно думать, что бы характеръ журнализма принадлежалъ однимъ періодическимъ изданіямъ: онъ распространяется на всѣ формы словесности, съ весьма немногими исключеніями.

Въ самомъ дѣлѣ, куда ни оглянемся, вездѣ мысль подчинена текущимъ обстоятельствамъ, чувство приложено къ интересамъ партіи, форма принаровлена къ требованіямъ минуты. Романъ обратился въ статистику нравовъ;—поэзія въ стихи на случай *);—исторія, бывъ отголоскомъ прошедшаго, старается быть вмѣстѣ и зеркаломъ настоящаго, или доказатель-

---

*) Уже Гёте предугадалъ это направленіе и подъ конецъ своей жизни утверждалъ, что истинная поэзія есть *поэзія на случай* (Gelegenheits-Gedicht).—Впрочемъ Гёте понималъ это по своему. Въ послѣднюю эпоху его жизни большая часть поэтическихъ случаевъ, возбуждавшихъ его вдохновеніе, были придворный балъ, почетный маскарадъ, или чей нибудь день рожденія. Судьба Наполеона и перевернутой имъ Европы едва оставила слѣды во всемъ собраніи его твореній. Гёте былъ всеобъемлющій, величайшій и, вѣроятно, послѣдній поэтъ *жизни индивидуальной*, еще не сопроникнувшейся въ одно сознаніе съ жизнію общечеловѣческою.

ствомъ какого нибудь общественнаго убѣжденія, цитатомъ въ пользу какого нибудь современнаго воззрѣнія;—философія, при самыхъ отвлеченныхъ созерцаніяхъ вѣчныхъ истинъ, постоянно занята ихъ отношеніемъ къ текущей минутѣ;—даже произведенія богословскія на Западѣ, по большей части, порождаются какимъ нибудь посторонним обстоятельствомъ внѣшней жизни. По случаю одного Кельнскаго епископа написано больше книгъ, чѣмъ по причинѣ господствующаго невѣрія, на которое такъ жалуется Западное духовенство.

Впрочемъ это общее стремленіе умовъ къ событіямъ дѣйствительности, къ интересамъ дня, имѣетъ источникомъ своимъ не однѣ личныя выгоды или корыстныя цѣли, какъ думаютъ нѣкоторые. Хотя выгоды частныя и связаны съ дѣлами общественными, но общій интересъ къ послѣднимъ происходитъ не изъ одного этого разсчета. По большей части, это просто интересъ сочувствія. Умъ разбуженъ и направленъ въ эту сторону. Мысль человѣка срослась съ мыслію о человѣчествѣ. Это стремленіе любви, а не выгоды. Онъ хочетъ знать, что дѣлается въ мірѣ, въ судьбѣ ему подобныхъ, часто безъ малѣйшаго отношенія къ себѣ. Онъ хочетъ знать, чтобы только участвовать мыслію въ общей жизни, сочувствовать ей изнутри своего ограниченнаго круга.

Не смотря на то, однако, кажется, не безъ основанія жалуются многіе на это излишнее уваженіе къ минутѣ, на этотъ всепоглощающій интересъ къ событіямъ дня, къ внѣшней, дѣловой сторонѣ жизни. Такое направленіе, думаютъ они, не обнимаетъ жизни, но касается только ея наружной стороны, ея несущественной поверхности. Скорлупа, конечно, необходима, но только для сохраненія зерна, безъ котораго она свищь; можетъ быть, это состояніе умовъ понятно, какъ состояніе переходное; но безсмыслица, какъ состояніе высшаго развитія. Крыльцо къ дому хорошо какъ крыльцо; но если мы расположимся на немъ жить, какъ будто оно весь домъ, тогда намъ отъ того можетъ быть и тѣсно и холодно.

Впрочемъ замѣтимъ, что вопросы собственно политическіе, правительственные, которые такъ долго волновали умы на Западѣ, теперь уже начинаютъ удаляться на второй планъ умственныхъ движеній, и хотя при поверхностномъ наблюденіи можетъ показаться, будто они еще въ прежней силѣ, потому, что по прежнему еще занимаютъ большинство головъ, но это боль-

шинство уже отсталое; оно уже не составляетъ выраженія вѣка: передовые мыслители рѣшительно переступили въ другую сферу, въ область вопросовъ общественныхъ, гдѣ первое мѣсто занимаетъ уже не внѣшняя форма, но сама внутренняя жизнь общества, въ ея дѣйствительныхъ, существенныхъ отношеніяхъ.

Излишнимъ считаю оговариваться, что подъ направленіемъ къ вопросамъ общественнымъ я разумѣю не тѣ уродливыя системы, которыя извѣстны въ мірѣ болѣе по шуму, ими произведенному, чѣмъ по смыслу своихъ недодуманныхъ ученій: эти явленія любопытны только какъ признакъ, а сами по себѣ несущественны; нѣтъ, интересъ къ вопросамъ общественнымъ, замѣняющій прежнюю, исключительно политическую заботливость, вижу я не въ томъ или другомъ явленіи, но въ цѣломъ направленіи литературы Европейской.

Умственныя движенія на Западѣ совершаются теперь съ меньшимъ шумомъ и блескомъ, но очевидно имѣютъ болѣе глубины и общности. Вмѣсто ограниченной сферы событій дня и внѣшнихъ интересовъ, мысль устремляется къ самому источнику всего внѣшняго, къ человѣку, какъ онъ есть, и къ его жизни, какъ она должна быть. Дѣльное открытіе въ наукѣ уже болѣе занимаетъ умы, чѣмъ пышная рѣчь въ Камерѣ. Внѣшняя форма судопроизводства кажется менѣе важною, чѣмъ внутреннее развитіе справедливости; живой духъ народа существеннѣе его наружныхъ устроеній. Западные писатели начинаютъ понимать, что подъ громкимъ вращеніемъ общественныхъ колесъ таится неслышное движеніе нравственной пружины, отъ которой зависитъ все, и потому въ мысленной заботѣ своей стараются перейти отъ явленія къ причинѣ, отъ формальныхъ внѣшнихъ вопросовъ хотятъ возвыситься къ тому объему идеи общества, гдѣ и минутныя событія дня, и вѣчныя условія жизни, и политика, и философія, и наука, и ремесло, и промышленность, и сама религія, и вмѣстѣ съ ними словесность народа, сливаются въ одну необозримую задачу: усовершенствованіе человѣка и его жизненныхъ отношеній.

Но надобно признаться, что если частныя литературныя явленія имѣютъ отъ того болѣе значительности и, такъ сказать, болѣе *соку*, за то литература въ общемъ объемѣ своемъ представляетъ странный хаосъ противорѣчащихъ мнѣній, несвязанныхъ системъ, воздушныхъ разлетающихся теорій, минутныхъ, выдуманныхъ вѣрованій, и въ основаніи всего: со-

вершенное отсутствіе всякаго убѣжденія, которое могло бы назваться не только общимъ, но хотя господствующимъ. Каждое новое усиліе мысли выражается новою системою; каждая новая система, едва рождаясь, уничтожаетъ всѣ предыдущія, и уничтожая ихъ, сама умираетъ въ минуту рожденія, такъ, что безпрестанно работая, умъ человѣческій не можетъ успокоиться ни на одномъ добытомъ результатѣ; постоянно стремясь къ построенію какого-то великаго, заоблачнаго зданія, нигдѣ не находитъ опоры, чтобы утвердить хотя одинъ первый камень для нешатающагося фундамента.

Отъ того во всѣхъ сколько нибудь замѣчательныхъ произведеніяхъ словесности, во всѣхъ важныхъ и не важныхъ явленіяхъ мысли на Западѣ, начиная съ новѣйшей философіи Шеллинга и оканчивая давно забытою системою Сенъ-Симонистовъ, обыкновенно находимъ мы двѣ различныя стороны: одна почти всегда возбуждаетъ сочувствіе въ публикѣ, и часто заключаетъ въ себѣ много истиннаго, дѣльнаго и двигающаго впередъ мысль: это сторона *отрицательная*, полемическая, опроверженіе системъ и мнѣній, предшествовавшихъ излагаемому убѣжденію: другая сторона, если иногда и возбуждаетъ сочувствіе, то почти всегда ограниченное и скоро проходящее: это сторона *положительная*, то есть, именно то, что составляетъ особенность новой мысли, ея сущность, ея право на жизнь за предѣлами перваго любопытства.

Причина такой двойственности Западной мысли очевидна. Доведя до конца свое прежнее десятивѣковое развитіе, новая Европа пришла въ противорѣчіе съ Европою старою и чувствуетъ, что для начала новой жизни ей нужно новое основаніе. Основаніе жизни народной есть убѣжденіе. Не находя готоваго, соотвѣтствующаго ея требованіямъ, Западная мысль пытается создать себѣ убѣжденіе усиліемъ, изобрѣсть его, если можно, напряженіемъ мышленія,—но въ этой отчаянной работѣ, во всякомъ случаѣ любопытной и поучительной, до сихъ поръ еще каждый опытъ былъ только противорѣчіемъ другаго.

Многомысліе, разнорѣчіе кипящихъ системъ и мнѣній, при недостаткѣ одного общаго убѣжденія, не только раздробляетъ самосознаніе общества, но необходимо должно дѣйствовать и на частнаго человѣка, раздвояя каждое живое движеніе его души. Отъ того, между прочимъ, въ наше время такъ много талантовъ и нѣтъ ни одного истиннаго поэта. Ибо поэтъ создается

силою внутренней мысли. Изъ глубины души своей долженъ онъ вынести, кромѣ прекрасныхъ формъ, еще самую душу прекраснаго: свое живое, цѣльное воззрѣніе на міръ и человѣка. Здѣсь не помогутъ никакія искусственныя устроенія понятій, никакія разумныя теоріи. Звонкая и трепещущая мысль его должна исходить изъ самой тайны его внутренняго, такъ сказать, надсознательнаго убѣжденія, и гдѣ это святилище бытія раздроблено разнорѣчіемъ вѣрованій, или пусто ихъ отсутствіемъ, тамъ не можетъ быть рѣчи ни о поэзіи, ни о какомъ могучемъ воздѣйствіи человѣка на человѣка.

Это состояніе умовъ въ Европѣ довольно новое. Оно принадлежитъ послѣдней четверти девятнадцатаго вѣка. Восьмнадцатый вѣкъ, хотя былъ по преимуществу невѣрующій, но тѣмъ не менѣе имѣлъ свои горячія убѣжденія, свои господствующія теоріи, на которыхъ успокоивалась мысль, которыми обманывалось чувство высшей потребности человѣческаго духа. Когда же за порывомъ упоенія послѣдовало разочарованіе въ любимыхъ теоріяхъ, тогда новый человѣкъ не выдержалъ жизни безъ сердечныхъ цѣлей: господствующимъ чувствомъ его стало отчаяніе. Байронъ свидѣтельствуетъ объ этомъ переходномъ состояніи, — но чувство отчаянія, по сущности своей, только минутное. Выходя изъ него, Западное самосознаніе распалось на два противоположныя стремленія. Съ одной стороны, мысль, не поддержанная высшими цѣлями духа, упала на службу чувственнымъ интересамъ и корыстнымъ видамъ; отсюда промышленное направленіе умовъ, которое проникло не только во внѣшнюю общественную жизнь, но и въ отвлеченную область науки, въ содержаніе и форму словесности, и даже въ самую глубину домашняго быта, въ святость семейныхъ связей, въ волшебную тайницу первыхъ юношескихъ мечтаній. Съ другой стороны, отсутствіе основныхъ началъ пробудило во многихъ сознаніе ихъ необходимости. Самый недостатокъ убѣжденій произвелъ потребность вѣры; но умы, искавшіе вѣры, не всегда умѣли согласить ея Западныхъ формъ съ настоящимъ состояніемъ Европейской науки. Отъ того нѣкоторые рѣшительно отказались отъ послѣдней и объявили непримиримую вражду между вѣрою и разумомъ; другіе же, стараясь найти ихъ соглашеніе, или насилуютъ науку, чтобы втѣснить ее въ Западныя формы религіи, или хотятъ самыя формы религіи переобразовать по своей наукѣ, или, наконецъ, не находя на

Западѣ формы, соотвѣтствующей ихъ умственнымъ потребностямъ, выдумываютъ себѣ новую религію безъ церкви, безъ преданія, безъ откровенія и безъ вѣры.

Границы этой статьи не позволяютъ намъ изложить въ ясной картинѣ того, что есть замѣчательнаго и особеннаго въ современныхъ явленіяхъ словесности Германіи, Англіи, Франціи и Италіи, гдѣ тоже загорается теперь новая, достойная вниманія мысль религіозно-философская. Въ послѣдующихъ нумерахъ Москвитянина надѣемся мы представить это изображеніе со всевозможнымъ безпристрастіемъ.—Теперь же въ бѣглыхъ очеркахъ постараемся обозначить въ иностранныхъ словесностяхъ только то, что онѣ представляютъ самаго рѣзко замѣчательнаго въ настоящую минуту.

Въ *Германіи* господствующее направленіе умовъ до сихъ поръ остается преимущественно философское; къ нему примыкаетъ, съ одной стороны, направленіе исторически-теологическое, которое есть слѣдствіе собственнаго, болѣе глубокаго развитія мысли философской, а съ другой, направленіе политическое, которое, кажется, по большей части надобно приписать чужому вліянію, судя по пристрастію замѣчательнѣйшихъ писателей этого рода къ Франціи и ея словесности. Нѣкоторые изъ этихъ Нѣмецкихъ патріотовъ доходятъ до того, что ставятъ Вольтера, какъ философа, выше мыслителей Германскихъ.

Новая система Шеллинга, такъ долго ожиданная, такъ торжественно принятая, не согласовалась, кажется, съ ожиданіями Нѣмцевъ. Его Берлинская аудиторія, гдѣ въ первый годъ его появленія съ трудомъ можно было найти мѣсто, теперь, какъ говорятъ, сдѣлалась просторною. Его способъ примиренія вѣры съ философіей не убѣдилъ до сихъ поръ ни вѣрующихъ, ни философствующихъ. Первые упрекаютъ его за излишнія права разума и за тотъ особенный смыслъ, который онъ влагаетъ въ свои понятія о самыхъ основныхъ догматахъ Христіанства. Самые близкіе друзья его видятъ въ немъ только мыслителя *на пути къ вѣрѣ*. „Я надѣюсь,—говоритъ Неандеръ, (посвящая ему новое изданіе своей церковной исторіи)—я надѣюсь, что милосердый Богъ скоро содѣлаетъ васъ вполнѣ нашимъ“. Философы, напротивъ того, оскорбляются тѣмъ, что онъ принимаетъ, какъ достояніе разума, догматы вѣры, не развитые изъ разума по законамъ логической необходимости. „Если бы

система его была сама святая истина,—говорятъ они,—то и въ такомъ случаѣ она не могла бы быть пріобрѣтеніемъ философіи, покуда не явится собственнымъ ея произведеніемъ".

Этотъ, по крайней мѣрѣ, наружный неуспѣхъ дѣла всемірно значительнаго, съ которымъ соединялось столько великихъ ожиданій, основанныхъ на глубочайшей потребности духа человѣческаго, смутилъ многихъ мыслителей; но вмѣстѣ былъ причиною торжества для другихъ. И тѣ и другіе забыли, кажется, что новотворческая мысль вѣковыхъ геніевъ *должна* быть въ разногласіи съ ближайшими современниками. Страстные Гегельянцы, вполнѣ довольствуясь системою своего учителя и не видя возможности повести мысль человѣческую далѣе показанныхъ имъ границъ, почитаютъ святотатственнымъ нападеніемъ на самую истину каждое покушеніе ума развить философію выше теперешняго ея состоянія. Но, между тѣмъ, торжество ихъ при мнимой неудачѣ великаго Шеллинга, сколько можно судить изъ философскихъ брошюръ, было не совсѣмъ основательное. Если и правда, что новая система Шеллинга въ той особенности, въ какой она была имъ изложена, нашла мало сочувствія въ теперешней Германіи, то тѣмъ не менѣе его опроверженія прежнихъ философій, и преимущественно Гегелевой, имѣли глубокое и съ каждымъ днемъ болѣе увеличивающееся дѣйствіе. Конечно, справедливо и то, что мнѣнія Гегельянцевъ безпрестанно шире распространяются въ Германіи, развиваясь въ примѣненіяхъ къ искусствамъ, литературѣ и всѣмъ наукамъ (выключая еще наукъ естественныхъ); справедливо, что они сдѣлались даже почти популярными; но за то многіе изъ первоклассныхъ мыслителей уже начали сознавать недостаточность этой формы любомудрія и ясно чувствуютъ потребности новаго ученія, основаннаго на высшихъ началахъ, хотя и не ясно еще видятъ, съ какой стороны можно имъ ожидать отвѣта на эту незаглушимую стремящагося духа потребность. Такъ по законамъ вѣчнаго движенія человѣческой мысли, когда новая система начинаетъ спускаться въ низшіе слои образованнаго міра, въ то самое время передовые мыслители уже сознаютъ ея неудовлетворительность и смотрятъ впередъ, въ ту глубокую даль, въ голубую безпредѣльность, гдѣ открывается новый горизонтъ ихъ зоркому предчувствію.

Впрочемъ надобно замѣтить, что слово Гегельянизмъ не связано ни съ какимъ опредѣленнымъ образомъ мыслей, ни съ какимъ постояннымъ направленіемъ. Гегельянцы сходятся между собой только въ методѣ мышленія и еще болѣе въ способѣ выраженія; но результаты ихъ методы и смыслъ выражаемаго часто совершенно противоположны. Еще при жизни Гегеля, между нимъ и Гансомъ, геніальнѣйшимъ изъ его учениковъ, было совершенное противорѣчіе въ примѣняемыхъ выводахъ философіи. Между другими Гегельянцами повторяется то же разногласіе. Такъ напр., образъ мыслей Гегеля и нѣкоторыхъ изъ его послѣдователей доходилъ до крайняго аристократизма; между тѣмъ какъ другіе Гегельянцы проповѣдуютъ самый отчаянный демократизмъ: были даже нѣкоторые, выводившіе изъ тѣхъ же началъ ученіе самаго фанатическаго абсолютизма. Въ религіозномъ отношеніи иные держатся протестантизма въ самомъ строгомъ, древнемъ смыслѣ этого слова, не отступая не только отъ понятія, но даже отъ буквы ученія; другіе, напротивъ того, доходятъ до самаго нелѣпаго безбожія. Въ отношеніи искусства, самъ Гегель началъ съ противорѣчія новѣйшему направленію, оправдывая романтическое и требуя чистоты художественныхъ родовъ; многіе Гегельянцы остались и теперь при этой теоріи, между тѣмъ какъ другіе проповѣдуютъ искусство новѣйшее въ самой крайней противоположности романтическому и при самой отчаянной неопредѣленности формъ и смѣшанности характеровъ. Такъ, колеблясь между противоположными направленіями, то аристократическая, то народная, то вѣрующая, то безбожная,—то романтическая, то ново-жизненная,—то чисто Прусская, то вдругъ Турецкая, то наконецъ Французская,—система Гегеля въ Германіи имѣла различные характеры, и не только на этихъ противоположныхъ крайностяхъ, но и на каждой ступени ихъ взаимнаго разстоянія образовала и оставила особую школу послѣдователей, которые болѣе или менѣе склоняются то на правую, то на лѣвую сторону. Потому ничто не можетъ быть несправедливѣе, какъ приписывать одному Гегельянцу мнѣніе другаго, какъ это бываетъ иногда и въ Германіи, но чаще въ другихъ литературахъ, гдѣ система Гегеля еще не довольно извѣстна. Отъ этого недоразумѣнія большая часть послѣдователей Гегеля терпитъ совершенно незаслуженныя обвиненія. Ибо естественно, что самыя рѣзкія, самыя уродливыя мысли нѣкоторыхъ изъ

нихъ всего скорѣе распространяются въ удивленной публикѣ, какъ образецъ излишней смѣлости или забавной странности, и, не зная всей гибкости Гегелевой методы, многіе невольно приписываютъ всѣмъ Гегельянцамъ то, что принадлежитъ, можетъ быть, одному.

Впрочемъ, говоря о послѣдователяхъ Гегеля, необходимо отличать тѣхъ изъ нихъ, которые занимаются приложеніемъ его методы къ другимъ наукамъ, отъ тѣхъ, которые продолжаютъ развивать его ученіе въ области философіи. Изъ первыхъ есть нѣкоторые писатели замѣчательные силою логическаго мышленія; изъ вторыхъ же до сихъ поръ неизвѣстно ни одного особенно геніальнаго, ни одного, который бы возвысился даже до живаго понятія философіи, проникъ бы далѣе ея внѣшнихъ формъ и сказалъ бы хотя одну свѣжую мысль, не почерпнутую буквально изъ сочиненій учителя. Правда, *Эрдманъ* сначала обѣщалъ развитіе самобытное, но потомъ однако 14 лѣтъ сряду не устаетъ постоянно переворачивать однѣ и тѣ же общеизвѣстныя формулы. Та же внѣшняя формальность наполняетъ сочиненія *Розенкранца*, *Мишлета*, *Маргейнеке*, *Гото Рётчера* и *Габлера*, хотя послѣдній кромѣ того еще переиначиваетъ нѣсколько направленіе своего учителя и даже самую его фразеологію,—или отъ того, что въ самомъ дѣлѣ такъ понимаетъ его, или, можетъ быть, такъ *хочетъ* понять, жертвуя точностію своихъ выраженій для внѣшняго блага всей школы. *Вердеръ* пользовался нѣкоторое время репутаціей особенно даровитаго мыслителя, покуда ничего не печаталъ и былъ извѣстенъ только по своему преподаванію Берлинскимъ студентамъ; но издавъ логику, наполненную общихъ мѣстъ и старыхъ формулъ, одѣтыхъ въ изношенное, но вычурное платье, съ пухлыми фразами, онъ доказалъ, что талантъ преподаванія еще не порука за достоинство мышленія. Истиннымъ, единственно вѣрнымъ и чистымъ представителемъ Гегельянизма остается до сихъ поръ все еще самъ *Гегель* и одинъ онъ,—хотя можетъ быть никто болѣе его самого не противорѣчилъ въ примѣненіяхъ основному началу его философіи.

Изъ противниковъ Гегеля легко было бы высчитать многихъ замѣчательныхъ мыслителей; но глубже и сокрушительнѣе другихъ, кажется намъ, послѣ Шеллинга, *Адольфъ Тренделенбургъ*, человѣкъ, глубоко изучившій древнихъ философовъ и нападающій на методу Гегеля въ самомъ источникѣ ея жиз-

ненности, въ отношеніи чистаго мышленія къ его основному началу. Но и здѣсь, какъ во всемъ современномъ мышленіи, разрушительная сила Тренделенбурга находится въ явномъ неравновѣсіи съ созидательною.

Нападенія Гербартіянцевъ имѣютъ, можетъ быть, менѣе логической неодолимости, за то болѣе существеннаго смысла, потому, что на мѣсто уничтожаемой системы ставятъ не пустоту безмыслія, отъ которой умъ человѣческій имѣетъ еще болѣе отвращенія, чѣмъ физическая природа; но предлагаютъ другую, уже готовую, весьма достойную вниманія, хотя еще мало оцѣненную систему Гербарта.

Впрочемъ, чѣмъ менѣе удовлетворительности представляетъ философское состояніе Германіи, тѣмъ сильнѣе раскрывается въ ней потребность религіозная. Въ этомъ отношеніи Германія теперь весьма любопытное явленіе. Потребность вѣры, такъ глубоко чувствуемая высшими умами, среди общаго колебанія мнѣній, и, можетъ быть, вслѣдствіе этого колебанія, обнаружилась тамъ новымъ религіознымъ настройствомъ многихъ поэтовъ, образованіемъ новыхъ религіозно-художническихъ школъ и болѣе всего новымъ направленіемъ богословія. Эти явленія тѣмъ важнѣе, что они, кажется,—только первое начало будущаго, сильнѣйшаго развитія. Я знаю, что обыкновенно утверждаютъ противное; знаю, что видятъ въ религіозномъ направленіи нѣкоторыхъ писателей только исключеніе изъ общаго, господствующаго состоянія умовъ. И въ самомъ дѣлѣ оно исключеніе, если судить по матеріяльному, числительному большинству такъ называемаго образованнаго класса; ибо надобно признаться, что этотъ классъ, болѣе чѣмъ когда нибудь, принадлежитъ теперь къ самой лѣвой крайности раціонализма. Но не должно забывать, что развитіе мысли народной исходитъ не изъ численнаго большинства. Большинство выражаетъ только настоящую минуту и свидѣтельствуетъ болѣе о прошедшей, дѣйствовавшей силѣ, чѣмъ о наступающемъ движеніи. Чтобы понять направленіе, надобно смотрѣть не туда, гдѣ больше людей, но туда, гдѣ больше внутренней жизненности и гдѣ полнѣе соотвѣтствіе мысли вопіющимъ потребностямъ вѣка. Если же мы возмемъ во вниманіе, какъ примѣтно остановилось жизненное развитіе Нѣмецкаго раціонализма; какъ механически онъ двигается въ несущественныхъ формулахъ, перебирая одни и тѣ же истертыя положенія; какъ всякое

самобытное трепетаніе мысли видимо вырывается изъ этихъ однозвучныхъ оковъ и стремится въ другую, теплѣйшую сферу дѣятельности;—тогда мы убѣдимся, что Германія пережила свою настоящую философію, и что скоро предстоитъ ей новый, глубокій переворотъ въ убѣжденіяхъ.

Чтобы понять послѣднее направленіе ея Лютеранскаго богословія, надобно припомнить обстоятельства, служившія поводомъ къ его развитію.

Въ концѣ прошедшаго и въ началѣ настоящаго вѣка, большинство Нѣмецкихъ теологовъ было, какъ извѣстно, проникнуто тѣмъ популярнымъ раціонализмомъ, который произошелъ изъ смѣшенія Французскихъ мнѣній съ Нѣмецкими школьными формулами. Направленіе это распространилось весьма быстро. *Землеръ*, въ началѣ своего поприща, былъ провозглашенъ вольнодумнымъ новоучителемъ; но при концѣ своей дѣятельности и не перемѣняя своего направленія, онъ же самый вдругъ очутился съ репутаціей закоснѣлаго старовѣра и гасильника разума. Такъ быстро и такъ совершенно измѣнилось вокругъ него состояніе богословскаго ученія.

Въ противоположность этому ослабленію вѣры, въ едва замѣтномъ уголкѣ Нѣмецкой жизни сомкнулся маленькій кружокъ людей *напряженно вѣрующихъ*, такъ называемыхъ Піетистовъ, сближавшихся нѣсколько съ Гернгутерами и Методистами.

Но 1812 годъ разбудилъ потребность высшихъ убѣжденій во всей Европѣ; тогда, особенно въ Германіи, религіозное чувство проснулось опять въ новой силѣ. Судьба Наполеона, переворотъ, совершившійся во всемъ образованномъ мірѣ, опасность и спасеніе отечества, переначатіе всѣхъ основъ жизни, блестящія, молодыя надежды на будущее, — все это кипѣніе великихъ вопросовъ и громадныхъ событій не могло не коснуться глубочайшей стороны человѣческаго самосознанія и разбудило высшія силы его духа. Подъ такимъ вліяніемъ образовалось новое поколѣніе Лютеранскихъ теологовъ, которое естественно вступило въ прямое противорѣчіе съ прежнимъ. Изъ ихъ взаимнаго противодѣйствія въ литературѣ, въ жизни и въ государственной дѣятельности произошли двѣ школы: одна, въ то время новая, опасаясь самовластія разума, держалась строго символическихъ книгъ своего исповѣданія; другая позволяла себѣ ихъ разумное толкованіе. Пер-

вая, противоборствуя излишнимъ, по ея мнѣнію, правамъ философствованія, примыкала крайними членами своими къ піетистамъ; послѣдняя, защищая разумъ, граничила иногда съ чистымъ раціонализмомъ. Изъ борьбы этихъ двухъ крайностей развилось безконечное множество среднихъ направленій.

Между тѣмъ несогласіе этихъ двухъ партій въ самыхъ важныхъ вопросахъ, внутреннее несогласіе разныхъ оттѣнковъ одной и той же партіи, несогласіе разныхъ представителей одного и того же оттѣнка, и наконецъ, нападенія чистыхъ раціоналистовъ, уже не принадлежащихъ къ числу вѣрующихъ, на всѣ эти партіи и оттѣнки вмѣстѣ взятые,—все это возбудило въ общемъ мнѣніи сознаніе необходимости болѣе основательнаго изученія Священнаго Писанія, нежели какъ оно совершалось до того времени, и болѣе всего: необходимости твердаго опредѣленія границъ между разумомъ и вѣрою. Съ этимъ требованіемъ сошлось и частію имъ усилилось новое развитіе историческаго и особенно филологическаго и философскаго образованія Германіи. Вмѣсто того, что прежде студенты университетскіе едва разумѣли по-Гречески, теперь ученики гимназіи начали вступать въ университеты уже съ готовымъ запасомъ основательнаго знанія въ языкахъ: Латинскомъ, Греческомъ и Еврейскомъ. Филологическія и историческія каѳедры занялись людьми замѣчательныхъ дарованій. Богословская философія считала многихъ извѣстныхъ представителей, но особенно оживило и развило ее блестящее и глубокомысленное преподаваніе *Шлейермахера*, и другое, противоположное ему, хотя не блестящее, но не менѣе глубокомысленное, хотя едва понятное, но, по какому-то невыразимому, сочувственному сцѣпленію мыслей, удивительно увлекательное преподаваніе профессора *Дауба*. Къ этимъ двумъ системамъ примкнула третья, основанная на философіи Гегеля. Четвертая партія состояла изъ остатковъ прежняго Брейтшнейдеровскаго популярнаго раціонализма. За ними начинались уже чистые раціоналисты, съ голымъ философствованіемъ безъ вѣры.

Чѣмъ ярче опредѣлялись различныя направленія, чѣмъ многостороннѣе обработывались частные вопросы, тѣмъ труднѣе было ихъ общее соглашеніе.

Между тѣмъ сторона преимущественно вѣрующихъ, строго держась своихъ символическихъ книгъ, имѣла великую внѣш-

нюю выгоду надъ другими: только послѣдователи Аугсбургскаго исповѣданія, пользовавшагося государственнымъ признаніемъ, вслѣдствіе Вестфальскаго мира, могли имѣть право на покровительство государственной власти. Вслѣдствіе этого многіе изъ нихъ требовали удаленія противомыслящихъ отъ занимаемыхъ ими мѣстъ.

Съ другой стороны, эта самая выгода была, можетъ быть, причиною ихъ малаго успѣха. Противъ нападенія мысли прибѣгать подъ защиту внѣшней силы—для многихъ казалось признакомъ внутренней несостоятельности. Къ тому же въ ихъ положеніи была еще другая слабая сторона: самое Аугсбургское исповѣданіе основалось на правѣ личнаго толкованія. Допускать это право до 16-го вѣка и не допускать его послѣ — для многихъ казалось другимъ противорѣчіемъ. Впрочемъ, отъ той или отъ другой причины, но раціонализмъ, пріостановленный на время и не побѣжденный усиліями законно-вѣрующихъ, сталъ снова распространяться, дѣйствуя теперь уже съ удвоенной силой, укрѣпившись всѣми пріобрѣтеніями науки, покуда, наконецъ, слѣдуя неумолимому теченію силлогизмовъ, оторванныхъ отъ вѣры, онъ достигъ самыхъ крайнихъ, самыхъ отвратительныхъ результатовъ.

Такъ результаты, обнаружившіе силу раціонализма, служили вмѣстѣ и его обличеніемъ. Если они могли принести нѣкоторый минутный вредъ толпѣ, подражательно повторяющей чужія мнѣнія; за то люди, откровенно искавшіе твердаго основанія, тѣмъ яснѣе отдѣлились отъ нихъ и тѣмъ рѣшительнѣе избрали противоположное направленіе. Вслѣдствіе этого, прежнее воззрѣніе многихъ протестантскихъ теологовъ значительно измѣнилось.

Есть партія, принадлежащая самому послѣднему времени, которая смотритъ на протестантизмъ уже не какъ на противорѣчіе католицизму, но напротивъ Папизмъ и Тридентскій Соборъ отдѣляетъ отъ католицизма и видитъ въ Аугсбургскомъ исповѣданіи самое законное, хотя еще не послѣднее выраженіе безпрерывно развивающейся Церкви. Эти протестантскіе теологи, даже въ среднихъ вѣкахъ, признаютъ уже не уклоненіе отъ Христіанства, какъ говорили Лютеранскіе богословы до сихъ поръ, но его постепенное и необходимое продолженіе, почитая не только внутреннюю, но даже и внѣшнюю непрерывающуюся церковность однимъ изъ необходимыхъ элементовъ Христіан-

ства.—Вмѣсто прежняго стремленія оправдывать всѣ возстанія противъ Церкви Римской, теперь они склонны болѣе къ ихъ осужденію. Охотно обвиняютъ Вальденсовъ и Виклифитовъ, съ которыми прежде находили такъ много сочувствія; оправдываютъ Григорія VII и Иннокентія III, и даже осуждаютъ Гуся, за *сопротивленіе законной власти Церкви*,—Гуся, котораго самъ Лютеръ, какъ говоритъ преданіе, называлъ предшественникомъ своей лебединой пѣсни.

Согласно съ такимъ направленіемъ, они желаютъ нѣкоторыхъ измѣненій въ своемъ богослуженіи и особенно, по примѣру Епископальной Церкви, хотятъ дать большій перевѣсъ части собственно литургической надъ проповѣдью. Съ этою цѣлью переведены всѣ литургіи первыхъ вѣковъ, и составлено самое полное собраніе всѣхъ старыхъ и новыхъ церковныхъ пѣсенъ. Въ дѣлѣ пасторства требуютъ они не только поученій въ храмѣ, но и увѣщаній на домахъ, вмѣстѣ съ постояннымъ наблюденіемъ за жизнію прихожанъ. Къ довершенію всего, они желаютъ возвратить въ обычай прежнія церковныя наказанія, начиная отъ простаго увѣщанія до торжественнаго изверженія, и даже возстаютъ противъ смѣшанныхъ браковъ. И то и другое въ Старо-Лютеранской церкви *) уже не желаніе, но догма введенная въ дѣйствительную жизнь.

Впрочемъ само собою разумѣется, что такое направленіе принадлежитъ не всѣмъ, но только нѣкоторымъ протестантскимъ богословамъ. Мы замѣтили его болѣе потому, что оно новое, чѣмъ потому, что оно сильное. И не надобно думать, чтобы вообще законно-вѣрующіе Лютеранскіе теологи, одинаково признающіе свои символическія книги и согласные между собой въ отверженіи раціонализма, были отъ того согласны въ са-

---

*) *Старо-Лютеранская* церковь есть явленіе новое. Она произошла отъ сопротивленія нѣкоторой части Лютеранъ противъ соединенія ихъ съ Реформатами. Нынѣшній Король Прусскій позволилъ имъ исповѣдывать свое ученіе открыто и отдѣльно; вслѣдствіе того, образовалась новая церковь, подъ названіемъ Старо-Лютеранской. Она имѣла свой полный Соборъ въ 1841 году, издала свои особыя постановленія, учредила для своего управленія независящій ни отъ какихъ властей свой *Высшій Церковный Совѣтъ*, засѣдающій въ Бреславлѣ, отъ котораго одного зависятъ низшіе совѣты и всѣ церкви ихъ исповѣданія. По ихъ постановленіямъ, рѣшительно запрещаются смѣшанные браки для всѣхъ принимающихъ участіе въ церковномъ управленіи или въ воспитаніи. Другимъ же, если не прямо запрещаются, то по крайней мѣрѣ отсовѣтываются, какъ предосудительные. Смѣшанными же браками называютъ они не только соединеніе Лютеранъ съ Католиками, но и Старо-Лютеранъ съ Лютеранами соединенной, такъ называемой Евангелической церкви.

мой догматикѣ. Напротивъ, разногласія ихъ еще существеннѣе, чѣмъ можетъ представиться съ перваго взгляда. Такъ, напримѣръ, *Юліусъ Мюллеръ*, который почитается ими за одного изъ самыхъ законномыслящихъ, тѣмъ не менѣе отступаетъ отъ другихъ въ своемъ ученіи *о грѣхѣ*; не смотря на то, что этотъ вопросъ едва ли не принадлежитъ къ самымъ центральнымъ вопросамъ богословія. *Генгстенбергъ*, самый жестокій противникъ раціонализма, не у всѣхъ находитъ сочувствіе къ этой крайности своего ожесточенія, а изъ числа ему сочувствующихъ весьма многіе разногласятъ съ нимъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ его ученія, какъ, напримѣръ, въ понятіи *о Пророчествѣ*,—хотя особенное понятіе о пророчествѣ непремѣнно должно вести за собою особенное понятіе о самомъ отношеніи человѣческой натуры къ Божеству, то есть, о самой основѣ догматики. *Толукъ*, самый тепломыслящій въ своемъ вѣрованіи и самый тепловѣрующій въ своемъ мышленіи, обыкновенно почитается своею партіею за излишне либеральнаго мыслителя,—между тѣмъ какъ то или другое отношеніе мышленія къ вѣрѣ, при послѣдовательномъ развитіи, должно измѣнить весь характеръ вѣроученія. *Неандеру* ставятъ въ вину его всепрощающую терпимость и мягкосердечное сочувствіе съ иноученіями,—особенность, которая не только опредѣляетъ его отличительное воззрѣніе на исторію церкви, но вмѣстѣ и на внутреннее движеніе человѣческаго духа вообще, и слѣдовательно отдѣляетъ самую сущность его ученія отъ другихъ. *Ничь* и *Люкке* тоже во многомъ несогласны съ своею партіей. Каждый влагаетъ въ свое исповѣданіе отличительность своей личности. Не смотря на то, однакоже, *Беккъ*, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей новаго вѣрующаго направленія, требуетъ отъ протестантскихъ теологовъ составленія общей, полной, наукообразной догматики, чистой отъ личныхъ мнѣній и независимой отъ временныхъ системъ. Но, сообразивъ все сказанное, мы можемъ, кажется, имѣть нѣкоторое право сомнѣваться въ удобоисполнимости этого требованія.—

О новѣйшемъ состояніи *Французской* литературы мы скажемъ только весьма немногое, и то, можетъ быть, лишнее, потому, что словесность Французская извѣстна Русскимъ читателямъ врядъ ли не болѣе отечественной. Замѣтимъ только противоположность направленія Французскаго ума направленію мысли Нѣмецкой. Здѣсь каждый вопросъ жизни обращается

въ вопросъ науки; тамъ каждая мысль науки и литературы обращается въ вопросъ жизни. Знаменитый романъ Сю отозвался не столько въ литературѣ, сколько въ обществѣ; результаты его были: переобразованіе въ устройствѣ тюрьмъ, составленіе человѣколюбивыхъ обществъ и т. п. Другой выходящій теперь романъ его, очевидно, обязанъ своимъ успѣхомъ качествамъ не литературнымъ. Бальзакъ, имѣвшій такой успѣхъ до 1830 года потому, что описывалъ господствовавшее тогда общество,—теперь почти забытъ именно по этой же причинѣ. Споръ духовенства съ университетомъ, который въ Германіи породилъ бы отвлеченныя разсужденія объ отношеніи философіи и вѣры, государства и религіи, подобно спору о Кёльнскомъ епископѣ, во Франціи возбудилъ только большее вниманіе къ настоящему состоянію народнаго воспитанія, къ характеру дѣятельности Іезуитовъ и къ современному направленію общественной образованности. Всеобщее религіозное движеніе Европы выразилось въ Германіи новыми догматическими системами, историческими и филологическими розысканіями и учеными философскими толкованіями; во Франціи, напротивъ того, оно едва ли произвело одну или двѣ замѣчательныя книги, но тѣмъ сильнѣе обнаружилось въ религіозныхъ обществахъ, въ политическихъ партіяхъ и въ миссіонерскомъ дѣйствіи духовенства на народъ. Науки естественныя, которыя достигли такого огромнаго развитія во Франціи, не смотря на то, однакоже, не только исключительно основываются на одной эмпиріи, но и въ самой полнотѣ развитія своего чуждаются спекулятивнаго интереса, заботясь преимущественно о примѣненіи къ дѣлу, о пользахъ и выгодахъ существованія,—между тѣмъ какъ въ Германіи каждый шагъ въ изученіи природы опредѣленъ съ точки философскаго воззрѣнія, включенъ въ систему и оцѣненъ не столько по своей пользѣ для жизни, сколько по отношенію своему къ умозрительнымъ началамъ. Такимъ образомъ въ Германіи *теологія* и *философія* составляютъ въ наше время два важнѣйшіе предмета общаго вниманія, и соглашеніе ихъ есть теперь господствующая потребность Германской мысли. Во Франціи, напротивъ того, философское развитіе составляетъ не потребность, но роскошь мышленія. Существенный вопросъ настоящей минуты состоитъ тамъ въ соглашеніи *религіи* и *общества*. Писатели религіозные, вмѣсто догматическаго развитія, ищутъ дѣйствительнаго примѣненія,

между тѣмъ какъ мыслители политическіе, даже не проникнутые убѣжденіемъ религіознымъ, изобрѣтаютъ убѣжденія искусственныя, стремясь достигнуть въ нихъ безусловности вѣры и ея надразумной непосредственности.

Современное и почти равносильное возбужденіе этихъ двухъ интересовъ: религіознаго и общественнаго, двухъ противоположныхъ концовъ, можетъ быть, одной разорванной мысли,—заставляетъ насъ предполагать, что участіе нынѣшней Франціи въ общемъ развитіи человѣческаго просвѣщенія, ея мѣсто въ области науки вообще, должно опредѣлиться тою особенною сферою, откуда исходятъ оба и гдѣ смыкаются въ одно эти два различныя направленія. Но какой результатъ произойдетъ отъ этого устремленія мысли? Родится ли отъ того новая наука: наука *общественнаго быта*,—какъ въ концѣ прошедшаго вѣка, отъ совмѣстнаго дѣйствія философскаго и общественнаго настроенія Англіи, родилась тамъ новая *наука народнаго богатства*? Или дѣйствіе современнаго Французскаго мышленія ограничится только измѣненіемъ нѣкоторыхъ началъ въ другихъ наукахъ? Суждено ли Франціи совершить или только предначать это измѣненіе? Отгадывать это теперь было бы пустою мечтательностью. Новое направленіе только начинаетъ, и то едва замѣтно, выказываться въ словесности,—еще несознанное въ своей особенности, еще несобранное даже въ одинъ вопросъ. Но во всякомъ случаѣ это движеніе науки во Франціи не можетъ не казаться намъ значительнѣе всѣхъ другихъ стремленій ея мышленія, и особенно любопытно видѣть, какъ оно начинаетъ выражаться въ противорѣчіи прежнимъ началамъ политической экономіи,—науки, съ предметомъ которой оно болѣе всего соприкасается. Вопросы о конкуренціи и монополіи, объ отношеніи избытка произведеній роскоши къ довольству народному, дешевизны издѣлій къ бѣдности работниковъ, государственнаго богатства къ богатству капиталистовъ, цѣнности работы къ цѣнности товара, развитія роскоши къ страданіямъ нищеты, насильственной дѣятельности къ умственному одичанію, здоровой нравственности народа къ его индустріальной образованности,—всѣ эти вопросы представляются многими въ совершенно новомъ видѣ, прямо противномъ прежнимъ воззрѣніямъ политической экономіи, и возбуждаютъ теперь заботу мыслителей. Мы не говоримъ, чтобы новыя воззрѣнія вошли уже въ науку. Для этого они еще слишкомъ

незрѣлы, слишкомъ односторонни, слишкомъ проникнуты ослѣпляющимъ духомъ партіи, затемнены самодовольствомъ новорожденія. Мы видимъ, что до сихъ поръ самые новѣйшіе курсы политической экономіи составляются еще по прежнимъ началамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы замѣчаемъ, что къ новымъ вопросамъ возбуждено вниманіе, и хотя не думаемъ, чтобы во Франціи могли они найти свое окончательное рѣшеніе, но не можемъ однакоже не сознаться, что ея словесности предназначено первой внести этотъ новый элементъ въ общую лабораторію человѣческаго просвѣщенія.

Это направленіе Французскато мышленія происходитъ, кажется, изъ естественнаго развитія всей совокупности Французской образованности. Крайняя бѣдность низшихъ классовъ служила къ тому только внѣшнимъ, случайнымъ поводомъ, а не была причиною, какъ думаютъ нѣкоторые. Доказательства этому можно найти во внутренней несвязности тѣхъ воззрѣній, для которыхъ народная бѣдность была единственнымъ исходомъ, и еще болѣе въ томъ обстоятельствѣ, что бѣдность низшихъ классовъ несравненно значительнѣе въ Англіи, чѣмъ во Франціи, хотя тамъ господствующее движеніе мысли приняло совершенно другое направленіе.

Въ *Англіи* вопросы религіозные хотя возбуждаются положеніемъ общественнымъ, но тѣмъ не менѣе переходятъ въ споры догматическіе, какъ, напримѣръ, въ Пусеизмѣ и у его противниковъ; вопросы общественные ограничиваются мѣстными требованіями, или подымаютъ крикъ (a cry, какъ говорятъ Англичане), выставляютъ знамя какого нибудь убѣжденія, котораго значеніе заключается не въ силѣ мысли, но въ силѣ интересовъ, ему соотвѣтствующихъ и вокругъ него собирающихся.

По наружной формѣ, образъ мыслей Французовъ часто весьма сходенъ съ образомъ мыслей Англичанъ. Это сходство проистекаетъ, кажется, изъ одинаковости принятыхъ ими философскихъ системъ. Но внутренній характеръ мышленія этихъ двухъ народовъ также различенъ, какъ оба они различны отъ характера мышленія Нѣмецкаго. Нѣмецъ трудолюбиво и совѣстливо выработываетъ свое убѣжденіе изъ отвлеченныхъ выводовъ своего разума; Французъ беретъ его, незадумавшись, изъ сердечнаго сочувствія къ тому или другому мнѣнію; Англичанинъ ариѳметически разсчитываетъ свое положеніе въ

обществѣ и, по итогу своихъ разсчетовъ, составляетъ свой образъ мыслей. Названія: Вигъ, Тори, Радикалъ, и всѣ безчисленные оттѣнки Англійскихъ партій выражаютъ не личную особенность человѣка, какъ во Франціи, и не систему его философскаго убѣжденія, какъ въ Германіи, но мѣсто, которое онъ занимаетъ въ государствѣ. Англичанинъ упрямъ въ своемъ мнѣніи, потому, что оно въ связи съ его общественнымъ положеніемъ; Французъ часто жертвуетъ своимъ положеніемъ для своего сердечнаго убѣжденія; а Нѣмецъ, хотя и не жертвуетъ однимъ другому, но за то мало и заботится о ихъ соглашеніи. Французская образованность движется посредствомъ развитія господствующаго мнѣнія, или моды; Англійская — посредствомъ развитія государственнаго устройства; Нѣмецкая — посредствомъ кабинетнаго мышленія. Отъ того Французъ силенъ энтузіазмомъ, Англичанинъ — характеромъ, Нѣмецъ—абстрактно-систематическою фундаментальностію.

Но чѣмъ болѣе, какъ въ наше время, сближаются словесности и личности народныя, тѣмъ болѣе изглаживаются ихъ особенности. Между писателями Англіи, пользующимися болѣе другихъ знаменитостью литературнаго успѣха, два литератора, два представителя современной словесности, совершенно противоположные въ своихъ направленіяхъ, мысляхъ, партіяхъ, цѣляхъ и воззрѣніяхъ, не смотря на то однакоже, оба, въ различныхъ видахъ, обнаруживаютъ одну истину: что пришелъ часъ, когда островитянская отдѣленность Англіи начинаетъ уже уступать всеобщности континентальнаго просвѣщенія и сливаться съ нимъ въ одно сочувствующее цѣлое. Кромѣ этого сходства, *Карлиль* и *Дизраели* не имѣютъ между собою ничего общаго. Первый носитъ глубокіе слѣды Германскихъ пристрастій. Слогъ его, наполненный, какъ говорятъ Англійскіе критики, неслыханнымъ доселѣ Германизмомъ, встрѣчаетъ во многихъ глубокое сочувствіе. Мысли его облечены въ Нѣмецкую мечтательную неопредѣленность; направленіе его выражаетъ интересъ мысли, вмѣсто Англійскаго интереса партіи. Онъ не преслѣдуетъ стараго порядка вещей, не противится движенію новаго; онъ оцѣняетъ оба, онъ любитъ оба, уважаетъ въ обоихъ органическую полноту жизни, и, самъ принадлежа къ партіи прогресса, самымъ развитіемъ ея основнаго начала уничтожаетъ исключительное стремленіе къ нововведеніямъ.

Такимъ образомъ здѣсь, какъ и во всѣхъ современныхъ явленіяхъ мысли въ Европѣ, *новѣйшее* направленіе противорѣчитъ *новому*, разрушившему *старое*.

Дизраели не зараженъ никакимъ иноземнымъ пристрастіемъ. Онъ представитель *юной Англіи*,—круга молодыхъ людей, выражающихъ особый, крайній отдѣлъ партіи Тори. Однако не смотря на то, что молодая Англія дѣйствуетъ во имя самой крайности сохранительныхъ началъ, но, если вѣрить роману Дизраели, самая основа ихъ убѣжденій совершенно разрушаетъ интересы ихъ партіи. Они хотятъ удержать старое, но не въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ въ теперешнихъ формахъ, а въ его прежнемъ духѣ, требующемъ формы, во многомъ противоположной настоящему. Для пользы аристократіи, хотятъ они живаго сближенія и сочувствія *всѣхъ* классовъ; для пользы церкви Англиканской, желаютъ ея уравненія въ правахъ съ церковью Ирландскою и другими разномыслящими; для поддержанія перевѣса земледѣльческаго, требуютъ уничтоженія хлѣбнаго закона, ему покровительствующаго. Однимъ словомъ, воззрѣніе этой партіи Тори очевидно разрушаетъ всю особенность Англійскаго Торизма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все отличіе Англіи отъ другихъ государствъ Европы.

Но Дизраели жидъ, и потому имѣетъ свои особенные виды, которые не позволяютъ намъ вполнѣ полагаться на вѣрность изображенныхъ имъ убѣжденій молодаго поколѣнія. Только необыкновенный успѣхъ его романа, лишеннаго впрочемъ достоинствъ собственно литературныхъ, и болѣе всего успѣхъ автора, если вѣрить журналамъ, въ высшемъ Англійскомъ обществѣ, даетъ нѣкоторое правдоподобіе его изложенію.

Исчисливъ такимъ образомъ замѣчательнѣйшія движенія литературъ Европы, мы спѣшимъ повторить сказанное нами въ началѣ статьи, что, обозначая современное, мы не имѣли въ виду представить полной картины настоящаго состоянія словесностей. Мы хотѣли только указать на ихъ послѣднія направленія, едва начинающія высказываться въ новыхъ явленіяхъ.

Между тѣмъ, если мы соберемъ все замѣченное нами въ одинъ итогъ и сообразимъ его съ тѣмъ характеромъ Европейскаго просвѣщенія, который, хотя развился прежде, но продолжаетъ еще до сихъ поръ быть господствующимъ, то съ этой точки зрѣнія откроются намъ нѣкоторые результаты, весьма важные для уразумѣнія нашего времени.

— *Отдѣльные роды словесности смѣшались въ одну неопредѣленную форму.*

— *Отдѣльныя науки не удерживаются болѣе въ своихъ прежнихъ границахъ, но стремятся сблизиться съ науками, имъ смежными, и въ этомъ расширеніи предѣловъ своихъ примыкаютъ къ своему общему центру—философіи.*

— *Философія въ послѣднемъ окончательномъ развитіи своемъ ищетъ такого начала, въ признаніи котораго она могла бы слиться съ вѣрою въ одно умозрительное единство.*

— *Отдѣльныя Западныя народности, достигнувъ полноты своего развитія, стремятся уничтожить раздѣляющія ихъ особенности и сомкнуться въ одну обще-Европейскую образованность.*

Этотъ результатъ тѣмъ замѣчательнѣе, что онъ развился изъ направленія ему прямо противуположнаго. Преимущественно произошелъ онъ изъ стремленій каждаго народа изучить, возстановить и сохранить свою національную особенность. Но эти стремленія чѣмъ глубже развивались въ историческихъ, философскихъ и общественныхъ выводахъ, чѣмъ болѣе доходили до коренныхъ основъ отдѣленныхъ народностей, тѣмъ яснѣе встрѣтили въ нихъ начала не особенныя, но общія Европейскія, равно принадлежащія всѣмъ частнымъ національностямъ. Ибо въ общей основѣ Европейской жизни лежитъ одно господствующее начало.

— Между тѣмъ это господствующее начало Европейской жизни, отдѣляясь отъ народностей, тѣмъ самымъ является уже какъ отжившее, какъ прошедшее по смыслу своему, хотя еще продолжающееся по факту. Отъ того современная особенность Западной жизни заключается въ томъ общемъ, болѣе или менѣе ясномъ сознаніи, что это *начало Европейской образованности, развивавшееся во всей исторіи Запада, въ наше время оказывается уже неудовлетворительнымъ для высшихъ требованій просвѣщенія.* Замѣтимъ также, что и это сознаніе неудовлетворительности Европейской жизни вышло изъ сознанія прямо ему противуположнаго, изъ убѣжденія недавно прошедшаго времени, что Европейское просвѣщеніе есть послѣднее и высшее звено человѣческаго развитія. Одна крайность обратилась въ другую.

— Но сознавая неудовлетворительность Европейской образованности, общее чувство тѣмъ самымъ отличаетъ ее отъ другихъ началъ всечеловѣческаго развитія и, обозначая его какъ особенное, обнаруживаетъ намъ *отличительный характеръ За-*

паднаго просвѣщенія въ его частяхъ и совокупности, какъ преимущественное стремленіе къ личной и самобытной разумности въ мысляхъ, въ жизни, въ обществѣ и во всѣхъ пружинахъ и формахъ человѣческаго бытія. Этотъ характеръ безусловной разумности родился также изъ предшествовавшаго ему, давно прошедшаго стремленія, изъ прежняго усилія—не воспитать, но насильственно запереть мысль въ одной схоластической системѣ.

— Но если общее ощущеніе неудовлетворительности самыхъ началъ Европейской жизни есть не что иное, какъ темное или ясное сознаніе *неудовлетворительности безусловнаго разума*, то, хотя оно и производитъ стремленіе къ *религіозности вообще*, однако, по самому происхожденію своему изъ развитія разума, не можетъ подчиниться такой формѣ вѣры, которая бы совершенно отвергала разумъ,—ни удовлетвориться такою, которая бы поставляла вѣру въ его зависимость.

— Искусства, поэзія и даже едва ли не всякая творческая мечта только до тѣхъ поръ были возможны въ Европѣ, какъ живой, необходимый элементъ ея образованности, покуда господствующій раціонализмъ въ ея мысли и жизни не достигъ послѣдняго, крайняго звена своего развитія; ибо теперь онѣ возможны только какъ театральная декорація, не обманывающая внутренняго чувства зрителя, который прямо принимаетъ ее за искусственную неправду, забавляющую его праздность, но безъ которой его жизнь не потеряетъ ничего существеннаго. *Правда для поэзіи Западной можетъ воскреснуть только тогда, когда новое начало будетъ принято въ жизнь Европейскаго просвѣщенія.*

Этому отчужденію искусства отъ жизни предшествовалъ періодъ всеобщаго стремленія къ художественности, окончившійся вмѣстѣ съ послѣднимъ художникомъ Европы—съ великимъ Гете, который выразилъ смерть поэзіи второю частію своего Фауста. Безпокойство мечтательности перешло въ заботы промышленности. Но въ наше время разногласіе поэзіи съ жизнію еще яснѣе обнаружилось.

— Изо всего сказаннаго слѣдуетъ еще, что современный характеръ Европейскаго просвѣщенія, по своему историческому, философскому и жизненному смыслу, совершенно однозначителенъ съ характеромъ той эпохи Римско-Греческой образованности, когда, развившись до противорѣчія самой себѣ,

она по естественной необходимости должна была *принять въ себя другое, новое начало, хранившееся у другихъ племенъ, не имѣвшихъ до того времени всемірно-исторической значительности.*

Каждое время имѣетъ свой господствующій, свой жизненный вопросъ, надъ всѣми преобладающій, всѣ другіе въ себѣ вмѣщающій, отъ котораго одного зависитъ ихъ относительная значительность и ограниченный смыслъ. Если же справедливо все замѣченное нами о настоящемъ состояніи Западной образованности, то нельзя не убѣдиться, что на днѣ Европейскаго просвѣщенія, въ наше время, всѣ частные вопросы о движеніяхъ умовъ, о направленіяхъ науки, о цѣляхъ жизни, о различныхъ устройствахъ обществъ, о характерахъ народныхъ, семейныхъ и личныхъ отношеній, о господствующихъ началахъ внѣшняго и самаго внутренняго быта человѣка,—всѣ сливаются въ одинъ существенный, живой, великій вопросъ объ отношеніи Запада къ тому незамѣченному до сихъ поръ началу жизни, мышленія и образованности, которое лежитъ въ основаніи міра Православно-Словенскаго.

Когда же мы отъ Европы обратимся къ нашему отечеству, отъ этихъ общихъ результатовъ, выведенныхъ нами изъ словесностей Западныхъ, перейдемъ къ обозрѣнію словесности въ нашемъ отечествѣ, то увидимъ въ ней странный хаосъ недоразвитыхъ мнѣній, противорѣчащихъ стремленій, разногласныхъ отголосковъ всѣхъ возможныхъ движеній словесностей: Германской, Французской, Англійской, Итальянской, Польской, Шведской, разнообразное подражаніе всѣмъ возможнымъ и невозможнымъ Европейскимъ направленіямъ. Но объ этомъ надѣемся мы имѣть удовольствіе говорить въ слѣдующей книгѣ.

II.

Въ первой статьѣ нашего обозрѣнія сказали мы, что словесность Русская представляетъ совокупность всѣхъ возможныхъ вліяній различныхъ литературъ Европейскихъ. Доказывать истину этого замѣчанія кажется намъ излишнимъ: каждая книга можетъ служить для того очевиднымъ свидѣтельствомъ.

Объяснять это явленіе мы также почитаемъ неумѣстнымъ: причины его въ исторіи нашей образованности. Но замѣтивъ его, сознавъ это всепріемлющее сочувствіе, эту безусловную зависимость нашей словесности отъ различныхъ словесностей Запада, мы въ этомъ самомъ характерѣ нашей литературы видимъ, вмѣстѣ съ наружнымъ сходствомъ, и коренное отличіе ея отъ всѣхъ литературъ Европейскихъ.

Развернемъ нашу мысль.

Исторія всѣхъ словесностей Запада представляетъ намъ неразрывную связь между движеніями литературы и всею совокупностію народной образованности. Такая же неразрывная связь существуетъ между развитіемъ образованности и первыми элементами, изъ которыхъ слагается народная жизнь. Извѣстные интересы выражаются въ соотвѣтсвенномъ устройствѣ понятій; опредѣленный образъ мыслей опирается на извѣстныя отношенія жизни. Что одинъ испытываетъ безъ сознанія, то другой ищетъ постигнуть мыслію и выражаетъ отвлеченною формулой, или, сознавая въ сердечномъ движеніи, изливаетъ въ поэтическихъ звукахъ. Сколь ни отличны кажутся, съ перваго взгляда, несвязныя, безотчетныя понятія простаго ремесленника или безграмотнаго пахаря, отъ плѣнительно-стройныхъ міровъ художественной фантазіи поэта, или отъ глубокой систематической думы кабинетнаго мыслителя, но при внимательномъ разсмотрѣніи очевидно, что между ними лежитъ та же внутренняя постепенность, та же органическая послѣдовательность, какая существуетъ между сѣменемъ, цвѣткомъ и плодомъ одного дерева.

Какъ языкъ народа представляетъ отпечатокъ его природной логики и, если не выражаетъ его образа мыслей вполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, представляетъ въ себѣ то основаніе, изъ котораго безпрестанно и естественно исходитъ его умственная жизнь; такъ и разорванныя, не развитыя понятія народа, еще не мыслящаго, образуютъ тотъ корень, изъ котораго вырастаетъ высшая образованность націи. Отъ того всѣ отрасли просвѣщенія, находясь въ живомъ сопроницаніи, составляютъ одно неразрывно сочлененное цѣлое.

По этой причинѣ, всякое движеніе въ литературѣ Западныхъ народовъ истекаетъ изъ внутренняго движенія ихъ образованности, на которую въ свою очередь дѣйствуетъ литература. Даже тѣ словесности, которыя подчиняются вліянію другихъ

народовъ, принимаютъ это вліяніе только тогда, когда оно соотвѣтствуетъ требованіямъ ихъ внутренняго развитія, и усвояютъ его только въ той мѣрѣ, въ какой оно гармонируетъ съ характеромъ ихъ просвѣщенія. Иноземное для нихъ не противорѣчіе ихъ особенности, но только ступень въ лѣстницѣ ихъ собственнаго восхожденія. Если мы видимъ, что въ теперешнюю минуту всѣ словесности сочувствуютъ другъ другу, сливаются, такъ сказать, въ одну обще-Европейскую литературу,—то это могло произойти единственно отъ того, что образованности различныхъ народовъ развились изъ одинакаго начала и, проходя каждая своимъ путемъ, достигли наконецъ одинакаго результата, одинакаго смысла умственнаго бытія. Но не смотря на это сходство, и теперь еще Французъ не только не вполнѣ принимаетъ Нѣмецкую мысль, но можетъ быть даже не вполнѣ и понимаетъ ее. Въ Германіи большею частію офранцуживаются Жиды, воспитавшіеся въ разрывѣ съ народными убѣжденіями и только впослѣдствіи принявшіе философское христіанство. Англичане еще менѣе могутъ освободиться отъ своихъ національныхъ особенностей. Въ Италіи и Испаніи, хотя и замѣтно вліяніе литературы Французской, но это вліяніе болѣе мнимое, чѣмъ существенное, и Французскія готовыя формы служатъ только выраженіемъ внутренняго состоянія ихъ собственной образованности; ибо не Французская литература вообще, но одна словесность XVIII вѣка господствуетъ до сихъ поръ въ этихъ запоздалыхъ земляхъ *).

Эта національная крѣпость, эта живая цѣлость образованности Европейскихъ народовъ, не смотря на ложность или истину направленія, сообщаетъ литературѣ ихъ особенное значеніе. Она служитъ тамъ не забавою нѣкоторыхъ круговъ, не украшеніемъ салоновъ, не роскошью ума, безъ которой можно обойтись, и не школьною задачей учащихся; но является необходимою, какъ естественный процессъ умственнаго дыханія, какъ прямое выраженіе и вмѣстѣ какъ неизбѣжное условіе всякаго развитія образованности. Несознанная мысль, вырабо-

---

*) Глубокомысленныя сочиненія Розмини, обѣщающія развитіе новаго самобытнаго мышленія въ Италіи, знакомы намъ только по журнальнымъ рецензіямъ. Но сколько можно судить изъ этихъ разорванныхъ выписокъ, кажется, что 18-й вѣкъ скоро кончится для Италіи, и что ее ожидаетъ теперь новая эпоха умственнаго возрожденія, исходящаго изъ новаго начала мышленія, опирающагося на три стихіи Итальянской жизни: религію, исторію и искусство.

танная исторіей, выстраданная жизнію, потемненная ея многосложными отношеніями и разнородными интересами, восходитъ силою литературной дѣятельности по лѣстницѣ умственнаго развитія, отъ низшихъ слоевъ общества до высшихъ круговъ его, отъ безотчетныхъ влеченій до послѣднихъ ступеней сознанія, и въ этомъ видѣ является она уже не остроумною истиною, не упражненіемъ въ искусствѣ риторики или діалектики, но внутреннимъ дѣломъ самопознанія болѣе или менѣе яснаго, болѣе или менѣе правильнаго, но во всякомъ случаѣ существенно значительнаго. Такимъ образомъ вступаетъ она въ сферу общаго всечеловѣческаго просвѣщенія, какъ живой неизъемлемый элементъ, какъ личность съ голосомъ въ дѣлѣ общаго совѣта; но къ внутреннему своему основанію, къ началу своего исхода возвращается она, какъ выводъ разума къ неразгаданнымъ обстоятельствамъ, какъ слово совѣсти къ безотчетнымъ влеченіямъ. Конечно, этотъ разумъ, эта совѣсть могутъ быть затемнены, испорчены; но эта порча зависитъ не отъ мѣста, которое литература занимаетъ въ образованности народа, а отъ искаженія его внутренней жизни; какъ въ человѣкѣ ложность разума и растлѣнность совѣсти происходитъ не отъ сущности разума и совѣсти, но отъ его личной испорченности.

Одно государство, между всѣхъ Западныхъ сосѣдей нашихъ, представило примѣръ противнаго развитія. Въ Польшѣ, дѣйствіемъ католицизма, высшія сословія весьма рано отдѣлились отъ остальнаго народа, не только нравами, какъ это было и въ остальной Европѣ, но и самымъ духомъ своей образованности, основными началами своей умственной жизни. Отдѣленіе это остановило развитіе народнаго просвѣщенія и тѣмъ болѣе ускорило образованность оторванныхъ отъ него высшихъ классовъ. Такъ тяжелый экипажъ, заложенный *гусемъ*, станетъ на мѣстѣ, когда лопнутъ переднія постромки, между тѣмъ какъ оторванный форрейтеръ тѣмъ легче уносится впередъ. Не стѣсненная особенностію народнаго быта, ни обычаями, ни преданіями старины, ни мѣстными отношеніями, ни господствующимъ образомъ мыслей, ни даже особенностію языка, воспитанная въ сферѣ отвлеченныхъ вопросовъ, Польская аристократія въ 15 и 16-мъ вѣкѣ была не только самою образованною, но и самою ученою, самою блестящею во всей Европѣ. Основательное знаніе иностранныхъ языковъ, глубокое изуче-

ніе древнихъ классиковъ, необыкновенное развитіе умственныхъ и общежительныхъ дарованій, удивляли путешественниковъ и составляли всегдашній предметъ реляцій наблюдательныхъ папскихъ нунціевъ того времени *). Вслѣдствіе этой образованности, литература была изумительно богата. Ее составляли ученые комментаріи древнихъ классиковъ, удачныя и неудачныя подражанія, писанныя частію на щегольскомъ Польскомъ, частію на образцовомъ Латинскомъ языкѣ, многочисленные и важные переводы, изъ коихъ нѣкоторые до сихъ поръ почитаются образцовыми, какъ напримѣръ, переводъ Тасса; другіе доказываютъ глубину просвѣщенія, какъ напримѣръ, переводъ всѣхъ сочиненій Аристотеля, сдѣланный еще въ 16-мъ вѣкѣ. Въ одно царствованіе Сигизмунда III-го блистало 711 извѣстныхъ литературныхъ именъ, и болѣе чѣмъ въ 80-ти городахъ безпрестанно работали типографіи **). Но между этимъ искусственнымъ просвѣщеніемъ и естественными элементами умственной жизни народа не было ничего общаго. Отъ того въ цѣлой образованности Польши произошло раздвоеніе. Между тѣмъ какъ ученые паны писали толкованія на Горація, переводили Тасса и неоспоримо сочувствовали всѣмъ явленіямъ современнаго имъ Европейскаго просвѣщенія,—это просвѣщеніе отражалось только на поверхности жизни, не выростая изъ корня, и такимъ образомъ, лишенная самобытнаго развитія, вся эта отвлеченная умственная дѣятельность, эта ученость, этотъ блескъ, эти таланты, эти славы, эти цвѣты, сорванные съ чужихъ полей, вся эта богатая литература исчезла почти безъ слѣда для образованности Польской, и совершенно безъ слѣда для просвѣщенія общечеловѣческаго, для той Европейской образованности, которой она была слишкомъ вѣрнымъ отраженіемъ ***). Правда, однимъ явленіемъ въ области наукъ

---

*) Смотри: *Niemcewicz*: Zbior pamiętnikow o dawney Polszcze.

**) Смотри: Chodzko, Tableau de la Pologne ancienne et moderne.

***) Вотъ что говоритъ К. Мехеринскій въ своей Historya języka lacinskiego w Polsce, Krakow, 1835:

.... Тогда было общее мнѣніе, что все, достойное уваженія и разумное, не иначе могло быть писано, какъ по-Латынѣ.—Между тѣмъ Краковская академія (основанная въ 1347 году), предупреждая всѣ Нѣмецкіе университеты, открыла для Польши новый Лаціумъ, гдѣ древнія Музы Гесперіи уже избрали себѣ постоянное мѣстопребываніе, и Полякамъ уже не нужно было искать наукъ за Альпами.

....Вскорѣ Ягеллонскія учебныя заведенія затмили своею славою многія Европейскія.

гордится Польша, одну дань принесла она въ сокровищницу всечеловѣческаго просвѣщенія: великій Коперникъ былъ Полякъ; но не забудемъ и то, что Коперникъ въ молодости своей оставилъ Польшу и воспитывался въ Германіи.

Слава Богу: между теперешнею Россіею и старою Польшею нѣтъ ни малѣйшаго сходства, и потому, я надѣюсь, никто не упрекнетъ меня въ неумѣстномъ сравненіи и не перетолкуетъ словъ моихъ въ иной смыслъ, если мы скажемъ,—что въ отношеніи къ литературѣ у насъ замѣтна такая же отвлеченная искусственность, такіе же цвѣты безъ корня, сорванные съ чужихъ полей. Мы переводимъ, подражаемъ, изучаемъ чужія словесности, слѣдимъ за ихъ малѣйшими движеніями,

---

.... Богословы-ораторы, посланные (изъ Польши) на Базельскій Соборъ, заняли тамъ первое мѣсто послѣ Боннонскихъ Тулліевъ.

.... Казиміръ Ягайловичъ завелъ множество Латинскихъ школъ и очень заботился о распространеніи языка Латинскаго въ Польшѣ; онъ даже издалъ строгое постановленіе, чтобы каждый, кто ищетъ какую нибудь значительную должность, умѣлъ хорошо говорить на языкѣ Латинскомъ. Съ тѣхъ поръ и вошло въ обычай, что каждый Польскій шляхтичъ говорилъ по-Латынѣ... Даже и женщины ревностно занимались Латинскимъ языкомъ. Яноцкій говоритъ, между прочимъ, что Елисавета, жена Казиміра II-го, сама написала сочиненіе: De institutione regii pueri.

.... Какъ прежде математика, юриспруденція, такъ въ это время расцвѣли въ Польшѣ науки изящныя, и быстро поднялось изученіе Латыни.

Іор. Луд. Дециусъ (современникъ Сигизмунда I-го) свидѣтельствуетъ, *что у Сарматовъ* рѣдко встрѣтишь человѣка изъ хорошей фамиліи, который бы не зналъ трехъ или четырехъ языковъ, а по-Латынѣ знаютъ всѣ.

.... Королева Варвара, жена Сигизмунда, не только совершенно понимала Латинскихъ классиковъ, но и писала къ королю, своему мужу, по-Латынѣ....

.... И среди Лащіума, говоритъ Кромеръ, не нашлось бы столько людей, могущихъ доказать свое знаніе Латинскаго языка. Даже дѣвушки, какъ изъ шляхетныхъ, такъ и изъ простыхъ семей, и по домамъ и по монастырямъ, равно хорошо читаютъ и пишутъ по-Польски и по-Латынѣ.—А въ собраніи писемъ отъ 1390 г. по 1580 г.г. Камусара, современный писатель, говоритъ, что изъ ста шляхтичей едва ли можно отыскать двухъ, которые бы не знали языковъ: Латинскаго, Нѣмецкаго и Итальянскаго. Они научаются имъ въ школахъ, и это дѣлается само собою, потому что нѣтъ въ Польшѣ такой бѣдной деревеньки, или даже корчмы, гдѣ бы не нашлись люди, владѣющіе этими тремя языками, и въ каждой, даже и самой маленькой деревенькѣ есть школа (см. Mémoires de F. Choisnin). Этотъ важный фактъ имѣетъ въ глазахъ нашихъ весьма глубокое значеніе. А между тѣмъ, продолжаетъ авторъ, языкъ народный по большей части оставался только въ устахъ простолюдиновъ.....

.... Жажда Европейской славы принуждала писать на всеобщемъ, Латинскомъ языкѣ; за то Польскіе поэты получали вѣнцы отъ Германскихъ императоровъ и отъ папъ, а политики пріобрѣтали дипломатическія связи.....

До какой степени Польша въ XV и въ XVI вѣкѣ превосходила другіе народы въ знаніи древнихъ литературъ, видно изъ множества свидѣтельствъ, особенно иностранныхъ. Де-Ту, въ своей исторіи, подъ годомъ 1573, описывая прибытіе Польскаго посольства во Францію, говоритъ, что изъ многочисленной толпы Поляковъ, въѣхавшихъ въ Парижъ на пятидесяти рыдванахъ, запряженныхъ четвернями, не было ни одного, который бы не говорилъ по-Латынѣ въ совершенствѣ; что Французскіе дворяне краснѣли отъ стыда, когда на вопросы гостей они должны были только подмигивать; что при цѣломъ дворѣ нашлись только двое, которые

усвояемъ себѣ чужія мысли и системы, и эти упражненія составляютъ украшенія нашихъ образованныхъ гостиныхъ, иногда имѣютъ вліяніе на самыя дѣйствія нашей жизни, но, не бывъ связаны съ кореннымъ развитіемъ нашей, исторически намъ данной образованности, они отдѣляютъ насъ отъ внутренняго источника отечественнаго просвѣщенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаютъ насъ безплодными и для общаго дѣла просвѣщенія всечеловѣческаго. Произведенія нашей словесности, какъ отраженія Европейскихъ, не могутъ имѣть интереса для другихъ народовъ, кромѣ интереса статистическаго, какъ показанія мѣры нашихъ ученическихъ успѣховъ въ изученіи ихъ образцовъ. Для насъ самихъ они любопытны какъ дополненіе, какъ объясненіе, какъ усвоеніе чужихъ явленій; но и для насъ самихъ, при всеобщемъ распространеніи знанія иностранныхъ языковъ, наши подражанія остаются всегда нѣсколько ниже и слабѣе своихъ подлинниковъ.

Само собою разумѣется, что я говорю здѣсь не о тѣхъ необыкновенныхъ явленіяхъ, въ которыхъ дѣйствуетъ личная сила генія. Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій, Пушкинъ, Гоголь, хотя бы слѣдовали чужому вліянію, хотя бы пролагали свой особенный путь, всегда будутъ дѣйствовать сильно, могуществомъ своего личнаго дарованія, независимо отъ избраннаго ими направленія. Я говорю не объ исключеніяхъ, но о словесности вообще, въ ея обыкновенномъ состояніи.

Нѣтъ сомнѣнія, что между литературною образованностію нашею и коренными стихіями нашей умственной жизни, которыя развивались въ нашей древней исторіи и сохраняются теперь въ нашемъ такъ называемомъ необразованномъ народѣ, существуетъ явное разногласіе. Разногласіе это происходитъ

могли отвѣчать этимъ посланникамъ по-Латынѣ,—за что ихъ и выставляли всегда впередъ.—Знаменитый Муретъ, сравнивая ученую Польшу съ Италіею, выражается такъ: который же изъ двухъ народовъ грубѣе? Не рожденный ли на лонѣ Италіи? у нихъ едва ли найдешь сотую часть такихъ, которые бы знали по-Латынѣ и по-Гречески, и любили бы науки. Или Поляки, у которыхъ очень много людей, владѣющихъ обоими этими языками, а къ наукамъ и къ искусствамъ они такъ привязаны, что весь вѣкъ проводятъ, занимаясь ими. (см. M. Ant. Mureti Ep. 66 ad Paulum Sacratum, ed. Kappii, p. 536).—То же говоритъ знаменитый членъ ученаго Тріумвирата, Юстъ Липсій (одинъ изъ первыхъ филологовъ того времени), въ письмѣ къ одному изъ своихъ пріятелей, жившему тогда въ Польшѣ: Какъ же мнѣ удивляться твоимъ знаніямъ? Ты живешь между тѣми людьми, которые были нѣкогда народомъ варварскимъ; а теперь мы передъ ними варвары. Они приняли Музъ, презрѣнныхъ и изгнанныхъ изъ Греціи и Лаціума, въ свои радушныя и гостепріимныя объятія (см. Epist. Cont. ad Germ. et Gall. ep. 63).

не отъ различія степеней образованности, но отъ совершенной ихъ разнородности. Тѣ начала умственной, общественной, нравственной и духовной жизни, которыя создали прежнюю Россію и составляютъ теперь единственную сферу ея народнаго быта, не развились въ литературное просвѣщеніе наше, но остались нетронутыми, оторванныя отъ успѣховъ нашей умственной дѣятельности,—между тѣмъ какъ мимо ихъ, безъ отношенія къ нимъ, литературное просвѣщеніе наше истекаетъ изъ чужихъ источниковъ, совершенно несходныхъ не только съ формами, но часто даже съ самыми началами нашихъ убѣжденій. Вотъ отъ чего всякое движеніе въ словесности нашей условливается не внутреннимъ движеніемъ нашей образованности, какъ на Западѣ, но случайными для нея явленіями иностранныхъ литературъ.

Можетъ быть, справедливо думаютъ тѣ, которые утверждаютъ, что мы, Русскіе, способнѣе понять Гегеля и Гете, чѣмъ Французы и Англичане; что мы полнѣе можемъ сочувствовать съ Байрономъ и Диккенсомъ, чѣмъ Французы и даже Нѣмцы; что мы лучше можемъ оцѣнить Беранже и Жоржъ-Зандъ, чѣмъ Нѣмцы и Англичане. И въ самомъ дѣлѣ, отъ чего не понять намъ, отъ чего не оцѣнить съ участіемъ самыхъ противоположныхъ явленій? Если мы оторвемся отъ народныхъ убѣжденій, то намъ не помѣшаютъ тогда никакія особенныя понятія, никакой опредѣленный образъ мыслей, никакія завѣтныя пристрастія, никакіе интересы, никакія обычныя правила. Мы свободно можемъ раздѣлять всѣ мнѣнія, усвоивать себѣ всѣ системы, сочувствовать всѣмъ интересамъ, принимать всѣ убѣжденія. Но подчиняясь вліянію литературъ иностранныхъ, мы не можемъ въ свою очередь дѣйствовать на нихъ нашими блѣдными отраженіями ихъ же явленій; мы не можемъ дѣйствовать на собственную даже литературную образованность, подчиненную прямо сильнѣйшему вліянію словесностей иностранныхъ; не можемъ дѣйствовать и на образованность народную, потому, что между ею и нами нѣтъ умственной связи, нѣтъ сочувствія, нѣтъ общаго языка.

Охотно соглашаюсь, что взглянувъ съ этой точки на литературу нашу, я выразилъ здѣсь только одну ея сторону, и это одностороннее представленіе, являясь въ такомъ рѣзкомъ видѣ, не смягченное ея другими качествами, не даетъ полнаго, настоящаго понятія о цѣломъ характерѣ нашей словесности.

Но рѣзкая, или смягченная сторона эта тѣмъ не менѣе существуетъ, и существуетъ какъ разногласіе, которое требуетъ разрѣшенія.

Какимъ же образомъ можетъ выдти литература наша изъ своего искусственнаго состоянія, получить значительность, которой она до сихъ поръ не имѣетъ, придти въ согласіе со всею совокупностью нашей образованности и явиться вмѣстѣ и выраженіемъ ея жизни и пружиною ея развитія?

Здѣсь слышатся иногда два мнѣнія, оба равно одностороннія, равно неосновательныя, оба равно невозможныя.

Нѣкоторые думаютъ, что полнѣйшее усвоеніе иноземной образованности можетъ со временемъ пересоздать всего Русскаго человѣка, какъ оно пересоздало нѣкоторыхъ пишущихъ и непишущихъ литераторовъ, и тогда вся совокупность образованности нашей придетъ въ согласіе съ характеромъ нашей литературы. По ихъ понятію, развитіе нѣкоторыхъ основныхъ началъ должно измѣнить нашъ коренной образъ мыслей, переиначить наши нравы, наши обычаи, наши убѣжденія, изгладить нашу особенность и такимъ образомъ сдѣлать насъ Европейски просвѣщенными.

Стоитъ ли опровергать такое мнѣніе?

Ложность его, кажется, очевидна безъ доказательства. Уничтожить особенность умственной жизни народной такъ же невозможно, какъ невозможно уничтожить его исторію. Замѣнить литературными понятіями коренныя убѣжденія народа такъ же легко, какъ отвлеченною мыслію перемѣнить кости развившагося организма. Впрочемъ, еслибы мы и могли допустить на минуту, что предположеніе это можетъ въ самомъ дѣлѣ исполниться, то въ такомъ случаѣ единственный результатъ его заключался бы не въ просвѣщеніи, а въ уничтоженіи самого народа. Ибо что такое народъ, если не совокупность убѣжденій, болѣе или менѣе развитыхъ въ его нравахъ, въ его обычаяхъ, въ его языкѣ, въ его понятіяхъ сердечныхъ и умственныхъ, въ его религіозныхъ, общественныхъ и личныхъ отношеніяхъ, однимъ словомъ, во всей полнотѣ его жизни? Къ тому же мысль, вмѣсто началъ нашей образованности ввести у насъ начала образованности Европейской, уже и потому уничтожаетъ сама себя, что въ конечномъ развитіи просвѣщенія Европейскаго нѣтъ начала господствующаго. Одно противорѣчитъ другому, взаимно уничтожаясь. Если остается еще въ Западной жизни

нѣсколько живыхъ истинъ, болѣе или менѣе еще уцѣлѣвшихъ среди всеобщаго разрушенія всѣхъ особенныхъ убѣжденій, то эти истины не Европейскія, ибо въ противорѣчіи со всѣми результатами Европейской образованности:—это сохранившіеся остатки Христіанскихъ началъ, которые, слѣдовательно, принадлежатъ не Западу, но болѣе намъ, принявшимъ Христіанство въ его чистѣйшемъ видѣ, хотя, можетъ быть, существованія этихъ началъ и не предполагаютъ въ нашей образованности безусловные поклонники Запада, не знающіе смысла нашего просвѣщенія и смѣшивающіе въ немъ существенное съ случайнымъ, собственное, необходимое съ посторонними искаженіями чужихъ вліяній: Татарскихъ, Польскихъ, Нѣмецкихъ и т. п.

Что же касается собственно до Европейскихъ началъ, какъ они выразились въ послѣднихъ результатахъ, то взятыя отдѣльно отъ прежней жизни Европы и положенныя въ основаніе образованности новаго народа,—что̀ произведутъ они, если не жалкую каррикатуру просвѣщенія, какъ поэма, возникшая изъ правилъ піитики, была бы каррикатурою поэзіи? Опытъ уже сдѣланъ. Казалось, какая блестящая судьба предстояла Соединеннымъ-Штатамъ Америки, построеннымъ на такомъ разумномъ основаніи, послѣ такого великаго начала!—И что же вышло? Развились однѣ внѣшнія формы общества и, лишенныя внутренняго источника жизни, подъ наружною механикой задавили человѣка. Литература Соединенныхъ-Штатовъ, по отчетамъ самыхъ безпристрастныхъ судей, служитъ яснымъ выраженіемъ этого состоянія *).—Огромная фабрика бездарныхъ стиховъ, безъ малѣйшей тѣни поэзіи; казенные эпитеты, ничего не выражающіе и не смотря на то, постоянно повторяемые; совершенное безчувствіе ко всему художественному; явное презрѣніе всякаго мышленія, не ведущаго къ матеріальнымъ выгодамъ: мелочныя личности безъ общихъ основъ; пухлыя фразы съ самымъ узкимъ смысломъ, оскверненіе святыхъ словъ: человѣколюбія, отечества, общественнаго блага, народности, до того, что употребленіе ихъ сдѣлалось даже не ханжество, но простой общепонятный штемпель корыстныхъ разсчетовъ; наружное уваженіе къ внѣшней сторонѣ законовъ, при самомъ нагломъ

---

*) Куперъ, Вашингтонъ Ирвингъ и другія отраженія словесности Англійской не могутъ служить для характеристики собственно Американской.

ихъ нарушеніи; духъ сообщничества изъ личныхъ выгодъ, при некрасѣющей невѣрности соединившихся лицъ, при явномъ неуваженіи всѣхъ нравственныхъ началъ *), такъ, что въ основаніи всѣхъ этихъ умственныхъ движеній, очевидно лежитъ самая мелкая жизнь, отрѣзанная отъ всего, что поднимаетъ сердце надъ личною корыстію, утонувшая въ дѣятельности эгоизма и признающая своею высшею цѣлью матеріальный комфортъ, со всѣми его служебными силами. Нѣтъ! Если уже суждено будетъ Русскому, за какіе нибудь нераскаянные грѣхи, промѣнять свое великое будущее на одностороннюю жизнь Запада, то лучше хотѣлъ бы я замечтаться съ отвлеченнымъ Нѣмцемъ въ его хитросложныхъ теоріяхъ; лучше залѣниться до смерти подъ теплымъ небомъ, въ художественной атмосферѣ Италіи; лучше закружиться съ Французомъ въ его порывистыхъ, минутныхъ стремленіяхъ; лучше закаменѣть съ Англичаниномъ въ его упрямыхъ, безотчетныхъ привычкахъ, чѣмъ задохнуться въ этой прозѣ фабричныхъ отношеній, въ этомъ механизмѣ корыстнаго безпокойства.

Мы не удалились отъ своего предмета. Крайность результата, хотя и не сознанная, но логически возможная, обнаруживаетъ ложность направленія.

Другое мнѣніе, противоположное этому безотчетному поклоненію Запада и столько же одностороннее, хотя гораздо менѣе распространенное, заключается въ безотчетномъ поклоненіи прошедшимъ формамъ нашей старины, и въ той мысли, что со временемъ новопріобрѣтенное Европейское просвѣщеніе опять должно будетъ изгладиться изъ нашей умственной жизни развитіемъ нашей особенной образованности.

Оба мнѣнія равно ложны; но послѣднее имѣетъ болѣе логической связи. Оно основывается на сознаніи достоинства прежней образованности нашей, на разногласіи этой образованности съ особеннымъ характеромъ просвѣщенія Европейскаго, и наконецъ, на несостоятельности послѣднихъ результатовъ Европейскаго просвѣщенія. Можно не соглашаться съ каждымъ изъ этихъ положеній; но, разъ допустивши ихъ, нельзя упрекнуть въ логическомъ противорѣчіи мнѣнія, на нихъ основаннаго, какъ, напримѣръ, можно упрекнуть мнѣніе противоположное,

---

*) Es finden allerdings rechtliche Zustände, ein formelles Rechtsgesetz statt, aber diese Rechtlichkeit ist ohne Rechtschaffenheit,—говоритъ Гегель въ своей Фил. Ист.

проповѣдующее просвѣщеніе Западное и не могущее указать въ этомъ просвѣщеніи ни на какое центральное, положительное начало, но довольствующееся какими нибудь частными истинами или отрицательными формулами.

Между тѣмъ логическая непогрѣшимость не спасаетъ мнѣнія отъ существенной односторонности; напротивъ, придаетъ ей еще болѣе очевидности. Какова бы ни была образованность наша, но прошедшія ея формы, являвшіяся въ нѣкоторыхъ обычаяхъ, пристрастіяхъ, отношеніяхъ и даже въ языкѣ нашемъ, потому именно не могли быть чистымъ и полнымъ выраженіемъ внутренняго начала народной жизни, что были ея наружными формами, слѣдовательно, результатомъ двухъ различныхъ дѣятелей: одного, выражаемаго начала, и другаго, мѣстнаго и временнаго обстоятельства. Потому всякая форма жизни, однажды прошедшая, уже болѣе невозвратима, какъ та особенность времени, которая участвовала въ ея созданіи. Возстановить эти формы то же, что воскресить мертвеца, оживить земную оболочку души, которая уже разъ отъ нея отлетѣла. Здѣсь нужно чудо; логики недостаточно; по несчастію, даже недостаточно и любви!

Къ тому же, каково бы ни было просвѣщеніе Европейское, но если однажды мы сдѣлались его участниками, то истребить его вліяніе уже внѣ нашей силы, хотя бы мы того и желали. Можно подчинить его другому, высшему, направить къ той или другой цѣли; но всегда останется оно существеннымъ, уже неизъемлемымъ элементомъ всякаго будущаго развитія нашего. Легче узнать все новое на свѣтѣ, чѣмъ забыть узнанное. Впрочемъ, еслибы мы и могли даже забывать по произволу, еслибы могли возвратиться въ ту отдѣленную особенность нашей образованности, изъ которой вышли, то какую пользу получили бы мы отъ этой новой отдѣленности? Очевидно, что рано, или поздно, мы опять пришли бы въ соприкосновеніе съ началами Европейскими, опять подверглись бы ихъ вліянію, опять должны бы были страдать отъ ихъ разногласія съ нашею образованностію, прежде, чѣмъ успѣли бы подчинить ихъ нашему началу; и такимъ образомъ, безпрестанно возвращались бы къ тому же вопросу, который занимаетъ насъ теперь.

Но кромѣ всѣхъ другихъ несообразностей этого направленія, оно имѣетъ еще и ту темную сторону, что, безусловно отвергая все Европейское, тѣмъ самымъ отрѣзываетъ насъ отъ

всякаго участія въ общемъ дѣлѣ умственнаго бытія человѣка: ибо нельзя же забывать, что просвѣщеніе Европейское наслѣдовало всѣ результаты образованности Греко-Римскаго міра, который въ свою очередь принялъ въ себя всѣ плоды умственной жизни всего человѣческаго рода. Оторванное такимъ образомъ отъ общей жизни человѣчества, начало нашей образованности, вмѣсто того, чтобы быть началомъ просвѣщенія живаго, истиннаго, полнаго, необходимо сдѣлается началомъ одностороннимъ и, слѣдовательно, утратитъ все свое общечеловѣческое значеніе.

Направленіе къ народности истинно у насъ, какъ высшая ступень образованности, а не какъ душный провинціализмъ. Потому, руководствуясь этою мыслію, можно смотрѣть на просвѣщеніе Европейское, какъ на неполное, одностороннее, не проникнутое истиннымъ смысломъ, и потому ложное; но отрицать его какъ бы не существующее, значитъ стѣснять собственное. Если Европейское, въ самомъ дѣлѣ, ложное, если дѣйствительно противорѣчитъ началу истинной образованности, то начало это, какъ истинное, должно не оставлять этого противорѣчія въ умѣ человѣка, а напротивъ, принять его въ себя, оцѣнить, поставить въ свои границы и, подчинивъ такимъ образомъ собственному превосходству, сообщить ему свой истинный смыслъ. Предполагаемая ложность этого просвѣщенія нисколько не противорѣчитъ возможности его подчиненія истинѣ. Ибо все ложное, въ основаніи своемъ, есть истинное, только поставленное на чужое мѣсто: существенно ложнаго нѣтъ, какъ нѣтъ существенности во лжи.

Такимъ образомъ, оба противоположные взгляда на отношенія коренной образованности нашей къ просвѣщенію Европейскому, оба эти крайнія мнѣнія являются равно неосновательными. Но надобно признаться, что въ этой крайности развитія, въ какой мы представили ихъ здѣсь, не существуютъ они въ дѣйствительности. Правда, мы безпрестанно встрѣчаемъ людей, которые въ образѣ мыслей своихъ уклоняются болѣе или менѣе на ту, или другую сторону, но односторонность свою они не развиваютъ до послѣднихъ результатовъ. Напротивъ, потому только и могутъ они оставаться въ своей односторонности, что не доводятъ ея до первыхъ выводовъ, гдѣ вопросъ дѣлается яснымъ, ибо изъ области безотчетныхъ пристрастій переходитъ въ сферу разумнаго сознанія, гдѣ противорѣчіе уничтожается

собственнымъ своимъ выраженіемъ. Отъ того мы думаемъ, что всѣ споры о превосходствѣ Запада, или Россіи, о достоинствѣ исторіи Европейской, или нашей, и тому подобныя разсужденія принадлежатъ къ числу самыхъ безполезныхъ, самыхъ пустыхъ вопросовъ, какіе только можетъ придумать праздно-любіе мыслящаго человѣка.

И что, въ самомъ дѣлѣ, за польза намъ отвергать, или порочить то, что̀ было, или есть добраго въ жизни Запада? Не есть ли оно, напротивъ, выраженіе нашего же начала, если наше начало истинное? Вслѣдствіе его господства надъ нами, все прекрасное, благородное, христіанское, по необходимости намъ свое, хотя бы оно было Европейское, хотя бы Африканское. Голосъ истины не слабѣетъ, но усиливается своимъ созвучіемъ со всѣмъ, что̀ является истиннаго, гдѣ бы то ни было.

Съ другой стороны, если бы поклонники Европейскаго просвѣщенія, отъ безотчетныхъ пристрастій къ тѣмъ или другимъ формамъ, къ тѣмъ или другимъ отрицательнымъ истинамъ, захотѣли возвыситься до самаго начала умственной жизни человѣка и народовъ, которое одно даетъ смыслъ и правду всѣмъ внѣшнимъ формамъ и частнымъ истинамъ; то безъ сомнѣнія должны бы были сознаться, что просвѣщеніе Запада не представляетъ этого высшаго, центральнаго, господствующаго начала, и, слѣдовательно, убѣдились бы, что вводить частныя формы этого просвѣщенія, значитъ разрушать, не созидая, и что, если въ этихъ формахъ, въ этихъ частныхъ истинахъ есть что либо существенное, то это существенное тогда только можетъ усвоиться намъ, когда оно выростетъ изъ нашего корня, будетъ слѣдствіемъ нашего собственнаго развитія, а не тогда, какъ упадетъ къ намъ извнѣ, въ видѣ противорѣчія всему строю нашего сознательнаго и обычнаго бытія.

Это соображеніе обыкновенно выпускаютъ изъ виду даже тѣ литераторы, которые, съ добросовѣстнымъ стремленіемъ къ истинѣ, стараются отдать себѣ разумный отчетъ въ смыслѣ и цѣли своей умственной дѣятельности. Но что̀ же сказать о тѣхъ, которые дѣйствуютъ безотчетно? Которые увлекаются Западнымъ только потому, что оно не наше, ибо не знаютъ ни характера, ни смысла, ни достоинства того начала, которое лежитъ въ основаніи нашего историческаго быта, и не зная его, не заботятся узнать, легкомысленно смѣшивая въ одно

осужденіе и случайные недостатки и самую сущность нашей образованности? Что сказать о тѣхъ, которые женоподобно прельщаются наружнымъ блескомъ образованности Европейской, не вникая ни въ основаніе этой образованности, ни въ ея внутреннее значеніе, ни въ тотъ характеръ противорѣчія, несостоятельности, саморазрушенія, который, очевидно, заключается не только въ общемъ результатѣ Западной жизни, но даже и въ каждомъ ея отдѣльномъ явленіи,—очевидно, говорю я, въ томъ случаѣ, когда мы не довольствуемся внѣшнимъ понятіемъ явленія, но вникнемъ въ его полный смыслъ отъ основнаго начала до конечныхъ выводовъ.

Впрочемъ, говоря это, мы чувствуемъ между тѣмъ, что слова наши теперь еще найдутъ мало сочувствія. Ревностные поклонники и распространители Западныхъ формъ и понятій довольствуются обыкновенно столь малыми требованіями отъ просвѣщенія, что врядъ ли могутъ дойти до сознанія этого внутренняго разногласія Европейской образованности. Они думаютъ, напротивъ того, что если еще не вся масса человѣчества на Западѣ достигла послѣднихъ границъ своего возможнаго развитія, то, по крайней мѣрѣ, достигли ихъ высшіе ея представители; что всѣ существенныя задачи уже рѣшены, всѣ тайны раскладены, всѣ недоразумѣнія ясны, сомнѣнія кончены; что мысль человѣческая дошла до крайнихъ предѣловъ своего возрастанія; что теперь остается ей только распространяться въ общее признаніе, и что не осталось въ глубинѣ человѣческаго духа уже никакихъ существенныхъ, вопіющихъ, незаглушимыхъ вопросовъ, на которые не могъ бы онъ найти полнаго, удовлетворительнаго отвѣта во всеобъемлющемъ мышленіи Запада; по этой причинѣ и намъ остается только учиться, подражать и усвоивать чужое богатство.

Спорить съ такимъ мнѣніемъ, очевидно, нельзя. Пусть утѣшаются они полнотою своего знанія, гордятся истиною своего направленія, хвалятся плодами своей внѣшней дѣятельности, любуются стройностію своей внутренней жизни. Мы не нарушимъ ихъ счастливаго очарованія; они заслужили свое блаженное довольство мудрою умѣренностію своихъ умственныхъ и сердечныхъ требованій. Мы соглашаемся, что не въ силахъ переубѣдить ихъ, ибо мнѣніе ихъ крѣпко сочувствіемъ большинства, и думаемъ, что развѣ только со временемъ можетъ оно поколебаться силою собственнаго развитія. Но до тѣхъ

поръ не будемъ надѣяться, чтобы эти поклонники Европейскаго совершенства постигли то глубокое значеніе, которое скрывается въ нашей образованности.

Ибо двѣ образованности, два раскрытія умственныхъ силъ въ человѣкѣ и народахъ, представляетъ намъ безпристрастное умозрѣніе, исторія всѣхъ вѣковъ и даже ежедневный опытъ. Одна образованность есть внутреннее устроеніе духа силою извѣщающейся въ немъ истины; другая—формальное развитіе разума и внѣшнихъ познаній. Первая зависитъ отъ того начала, которому покоряется человѣкъ, и можетъ сообщаться непосредственно; вторая есть плодъ медленной и трудной работы. Первая даетъ смыслъ и значеніе второй, но вторая даетъ ей содержаніе и полноту. Для первой нѣтъ измѣняющагося развитія, есть только прямое признаніе, сохраненіе и распространеніе въ подчиненныхъ сферахъ человѣческаго духа; вторая, бывъ плодомъ вѣковыхъ, постепенныхъ усилій, опытовъ, неудачъ, успѣховъ, наблюденій, изобрѣтеній и всей преемственно богатящейся умственной собственности человѣческаго рода, не можетъ быть создана мгновенно, ни отгадана самымъ геніальнымъ вдохновеніемъ, но должна слагаться мало по малу изъ совокупныхъ усилій всѣхъ частныхъ разумѣній. Впрочемъ очевидно, что первая только имѣетъ существенное значеніе для жизни, влагая въ нее тотъ или другой смыслъ; ибо изъ ея источника истекаютъ коренныя убѣжденія человѣка и народовъ; она опредѣляетъ порядокъ ихъ внутренняго и направленіе внѣшняго бытія, характеръ ихъ частныхъ, семейныхъ и общественныхъ отношеній, является начальною пружиною ихъ мышленія, господствующимъ звукомъ ихъ душевныхъ движеній, краскою языка, причиною сознательныхъ предпочтеній и безсознательныхъ пристрастій, основою нравовъ и обычаевъ, смысломъ ихъ исторіи.

Покоряясь направленію этой высшей образованности и дополняя ее своимъ содержаніемъ, вторая образованность устрояетъ развитіе наружной стороны мысли и внѣшнихъ улучшеній жизни, сама не заключая въ себѣ никакой понудительной силы къ тому или къ другому направленію. Ибо, по сущности своей и въ отдѣленности отъ постороннихъ вліяній, она есть нѣчто среднее между добромъ и зломъ, между силою возвышенія и силою искаженія человѣка, какъ всякое внѣшнее свѣдѣніе, какъ собраніе опытовъ, какъ безпристрастное наблюденіе природы,

какъ развитіе художественной техники, какъ и самъ познающій разумъ, когда онъ дѣйствуетъ оторванно отъ другихъ способностей человѣка и развивается самодвижно, не увлекаясь низкими страстями, не озаряясь высшими помыслами, но передавая беззвучно одно отвлеченное знаніе, могущее быть одинаково употреблено на пользу и на вредъ, на служеніе правдѣ или на подкрѣпленіе лжи.

Самая безхарактерность этой внѣшней, логическо-технической образованности позволяетъ ей оставаться въ народѣ или человѣкѣ даже тогда, когда они утрачиваютъ или измѣняютъ внутреннюю основу своего бытія, свою начальную вѣру, свои коренныя убѣжденія, свой существенный характеръ, свое жизненное направленіе. Оставшаяся образованность, переживая господство высшаго начала, ею управлявшаго, поступаетъ на службу другаго, и такимъ образомъ невредимо переходитъ всѣ различные переломы исторіи, безпрестанно возрастая въ содержаніи своемъ до послѣдней минуты человѣческаго бытія.

Между тѣмъ въ самыя времена переломовъ, въ эти эпохи упадка человѣка или народа, когда основное начало жизни раздвояется въ умѣ его, распадается на части и теряетъ такимъ образомъ всю свою силу, заключающуюся преимущественно въ цѣльности бытія: тогда эта вторая образованность, разумно-внѣшняя, формальная, является единственною опорой неутвержденной мысли и господствуетъ, посредствомъ разумнаго разсчета и равновѣсія интересовъ, надъ умами внутреннихъ убѣжденій.

Исторія представляетъ намъ нѣсколько подобныхъ эпохъ перелома, раздѣленныхъ между собою тысячелѣтіями, но близко связанныхъ внутреннимъ сочувствіемъ духа, подобно тому сочувствію, какое замѣчается между мышленіемъ Гегеля и внутреннимъ основаніемъ мышленія Аристотеля.

Обыкновенно смѣшиваютъ эти двѣ образованности. Отъ того въ половинѣ 18-го вѣка могло возникнуть мнѣніе, съ начала развитое Лессингомъ и Кондорсетомъ, и потомъ сдѣлавшееся всеобщимъ,—мнѣніе о какомъ-то постоянномъ, естественномъ и необходимомъ усовершенствованіи человѣка. Оно возникло въ противоположность другому мнѣнію, утверждавшему неподвижность человѣческаго рода, съ какими-то періодическими колебаніями вверхъ и внизъ. Можетъ быть, не было мысли сбивчивѣе этихъ двухъ. Ибо, если бы въ самомъ дѣлѣ человѣческій

родъ усовершенствовался, то отъ чего же человѣкъ не дѣлается совершеннѣе? Если бы ничто въ человѣкѣ не развивалось, не возрастало, то какъ бы мы могли объяснить безспорное усовершенствованіе нѣкоторыхъ наукъ?

Одна мысль отрицаетъ въ человѣкѣ всеобщность разума, прогрессъ логическихъ выводовъ, силу памяти, возможность словеснаго взаимодѣйствія и т. п.; другая убиваетъ въ немъ свободу нравственнаго достоинства.

Но мнѣніе о неподвижности человѣческаго рода должно было уступить въ общемъ признаніи мнѣнію о необходимомъ развитіи человѣка, ибо послѣднее было слѣдствіемъ другаго заблужденія, принадлежащаго исключительно раціональному направленію послѣднихъ вѣковъ. Заблужденіе это заключается въ предположеніи, будто то живое разумѣніе духа, то внутреннее устроеніе человѣка, которое есть источникъ его путеводныхъ мыслей, сильныхъ дѣлъ, безоглядныхъ стремленій, задушевной поэзіи, крѣпкой жизни и высшаго зрѣнія ума, будто оно можетъ составляться искусственно, такъ сказать механически, изъ одного развитія логическихъ формулъ. Это мнѣніе долго было господствующимъ, покуда, наконецъ, въ наше время начало разрушаться успѣхами высшаго мышленія. Ибо логическій разумъ, отрѣзанный отъ другихъ источниковъ познаванія и не испытавшій еще до конца мѣры своего могущества, хотя и обѣщаетъ сначала человѣку создать ему внутренній образъ мыслей, сообщить не формальное, живое воззрѣніе на міръ и самого себя; но, развившись до послѣднихъ границъ своего объема, онъ самъ сознаетъ неполноту своего отрицательнаго вѣденія и уже вслѣдствіе собственнаго вывода требуетъ себѣ инаго высшаго начала, недостижимаго его отвлеченному механизму.

Таково теперь состояніе Европейскаго мышленія.,—состояніе, которое опредѣляетъ отношеніе Европейскаго просвѣщенія къ кореннымъ началамъ нашей образованности. Ибо если прежній, исключительно раціональный характеръ Запада могъ дѣйствовать разрушительно на нашъ бытъ и умъ, то теперь, напротивъ того, новыя требованія Европейскаго ума и наши коренныя убѣжденія имѣютъ одинакій смыслъ. И если справедливо, что основное начало нашей Православно-Словенской образованности есть истинное (что впрочемъ доказывать здѣсь я почитаю ни нужнымъ, ни умѣстнымъ),—если справедливо, говорю я, что это верховное, живое начало нашего просвѣщенія

есть истинное: то очевидно, что какъ оно нѣкогда было источникомъ нашей древней образованности, такъ теперь должно служить необходимымъ дополненіемъ образованности Европейской, отдѣляя ее отъ ея особенныхъ направленій, очищая отъ характера исключительной раціональности и проницая новымъ смысломъ; между тѣмъ какъ образованность Европейская,— какъ зрѣлый плодъ всечеловѣческаго развитія, оторванный отъ стараго дерева,—должна служить питаніемъ для новой жизни, явиться новымъ возбудительнымъ средствомъ къ развитію нашей умственной дѣятельности.

Поэтому любовь къ образованности Европейской, равно какъ любовь къ нашей, обѣ совпадаютъ въ послѣдней точкѣ своего развитія въ одну любовь, въ одно стремленіе къ живому, полному, всечеловѣческому и истинно Христіанскому просвѣщенію.

Напротивъ того, въ недоразвитомъ состояніи своемъ являются онѣ обѣ ложными: ибо одна не умѣетъ принять чужаго, не измѣнивъ своему; другая въ тѣсныхъ объятіяхъ своихъ задушаетъ то, что хочетъ сберечь. Одна ограниченность происходитъ отъ запоздалости мышленія и отъ незнанія глубины ученія, лежащаго основаніемъ нашей образованности; другая, сознавая недостатки первой, слишкомъ запальчиво спѣшитъ стать къ ней въ прямое противорѣчіе. Но при всей ихъ односторонности нельзя не сознаться, что въ основаніи обѣихъ могутъ лежать одинаково благородныя побужденія, одинакая сила любви къ просвѣщенію и даже къ отечеству, не смотря на наружную противоположность.

Это понятіе наше о правильномъ отношеніи нашей народной образованности къ Европейской и о двухъ крайнихъ воззрѣніяхъ необходимо было намъ высказать прежде, чѣмъ мы приступимъ къ разсмотрѣнію частныхъ явленій нашей словесности.

III.

Бывъ отраженіемъ словесностей иностранныхъ, наши литературныя явленія, подобно Западнымъ, преимущественно сосредоточиваются въ журналистикѣ.

Но въ чемъ же заключается характеръ нашихъ періодическихъ изданій?

Затруднительно журналу произносить свое мнѣніе о другихъ журналахъ. Похвала можетъ казаться пристрастіемъ, порицаніе имѣетъ видъ самохвальства. Но какъ же говорить о литературѣ нашей, не разбирая того, что составляетъ ея существенный характеръ? Какъ опредѣлить настоящій смыслъ словесности, не говоря о журналахъ? Постараемся не заботиться о той наружности, какую могутъ имѣть наши сужденія.

Старѣе всѣхъ другихъ литературныхъ журналовъ осталась теперь *Библіотека для Чтенія*. Господствующій характеръ ея есть совершенное отсутствіе всякаго опредѣленнаго образа мыслей. Она хвалитъ нынче то, что вчера порицала; выставляетъ нынче одно мнѣніе и нынче же проповѣдуетъ другое; для того же предмета имѣетъ нѣсколько противоположныхъ взглядовъ; не выражаетъ никакихъ особенныхъ правилъ, никакихъ теорій, никакой системы, никакого направленія, никакой краски, никакого убѣжденія, никакой опредѣленной основы для своихъ сужденій; и, не смотря на то, однако, постоянно произноситъ свое сужденіе обо всемъ, что является въ литературѣ или наукахъ. Это дѣлаетъ она такъ, что для каждаго особеннаго явленія сочиняетъ особливые законы, изъ которыхъ случайно исходитъ ея порицательный или одобрительный приговоръ и падаетъ—на счастливаго. По этой причинѣ дѣйствіе, которое производитъ всякое выраженіе ея мнѣнія, похоже на то, какъ бы она совсѣмъ не произносила никакого мнѣнія. Читатель понимаетъ мысль судьи отдѣльно, а предметъ, къ которому относится сужденіе, также отдѣльно ложится въ умѣ его: ибо онъ чувствуетъ, что между мыслію и предметомъ нѣтъ другаго отношенія, кромѣ того, что они встрѣтились случайно и на короткое время, и опять встрѣтившись не узнаютъ другъ друга.

Само собою разумѣется, что это особеннаго рода безпристрастіе лишаетъ *Библіотеку для Чтенія* всякой возможности имѣть вліяніе на литературу, какъ *журналъ*, но не мѣшаетъ ей дѣйствовать, какъ *сборникъ* статей, часто весьма любопытныхъ. Въ редакторѣ ея замѣтно, кромѣ необыкновенной, многосторонней и часто удивительной учености, еще особый, рѣдкій и драгоцѣнный даръ: представлять самые трудные вопросы наукъ въ самомъ ясномъ и для всѣхъ понятномъ видѣ, и оживлять это представленіе своими, всегда оригинальными, часто остроумными замѣчаніями. Одно это качество могло бы

сдѣлать славу всякаго періодическаго изданія, не только у насъ, но даже и въ чужихъ краяхъ.

Но самая живая часть Б. д. Ч. заключается въ *библіографіи*. Ея рецензіи исполнены остроумія, веселости и оригинальности. Нельзя не смѣяться, читая ихъ. Намъ случалось видѣть авторовъ, которыхъ творенія были разобраны, и которые сами не могли удержаться отъ добродушнаго смѣха, читая приговоры своимъ сочиненіямъ. Ибо въ сужденіяхъ Библіотеки замѣтно такое совершенное отсутствіе всякаго серьезнаго мнѣнія, что самыя по наружности злыя нападенія ея получаютъ отъ того характеръ фантастически невинный, такъ сказать, добродушно сердитый. Ясно, что она смѣется не потому, чтобы предметъ былъ въ самомъ дѣлѣ смѣшонъ, а только потому, что ей хочется посмѣяться. Она переиначиваетъ слова автора по своему намѣренію, соединяетъ раздѣленныя смысломъ, раздѣляетъ соединенныя, вставляетъ, или выпускаетъ цѣлыя рѣчи, чтобы измѣнить значеніе другихъ, иногда сочиняетъ фразы совсѣмъ небывалыя въ книгѣ, изъ которой выписываетъ, и сама смѣется надъ своимъ сочиненіемъ. Читатель видитъ это, и смѣется вмѣстѣ съ нею, потому что ея шутки почти всегда остроумны и веселы, потому что онѣ невинны, потому что онѣ не стѣсняются никакимъ серьезнымъ мнѣніемъ, и потому, наконецъ, что журналъ, шутя передъ нимъ, не объявляетъ притязанія ни на какой другой успѣхъ, кромѣ чести: разсмѣшить и забавить публику.

Между тѣмъ, хотя мы съ большимъ удовольствіемъ просматриваемъ иногда эти рецензіи, хотя мы знаемъ, что шутливость эта составляетъ, вѣроятно, главнѣйшую причину успѣха журнала, однако, когда размыслимъ, какою дорогою цѣною покупается этотъ успѣхъ, какъ иногда, за удовольствіе позабавить, продается вѣрность слова, довѣренность читателя, уваженіе къ истинѣ, и т. п.,—тогда невольно приходитъ намъ въ мысли: что, если бы съ такими блестящими качествами, съ такимъ остроуміемъ, съ такою ученостію, съ такою многосторонностію ума, съ такою оригинальностію слова соединялись еще другія достоинства, напримѣръ, возвышенная мысль, твердое и не измѣняющее себѣ убѣжденіе, или хотя безпристрастіе, или хотя наружный видъ его?—Какое дѣйствіе могла бы тогда имѣть Б. д. Ч., не говорю на литературу нашу, но на всю совокупность нашей образованности? Какъ легко могла бы она

посредствомъ своихъ рѣдкихъ качествъ овладѣть умами читателей, развить свое убѣжденіе сильно, распространить его широко, привлечь сочувствіе большинства, сдѣлаться судьею мнѣній, можетъ быть, проникнуть изъ литературы въ самую жизнь, связать ея различныя явленія въ одну мысль и, господствуя такимъ образомъ надъ умами, составить крѣпко сомкнутое и сильно развитое мнѣніе, могущее быть полезнымъ двигателемъ нашей образованности? Конечно, тогда она была бы менѣе забавною.

Характеръ совершенно противоположный Библіотекѣ для Чтенія представляютъ Маякъ и Отечественныя Записки. Между тѣмъ какъ Библіотека въ цѣломъ составѣ своемъ болѣе сборникъ разнородныхъ статей, чѣмъ журналъ; а въ критикѣ своей имѣетъ цѣлію единственно забаву читателя, не выражая никакого опредѣленнаго образа мыслей: напротивъ того, Отечественныя Записки и Маякъ проникнуты каждый своимъ рѣзко опредѣленнымъ мнѣніемъ и выражаютъ каждый свое, одинаково рѣшительное, хотя прямо одно другому противоположное направленіе.

Отечественныя Записки стремятся отгадать и присвоить себѣ то воззрѣніе на вещи, которое, по ихъ мнѣнію, составляетъ новѣйшее выраженіе Европейскаго просвѣщенія, и потому, часто мѣняя свой образъ мыслей, онѣ постоянно остаются вѣрными одной заботѣ: выражать собою самую модную мысль, самое новое чувство изъ литературы Западной.

Маякъ, напротивъ того, замѣчаетъ только ту сторону Западнаго просвѣщенія, которая кажется ему вредною или безнравственною, и, чтобы вѣрнѣе избѣжать съ ней сочувствія, отвергаетъ все просвѣщеніе Европейское вполнѣ, не входя въ сомнительныя разбирательства. Отъ того одинъ хвалитъ, что другой бранитъ; одинъ восхищается тѣмъ, что въ другомъ возбуждаетъ негодованіе; даже одни и тѣ же выраженія, которыя въ словарѣ одного журнала означаютъ высшую степень достоинства, напр. *европеизмъ*, *послѣдній моментъ развитія*, *человѣческая премудрость*, и пр.,—на языкѣ другаго имѣютъ смыслъ крайняго порицанія. Отъ того, не читая одного журнала, можно знать его мнѣніе изъ другаго, понимая только всѣ слова его въ обратномъ смыслѣ.

Такимъ образомъ, въ общемъ движеніи литературы нашей односторонность одного изъ этихъ періодическихъ изданій

полезно уравновѣшивается противоположною односторонностію другаго. Взаимно уничтожая другъ друга, каждый изъ нихъ, не зная того, дополняетъ недостатки другаго, такъ, что смыслъ и значеніе, даже образъ мыслей и содержаніе одного, основываются на возможности существованія другаго. Самая полемика между ними служитъ имъ причиною неразрывной связи и составляетъ, такъ сказать, необходимое условіе ихъ мысленнаго движенія. Впрочемъ, характеръ этой полемики совершенно различенъ въ обоихъ журналахъ. Маякъ нападаетъ на Отечественныя Записки прямо, открыто и съ геройскою неутомимостію, замѣчая ихъ заблужденія, ошибки, оговорки и даже опечатки. Отечественныя Записки мало заботятся о Маякѣ, какъ журналѣ, и даже рѣдко говорятъ о немъ; но за то постоянно имѣютъ въ виду его направленіе, противъ крайности котораго стараются выставить противоположную, не менѣе запальчивую крайность. Эта борьба поддерживаетъ возможность жизни обоихъ и составляетъ ихъ главное значеніе въ литературѣ.

Это противоборство Маяка и Отеч. Записокъ почитаемъ мы явленіемъ полезнымъ въ литературѣ нашей потому, что, выражая два крайнія направленія, они, своею преувеличенностію этихъ крайностей, необходимо представляютъ ихъ нѣсколько въ каррикатурѣ, и такимъ образомъ невольно наводятъ мысли читателя на дорогу благоразумной умѣренности въ заблужденіяхъ. Кромѣ того, каждый журналъ въ своемъ родѣ сообщаетъ много статей любопытныхъ, дѣльныхъ и полезныхъ для распространенія нашей образованности. Ибо мы думаемъ, что образованность наша должна вмѣщать въ себѣ плоды обоихъ направленій; мы не думаемъ только, чтобы эти направленія должны были оставаться въ ихъ исключительной односторонности.

Впрочемъ, говоря о двухъ направленіяхъ, мы имѣемъ въ виду болѣе идеалы двухъ журналовъ, чѣмъ самые журналы, о которыхъ идетъ рѣчь. Ибо, къ сожалѣнію, ни Маякъ, ни Отечественныя Записки далеко не достигаютъ той цѣли, которую они себѣ предполагаютъ.

Отвергать все Западное и признавать только ту сторону нашей образованности, которая прямо противоположна Европейской, есть, конечно, направленіе одностороннее; однако, оно могло бы имѣть нѣкоторое подчиненное значеніе, если бы журналъ выражалъ его во всей чистотѣ его односторонности;

но, принимая его своею цѣлью, Маякъ смѣшиваетъ съ нимъ нѣкоторыя разнородныя, случайныя и явно произвольныя начала, которыя иногда разрушаютъ главное его значеніе. Такъ напримѣръ, полагая въ основаніе всѣхъ сужденій своихъ святыя истины нашей Православной вѣры, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ принимаетъ еще въ основаніе себѣ другія истины: положенія своей самосочиненной психологіи, и судитъ о вещахъ по тремъ критеріямъ, по четыремъ разрядамъ и по десяти стихіямъ. Такимъ образомъ, смѣшивая свои личныя мнѣнія съ общими истинами, онъ требуетъ, чтобы система его принята была за краеугольный камень національнаго мышленія. Вслѣдствіе этого же смѣшенія понятій, думаетъ оказать великую услугу словесности, уничтожая вмѣстѣ съ Отечественными Записками еще и то, что составляетъ славу нашей словесности. Такъ доказываетъ онъ, между прочимъ, что поэзія Пушкина не только ужасная, безнравственная, но что еще въ ней нѣтъ ни красоты, ни искусства, ни хорошихъ стиховъ, ни даже правильныхъ риѳмъ. Такъ, заботясь объ усовершенствованіи Русскаго языка и стараясь придать ему *мягкость*, *сладость*, *звучную прелесть*, которыя бы сдѣлали *его общелюбезнымъ языкомъ всей Европы*, самъ онъ, въ то же время, вмѣсто того, чтобы говорить языкомъ Русскимъ, употребляетъ языкъ собственнаго своего изобрѣтенія.

Вотъ почему, не смотря на многія великія истины, кой-гдѣ выражаемыя Маякомъ, и которыя, бывъ представлены въ чистомъ видѣ, должны бы были пріобрѣсть ему живое сочувствіе многихъ; мудрено, однако же, сочувствовать ему потому, что истины въ немъ перемѣшаны съ понятіями, по крайней мѣрѣ странными.

Отечественныя Записки, съ своей стороны, уничтожаютъ также собственную силу свою другимъ образомъ. Вмѣсто того, чтобы передавать намъ результаты образованности Европейской, онѣ безпрестанно увлекаются какими нибудь частными явленіями этой образованности и, не обнявъ ее вполнѣ, думаютъ быть новыми, являясь въ самомъ дѣлѣ всегда запоздалыми. Ибо страстное стремленіе за модностью мнѣнія, страстное желаніе принять наружность льва въ кругу мышленія, само по себѣ уже доказываетъ удаленіе отъ центра моды. Это желаніе даетъ нашимъ мыслямъ, нашему языку, всей нашей наружности, тотъ характеръ неувѣренной въ себѣ рѣзкости,

тотъ покрой яркой преувеличенности, которые служатъ признакомъ нашего отчужденія именно отъ того круга, къ которому мы хотимъ принадлежать.

Arrivé de province à Paris, разсказываетъ одинъ глубокомысленный и почтенный журналъ (кажется l'Illustration или Guêpes), arrivé a Paris il voulut s'habiller à la mode du lendemain; il sut exprimer les emotions de son âme par les noeuds de sa cravatte et il abusa de l'épingle.

Конечно, О. З. берутъ мнѣнія свои изъ самыхъ новыхъ книгъ Запада; но эти книги принимаютъ онѣ отдѣльно отъ всей совокупности Западной образованности, и потому тотъ смыслъ, который имѣютъ онѣ тамъ, является у нихъ совсѣмъ въ другомъ значеніи; та мысль, которая была новою тамъ, какъ отвѣтъ на совокупность окружающихъ ее вопросовъ, бывъ оторвана отъ этихъ вопросовъ, является у насъ уже не новою, но только что преувеличенною стариною.

Такъ, въ сферѣ философіи, не представляя ни малѣйшаго слѣда тѣхъ задачъ, которыя составляютъ предметъ современнаго мышленія Запада, О. З. проповѣдуютъ системы уже устарѣвшія, но прибавляютъ къ нимъ нѣкоторые результаты новыхъ, которыя съ ними не вяжутся. Такъ, въ сферѣ исторіи онѣ приняли нѣкоторыя мнѣнія Запада, которыя явились тамъ какъ результатъ стремленія къ народности; но понявъ ихъ отдѣльно отъ ихъ источника, онѣ выводятъ изъ нихъ же отрицаніе нашей народности, потому что она несогласна съ народностями Запада,—какъ нѣкогда Нѣмцы отвергали свою народность потому, что она непохожа на Французскую. Такъ, въ сферѣ литературы замѣтили Отечеств. Записки, что на Западѣ не безъ пользы для успѣшнаго движенія образованности были уничтожены нѣкоторые незаслуженные авторитеты, и вслѣдствіе этого замѣчанія, онѣ стремятся унизить всѣ наши извѣстности, стараясь уменьшить литературную репутацію Державина, Карамзина, Жуковскаго, Баратынскаго, Языкова, Хомякова, и на мѣсто ихъ превозносятъ И. Тургенева и Ѳ. Майкова, поставляя ихъ такимъ образомъ въ одну категорію съ Лермонтовымъ, который, вѣроятно, самъ избралъ бы себѣ не это мѣсто въ литературѣ нашей. Слѣдуя тому же началу, О. З. стараются обновить языкъ нашъ своими особенными словами и формами.

Вотъ почему мы осмѣливаемся думать, что какъ О. З., такъ и Маякъ, выражаютъ направленіе нѣсколько одностороннее и не всегда истинное.

Сѣверная Пчела болѣе политическая газета, чѣмъ литературный журналъ. Но въ неполитической части своей она выражаетъ такое же стремленіе къ нравственности, благоустройству и благочинію, какое О. З. обнаруживаютъ къ Европейской образованности. Она судитъ о вещахъ по своимъ нравственнымъ понятіямъ, довольно разнообразно передаетъ все, что ей кажется замѣчательнымъ, сообщаетъ все, что ей нравится, доноситъ обо всемъ, что ей не по сердцу, очень ревностно, но, можетъ быть, не всегда справедливо.

Мы имѣемъ нѣкоторое основаніе думать, что не всегда справедливо.

Въ Литературной Газетѣ мы не умѣли открыть никакого особеннаго направленія. Это чтеніе по преимуществу легкое, —чтеніе дессертное, немного сладкое, немного пряное, литературные конфекты, иногда немного сальные, но тѣмъ болѣе пріятные для нѣкоторыхъ невзыскательныхъ организмовъ.

Вмѣстѣ съ этими періодическими изданіями, должны мы упомянуть и о Современникѣ, потому что онъ также литературный журналъ, хотя признаемся, что намъ не хотѣлось бы смѣшивать его имя съ другими именами. Онъ принадлежитъ совсѣмъ другому кругу читателей, имѣетъ цѣль совершенно отличную отъ другихъ изданій, и особенно не смѣшивается съ ними тономъ и способомъ своего литературнаго дѣйствованія. Сохраняя постоянно достоинство своей спокойной независимости, Современникъ не вступаетъ въ запальчивыя полемики, не позволяетъ себѣ заманивать читателей преувеличенными обѣщаніями, не забавляетъ ихъ праздность своею шутливостью, не ищетъ блеснуть мишурою чужихъ, непонятыхъ системъ, не гоняется тревожно за новостію мнѣній и не основываетъ своихъ убѣжденій на авторитетѣ моды; но свободно и твердо идетъ своей дорогой, не сгибаясь передъ наружнымъ успѣхомъ. Отъ того, со времени Пушкина до сихъ поръ, остается онъ постояннымъ вмѣстилищемъ самыхъ знаменитыхъ именъ нашей словесности; отъ того для писателей менѣе извѣстныхъ, помѣщеніе статей въ Современникѣ есть уже нѣкоторое право на уваженіе публики.

Между тѣмъ, направленіе Современника не преимущественно, но исключительно литературное. Статьи ученыя, имѣющія цѣлью развитіе науки, а не слова, не входятъ въ составъ его. Отъ того образъ его воззрѣнія на вещи находится въ нѣко-

торомъ противорѣчіи съ его названіемъ. Ибо въ наше время достоинство чисто-литературное уже далеко не составляетъ существенной стороны литературныхъ явленій. Отъ того, когда, разбирая какое нибудь произведеніе словесности, Современникъ основываетъ свои сужденія на правилахъ риторики или піитики, то мы невольно жалѣемъ, что сила его нравственной чистоты истощается въ заботахъ его литературной чистоплотности.

Финскій Вѣстникъ только начинается, и потому мы не можемъ еще судить о его направленіи; скажемъ только, что мысль сблизить словесность Русскую съ литературами Скандинавскими, по мнѣнію нашему, принадлежитъ не только къ числу полезныхъ, но вмѣстѣ къ числу самыхъ любопытныхъ и значительныхъ нововведеній. Конечно, отдѣльное произведеніе какого нибудь Шведскаго или Датскаго писателя не можетъ быть вполнѣ оцѣнено у насъ, если мы не сообразимъ его не только съ общимъ состояніемъ литературы его народа, но, что еще важнѣе, съ состояніемъ всего частнаго и общаго, внутренняго и внѣшняго быта этихъ малоизвѣстныхъ у насъ земель. Если же, какъ мы надѣемся, Финскій Вѣстникъ познакомитъ насъ съ любопытнѣйшими сторонами внутренней жизни Швеціи, Норвегіи и Даніи; если онъ представитъ намъ въ ясномъ видѣ многозначительные вопросы, занимающіе ихъ въ настоящую минуту; если онъ раскроетъ передъ нами всю важность тѣхъ малоизвѣстныхъ въ Европѣ умственныхъ и жизненныхъ движеній, которыя наполняютъ теперь эти государства; если онъ представитъ намъ въ ясной картинѣ удивительное, почти неимовѣрное, благосостояніе низшаго класса, особенно въ нѣкоторыхъ областяхъ этихъ государствъ; если онъ удовлетворительно объяснитъ намъ причины этого счастливаго явленія; если объяснитъ причины другаго, не менѣе важнаго обстоятельства, удивительнаго развитія нѣкоторыхъ сторонъ народной нравственности, особенно въ Швеціи и Норвегіи; если представитъ ясную картину отношеній между различными сословіями, отношеній совершенно непохожихъ на другія государства; если, наконецъ, всѣ эти важные вопросы свяжетъ съ явленіями литературными въ одну живую картину: въ такомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, журналъ этотъ будетъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій въ нашей словесности.

Другіе журналы наши имѣютъ характеръ преимущественно спеціальный, и потому мы не можемъ здѣсь говорить объ нихъ.

Между тѣмъ распространеніе періодическихъ изданій во всѣ концы государства и во всѣ круги грамотнаго общества, роль, которую они очевидно играютъ въ словесности нашей, интересъ, который они возбуждаютъ во всѣхъ классахъ читателей,—все это неоспоримо доказываетъ намъ, что самый характеръ литературной образованности нашей есть преимущественно журнальный.

Впрочемъ, смыслъ этого выраженія требуетъ нѣкоторыхъ поясненій.

Литературный журналъ не есть литературное произведеніе. Онъ только извѣщаетъ о современныхъ явленіяхъ словесности, разбираетъ ихъ, указываетъ мѣсто въ ряду другихъ, произноситъ объ нихъ свое сужденіе. Журналъ въ словесности то же, что предисловіе въ книгѣ. Слѣдовательно, перевѣсъ журналистики въ литературѣ доказываетъ, что въ современной образованности потребность *наслаждаться* и *знать*, уступаетъ потребности *судить*, — подвести свои наслажденія и знанія подъ одинъ обзоръ, отдать себѣ отчетъ, имѣть *мнѣніе*. Господство журналистики въ области литературы то же, что господство философскихъ сочиненій въ области наукъ.

Но если развитіе журналистики у насъ основывается на стремленіи самой образованности нашей къ разумному отчету, къ выраженному, формулированному мнѣнію о предметахъ наукъ и литературы, то, съ другой стороны, неопредѣленный, сбивчивый, односторонній и вмѣстѣ самъ себѣ противорѣчащій характеръ нашихъ журналовъ доказываетъ, что литературныя мнѣнія у насъ еще не составились; что въ движеніяхъ образованности нашей болѣе *потребность* мнѣній, чѣмъ самыя мнѣнія; болѣе чувство необходимости ихъ *вообще*, чѣмъ опредѣленная наклонность къ тому или другому направленію.

Впрочемъ, могло ли и быть иначе? Соображая общій характеръ нашей словесности, кажется, что въ литературной образованности нашей нѣтъ элементовъ для составленія общаго опредѣленнаго мнѣнія, нѣтъ силъ для образованія цѣльнаго, сознательно развитаго направленія, и не можетъ быть ихъ, покуда господствующая краска нашихъ мыслей будетъ случайнымъ оттѣнкомъ чужеземныхъ убѣжденій. Безъ сомнѣнія возможны и даже дѣйствительно безпрестанно встрѣчаются

люди, выдающіе какую нибудь частную мысль, ими отрывчато-понятую, за свое опредѣленное *мнѣніе*, — люди, называющіе свои книжныя понятія именемъ *убѣжденій*; но эти мысли, эти понятія, похожи болѣе на школьное упражненіе въ логикѣ и философіи;—это мнѣніе мнимое; одна наружная одежда мыслей; модное платье, въ которое нѣкоторые умные люди наряжаютъ свой умъ, когда выносятъ его въ салоны, или — юношескія мечты, разлетающіяся при первомъ напорѣ жизни дѣйствительной. Мы не то разумѣемъ подъ словомъ убѣжденіе.

Было время, и не очень давно, когда для мыслящаго человѣка возможно было составить себѣ твердый и опредѣленный образъ мыслей, обнимающій вмѣстѣ и жизнь, и умъ, и вкусъ, и привычки жизни, и литературныя пристрастія, — можно было составить себѣ опредѣленное мнѣніе единственно изъ сочувствія съ явленіями иностранныхъ словесностей: были полныя, цѣлыя, доконченныя системы. Теперь ихъ нѣтъ; по крайней мѣрѣ, нѣтъ общепринятыхъ, безусловно господствующихъ. Чтобы построить изъ противорѣчащихъ мыслей свое полное воззрѣніе, надобно выбирать, составлять самому, искать, сомнѣваться, восходить до самаго источника, изъ котораго истекаетъ убѣжденіе, то есть, или навсегда остаться съ колеблющимися мыслями, или напередъ принести съ собою уже готовое, не изъ литературы почерпнутое убѣжденіе. *Составить* убѣжденіе изъ различныхъ системъ — нельзя, какъ вообще нельзя *составить* ничего живаго. Живое рождается только изъ жизни.

Теперь уже не можетъ быть ни Вольтеріянцевъ, ни Жанъ-Жакистовъ, ни Жанъ-Павлистовъ, ни Шеллингіянцевъ, ни Байронистовъ, ни Гетистовъ, ни Доктринеровъ, ни исключительныхъ Гегеліянцевъ (выключая можетъ быть такихъ, которые, иногда и не читавши Гегеля, выдаютъ подъ его именемъ свои личныя догадки); теперь каждый долженъ составлять себѣ свой собственный образъ мыслей, и слѣдовательно, если не возметъ его изъ всей совокупности жизни, то всегда останется при однѣхъ книжныхъ фразахъ.

По этой причинѣ, литература наша могла имѣть полный смыслъ до конца жизни Пушкина, и не имѣетъ теперь никакого опредѣленнаго значенія.

Мы думаемъ однако, что такое состояніе ея продолжиться не можетъ. Вслѣдствіе естественныхъ, необходимыхъ законовъ

человѣческаго разума, пустота безмыслія должна когда нибудь наполниться смысломъ.

И въ самомъ дѣлѣ, съ нѣкотораго времени, въ одномъ уголкѣ литературы нашей, начинается уже важное измѣненіе, хотя еще едва замѣтное по нѣкоторымъ особымъ оттѣнкамъ словесности,—измѣненіе, не столько выражающееся въ произведеніяхъ словесности, сколько обнаруживающееся въ состояніи самой образованности нашей вообще, и обѣщающее переобразовать характеръ нашей подражательной подчиненности въ своеобразное развитіе внутреннихъ началъ нашей собственной жизни. Читатели догадываются, конечно, что я говорю о томъ Славяно-христіанскомъ направленіи, которое, съ одной стороны подвергается нѣкоторымъ, можетъ быть, преувеличеннымъ пристрастіямъ, а съ другой, преслѣдуется странными, отчаянными нападеніями, насмѣшками, клеветами; но во всякомъ случаѣ достойно вниманія, какъ такое событіе, которому, по всей вѣроятности, предназначено занять не послѣднее мѣсто въ судьбѣ нашего просвѣщенія.

Мы постараемся обозначить его со всевозможнымъ безпристрастіемъ, собирая въ одно цѣлое его отдѣльные признаки, тутъ и тамъ разбросанные, и еще болѣе замѣтные въ мыслящей публикѣ, чѣмъ въ книжной литературѣ.

О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи.

(Письмо къ гр. Е. Е. Комаровскому).

(1852).

Въ послѣднее свиданіе наше, мы много бесѣдовали съ вами о характерѣ просвѣщенія Европейскаго и объ его отличіяхъ отъ характера того просвѣщенія Россіи, которое принадлежало ей въ древнія времена, и котораго слѣды, до сихъ поръ еще, не только замѣчаются въ нравахъ, обычаяхъ и образѣ мыслей простаго народа, но проникаютъ, такъ сказать, всю душу, весь складъ ума, весь, если можно такъ выразиться, внутренній составъ Русскаго человѣка, не переработаннаго еще Западнымъ воспитаніемъ. Вы требовали отъ меня, чтобы я изложилъ мои мысли объ этомъ предметѣ на бумагѣ. Но тогда я не могъ исполнить вашего желанія. Теперь же, когда я долженъ писать о томъ же предметѣ статью для Московскаго Сборника, я прошу позволенія дать этой статьѣ форму письма къ вамъ: мысль, что я разговариваю съ вами, согрѣетъ и оживитъ мои кабинетныя размышленія.

Конечно, мало вопросовъ, которые въ настоящее время были бы важнѣе этого вопроса—объ отношеніи Русскаго просвѣщенія къ Западному. Отъ того, какъ онъ разрѣшается въ умахъ нашихъ, зависитъ не только господствующее направленіе нашей литературы, но, можетъ быть, и направленіе всей нашей умственной дѣятельности, и смыслъ нашей частной жизни, и характеръ общежительныхъ отношеній. Однакоже, еще не очень давно то время, когда этотъ вопросъ былъ почти невозможенъ, или, что все равно, разрѣшался такъ легко, что не стоило труда его предлагать. Общее мнѣніе было таково, что различіе между просвѣщеніемъ Европы и Россіи существуетъ только

въ степени, а не въ характерѣ, и еще менѣе въ духѣ или основныхъ началахъ образованности.—У насъ (говорили тогда) было прежде только варварство: образованность наша начинается съ той минуты, какъ мы начали подражать Европѣ, безконечно опередившей насъ въ умственномъ развитіи. Тамъ науки процвѣтали, когда у насъ ихъ еще не было; тамъ онѣ созрѣли, когда у насъ только начинаютъ распускаться. Отъ того тамъ учители, мы ученики; впрочемъ,—прибавляли обыкновенно съ самодовольствомъ,—ученики довольно смышленые, которые такъ быстро перенимаютъ, что скоро, вѣроятно, обгонятъ своихъ учителей.

„Кто бы могъ подумать, братцы,—говорилъ Петръ въ 1714 году, въ Ригѣ, осушая стаканъ на новоспущенномъ кораблѣ,—кто бы могъ думать тому 30 лѣтъ, что вы, Русскіе, будете со мною здѣсь, на Балтійскомъ морѣ строить карабли и пировать въ Нѣмецкихъ платьяхъ?—Историки,—прибавилъ онъ,—полагаютъ древнее сѣдалище наукъ въ Греціи; оттуда перешли онѣ въ Италію и распространились по всѣмъ землямъ Европы. Но невѣжество *) нашихъ предковъ помѣшало имъ проникнуть далѣе Польши, хотя и Поляки находились прежде въ такомъ же мракѣ, въ какомъ сперва были и всѣ Нѣмцы и въ какомъ мы живемъ до сихъ поръ, и только благодаря безконечнымъ усиліямъ своихъ правителей, могли они, наконецъ, открыть глаза и усвоить себѣ Европейское знаніе, искусства и образъ жизни. Это движеніе наукъ на землѣ сравниваю я съ обращеніемъ крови въ человѣкѣ: и мнѣ сдается, что онѣ опять когда нибудь покинутъ свое мѣстопребываніе въ Англіи, Франціи и Германіи, и перейдутъ къ намъ на нѣсколько столѣтій, чтобы потомъ снова возвратиться на свою родину, въ Грецію“.

Эти слова объясняютъ увлеченіе, съ которымъ дѣйствовалъ Петръ, и во многомъ оправдываютъ его крайности. Любовь къ просвѣщенію была его страстью. Въ немъ одномъ видѣлъ онъ спасеніе для Россіи; а источникъ его видѣлъ въ одной Европѣ. Но его убѣжденіе пережило его цѣлымъ столѣтіемъ въ образованномъ, или, правильнѣе, въ переобразованномъ имъ классѣ его народа; и тому 30 лѣтъ едва ли можно было встрѣтить мыслящаго человѣка, который бы постигалъ возможность

*) Петръ употребилъ слово: die Unart.

другаго просвѣщенія, кромѣ заимствованнаго отъ Западной Европы.

Между тѣмъ, съ тѣхъ поръ въ просвѣщеніи Западно-Европейскомъ и въ просвѣщеніи Европейско-Русскомъ произошла перемѣна.

Европейское просвѣщеніе, во второй половинѣ 19-го вѣка, достигло той полноты развитія, гдѣ его особенное значеніе выразилось съ очевидною ясностію для умовъ, хотя нѣсколько наблюдательныхъ. Но результатъ этой полноты развитія, этой ясности итоговъ, былъ почти всеобщее чувство недовольства и обманутой надежды. Не потому Западное просвѣщеніе оказалось неудовлетворительнымъ, чтобы науки на Западѣ утратили свою жизненность; напротивъ, онѣ процвѣтали, повидимому, еще болѣе, чѣмъ когда нибудь; не потому, чтобы та или другая форма внѣшней жизни тяготѣла надъ отношеніями людей или препятствовала развитію ихъ господствующаго направленія; напротивъ, борьба съ внѣшнимъ препятствіемъ могла бы только укрѣпить пристрастіе къ любимому направленію, и никогда, кажется, внѣшняя жизнь не устроивалась послушнѣе и согласнѣе съ ихъ умственными требованіями. Но чувство недовольства и безотрадной пустоты легло на сердце людей, которыхъ мысль не ограничивалась тѣснымъ кругомъ минутныхъ интересовъ, именно потому, что самое торжество ума Европейскаго обнаружило односторонность его коренныхъ стремленій; потому что, при всемъ богатствѣ, при всей, можно сказать, громадности частныхъ открытій и успѣховъ въ наукахъ, общій выводъ изъ всей совокупности знанія представилъ только отрицательное значеніе для внутренняго сознанія человѣка; потому что, при всемъ блескѣ, при всѣхъ удобствахъ наружныхъ усовершенствованій жизни, самая жизнь лишена была своего существеннаго смысла: ибо, не проникнутая никакимъ общимъ, сильнымъ убѣжденіемъ, она не могла быть ни украшена высокою надеждою, ни согрѣта глубокимъ сочувствіемъ. Многовѣковой холодный анализъ разрушилъ всѣ тѣ основы, на которыхъ стояло Европейское просвѣщеніе отъ самаго начала своего развитія; такъ, что собственныя его коренныя начала, изъ которыхъ оно выросло, сдѣлались для него посторонними, чужими, противорѣчащими его послѣднимъ результатамъ; между тѣмъ какъ прямою собственностію его оказался этотъ самый разрушившій его корни анализъ, этотъ самодвижущійся ножъ ра-

зума, этотъ отвлеченный силлогизмъ, не признающій ничего, кромѣ себя и личнаго опыта, этотъ самовластвующій разсудокъ, или, какъ вѣрнѣе назвать, эту логическую дѣятельность, отрѣшенную отъ всѣхъ другихъ познавательныхъ силъ человѣка, кромѣ самыхъ грубыхъ, самыхъ первыхъ чувственныхъ данныхъ, и на нихъ однихъ созидающую свои воздушныя, діалектическія построенія.

Впрочемъ, надобно вспомнить, что чувство недовольства и безнадежности не вдругъ обнаружилось въ Западномъ человѣкѣ при первомъ явномъ торжествѣ его разрушительной разсудочности. Опрокинувъ свои вѣковыя убѣжденія, онъ тѣмъ болѣе надѣялся на всемогущество своего отвлеченнаго разума, чѣмъ огромнѣе, чѣмъ крѣпче, чѣмъ объемлющѣе были эти убѣжденія, имъ разрушенныя. Въ первую минуту успѣха, его радость не только не была смѣшана съ сожалѣніемъ, но, напротивъ, упоеніе его самонадѣянности доходило до какой-то поэтической восторженности. Онъ вѣрилъ, что собственнымъ отвлеченнымъ умомъ можетъ сейчасъ же создать себѣ новую разумную жизнь и устроить небесное блаженство на переобразованной имъ землѣ. Страшные, кровавые опыты не пугали его: огромныя неудачи не охлаждали его надежды; частныя страданія налагали только вѣнецъ мученичества на его ослѣпленную голову: можетъ быть, цѣлая вѣчность неудачныхъ попытокъ могла бы только утомить, но не могла бы разочаровать его самоувѣренности, еслибы тотъ же самый отвлеченный разумъ, на который онъ надѣялся, силою собственнаго развитія не дошелъ до сознанія своей ограниченной односторонности.

Этотъ послѣдній результатъ Европейской образованности, правда еще далеко не сдѣлавшійся всеобщимъ, но, очевидно, начинающій уже господствовать въ передовыхъ мыслителяхъ Запада, принадлежитъ новѣйшей и, вѣроятно, уже окончательной эпохѣ отвлеченно-философскаго мышленія. Но мнѣнія философскія недолго остаются достояніемъ ученыхъ каѳедръ. Что́ нынче выводъ кабинетнаго мышленія, то́ завтра будетъ убѣжденіемъ массъ: ибо для человѣка, оторваннаго отъ всѣхъ другихъ вѣрованій, кромѣ вѣры въ раціональную науку, и не признающаго другаго источника истины, кромѣ выводовъ собственнаго разума, судьба философіи дѣлается судьбою всей умственной жизни. Въ ней не только сходятся всѣ науки и всѣ житейскія отношенія, и связываются въ одинъ узелъ обща-

го сознанія; но изъ этого узла, изъ этого общаго сознанія, снова исходятъ правительственныя нити во всѣ науки и во всѣ житейскія отношенія, даютъ имъ смыслъ и связь, и образовываютъ ихъ по своему направленію. Отъ того нерѣдко видѣли мы, какъ въ какомъ нибудь уголкѣ Европы созрѣваетъ едва замѣченная мысль въ головѣ какого нибудь труженика науки, котораго и лицо едва замѣтно толпѣ, его окружающей, и черезъ двадцать лѣтъ, эта незамѣтная мысль этого незамѣтнаго лица управляетъ умами и волею этой же самой толпы, являясь передъ ней въ какомъ нибудь яркомъ историческомъ событіи. Не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ какой нибудь кабинетный мыслитель изъ своего дымнаго угла могъ по своему произволу управлять исторіей; но потому, что исторія, проходя черезъ его систему, развивается до своего самосознанія. Онъ только замѣчаетъ и сводитъ въ одинъ общій итогъ совокупность господствующихъ результатовъ, и всякій произволъ въ движеніи его мысли отнимаетъ у нея всю силу надъ дѣйствительностію; ибо только та система дѣлается господствующею, которая сама есть необходимый выводъ изъ господствовавшихъ до нея убѣжденій. Такъ въ организмѣ народовъ, основывающихъ свои убѣжденія единственно на своихъ личныхъ разумѣніяхъ, голова философа является какъ необходимый естественный органъ, черезъ который проходитъ все кругообращеніе жизненныхъ силъ, отъ внѣшнихъ событій возвышаясь до внутренняго сознанія и отъ внутренняго сознанія снова возвращаясь въ сферу очевидной исторической дѣятельности. Посему можно сказать, что не мыслители Западные убѣдились въ односторонности логическаго разума, но самъ логическій разумъ Европы, достигнувъ высшей степени своего развитія, дошелъ до сознанія своей ограниченности и, уяснивъ себѣ законы собственной дѣятельности, убѣдился, что весь объемъ его самодвижной силы не простирается далѣе отрицательной стороны человѣческаго знанія; что его умозрительное сцѣпливаніе выводныхъ понятій требуетъ основаній, почерпнутыхъ изъ другихъ источниковъ познаванія; что высшія истины ума, его живыя зрѣнія, его существенныя убѣжденія, всѣ лежатъ внѣ отвлеченнаго круга его діалектическаго процесса, и хотя не противорѣчатъ его законамъ, однакоже и не выводятся изъ нихъ, и даже не досягаются его дѣятельностію, когда она оторвана отъ своей исконной совокупности съ общею дѣятельностію другихъ силъ человѣческаго духа.

Такъ Западный человѣкъ, исключительнымъ развитіемъ своего отвлеченнаго разума утративъ вѣру во всѣ убѣжденія, не изъ одного отвлеченнаго разума исходящія, вслѣдствіе развитія этого разума потерялъ и послѣднюю вѣру свою въ его всемогущество. Такимъ образомъ былъ онъ принужденъ, или довольствоваться состояніемъ полускотскаго равнодушія ко всему, что выше чувственныхъ интересовъ и торговыхъ разсчетовъ (такъ сдѣлали многіе; но многіе не могли, ибо еще сохранившимися остатками прежней жизни Европы были развиты иначе), или долженъ былъ опять возвратиться къ тѣмъ отвергнутымъ убѣжденіямъ, которыя одушевляли Западъ прежде конечнаго развитія отвлеченнаго разума;—такъ сдѣлали нѣкоторые; но другіе не могли потому, что убѣжденія эти, какъ они образовались въ историческомъ развитіи Западной Европы, были уже проникнуты разлагающимъ дѣйствіемъ отвлеченнаго разума, и потому изъ первобытной сферы своей, изъ самостоятельной полноты и независимости, перешли на степень разумной системы, и отъ того являлись сознанію человѣка Западнаго какъ односторонность разума, вмѣсто того, чтобы быть его высшимъ, живительнымъ началомъ.

Что же оставалось дѣлать для мыслящей Европы? Возвратиться еще далѣе назадъ, къ той первоначальной чистотѣ этихъ основныхъ убѣжденій, въ какой они находились прежде вліянія на нихъ Западно-Европейской разсудочности? Возвратиться къ этимъ началамъ, какъ они были прежде самаго начала Западнаго развитія? Это было бы дѣломъ почти невозможнымъ для умовъ, окруженныхъ и проникнутыхъ всѣми обольщеніями и предразсудками Западной образованности. Вотъ, можетъ быть, почему большая часть мыслителей Европейскихъ, не въ силахъ будучи вынести ни жизни тѣсно эгоистической, ограниченной чувственными цѣлями и личными соображеніями, ни жизни односторонно умственной, прямо противорѣчащей полнотѣ ихъ умственнаго сознанія, чтобы не оставаться совсѣмъ безъ убѣжденій и не предаться убѣжденіямъ завѣдомо неистиннымъ,—обратились къ тому избѣгу, что каждый началъ въ своей головѣ изобрѣтать для всего міра новыя общія начала жизни и истины, отыскивая ихъ въ личной игрѣ своихъ мечтательныхъ соображеній, мѣшая новое съ старымъ, невозможное съ возможнымъ, отдаваясь безусловно самымъ неограниченнымъ надеждамъ, и каждый противорѣча

другому и каждый требуя общаго признанія другихъ. Всѣ сдѣлались Колумбами, всѣ пустились открывать новыя Америки внутри своего ума, отыскивать другое полушаріе земли по безграничному морю невозможныхъ надеждъ, личныхъ предположеній и строго силлогистическихъ выводовъ.

Такое состояніе умовъ въ Европѣ имѣло на Россію дѣйствіе противное тому, какое оно въ послѣдствіи произвело на Западъ. Только немногіе, можетъ быть, и то развѣ на минуту, могли увлечься наружнымъ блескомъ этихъ безразсудныхъ системъ, обмануться искусственнымъ благообразіемъ ихъ гнилой красоты; но большая часть людей, слѣдившихъ за явленіями Западной мысли, убѣдившись въ неудовлетворительности Европейской образованности, обратили вниманіе свое на тѣ особенныя начала просвѣщенія, неоцѣненныя Европейскимъ умомъ, которыми прежде жила Россія и которыя теперь еще замѣчаются въ ней помимо Европейскаго вліянія.

Тогда начались живыя историческія розысканія, сличенія, изданія. Особенно благодѣтельны были въ этомъ случаѣ дѣйствія нашего правительства, открывшаго въ глуши монастырей, въ пыли забытыхъ архивовъ, и издавшаго въ свѣтъ столько драгоцѣнныхъ памятниковъ старины. Тогда Русскіе ученые, можетъ быть въ первый разъ послѣ полутораста лѣтъ, обратили безпристрастный, испытующій взоръ внутрь себя и своего отечества, и, изучая въ немъ новые для нихъ элементы умственной жизни, поражены были страннымъ явленіемъ: они съ изумленіемъ увидѣли, что почти во всемъ, что касается до Россіи, ея исторіи, ея народа, ея вѣры, ея коренныхъ основъ просвѣщенія, и явныхъ, еще теплыхъ слѣдовъ этого просвѣщенія на прежней Русской жизни, на характерѣ и умѣ народа,— почти во всемъ, говорю я,—они были до сихъ поръ обмануты: не потому, чтобы кто нибудь съ намѣреніемъ хотѣлъ обмануть ихъ, но потому, что безусловное пристрастіе къ Западной образованности и безотчетное предубѣжденіе противъ Русскаго варварства, заслоняли отъ нихъ разумѣніе Россіи. Можетъ быть, и они сами прежде, подъ вліяніемъ тѣхъ же предразсудковъ, содѣйствовали къ распространенію того же ослѣпленія. Но обаяніе было такъ велико, что скрывало отъ нихъ самые явные предметы, стоявшіе, такъ сказать, предъ ихъ глазами; за то и пробужденіе совершается такъ быстро, что удивляетъ своею неожиданностію. Ежедневно видимъ мы людей, раздѣ-

лявшихъ Западное направленіе, и нерѣдко между ними людей, принадлежащихъ къ числу самыхъ просвѣщенныхъ умовъ и самыхъ твердыхъ характеровъ, которые совершенно перемѣняютъ свой образъ мыслей единственно отъ того, что безпристрастно и глубоко обращаютъ свое вниманіе внутрь себя и своего отечества, изучая въ немъ—тѣ основныя начала, изъ которыхъ сложилась особенность Русскаго быта; въ себѣ—открывая тѣ существенныя стороны духа, которыя не находили себѣ ни мѣста, ни пищи, въ Западномъ развитіи ума.

Впрочемъ, понять и выразить эти основныя начала, изъ которыхъ сложилась особенность Русскаго быта, не такъ легко, какъ, можетъ быть, думаютъ нѣкоторые. Ибо коренныя начала просвѣщенія Россіи не раскрылись въ ея жизни до той очевидности, до какой развились начала Западнаго просвѣщенія въ его исторіи. Чтобы ихъ найти, надобно искать; они не бросаются сами въ глаза, какъ бросается образованность Европейская. Европа высказалась вполнѣ. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ она, можно сказать, докончила кругъ своего развитія, начавшійся въ девятомъ. Россія, хотя въ первые вѣка своей исторической жизни была образована не менѣе Запада, однакоже, вслѣдствіе постороннихъ и, повидимому, случайныхъ препятствій, была постоянно останавливаема на пути своего просвѣщенія, такъ, что для настоящаго времени могла она сберечь не полное и досказанное его выраженіе, но только одни, такъ сказать, намеки на его истинный смыслъ, одни его первыя начала и ихъ первые слѣды на умѣ и жизни Русскаго человѣка.

Въ чемъ же заключаются эти начала просвѣщенія Русскаго? Что представляютъ они особеннаго отъ тѣхъ началъ, изъ которыхъ развилось просвѣщеніе Западное? и возможно ли ихъ дальнѣйшее развитіе? и если возможно, то что̀ обѣщаютъ они для умственной жизни Россіи? что могутъ принести для умственной жизни Европы?—Ибо, послѣ совершившагося сопроникновенія Россіи и Европы, уже невозможно предполагать ни развитія умственной жизни въ Россіи безъ отношенія къ Европѣ, ни развитія умственной жизни въ Европѣ безъ отношенія къ Россіи.

Начала просвѣщенія Русскаго совершенно отличны отъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ составилось просвѣщеніе народовъ Европейскихъ. Конечно, каждый изъ народовъ Европы имѣетъ

въ характерѣ своей образованности нѣчто особое; но эти частныя, племенныя и государственныя или историческія особенности не мѣшаютъ имъ всѣмъ составлять вмѣстѣ то духовное единство, куда каждая особая часть входитъ какъ живой членъ въ одно личное тѣло. Отъ того, посреди всѣхъ историческихъ случайностей, они развивались всегда въ тѣсномъ и сочувственномъ соотношеніи. Россія, отдѣлившись духомъ отъ Европы, жила и жизнію отдѣльною отъ нея. Англичанинъ, Французъ, Итальянецъ, Нѣмецъ, никогда не переставалъ быть Европейцемъ, всегда сохраняя притомъ свою національную особенность. Русскому человѣку, напротивъ того, надобно было почти уничтожить свою народную личность, чтобы сродниться съ образованностью Западною; ибо и наружный видъ, и внутренній складъ ума, взаимно другъ друга объясняющіе и поддерживающіе, были въ немъ слѣдствіемъ совсѣмъ другой жизни, проистекающей совсѣмъ изъ другихъ источниковъ.

Кромѣ разностей племенныхъ, еще три историческія особенности дали отличительный характеръ всему развитію просвѣщенія на Западѣ: особая форма, черезъ которую проникало въ него Христіанство, особый видъ, въ которомъ перешла къ нему образованность древнеклассическаго міра, и наконецъ, особые элементы, изъ которыхъ сложилась въ немъ государственность.

Христіанство было душою умственной жизни народовъ на Западѣ, также какъ и въ Россіи. Но въ Западную Европу проникало оно единственно черезъ Церковь Римскую.

Конечно, каждый патріархатъ, каждое племя, каждая страна въ Христіанскомъ мірѣ, не переставали сохранять свою личную особенность, участвуя притомъ въ общемъ единствѣ всей Церкви. Каждый народъ, вслѣдствіе мѣстныхъ, племенныхъ или историческихъ случайностей развившій въ себѣ преимущественно одну какую нибудь сторону умственной дѣятельности, естественно долженъ былъ и въ духовной жизни своей, и въ писаніяхъ своихъ богослововъ, удерживать тотъ же свой особенный характеръ, свою, такъ сказать, природную физіономію, только просвѣтленную высшимъ сознаніемъ. Такъ богословскіе писатели Сирійскихъ странъ обращали, кажется, преимущественное вниманіе на внутреннюю, созерцательную жизнь человѣка, отрѣшеннаго отъ міра. Римскіе богословы занимались особенно стороною практической дѣятель-

ности и логической связи понятій. Духовные писатели просвѣщенной Византіи болѣе другихъ, кажется, имѣли въ виду отношеніе Христіанства къ частнымъ наукамъ, вокругъ него процвѣтавшимъ, и сперва враждовавшимъ съ нимъ, а потомъ покорившимся ему. Богословы Александрійскіе, находясь въ двоякой борьбѣ: съ язычествомъ и Іудействомъ, окруженные философскими, теозофскими и гностическими школами, попреимуществу обращали вниманіе на умозрительную сторону Христіанскаго ученія. Различные пути вели къ одной общей цѣли, покуда стремящіеся по нимъ не уклонялись отъ общей цѣли. Вездѣ бывали частныя ереси, которыя всегда имѣли близкое отношеніе къ господствующему направленію народовъ, гдѣ онѣ возникали; но онѣ уничтожались единомысліемъ Церкви Вселенской, соединявшей всѣ частныя Церкви въ одно святое согласіе. Бывали времена, когда опасность уклоненія угрожала и цѣлымъ патріархатамъ, когда ученіе, несогласное съ ученіемъ Вселенской Церкви, согласовалось однакоже съ господствующимъ направленіемъ и умственною особенностію народовъ, частную Церковь составлявшихъ; но въ эти времена испытанія, когда для частной Церкви предстоялъ рѣшительный выборъ: или отторгнуться отъ Церкви Вселенской, или пожертвовать своимъ частнымъ мнѣніемъ, Господь спасалъ Свои Церкви единодушіемъ всего Православнаго міра. Особенность каждой частной Церкви тогда только могла бы увлечь ее въ расколъ, когда бы она отдѣлилась отъ преданія и общенія съ другими Церквами; но, оставаясь вѣрною общему преданію и общему согласію любви, каждая частная Церковь, особымъ характеромъ своей духовной дѣятельности, только увеличивала общее богатство и полноту духовной жизни всего Христіанства. Такъ и Римская Церковь имѣла свою, такъ сказать, законную особенность, прежде чѣмъ отдѣлилась отъ Церкви Вселенской; но, отдѣлившись отъ нея, она естественно должна была эту частную свою особенность обратить въ исключительную форму, черезъ которую одну Христіанское ученіе могло проникать въ умы народовъ, ей подчиненныхъ.

Образованность древняго до-Христіанскаго міра, — второй элементъ, изъ котораго развилось просвѣщеніе Европы,— была извѣстна Западу до половины 15-го вѣка почти исключительно въ томъ особенномъ видѣ, какой она приняла въ жизни древняго языческаго Рима; но другая сторона ея, обра-

зованность Греческая и Азіатская, въ чистомъ видѣ своемъ почти не проникала въ Европу до самаго почти покоренія Константинополя. Между тѣмъ Римъ, какъ извѣстно, далеко не былъ представителемъ всего языческаго просвѣщенія: ему принадлежало только господство матеріяльное надъ міромъ, между тѣмъ какъ умственное господство надъ нимъ принадлежало и языку и образованности Греческой. Потому, всю опытность человѣческаго ума, все достояніе его, которое онъ добылъ себѣ въ продолженіе шеститысячелѣтнихъ усилій, принимать единственно въ той формѣ, какую оно получило въ образованности Римской, — значило принимать его въ видѣ совершенно одностороннемъ, и неминуемо подвергаться опасности — сообщить эту односторонность и характеру собственной своей образованности. Такъ дѣйствительно и совершилось съ Европою. Когда же, въ 15-мъ вѣкѣ, Греческіе изгнанники перешли на Западъ съ своими драгоцѣнными рукописями, то было уже поздно. Образованность Европы, правда, оживилась; но смыслъ ея остался тотъ же: складъ ума и жизни былъ уже заложенъ. Греческая наука расширила кругъ знанія и вкуса, разбудила мысли, дала умамъ полетъ и движеніе; но господствующаго направленія духа уже измѣнить не могла.

Наконецъ, третій элементъ просвѣщенія, образованность общественная, представляетъ ту особенность на Западѣ, что почти ни въ одномъ изъ народовъ Европы государственность не произошла изъ спокойнаго развитія національной жизни и національнаго самосознанія, гдѣ господствующія, религіозныя и общественныя понятія людей, воплощаясь въ бытовыхъ отношеніяхъ, естественно выростаютъ и крѣпнутъ и связываются въ одно общее единомысліе, правильно отражающееся въ стройной цѣльности общественнаго организма. Напротивъ, общественный бытъ Европы, по какой-то странной исторической случайности, почти вездѣ возникъ насильственно, изъ борьбы на смерть двухъ враждебныхъ племенъ: изъ угнетенія завоевателей, изъ противодѣйствія завоеванныхъ, и наконецъ изъ тѣхъ случайныхъ условій, которыми наружно кончались споры враждующихъ, несоразмѣрныхъ силъ.

Эти три элемента Запада: Римская Церковь, древне - Римская образованность и возникшая изъ насилій завоеванія государственность, были совершенно чужды древней Россіи. При-

нявъ ученіе Христіанское отъ Греціи, она постоянно находилась въ общеніи со Вселенскою Церковью. Образованность древне-языческаго міра переходила къ ней уже сквозь ученіе Христіанское, не дѣйствуя на нее одностороннимъ увлеченіемъ, какъ живой остатокъ какой нибудь частной народности; только въ послѣдствіи, утвердившись въ образованности Христіанской, начинала она усвоивать себѣ послѣдніе результаты наукообразнаго просвѣщенія древняго міра,—когда Провидѣнію видимо угодно было остановить дальнѣйшій ходъ ея умственнаго развитія, спасая ее, можетъ быть, отъ вреда той односторонности, которая неминуемо стала бы ея удѣломъ, еслибы ея разсудочное образованіе началось прежде, чѣмъ Европа докончила кругъ своего умственнаго развитія, и когда, не обнаруживъ еще послѣднихъ выводовъ своихъ, она могла тѣмъ безотчетнѣе и тѣмъ глубже завлечь ее въ ограниченную сферу своего особеннаго развитія. — Христіанство, проникнувъ въ Россію, не встрѣтило въ ней тѣхъ громадныхъ затрудненій, съ какими должно было бороться въ Римѣ и Греціи, и въ Европейскихъ земляхъ, пропитанныхъ Римскою образованностью. Чистому вліянію его ученія на внутреннюю и общественную жизнь человѣка Словенскій міръ не представлялъ тѣхъ неодолимыхъ препятствій, какія оно находило въ сомкнутой образованности міра классическаго и въ односторонней образованности народовъ Западныхъ. Во многомъ даже племенныя особенности Словенскаго быта помогали успѣшному осуществленію Христіанскихъ началъ. Между тѣмъ основныя понятія человѣка о его правахъ и обязанностяхъ, о его личныхъ, семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ не составлялись насильственно изъ формальныхъ условій враждующихъ племенъ и классовъ, — какъ послѣ войны проводятся искусственныя границы между сосѣдними государствами по мертвой буквѣ выспореннаго трактата. Но, неиспытавъ завоеванія, Русскій народъ устроивался самобытно. Враги, угнетавшіе его, всегда оставались внѣ его, не мѣшаясь въ его внутреннее развитіе. Татары, Ляхи, Венгры, Нѣмцы и другіе бичи, посланные ему Провидѣніемъ, могли только остановить его образованіе, и дѣйствительно остановили его, но не могли измѣнить существеннаго смысла его внутренней и общественной жизни.

Между тѣмъ эти, чуждые Россіи, три элемента первоначальной образованности Европейской: Римская Церковь, древне-

Римскій міръ и возникшая изъ завоеванія государственность опредѣлили весь кругъ дальнѣйшаго развитія Европы,—какъ три точки въ пространствѣ опредѣляютъ круговую линію, которая черезъ нихъ проходитъ.

Вліяніе живыхъ еще развалинъ, уцѣлѣвшихъ отъ разрушенія остатковъ старой Римской образованности, на новорождающуюся образованность Запада — было всеобъемлющее. Проникая въ самое основное строеніе общественныхъ отношеній, въ законы, въ языкъ, въ нравы, въ обычаи, въ первое развитіе наукъ и искусствъ Европейскихъ, древній Римъ долженъ былъ поневолѣ сообщить болѣе или менѣе всѣмъ отношеніямъ Западнаго человѣка тотъ особенный характеръ, которымъ самъ онъ отличался отъ другихъ народовъ; и этотъ особенный характеръ всей совокупности отношеній, окружающихъ человѣка, по необходимости, долженъ былъ проникнуть въ самый, такъ сказать, внутренній составъ его жизни, переобразовывая болѣе или менѣе всѣ другія вліянія, согласно своему господствующему направленію,

Потому, главная особенность умственнаго характера Рима должна была отразиться и въ умственной особенности Запада. Но если мы захотимъ эту господствующую особенность Римскаго образованія выразить одною общею формулою, то не ошибемся, кажется, если скажемъ, что отличительный складъ Римскаго ума заключался въ томъ именно, что въ немъ наружная разсудочность брала перевѣсъ надъ внутреннею сущностью вещей. Этотъ характеръ, очевидно, представляетъ намъ общественный и семейный бытъ Рима, логически и нераскаянно уродовавшій естественныя и нравственныя отношенія людей, по внѣшней буквѣ случайно выразившагося закона. Тотъ же характеръ представляетъ намъ и поэзія Римлянъ, работавшая надъ художественнымъ усовершенствованіемъ внѣшнихъ формъ чужаго вдохновенія. То же представляетъ намъ ихъ языкъ, задавившій, подъ искусственною стройностію грамматическихъ конструкцій, естественную свободу и живую непосредственность душевныхъ движеній. Тотъ же характеръ видимъ мы въ самыхъ знаменитыхъ законахъ Римскихъ, гдѣ стройность внѣшней формальности доведена до столь изумительнаго логическаго совершенства, при изумительномъ тоже отсутствіи внутренней справедливости. То же наружное сцѣпленіе мыслей на счетъ внутренней, живой полноты смысла представляетъ намъ и религія

Римская, за внѣшними обрядами почти забывшая ихъ таинственное значеніе,—Римская религія,—это собраніе всѣхъ разнородныхъ, даже противорѣчащихъ другъ другу божествъ языческаго міра, наружно совмѣщенныхъ, внутренно разнорѣчащихъ, въ то же время логически соглашенныхъ въ одно символическое поклоненіе, гдѣ подъ покрываломъ философской связи скрывалось внутреннее отсутствіе вѣры. Тотъ же характеръ разсудочнаго направленія замѣчаемъ мы и въ нравахъ Римскихъ, гдѣ такъ высоко цѣнилась внѣшняя дѣятельность человѣка, и такъ мало обращалось вниманія на ея внутренній смыслъ; гдѣ гордость была добродѣтелью; гдѣ личное логическое убѣжденіе каждаго было единственнымъ руководствомъ его дѣйствій; гдѣ, потому, каждая личность сознавала себя не только за нѣчто особое, но и за нѣчто отличное отъ другихъ личностей, и не понимала къ нимъ иныхъ отношеній, кромѣ отношеній, логически выведенныхъ изъ наружныхъ условій жизни. Потому, Римлянинъ не зналъ почти другой связи между людьми, кромѣ связи общаго интереса; другаго единства, кромѣ единства партіи. Самый патріотизмъ Римлянина—безкорыстнѣйшее чувство, до котораго онъ могъ достигнуть, — былъ для него не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ для Грека. Онъ не любилъ дыма отечества; даже дымъ Греческаго очага былъ для него привлекательнѣе. Онъ любилъ въ отечествѣ интересъ своей партіи и тò особенно, что оно ласкало его гордость. Но непосредственное, общечеловѣческое чувство было почти заглушено въ душѣ Римлянина. Относительно же согражданъ своихъ понималъ онъ себя почти такъ же, какъ его великій Римъ понималъ себя относительно другихъ городовъ, его окружавшихъ; равно готовый на союзъ и на войну, онъ рѣшался на то или другое по указанію разсчета, постоянно слушая внушенія той страсти, которая обыкновенно господствуетъ внутри ума сухо-логическаго и корыстно-дѣятельнаго: я говорю о страсти преобладанія надъ другими, которая въ душѣ Римлянина занимала то же мѣсто, какое въ душѣ сочувственнаго Грека занимала страсть безразсуднаго славолюбія. Однимъ словомъ, во всѣхъ особенностяхъ Римскаго человѣка, во всѣхъ изгибахъ умственной и душевной дѣятельности, видимъ мы одну общую черту, что наружная стройность его логическихъ понятій была для него существеннѣе самой существенности, и что внутреннее равновѣсіе его бытія, если можно такъ выразиться, сознавалось имъ един-

ственно въ равновѣсіи разсудочныхъ понятій или внѣшней формальной дѣятельности.

Христіанство, разумѣется, при самомъ появленіи своемъ среди языческаго міра, противорѣчило этому направленію корыстной личности и самомнительной разсудочности Римскаго человѣка. Обращая главную дѣятельность духа къ внутренней цѣльности бытія, оно не только противилось всякой страстности увлеченій, хотя бы и благовидными предлогами украшенной, но вмѣстѣ, возводя умъ къ живому средоточію самопознанія, оно боролось и съ тѣмъ состояніемъ духовнаго распаденія, гдѣ односторонняя разсудочность отрывается отъ другихъ силъ духа и думаетъ достигнуть истины наружною связностію понятій. Между тѣмъ, какъ для этой внѣшней, разсудочной мудрости Христіанская проповѣдь казалась безуміемъ, — съ высоты Христіанскаго ученія эта надменная разсудочность являлась во всей бѣдности своей нечувственной слѣпоты. Потому, въ первые вѣка Церкви, видимъ мы въ богословскихъ писателяхъ даже Римскаго міра нерѣдкія нападенія на ложность языческаго философствованія. Однакоже господство чисто-Христіанскаго направленія не могло совершенно изгладить изъ ихъ ума особенность Римской физіономіи, которая, какъ уже мы замѣтили, оставаясь въ своихъ законныхъ границахъ, не только не мѣшала истинному направленію духа, но, напротивъ, должна была еще увеличивать многостороннее богатство его проявленій, и только тамъ увлекала въ заблужденія, гдѣ ея излишествомъ нарушалось внутреннее равновѣсіе духа. Такъ Тертуліанъ, можетъ быть самый краснорѣчивый изъ богословскихъ писателей Рима, особенно поражаетъ своею блестящею логикою, наружною связностію своихъ положеній; многія изъ его произведеній навсегда остаются украшеніемъ Церкви, хотя самое излишество логической способности, или, лучше сказать, ея отдѣленность отъ другихъ силъ разума увлекла его въ ту крайность, гдѣ его ученіе уже оторвалось отъ ученія чисто-Христіанскаго. Счастливѣе былъ его знаменитый ученикъ, Св. Кипріанъ, хотя не менѣе его замѣчателенъ особенностію своей логической силы. Но ни одинъ, можетъ быть, изъ древнихъ и новыхъ Отцевъ Церкви не отличался столько любовію къ логическому сцѣпленію истинъ, какъ Блаженный Августинъ, по преимуществу называемый Учителемъ Запада. Нѣкоторыя сочиненія его являются какъ бы одна, изъ кольца въ кольцо неразрывно

сомкнутая, желѣзная цѣпь силлогизмовъ. Отъ того, можетъ быть, иногда увлекался онъ слишкомъ далеко, за наружною стройностію не замѣчая внутреннюю односторонность мысли, такъ, что въ послѣдніе годы своей жизни долженъ былъ самъ писать опроверженіе нѣкоторыхъ изъ своихъ прежнихъ утвержденій.

Но если эта особенная приверженность Римскаго міра къ наружному сцѣпленію понятій была небезопасна для Римскихъ богослововъ еще въ то время, когда Римская Церковь была живою частію Церкви Вселенской, когда общее сознаніе всего Православнаго міра удерживало каждую особенность въ законномъ равновѣсіи,—то понятно, что, послѣ отдѣленія Рима, эта особенность Римскаго ума должна была взять рѣшительный перевѣсъ въ характерѣ ученія Римскихъ богослововъ. Можетъ быть даже, эта Римская особенность, эта оторванная разсудочность, эта излишняя склонность къ наружному сцѣпленію понятій, была одною изъ главнѣйшихъ причинъ самаго отпаденія Рима. Конечно, не мѣсто здѣсь разбирать ни причины, ни обстоятельства этого отпаденія,—Римскій ли духъ преобладанія былъ тайнымъ побужденіемъ главныхъ дѣятелей, или другія причины: всѣ предположенія могутъ быть подвержены спору; но не подверженъ сомнѣнію самый предлогъ отпаденія: новое прибавленіе догмата къ прежнему символу, прибавленіе, которое, противъ древняго преданія и общаго сознанія Церкви, оправдывалось единственно логическими выводами Западныхъ богослововъ.

Мы потому особенно упоминаемъ здѣсь объ этомъ обстоятельствѣ, что оно лучше другихъ можетъ намъ объяснить характеръ Западной образованности, гдѣ Римская отрѣшенная разсудочность уже съ 9-го вѣка проникла въ самое ученіе богослововъ, разрушивъ своею односторонностію гармоническую цѣльность внутренняго умозрѣнія.

Съ этой точки зрѣнія для насъ становится понятнымъ, почему Западные богословы, со всею разсудочною добросовѣстностію, могли не видать единства Церкви иначе, какъ въ наружномъ единствѣ епископства; почему наружнымъ дѣламъ человѣка могли они приписывать существенное достоинство; почему, при внутренней готовности души и при недостаткѣ этихъ наружныхъ дѣлъ, не понимали они для нея другаго средства спасенія, кромѣ опредѣленнаго срока чистилища; почему, на-

конецъ, могли они приписывать нѣкоторымъ людямъ даже избытокъ достоинства наружныхъ дѣлъ и вмѣнять этотъ избытокъ недостатку другихъ, тоже за какія нибудь наружныя дѣйствія, совершенныя для внѣшней пользы Церкви.

Такимъ образомъ, подчинивъ вѣру логическимъ выводамъ разсудка, Западная Церковь еще въ 9-мъ вѣкѣ положила внутри себя неминуемое сѣмя реформаціи, которая поставила ту же Церковь передъ судомъ того же логическаго разума, ею самою возвышеннаго надъ общимъ сознаніемъ Церкви Вселенской: и тогда еще мыслящій человѣкъ могъ уже увидѣть Лютера изъ-за папы Николая 1-го, какъ, по словамъ Римскихъ католиковъ, мыслящій человѣкъ XVI вѣка могъ уже изъ-за Лютера предвидѣть Штрауса.

Очевидно, что та же нравственная причина, тотъ же перевѣсъ логической односторонности, который произвелъ ученіе о необходимости наружнаго единства Церкви, долженъ былъ породить и ученіе о непогрѣшаемости ея видимой главы. Это было прямымъ слѣдствіемъ того особеннаго характера образованности, который начиналъ господствовать въ Западномъ мірѣ. Изъ этой же причины общаго состоянія умовъ въ Европѣ произошло и то обстоятельство, что Франкскій императоръ могъ предложить, а Римскій архіерей могъ принять свѣтское владычество въ своей эпархіи. Потомъ, по той же логической причинѣ, должно было полудуховное владычество папы распространиться надъ всѣми правителями Запада и породить все устройство, такъ называемой, Святой Римской Имперіи, и весь характеръ историческаго развитія среднихъ вѣковъ, гдѣ свѣтская власть безпрестанно смѣшивалась съ духовною и безпрестанно боролась съ нею, взаимно приготовляя одна другой мѣсто для будущаго паденія во мнѣніи народномъ, между тѣмъ, какъ въ то же время, внутри человѣка Западнаго, происходила тоже борьба между вѣрою и разумомъ, между преданіемъ и личнымъ самомнѣніемъ; и какъ духовная власть Церкви искала себѣ основанія въ силѣ свѣтской, такъ духовное убѣжденіе умовъ Западныхъ искало себѣ основанія въ разсудочномъ силлогизмѣ.

Такъ искусственно устроивъ себѣ наружное единство, поставивъ надъ собою одну единую главу, соединившую власть духовную и свѣтскую, Церковь Западная произвела раздвоеніе въ своей духовной дѣятельности, въ своихъ внутреннихъ инте-

ресахъ и въ внѣшнихъ своихъ отношеніяхъ къ міру. Двойная башня, которая обыкновенно возвышается надъ католическимъ костеломъ, можетъ служить символомъ этого раздвоенія.

Между тѣмъ свѣтскіе правители, подчинившіеся главенству тривѣнчаннаго правителя Церкви, сомкнули такимъ образомъ феодальное устройство, такъ называемой, Святой Римской Имперіи. Можетъ быть, это былъ единственный разумный исходъ общественной жизни народовъ, которыхъ государственное устройство возникло изъ завоеванія. Ибо непримиримая борьба двухъ спорящихъ племенъ, угнетавшаго и угнетеннаго, произвела на все развитіе ихъ исторіи постоянную ненависть сословій, неподвижно другъ противъ друга стоящихъ, съ своими враждебными правами, съ исключительными преимуществами одного, съ глубокимъ недовольствомъ и безконечными жалобами другаго, съ упорною завистію возникшаго между ними средняго, съ общимъ и вѣчно болѣзненнымъ колебаніемъ ихъ относительнаго перевѣса, изъ котораго рождались наружныя, формальныя и насильственныя условія примиренія, которыми всѣ стороны оставались недовольными и которыя могли получить нѣкоторое утвержденіе въ сознаніи общественномъ только изъ начала, внѣ государства находящагося. Между тѣмъ, чѣмъ менѣе было правъ для сословія, происшедшаго отъ племени завоеваннаго, тѣмъ менѣе было правомѣрности и въ понятіяхъ сословія, происшедшаго отъ завоевателей. Каждая благородная личность стремилась сдѣлаться сама верховнымъ закономъ своихъ отношеній къ другимъ. Мысль объ общей государственности или народности не могла проникнуть въ ихъ независимое сердце, со всѣхъ сторонъ защищенное желѣзомъ и гордостію. Только ими же изобрѣтенныя и добровольно установленныя правила внѣшнихъ формальныхъ отношеній могли подчинить себѣ ихъ самоуправный произволъ. Такимъ образомъ, законы чести хотя родились изъ потребности времени, какъ единственно возможная замѣна закона при совершенной беззаконности, однакоже характеромъ своимъ обличаютъ такую односторонность общественнаго быта, такую крайнюю внѣшность и формальность личныхъ отношеній, и такое забвеніе ихъ существенной стороны, что, взятые отдѣльно отъ всей жизни Европейской, они одни могли бы служить полнымъ зеркаломъ всего развитія Западной общественности.

Каждый благородный рыцарь, внутри своего замка, былъ

отдѣльное государство. Потому, и отношенія между благородными лицами могли имѣть только внѣшній, формальный характеръ. Такой же внѣшній, формальный характеръ должны были носить и отношенія ихъ къ другимъ сословіямъ. Потому, и развитіе права гражданскаго въ Западныхъ государствахъ получило тотъ же смыслъ внѣшней, спорно-буквальной формальности, какой лежалъ въ самой основѣ общественныхъ отношеній. Римское право, еще продолжавшее жить и дѣйствовать въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ городахъ Европы, еще болѣе укрѣпило это направленіе внѣшней формальности въ Европейской юриспруденціи. Ибо Римское право имѣетъ тотъ же внѣшній формальный характеръ, за наружною буквою формы забывающій внутреннюю справедливость; можетъ быть потому, что и Римская общественная жизнь также развилась изъ постоянной борьбы двухъ противоположныхъ народностей, насильственно въ одну государственность втѣсненныхъ.

Этимъ объясняется между прочимъ, отъ чего, чужое для Европейскихъ народовъ, Римское право такъ легко могло привиться къ нимъ, исключая тѣ немногія страны, гдѣ общественность возникла не изъ завоеванія, и которыя потому обѣщаютъ болѣе цѣльное развитіе въ будущемъ.

Но, начавшись насиліемъ, государства Европейскія должны были развиваться переворотами, ибо развитіе государства есть не что иное, какъ раскрытіе внутреннихъ началъ, на которыхъ оно основано. Потому Европейскія общества, основанныя насиліемъ, связанныя формальностію личныхъ отношеній, проникнутыя духомъ односторонней разсудочности, должны были развить въ себѣ не общественный духъ, но духъ личной отдѣленности, связываемой узлами частныхъ интересовъ и партій. Отъ чего исторія Европейскихъ государствъ хотя представляетъ намъ иногда внѣшніе признаки процвѣтанія жизни общественной, — но, въ самомъ дѣлѣ, подъ общественными формами скрывались постоянно однѣ частныя партіи, для своихъ частныхъ цѣлей и личныхъ системъ забывавшія о жизни цѣлаго государства. Партіи папскія, партіи императорскія, партіи городскія, партіи церковныя, придворныя, личныя, правительственныя, религіозныя, политическія, народныя, среднесословныя, даже партіи метафизическія,—постоянно боролись въ Европейскихъ государствахъ, стараясь каждая перевернуть его устройство, согласно своимъ личнымъ цѣлямъ. Потому, раз-

витіе въ государствахъ Европейскихъ совершалось не спокойнымъ возрастаніемъ, но всегда посредствомъ болѣе или менѣе чувствительнаго переворота. Переворотъ былъ условіемъ всякаго прогресса, покуда самъ сдѣлался уже не средствомъ къ чему-нибудь, но самобытною цѣлью народныхъ стремленій.

Очевидно, что, при такихъ условіяхъ, образованность Европейская должна была окончиться разрушеніемъ всего умственнаго и общественнаго зданія, ею же самою воздвигнутаго.

Однакоже, это распаденіе разума на частныя силы, это преобладаніе разсудочности надъ другими дѣятельностями духа, которое въ послѣдствіи должно было разрушить все зданіе Европейской средневѣковой образованности, въ началѣ имѣло дѣйствіе противное и произвело тѣмъ быстрѣйшее развитіе, чѣмъ оно было одностороннѣе. Таковъ законъ уклоненія человѣческаго разума: наружность блеска, при внутреннемъ потемнѣніи.

Еще быстрѣе совершилось развитіе образованности Арабской, ибо оно было еще одностороннѣе, хотя имѣло то же отвлеченно-разсудочное направленіе, какое приняла и средневѣковая Европа. Но просвѣщенію Магометанскому легче было обратить въ логическую формальность свои основныя убѣжденія, чѣмъ просвѣщенію Христіанскому, существенно живому и цѣльному. Систематическая связь отвлеченныхъ понятій была высшею цѣлью, до которой могло достигнуть умственное самосознаніе Магометанина, и которая лежала, можно сказать, въ самомъ основаніи его вѣры. Ибо, требуя отъ него только отвлеченнаго признанія нѣкоторыхъ историческихъ фактовъ и метафизическаго признанія единства Божества, она притомъ не требовала отъ него внутренней цѣльности самопознанія, но спокойно оставляла распавшуюся натуру человѣка въ ея непримиренной раздвоенности; она не указывала ему высшей цѣли бытія, но, напротивъ, указывала ему состояніе грубо-чувственныхъ наслажденій, не только какъ лучшую награду для здѣшней жизни, но даже какъ высшую цѣль будущей. Потому все, до чего могла доходить умственная потребность Магометанина, заключалось въ потребности отвлеченнаго логическаго единства, въ наружномъ порядкѣ его мыслей и систематической правильности ихъ взаимныхъ отношеній. Крайняя метафизическая задача, которую могла предлагать себѣ любознательность Магометанская,—эта, такъ сказать, поэзія Магометанскаго любо-

мудрія,—заключалась въ составленіи видимыхъ формулъ для невидимой дѣятельности міра духовнаго: въ отысканіи талисманической связи между законами міра надзвѣзднаго и законами міра подлуннаго. Отсюда ихъ страсть къ логикѣ, отсюда ихъ астрологія, алхимія, хиромантія, и всѣ ихъ отвлеченно-разсудочныя и чувственно-духовныя науки. Отсюда также объясняется, почему Арабы хотя получили начало своей умственной образованности отъ Сирійскихъ Грековъ, хотя находились въ близкихъ сношеніяхъ съ Византіею, однакоже на ходъ просвѣщенія Греческаго не имѣли почти никакого вліянія. Но на Западную Европу произвели они тѣмъ сильнѣйшее дѣйствіе, что принесли туда весь блескъ своего процвѣтанія наукъ въ то время, когда Европа находилась въ состояніи почти совершеннаго невѣжества. Своимъ отвлеченно-логическимъ направленіемъ учености они, безъ сомнѣнія, содѣйствовали также къ усиленію этого же направленія въ просвѣщеніи Европейскомъ, — примѣшавъ только, на нѣкоторое время, къ господствующему теченію Европейскаго мышленія, разноцвѣтную струю своихъ талисманическихъ умозрѣній. Они первые познакомили Латинскихъ богослововъ съ твореніями Аристотеля, которыя въ первый разъ сдѣлались извѣстны имъ въ переводѣ съ Арабскаго, вмѣстѣ съ Арабскими толкованіями;—такъ мало знакома имъ была Греческая образованность.

Аристотель, никогда не понятый вполнѣ, но до безконечности изучаемый въ частностяхъ, былъ, какъ извѣстно, душою схоластики, которая, въ свою очередь, была представительницею всего умственнаго развитія тогдашней Европы и самымъ яснымъ его выраженіемъ.

Схоластика была не что иное, какъ стремленіе къ наукообразному богословію. Ибо богословіе было тогда и высшею цѣлью и главнымъ источникомъ всякаго знанія. Задача схоластики состояла въ томъ, чтобы не только связать понятія богословскія въ разумную систему, но и подложить подъ нихъ разсудочно-метафизическое основаніе. Главными орудіями для того были творенія Блаженнаго Августина и логическія сочиненія Аристотеля. Высшее университетское развитіе заключалось въ діалектическихъ словопреніяхъ о предметахъ вѣры. Знаменитѣйшіе богословы старались выводить ея догматы изъ своихъ логическихъ умозаключеній. Начиная отъ Шотландца Ерригена до XVI вѣка, можетъ быть, не было ни одного изъ нихъ, кото-

рый бы не пытался свое убѣжденіе о бытіи Божіемъ поставить на остріе какого нибудь искусно выточеннаго силлогизма. Ихъ громадные труды были наполнены отвлеченныхъ тонкостей, логически сплетенныхъ изъ голо-разсудочныхъ понятій. Самыя несущественныя стороны мышленія были для нихъ предметомъ науки, причиною партій, цѣлью жизни.

Не отвлеченные споры номиналистовъ и реалистовъ, не странныя пренія о Евхаристіи, о благодати, о рожденіи Пресвятой Дѣвы и тому подобныхъ предметахъ, могутъ дать настоящее понятіе о духѣ схоластики и о состояніи умовъ того времени: но всего яснѣе выражаетъ ихъ тò именно, чтò въ этихъ спорахъ составляло главный предметъ вниманія и занимало мышленіе ученѣйшихъ философовъ:—т. е., составленіе произвольныхъ вопросовъ о несбыточныхъ предположеніяхъ, и разборъ всѣхъ возможныхъ доводовъ въ пользу и противъ нихъ.

Такая безконечная, утомительная игра понятій въ продолженіе семи сотъ лѣтъ, этотъ безполезный, передъ умственнымъ зрѣніемъ безпрестанно вертящійся калейдоскопъ отвлеченныхъ категорій, должны были неминуемо произвести общую слѣпоту къ тѣмъ живымъ убѣжденіямъ, которыя лежатъ выше сферы разсудка и логики; къ убѣжденіямъ, до которыхъ человѣкъ доходитъ не путемъ силлогизмовъ, но, напротивъ, стараясь основать ихъ на силлогистическомъ выводѣ, только искажаетъ ихъ правду, когда не уничтожаетъ ее совершенно.

Живое, цѣльное пониманіе внутренней, духовной жизни и живое, непредупрежденное созерцаніе внѣшней природы равно изгонялись изъ оцѣпленнаго круга Западнаго мышленія, первое подъ именемъ „мистики", — по натурѣ своей ненавистной для схоластической разсудочности (сюда относилась и та сторона ученія Православной Церкви, которая не согласовалась съ Западными системами);—второе преслѣдовалось прямо подъ именемъ „безбожія" (сюда относились тѣ открытія въ наукахъ, которыя разнорѣчили съ современнымъ понятіемъ богослововъ). Ибо схоластика сковала свою вѣру съ своимъ тѣснымъ разумѣніемъ науки въ одну неразрывную судьбу.

Потому, когда со взятіемъ Константинополя, свѣжій, неиспорченный воздухъ Греческой мысли повѣялъ съ Востока на Западъ, и мыслящій человѣкъ на Западѣ вздохнулъ легче и свободнѣе, то все зданіе схоластики мгновенно разрушилось. Однакоже, слѣды схоластической односторонности остались на

умахъ, ею воспитанныхъ. Предметъ мышленія сталъ другой, и направленіе иное; но тотъ же перевѣсъ разсудочности и та же слѣпота къ живымъ истинамъ сохранились почти по прежнему.

Поучительный примѣръ тому представляетъ самъ знаменитый родоначальникъ новѣйшей философіи. Онъ думалъ, что рѣшительно сбросилъ съ себя узы схоластики; однако, не чувствуя того самъ, до того еще оставался запутанъ ими, что, не смотря на все свое геніальное разумѣніе формальныхъ законовъ разума, былъ такъ странно слѣпъ къ живымъ истинамъ, что свое внутреннее, непосредственное сознаніе о собственномъ своемъ бытіи почиталъ еще неубѣдительнымъ, покуда не вывелъ его изъ отвлеченнаго силлогистическаго умозаключенія! И этотъ примѣръ тѣмъ замѣчательнѣе, что не былъ личною особенностію философа, но выразилъ общее направленіе умовъ. Ибо логическій выводъ Декарта не остался его исключительною собственностію, но былъ принятъ съ восторгомъ и сдѣлался основаніемъ мышленія для большей части новѣйшихъ философовъ, почти до половины XVIII вѣка.—Можетъ быть, еще и теперь есть глубокомысленные люди, которые утверждаютъ на немъ несомнѣнность своего бытія и успокоиваютъ такимъ образомъ свою образованную потребность твердыхъ убѣжденій. По крайней мѣрѣ, пишущій эти строки еще живо помнитъ ту эпоху въ собственной своей жизни, когда подобный процессъ искусственнаго мышленія сладостно утолялъ для него жажду умственнаго успокоенія.

Я не говорю уже о той особенности Декарта, что, увлеченный строгою необходимостью своихъ умозаключеній, онъ добродушно могъ убѣдиться въ томъ, что всѣ животныя, выключая человѣка, суть только наружныя машины, искусно построенныя Создателемъ, и, не имѣя сознанія, не чувствуютъ ни боли, ни удовольствія.

Неудивительно послѣ того, что его ученикъ и преемникъ въ господствѣ философскаго развитія, знаменитый Спиноза, могъ такъ искусно и такъ плотно сковать разумные выводы о первой причинѣ, о высшемъ порядкѣ и устройствѣ всего мірозданія, что сквозь эту сплошную и неразрывную сѣть теоремъ и силлогизмовъ не могъ во всемъ созданіи разглядѣть слѣдовъ Живаго Создателя, ни въ человѣкѣ замѣтить его внутренней свободы. Тотъ же избытокъ логической разсудочности скрылъ отъ великаго Лейбница, за умственнымъ сцѣпленіемъ

его отвлеченныхъ понятій, очевидное сцѣпленіе причины и дѣйствія, и для объясненія ихъ заставилъ его предположить свою Предустановленную Гармонію, — которая, впрочемъ, поэзіей своей основной мысли восполняетъ нѣсколько ея односторонность.

Я говорю: поэзія мысли восполняетъ нѣсколько ея односторонность; ибо думаю, что когда къ достоинству логическому присоединяется достоинство изящное, или нравственное, то уже этимъ соединеніемъ силъ самъ разумъ возвращается болѣе или менѣе къ своей первобытной полнотѣ и потому приближается къ истинѣ.

Нужно ли продолжать исчисленіе послѣдующихъ представителей Западной философіи, чтобы, припоминая ихъ системы, убѣдиться въ общей односторонности Западнаго направленія? Нужно ли напоминать, какъ Юмъ—этотъ прямой и неминуемый результатъ другой вѣтви Западнаго любомудрія, послѣдователь Бакона, Локка и однородныхъ съ ними мыслителей, — безпристрастный Юмъ, силою безпристрастнаго разума, доказалъ, что въ мірѣ не существуетъ никакой истины, и правда и ложь подвержены одинакому сомнѣнію? Какъ знаменитый Кантъ, возбужденный Юмомъ и приготовленный Нѣмецкою школою, изъ самыхъ законовъ чистаго разума вывелъ неоспоримое доказательство, что для чистаго разума никакихъ доказательствъ о высшихъ истинахъ не существуетъ?

Отсюда, можетъ быть, оставался одинъ шагъ до правды; — но Западный міръ тогда еще не созрѣлъ для нея.

Изъ системы Канта развилась одна отвлеченная сторона въ системѣ Фихте, который удивительнымъ построеніемъ силлогизмовъ доказалъ, что весь внѣшній міръ есть только мнимый призракъ воображенія, и что существуетъ въ самомъ дѣлѣ только одно саморазвивающееся *Я*.—Отсюда Шеллингъ развилъ противоположную сторону гипотезы, т. е., что хотя внѣшній міръ дѣйствительно существуетъ, но душа міра есть не что иное, какъ это человѣческое *Я*, развивающееся въ бытіи вселенной для того только, чтобы сознать себя въ человѣкѣ. Гегель еще болѣе укрѣпилъ и распространилъ ту же систему саморазвитія человѣческаго самосознанія. Между тѣмъ, углубившись болѣе, чѣмъ кто либо прежде, въ самые законы логическаго мышленія, онъ, силою своей необыкновенной, громадной геніальности, довелъ ихъ до послѣдней полноты и ясности результатовъ, и

тѣмъ далъ возможность тому же Шеллингу доказать односторонность всего логическаго мышленія. Такимъ образомъ, Западная философія теперь находится въ томъ положеніи, что ни далѣе идти по своему отвлеченно-раціональному пути она уже не можетъ, ибо сознала односторонность отвлеченной раціональности; ни проложить себѣ новую дорогу не въ состояніи, ибо вся сила ея заключалась въ развитіи именно этой, отвлеченной раціональности *).

Между тѣмъ, въ то же время, какъ Римское богословіе развивалось посредствомъ схоластической философіи, писатели Восточной Церкви, не увлекаясь въ односторонность силлогистическихъ построеній, держались постоянно той полноты и цѣльности умозрѣнія, которыя составляютъ отличительный признакъ Христіанскаго любомудрія. Ибо не надобно забывать, что все современное просвѣщеніе тогда сосредоточивалось въ Византіи. Древніе писатели Христіанскіе и языческіе, и особенно писатели - философы, были коротко знакомы образованнымъ Грекамъ, — и очевидные слѣды ихъ основательнаго изученія видны въ большей части духовныхъ твореній, до самой половины XV вѣка; между тѣмъ, какъ Западъ, необразованный и, можно даже сказать, невѣжественный сравнительно съ Византіей, до самаго почти XIV вѣка обращался въ своемъ мышленіи почти единственно въ кругу однихъ Латинскихъ писателей, за исключеніемъ только немногихъ Греческихъ. Только въ половинѣ XIV вѣка основана была первая ученая академія въ Италіи знаменитымъ монахомъ Варлаамомъ, учителемъ Петрарки, — тѣмъ самымъ несчастнымъ предателемъ Православной Церкви, который, заразившись Западною увѣренностію въ своей логической разумности, отвергалъ нѣкоторые, непонятные ему, догматы Христіанскаго ученія и былъ за то осужденъ Константинопольскимъ соборомъ и изгнанъ изъ Греціи съ безчестіемъ: но за то—тѣмъ съ большею честію принятъ въ Италіи.

Аристотель, безъ всякаго сомнѣнія, былъ лучше и основательнѣе извѣстенъ Грекамъ, чѣмъ Латинянамъ, хотя, можетъ быть, безъ тѣхъ дополненій, которыми обогатили его Арабскіе и Латинскіе ученые, и которыя, до самаго паденія схоластическаго воспитанія въ Европѣ, составляли необходимое условіе

---

*) См. мои статьи: *О современномъ состояніи просвѣщенія*, въ 1-мъ и 2-мъ №№ Москвит. 1845 года.

всякаго развитія ума на Западѣ. Однакоже, въ Греческихъ мыслителяхъ не только не видимъ мы особаго пристрастія къ Аристотелю, но, напротивъ того, въ большей части изъ нихъ замѣчаемъ явное предпочтеніе Платона; — не потому, конечно, чтобы Христіанскіе мыслители усвоивали себѣ языческія понятія того или другаго; но потому, вѣроятно, что самый способъ мышленія Платона представляетъ болѣе цѣльности въ умственныхъ движеніяхъ, болѣе теплоты и гармоніи въ умозрительной дѣятельности разума. Отъ того, почти то же отношеніе, какое мы замѣчаемъ между двумя философами древности, существовало и между философіей Латинскаго міра, какъ она вырабатывалась въ схоластикѣ, и тою духовною философіей, которую находимъ въ писателяхъ Церкви Восточной, особенно ясно выраженную въ Св. Отцахъ, жившихъ послѣ Римскаго отпаденія.

Достойно замѣчанія, что эта духовная философія Восточныхъ Отцевъ Церкви, писавшихъ послѣ X вѣка, — философія прямо и чисто Христіанская, глубокая, живая, возвышающая разумъ отъ разсудочнаго механизма къ высшему, нравственно свободному умозрѣнію,—философія, которая даже и для невѣрующаго мыслителя могла бы быть поучительною, по удивительному богатству и глубинѣ и тонкости своихъ психологическихъ наблюденій,—не смотря однакоже на всѣ свои достоинства (я говорю здѣсь единственно о достоинствахъ умозрительныхъ, оставляя въ сторонѣ значеніе богословское), была такъ мало доступна разсудочному направленію Запада, что не только никогда не была оцѣнена Западными мыслителями, но, что еще удивительнѣе, до сихъ поръ осталась имъ почти вовсе неизвѣстною. По крайней мѣрѣ, ни одинъ философъ, ни одинъ историкъ философіи, не упоминаетъ объ ней, хотя въ каждой исторіи философіи находимъ мы длинные трактаты о философіи Индѣйской, Китайской и Персидской. Самыя творенія Восточныхъ писателей оставались долго неизвѣстными въ Европѣ; многія до сихъ поръ еще остаются незнакомы имъ; другія хотя извѣстны, но оставлены безъ вниманія, ибо не были поняты; иныя изданы еще весьма недавно, и тоже не оцѣнены. Нѣкоторые богословскіе писатели Запада хотя и упоминали о нѣкоторыхъ особенностяхъ писателей Восточныхъ, но такъ мало могли постигать эту особенность, что изъ ихъ словъ часто должно вывести заключеніе, прямо противоположное истинѣ.

Наконецъ, ни въ одномъ почти изъ богословскихъ писателей Запада незамѣтно живаго слѣда того вліянія, которое необходимо должны бы были оставить на нихъ писанія Восточной Церкви, если бы они были извѣстны имъ хотя въ половину противъ того, какъ имъ извѣстны были писатели древне-языческіе. — Изъ этого должно исключить, можетъ быть, одного Ѳому Кемпійскаго,—или Герсона,—если только книга, имъ приписываемая, принадлежитъ дѣйствительно имъ и не есть, какъ нѣкоторые полагаютъ, переводъ съ Греческаго, передѣланный нѣсколько по Латинскимъ понятіямъ.

Конечно, въ писателяхъ Восточной Церкви, жившихъ послѣ отдѣленія Римской, нельзя искать ничего новаго относительно Христіанскаго ученія; ничего такого, что бы не находилось въ писателяхъ первыхъ вѣковъ. Но въ томъ-то и заключается ихъ достоинство; въ томъ-то, скажу, и особенность ихъ, что они сохраняли и поддержали во всей чистотѣ и полнотѣ ученіе существенно-Христіанское, и, держась постоянно въ самомъ, такъ сказать, средоточіи истиннаго убѣжденія, отсюда могли яснѣе видѣть и законы ума человѣческаго, и путь, ведущій его къ истинному знанію, и внѣшніе признаки, и внутреннія пружины его разновидныхъ уклоненій.

Впрочемъ, и древніе Отцы Церкви, жившіе еще до отдѣленія Рима и, слѣдовательно, равно признаваемые Востокомъ и Западомъ, не всегда одинаково понимались на Западѣ и на Востокѣ. Это различіе могло произойти отъ того, что Востоку всегда были вполнѣ извѣстны *всѣ* писатели и учители Вселенской Церкви; Западнымъ же ученымъ были знакомы преимущественно Латинскіе и только нѣкоторые изъ Греческихъ писателей, на которыхъ они тоже смотрѣли сквозь готовыя уже понятія, почерпнутыя ими у Римскихъ учителей. Отъ того и въ новѣйшія времена, когда они уже короче познакомились съ Греческою литературою, то все еще невольно продолжали смотрѣть на нее сквозь тоже ограниченное окно, если не съ цвѣтными, то съ тусклыми стеклами. Этимъ только можно объяснить себѣ, какимъ образомъ они могли такъ долго удержаться въ односторонности своего разсудочнаго направленія, которое, иначе, должно бы было разрушиться отъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ древнихъ Отцевъ Церкви. Сохраняя же свою односторонность, они или не замѣчали, или иногда даже вовсе не знали тѣхъ изъ древнихъ писателей, въ которыхъ особенно выража-

лась сторона, прямо противоположная этой ограниченности, и самодовольно отвергали ее, подъ названіемъ мистики!

Отсюда, кромѣ различія понятій, на Востокѣ и Западѣ происходитъ еще различіе и въ самомъ *способѣ* мышленія богословско-философскомъ. Ибо, стремясь къ истинѣ умозрѣнія, Восточные мыслители заботятся прежде всего о правильности внутренняго состоянія мыслящаго духа; Западные—болѣе о внѣшней связи понятій. Восточные, для достиженія полноты истины, ищутъ внутренней цѣльности разума: того, такъ сказать, средоточія умственныхъ силъ, гдѣ всѣ отдѣльныя дѣятельности духа сливаются въ одно живое и высшее единство. Западные, напротивъ того, полагаютъ, что достиженіе полной истины возможно и для раздѣлившихся силъ ума, самодвижно дѣйствующихъ въ своей одинокой отдѣльности. Однимъ чувствомъ понимаютъ они нравственное; другимъ—изящное; полезное—опять особымъ смысломъ; истинное понимаютъ они отвлеченнымъ разсудкомъ,—и ни одна способность не знаетъ, что дѣлаетъ другая, покуда ея дѣйствіе совершится. Каждый путь, какъ предполагаютъ они, ведетъ къ послѣдней цѣли, прежде чѣмъ всѣ пути сойдутся въ одно совокупное движеніе. Безчувственный холодъ разсужденія и крайнее увлеченіе сердечныхъ движеній почитаютъ они равно законными состояніями человѣка; и когда, въ XIV вѣкѣ, узнали ученые Запада о стремленіи Восточныхъ созерцателей: сохранять безмятежность внутренней цѣльности духа,—то издѣвались надъ этою мыслію, изобрѣтая для нея всякаго рода насмѣшливыя прозванія. Правда, они употребляютъ иногда тѣ же выраженія, какія и Восточные, говоря о „внутреннемъ сосредоточеніи духа“, о „собраніи ума въ себѣ“, и тому подобное; но подъ этими словами обыкновенно разумѣютъ они другое: не сосредоточеніе, не собраніе, не цѣльность внутреннихъ силъ, а только ихъ крайнее напряженіе. Вообще можно сказать, что центръ духовнаго бытія ими не ищется. Западный человѣкъ не понимаетъ той живой совокупности высшихъ умственныхъ силъ, гдѣ ни одна не движется безъ сочувствія другихъ; того равновѣсія внутренней жизни, которое отличаетъ даже самыя наружныя движенія человѣка, воспитаннаго въ обычныхъ преданіяхъ Православнаго міра: ибо есть въ его движеніяхъ, даже въ самые крутые переломы жизни, что-то глубоко спокойное, какая-то неискусственная мѣрность, достоинство и вмѣстѣ смиреніе, свидѣтель-

ствующія о равновѣсіи духа, о глубинѣ и цѣльности обычнаго самосознанія. Европеецъ, напротивъ того, всегда готовый къ крайнимъ порывамъ, всегда суетливый, — когда не театральный,—всегда безпокойный въ своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ движеніяхъ, только преднамѣреннымъ усиліемъ можетъ придать имъ искусственную соразмѣрность.

Ученія Св. Отцевъ Православной Церкви перешли въ Россію, можно сказать, вмѣстѣ съ первымъ благовѣстомъ Христіанскаго колокола. Подъ ихъ руководствомъ, сложился и воспитался коренной Русскій умъ, лежащій въ основѣ Русскаго быта.

Обширная Русская земля, даже во времена раздѣленія своего на мелкія княжества, всегда сознавала себя какъ одно живое тѣло и не столько въ единствѣ языка находила свое притягательное средоточіе, сколько въ единствѣ убѣжденій, происходящихъ изъ единства вѣрованія въ церковныя постановленія. Ибо ея необозримое пространство было все покрыто, какъ бы одною непрерывною сѣтью, неисчислимымъ множествомъ уединенныхъ монастырей, связанныхъ между собою сочувственными нитями духовнаго общенія. Изъ нихъ единообразно и единомысленно разливался свѣтъ сознанія и науки во всѣ отдѣльныя племена и княжества. Ибо не только духовныя понятія народа изъ нихъ исходили, но и всѣ его понятія нравственныя, общежительныя и юридическія, переходя черезъ ихъ образовательное вліяніе, опять отъ нихъ возвращались въ общественное сознаніе, принявъ одно, общее направленіе. Безразлично составляясь изо всѣхъ классовъ народа, изъ высшихъ и низшихъ ступеней общества, духовенство, въ свою очередь, во всѣ классы и ступени распространяло свою высшую образованность, почерпая ее прямо изъ первыхъ источниковъ, изъ самаго центра современнаго просвѣщенія, который тогда находился въ Царьградѣ, Сиріи и на Святой Горѣ. И образованность эта такъ скоро возрасла въ Россіи, и до такой степени, что и теперь даже она кажется намъ изумительною, когда мы вспомнимъ, что нѣкоторые изъ удѣльныхъ князей XII и XIII вѣка уже имѣли такія библіотеки, съ которыми многочисленностію томовъ едва могла равняться, первая тогда на Западѣ, библіотека Парижская *); что многіе изъ нихъ говорили на Греческомъ и Латинскомъ языкѣ также свободно, какъ на Рус-

*) См. Шлецера прим. на Нестора, томъ 1.

скомъ, а нѣкоторые знали притомъ и другіе языки Европейскіе *); что въ нѣкоторыхъ, уцѣлѣвшихъ до насъ, писаніяхъ XV вѣка **) мы находимъ выписки изъ Русскихъ переводовъ такихъ твореній Греческихъ, которыя не только не были извѣстны Европѣ, но даже въ самой Греціи утратились послѣ ея упадка и, только въ недавнее время и уже съ великимъ трудомъ, могли быть открыты въ неразобранныхъ сокровищницахъ Аѳона; что въ уединенной тишинѣ монашескихъ келлій, часто въ глуши лѣсовъ, изучались и переписывались, и до сихъ поръ еще уцѣлѣли въ старинныхъ рукописяхъ, Словенскіе переводы тѣхъ Отцевъ Церкви, которыхъ глубокомысленныя писанія, исполненныя высшихъ богословскихъ и философскихъ умозрѣній, даже въ настоящее время едва ли каждому Нѣмецкому профессору любомудрія придутся по силамъ мудрости (хотя, можетъ быть, ни одинъ не сознается въ этомъ): наконецъ, когда мы вспомнимъ, что эта Русская образованность была такъ распространена, такъ крѣпка, такъ развита, и потому пустила такіе глубокіе корни въ жизнь Русскую, что, не смотря на то, что уже полтораста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ монастыри наши перестали быть центромъ просвѣщенія; не смотря на то, что вся мыслящая часть народа, своимъ воспитаніемъ и своими понятіями, значительно уклонилась, а въ нѣкоторыхъ и совсѣмъ отдѣлилась отъ прежняго Русскаго быта, изгладивъ даже и память объ немъ изъ сердца своего:—этотъ Русскій бытъ, созданный по понятіямъ прежней образованности и проникнутый ими, еще уцѣлѣлъ, почти неизмѣненно, въ низшихъ классахъ народа: онъ уцѣлѣлъ,—хотя живетъ въ нихъ уже почти безсознательно, уже въ одномъ обычномъ преданіи, уже несвязанный господствомъ образующей мысли, уже не оживляющійся, какъ въ старину, единомысленными воздѣйствіями высшихъ классовъ общества, уже не проникающійся, какъ прежде, вдохновительнымъ сочувствіемъ со всею совокупностію умственныхъ движеній отечества.

Какая же сила должна была существовать для того, чтобы

---

*) См. Истор. Русск. Словесности, Проф. Шевырева, выпускъ второй.—Эта книга, безъ сомнѣнія, одна изъ самыхъ замѣчательныхъ, вышедшихъ у насъ въ послѣднее время, должна, по вѣроятности, произвести рѣшительный переворотъ въ общемъ пониманіи нашей древней образованности.

**) См. Писанія Нила Сорскаго.

произвести такое прочное дѣйствіе?—И эта твердость быта, слѣдствіе прежней образованности, замѣчается въ томъ самомъ народѣ, который такъ легко могъ измѣнить свою образованность языческую, когда принялъ Христіанское ученіе.

Потому, этотъ Русскій бытъ и эта прежняя, въ немъ отзывающаяся, жизнь Россіи драгоцѣнны для насъ, особенно по тѣмъ слѣдамъ, которые оставили на нихъ чистыя Христіанскія начала, дѣйствовавшія безпрепятственно на добровольно покорившіяся имъ племена Словенскія. И не природныя какія нибудь преимущества Словенскаго племени заставляютъ насъ надѣяться на будущее его процвѣтаніе: нѣтъ! племенныя особенности, какъ земля, на которую падаетъ умственное сѣмя, могутъ только ускорить или замедлить его первое развитіе; онѣ могутъ сообщить ему здоровую или тощую пищу; могутъ, наконецъ, ему дать свободный ходъ на Божьемъ свѣтѣ или заглушить его чужими растеніями; но самое свойство плода зависитъ отъ свойства сѣмени.

Какое бы ни было наше мнѣніе о пришествіи Варяговъ: добровольно ли вся Русская земля призвала ихъ, или одна партія накликала на другую; но ни въ какомъ случаѣ это пришествіе не было нашествіемъ чужаго племени; ни въ какомъ случаѣ также оно не могло быть завоеваніемъ, ибо, если черезъ полтораста лѣтъ такъ легко можно было выслать ихъ изъ Россіи, или, по крайней мѣрѣ, значительную ихъ часть, то какъ же могли бы они такъ легко завоевать ее прежде? Какъ могли бы такъ безмятежно держаться въ ней противъ ея воли? *) При нихъ спокойно и естественно совершалось образованіе ея общественныхъ и государственныхъ отношеній, безъ всякихъ насильственныхъ нововведеній, единственно вслѣдствіе внутренняго устройства ея нравственныхъ понятій. Со введеніемъ же Христіанства, нравственныя понятія Русскаго человѣка измѣнились, а вмѣстѣ съ ними и его общежительныя отношенія; и потому все общественное устройство Русской земли должно было въ своемъ развитіи принять также направленіе Христіанское.

Лучшимъ выраженіемъ той готовности, съ какою Русскій человѣкъ стремился съ самаго начала осуществить въ своей

---

*) См. Москвит. 1845 г. № 3-й: *О древней Русской Исторіи*, статью моего брата, Петра Вас. Кирѣевскаго, котораго взглядъ на прежнюю Россію представляетъ, по моему мнѣнію, самую ясную картину ея первобытнаго устройства.

жизни всю полноту принятаго имъ новаго убѣжденія, можетъ служить первое, еще необдуманное (такъ прекрасно необдуманное!) желаніе Св. Владиміра: прощать всѣмъ преступникамъ. Сама Церковь первая остановила его отъ исполненія этого желанія, положивъ, такимъ образомъ, различіе между обязанностями лично-духовными и свѣтски-правительственными. Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлила она, сначала навсегда, твердыя границы между собою и государствомъ, между безусловною чистотою своихъ высшихъ началъ и житейскою смѣшанностію общественнаго устройства, всегда оставаясь внѣ государства и его мірскихъ отношеній, высоко надъ ними, какъ недосягаемый, свѣтлый идеалъ, къ которому они должны стремиться, и который самъ не смѣшивался съ ихъ земными пружинами. Управляя личнымъ убѣжденіемъ людей, Церковь Православная никогда не имѣла притязанія насильственно управлять ихъ волею, или пріобрѣтать себѣ власть свѣтски-правительственную или, еще менѣе, искать формальнаго господства надъ правительственною властію. Государство, правда, стояло Церковью: оно было тѣмъ крѣпче въ своихъ основахъ, тѣмъ связнѣе въ своемъ устройствѣ, тѣмъ цѣльнѣе въ своей внутренней жизни, чѣмъ болѣе проникалось ею. Но Церковь никогда не стремилась быть государствомъ, какъ и государство, въ свою очередь, смиренно сознавая свое мірское назначеніе, никогда не называло себя „святымъ". Ибо, если Русскую землю иногда называли: „святая Русь", то это единственно съ мыслію о тѣхъ святыняхъ мощей и монастырей и храмовъ Божіихъ, которыя въ ней находились; а не потому, чтобы ея устройство представляло сопричаніе церковности и свѣтскости, какъ устройство „Святой Римской Имперіи".

Управляя такимъ образомъ общественнымъ составомъ, какъ духъ управляетъ составомъ тѣлеснымъ, Церковь не облекала характеромъ церковности мірскихъ устройствъ, подобныхъ рыцарско-монашескимъ орденамъ, инквизиціоннымъ судилищамъ и другимъ свѣтско-духовнымъ постановленіямъ Запада; но, проникая всѣ умственныя и нравственныя убѣжденія людей, она невидимо вела государство къ осуществленію высшихъ Христіанскихъ началъ, никогда не мѣшая его естественному развитію. И духовное вліяніе Церкви на это естественное развитіе общественности могло быть тѣмъ полнѣе и чище, что никакое историческое препятствіе не мѣшало внутреннимъ

убѣжденіямъ людей выражаться въ ихъ внѣшнихъ отношеніяхъ. Неискаженная завоеваніемъ, Русская земля, въ своемъ внутреннемъ устройствѣ, не стѣснялась тѣми насильственными формами, какія должны возникать изъ борьбы двухъ ненавистныхъ другъ другу племенъ, принужденныхъ, въ постоянной враждѣ, устроивать свою совмѣстную жизнь. Въ ней не было ни завоевателей, ни завоеванныхъ. Она не знала ни желѣзнаго разграниченія неподвижныхъ сословій, ни стѣснительныхъ для одного преимуществъ другаго, ни истекающей оттуда политической и нравственной борьбы, ни сословнаго презрѣнія, ни сословной ненависти, ни сословной зависти. Она не знала, слѣдственно, и необходимаго порожденія этой борьбы: искусственной формальности общественныхъ отношеній и болѣзненнаго процесса общественнаго развитія, совершающагося насильственными измѣненіями законовъ и бурными переломами постановленій. И князья, и бояре, и духовенство, и народъ, и дружины княжескія, и дружины боярскія, и дружины городскія, и дружина земская,—всѣ классы и виды населенія были проникнуты однимъ духомъ, одними убѣжденіями, однородными понятіями, одинакою потребностію общаго блага. Могло быть разномысліе въ какомъ нибудь частномъ обстоятельствѣ; но въ вопросахъ существенныхъ — слѣдовъ разномыслія почти не встрѣчается.

Такимъ образомъ, Русское общество выросло самобытно и естественно, подъ вліяніемъ одного внутренняго убѣжденія, Церковью и бытовымъ преданіемъ воспитаннаго. Однакоже— или лучше сказать *потому* именно въ немъ не было и мечтательнаго равенства, какъ не было и стѣснительныхъ преимуществъ. Оно представляетъ не плоскость, а лѣстницу, на которой было множество ступеней; но эти ступени не были вѣчно неподвижными, ибо устанавливались естественно, какъ необходимые сосуды общественнаго организма, а не насильственно, случайностями войны, и не преднамѣренно, по категоріямъ разума.

Если бы кто захотѣлъ вообразить себѣ Западное общество феодальныхъ временъ, то не иначе могъ бы сложить объ немъ картину, какъ представивъ себѣ множество зàмковъ, укрѣпленныхъ стѣнами, внутри которыхъ живетъ благородный рыцарь съ своею семьею, вокругъ которыхъ поселена—подлая чернь. Рыцарь былъ лицо; чернь—часть его зàмка. Воинственныя

отношенія этихъ личныхъ зàмковъ между собою и ихъ отношенія къ вольнымъ городамъ, къ королю и къ Церкви,—составляютъ всю исторію Запада.

Напротивъ того, воображая себѣ Русское общество древнихъ временъ, не видишь ни зàмковъ, ни окружающей ихъ подлой черни, ни благородныхъ рыцарей, ни борющагося съ ними короля. Видишь безчисленное множество маленькихъ общинъ, по всему лицу земли Русской разселенныхъ и имѣющихъ, каждая на извѣстныхъ правахъ, своего распорядителя, и составляющихъ, каждая, свое особое согласіе, или свой маленькій міръ: эти маленькіе міры или согласія сливаются въ другія, бóльшія согласія, которыя, въ свою очередь, составляютъ согласія областныя и, наконецъ, племенныя, изъ которыхъ уже слагается одно общее, огромное согласіе всей Русской земли, имѣющее надъ собою Великаго Князя всея Руси, на которомъ утверждается вся кровля общественнаго зданія, опираются всѣ связи его верховнаго устройства.

Вслѣдствіе такихъ естественныхъ, простыхъ и единодушныхъ отношеній, и законы, выражающіе эти отношенія, не могли имѣть характеръ искусственной формальности; но, выходя изъ двухъ источниковъ: изъ бытоваго преданія и изъ внутренняго убѣжденія, они должны были, въ своемъ духѣ, въ своемъ составѣ и въ своихъ примѣненіяхъ, носить характеръ болѣе внутренней, чѣмъ внѣшней правды, предпочитая очевидность существенной справедливости—буквальному смыслу формы; святость преданія—логическому выводу; нравственность требованія—внѣшней пользѣ. Я говорю, разумѣется, не о томъ или другомъ законѣ отдѣльно, но о всей, такъ сказать, наклонности (тенденціи) древне-Русскаго права. Внутренняя справедливость брала въ немъ перевѣсъ надъ внѣшнею формальностію.

Между тѣмъ, какъ Римско-Западная юриспруденція отвлеченно выводитъ логическія заключенія изъ каждаго законнаго условія, говоря: *форма—это самый законъ*,—и старается всѣ формы связать въ одну разумную систему, гдѣ бы каждая часть, по отвлеченно-умственной необходимости, правильно развивалась изъ цѣлаго, и все вмѣстѣ составляло не только разумное дѣло, но *самый написанный разумъ*; право обычное, напротивъ того, какъ оно было въ Россіи, выростая изъ жизни, совершенно чуждалось развитія отвлеченно-логическаго. Законъ

въ Россіи не изобрѣтался предварительно какими-нибудь учеными юрисконсультами; не обсуживался глубокомысленно и краснорѣчиво въ какомъ-нибудь законодательномъ собраніи, и не падалъ потомъ, какъ снѣгъ на голову, посреди всей удивленной толпы гражданъ, ломая у нихъ какой-нибудь уже заведенный порядокъ отношеній. Законъ въ Россіи не сочинялся, но обыкновенно только записывался на бумагу, уже послѣ того, какъ онъ самъ собою образовался въ понятіяхъ народа и мало по малу, вынужденный необходимостью вещей, взошелъ въ народные нравы и народный бытъ. Логическое движеніе законовъ можетъ существовать только тамъ, гдѣ самая общественность основана на искусственныхъ условіяхъ; гдѣ, слѣдовательно, развитіемъ общественнаго устройства можетъ и должно управлять *мнѣніе* всѣхъ или нѣкоторыхъ. Но тамъ, гдѣ общественность основана на коренномъ единомысліи, тамъ твердость нравовъ, святость преданія и крѣпость обычныхъ отношеній не могутъ нарушаться, не разрушая самыхъ существенныхъ условій жизни общества. Тамъ каждая насильственная перемѣна по логическому выводу была бы разрѣзомъ ножа въ самомъ сердцѣ общественнаго организма. Ибо общественность тамъ стоитъ *на убѣжденіяхъ*, и потому всякія *мнѣнія*, даже всеобщія, управляя ея развитіемъ, были бы для нея смертоносны.

Мнѣніе, убѣжденіе—двѣ совершенно особыя пружины двухъ, совершенно различныхъ, общественныхъ устройствъ.—Мнѣніе не тѣмъ только отличается отъ убѣжденія, что первое минутнѣе, второе тверже; первое—выводъ изъ логическихъ соображеній; второе—итогъ всей жизни; но въ политическомъ смыслѣ они имѣютъ еще другое несходство: убѣжденіе есть невысканное сознаніе всей совокупности общественныхъ отношеній; мнѣніе есть преувеличенное сочувствіе только той сторонѣ общественныхъ интересовъ, которая совпадаетъ съ интересами одной партіи, и потому прикрываетъ ея своекорыстную исключительность обманчивымъ призракомъ общей пользы.

Отъ того въ обществѣ искусственномъ, основанномъ на формальномъ сочетаніи интересовъ, каждое улучшеніе совершается вслѣдствіе какого-нибудь преднамѣреннаго плана; новое отношеніе вводится потому, что нынѣшнее мнѣніе беретъ верхъ надъ вчерашнимъ порядкомъ вещей; каждое постановленіе насильственно измѣняетъ прежнее: развитіе совершается, какъ мы уже замѣтили, по закону переворотовъ—съ верху въ низъ

или съ низу въ верхъ, смотря по тому, гдѣ торжествующая партія сосредоточила свои силы, и куда торжествующее мнѣніе ихъ направило. Напротивъ того, въ обществѣ, устроившемся естественно изъ самобытнаго развитія своихъ коренныхъ началъ, каждый переломъ есть болѣзнь, болѣе или менѣе опасная; законъ переворотовъ, вмѣсто того, чтобы быть условіемъ жизненныхъ улучшеній, есть для него условіе распаденія и смерти: ибо его развитіе можетъ совершаться только гармонически и непримѣтно, по закону естественнаго возрастанія въ односмысленномъ пребываніи.

Одно изъ самыхъ существенныхъ отличій правомѣрнаго устройства Россіи и Запада составляютъ коренныя понятія о правѣ поземельной собственности. Римскіе гражданскіе законы, можно сказать, суть всѣ не что иное, какъ развитіе безусловности этого права. Западно-Европейскія общественныя устройства также произошли изъ разновидныхъ сочетаній этихъ самобытныхъ правъ, въ основаніи своемъ неограниченныхъ и, только въ отношеніяхъ общественныхъ, принимающихъ нѣкоторыя взаимно-условныя ограниченія. Можно сказать: все зданіе Западной общественности стоитъ на развитіи этого личнаго права собственности, такъ, что и самая личность, въ юридической основѣ своей, есть только выраженіе этого права собственности.

Въ устройствѣ Русской общественности, личность есть первое основаніе, а право собственности только ея *случайное* отношеніе. Общинѣ земля принадлежитъ потому, что община состоитъ изъ семей, состоящихъ изъ лицъ, могущихъ землю воздѣлывать. Съ увеличеніемъ числа лицъ, увеличивается и количество земли, принадлежащее семьѣ; съ уменьшеніемъ—уменьшается. Право общины надъ землею ограничивается правомъ помѣщика, или вотчинника; право помѣщика условливается его отношеніемъ къ государству. Отношенія помѣщика къ государству зависятъ не отъ помѣстья его, но его помѣстье зависитъ отъ его личныхъ отношеній. Эти личныя отношенія опредѣляются столько же личными отношеніями его отца, сколько и собственными, теряются неспособностью поддерживать ихъ, или возрастаютъ решительнымъ перевѣсомъ достоинствъ надъ другими, совмѣстными личностями. Однимъ словомъ, безусловность поземельной собственности могла являться въ Россіи только какъ исключеніе. Общество слагалось не изъ частныхъ

собственностей, къ которымъ приписывались лица, но изъ лицъ, которымъ приписывалась собственность.

Запутанность, которая въ послѣдствіи могла произойти отъ этихъ отношеній въ высшихъ слояхъ общества, при уничтоженіи мелкихъ княжествъ и сліяніи ихъ въ одно правительственное устройство, была случайная и имѣла основаніе свое, какъ кажется, въ причинахъ постороннихъ, являясь не какъ необходимое развитіе, но уже какъ нѣкоторое уклоненіе отъ правильнаго развитія основнаго духа всей Русской государственности. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, это особенное, совершенно отличное отъ Запада, положеніе, въ которомъ человѣкъ понималъ себя относительно поземельной собственности, должно было находиться въ связи со всею совокупностью его общественныхъ и общежительныхъ и нравственныхъ отношеній.

Потому, общежительныя отношенія Русскихъ были также отличны отъ Западныхъ. Я не говорю о различіи нѣкоторыхъ частныхъ формъ, которыя можно почитать несущественными случайностями народной особенности. Но самый характеръ народныхъ обычаевъ, самый смыслъ общественныхъ отношеній и частныхъ нравовъ, былъ совсѣмъ иной. Западный человѣкъ раздробляетъ свою жизнь на отдѣльныя стремленія и, хотя связываетъ ихъ разсудкомъ въ одинъ общій планъ, однакоже, въ каждую минуту жизни, является какъ иной человѣкъ. Въ одномъ углу его сердца живетъ чувство религіозное, которое онъ употребляетъ при упражненіяхъ благочестія; въ другомъ,— отдѣльно—силы разума и усилія житейскихъ занятій; въ третьемъ — стремленія къ чувственнымъ утѣхамъ; въ четвертомъ—нравственно-семейное чувство; въ пятомъ—стремленіе къ личной корысти; въ шестомъ—стремленіе къ наслажденіямъ изящно искусственнымъ; и каждое изъ частныхъ стремленій подраздѣляется еще на разные виды, сопровождаемые особыми состояніями души, которыя всѣ являются разрозненно одно отъ другаго и связываются только отвлеченнымъ разсудочнымъ воспоминаніемъ. Западный человѣкъ легко могъ поутру молиться съ горячимъ, напряженнымъ, изумительнымъ усердіемъ; потомъ отдохнуть отъ усердія, забывъ молитву и упражняя другія силы въ работѣ; потомъ отдохнуть отъ работы, не только физически, но и нравственно, забывая ея сухія занятія за смѣхомъ и звономъ застольныхъ пѣсенъ; потомъ забыть весь день

и всю жизнь въ мечтательномъ наслажденіи искусственнаго зрѣлища. На другой день ему легко было опять снова начать оборачивать то же колесо своей наружно-правильной жизни.

Не такъ человѣкъ Русскій. Молясь въ церкви, онъ не кричитъ отъ восторга, не бьетъ себя въ грудь, не падаетъ безъ чувствъ отъ умиленія: напротивъ, во время подвига молитвеннаго онъ особенно старается сохранить трезвый умъ и цѣльность духа. Когда же не односторонняя напряженность чувствительности, но самая полнота молитвеннаго самосознанія проникнетъ его душу, и умиленіе коснется его сердца; то слезы его льются незамѣтно, и никакое страстное движеніе не смущаетъ глубокой тишины его внутренняго состоянія. За то онъ не поетъ и застольныхъ пѣсенъ. Его обѣдъ совершается съ молитвою. Съ молитвою начинаетъ и оканчиваетъ онъ каждое дѣло. Съ молитвою входитъ въ домъ и выходитъ. Послѣдній крестьянинъ, являясь во дворецъ передъ лицо Великаго Князя (за честь котораго онъ, можетъ быть, вчера еще отваживалъ свою жизнь въ какомъ-нибудь случайномъ спорѣ съ Ляхами), не кланяется хозяину прежде, чѣмъ преклонится передъ изображеніемъ Святыни, которое всегда, очевидно, стояло въ почетномъ углу каждой избы, большой и малой.—Такъ Русскій человѣкъ каждое важное и неважное дѣло свое всегда связывалъ непосредственно съ высшимъ понятіемъ ума и съ глубочайшимъ средоточіемъ сердца.

Однакоже надобно признаться, что это постоянное стремленіе къ совокупной цѣльности всѣхъ нравственныхъ силъ могло имѣть и свою опасную сторону. Ибо только въ томъ обществѣ, гдѣ всѣ классы равно проникнуты однимъ духомъ; гдѣ повсемѣстно уважаемые и многочисленные монастыри,—эти народныя школы и высшіе университеты религіознаго государства,—вполнѣ владѣютъ надъ умами; гдѣ, слѣдовательно, люди, созрѣвшіе въ духовной мудрости, могутъ постоянно руководствовать другихъ, еще не дозрѣвшихъ: тамъ подобное расположеніе человѣка должно вести его къ высшему совершенству. Но когда, еще не достигнувъ до самобытной зрѣлости внутренней жизни, онъ будетъ лишенъ руководительныхъ заботъ высшаго ума, то жизнь его можетъ представить неправильное сочетаніе излишнихъ напряженій съ излишними изнеможеніями. Отъ того видимъ мы иногда, что Русскій человѣкъ, сосредоточивая

всѣ свои силы въ работѣ, въ три дня можетъ сдѣлать больше, чѣмъ осторожный Нѣмецъ не сдѣлаетъ въ тридцать; но за то, потомъ, уже долго не можетъ онъ добровольно приняться за дѣло свое. Вотъ почему, при такомъ недозрѣломъ состояніи и при лишеніи единодушнаго руководителя, часто для Русскаго человѣка самый ограниченный умъ Нѣмца, размѣряя по часамъ и табличкѣ мѣру и степень его трудовъ, можетъ лучше, чѣмъ онъ самъ, управлять порядкомъ его занятій.

Но въ древней Россіи эта внутренняя цѣльность самосознанія, къ которой самые обычаи направляли Русскаго человѣка, отражалась и на формахъ его жизни семейной, гдѣ законъ постояннаго, ежеминутнаго самоотверженія былъ не геройскимъ исключеніемъ, но дѣломъ общей и обыкновенной обязанности. До сихъ поръ еще сохраняется этотъ характеръ семейной цѣльности въ нашемъ крестьянскомъ быту. Ибо, если мы захотимъ вникнуть во внутреннюю жизнь нашей избы, то замѣтимъ въ ней то обстоятельство, что каждый членъ семьи, при всѣхъ своихъ безпрестанныхъ трудахъ и постоянной заботѣ объ успѣшномъ ходѣ всего хозяйства, никогда въ своихъ усиліяхъ не имѣетъ въ виду своей личной корысти. Мысли о собственной выгодѣ совершенно отсѣкъ онъ отъ самаго корня своихъ побужденій. Цѣльность семьи есть одна общая цѣль и пружина. Весь избытокъ хозяйства идетъ безотчетно одному главѣ семейства; всѣ частные заработки сполна и совѣстливо отдаются ему. И притомъ образъ жизни всей семьи обыкновенно мало улучшается и отъ излишнихъ избытковъ главы семейства; но частные члены не входятъ въ ихъ употребленіе и не ищутъ даже узнать величину ихъ: они продолжаютъ свой вѣчный трудъ и заботы съ одинакимъ самозабвеніемъ, какъ обязанность совѣсти, какъ опору семейнаго согласія. Въ прежнія времена это было еще разительнѣе: ибо семьи были крупнѣе и составлялись не изъ однихъ дѣтей и внуковъ, но сохраняли свою цѣльность, при значительномъ размноженіи рода. Между тѣмъ, и теперь еще можемъ мы ежедневно видѣть, какъ легко, при важныхъ несчастіяхъ жизни, какъ охотно, скажу даже, какъ радостно одинъ членъ семейства всегда готовъ добровольно пожертвовать собою за другаго, когда видитъ въ своей жертвѣ общую пользу своей семьи.

На Западѣ ослабленіе семейныхъ связей было слѣдствіемъ общаго направленія образованности: отъ высшихъ классовъ

народа перешло оно къ низшимъ, прямымъ вліяніемъ первыхъ на послѣдніе и неудержимымъ стремленіемъ послѣднихъ: перенимать нравы класса господствующаго. Эта страстная подражательность тѣмъ естественнѣе, чѣмъ однороднѣе умственная образованность различныхъ классовъ, и тѣмъ быстрѣе приноситъ плоды, чѣмъ искусственнѣе характеръ самой образованности, и чѣмъ болѣе она подчиняется личнымъ мнѣніямъ.

Въ высшихъ слояхъ Европейскаго общества, семейная жизнь, говоря вообще, весьма скоро стала, даже для женщинъ, дѣломъ почти постороннимъ. Отъ самаго рожденія дѣти знатныхъ родовъ воспитывались за глазами матери. Особенно въ тѣхъ государствахъ, гдѣ мода воспитывать дочерей внѣ семьи, въ отдѣленныхъ отъ нея непроницаемыми стѣнами монастыряхъ, сдѣлалась общимъ обычаемъ высшаго сословія, тамъ мать семейства вовсе почти лишена была семейнаго смысла. Переступая черезъ порогъ монастыря только для того, чтобы идти подъ вѣнецъ, она тѣмъ же шагомъ вступала въ заколдованный кругъ свѣтскихъ обязанностей, прежде, чѣмъ узнала обязанности семейныя. Потому, чувствительность къ отношеніямъ общественнымъ брала въ ней верхъ надъ отношеніями домашними. Самолюбивыя и шумныя удовольствія гостиной замѣняли ей тревоги и радости тихой дѣтской. Салонная любезность и умѣнье жить въ свѣтѣ, съ избыткомъ развиваясь на счетъ другихъ добродѣтелей, сдѣлались самою существенною частію женскаго достоинства. Скоро для обоихъ половъ блестящая гостиная обратилась въ главный источникъ удовольствій и счастія, въ источникъ ума и образованности, въ источникъ силы общественной, въ господствующую и всепоглощающую цѣль ихъ искусственной жизни. Оттуда,—особенно въ государствахъ, гдѣ воспитаніе женщинъ высшаго круга совершалось внѣ семьи, — произошло великолѣпное, обворожительное развитіе общежительныхъ утонченностей; вмѣстѣ съ этимъ развитіемъ и нравственное гніеніе высшаго класса, и въ немъ первый зародышъ, знаменитаго въ послѣдствіи, ученія о всесторонней эманципаціи женщины.

Въ Россіи, между тѣмъ, формы общежитія, выражая общую цѣльность быта, никогда не принимали отдѣльнаго, самостоятельнаго развитія, оторваннаго отъ жизни всего народа, и по-

тому не могли заглушить въ человѣкѣ его семейнаго смысла, ни повредить цѣльности его нравственнаго возрастанія. Рѣзкая особенность Русскаго характера въ этомъ отношеніи заключалась въ томъ, что никакая личность, въ общежительныхъ сношеніяхъ своихъ, никогда не искала выставить свою самородную особенность какъ какое-то достоинство; но все честолюбіе частныхъ лицъ ограничивалось стремленіемъ: быть правильнымъ выраженіемъ основнаго духа общества. Потому, какъ гостиная не правительствуетъ въ государствѣ, котораго всѣ части проникнуты сочувствіемъ со всею цѣльностію жизни общественной; какъ личное мнѣніе не господствуетъ въ обществѣ, которое незыблемо стоитъ на убѣжденіи: такъ и прихоть моды не властвуетъ въ немъ, вытѣсняясь твердостію общаго быта.

При такомъ устройствѣ нравовъ, простота жизни и простота нуждъ была не слѣдствіемъ недостатка средствъ и не слѣдствіемъ неразвитія образованности, но требовалась самымъ характеромъ основнаго просвѣщенія. На Западѣ роскошь была не противорѣчіе, но законное слѣдствіе раздробленныхъ стремленій общества и человѣка; она была, можно сказать, въ самой натурѣ искусственной образованности; ее могли порицать духовные, въ противность обычнымъ понятіямъ, но въ общемъ мнѣніи она была почти добродѣтелью. Ей не уступали, какъ слабости, но, напротивъ, гордились ею, какъ завиднымъ преимуществомъ. Въ средніе вѣка, народъ съ уваженіемъ смотрѣлъ на наружный блескъ, окружающій человѣка, и свое понятіе объ этомъ наружномъ блескѣ благоговѣйно сливалъ въ одно чувство съ понятіемъ о самомъ достоинствѣ человѣка. Русскій человѣкъ, больше золотой парчи придворнаго, уважалъ лохмотья юродиваго. Роскошь проникала въ Россію, но какъ зараза отъ сосѣдей. Въ ней извинялись; ей поддавались, какъ пороку, всегда чувствуя ея незаконность, не только религіозную, но и нравственную и общественную.

Западный человѣкъ искалъ развитіемъ внѣшнихъ средствъ облегчить тяжесть внутреннихъ недостатковъ. Русскій человѣкъ стремился внутреннимъ возвышеніемъ надъ внѣшними потребностями избѣгнуть тяжести внѣшнихъ нуждъ. Еслибы наука о политической экономіи существовала тогда, то, безъ

всякаго сомнѣнія, она не была бы понятна Русскому. Онъ не могъ бы согласить съ цѣльностію своего воззрѣнія на жизнь— особой науки о богатствѣ. Онъ не могъ бы понять, какъ можно съ намѣреніемъ раздражать чувствительность людей къ внѣшнимъ потребностямъ, только для того, чтобы умножить ихъ усилія къ вещественной производительности. Онъ зналъ, что развитіе богатства есть одно изъ второстепенныхъ условій жизни общественной и должно потому находиться не только въ тѣсной связи съ другими высшими условіями, но и въ совершенной имъ подчиненности.

Впрочемъ, если роскошь жизни еще могла, какъ зараза, проникнуть въ Россію, то искусственный комфортъ съ своею художественною изнѣженностію, равно какъ и всякая умышленная искусственность жизни, всякая разслабленная мечтательность ума, никогда не получили бы въ ней право гражданства,—какъ прямое и ясное противорѣчіе ея господствующему духу.

По той же причинѣ, если бы и изящныя искусства имѣли время развиться въ древней Россіи, то, конечно, приняли бы въ ней другой характеръ, чѣмъ на Западѣ. Тамъ развивались они сочувственно съ общимъ движеніемъ мысли, и потому та же раздробленность духа, которая въ умозрѣніи произвела логическую отвлеченность, въ изящныхъ искусствахъ породила мечтательность и разрозненность сердечныхъ стремленій. Оттуда языческое поклоненіе отвлеченной красотѣ. Вмѣсто того, чтобы смыслъ красоты и правды хранить въ той неразрывной связи, которая, конечно, можетъ мѣшать быстротѣ ихъ отдѣльнаго развитія, но которая бережетъ общую цѣльность человѣческаго духа и сохраняетъ истину его проявленій: Западный міръ, напротивъ того, основалъ красоту свою на обманѣ воображенія, на завѣдомо ложной мечтѣ, или на крайнемъ напряженіи односторонняго чувства, рождающагося изъ умышленнаго раздвоенія ума. Ибо Западный міръ не сознавалъ, что мечтательность есть сердечная ложь, и что внутренняя цѣльность бытія необходима не только для истины разума, но и для полноты изящнаго наслажденія.

Это направленіе изящныхъ искусствъ шло не мимо жизни всего Западнаго міра. Изнутри всей совокупности человѣческихъ отношеній рождается свободное искусство и, явившись на свѣтъ, снова входитъ въ самую глубину человѣческаго ду-

ха, укрѣпляя его или разслабляя, собирая его силы или расточая ихъ. Отъ того, я думаю, ложное направленіе изящныхъ искусствъ еще глубже исказило характеръ просвѣщенія Европейскаго, чѣмъ само направленіе философіи, которая тогда только бываетъ пружиною развитія, когда сама результатъ его. Но добровольное, постоянное и, такъ сказать, одушевленное стремленіе къ умышленному раздвоенію внутренняго самознанія разщепляетъ самый корень душевныхъ силъ. Отъ того разумъ обращается въ умную хитрость, сердечное чувство—въ слѣпую страсть, красота — въ мечту, истина—въ мнѣніе; наука—въ силлогизмъ; существенность—въ предлогъ къ воображенію; добродѣтель—въ самодовольство, а театральность является неотвязною спутницею жизни, внѣшнею прикрышкою лжи, —какъ мечтательность служитъ ей внутреннею маскою.

Но назвавъ „самодовольство", я коснулся еще одного, довольно общаго отличія Западнаго человѣка отъ Русскаго. Западный, говоря вообще, почти всегда доволенъ своимъ нравственнымъ состояніемъ; почти каждый изъ Европейцевъ всегда готовъ, съ гордостію ударяя себя по сердцу, говорить себѣ и другимъ, что совѣсть его вполнѣ спокойна, что онъ совершенно чистъ передъ Богомъ и людьми, что онъ одного только проситъ у Бога, чтобы другіе люди всѣ были на него похожи. Если же случится, что самыя наружныя дѣйствія его придутъ въ противорѣчіе съ общепринятыми понятіями о нравственности: онъ выдумываетъ себѣ особую, оригинальную систему нравственности, вслѣдствіе которой его совѣсть опять успокоивается. Русскій человѣкъ, напротивъ того, всегда живо чувствуетъ свои недостатки, и чѣмъ выше восходитъ по лѣстницѣ нравственнаго развитія, тѣмъ болѣе требуетъ отъ себя, и потому тѣмъ менѣе бываетъ доволенъ собою. При уклоненіяхъ отъ истиннаго пути, онъ не ищетъ обмануть себя какимъ-нибудь хитрымъ разсужденіемъ, придавая наружный видъ правильности своему внутреннему заблужденію; но, даже въ самыя страстныя минуты увлеченія, всегда готовъ сознать его нравственную незаконность.

Но остановимся здѣсь и соберемъ вмѣстѣ все сказанное нами о различіи просвѣщенія Западно-Европейскаго и древне-Русскаго; ибо, кажется, достаточно уже замѣченныхъ нами особенностей для того, чтобы, сведя ихъ въ одинъ итогъ, вывести ясное опредѣленіе характера той и другой образованности.

Христіанство проникало въ умы Западныхъ народовъ черезъ ученіе одной Римской Церкви,—въ Россіи оно зажигалось на свѣтильникахъ всей Церкви Православной; богословіе на Западѣ приняло характеръ разсудочной отвлеченности,—въ Православномъ мірѣ оно сохранило внутреннюю цѣльность духа: тамъ раздвоеніе силъ разума,—здѣсь стремленіе къ ихъ живой совокупности; тамъ движеніе ума къ истинѣ посредствомъ логическаго сцѣпленія понятій, — здѣсь стремленіе къ ней посредствомъ внутренняго возвышенія самосознанія къ сердечной цѣльности и средоточію разума; тамъ исканіе наружнаго, мертваго единства, — здѣсь стремленіе къ внутреннему, живому; тамъ Церковь смѣшалась съ государствомъ, соединивъ духовную власть со свѣтскою и сливая церковное и мірское значеніе въ одно устройство, смѣшаннаго характера,—въ Россіи она оставалась не смѣшанною съ мірскими цѣлями и устройствомъ; тамъ схоластическіе и юридическіе университеты, — въ древней Россіи молитвенные монастыри, сосредоточивавшіе въ себѣ высшее знаніе: тамъ разсудочное и школьное изученіе высшихъ истинъ,—здѣсь стремленіе къ ихъ живому и цѣльному познаванію; тамъ взаимное проростаніе образованности языческой и Христіанской,—здѣсь постоянное стремленіе къ очищенію истины; тамъ государственность изъ насилій завоеванія, — здѣсь изъ естественнаго развитія народнаго быта, проникнутаго единствомъ основнаго убѣжденія; тамъ враждебная разграниченность сословій,—въ древней Россіи ихъ единодушная совокупность, при естественной разновидности; тамъ искусственная связь рыцарскихъ замковъ съ ихъ принадлежностями составляетъ отдѣльныя государства, — здѣсь совокупное согласіе всей земли духовно выражаетъ нераздѣлимое единство; тамъ поземельная собственность—первое основаніе гражданскихъ отношеній,—здѣсь собственность только случайное выраженіе отношеній личныхъ: тамъ законность формально логическая, — здѣсь — выходящая изъ быта; тамъ наклонность права къ справедливости внѣшней,—здѣсь предпочтеніе внутренней; тамъ юриспруденція стремится къ логическому кодексу,—здѣсь, вмѣсто наружной связности формы съ формою, ищетъ она внутренней связи правомѣрнаго убѣжденія съ убѣжденіями вѣры и быта; тамъ законы исходятъ искусственно изъ господствующаго мнѣнія, — здѣсь они рождались естественно изъ быта; тамъ улучшенія всегда совершались насильственными перемѣнами,—здѣсь стройнымъ

естественнымъ возрастаніемъ; тамъ волненіе духа партій, здѣсь незыблемость основнаго убѣжденія; тамъ прихоть моды,—здѣсь твердость быта; тамъ шаткость личной самозаконности,—здѣсь крѣпость семейныхъ и общественныхъ связей; тамъ щеголеватость роскоши и искусственность жизни,—здѣсь простота жизненныхъ потребностей и бодрость нравственнаго мужества; тамъ изнѣженность мечтательности, — здѣсь здоровая цѣльность разумныхъ силъ; тамъ внутренняя тревожность духа, при разсудочной увѣренности въ своемъ нравственномъ совершенствѣ,—у Русскаго — глубокая тишина и спокойствіе внутренняго самосознанія, при постоянной недовѣрчивости къ себѣ и при неограниченной требовательности нравственнаго усовершенія; однимъ словомъ, тамъ раздвоеніе духа, раздвоеніе мыслей, раздвоеніе наукъ, раздвоеніе государства, раздвоеніе сословій, раздвоеніе общества, раздвоеніе семейныхъ правъ и обязанностей, раздвоеніе нравственнаго и сердечнаго состоянія, раздвоеніе всей совокупности и всѣхъ отдѣльныхъ видовъ бытія человѣческаго, общественнаго и частнаго; — въ Россіи, напротивъ того, преимущественное стремленіе къ цѣльности бытія внутренняго и внѣшняго, общественнаго и частнаго, умозрительнаго и житейскаго, искусственнаго и нравственнаго. Потому, если справедливо сказанное нами прежде, то *раздвоеніе* и *цѣльность*, *разсудочность* и *разумность*, будутъ послѣднимъ выраженіемъ Западно-Европейской и древне-Русской образованности.

Но здѣсь естественно приходитъ вопросъ: отъ чего же образованность Русская не развилась полнѣе образованности Европейской, прежде введенія въ Россію просвѣщенія Западнаго? Отъ чего не опередила Россія Европу? Отъ чего не стала она во главѣ умственнаго движенія всего человѣчества, имѣя столько залоговъ для правильнаго и всеобъемлющаго развитія духа?

Въ объясненіе этого сказать: что если развитіе Русскаго ума отдалилось на нѣсколько вѣковъ отъ того времени, когда оно, по вѣроятности, должно было совершиться, то это произошло по высшей волѣ Провидѣнія,—значило бы сказать мысль справедливую, но не отвѣтную. Святое Провидѣніе не безъ нравственной причины человѣка продолжаетъ или сокращаетъ назначенный ему путь. Отъ Египта до Обѣтованной земли, Израильскій народъ могъ совершить въ 40 дней то путешествіе черезъ пустыни Аравійскія, которое онъ совершалъ 40 лѣтъ

только потому, что душа его удалялась отъ чистаго стремленія къ Богу, его ведущему.

Но мы говорили уже, что каждый патріархатъ во Вселенской Церкви, каждый народъ, каждый человѣкъ, принося на служеніе ей свою личную особенность, въ самомъ развитіи этой особенности встрѣчаетъ опасность для своего внутренняго равновѣсія и для своего согласнаго пребыванія въ общемъ духѣ Православія.

Въ чемъ же заключалась особенность Россіи, сравнительно съ другими народами міра Православнаго, и гдѣ таилась для нея опасность?—И не развилась ли эта особенность въ нѣкоторое излишество, могущее уклонить ея умственное направленіе отъ прямаго пути къ назначенной ему цѣли?

Здѣсь, конечно, могутъ быть только гадательныя предположенія. Что касается до моего личнаго мнѣнія, то я думаю, что особенность Россіи заключалась въ самой полнотѣ и чистотѣ того выраженія, которое Христіанское ученіе получило въ ней,— во всемъ объемѣ ея общественнаго и частнаго быта. Въ этомъ состояла главная сила ея образованности; но въ этомъ же таилась и главная опасность для ея развитія. Чистота выраженія такъ сливалась съ выражаемымъ духомъ, что человѣку легко было смѣшать ихъ значительность, и наружную форму уважать наравнѣ съ ея внутреннимъ смысломъ. Отъ этого смѣшенія, конечно, ограждалъ его самый характеръ Православнаго ученія, преимущественно заботящагося о цѣльности духа. Однако же разумъ ученія, принимаемаго человѣкомъ, не совершенно уничтожаетъ въ немъ обще-человѣческую слабость. Въ человѣкѣ и въ народѣ, нравственная свобода воли не уничтожается никакимъ воспитаніемъ и никакими постановленіями. Въ XVI вѣкѣ, дѣйствительно, видимъ мы, что уваженіе къ формѣ уже во многомъ преобладаетъ надъ уваженіемъ духа. Можетъ быть, начало этого неравновѣсія должно искать еще и прежде; но въ XVI вѣкѣ оно уже становится видимымъ. Нѣкоторыя поврежденія, вкравшіяся въ богослужебныя книги, и нѣкоторыя особенности въ наружныхъ обрядахъ Церкви упорно удерживались въ народѣ, не смотря на то, что безпрестанныя сношенія съ Востокомъ должны бы были вразумить его о несходствахъ съ другими Церквами. Въ то же время видимъ мы, что частныя юридическія постановленія Византіи не только изучались, но и уважались наравнѣ почти съ поста-

новленіями обще-Церковными, и уже выражается требованіе: примѣнять ихъ къ Россіи, какъ бы они имѣли всеобщую обязательность. Въ то же время въ монастыряхъ, сохранявшихъ свое наружное благолѣпіе, замѣчался нѣкоторый упадокъ въ строгости жизни. Въ то же время, правильное въ началѣ, образованіе взаимныхъ отношеній бояръ и помѣщиковъ начинаетъ принимать характеръ уродливой формальности запутаннаго мѣстничества. Въ то же время близость Уніи, страхомъ чуждыхъ нововведеній, еще болѣе усиливаетъ общее стремленіе къ боязливому сохраненію всей, даже наружной и буквальной цѣлости въ коренной Русской Православной образованности.

Такимъ образомъ уваженіе къ преданію, которымъ стояла Россія, нечувствительно для нея самой, перешло въ уваженіе болѣе наружныхъ формъ его, чѣмъ его оживляющаго духа. Оттуда произошла та односторонность въ Русской образованности, которой рѣзкимъ послѣдствіемъ былъ Іоаннъ Грозный, и которая, черезъ вѣкъ послѣ, была причиною расколовъ и, потомъ, своею ограниченностью должна была въ нѣкоторой части мыслящихъ людей произвести противоположную себѣ, другую односторонность: стремленіе къ формамъ чужимъ и къ чужому духу.

Но корень образованности Россіи живетъ еще въ ея народѣ и, что всего важнѣе, онъ живетъ въ его Святой, Православной Церкви. Потому на этомъ только основаніи, и ни на какомъ другомъ, должно быть воздвигнуто прочное зданіе просвѣщенія Россіи, созидаемое донынѣ изъ смѣшанныхъ и большею частію чуждыхъ матеріаловъ, и потому имѣющее нужду быть перестроеннымъ изъ чистыхъ собственныхъ матеріаловъ. Построеніе же этого зданія можетъ совершиться тогда, когда тотъ классъ народа нашего, который не исключительно занятъ добываніемъ матеріальныхъ средствъ жизни, и которому, слѣдовательно, въ общественномъ составѣ преимущественно предоставлено значеніе: выработывать мысленно общественное самосознаніе,—когда этотъ классъ, говорю я, до сихъ поръ проникнутый Западными понятіями, наконецъ полнѣе убѣдится въ односторонности Европейскаго просвѣщенія; когда онъ живѣе почувствуетъ потребность новыхъ умственныхъ началъ; когда, съ разумною жаждою полной правды, онъ обратится къ чистымъ источникамъ древней Православной вѣры своего

народа, и чуткимъ сердцемъ будетъ прислушиваться къ яснымъ еще отголоскамъ этой Святой вѣры отечества въ прежней, родимой жизни Россіи. Тогда, вырвавшись изъ подъ гнета разсудочныхъ системъ Европейскаго любомудрія, Русскій образованный человѣкъ, въ глубинѣ особеннаго, недоступнаго для Западныхъ понятій, живаго, цѣльнаго умозрѣнія Святыхъ Отцевъ Церкви, найдетъ самые полные отвѣты именно на тѣ вопросы ума и сердца, которые всего болѣе тревожатъ душу, обманутую послѣдними результатами Западнаго самосознанія. А въ прежней жизни отечества своего онъ найдетъ возможность понять развитіе другой образованности.

Тогда возможна будетъ въ Россіи наука, основанная на самобытныхъ началахъ, отличныхъ отъ тѣхъ, какія намъ предлагаетъ просвѣщеніе Европейское. Тогда возможно будетъ въ Россіи искусство, на самородномъ корнѣ расцвѣтающее *). Тогда жизнь общественная въ Россіи утвердится въ направленіи, отличномъ отъ того, какое можетъ ей сообщить образованность Западная.

Однакоже, говоря: „направленіе", я неизлишнимъ почитаю прибавить, что этимъ словомъ я рѣзко ограничиваю весь смыслъ моего желанія. Ибо, если когда нибудь случилось бы мнѣ увидѣть во снѣ, что какая либо изъ внѣшнихъ особенностей нашей прежней жизни, давно погибшая, вдругъ воскресла посреди насъ и въ прежнемъ видѣ своемъ вмѣшалась въ настоящую жизнь нашу; то это видѣніе не обрадовало бы меня. Напротивъ, оно испугало бы меня. Ибо такое перемѣщеніе прошлаго въ новое, отжившаго въ живущее, было бы то же, что перестановка колеса изъ одной машины въ другую, другаго устройства и размѣра: въ такомъ случаѣ или колесо должно сломаться, или машина. Одного только желаю я, чтобы тѣ начала жизни, которыя хранятся въ ученіи Святой Православной Церкви, вполнѣ проникнули убѣжденія всѣхъ степеней и сословій

---

*) О современномъ состояніи искусства и о характерѣ его будущаго развитія было еще въ 1845 году высказано нѣсколько глубокихъ мыслей А. С. Хомяковымъ, въ его статьѣ: *Письмо въ Петербургъ*, напечатанной во 2-мъ № Москвитянина того года; но тогда воззрѣніе это было, кажется, еще преждевременно для нашей публики; ибо литература наша не отозвалась на эти живыя мысли тѣмъ отвѣтомъ, какой бы должно было ожидать отъ нея при болѣе сознательномъ расположеніи умовъ.

нашихъ; чтобы эти высшія начала, господствуя надъ просвѣщеніемъ Европейскимъ и не вытѣсняя его, но напротивъ, обнимая его своею полнотою, дали ему высшій смыслъ и послѣднее развитіе, и чтобы та *цѣльность* бытія, которую мы замѣчаемъ въ древней, была навсегда удѣломъ настоящей и будущей нашей Православной Россіи...

О необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи.

(1856).

Недавно еще стремленіе къ философіи было господствующимъ въ Европѣ. Даже политическіе вопросы занимали второе мѣсто, подчиняясь рѣшенію философскихъ системъ и отъ нихъ заимствуя свой окончательный смыслъ и свою внутреннюю значительность. Но въ послѣднее время интересъ къ философіи видимо ослабѣлъ, а съ 48-го года отношенія между ею и политикой совершенно перемѣнились: все вниманіе людей мыслящихъ поглощается теперь вопросами политическими; сочиненій философскихъ почти не выходитъ; философскія системы занимаютъ немногихъ, — и по справедливости. Для отвлеченнаго, систематическаго мышленія нѣтъ мѣста въ тѣснотѣ громадныхъ общественныхъ событій, проникнутыхъ всемірною значительностію и смѣняющихся одно другимъ съ быстротою театральныхъ декорацій.

Къ тому же самое философское развитіе въ Европѣ достигло той степени зрѣлости, когда появленіе новой системы уже не можетъ такъ сильно и такъ видимо волновать умы, какъ прежде оно волновало ихъ, поражая противоположностію новыхъ выводовъ съ прежними понятіями. То направленіе къ раціональному самомышленію, которое началось на Западѣ около временъ реформаціи, и котораго первыми представителями въ философіи были Баконъ и Декартъ, постоянно возрастая и распространяясь въ продолженіе трехъ съ половиною столѣтій, то раздробляясь на множество отдѣльныхъ системъ, то совокупляясь въ ихъ крупные итоги, и переходя такимъ образомъ всѣ ступени своего возможнаго восхожденія, достигло, наконецъ, послѣдняго всевмѣщающаго вывода, далѣе котораго умъ Европейскаго человѣка уже не можетъ стремиться, не измѣнивъ совершенно своего основнаго направленія. Ибо, когда человѣкъ отвергаетъ всякій авторитетъ, кромѣ своего отвлеченнаго мыш-

ленія, то можетъ ли онъ идти далѣе того воззрѣнія, гдѣ все бытіе міра является ему прозрачной діалектикой его собственнаго разума, а его разумъ самосознаніемъ всемірнаго бытія? Очевидно, что здѣсь конечная цѣль, которую только можетъ предположить себѣ отвлеченный разумъ, отдѣленный отъ другихъ познавательныхъ силъ, — цѣль, къ которой онъ шелъ въ продолженіе вѣковъ, до которой онъ достигъ въ наше время, и выше которой ему искать уже нѣчего. Лишившись возможности идти впередъ, философія можетъ только распространяться въ ширину, развиваться въ подробностяхъ и подводить всѣ отдѣльныя знанія подъ одинъ общій смыслъ. По этой причинѣ видимъ мы, что современные мыслители Запада, какъ бы ни были различны мнѣнія каждаго, почти всѣ стоятъ на одинакой высотѣ основныхъ началъ. Послѣдователи Гегеля говорятъ языкомъ болѣе школьнымъ, не читавшіе его говорятъ языкомъ болѣе человѣческимъ; но почти всѣ, даже и не слыхавшіе его имени, выражаютъ то главное убѣжденіе, которое служитъ основаніемъ и является послѣднимъ выводомъ его системы. Это убѣжденіе, такъ сказать, въ воздухѣ современной образованности. Потому, если мы видимъ, что мало выходитъ философскихъ книгъ, мало спорятъ о философскихъ вопросахъ; если мы замѣчаемъ, что интересъ къ философскимъ системамъ ослабѣлъ; то изъ этого не слѣдуетъ еще заключать, чтобы ослабѣлъ интересъ къ самому мышленію философскому. Напротивъ, оно болѣе, чѣмъ когда нибудь, проникло во всѣ другія области разума. Каждое явленіе въ общественной жизни и каждое открытіе въ наукахъ ложится въ умѣ человѣка далѣе предѣловъ своей видимой сферы и, связываясь съ вопросами общечеловѣческими, принимаетъ раціонально-философское значеніе. Самая всемірность событій общественныхъ помогаетъ такому направленію ума. Интересъ простылъ къ школьному построенію системъ; но тѣмъ съ большимъ усиліемъ стремится каждый образованный человѣкъ протянуть руководительную нить своей отвлеченной мысли сквозь всѣ лабиринты общественной жизни, сквозь всѣ чудеса новыхъ открытій въ наукахъ и всю безконечность ихъ возможныхъ послѣдствій. Возникновеніе новыхъ системъ философскихъ кончилось, но господство раціональной философіи продолжается.

Это раціональное мышленіе, которое въ новѣйшей философіи Германіи получило свое окончательное сознаніе и выраже-

ніе, связываетъ всѣ явленія современнаго Европейскаго просвѣщенія въ одинъ общій смыслъ и даетъ имъ одинъ общій характеръ. Каждое движеніе жизни проникнуто тѣмъ же духомъ, каждое явленіе ума наводитъ на тѣ же философскія убѣжденія. Несогласія этихъ раціонально-философскихъ убѣжденій съ ученіями вѣры внушили нѣкоторымъ Западнымъ Христіанамъ желаніе противопоставить имъ другія философскія воззрѣнія, основанныя на вѣрѣ. Но самыя блестящія усилія Западно-Христіанскихъ мыслителей послужили только къ тому, чтобъ еще болѣе доказать прочное господство раціонализма. Ибо противники философіи, стараясь опровергнуть ея выводы, не могутъ, однакоже, оторваться отъ того основанія, изъ котораго произошла философія ходомъ естественнаго развитія, и изъ котораго только насиліемъ могутъ быть вынуждены другія послѣдствія. По этой причинѣ многіе благочестивые люди на Западѣ, пораженные этимъ неудержимымъ стремленіемъ мысли къ невѣрію, желая спасти вѣру, совсѣмъ отвергаютъ всякую философію, какъ нѣчто несовмѣстное съ религіей, и осуждаютъ разумъ вообще, какъ нѣчто противное вѣрѣ. Но эти благочестивые люди на Западѣ не замѣчаютъ, что такимъ гоненіемъ разума они еще болѣе самихъ философовъ вредятъ убѣжденіямъ религіознымъ. Ибо что̀ это была бы за религія, которая не могла бы вынести свѣта науки и сознанія? Что̀ за вѣра, которая несовмѣстна съ разумомъ?

Между тѣмъ кажется, что вѣрующему человѣку на Западѣ почти не остается другаго средства спасти вѣру, какъ сохранять ея слѣпоту и сберегать боязливо отъ соприкосновенія съ разумомъ. Это несчастное, но необходимое послѣдствіе внутренняго раздвоенія самой вѣры. Ибо гдѣ ученіе вѣры хотя сколько-нибудь уклонилось отъ своей основной чистоты, тамъ это уклоненіе, развиваясь мало по малу, не можетъ не явиться противорѣчіемъ вѣрѣ. Недостатокъ цѣльности и внутренняго единства въ вѣрѣ принуждаетъ искать единства въ отвлеченномъ мышленіи. Человѣческій разумъ, получивъ одинакія права съ Божественнымъ Откровеніемъ, сначала служитъ основаніемъ религіи, а потомъ замѣняетъ ее собою.

Но говоря о раздвоеніи вѣры и объ отвлеченно-раціональномъ основаніи религіи, я разумѣю не одни протестантскія исповѣданія, гдѣ авторитетъ преданія замѣняется авторитетомъ

личнаго разумѣнія. Въ Латинствѣ не менѣе протестантства видимъ мы отвлеченный разумъ въ самой основѣ вѣроученія, не смотря на то, что въ борьбѣ съ протестантствомъ Латинство отвергаетъ раціонализмъ, опираясь на одно преданіе. Ибо только въ противорѣчіи протестантизму поставляетъ Латинство церковное преданіе выше человѣческаго разума; но, въ отношеніи къ Церкви Вселенской, Римъ въ дѣлахъ вѣры даетъ преимущество отвлеченному силлогизму передъ святымъ преданіемъ, хранящимъ общее сознаніе всего Христіанскаго міра въ живой и неразрывной цѣльности. Это предпочтеніе силлогизма преданію было даже единственнымъ условіемъ отдѣльнаго и самостоятельнаго возникновенія Рима. Ибо какъ могла бы Римская Церковь оторваться иначе отъ Церкви Вселенской? Она отпала отъ нея только потому, что хотѣла ввести въ вѣру новые догматы, неизвѣстные церковному преданію и порожденные случайнымъ выводомъ логики Западныхъ народовъ. Отсюда произошло то первое раздвоеніе въ самомъ основномъ началѣ Западнаго вѣроученія, изъ котораго развилась сперва схоластическая философія внутри вѣры, потомъ реформація въ вѣрѣ и наконецъ философія внѣ вѣры. Первые раціоналисты были схоластики; ихъ потомство называется Гегельянцами.

Но направленіе Западныхъ философій было различно, смотря по тѣмъ исповѣданіямъ, изъ которыхъ онѣ возникали; ибо каждое особое исповѣданіе непремѣнно предполагаетъ особое отношеніе разума къ вѣрѣ. Особое отношеніе разума къ вѣрѣ опредѣляетъ особый характеръ того мышленія, которое изъ него рождается.

Римская Церковь оторвалась отъ Церкви Вселенской вслѣдствіе вывода разума формально-логическаго, искавшаго наружной связи понятій и изъ нея выводившаго свои заключенія о сущности. Такой только наружный разумъ и могъ отторгнуть Римъ отъ Церкви, поставивъ свой силлогизмъ выше живаго сознанія всего Христіанства. Лишившись опоры Вселенскаго преданія и общаго и единомысленнаго сочувствія всей Церкви, Церковь Римская должна была искать утвержденія на какой-нибудь богословской системѣ. Но какъ разумъ человѣческій, особенно разсудочный, можетъ различно постигать Божественное, согласно различію личныхъ понятій каждаго, и какъ противорѣчія въ богословскихъ разсужденіяхъ не могли уже

разрѣшаться внутреннимъ согласіемъ всей Церкви, видимой и невидимой, Церкви всѣхъ вѣковъ и народовъ,—то единомысліе Западныхъ Христіанъ должно было ограждаться внѣшнимъ авторитетомъ іерархіи. Такимъ образомъ внѣшній авторитетъ, независимо отъ внутренняго, сдѣлался послѣднимъ основаніемъ вѣры. Потому, отношенія вѣры и разума приняли тотъ характеръ, что разумъ долженъ былъ *слѣпо* покоряться вѣроученію, утверждаемому внѣшнею властію видимой Церкви; слѣпо — потому что нельзя было искать никакой внутренней причины для того или другаго богословскаго мнѣнія, когда истинность или ложность мнѣнія рѣшалась случайнымъ разумѣніемъ іерархіи. Отсюда схоластика со всѣми ея разсудочными утонченностями, безпрестанно соглашавшая требованія разума съ утвержденіями іерархіи и, соглашая ихъ, безпрестанно удалявшаяся отъ нихъ въ безчисленное множество еретическихъ системъ и толкованій.

Между тѣмъ, предоставивъ разуму іерархіи, независимо отъ преданія и отъ всей полноты Церкви, высшій судъ надъ Божественными истинами, Римская Церковь должна была вмѣстѣ признать свою іерархію источникомъ всякой истины и подчинить приговору того же іерархическаго мнѣнія весь объемъ человѣческаго мышленія, все развитіе ума въ наукахъ и жизни общественной. Ибо все болѣе или менѣе касается вопросовъ Божественной истины, и если однажды разумъ іерархіи переступилъ границы Божественнаго Откровенія, то не было причины ему остановиться въ своемъ движеніи. Примѣръ Галилея не исключеніе: онъ выражаетъ постоянный законъ общаго отношенія Западной Церкви къ человѣческому мышленію. Потому, для спасенія разума отъ совершеннаго ослѣпленія или отъ совершеннаго безвѣрія, реформація была необходима и должна была возникнуть изъ того же самаго начала, изъ котораго Римская Церковь выводила свое право на отдѣльную самобытность и всевмѣшательство. Вся разница заключалась въ томъ, что право суда надъ Божественнымъ Откровеніемъ, сохранявшимся въ преданіи, перенесено было изъ разума временной іерархіи въ разумъ всего современнаго Христіанства. Вмѣсто одного внѣшняго авторитета, равно обязательнаго для всѣхъ, основаніемъ вѣры сдѣлалось личное убѣжденіе каждаго.

Это была другая крайность того же уклоненія отъ истины. Границы между естественнымъ разумомъ человѣка и Божествен-

нымъ Откровеніемъ были равно нарушены, какъ въ Римской Церкви, такъ и въ протестантскихъ исповѣданіяхъ, но различнымъ образомъ; потому и отношенія ихъ къ просвѣщенію были различныя. Тамъ основаніемъ вѣры было преданіе, подчиненное суду одной іерархіи, обуздывавшей такимъ образомъ общее развитіе разума своимъ случайнымъ разумѣніемъ и старавшейся втѣснить всякое мышленіе въ одну условную форму; здѣсь отъ преданія осталась одна буква Писанія, которой смыслъ зависѣлъ отъ личнаго пониманія каждаго.

Отъ этихъ двухъ отношеній должно было возникать совершенно противоположное направленіе умовъ. Подъ вліяніемъ Латинства, надобно было уму волею-неволею подвести все свое знаніе подъ одну систему. Главная истина была дана; способъ ея разумѣнія опредѣленъ; многія черты ея отношенія къ разуму обозначены; оставалось только всю совокупность мышленія согласить съ данными понятіями, устранивъ изъ разума все, что могло имъ противорѣчить. Въ протестантствѣ, напротивъ того, кромѣ буквы Писанія, въ руководство уму даны были только нѣкоторыя личныя мнѣнія реформаторовъ, несогласныхъ между собою въ самыхъ существенныхъ началахъ. Ибо коренныя отношенія человѣка къ Богу, отношенія свободной воли къ благодати и предопредѣленію, и тому подобныя разумныя отношенія вѣры съ самаго начала понимались ими совершенно различно. Отъ того разумъ человѣческій долженъ былъ искать общаго основанія для истины, мимо преданій вѣры, внутри собственнаго мышленія. Отсюда по необходимости должна была возникнуть философія раціональная, стремящаяся не развить данную истину, не проникнуться ею, не возвыситься до нея, но прежде всего — найти ее. Впрочемъ, не имѣя единаго и твердаго основанія для истины въ вѣрѣ, могъ ли человѣкъ не обратиться къ отвлеченному отъ вѣры мышленію? Самая любовь къ Божественной истинѣ заставляла его искать философіи раціональной. Если же раціональная философія, развиваясь внѣ Божественнаго преданія, увлекла человѣка къ безвѣрію, то первая вина этого несчастія лежитъ, конечно, не на протестантизмѣ, но на Римѣ, который, имѣя уже истину и составляя живую часть живой Церкви, сознательно и преднамѣренно отъ нея откололся.

Заботясь болѣе о наружномъ единствѣ и о внѣшнемъ владычествѣ надъ умами, чѣмъ о внутренней истинѣ, Римъ сохра-

нялъ для своей іерархіи монополію разумѣнія и не могъ дѣйствовать иначе, если не хотѣлъ распасться на множество противорѣчащихъ толковъ. Народъ не долженъ былъ мыслить, не долженъ былъ понимать Богослуженія, не долженъ былъ даже читать Божественнаго Писанія. Онъ могъ только слушать, не понимая, и слушаться, не разсуждая; онъ почитался безсознательной массой, на которой стояло зданіе Церкви, и которая должна была оставаться безсознательною, чтобы Церковь стояла. Потому, почти всякое самобытное мышленіе, искренно и естественно возникавшее внутри Римской Церкви, по необходимости обращалось въ оппозицію противъ нея. Почти всѣ замѣчательные мыслители отвергались ею и преслѣдовались. Каждое движеніе ума, несогласное съ ея условными понятіями, было ересью; ибо ея понятія, заклейменныя авторитетомъ іерархіи, оффиціально проникали во всѣ области разума и жизни.

Реформація, напротивъ того, способствовала развитію просвѣщенія народовъ, которыхъ она спасла отъ умственнаго угнетенія Рима, самаго невыносимаго изо всѣхъ угнетеній. Въ этомъ заключается главная заслуга реформаціи, возвратившей человѣку его человѣческое достоинство и завоевавшей ему право быть существомъ разумнымъ. Однакоже, въ этой разумности не было силы, которая бы постоянно подымала ее выше естественной обыкновенности. Оторванные отъ сочувствія съ единою истинною Церковью, которая отъ нихъ заслонялась Римомъ, протестантскіе народы не видали вокругъ себя ничего Божественнаго, кромѣ буквы Писанія и своего внутренняго убѣжденія, и въ радости освобожденія отъ умственной неволи они просмотрѣли въ обожаемой буквѣ Писанія ту истину, что Господь принесъ на землю не одно ученіе, но вмѣстѣ основалъ и Церковь, которой обѣщалъ непрерывное существованіе до конца вѣковъ, и что ученіе Свое утвердилъ Онъ въ Своей Церкви, а не внѣ ея. Между собою и первыми вѣками Христіанства протестанты не видали ничего, кромѣ лжи и заблужденія; они думали, что, вопреки обѣтованій Спасителя, врата адовы одолѣли Церковь, что Церковь Божія умирала до нихъ, и что имъ предоставлено было воскресить ее собою, опираясь на Священномъ Писаніи. Но Священное Писаніе, не проникнутое единомысленнымъ разумѣніемъ, принимало особый смыслъ по личнымъ понятіямъ каждаго. По этой причинѣ, и чтобы удовлетворить всѣмъ личнымъ сознаніямъ, надобно было не толь-

ко найти общее основаніе истины въ разумѣ человѣка вообще, но непремѣнно въ той части его разума, которая доступна *всякой* отдѣльной личности. Потому философія, возбужденная протестантизмомъ, преимущественно должна была ограничиваться областію разума логическаго, равно принадлежащаго каждому человѣку, каковы бы ни были его внутренняя высота и устроеніе. Совокупленіе всѣхъ познавательныхъ способностей въ одну силу, внутренняя цѣльность ума, необходимая для сознанія цѣльной истины, не могли быть достояніемъ всѣхъ. Только разумъ отношеній, разумъ отрицательный, логическій, могъ признаваться за общій авторитетъ; только онъ могъ требовать безусловнаго признанія своихъ выводовъ отъ каждой особенной личности.

По этой причинѣ видимъ мы, что философія раціональная развивалась почти исключительно въ земляхъ протестантскихъ. Ибо то, что̀ называютъ философіей Французской, есть собственно Англійская философія, перенесенная во Францію во времена ослабленія вѣры. Хотя Декартъ былъ Французъ, и хотя въ половинѣ XVII-го вѣка почти всѣ мыслящіе люди Франціи держались его системы, но, не смотря на то, уже въ началѣ XVIII-го она исчезла сама собой изъ общаго убѣжденія,— такъ мало она была согласна съ особеннымъ характеромъ народнаго мышленія. Измѣненіе, которое хотѣлъ въ ней произвести Мальбраншъ, имѣло еще менѣе прочности. Между тѣмъ для Германскаго мышленія Декартъ сдѣлался родоначальникомъ всей философіи.

Можетъ быть, во Франціи могла бы возникнуть своя философія, положительная, если бы Боссюэтовъ галликанизмъ не ограничился дипломатической формальностію, но развился полнѣе, сознательнѣе и внутреннѣе, и освободилъ Французскую образованность отъ умственнаго угнетенія Рима прежде, чѣмъ она утратила вѣру. Начала этой возможной для Франціи философіи заключались въ томъ, что было общаго между убѣжденіями Поръ-Рояля и особенными мнѣніями Фенелона. Ибо, кромѣ несходства съ оффиціальными понятіями Рима, между ними было то общее, что они стремились къ развитію внутренней жизни и въ ея глубинѣ искали живой связи между вѣрою и разумомъ, выше сферы наружнаго сцѣпленія понятій. Поръ-Рояль и Фенелонъ получили это направленіе изъ одного источника, изъ той части Христіанскаго любомудрія, которую они

нашли въ древнихъ Отцахъ Церкви и которую не вмѣщало въ себя Римское ученіе. Мысли Паскаля могли быть плодотворнымъ зародышемъ этой новой для Запада философіи. Его неконченное сочиненіе не только открывало новыя основанія для разумѣнія нравственнаго порядка міра, для сознанія живаго отношенія между Божественнымъ Промысломъ и человѣческою свободою, но еще заключало въ себѣ глубокомысленныя наведенія на другой способъ мышленія, отличающійся равно отъ Римско-схоластическаго и отъ раціонально-философскаго. Если бы эти искры его мыслей соединились въ общемъ сознаніи съ тѣми, которыя согрѣвали душу Фенелона, когда онъ, въ защиту Гюйонъ, собиралъ ученія Св. Отцевъ о внутренней жизни; то изъ совмѣстнаго ихъ пламени должна была загорѣться новая, самобытная философія, которая, можетъ быть, могла бы спасти Францію отъ безвѣрія и его послѣдствій. Конечно, эта философія не была бы чистой истиной, потому что все таки она оставалась бы внѣ Церкви; но она ближе подходила бы къ ней, чѣмъ всѣ раціональныя умозрѣнія. Но происки іезуитовъ разрушили Поръ-Рояль съ его уединенными мыслителями; съ ними погибло и рождавшееся живительное направленіе ихъ мыслей. Холодная, торжественная логика Боссюэта не поняла того, что было живаго и теплаго въ уклоненіи Фенелона отъ оффиціальнаго мышленія Рима, и съ самодовольствомъ принудила его авторитетомъ папы отречься отъ своихъ завѣтныхъ убѣжденій, изъ уваженія къ папской непогрѣшимости. Такимъ образомъ, самобытная философія Франціи замерла въ самомъ зародышѣ, и образованность Французская, требовавшая какого-нибудь умственнаго дыханія, должна была подчиниться хохоту Вольтера и законамъ чужой философіи, которая явилась тѣмъ враждебнѣе для религіозныхъ убѣжденій Франціи, что не имѣла съ ними ничего общаго. Въ Англіи система Локка могла еще кое-какъ уживаться съ вѣрою, подлѣ которой она выростала; но во Франціи она приняла характеръ разрушительный, перешла черезъ Кондильяка въ Гельвеція и распространеніемъ своимъ уничтожила послѣдніе остатки вѣры.

Такимъ образомъ въ тѣхъ народахъ, которыхъ умственная жизнь подлежала Римской Церкви, самобытная философія была невозможна. Но, однакоже, развитіе образованности требовало сознающаго ее и связующаго мышленія. Между живою наукою міра и формальною вѣрою Рима лежала пропасть, чрезъ

которую мыслящій католикъ долженъ былъ дѣлать отчаянный прыжокъ. Этотъ прыжокъ не всегда былъ подъ силу человѣческому разуму и не всегда по совѣсти искреннему Христіанину. Отъ того, родившись въ земляхъ протестантскихъ, раціональная философія распространилась и на католическія, проникла всю образованность Европы однимъ общимъ характеромъ и прежнее единомысліе вѣры Западныхъ народовъ замѣнила единомысліемъ отвлеченнаго разума.

Но не вдругъ мысль человѣка дошла до своего послѣдняго вывода. Только мало по малу отбрасывала она отъ себя всѣ постороннія данныя, находя ихъ недостаточно вѣрными для основнаго утвержденія первой истины. Сначала дѣятельность ея распалась на двѣ стороны. Въ народахъ происхожденія Романскаго, которые, по своей исторической натурѣ, стремились сливать внутреннее самосознаніе съ внѣшностію жизни, возникла философія опытная или чувственная, восходившая отъ частныхъ наблюденій къ общимъ итогамъ и изъ порядка внѣшней природы выводившая всѣ законы бытія и разумѣнія. Въ народахъ Германскаго происхожденія, носившихъ, также вслѣдствіе своей исторической особенности, внутри себя постоянное чувство раздѣленія жизни внѣшней отъ внутренней, возникло стремленіе вывести изъ самыхъ законовъ разума законы для внѣшняго бытія. Наконецъ, обѣ философіи соединились въ одно умственное воззрѣніе, основанное на тождествѣ разума и бытія и развивавшее изъ этого тождества ту форму мышленія, которая обнимала всѣ другія философіи, какъ отдѣльныя ступени неконченной лѣстницы, ведущей къ одной цѣли.

Но, происходя изъ совокупности Западно-Европейской образованности и вмѣщая въ себѣ общій результатъ ея умственной жизни, новѣйшая философія, какъ и вся новѣйшая образованность Европы, въ послѣднемъ процвѣтаніи своемъ совершенно отдѣлилась отъ своего корня. Ея выводы не имѣютъ ничего общаго съ ея прошедшимъ. Она относится къ нему, не какъ довершающая, но какъ разрушающая сила. Совершенно независимо отъ своего прошедшаго, она является теперь, какъ самобытно новое начало, рождаетъ новую эпоху для умственной и общественной жизни Запада. Опредѣлить настоящій характеръ ея вліянія на Европейскую образованность еще весьма трудно, ибо ея особенное вліяніе только начинаетъ обозначаться; конечные плоды его еще таятся въ будущемъ.

Однакоже, недавность господства этой новой системы надъ прежними философскими убѣжденіями Европы не даетъ намъ права думать, чтобы основныя положенія этой послѣдней системы и ея діалектическій процессъ мышленія были исключительною принадлежностію нашего времени. Въ общей жизни человѣчества новѣйшая философія не такъ нова, какъ полагаютъ обыкновенно. Она новость для новой исторіи, но для человѣческаго разума вообще она вещь бывалая, и потому будущія послѣдствія ея господства надъ умами болѣе или менѣе уже обозначились въ прошедшемъ. Ибо тотъ же духъ мышленія господствовалъ въ образованномъ мірѣ за нѣсколько сотъ лѣтъ до Рождества Христова. Основныя убѣжденія Аристотеля,—не тѣ, которыя ему приписывали его средневѣковые толкователи, но тѣ, которыя выходятъ изъ его сочиненій,—совершенно тождественны съ убѣжденіями Гегеля. А тотъ способъ діалектическаго мышленія, который обыкновенно почитаютъ за исключительную особенность и за своеобразное открытіе Гегеля, составлялъ, еще прежде Аристотеля, явную принадлежность Элеатовъ, такъ что, читая Платонова Парменида, кажется, будто въ словахъ ученика Гераклитова мы слышимъ самого Берлинскаго профессора, разсуждающаго о діалектикѣ, какъ о главномъ назначеніи философіи и ея настоящей задачѣ, видящаго въ ней чудотворную силу, которая превращаетъ каждую опредѣленную мысль въ противоположную и изъ нея рождаетъ опять новое опредѣленіе, и полагающаго отвлеченныя понятія о бытіи, небытіи и возникновеніи въ начало мыслительнаго процесса, обнимающаго все бытіе и знаніе. Потому, разница новаго философа отъ древнихъ заключается не въ основной точкѣ зрѣнія, до которой возвысился разумъ, не въ особенномъ способѣ мышленія, имъ изобрѣтенномъ, но единственно въ доконченной полнотѣ систематическаго развитія и въ этомъ богатствѣ умственныхъ пріобрѣтеній, которое любознательность человѣка могла собрать ему въ теченіе своихъ двухъ тысячелѣтнихъ исканій. Разумъ стоитъ на той же ступени,—не выше, и видитъ ту же послѣднюю истину,—не далѣе; только горизонтъ вокругъ яснѣе обозначился.

Кажется, умъ Западнаго человѣка имѣетъ особое сродство съ Аристотелемъ. Въ самое начало Западно-Европейской образованности заложено было сочувствіе къ его мышленію. Но схоластики пользовались его системою только для того, чтобы

утверждать на ней другую истину, не изъ нея непосредственно выведенную, но принятую ими изъ преданія. Когда же, съ возрожденіемъ наукъ, упалъ безграничный авторитетъ Аристотеля, то, казалось, сочувствіе съ нимъ утратилось навсегда. Освобожденіе отъ него праздновалось по Европѣ съ какимъ-то восторгомъ, какъ великое и спасительное событіе для ума человѣческаго. Гегель шелъ по другой дорогѣ, и внѣ системы Аристотеля; но однакоже сошелся съ нимъ и въ послѣднемъ выводѣ, и въ основномъ отношеніи ума къ истинѣ. Онъ построилъ другую систему, но такъ, какъ бы ее построилъ самъ Аристотель, если бы воскресъ въ наше время, и если бы, не перемѣняя уровня, на которомъ стоялъ разумъ человѣческій въ его время, онъ только подвелъ къ своей точкѣ зрѣнія вопросы современной образованности. Ученики Гегеля, подставляя свою терминологію вмѣсто Аристотелевской, узнаютъ въ его системѣ, хотя не полное, но вѣрное отраженіе системы ихъ учителя. Голосъ новаго міра отозвался прежнимъ отголоскомъ міра прошедшаго.

Древняя Греческая философія возникла также не прямо изъ Греческихъ вѣрованій, но ихъ вліяніемъ, и подлѣ нихъ, возникла изъ ихъ внутренняго разногласія. Внутреннее разногласіе вѣры принуждало къ отвлеченной разумности. Отвлеченная разумность и живая, пестрая осязательность противорѣчащихъ ученій вѣры, противополагаясь другъ другу въ сущности, могли мириться внутри сознанія Грека только въ созерцаніяхъ изящнаго и, можетъ быть, еще въ скрытомъ значеніи мистерій. Потому, Греческое изящное стоитъ между ощутительностію Греческой миѳологіи и отвлеченною разумностію ея философіи. Прекрасное для Грека сдѣлалось средоточіемъ всей умственной жизни. Развитіе смысла изящнаго составляетъ, можно сказать, всю сущность Греческой образованности, внутренней и внѣшней. Но въ самой натурѣ этого изящнаго лежали предѣлы его процвѣтанія; одинъ изъ его элементовъ уничтожался возрастаніемъ другаго. По мѣрѣ развитія разумности, ослаблялась вѣра миѳологическая, съ которой вмѣстѣ увядала Греческая красота. Ибо прекрасное также, какъ истинное, когда не опирается на существенное, улетучивается въ отвлеченность. Возрастая на развалинахъ вѣрованій, философія подкопала ихъ и вмѣстѣ сломила живую пружину развитія Греческой образованности. Бывъ сначала ея выраженіемъ, въ концѣ

своего возрастанія философія явилась противорѣчіемъ прежней Греческой образованности, и хотя носила еще наружные признаки ея миѳологіи, но имѣла отдѣльную отъ нея самобытность. Она зародилась и возрастала въ понятіяхъ Греческихъ; но, созрѣвши, сдѣлалась достояніемъ всего человѣчества, какъ отдѣльный плодъ разума, округлившійся и созрѣвшій, и оторвавшійся отъ своего естественнаго корня.

Такъ съ конечнымъ развитіемъ Греческой образованности окончилось, можно сказать, владычество языческихъ вѣрованій надъ просвѣщеніемъ человѣчества; не потому, чтобы не оставалось еще вѣрующихъ язычниковъ, но потому, что передовая мысль образованности была уже внѣ языческой вѣры, обращая миѳологію въ аллегорію. Только недоразвитая и, слѣдовательно, безсильная мысль могла оставаться языческою; развиваясь, она подпала власти философіи.

Съ этой отрицательной стороны, Греческая философія является въ жизни человѣчества, какъ полезная воспитательница ума, освободившая его отъ ложныхъ ученій язычества и своимъ разумнымъ руководствомъ приведшая его въ то безразличное состояніе, въ которомъ онъ сдѣлался способнымъ къ принятію высшей истины. Философія приготовила поле для Христіанскаго посѣва.

Но между Аристотелемъ и общимъ подчиненіемъ міроваго просвѣщенія ученію Христіанскому прошло много вѣковъ, въ продолженіе которыхъ многія различныя и противорѣчащія системы философіи питали, утѣшали и тревожили разумъ. Однакоже, крайности этихъ системъ принадлежали немногимъ: общее состояніе просвѣщенія подчинялось тому, что было общаго крайностямъ, составляя ихъ середину. Между добродѣтельною гордостію стоиковъ и чувственною философіею епикурейцевъ, между заманчивою высотою заоблачныхъ построеній ума въ ново-Платонической школѣ и безчувственною, неумолимою, всеискореняющею сохою скептицизма стояла философія Аристотеля, къ которой безпрестанно возращался умъ отъ крайнихъ уклоненій, и которая въ самыя односторонности уклонившагося отъ нея мышленія впускала логическія сѣти своей равнодушной системы. Потому можно сказать, что въ древнемъ до-Христіанскомъ мірѣ были нѣкоторые философы различныхъ, противорѣчащихъ другъ другу сектъ; но вся масса мыслящаго человѣчества, вся нравственная и умственная сила просвѣще-

нія принадлежала Аристотелю. Какое же именно вліяніе имѣла философія Аристотеля на просвѣщеніе и нравственное достоинство человѣка? Рѣшеніе этого вопроса важно не для одной исторіи міра прошедшаго.

Самый ясный и самый короткій отвѣтъ на этотъ вопросъ могъ бы, кажется, заключаться въ нравственномъ и умственномъ настроеніи тѣхъ вѣковъ, когда эта философія господствовала. Римскій гражданинъ временъ кесаревскихъ былъ живымъ отпечаткомъ ея убѣжденій. Ибо не отдѣльныя истины, логическія или метафизическія, составляютъ конечный смыслъ всякой философіи, но то отношеніе, въ которое она поставляетъ человѣка къ послѣдней искомой истинѣ, то внутреннее требованіе, въ которое обращается умъ, ею проникнутый. Ибо всякая философія, въ полнотѣ своего развитія, имѣетъ двойной результатъ, или, правильнѣе, двѣ стороны послѣдняго результата: одна — общій итогъ сознанія, другая — господствующее требованіе, изъ этого итога возникающее. Послѣдняя истина, на которую опирается умъ, указываетъ и на то сокровище, котораго человѣкъ пойдетъ искать въ наукѣ и въ жизни. Въ концѣ философской системы, между ея исконной истиной и ея искомой цѣлью, лежитъ уже не мысль, имѣющая опредѣленную формулу, но одинъ, такъ сказать, духъ мысли, ея внутренняя сила, ея сокровенная музыка, которая сопровождаетъ всѣ движенія души убѣжденнаго ею человѣка. И этотъ внутренній духъ, эта живая сила свойственна не однимъ высшимъ философіямъ, доконченнымъ и сомкнутымъ въ своемъ развитіи. Система принадлежитъ школѣ; ея сила, ея конечное требованіе принадлежатъ жизни и просвѣщенію всего человѣчества.

Но, надобно сознаться, философія Аристотеля, когда она не служила подкрѣпленіемъ чужой системы, а дѣйствовала самобытно, имѣла на просвѣщеніе человѣчества весьма грустное вліяніе, прямо противоположное тому, какое она имѣла на своего перваго ученика, великаго завоевателя Востока. Стремленіе къ лучшему въ кругу обыкновеннаго, къ благоразумному въ ежедневномъ смыслѣ этого слова, къ возможному, какъ оно опредѣляется внѣшнею дѣйствительностію, — были крайними выводами той разумности, которая внушалась системою Аристотеля. Но эти внушенія не пришлись по мѣркѣ только одного ученика; другимъ всѣмъ они были по плечу. Слушая ихъ, Александръ, кажется, тѣмъ напряженнѣе развивалъ свою про-

тивоположную имъ самобытность, какъ бы на перекоръ совѣтамъ учителя. Можетъ быть даже, безъ этого понужденія благоразумной посредственности въ немъ бы не развилась вся крайность его неблагоразумной геніальности. Но остальное человѣчество тѣмъ охотнѣе подчинялось вліянію разсудочной философіи, что, при отсутствіи высшихъ убѣжденій, стремленіе къ земному и благоразумно обыкновенному само собой становится господствующимъ характеромъ нравственнаго міра.

Система Аристотеля разорвала цѣльность умственнаго самосознанія и перенесла корень внутреннихъ убѣжденій человѣка, внѣ нравственнаго и эстетическаго смысла, въ отвлеченное сознаніе разсуждающаго разума. Орудія, которыми она познавала истину, ограничивались логическою дѣятельностью ума и безучастною наблюдательностію внѣшняго міра. Наружное бытіе и выразимая, словесная сторона мысли составляли ея единственныя данныя, изъ которыхъ она извлекала то, что можетъ изъ нихъ извлечься логическимъ сцѣпленіемъ понятій,—и надобно сознаться, извлекла изъ нихъ все, что этимъ путемъ могло быть извлечено изъ нихъ въ то время. Дѣйствительность въ глазахъ Аристотеля была полнымъ воплощеніемъ высшей разумности. Всѣ разногласія міра физическаго и нравственнаго были только мнимыя и не только терялись въ общей гармоніи, но были необходимыми звуками для ея вѣчно неизмѣняемой полноты. Міръ, по его мнѣнію, никогда не былъ лучше и не будетъ; онъ всегда достаточно прекрасенъ, ибо никогда не начинался, какъ никогда не кончится, и вѣчно останется цѣлъ и неизмѣненъ въ общемъ объемѣ, безпрестанно измѣняясь и уничтожаясь въ частяхъ своихъ. Но эта полнота и удовлетворительность міра представлялась ему въ холодномъ порядкѣ отвлеченнаго единства. Высшее благо видѣлъ онъ въ мышленіи, разумѣющемъ это единство сквозь разнообразіе частныхъ явленій, при внѣшнемъ довольствѣ и спокойствіи жизни: физическій и умственный комфортъ.

Когда человѣкъ освободится отъ нуждъ житейскихъ, говорилъ онъ, тогда только начинаетъ онъ любомудрствовать (между тѣмъ какъ, по убѣжденію стоической школы, только одна мудрость можетъ освободить человѣка отъ нуждъ и тяжестей житейскихъ). Добродѣтель, по мнѣнію Аристотеля, не требовала высшей сферы бытія, но состояла въ отысканіи золотой середины между порочными крайностями. Она происходила

изъ двухъ источниковъ: изъ отвлеченнаго вывода разума, который, какъ отвлеченный, не давалъ силы духу и не имѣлъ понудительности существенной, и изъ привычки, которая слагалась частію изъ отвлеченнаго желанія согласить волю съ предписаніями разума, частію изъ случайности внѣшнихъ обстоятельствъ.

Очевидно, что такой образъ мыслей могъ произвести очень умныхъ зрителей среди разнообразныхъ явленій человѣчества, но совершенно ничтожныхъ дѣятелей. И дѣйствительно, философія Аристотеля дѣйствовала разрушительно на нравственное достоинство человѣка. Подкопавъ всѣ убѣжденія, лежащія выше разсудочной логики, она уничтожила и всѣ побужденія, могущія поднять человѣка выше его личныхъ интересовъ. Нравственный духъ упалъ; всѣ пружины внутренней самобытности ослабѣли; человѣкъ сдѣлался послушнымъ орудіемъ окружающихъ обстоятельствъ, разсуждающимъ, но невольнымъ выводомъ внѣшнихъ силъ,—умною матеріей, повинующеюся силѣ земныхъ двигателей, выгоды и страха. Немногіе примѣры стоической добродѣтели составляютъ только рѣдкія исключенія, яркія противоположности общему настроенію, и больше подтверждаютъ, чѣмъ ослабляютъ понятіе о всеобщемъ отсутствіи внутренней самобытности. Ибо стоицизмъ могъ возникнуть только, какъ напряженное противорѣчіе, какъ грустный протестъ, какъ отчаянное утѣшеніе немногихъ противъ подлости всѣхъ. Между тѣмъ даже тѣ мыслители, которые не исключительно слѣдовали Аристотелю, но только изучали его систему, безсознательно вносили результаты его ученія даже въ свое пониманіе другихъ философовъ. Такъ Цицеронъ, въ борьбѣ между гибелью отечества и личною безопасностію, ищетъ оправданія своему малодушію въ Платонѣ; но Платонъ для него имѣетъ только тотъ смыслъ, который согласенъ съ Аристотелемъ. Потому, онъ утѣшается мыслію, что Платонъ не совѣтуетъ безполезно сопротивляться силѣ и вмѣшиваться въ дѣла народа, который выжилъ изъ ума. Нравственное ничтожество было общимъ клеймомъ всѣхъ и каждаго;—а еслибы во времена кесарей, при совершенномъ упадкѣ внутренняго достоинства человѣка, была внѣшняя образованность еще болѣе развита; если бы извѣстны были желѣзныя дороги и электрическіе телеграфы и пексаны и всѣ открытія, которыя подчиняютъ міръ власти бездушнаго разсчета, тогда, — мудрено бы было сказать, что̀ тогда вышло бы изъ бѣднаго человѣчества.

Таково было вліяніе философіи древней, и преимущественно Аристотелевской, на просвѣщеніе человѣчества. На землѣ человѣку уже не оставалось спасенія. Только Самъ Богъ могъ спасти его.

Однакоже Христіанство, измѣнивъ духъ древняго міра и воскресивъ въ человѣкѣ погибшее достоинство его природы, не безусловно отвергло древнюю философію. Ибо вредъ и ложь философіи заключались не въ развитіи ума, ею сообщаемомъ, но въ ея послѣднихъ выводахъ, которые зависѣли отъ того, что она почитала себя высшею и единственною истиной, и уничтожались сами собою, какъ скоро умъ признавалъ другую истину выше ея. Тогда философія становилась на подчиненную степень, являлась истиною относительной и служила средствомъ къ утвержденію высшаго начала въ сферѣ другой образованности.

Боровшись на смерть съ ложью языческой миѳологіи, Христіанство не уничтожало языческой философіи, но, принимая ее, преобразовывало согласно своему высшему любомудрію. Величайшія свѣтила Церкви: Іустинъ, Климентъ, Оригенъ, во сколько онъ былъ православенъ, Аѳанасій, Василій, Григорій и большая часть изъ великихъ Святыхъ Отцевъ, на которыхъ, такъ сказать, утверждалось Христіанское ученіе среди языческой образованности, были не только глубоко знакомы съ древнею философіею, но еще пользовались ею для разумнаго построенія того перваго Христіанскаго любомудрія, которое все современное развитіе наукъ и разума связало въ одно всеобъемлющее созерцаніе вѣры. Истинная сторона языческой философіи, проникнутая Христіанскимъ духомъ, явилась посредницею между вѣрою и внѣшнимъ просвѣщеніемъ человѣчества. И не только въ тѣ времена, когда Христіанство еще боролось съ язычествомъ, но и во все послѣдующее существованіе Византіи, видимъ мы, что глубокое изученіе Греческихъ философовъ было почти общимъ достояніемъ всѣхъ учителей Церкви. Ибо Платонъ и Аристотель могли быть только полезны для Христіанскаго просвѣщенія, какъ великіе естествоиспытатели разума, но не могли быть опасны для него, покуда на верху образованности человѣческой стояла истина Христіанская. Ибо не надобно забывать, что въ борьбѣ съ язычествомъ Христіанство не уступало ему разума, но, проникая его, подчиняло своему служенію всю умственную дѣятельность міра

настоящаго и прошедшаго, во сколько онъ былъ извѣстенъ. Но если гдѣ была опасность для Христіанскаго народа уклониться отъ истиннаго ученія, то опасность эта преимущественно таилась въ невѣжествѣ. Развитіе разумнаго знанія, конечно, не даетъ спасенія, но ограждаетъ отъ лжезнанія. Правда, что гдѣ умъ и сердце уже однажды проникнуты Божественною истиной, тамъ степень учености дѣлается вещію постороннею. Правда также, что сознаніе Божественнаго равно вмѣстимо для всѣхъ ступеней разумнаго развитія. Но чтобы проникать, одушевлять и руководить умственную жизнь человѣчества, Божественная истина должна подчинить себѣ внѣшній разумъ, должна господствовать надъ нимъ, не оставаться внѣ его дѣятельности. Она должна въ общемъ сознаніи стоять выше другихъ истинъ, какъ начало властвующее, проникая весь объемъ просвѣщенія, для каждаго частнаго лица поддерживаться единомысліемъ общественной образованности. Невѣжество, напротивъ того, отлучаетъ народы отъ живаго общенія умовъ, которымъ держится, движется и выростаетъ истина посреди людей и народовъ. Отъ невѣжества разума, при самыхъ правильныхъ убѣжденіяхъ сердца, рождается ревность не по разуму, изъ которой, въ свою очередь, происходитъ уклоненіе разума и сердца отъ истинныхъ убѣжденій.

Такъ было съ Западомъ передъ его отпаденіемъ. Невѣжество народовъ подвергло ихъ умственную жизнь непреодолимому вліянію оставшихся слѣдовъ язычества, которые сообщили ихъ мышленію разсудочный характеръ Римской наружно-логической отвлеченности и этимъ уклоненіемъ разума заставили ихъ искать наружнаго единства Церкви, вмѣсто единства духовнаго. Невѣжество также увлекло ихъ въ излишнюю ревность противъ Аріанъ, такъ что, не довольствуясь отверженіемъ ихъ ереси, они составили, въ прямую противоположность Аріанамъ, новый догматъ о Божествѣ, подъ вліяніемъ того же наружно-логическаго мышленія,—догматъ, который они почитали истиннымъ только потому, что онъ былъ прямо противоположенъ одному виду ереси, забывъ, что прямая противоположность заблужденію обыкновенно бываетъ не истина, но только другая крайность того же заблужденія.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе невѣжества Западныхъ народовъ, самое стремленіе къ единству Церкви оторвало ихъ отъ

этого единства, а самое стремленіе къ Православію оторвало ихъ отъ Православія.

Конечно, не *одно* невѣжество оторвало Западъ отъ Церкви; невѣжество—только несчастіе, и отторженіе человѣчества отъ спасительной истины не могло совершиться безъ нравственной вины. Но въ невѣжествѣ была возможность и основаніе для этой вины; безъ него и властолюбіе папъ не могло бы имѣть успѣха. Только при совокупномъ дѣйствіи папскаго властолюбія и народнаго невѣжества, могло совершиться незаконное прибавленіе къ символу,—это первое торжество раціонализма надъ вѣрою и незаконное признаніе главенства папъ, это постоянная преграда возвращенію Запада къ Церкви. Но, однажды оторвавшись отъ нея, Римское исповѣданіе уже, какъ по готовому скату горы, само собою спустилось до всѣхъ тѣхъ уклоненій, которыя все болѣе и болѣе удаляли его отъ истины и произвели всю особенность Западнаго просвѣщенія со всѣми его послѣдствіями для него и для насъ. Я говорю: для насъ, ибо судьба всего человѣчества находится въ живой и сочувственной взаимности, не всегда замѣтной, но тѣмъ не менѣе дѣйствительной. Отпаденіе Рима лишило Западъ чистоты Христіанскаго ученія и въ то же время остановило развитіе общественной образованности на Востокѣ. Что должно было совершаться совокупными усиліями Востока и Запада, то̀ уже сдѣлалось не подъ силу одному Востоку, который такимъ образомъ былъ обреченъ только на сохраненіе Божественной истины въ ея чистотѣ и святости, не имѣя возможности воплотить ее во внѣшней образованности народовъ.

Кто знаетъ? Можетъ быть, этому внѣшнему безсилію Востока суждено было продолжаться до той эпохи, когда, въ замѣну отпавшаго Рима, возрастетъ и созрѣетъ другой народъ, просвѣтившійся истиннымъ Христіанствомъ въ то самое время, когда отъ Востока отпадалъ Западъ; можетъ быть, этому новому народу суждено придти въ умственную возмужалость именно въ то время, когда просвѣщеніе Запада силою собственнаго своего развитія уничтожитъ силу своего иноученія и изъ ложныхъ убѣжденій въ Христіанствѣ перейдетъ къ безразличнымъ убѣжденіямъ философскимъ, возвращающимъ міръ во времена до-Христіанскаго мышленія. Ибо иноученіе Христіанское менѣе способно принять истину, чѣмъ совершенное отсутствіе Христіанскихъ убѣжденій. Тогда для господства

истиннаго Христіанства надъ просвѣщеніемъ человѣка будетъ, по крайней мѣрѣ, открыта внѣшняя возможность.

Ибо нѣтъ сомнѣнія, что всѣ дѣйствія и стремленія частныхъ людей и народовъ подчиняются невидимому, едва слышному, часто совсѣмъ незамѣтному теченію общаго нравственнаго порядка вещей, увлекающему за собой всякую общую и частную дѣятельность. Но этотъ общій порядокъ составляется изъ совокупности частныхъ воль. Есть минуты, есть положенія, когда ходъ вещей стоитъ, такъ сказать, на перевѣсѣ, и одно движеніе воли рѣшаетъ то или другое направленіе.

Такая минута была для Запада въ эпоху его отклоненія. Ибо хотя невѣжество народное тяготѣло надъ дѣйствіями папъ, однако нѣтъ сомнѣнія, что въ это время твердая и рѣшительная воля одного изъ нихъ могла бы еще преодолѣть заблужденіе народовъ и удержать истину въ Западной Церкви. Была роковая минута, когда судьбу всего міра Господь видимо вложилъ въ руку одного. Устоитъ онъ въ истинѣ, — и міръ спасенъ отъ тысячелѣтнихъ заблужденій и бѣдствій, народы развиваются въ чувственномъ общеніи вѣры и разума, совокупно уничтожая остатки язычества въ умѣ и жизни общественной; Востокъ передаетъ Западу свѣтъ и силу умственнаго просвѣщенія, Западъ дѣлится съ Востокомъ развитіемъ общественности; вездѣ просвѣщеніе созидается на твердомъ камнѣ Божественнаго Откровенія; лучшія силы духа не тратятся на безполезные перевороты, новымъ вредомъ разрушенія уничтожающіе прежній вредъ злоустройства; лучшій цвѣтъ народовъ не гибнетъ отъ истребительнаго нашествія внѣшнихъ варваровъ, или непреодолѣннаго угнетенія внутренняго языческаго насилія, продолжающаго торжествовать надъ образованностію Христіанскихъ народовъ; общественная жизнь, возрастая стройно, не разрушаетъ каждымъ успѣхомъ прежнихъ пріобрѣтеній и не ищетъ ковчега спасенія въ земныхъ разсчетахъ промышленности, или въ надзвѣздныхъ построеніяхъ утопій; общая образованность опирается не на мечту и не на мнѣніе, но на самую истину, на которой утверждается гармонически и незыблемо:—все это зависѣло отъ одной минуты и, можетъ быть, было во власти одного человѣка. Но человѣкъ не устоялъ,— и Западная образованность, лишенная сочувствія съ Церковью Вселенскою, направилась къ земнымъ цѣлямъ; Восточная, свя-

занная насиліемъ еще преобладающаго язычества и лишенная помощи Западныхъ собратій, затворилась въ монастыряхъ.

Впрочемъ въ XVI-мъ вѣкѣ была, кажется, еще другая минута, когда для Западнаго міра былъ возможенъ возвратъ. Писанія Святыхъ Отцевъ, перенесенныя изъ Греціи послѣ паденія, открыли глаза многимъ Европейцамъ, показавъ имъ различіе между ученіемъ Христіанскимъ и Римскимъ; въ то же время злоупотребленія Римской Церкви достигли такихъ громадныхъ размѣровъ, что народы пришли къ ясному убѣжденію въ необходимости церковнаго преобразованія. Но какъ совершить это преобразованіе, — еще не было рѣшено ни въ чьемъ сознаніи.

„Я изучаю теперь папскія декреталіи,—писалъ тогда Лютеръ къ Меланхтону,—и нахожу въ нихъ столько противорѣчій и лжи, что не въ силахъ повѣрить, чтобы Самъ Духъ Святый внушалъ ихъ, и чтобы на нихъ должна была основываться наша вѣра. Послѣ этого займусь изученіемъ Вселенскихъ Соборовъ и посмотрю, не на нихъ ли вмѣстѣ съ Священнымъ Писаніемъ (и уже мимо декреталій папскихъ) должно утверждаться ученіе Церкви?“

Если бы въ это время Лютеръ вспомнилъ, что цѣлая половина человѣчества, называющагося Христіанами, признаетъ Вселенскихъ Соборовъ только семь, а не шестнадцать, и что эта половина Христіанскаго человѣчества чиста отъ тѣхъ злоупотребленій Западной Церкви, которыя возмутили его душу праведнымъ негодованіемъ, — тогда, можетъ быть, вмѣсто того, чтобы сочинять новое исповѣданіе по своимъ личнымъ понятіямъ, онъ могъ бы прямо обратиться къ Церкви Вселенской. Тогда онъ могъ бы еще это сдѣлать; ибо въ убѣжденіяхъ Германскихъ народовъ не было еще ничего рѣшеннаго, кромѣ ненависти къ папѣ и желанія избѣгнуть отъ Римскихъ беззаконій. За нимъ послѣдовали бы всѣ воздвигнутые имъ народы, и Западъ опять могъ бы соединиться съ Церковью; тѣмъ болѣе, что остатки Гусситства были одною изъ главнѣйшихъ причинъ успѣховъ Лютера, а Гусситство, какъ извѣстно, было проникнуто воспоминаніями и отголосками Церкви Православной *). Но Лютеръ не захотѣлъ вспомнить о Православной

*) Замѣчательно, что Моравскіе братья, которыхъ вѣроученіе, по большей части, измѣнилось вліяніемъ протестантскихъ исповѣданій, до сихъ поръ, одна-

Церкви и, вмѣсто семи Соборовъ, сличалъ между собою всѣ тѣ, которые Римляне называютъ Вселенскими. Вслѣдствіе этого сличенія онъ писалъ къ Меланхтону: „Я изучалъ опредѣленія Соборовъ; они также противорѣчатъ одинъ другому, какъ декреталіи папскія: видно, намъ остается принять за основаніе вѣры одно Священное Писаніе“.

Такъ совершалась реформація. Недоразумѣніе,—вольное или невольное, одинъ Богъ знаетъ,—рѣшило ея судьбу. Когда же, въ XVII-мъ вѣкѣ, протестанты посылали къ Восточнымъ патріархамъ вопросъ о вѣрѣ, — было уже поздно. Мнѣнія протестантовъ уже сложились и загорѣлись всѣмъ жаромъ новыхъ убѣжденій и новыхъ еще неиспытанныхъ надеждъ.

Упоминая объ этихъ отношеніяхъ обще-народныхъ убѣжденій къ случайностямъ нравственнаго произвола частныхъ лицъ, мы не уклоняемся отъ своего предмета. Напротивъ, мы составили бы себѣ ложное понятіе о развитіи человѣческаго мышленія, если бы отдѣлили ее отъ вліянія нравственной и исторической случайности. Нѣтъ ничего легче, какъ представить каждый фактъ дѣйствительности въ видѣ неминуемаго результата высшихъ законовъ разумной необходимости; но ничто не искажаетъ такъ настоящаго пониманія исторіи, какъ эти мнимые законы разумной необходимости, которые въ самомъ дѣлѣ суть только законы разумной возможности. Все должно имѣть свою мѣру и стоять въ своихъ границахъ. Конечно, каждая минута въ исторіи человѣчества есть прямое послѣдствіе прошедшей и рождаетъ грядущую. Но одна изъ стихій этихъ минутъ есть свободная воля человѣка. Не хотѣть ее видѣть значитъ хотѣть себя обманывать и замѣнять внѣшнею стройностію понятій дѣйствительное сознаніе живой истины.

Изъ этихъ двухъ минутъ жизни Западной Европы, когда она могла присоединиться къ Церкви Православной, — и не присоединилась, только по случайному дѣйствію человѣческой воли, — мы видимъ, что образованность Европы хотя совершенно отлична отъ характера образованности Православной, однакоже не такъ далека отъ нея, какъ представляется при первомъ воззрѣніи. Въ самой сущности ея лежитъ необходи-

---

ко, одни изъ всего Западнаго міра исповѣдаютъ догматъ о Св. Троицѣ согласно съ ученіемъ Православной Церкви. Но они сами не сознаютъ еще всей важности этого отличія. Общій характеръ Западной образованности еще не вмѣщаетъ въ себя этого сознанія.

мость отдѣльныхъ періодовъ развитія, между которыми она является свободною отъ предыдущихъ вліяній и способною избрать то или другое направленіе.

Однакоже, если при началѣ реформаціи была возможность двухъ исходовъ, то, послѣ ея развитія, уже не было другой, кромѣ исполнившейся. Строить зданіе вѣры на личныхъ убѣжденіяхъ народа—тòже, что строить башню по мыслямъ каждаго работника. Общаго между вѣрующими протестантами были только нѣкоторыя особыя понятія ихъ первыхъ предводителей, буква Священнаго Писанія и естественный разумъ, на которомъ ученіе вѣры должно было сооружаться. Въ настоящее время едва ли найдется много лютеранскихъ пасторовъ, которые бы во всемъ были согласны съ исповѣданіемъ Аугсбургскимъ, хотя, при вступленіи въ должность, всѣ обѣщаются принимать его за основаніе своего вѣроученія. Между тѣмъ естественный разумъ, на которомъ должна была утвердиться Церковь, переросъ вѣру народа. Понятія философскія все болѣе и болѣе замѣняли и замѣняютъ понятія религіозныя. Пройдя эпоху невѣрія сомнѣвающагося, потомъ эпоху невѣрія фанатическаго, мысль человѣка перешла наконецъ къ невѣрію равнодушно-разсуждающему, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ сознанію внутренней пустоты, требующей живаго убѣжденія, которое бы связывало человѣка съ человѣкомъ не холоднымъ согласіемъ въ отвлеченныхъ убѣжденіяхъ, не наружною связью внѣшнихъ выгодъ, но внутреннимъ сочувствіемъ цѣльнаго бытія, одною любовью, однимъ разумомъ и однимъ стремленіемъ проникнутаго.

Но гдѣ найдетъ Западъ эти живыя убѣжденія? Воротиться къ тому, чему онъ вѣрилъ прежде, уже невозможно. Насильственные возвраты, искусственная вѣра — тòже, что стараніе нѣкоторыхъ охотниковъ до театра убѣдить себя, что декорація—дѣйствительность.

Раздробивъ цѣльность духа на части и отдѣленному логическому мышленію предоставивъ высшее сознаніе истины, человѣкъ въ глубинѣ своего самосознанія оторвался отъ всякой связи съ дѣйствительностію и самъ явился на землѣ существомъ отвлеченнымъ, какъ зритель въ театрѣ, равно способный всему сочувствовать, все одинаково любить, ко всему стремиться, подъ условіемъ только, чтобы физическая личность его ни отъ чего не страдала и не безпокоилась. Ибо только отъ

одной физической личности не могъ онъ отрѣшиться своею логическою отвлеченностію.

Потому не только вѣра утратилась на Западѣ, но вмѣстѣ съ ней погибла и поэзія, которая безъ живыхъ убѣжденій должна была обратиться въ пустую забаву и сдѣлалась тѣмъ скучнѣе, чѣмъ исключительнѣе стремилась къ одному вообразимому удовольствію.

Одно осталось серьезное для человѣка: это промышленность; ибо для него уцѣлѣла одна дѣйствительность бытія: его физическая личность. Промышленность управляетъ міромъ безъ вѣры и поэзіи. Она въ наше время соединяетъ и раздѣляетъ людей; она опредѣляетъ отечество, она обозначаетъ сословія, она лежитъ въ основаніи государственныхъ устройствъ, она движетъ народами, она объявляетъ войну, заключаетъ миръ, измѣняетъ нравы, даетъ направленіе наукамъ, характеръ—образованности; ей покланяются, ей строятъ храмы, она дѣйствительное божество, въ которое вѣрятъ нелицемѣрно и которому повинуются. Безкорыстная дѣятельность сдѣлалась невѣроятною; она принимаетъ такое же значеніе въ мірѣ современномъ, какое во времена Сервантеса получила дѣятельность рыцарская.

Впрочемъ мы всего еще не видимъ. Неограниченное господство промышленности и послѣдней эпохи философіи, можно сказать, только начинается. Рука объ руку одна съ другой, имъ слѣдуетъ еще пройти весь кругъ новаго развитія Европейской жизни. Трудно понять, до чего можетъ достигнуть Западная образованность, если въ народахъ не произойдетъ какой нибудь внутренней перемѣны. Эта возможная перемѣна, очевидно, можетъ заключаться только въ перемѣнѣ основныхъ убѣжденій, или, другими словами, въ измѣненіи духа и направленія философіи,—ибо въ ней теперь весь узелъ человѣческаго самосознанія.

Но характеръ господствующей философіи, какъ мы видѣли, зависитъ отъ характера господствующей вѣры. Гдѣ она и не происходитъ отъ нея непосредственно, гдѣ даже является ея противорѣчіемъ, философія все таки рождается изъ того особеннаго настроенія разума, которое сообщено ему особеннымъ характеромъ вѣры. Тотъ же смыслъ, которымъ человѣкъ понималъ Божественное, служитъ ему и къ разумѣнію истины вообще.

Подъ вліяніемъ Римскаго исповѣданія, этотъ смыслъ былъ логическая разсудочность, которая, однакоже, дѣйствовала только отрывочно, не имѣя возможности собраться въ свою отдѣльную цѣльность, ибо полнота ея дѣятельности разрушалась вмѣшательствомъ внѣшняго авторитета.

Подъ вліяніемъ исповѣданій протестантскихъ, эта разсудочность достигла полнаго развитія въ своей отдѣленности и, сознавая себя въ этой полнотѣ своего развитія, какъ нѣчто высшее, назвала себя разумомъ (die Vernunft), въ противоположность отъ прежней своей отрывчатой дѣятельности, для которой оставила названіе разсудка (der Verstand).

Но для насъ, воспитанныхъ внѣ Римскаго и протестантскаго вліянія, ни тотъ, ни другой способъ мышленія не могутъ быть вполнѣ удовлетворительны. Хотя мы и подчиняемся образованности Запада, ибо не имѣемъ еще своей, но только до тѣхъ поръ можемъ подчиняться ей, покуда не сознáемъ ея односторонности.

Въ Церкви Православной отношеніе между разумомъ и вѣрою совершенно отлично отъ Церкви Римской и отъ протестантскихъ исповѣданій. Это отличіе заключается между прочимъ въ томъ, что въ Православной Церкви Божественное Откровеніе и человѣческое мышленіе не смѣшиваются; предѣлы между Божественнымъ и человѣческимъ не переступаются ни наукою, ни ученіемъ Церкви. Какъ бы ни стремилось вѣрующее мышленіе согласить разумъ съ вѣрою, но оно никогда не приметъ никакого догмата Откровенія за простой выводъ разума, никогда не присвоитъ выводу разума авторитетъ Откровеннаго догмата. Границы стоятъ твердо и нерушимо. Никакой патріархъ, никакое собраніе епископовъ, никакое глубокомысленное соображеніе ученаго, никакая власть, никакой порывъ такъ называемаго общаго мнѣнія какого бы ни было времени не могутъ прибавить новаго догмата, ни измѣнить прежній, ни приписать его толкованію власть Божественнаго Откровенія и выдать такимъ образомъ изъясненіе человѣческаго разума за святое ученіе Церкви, или вмѣшать авторитетъ вѣчныхъ и незыблемыхъ истинъ Откровенія въ область наукъ, подлежащихъ развитію, измѣняемости, ошибкамъ и личной совѣсти каждаго. Всякое распространеніе Церковнаго ученія далѣе предѣловъ Церковнаго преданія само собою выходитъ изъ сферы Церковнаго авторитета и является, какъ частное мнѣніе, болѣе

или менѣе уважительное, но уже подлежащее суду разума. И чье бы ни было новое мнѣніе, не признанное прежними вѣками, хотя бы мнѣніе цѣлаго народа, хотя бы большей части всѣхъ Христіанъ какого нибудь времени,—но если бы оно захотѣло выдать себя за догматъ Церкви, то этимъ притязаніемъ оно исключило бы себя изъ Церкви. Ибо Церковь Православная не ограничиваетъ своего самосознанія какимъ нибудь временемъ,—сколько бы это время ни почитало себя разумнѣе прежнихъ; но вся совокупность Христіанъ всѣхъ вѣковъ, настоящаго и прошедшихъ, составляетъ одно недѣлимое, вѣчно для нея живущее собраніе вѣрныхъ, связанныхъ единствомъ сознанія столько же, сколько общеніемъ молитвы.

Такая неприкосновенность предѣловъ Божественнаго Откровенія, ручаясь за чистоту и твердость вѣры въ Православной Церкви, съ одной стороны ограждаетъ ея ученіе отъ неправильныхъ перетолкованій естественнаго разума, съ другой—ограждаетъ разумъ отъ неправильнаго вмѣшательства Церковнаго авторитета. Такъ что для православнаго Христіанина всегда будетъ равно непонятно и то, какъ можно жечь Галилея за несогласіе его мнѣній съ понятіями Церковной іерархіи, и то, какъ можно отвергать достовѣрность Апостольскаго посланія за несогласіе истинъ, въ немъ выраженныхъ, съ понятіями какого нибудь человѣка или какого нибудь времени.

Но чѣмъ яснѣе обозначены и чѣмъ тверже стоятъ границы Божественнаго Откровенія, тѣмъ сильнѣе потребность вѣрующаго мышленія—согласить понятіе разума съ ученіемъ вѣры. Ибо истина одна, и стремленіе къ сознанію этого единства есть постоянный законъ и основное побужденіе разумной дѣятельности.

Чѣмъ свободнѣе, чѣмъ искреннѣе вѣрующій разумъ въ своихъ естественныхъ движеніяхъ, тѣмъ полнѣе и правильнѣе стремится онъ къ Божественной истинѣ. Для православномыслящаго ученіе Церкви не пустое зеркало, которое каждой личности отражаетъ ея очертаніе; не Прокрустова постель, которая уродуетъ живыя личности по одной условной мѣркѣ; но высшій идеалъ, къ которому только можетъ стремиться вѣрующій разумъ, конечный край высшей мысли, руководительная звѣзда, которая горитъ на высотѣ неба и, отражаясь въ сердцѣ, освѣщаетъ разуму его путь къ истинѣ.

Но, чтобы согласить разумъ съ вѣрою, для православномыслящаго недостаточно устроивать разумныя понятія сообразно положеніямъ вѣры, избирать соотвѣтственныя, исключать противныя и такимъ образомъ очищать разумъ отъ всего противорѣчащаго вѣрѣ. Если бы въ такой отрицательной дѣятельности заключались отношенія православнаго мышленія къ вѣрѣ, то и результаты этого отношенія были бы такіе же, какъ на Западѣ. Понятія, несогласныя съ вѣрою, происходя изъ того же источника и такимъ же способомъ, какъ и понятія согласныя съ нею, имѣли бы одинакое съ ними право на признаніе, и въ самой основѣ самосознанія произошло бы то болѣзненное раздвоеніе, которое рано или поздно, но неминуемо уклонило бы мышленіе внѣ вѣры.

Но въ томъ-то и заключается главное отличіе православнаго мышленія, что оно ищетъ не отдѣльныя понятія устроить сообразно требованіямъ вѣры, но самый разумъ поднять выше своего обыкновеннаго уровня, — стремится самый источникъ разумѣнія, самый способъ мышленія возвысить до сочувственнаго согласія съ вѣрою.

Первое условіе для такого возвышенія разума заключается въ томъ, чтобы онъ стремился собрать въ одну недѣлимую цѣльность всѣ свои отдѣльныя силы, которыя въ обыкновенномъ положеніи человѣка находятся въ состояніи разрозненности и противорѣчія; чтобы онъ не признавалъ своей отвлеченной логической способности за единственный органъ разумѣнія истины; чтобы голосъ восторженнаго чувства, не соглашенный съ другими силами духа, онъ не почиталъ безошибочнымъ указаніемъ правды; чтобы внушенія отдѣльнаго эстетическаго смысла, независимо отъ другихъ понятій, онъ не считалъ вѣрнымъ путеводителемъ для разумѣнія высшаго міроустройства; даже, — чтобы господствующую любовь своего сердца, отдѣльно отъ другихъ требованій духа, онъ не почиталъ за непогрѣшительную руководительницу къ постиженію высшаго блага; но чтобы постоянно искалъ въ глубинѣ души того внутренняго корня разумѣнія, гдѣ всѣ отдѣльныя силы сливаются въ одно живое и цѣльное зрѣніе ума.

И для разумѣнія истины въ этомъ собраніи всѣхъ душевныхъ силъ, разумъ не будетъ приводить мысль, ему предстоящую, послѣдовательно и отдѣльно на судъ каждой изъ

своихъ отдѣльныхъ способностей, стараясь согласить всѣ ихъ приговоры въ одно общее значеніе. Но въ цѣльномъ мышленіи, при каждомъ движеніи души, всѣ ея струны должны быть слышны въ полномъ аккордѣ, сливаясь въ одинъ гармоническій звукъ.

Внутреннее сознаніе, что есть въ глубинѣ души живое общее средоточіе для всѣхъ отдѣльныхъ силъ разума, сокрытое отъ обыкновеннаго состоянія духа человѣческаго, но достижимое для ищущаго, и одно достойное постигать высшую истину,—такое сознаніе постоянно возвышаетъ самый образъ мышленія человѣка: смиряя его разсудочное самомнѣніе, онъ не стѣсняетъ свободы естественныхъ законовъ его разума; напротивъ, укрѣпляетъ его самобытность и вмѣстѣ съ тѣмъ добровольно подчиняетъ его вѣрѣ. Тогда на всякое мышленіе, исходящее изъ высшаго источника разумѣнія, онъ смотритъ, какъ на неполное, и потому невѣрное знаніе, которое не можетъ служить выраженіемъ высшей истины, хотя можетъ быть полезнымъ на своемъ подчиненномъ мѣстѣ, и даже иногда быть необходимою ступенью для другаго знанія, стоящаго на ступени еще низшей.

Потому, свободное развитіе естественныхъ законовъ разума не можетъ быть вредно для вѣры православно-мыслящаго. Православно-вѣрующій можетъ заразиться невѣріемъ, и то только при недостаткѣ внѣшней самобытной образованности,—но не можетъ, какъ мыслящій другихъ исповѣданій, естественнымъ развитіемъ разума придти къ невѣрію. Ибо его коренныя понятія о вѣрѣ и разумѣ предохраняютъ его отъ этого несчастія. Вѣра для него не слѣпое понятіе, которое потому только въ состояніи *вѣры*, что не развито естественнымъ разумомъ, и которое разумъ долженъ *возвысить* на степень *знанія*, разложивъ его на составныя части и показавъ такимъ образомъ, что въ немъ нѣтъ ничего особеннаго, чего бы и безъ Божественнаго Откровенія нельзя было найти въ сознаніи естественнаго разума; она также не одинъ внѣшній авторитетъ, передъ которымъ разумъ долженъ слѣпнуть; но авторитетъ вмѣстѣ внѣшній и внутренній, высшая разумность, живительная для ума. Для нея развитіе разума естественнаго служитъ только ступенями, и, превышая обыкновенное состояніе ума, она тѣмъ самымъ вразумляетъ его, что онъ отклонился отъ своей первоестественной цѣльности и этимъ вразумленіемъ побуждаетъ

къ возвращенію на степень высшей дѣятельности. Ибо православно-вѣрующій знаетъ, что для цѣльной истины нужна цѣльность разума, и исканіе этой цѣльности составляетъ постоянную задачу его мышленія.

При такомъ убѣжденіи, вся цѣпь основныхъ началъ естественнаго разума, могущихъ служить исходными точками для всѣхъ возможныхъ системъ мышленія, является ниже разума вѣрующаго, какъ въ бытіи внѣшней природы вся цѣпь различныхъ органическихъ существъ является ниже человѣка, способнаго при всѣхъ степеняхъ развитія къ внутреннему Богосознанію и молитвѣ.

Находясь на этой высшей степени мышленія, православно-вѣрующій легко и безвредно можетъ понять всѣ системы мышленія, исходящія изъ низшихъ степеней разума, и видѣть ихъ ограниченность и вмѣстѣ относительную истинность. Но для мышленія, находящагося на низшей степени, высшая непонятна и представляется неразуміемъ. Таковъ законъ человѣческаго ума вообще.

Эта независимость основной мысли православно-вѣрующаго отъ низшихъ системъ, могущихъ прикасаться его уму, не составляетъ исключительной принадлежности однихъ ученыхъ богослововъ и находится, такъ сказать, въ самомъ воздухѣ Православія. Ибо какъ бы ни мало были развиты разсудочныя понятія вѣрующаго, но каждый православный сознаетъ во глубинѣ души, что истина Божественная не обнимается соображеніями обыкновеннаго разума и требуетъ высшаго, духовнаго зрѣнія, которое пріобрѣтается не наружною ученостію, но внутреннею цѣльностію бытія. Потому истиннаго Богомыслія ищетъ онъ тамъ, гдѣ думаетъ встрѣтить вмѣстѣ и чистую цѣльную жизнь, которая ручается ему за цѣльность разума, а не тамъ, гдѣ возвышается одна школьная образованность. Потому также весьма рѣдки случаи, чтобы православно-вѣрующій утратилъ свою вѣру единственно вслѣдствіе какихъ нибудь логическихъ разсужденій, могущихъ измѣнить его разсудочныя понятія. По большей части онъ увлекается къ невѣрію, а не убѣждается имъ. Онъ теряетъ вѣру не отъ умственныхъ затрудненій, но вслѣдствіе соблазновъ жизни, и своими разсудочными соображеніями ищетъ только оправдать въ собственныхъ глазахъ своихъ свое сердечное отступничество. Въ послѣдствіи уже безвѣріе укрѣпляется въ немъ ка-

кою нибудь разумною системою, замѣняющею прежнюю вѣру; такъ что тогда ему уже трудно бываетъ опять возвратиться къ вѣрѣ, не прочистивъ предварительно дороги для своего разума. Но покуда онъ вѣритъ сердцемъ, для него логическое разсужденіе безопасно. Ибо для него нѣтъ мышленія, оторваннаго отъ памяти о внутренней цѣльности ума, о томъ средоточіи самосознанія, гдѣ настоящее мѣсто для высшей истины и гдѣ не одинъ отвлеченный разумъ, но вся совокупность умственныхъ и душевныхъ силъ кладутъ одну общую печать достовѣрности на мысль, предстоящую разуму,—какъ на Аѳонскихъ горахъ каждый монастырь имѣетъ только одну часть той печати, которая, слагаясь вмѣстѣ изо всѣхъ отдѣльныхъ частей, на общемъ соборѣ монастырскихъ предстоятелей составляетъ одну законную печать Аѳона.

По этой же причинѣ въ мышленіи православно-вѣрующаго совокупляется всегда двойная дѣятельность: слѣдя за развитіемъ своего разумѣнія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдитъ и за самымъ способомъ своего мышленія, постоянно стремясь возвысить разумъ до того уровня, на которомъ бы онъ могъ сочувствовать вѣрѣ. Внутреннее сознаніе, или иногда только темное чувство этого искомаго, конечнаго края ума, присутствуетъ неотлучно при каждомъ движеніи его разума, при каждомъ, такъ сказать, дыханіи его мысли, и если когда нибудь возможно развитіе самобытной образованности въ мірѣ православно-вѣрующемъ, то очевидно, что эта особенность православнаго мышленія, исходящая изъ особеннаго отношенія разума къ вѣрѣ, должна опредѣлить ея господствующее направленіе. Такое только мышленіе можетъ со временемъ освободить умственную жизнь православнаго міра отъ искажающихъ вліяній посторонняго просвѣщенія, также какъ и отъ удушающаго гнета невѣжества, равно противныхъ просвѣщенію православному. Ибо развитіе мышленія, дающее тотъ или другой смыслъ всей умственной жизни, или, лучше сказать, развитіе философіи, условливается соединеніемъ двухъ противоположныхъ концовъ человѣческой мысли: того, гдѣ она сопрягается съ высшими вопросами вѣры, и того, гдѣ она прикасается развитію наукъ и внѣшней образованности.

Философія не есть одна изъ наукъ, и не есть вѣра. Она общій итогъ и общее основаніе всѣхъ наукъ, и проводникъ мысли между ними и вѣрою.

Гдѣ есть вѣра, и нѣтъ развитія разумной образованности, тамъ и философіи быть не можетъ.

Гдѣ есть развитіе наукъ и образованности, но нѣтъ вѣры, или вѣра исчезла,—тамъ убѣжденія философскія замѣняютъ убѣжденія вѣры и, являясь въ видѣ предразсудка, даютъ направленіе мышленію и жизни народа. Не всѣ, раздѣляющіе философскія убѣжденія, изучали системы, изъ которыхъ онѣ исходятъ; но всѣ принимаютъ послѣдніе выводы этихъ системъ, такъ сказать, на вѣру въ убѣжденіе другихъ. Опираясь на эти умственные предразсудки съ одной стороны, а съ другой—возбуждаясь текущими вопросами современной образованности, разумъ человѣческій порождаетъ новыя системы философіи, соотвѣтствующія взаимному отношенію установившихся предубѣжденій и текущей образованности.

Но тамъ, гдѣ вѣра народа имѣетъ одинъ смыслъ и одно направленіе, а образованность, заимствованная отъ другаго народа, имѣетъ другой смыслъ и другое направленіе,—тамъ должно произойти одно изъ двухъ: или образованность вытѣснитъ вѣру, порождая соотвѣтственныя себѣ убѣжденія философскія; или вѣра, преодолѣвая въ мыслящемъ сознаніи народа эту внѣшнюю образованность, изъ самаго соприкосновенія съ нею произведетъ свою философію, которая дастъ другой смыслъ образованности внѣшней и проникнетъ ее господствомъ другаго начала.

Послѣднее совершилось, когда Христіанство явилось среди образованности языческой. Не только наука, но и самая философія языческая обратилась въ орудіе Христіанскаго просвѣщенія и, какъ подчиненное начало, вошло въ составъ философіи Христіанской.

Покуда внѣшнее просвѣщеніе продолжало жить на Востокѣ, до тѣхъ поръ процвѣтала тамъ и православно-Христіанская философія. Она погасла только вмѣстѣ съ свободою Греціи и съ уничтоженіемъ ея образованности. Но слѣды ея сохраняются въ Писаніяхъ Святыхъ Отцевъ Православной Церкви, какъ живыя искры, готовыя вспыхнуть при первомъ прикосновеніи вѣрующей мысли и опять засвѣтить путеводительный фонарь для разума, ищущаго истины.

Но возобновить философію Св. Отцевъ въ томъ видѣ, какъ она была въ ихъ время, невозможно. Возникая изъ отношенія вѣры къ современной образованности, она должна была

соотвѣтствовать и вопросамъ своего времени, и той образованности, среди которой она развилась. Развитіе новыхъ сторонъ наукообразной и общественной образованности требуетъ и соотвѣтственнаго имъ новаго развитія философіи. Но истины, выраженныя въ умозрительныхъ Писаніяхъ Св. Отцевъ, могутъ быть для нея живительнымъ зародышемъ и свѣтлымъ указателемъ пути.

Противопоставить эти драгоцѣнныя и живительныя истины современному состоянію философіи; проникнуться, по возможности, ихъ смысломъ; сообразить въ отношеніи къ нимъ всѣ вопросы современной образованности, всѣ логическія истины, добытыя наукою, всѣ плоды тысячелѣтнихъ опытовъ разума среди его разносторонних дѣятельностей; изо всѣхъ этихъ соображеній вывести общія слѣдствія, соотвѣтственныя настоящимъ требованіямъ просвѣщенія,—вотъ задача, рѣшеніе которой могло бы измѣнить все направленіе просвѣщенія въ народѣ, гдѣ убѣжденія Православной вѣры находятся въ разногласіи съ заимствованною образованностію.

Но для удовлетворительнаго рѣшенія этой великой задачи нужна совокупная дѣятельность людей единомысленныхъ. Философія, которая не хочетъ оставаться въ книгѣ и стоять на полкѣ, но должна перейти въ живое убѣжденіе,—должна также и развиться изъ живаго взаимно-дѣйствія убѣжденій, разнообразно, но единомышленно стремящихся къ одной цѣли. Ибо все, что́ есть существеннаго въ душѣ человѣка, выростаетъ въ немъ только общественно. Потомъ необходимо, чтобы личныя убѣжденія пришли не въ предположительное, но въ дѣйствительное столкновеніе съ вопросами окружающей образованности. Ибо только изъ дѣйствительныхъ отношеній къ существенности загораются тѣ мысли, которыя освѣщаютъ умъ и согрѣваютъ душу.

Но чтобы понять отношенія, которыя философія древнихъ Св. Отцевъ можетъ имѣть къ современной образованности, недостаточно прилагать къ ней требованія нашего времени; надобно еще постоянно держать въ умѣ ея связь съ образованностію, ей современною, чтобы отличить то, что въ ней есть существеннаго, отъ того, что только временное и относительное. Тогда не та была степень развитія наукъ, не тотъ ха-

рактеръ этого развитія, и не то волновало и смущало сердце человѣка, что волнуетъ и смущаетъ его теперь.

Древній міръ былъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ Христіанствомъ: не только тогда, когда Христіанство боролось съ многобожіемъ, но и тогда, когда государство называло себя Христіанскимъ. Міръ и Церковь были двѣ противныя крайности, которыя взаимно другъ друга исключали въ сущности, хотя терпѣли другъ друга наружно. Язычество не уничтожилось съ многобожіемъ. Оно процвѣтало въ устройствѣ государственномъ, въ законахъ, въ Римскомъ правительствѣ, своекорыстномъ, бездушномъ, насильственномъ и лукавомъ; въ чиновникахъ, нагло продажныхъ и открыто двоедушныхъ; въ судахъ, явно подкупныхъ и вопіющую несправедливость умѣвшихъ одѣвать въ формальную законность; въ нравахъ народа, проникнутыхъ лукавствомъ и роскошью, въ его обычаяхъ, въ его играхъ, однимъ словомъ, во всей совокупности общественныхъ отношеній Имперіи. Константинъ Великій призналъ правительство Христіанскимъ, но не успѣлъ его переобразовать согласно духу Христіанскому. Физическое мученичество прекратилось, но нравственное осталось. Великое дѣло было — законное и гласное признаніе истины Христіанства; но воплощеніе этой истины въ государственномъ устройствѣ требовало времени. Если бы преемники Константина были проникнуты такимъ же искреннимъ уваженіемъ къ Церкви, то, можетъ быть, Византія могла бы сдѣлаться Христіанскою. Но ея правители по большей части были еретики или отступники и угнетали Церковь, подъ видомъ покровительства, пользуясь ею только, какъ средствомъ для своей власти. Между тѣмъ самый составъ Римской Имперіи былъ таковъ, что для правящей ею власти едва ли возможно было отказаться отъ своего языческаго характера. Римская власть была отвлеченно-государственная; подъ правительствомъ не было народа, котораго бы оно было выраженіемъ, съ которымъ его сочувственныя отношенія могли бы устроивать лучшую жизнь государства. Римское правительство было внѣшнею и насильственною связью многихъ разнородныхъ народностей, чуждыхъ другъ другу по языку и нравамъ и враждебныхъ по интересамъ. Крѣпость правительства основывалась на равновѣсіи народныхъ враждебностей. Насильственный узелъ связывалъ людей, но не соединялъ ихъ. Всякій

общественный и мѣстный духъ, которымъ дышетъ и держится нравственность общественная, былъ противенъ правительству. У народовъ остались родины, но отечество исчезло и не могло возникнуть иначе, какъ изъ внутренняго единомыслія. Одна Церковь Христіанская оставалась живою, внутреннею связью между людьми; одна любовь къ небесному отечеству соединяла ихъ; одно единомысліе въ вѣрѣ вело къ сочувствію жизненному; одно единство внутреннихъ убѣжденій, укрѣпляясь въ умахъ, могло со временемъ привести и къ лучшей жизни на землѣ. Потому, стремленіе къ единомыслію и единодушію въ Церкви было полнымъ выраженіемъ и любви къ Богу, и любви къ человѣчеству, и любви къ отечеству, и любви къ истинѣ. Между гражданиномъ Рима и сыномъ Церкви не было ничего общаго. Христіанину оставалась одна возможность для общественной дѣятельности, которая заключалась въ полномъ и безусловномъ протестѣ противъ міра. Чтобы спасти внутреннія убѣжденія, Христіанинъ Византійскій могъ только умереть для общественной жизни. Такъ онъ дѣлалъ, идя на мученичество; такъ дѣлалъ, уходя въ пустыни, или запираясь въ монастырь. Пустыня и монастырь были не главнымъ, но, можно сказать, почти единственнымъ поприщемъ для Христіанскаго нравственнаго и умственнаго развитія человѣка; ибо Христіанство не уклонялось умственнаго развитія, но, напротивъ, вмѣщало его въ себѣ.

Вслѣдствіе такого порядка вещей, вопросы современной образованности не могли имѣть характера общественнаго, потому и философія должна была ограничиться развитіемъ внутренней, созерцательной жизни. Интересъ историческій, который основывается на интересѣ общественномъ, также не могъ входить въ ея сферу. Нравственные вопросы касались ея также только въ той мѣрѣ, въ какой они относились къ одинокой внутренней жизни. Но внѣшняя жизнь человѣка и законы развитія отношеній семейныхъ, гражданскихъ, общественныхъ и государственныхъ, почти не входили въ ея объемъ. Хотя общія начала для этихъ отношеній находятся въ ея общихъ понятіяхъ о человѣкѣ, но они не получили наукообразнаго вывода. Можетъ быть, общія нравственныя понятія тѣмъ чище и глубже раскрывались въ одинокихъ умозрѣніяхъ монастырей, чѣмъ менѣе къ нимъ примѣшивались

временныя мірскія вліянія. Но ихъ внутренняя чистота и глубина не имѣли той полноты наружнаго развитія, какой требовало бы отъ нихъ другое время и другое состояніе внѣшней образованности.

Однакоже, между вопросами внутренней, созерцательной жизни того времени и между вопросами современной намъ общественно-философской образованности есть общее; это— человѣческій разумъ. Естество разума, разсматриваемое съ высоты сосредоточеннаго Богомыслія, испытанное въ самомъ высшемъ развитіи внутренняго, духовнаго созерцанія, является совсѣмъ въ другомъ видѣ, чѣмъ въ какомъ является разумъ, ограничивающійся развитіемъ жизни внѣшней и обыкновенной. Конечно, общіе его законы тѣ же. Но, восходя на высшую ступень развитія, онъ обнаруживаетъ новыя стороны и новыя силы своего естества, которыя бросаютъ новый свѣтъ и на общіе его законы.

То понятіе о разумѣ, которое выработалось въ новѣйшей философіи и котораго выраженіемъ служитъ система Шеллинго-Гегельянская, не противорѣчило бы безусловно тому понятію о разумѣ, какое мы замѣчаемъ въ умозрительныхъ твореніяхъ Святыхъ Отцевъ, еслибы только оно не выдавало себя за высшую познавательную способность, и вслѣдствіе этого притязанія на высшую силу познаванія, не ограничивало бы самую истину только той стороной познаваемости, которая доступна этому отвлеченно-раціональному способу мышленія.

Всѣ ложные выводы раціональнаго мышленія зависятъ только отъ его притязанія на высшее и полное познаніе истины. Если бы оно сознало свою ограниченность и видѣло въ себѣ одно изъ орудій, которыми познается истина, а не единственное орудіе познаванія; тогда и выводы свои оно представило бы, какъ условные и относящіеся единственно къ его ограниченной точкѣ зрѣнія, и ожидало бы другихъ, высшихъ и истиннѣйшихъ выводовъ отъ другаго, высшаго и истиннѣйшаго способа мышленія. Въ этомъ смыслѣ принимается оно мыслящимъ Христіаниномъ, который, отвергая его послѣдніе результаты, тѣмъ съ большею пользою для своего умственнаго развитія можетъ изучать его относительную истину, принимая, какъ законное достояніе разума, все, что есть вѣрнаго и объяснительнаго въ самомъ одностороннемъ развитіи его умозрѣній.

Впрочемъ, если бы разумъ философскій сознаръ свою ограниченность, то, развиваясь даже внутри ея, онъ принялъ бы другое направленіе, могущее его привести къ высшей полнотѣ знанія. Но это сознаніе ограниченности было бы смертнымъ приговоромъ его безусловному авторитету: потому онъ всегда боялся этого сознанія, и тѣмъ болѣе, что оно всегда было близко къ нему. Чтобы избѣжать его, онъ безпрестанно мѣнялъ свои формы. Едва понимали его недостаточность, какъ онъ ускользалъ отъ этого пониманія, являясь въ другомъ видѣ и оставляя свой прежній образъ, какъ простую чешую, въ рукахъ своихъ противниковъ. Такъ: чтобы избѣжать упрековъ въ недостаточности, онъ перешелъ отъ формально-логическихъ доказательствъ къ опытнымъ наблюденіямъ съ одной стороны, съ другой—къ внутреннему сознанію истины, и назвалъ прежнее свое мышленіе *разсудочнымъ*, а новое *разумнымъ*. Обнаруживъ вслѣдствіе своего развитія въ новой формѣ также и ея недостаточность, онъ назвалъ и ее *разсудочною* и перешелъ къ *чистому разуму*. Когда же Якоби обличалъ ограниченность теорій чистаго разума, какъ онѣ выразились въ системѣ Канта и Фихте, то въ концѣ своей длинной и многолѣтней полемики, узналъ къ своему удивленію, что все, сказанное имъ о *разумѣ*, должно относиться къ *разсудку*. Теорія Канта и Фихте оказалась разсудочная; развитіе разума должно было только начаться въ системѣ Шеллинга и Гегеля. „Теперь только, — писалъ Гегель въ 1802 году, указывая на систему Шеллинга,—теперь только можетъ начаться собственно философія *разума;* ибо циклъ разсудочнаго развитія окончился системою Фихте“.

Такимъ образомъ разумъ, какъ его понимаетъ послѣдняя философія, не смѣшиваетъ себя съ логическимъ разсудкомъ, заключающимся въ формальномъ сцѣпленіи понятій и движущимся посредствомъ силлогистическихъ выводовъ и доказательствъ. Разумъ въ послѣднемъ своемъ видѣ выводитъ свое знаніе, по законамъ умственной необходимости, не изъ отвлеченнаго понятія, но изъ самаго корня самосознанія, гдѣ бытіе и мышленіе соединяются въ одно бозусловное тождество. Его мыслительный процессъ заключается не въ логическомъ развитіи, движущемся посредствомъ отвлеченныхъ умозаключеній, но въ развитіи діалектическомъ, исходящемъ изъ самой сущности предмета. Предметъ мышленія, предстоя зрѣнію ума, самъ

собою прелагается изъ вида въ видъ, изъ понятія въ понятіе, безпрестанно возрастая въ полнѣйшее значеніе. Умъ, вглядываясь въ предметъ своего мышленія, открываетъ въ немъ внутреннее противорѣчіе, уничтожающее прежнее объ немъ понятіе. Это противорѣчащее, отрицательное понятіе, представляясь уму, также обнаруживаетъ свою несостоятельность и открываетъ въ себѣ необходимость положительной основы, таящейся въ немъ, которая такимъ образомъ уже является, какъ соединеніе положительнаго и отрицательнаго опредѣленія въ одно *сложное* (конкретное). Но это новое понятіе, въ свою очередь, едва представляется уму въ видѣ послѣдняго результата сознаванія, какъ уже въ этомъ притязаніи на конечную самобытность обличаетъ свою несостоятельность и открываетъ свою отрицательную сторону. Эта отрицательная сторона опять приводитъ свою положительную, которая снова подвергается тому же видоизмѣнительному процессу, покуда наконецъ совершится весь кругъ діалектическаго развитія мысли, восходящей отъ перваго начала сознанія къ общей и чистой отвлеченности мышленія, которая вмѣстѣ есть и общая существенность. Отсюда тѣмъ же діалектическимъ способомъ сознаніе наполняется всѣмъ развитіемъ бытія и мышленія, какъ тождественнаго явленія одной осуществленной разумности и самосознающейся существенности.

Но, высказавъ свое послѣднее слово, философскій разумъ далъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность уму сознать его границы. Вслѣдствіе того же діалектическаго процесса, который служилъ разуму къ построенію его философіи, самъ этотъ діалектическій процессъ подвергся тому же разлагающему воззрѣнію и явился предъ разумнымъ сознаніемъ, какъ одна отрицательная сторона знанія, обнимающая только возможную, а не дѣйствительную, истину и требующая въ пополненіе себѣ другаго мышленія, не предположительно, а положительно сознающаго и стоящаго столько же выше логическаго саморазвитія, сколько дѣйствительное событіе выше простой возможности.

Это сознаніе ограниченности и неудовлетворительности послѣдняго выраженія философскаго мышленія составляетъ теперь высшую степень умственнаго развитія Запада. Это не мнѣніе какихъ нибудь дилетантовъ философіи; не возгласы людей, нападающихъ на философію по причинѣ какихъ нибудь посторон-

нихъ интересовъ; это даже не судъ такихъ людей, какъ Краузе и Баадеръ, которые своимъ философскимъ глубокомысліемъ во многомъ помогали развитію послѣдней философіи, но не имѣли довольно власти надъ умами для того, чтобы ихъ протестъ противъ ея безусловной истинности могъ измѣнить направленіе философскаго развитія. Они сильно дѣйствовали на другомъ поприщѣ, которое проходитъ невидимо между наукою и жизнію; но ни одинъ изъ нихъ не образовалъ особой философской школы *). Односторонность и неудовлетворительность раціональнаго мышленія и послѣдней философіи, какъ его полнѣйшаго проявленія, созналъ и выразилъ въ очевидной и неопровержимой ясности тотъ же самый великій мыслитель, который первый создалъ послѣднюю философію и возвысилъ, по признанію Гегеля, раціональное мышленіе отъ формальной разсудочности къ существенной разумности.

Ибо послѣдняя философія Нѣмецкая столько же принадлежитъ Шеллингу, сколько и Гегелю. Она начата была Шеллингомъ, имъ утверждена на своемъ новомъ основаніи, имъ развита во многихъ отдѣльныхъ частяхъ, имъ вмѣстѣ съ Гегелемъ введена въ общее сознаніе Германіи. Гегель долго почитался ученикомъ и послѣдователемъ Шеллинга. Ему принадлежитъ ея подробнѣйшее развитіе, обнимающее всѣ отрасли наукъ и представляющее доконченную круглоту наукообразно построенной системы. Потому, Шеллингъ и могъ такъ ясно сознать ограниченность этой философіи, что она была его собственная мысль **).

---

*) Халибеусъ не можетъ входить въ категорію философовъ, противныхъ послѣднему направленію философіи. Ибо хотя его начала въ самомъ основаніи нѣсколько разногласятъ съ воззрѣніемъ Гегеля на общіе законы разума, но эти разногласія не выводятъ его изъ сферы раціональнаго отвлеченнаго мышленія. Герресъ, бывшій однимъ изъ знаменитѣйшихъ послѣдователей Шеллинга и перешедшій отъ философіи къ вѣрѣ, также не могъ имѣть вліянія на общее развитіе ума, потому что его переходъ совершился не вслѣдствіе правильнаго развитія сознанія, но вслѣдствіе его личной особенности и постороннихъ вліяній.

**) Гегель въ своей исторіи философіи обозначаетъ нѣкоторыя отличія своей системы отъ Шеллинговой; но эти отличія принадлежатъ тому періоду Шеллинговой философіи, когда его мышленіе уже начало принимать другое направленіе, о чемъ, впрочемъ, и самъ Гегель упоминаетъ. Единственное различіе между первою системою Шеллинга и системою Гегеля заключается въ способѣ изложенія основной мысли. Ибо то внутреннее противорѣчіе мысли, которое Шеллингъ представляетъ въ совокупномъ проявленіи двухъ полярностей и ихъ тождества, у Гегеля является въ послѣдовательномъ движеніи сознаванія отъ одного опредѣленія мысли къ противоположному. Что же касается до *умственнаго созерцанія*, о которомъ говорилъ Шеллингъ и которое не вмѣщалось въ систему Гегеля, то оно и въ Шеллинговой первой системѣ не имѣетъ существеннаго значенія. Объ немъ Шеллингъ упоминаетъ, но не развиваетъ его. Это было только предчувствіе будущаго направленія его мысли.

Авторитетъ Шеллинга и еще болѣе очевидная справедливость его воззрѣнія на ограниченность раціональнаго мышленія видимо поколебали въ Германіи безусловную довѣренность къ выводамъ послѣдняго любомудрія и были одной изъ причинъ охлажденія умовъ къ философіи. Конечно, Гегельянцы еще остались и останутся надолго, ибо весь характеръ современной образованности сочувствуетъ ихъ направленію. Но когда мысль на самой вершинѣ своего развитія сознала свою несостоятельность, то новое направленіе уже возможно. Большинство, составляющее толпу, еще долго можетъ оставаться въ отжившихъ убѣжденіяхъ; но прежняго огня увѣренности убѣжденіе толпы въ нихъ не вложитъ. Знаменитый Эрдманъ называетъ себя послѣднимъ Могиканомъ изъ учениковъ Гегеля. Новыхъ философскихъ знаменитостей уже не видно,—и врядъ ли онѣ уже возможны.

Но послѣдняя система Шеллинга не могла еще имѣть настоящаго дѣйствія на умы, потому что соединяетъ въ себѣ двѣ противоположныя стороны, изъ которыхъ одна несомнѣнно истинная, а другая почти столько же несомнѣнно ложная: первая—отрицательная, показывающая несостоятельность раціональнаго мышленія; вторая—положительная, излагающая построеніе новой системы. Но эти двѣ стороны не имѣютъ между собой необходимой связи и могутъ быть отдѣлены одна отъ другой, и непремѣнно будутъ отдѣлены. Тогда отрицательное вліяніе Шеллингова мышленія будетъ еще несравненно сильнѣе. Убѣдившись въ ограниченности самомышленія и въ необходимости Божественнаго Откровенія, хранящагося въ преданіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ необходимости живой вѣры, какъ высшей разумности и существенной стихіи познаванія, Шеллингъ не обратился къ Христіанству, но перешелъ къ нему естественно, вслѣдствіе глубокаго и правильнаго развитія своего разумнаго самосознанія: ибо въ основной глубинѣ человѣческаго разума, въ самой природѣ его заложена возможность сознанія его коренныхъ отношеній къ Богу. Только оторвавшись отъ этой существенной глубины, или не достигнувъ ея, можетъ мысль человѣческая кружиться въ отвлеченномъ забвеніи своихъ основныхъ отношеній. Шеллингъ же, по своей врожденной геніальности и по необычайному развитію своего философскаго глубокомыслія, принадлежалъ къ числу тѣхъ существъ, которыя рождаются не вѣками, но тысячелѣтіями.

Но, стремясь къ Божественному Откровенію, гдѣ могъ онъ найти его чистое выраженіе, соотвѣтствующее его разумной потребности вѣры?—Бывъ отъ рожденія протестантомъ, Шеллингъ былъ, однакоже, столько искренеъ и добросовѣстенъ въ своихъ внутреннихъ убѣжденіяхъ, что не могъ не видать ограниченности протестантизма, отвергающаго преданіе, которое хранилось въ Римской Церкви, и часто выражалъ это воззрѣніе свое; такъ что долгое время по Германіи ходили слухи, что Шеллингъ перешелъ къ Римской Церкви. Но Шеллингъ также ясно видѣлъ и въ Римской Церкви смѣшеніе преданія истиннаго съ неистиннымъ, Божественнаго съ человѣческимъ.

Тяжелое должно быть состояніе человѣка, который томится внутреннею жаждою Божественной истины и не находитъ чистой религіи, которая бы могла удовлетворить этой всепроникающей потребности. Ему оставалось одно: собственными силами добывать и отыскивать изъ смѣшеннаго Христіанскаго преданія то, что соотвѣтствовало его внутреннему понятію о Христіанской истинѣ. Жалкая работа—сочинять себѣ вѣру!

Здѣсь руководствовался онъ не одними умозрительными соображеніями, которыхъ недостаточность такъ ясно сознавалъ, но, кромѣ Священнаго Писанія, искалъ опоры для мысли въ дѣйствительномъ Богосознаніи всего человѣчества, во сколько оно сохраняло преданіе первобытнаго Божественнаго Откровенія человѣку. Въ миѳологіи древнихъ народовъ находилъ онъ слѣды хотя искаженнаго, но не утраченнаго Откровенія. То существенное отношеніе къ Богу, въ которомъ находилось первое человѣчество, распадаясь на различные виды, сообразно развѣтвленію различныхъ народностей, въ каждой народности являлось въ особой ограниченной формѣ, и этою особою формою Богосознанія опредѣляло самую особенность народности. Но внутри всѣхъ этихъ болѣе или менѣе искажающихъ ограниченій оставались неизмѣнныя черты общаго существеннаго характера Откровенія. Согласіе этихъ общихъ внутреннихъ и основныхъ началъ каждой миѳологіи съ основными началами Христіанскаго преданія выражало для Шеллинга чистую истину Божественнаго Откровенія.

Такой взглядъ на исторію человѣческихъ вѣрованій могъ бы быть весьма питателенъ для Христіанской мысли, если бы она предварительно уже стояла на твердомъ основаніи. Но неопредѣленность предварительнаго убѣжденія и вмѣстѣ неопредѣлен-

ность внутренняго значенія миѳологіи, подлежащихъ болѣе или менѣе произвольному толкованію изыскателя, были причиною, что Шеллингова Христіанская философія явилась и не Христіанскою, и не философіей: отъ Христіанства отличалась она самыми главными догматами, отъ философіи—самымъ способомъ познаванія.

Къ тому же, требуя истины существенной, основанной не на отвлеченномъ умозрѣніи, но на мышленіи, проникнутомъ вѣрою, Шеллингъ не обратилъ вниманія на тотъ особенный образъ внутренней дѣятельности разума, который составляетъ необходимую принадлежность вѣрующаго мышленія. Ибо образъ разумной дѣятельности измѣняется, смотря по той степени, на которую разумъ восходитъ. Хотя разумъ одинъ, и естество его одно, но его образы дѣйствія различны, также какъ и выводы, смотря по тому, на какой степени онъ находится, и какая сила имъ движетъ и дѣйствуетъ. Ибо эта движущая и оживляющая сила происходитъ не отъ мысли, предстоящей разуму, но изъ самаго внутренняго состоянія разума исходитъ она къ мысли, въ которой находитъ свое успокоеніе и чрезъ которую уже сообщается другимъ разумнымъ личностямъ.

Эта внутренняя природа разума обыкновенно ускользаетъ отъ вниманія Западныхъ мыслителей. Привыкнувъ къ мышленію отвлеченно-логическому, гдѣ все знаніе зависитъ отъ формальнаго развитія предмета мышленія и гдѣ весь смыслъ поглощается выразимою стороною мысли, они не обращаютъ вниманія на ту внутреннюю силу ума, которая въ предметахъ живаго знанія, превосходящаго формальность логическаго сцѣпленія, совершаетъ движеніе мышленія, постоянно сопровождаетъ его, носится, такъ сказать, надъ выраженіемъ мысли и сообщаетъ ей смыслъ, невмѣстимый внѣшнимъ опредѣленіемъ, и результаты, независимые отъ наружной формы. Потому, въ писаніяхъ Св. Отцевъ искалъ Шеллингъ выраженія Богословскихъ догматовъ, но не цѣнилъ ихъ умозрительныхъ понятій о разумѣ и о законахъ высшаго познаванія. По этой причинѣ положительная сторона его системы, не имѣя внутренняго характера вѣрующаго мышленія, хотя мало нашла сочувствія въ Германіи, но еще менѣе можетъ найти его въ Россіи. Ибо Россія можетъ увлекаться логическими системами иноземныхъ философій, которыя для нея еще новы; но для любомудрія вѣрующаго она строже другихъ земель Европы, имѣя высокіе

образцы духовнаго мышленія въ древнихъ Св. Отцахъ и въ великихъ духовныхъ писаніяхъ всѣхъ временъ, не исключая и настоящаго. За то отрицательная сторона Шеллинговой системы, обнимающая несостоятельность раціональнаго мышленія, врядъ ли можетъ быть такъ безпристрастно оцѣнена въ Германіи, сроднившейся съ своимъ отвлеченнымъ и логическимъ мышленіемъ, какъ въ Россіи, гдѣ, послѣ перваго, юношескаго увлеченія чужою системою, человѣкъ свободнѣе можетъ возвратиться къ существенной разумности, — особенно, когда эта существенная разумность согласна съ его историческою своеобразностію.

Потому я думаю, что философія Нѣмецкая, въ совокупности съ тѣмъ развитіемъ, которое она получила въ послѣдней системѣ Шеллинга, можетъ служить у насъ самою удобною ступенью мышленія отъ заимствованныхъ системъ къ любомудрію самостоятельному, соотвѣтствующему основнымъ началамъ древне-Русской образованности и могущему подчинить раздвоенную образованность Запада цѣльному сознанію вѣрующаго разума.

Отрывки.

Древне-Русская, православно-Христіанская образованность, лежавшая въ основаніи всего общественнаго и частнаго быта Россіи, заложившая особенный складъ Русскаго ума, стремящагося ко внутренней цѣльности мышленія, и создавшая особенный характеръ коренныхъ Русскихъ нравовъ, проникнутыхъ постоянною памятью объ отношеніи всего временнаго къ вѣчному и человѣческаго къ Божественному,—эта образованность, которой слѣды до сихъ поръ еще сохраняются въ народѣ, была остановлена въ своемъ развитіи прежде, чѣмъ могла принести прочный плодъ въ жизни или даже обнаружить свое процвѣтаніе въ разумѣ. На поверхности Русской жизни господствуетъ образованность заимствованная, возросшая на другомъ корнѣ. Противорѣчіе основныхъ началъ двухъ спорящихъ между собою образованностей есть главнѣйшая, если не единственная, причина всѣхъ золъ и недостатковъ, которые могутъ быть замѣчены въ Русской землѣ. Потому, примиреніе обѣихъ образованностей въ такомъ мышленіи, котораго основаніе заключало бы въ себѣ самый корень древне-Русской образованности, а развитіе состояло бы въ сознаніи всей образованности Западной и въ подчиненіи ея выводовъ господствующему духу православно-Христіанскаго любомудрія,—такое примирительное мышленіе могло бы быть началомъ новой умственной жизни въ Россіи и,—кто знаетъ?—можетъ быть, нашло бы отголоски и на Западѣ, среди искреннихъ мыслителей, безпристрастно ищущихъ истины.

Чья вина была въ томъ, что древне-Русская образованность не могла развиться и господствовать надъ образованностью Запада?—Вина ли внѣшнихъ историческихъ обстоятельствъ,

или внутренняго ослабленія духовной жизни Русскаго человѣка? Рѣшеніе этого вопроса не касается нашего предмета. Замѣтимъ только, что характеръ просвѣщенія, стремящагося ко внутренней, духовной цѣльности, тѣмъ отличается отъ просвѣщенія логическаго, или чувственно-опытнаго, или вообще основаннаго на развитіи распавшихся силъ разума, что послѣднее, не имѣя существеннаго отношенія къ нравственному настроенію человѣка, не возвышается и не упадаетъ отъ его внутренней высоты или низости, но, бывъ однажды пріобрѣтено, остается навсегда его собственностію, независимо отъ настроенія его духа. Просвѣщеніе духовное, напротивъ того, есть знаніе живое: оно пріобрѣтается по мѣрѣ внутренняго стремленія къ нравственной высотѣ и цѣльности, и исчезаетъ вмѣстѣ съ этимъ стремленіемъ, оставляя въ умѣ одну наружность своей формы. Его можно погасить въ себѣ, если не поддерживать постоянно того огня, которымъ оно загорѣлось.

По этой причинѣ, кажется, нельзя не предположить, что хотя сильныя внѣшнія причины, очевидно, противились развитію самобытной Русской образованности, однакоже упадокъ ея совершился и не безъ внутренней вины Русскаго человѣка. Стремленіе къ внѣшней формальности, которое мы замѣчаемъ въ Русскихъ раскольникахъ, даетъ поводъ думать, что въ первоначальномъ направленіи Русской образованности произошло нѣкоторое ослабленіе еще гораздо прежде Петровскаго переворота. Когда же мы вспомнимъ, что въ концѣ 15-го и въ началѣ 16-го вѣка были сильныя партіи между представителями тогдашней образованности Россіи, которыя начали смѣшивать Христіанское съ Византійскимъ, и по Византійской формѣ хотѣли опредѣлить общественную жизнь Россіи, еще искавшую тогда своего равновѣсія; то мы поймемъ, что въ это самое время и, можетъ быть, въ этомъ самомъ стремленіи и начинался упадокъ Русской образованности. Ибо дѣйствительно, какъ скоро Византійскіе законы стали вмѣшиваться въ дѣло Русской общественной жизни, и для грядущаго Россіи начали брать образцы изъ прошедшаго порядка Восточно-Римской Имперіи; то въ этомъ движеніи ума уже была рѣшена судьба Русской коренной образованности. Подчинивъ развитіе общества чужой формѣ, Русскій человѣкъ тѣмъ самымъ лишилъ себя возможности живаго и правильнаго возрастанія въ самобытномъ просвѣщеніи, и хотя сохранилъ свя-

тую истину въ чистомъ и неискаженномъ видѣ, но стѣснилъ свободное въ ней развитіе ума и тѣмъ подвергся сначала невѣжеству, потомъ, вслѣдствіе невѣжества, подчинился непреодолимому вліянію чужой образованности.

Хотя просвѣщеніе иноземное принадлежитъ почти исключительно высшему, такъ называемому, *образованному* классу Русскаго народа, а первобытное просвѣщеніе Россіи хранится, не развиваясь, въ нравахъ, обычаяхъ и внутреннемъ складѣ ума, такъ называемаго, простаго народа,—однакожъ, противорѣчіе этихъ двухъ просвѣщеній отзывается равно вредными послѣдствіями на оба класса. Ни тутъ, ни тамъ, нѣтъ ничего цѣльнаго, однороднаго. Ни иноземная образованность не можетъ принести даже тѣхъ плодовъ, какіе она приноситъ въ другихъ странахъ, ибо не находитъ для себя корня въ землѣ; ни коренная образованность не можетъ сохранять своего значенія, потому что вся внѣшняя жизнь проникнута другимъ смысломъ. Въ нравственномъ отношеніи такое противорѣчіе еще вреднѣе, чѣмъ въ умственномъ, и большая часть пороковъ Русскаго человѣка, которые приписываются разнымъ случайнымъ причинамъ, происходятъ единственно отъ этого основнаго разногласія Русской жизни.

Самый образъ распространенія внѣшней иноземной образованности посреди Русскаго народа уже опредѣляетъ характеръ ея нравственнаго вліянія. Ибо распространеніе это совершается, какъ я уже сказалъ, не силою внутренняго убѣжденія, но силою внѣшняго соблазна, или внѣшней необходимости. Въ обычаяхъ и нравахъ своихъ отцевъ Русскій человѣкъ видитъ что-то святое; въ обычаяхъ и нравахъ привходящей образованности онъ видитъ только приманчивое или выгодное, или просто насильственно неразумное. Потому, обыкновенно онъ поддается образованности противъ совѣсти, какъ злу, которому противостоять не нашелъ въ себѣ силы. Принимая чужіе нравы и обычаи, онъ не измѣняетъ своего образа мыслей, но ему измѣняетъ. Сначала увлекается или поддается, потомъ уже составляетъ себѣ образъ мыслей, согласный съ своимъ образомъ жизни. Потому, чтобы сдѣлаться образованнымъ, ему прежде нужно сдѣлаться болѣе или менѣе отступникомъ отъ своихъ внутреннихъ убѣжденій. Какія послѣдствія должно имѣть такое начало образованности на нравственный характеръ народа,—легко отгадать заочно. Правда, до сихъ поръ, слава

Богу. Русскій народъ еще не теряетъ своей чистой вѣры и многихъ драгоцѣнныхъ качествъ, которыя изъ этой вѣры рождаются; но, по несчастію, нельзя не сознаться, что онъ потерялъ уже одну изъ необходимыхъ основъ общественной добродѣтели: уваженіе къ святынѣ *правды*.

Здѣсь коснулись мы такого предмета, о которомъ едва ли можетъ говорить равнодушно человѣкъ, сколько нибудь любящій свое отечество. Ибо если есть какое зло въ Россіи, если есть какое либо неустройство въ ея общественныхъ отношеніяхъ, если есть вообще причины страдать Русскому человѣку, то всѣ онѣ первымъ корнемъ своимъ имѣютъ неуваженіе къ святости правды.

Да, къ несчастію, Русскому человѣку легко солгать. Онъ почитаетъ ложь грѣхомъ общепринятымъ, неизбѣжнымъ, почти не стыднымъ, какимъ-то внѣшнимъ грѣхомъ, происходящимъ изъ необходимости внѣшнихъ отношеній, на которыя онъ смотритъ, какъ на какую-то неразумную силу. Потому, онъ не задумавшись готовъ отдать жизнь за свое убѣжденіе, претерпѣть всѣ лишенія для того, чтобы не запятнать своей совѣсти, и въ то же время лжетъ за копѣйку барыша, лжетъ за стаканъ вина, лжетъ изъ боязни, лжетъ изъ выгоды, лжетъ безъ выгоды. Такъ удивительно сложились его понятія въ послѣднее полуторастолѣтіе. Онъ совершенно не дорожитъ своимъ внѣшнимъ словомъ. Его слово—это не онъ, это его вещь, которою онъ владѣетъ на правѣ Римской собственности, то есть, можетъ ее употреблять и истреблять, не отвѣчая ни передъ кѣмъ. Онъ не дорожитъ даже своею присягою. На площади каждаго города можно видѣть калачниковъ, которые каждый торгъ ходятъ по десяти разъ въ день присягать въ томъ, что они не видали драки, бывшей передъ ихъ глазами. При каждой покупкѣ земли, при каждомъ вводѣ во владѣніе собираются всѣ окружные сосѣди присягать, сами не зная въ чемъ и не интересуясь узнать этого.—И это отсутствіе правды у того самаго народа, котораго древніе путешественники хвалили за правдолюбіе, который такъ дорожилъ присягою, что даже въ правомъ дѣлѣ скорѣе готовъ былъ отказаться отъ своего иска, чѣмъ произнести клятву!

А между тѣмъ, лишившись правдивости слова, какъ можетъ человѣкъ надѣяться видѣть устройство правды въ его общественныхъ отношеніяхъ? Покуда не возраститъ онъ въ

себѣ безусловное уваженіе къ правдѣ слова, какимъ внѣшнимъ надзоромъ можно уберечь общество отъ тѣхъ злоупотребленій, которыя только самимъ обществомъ могутъ быть замѣчены, оцѣнены и исправлены?

Но это отсутствіе правды, благодаря Бога, проникло еще не въ самую глубину души Русскаго человѣка; еще есть сферы жизни, гдѣ святость правды и вѣрность слову для него остались священными. На этой части его сердца, уцѣлѣвшей отъ заразы, утверждается возможность его будущаго возрожденія. Много путей открывается передъ мыслію, по которымъ Русскій человѣкъ можетъ идти къ возрожденію въ прежнюю стройность жизни. Всѣ они съ большею или меньшею вѣроятностію могутъ вести къ желанной цѣли, ибо достиженіе этой цѣли еще возможно, покуда силы Русскаго духа еще не утрачены, покуда вѣра въ немъ еще не погасла, покуда на господственномъ состояніи его духа еще лежитъ печать прежней цѣльности бытія. Но одно достовѣрно и несомнѣнно, что тотъ вредъ, который чужая образованность производитъ въ умственномъ и нравственномъ развитіи Русскаго народа, не можетъ быть устраненъ насильственнымъ удаленіемъ отъ этой образованности или отъ ея источника,—Европейской науки. Ибо, во первыхъ, это удаленіе невозможно. Никакіе карантины не остановятъ мысли и только могутъ придать ей силу и заманчивость тайны. Во вторыхъ, если бы и возможно было остановить входъ новыхъ мыслей, то это было бы еще вреднѣе для Русской образованности, ибо въ Россіи движется уже такъ много прежде вошедшихъ понятій Запада, что новыя могли бы только ослабить вредъ прежнихъ, разлагая и разъясняя, и доводя до своего отвлеченнаго основанія, съ которымъ вмѣстѣ должны они или упасть, или остаться. Ибо въ настоящее время все развитіе Европейскаго ума, сознаваясь, разлагается до своего послѣдняго начала, которое само сознаетъ свою неудовлетворительность. Между тѣмъ какъ, оставаясь неконченными и несознанными, но только требующими приложенія и воплощенія, прежнія понятія Запада могли бы быть тѣмъ вреднѣе въ Россіи, что лишились бы своего противодѣйствія въ собственномъ развитіи. Если бы не узнала Россія Шеллинга и Гегеля, то какъ уничтожилось бы господство Вольтера и энциклопедистовъ надъ Русскою образованностію? Но, наконецъ, если бы даже и возможно было совер-

шению изгнать Западную образованность изъ Россіи, то кратковременное невѣжество подвергло бы ее опять еще сильнѣйшему вліянію чужаго просвѣщенія. Россія опять воротилась бы къ той эпохѣ Петровскаго преобразованія, когда введеніе всего Западнаго, только потому что оно не Русское, почиталось уже благомъ для Россіи, ибо влекло за собой образованность. И что же вышло бы изъ этого? Всѣ плоды полуторастолѣтняго ученичества Россіи были бы уничтожены для того, чтобы ей снова начать тотъ же курсъ ученія.

Одинъ изъ самыхъ прямыхъ путей къ уничтоженію вреда отъ образованности иноземной, противорѣчащей духу просвѣщенія Христіанскаго, былъ бы, конечно, тотъ, чтобы развитіемъ законовъ самобытнаго мышленія подчинить весь смыслъ Западной образованности господству православно-Христіанскаго убѣжденія. Ибо мы видѣли, что Христіанское любомудріе иначе понимается Православною Церковію, чѣмъ какъ оно понимается Церковью Римскою или протестантскими исповѣданіями. Затрудненія, которыя встрѣчало Христіанское мышленіе на Западѣ, не могутъ относиться къ мышленію православному. Для развитія же этого самобытнаго православнаго мышленія не требуется особой геніальности. Напротивъ, геніальность, предполагающая непремѣнно оригинальность, могла бы даже повредить полнотѣ истины. Развитіе этого мышленія должно быть общимъ дѣломъ всѣхъ людей вѣрующихъ и мыслящихъ, знакомыхъ съ писаніями св. Отцевъ и съ Западною образованностію. Данныя къ нему готовы: съ одной стороны, Западное мышленіе, силою собственнаго развитія дошедшее до сознанія своей несостоятельности и требующее новаго начала, котораго еще не знаетъ; съ другой, глубокое, живое и чистое любомудріе св. Отцевъ, представляющее зародышъ этого высшаго философскаго начала. Его простое развитіе, соотвѣтственное современному состоянію науки и сообразное требованіямъ и вопросамъ современнаго разума, составило бы само собой, безъ всякихъ остроумныхъ открытій, ту новую науку мышленія, которая должна уничтожить болѣзненное противорѣчіе между умомъ и вѣрою, между внутренними убѣжденіями и внѣшнею жизнію.

Но любомудріе св. Отцевъ представляетъ только зародышъ этой будущей философіи, которая требуется всею совокупностію современной Русской образованности,—зародышъ живой и яс-

ный, но нуждающійся еще въ развитіи и не составляющій еще самой науки философіи. Ибо философія не есть основное убѣжденіе, но мысленное развитіе того отношенія, которое существуетъ между этимъ основнымъ убѣжденіемъ и современною образованностію. Только изъ такого развитія своего получаетъ она силу сообщать свое направленіе всѣмъ другимъ наукамъ, будучи вмѣстѣ ихъ первымъ основаніемъ и послѣднимъ результатомъ. Думать же, что у насъ уже есть философія готовая, заключающаяся въ св. Отцахъ, было крайне ошибочно. Философія наша должна еще создаться, и создаться, какъ я сказалъ, не однимъ человѣкомъ, но выростать на виду, сочувственнымъ содѣйствіемъ общаго единомыслія.

Можетъ быть, для того благое Провидѣніе и попустило Русскому народу перейти черезъ невѣжество къ подчиненію иноземной образованности, чтобы въ борьбѣ съ чужими стихіями православное просвѣщеніе овладѣло, наконецъ, всѣмъ умственнымъ развитіемъ современнаго міра, доставшимся ему въ удѣлъ отъ всей прежней умственной жизни человѣчества, и чтобы, обогатившись мірскою мудростію, истина Христіанская тѣмъ полнѣе и торжественнѣе явила свое господство надъ относительными истинами человѣческаго разума. Ибо, не смотря на видимое преобладаніе иноземной образованности, не смотря на тотъ вредъ, который она принесла нравственному характеру народа, поколебавъ въ одномъ классѣ чувство правды, въ другомъ поколебавъ вмѣстѣ и правду, и истину,—не смотря на все зло, ею причиненное, еще остались въ Россіи, еще есть въ ней несомнѣнные залоги возрожденія въ прежнюю православную цѣльность. Эти залоги—живая вѣра народа въ Св. Православную Церковь, память его прежней исторіи и явно уцѣлѣвшіе слѣды прежней внутренней цѣльности его существованія, сохранившіеся въ обычномъ и естественномъ настроеніи его духа,—въ этомъ еще не замолкнувшемъ отголоскѣ прежней его жизни, воспитанной внутри однороднаго общественнаго состава, насквозь проникнутаго православнымъ ученіемъ Церкви. Такъ, разсматривая внимательно и хладнокровно отношеніе Западной философіи къ Русскому просвѣщенію, кажется, безъ самообольщенія можно сказать, что время для полнаго и общаго переворота Русскаго мышленія уже не далеко. Ибо когда мы сообразимъ, какъ неудовлетворительность Западнаго любомудрія требуетъ новаго начала, котораго

оно не находитъ во всемъ объемѣ Западнаго просвѣщенія; какъ это высшее начало знанія хранится внутри Православной Церкви; какъ живительно для ума и науки могло быть развитіе мысли, сообразное этому высшему началу; какъ самое богатство современнаго внѣшняго знанія могло бы служить побужденіемъ для этого развитія и его опорою въ разумѣ человѣка; какъ нестѣснительно было бы оно для всего, что есть истиннаго въ естественныхъ пріобрѣтеніяхъ человѣческаго разума,—какъ живительно для всего, что требуетъ жизни,—какъ удовлетворительно могло бы оно отвѣчать на всѣ вопросы ума и сердца, требующіе и не находящіе себѣ разрѣшенія;—когда мы сообразимъ все это, то намъ не то кажется сомнительнымъ, скоро ли разовьется, но то удивительнымъ, отъ чего до сихъ поръ еще не развилось у насъ это новое самосознаніе ума, такъ настоятельно требуемое всею совокупностью нашей умственной и нравственной образованности. Возможность такого знанія такъ близка къ уму всякаго образованнаго и вѣрующаго человѣка, что, казалось бы, достаточно одной случайной искры мысли, чтобы зажечь огонь неугасимаго стремленія къ этому новому и живительному мышленію, долженствующему согласить вѣру и разумъ, наполнить пустоту, которая раздвояетъ два міра, требующіе соединенія, утвердить въ умѣ человѣка истину духовную видимымъ ея господствомъ надъ истиною естественною, и возвысить истину естественную ея правильнымъ отношеніемъ къ духовной, и связать наконецъ обѣ истины въ одну живую мысль; ибо истина одна, какъ одинъ умъ человѣка, созданный стремиться къ Единому Богу.

Указанія Св. Отцевъ приметъ вѣрующее любомудріе за первыя данныя для своего разумѣнія, тѣмъ болѣе, что указанія эти не могутъ быть отгаданы отвлеченнымъ мышленіемъ. Ибо истины, ими выражаемыя, были добыты ими изъ внутренняго непосредственнаго опыта и передаются намъ, не какъ логическій выводъ, который и нашъ разумъ могъ бы сдѣлать, но какъ извѣстія очевидца о странѣ, въ которой онъ былъ.

Если не на всѣ вопросы ума найдетъ вѣрующая философія готовые отвѣты въ писаніяхъ Св. Отцевъ, то, основываясь на истинахъ, ими выраженныхъ, и на своемъ верховномъ

убѣжденіи, она будетъ искать въ совокупности этихъ двухъ указаній прямаго пути къ разумѣнію другихъ предметовъ знанія. И во всякомъ случаѣ способъ мышленія разума вѣрующаго будетъ отличенъ отъ разума, ищущаго убѣжденія или опирающагося на убѣжденіе отвлеченное. Особенность эту, кромѣ твердости коренной истины, будутъ составлять тѣ данныя, которыя разумъ получитъ отъ святыхъ мыслителей, просвѣщенныхъ высшимъ зрѣніемъ, и то стремленіе къ внутренней цѣльности, которое не позволяетъ уму принять истину мертвую за живую, и наконецъ та крайняя совѣстливость, съ которою искренняя вѣра отличаетъ истину вѣчную и Божественную отъ той, которая можетъ быть (добыта) мнѣніемъ человѣка или народа или времени.

Задача: Разработываніе общественнаго самосознанія.

Истинныя убѣжденія благодѣтельны и сильны только въ совокупности своей.

Добрыя силы въ одиночествѣ не ростутъ. Рожь заглохнетъ между сорныхъ травъ.

Распаденіе единства Богопознанія на разнообразныя влеченія къ частнымъ благамъ и на разнорѣчащіе признаки частныхъ истинъ.

Слово должно быть не ящикъ, въ который заключается мысль, но проводникъ, который передаетъ его другимъ; не подвалъ, куда складываются сокровища ума и знанія, но дверь, черезъ которую они выносятся. И странный законъ этихъ сокровищъ: чѣмъ болѣе ихъ выносится наружу, тѣмъ болѣе ихъ остается въ хранилищѣ. Дающая рука не оскудѣетъ.

Слово, какъ прозрачное тѣло духа, должно соотвѣтствовать всѣмъ его движеніямъ. Потому, оно безпрестанно должно мѣнять свою краску, сообразно безпрестанно измѣняющемуся сцѣпленію и разрѣшенію мыслей. Въ его переливчатомъ смыслѣ должно трепетать и отзываться каждое дыханье ума. Оно

должно дышать свободою внутренней жизни. Потому слово, окостенѣлое въ школьныхъ формулахъ, не можетъ выражать духа, какъ трупъ не выражаетъ жизни. Однакожъ, измѣняясь въ оттѣнкахъ своихъ, оно не должно переиначиваться въ внутреннемъ составѣ.

Для одного отвлеченнаго мышленія существенное вообще недоступно. Только существенность можетъ прикасаться существенному. Отвлеченное мышленіе имѣетъ дѣло только съ границами и отношеніями понятій. Законы разума и вещества, которые составляютъ его содержаніе, сами по себѣ не имѣютъ существенности, но являются только совокупностью отношеній. Ибо существеннаго въ мірѣ есть только разумно-свободная личность. Она одна имѣетъ самобытное значеніе. Все остальное имѣетъ значеніе только относительное. Но для раціональнаго мышленія живая личность разлагается на отвлеченные законы саморазвитія, или является произведеніемъ постороннихъ началъ, и въ обоихъ случаяхъ теряетъ свой настоящій смыслъ.

Потому отвлеченное мышленіе, касаясь предметовъ вѣры, по наружности можетъ быть весьма сходно съ ея ученіемъ; но въ сущности имѣетъ совершенно отличное значеніе, именно потому, что въ немъ недостаетъ смысла существенности, который возникаетъ изъ внутренняго развитія смысла цѣльной личности.

Весьма во многихъ системахъ раціональной философіи видимъ мы, что догматы о единствѣ Божества, о Его всемогуществѣ, о Его премудрости, о Его духовности и вездѣсущіи, даже о Его троичности,—возможны и доступны уму невѣрующему. Онъ можетъ даже допустить и объяснить всѣ чудеса, принимаемыя вѣрою, подводя ихъ подъ какую нибудь особую формулу. Но все это не имѣетъ религіознаго значенія, только потому, что раціональному мышленію невмѣстимо сознаніе о живой личности Божества и о Ея живыхъ отношеніяхъ къ личности человѣка.

Сознаніе объ отношеніи живой Божественной личности къ личности человѣческой служитъ основаніемъ для вѣры, или,

правильнѣе, вѣра есть то самое сознаніе, болѣе или менѣе ясное, болѣе или менѣе непосредственное. Она не составляетъ чисто человѣческаго знанія, не составляетъ особаго понятія въ умѣ или сердцѣ, не вмѣщается въ одной какой либо познавательной способности, не относится къ одному логическому разуму, или сердечному чувству, или внушенію совѣсти; но обнимаетъ всю цѣльность человѣка, и является только въ минуты этой цѣльности и соразмѣрно ея полнотѣ. Потому главный характеръ вѣрующаго мышленія заключается въ стремленіи собрать всѣ отдѣльныя части души въ одну силу, отыскать то внутреннее средоточіе бытія, гдѣ разумъ и воля, и чувство, и совѣсть, и прекрасное, и истинное, и удивительное, и желанное, и справедливое, и милосердное, и весь объемъ ума сливается въ одно живое единство, и такимъ образомъ возстановляется существенная личность человѣка въ ея первозданной недѣлимости.

Не форма мысли, предстоящей уму, производитъ въ немъ это сосредоточеніе силъ; но изъ умственной цѣльности исходитъ тотъ смыслъ, который даетъ настоящее разумѣніе мысли.

Это стремленіе къ умственной цѣльности, какъ необходимое условіе разумѣнія высшей истины, всегда было неотъемлемою принадлежностію Христіанскаго любомудрія. Со временъ Апостоловъ до нашихъ временъ оно составляетъ его исключительное свойство. Но съ отпаденія Западной Церкви оно осталось преимущественно въ Церкви Православной. Другія Христіанскія исповѣданія хотя не отвергаютъ его законности, но и не почитаютъ его необходимымъ условіемъ для разумѣнія Божественной истины. По мнѣнію Римскихъ богослововъ и философовъ, кажется, было достаточно, чтобъ авторитетъ Божественныхъ истинъ былъ однажды признанъ, для того, чтобъ дальнѣйшее разумѣніе и развитіе этихъ истинъ могло уже совершаться посредствомъ мышленія отвлеченно-логическаго. Можетъ быть, по особому пристрастію къ Аристотелю, богословскія сочиненія ихъ носятъ характеръ логическаго изложенія. Самый ходъ мышленія совершался наружнымъ оцѣпленіемъ понятій. Подъ догматъ вѣры искали они подвести логическое оправданіе. Въ этомъ логическомъ изложеніи, изъ от-

влеченно-разсудочнаго разумѣнія догматовъ, тоже, какъ отвлеченный выводъ, раздались требованія нравственныя. Странное рожденіе живаго изъ мертваго! Мудреное требованіе силы во имя мысли, которая сама не имѣетъ ея!

Отдѣленное отъ другихъ познавательныхъ силъ, логическое мышленіе составляетъ естественный характеръ ума, отпадшаго отъ своей цѣльности. Весь порядокъ вещей, происшедшій вслѣдствіе этого раздвоеннаго состоянія человѣка, самъ собою влечетъ его мышленіе къ этой логической отдѣленности. Потому-то вѣра и превышаетъ естественный разумъ, что онъ опустился ниже своего первоестественнаго уровня. Потому, и не необходимо для него возвыситься къ первообразному единству, чтобъ проникнуться вѣрою.

Не для всѣхъ возможны, не для всѣхъ необходимы занятія богословскія; не для всѣхъ доступно занятіе любомудріемъ; не для всѣхъ возможно постоянное и особое упражненіе въ томъ внутреннемъ вниманіи, которое очищаетъ и собираетъ умъ къ высшему единству; но для всякаго возможно и необходимо связать направленіе своей жизни съ своимъ кореннымъ убѣжденіемъ вѣры, согласить съ нимъ главное занятіе и каждое особое дѣло, чтобъ всякое дѣйствіе было выраженіемъ одного стремленія, каждая мысль искала одного основанія, каждый шагъ велъ къ одной цѣли. Безъ того жизнь человѣка не будетъ имѣть никакого смысла, умъ его будетъ счетною машиной, сердце—собраніемъ бездушныхъ струнъ, въ которыхъ свищетъ случайный вѣтеръ; никакое дѣйствіе не будетъ имѣть нравственнаго характера, и человѣка собственно не будетъ Ибо человѣкъ—это его вѣра.

И нѣтъ такого неразвитаго сознанія, которому бы не подъ силу было проникнуться основнымъ убѣжденіемъ Христіанской вѣры. Ибо нѣтъ такого тупаго ума, который бы не могъ

понять своей ничтожности и необходимости высшаго откровенія; нѣтъ такого ограниченнаго сердца, которое бы не могло разумѣть возможность другой любви, выше той, которую возбуждаютъ въ немъ предметы земные; нѣтъ такой совѣсти, которая бы не чувствовала невидимаго существованія высшаго нравственнаго порядка; нѣтъ такой слабой воли, которая бы не могла рѣшиться на полное самопожертвованіе за высшую любовь своего сердца. А изъ такихъ силъ слагается вѣра. Она есть живая потребность искупленія и безусловная за него благодарность. Въ этомъ вся его сущность. Отсюда получаетъ свой свѣтъ и смыслъ все послѣдующее развитіе вѣрующаго ума и жизни.

Духовное общеніе каждаго Христіанина съ полнотою всей Церкви.

Онъ знаетъ, что во всемъ мірѣ идетъ та же борьба, какая совершается въ его внутреннемъ самосознаніи, борьба между свѣтомъ и тьмою, между стремленіемъ къ высшей гармоніи и цѣльности бытія, и пребываніемъ въ естественномъ разногласіи и разъединенности, между свободою воли человѣка, созидающею духовную личность, и покорностью внѣшнимъ влеченіямъ, обращающимъ его въ орудіе чужихъ силъ; между великодушнымъ самоотверженіемъ и боязливымъ себялюбіемъ, однимъ словомъ, между дѣломъ искупленія и свободы и насильственною властію естественнаго, разстроеннаго порядка вещей.

Какъ бы ни мало было развито это сознаніе, но онъ знаетъ, что во внутреннемъ устройствѣ души своей онъ дѣйствуетъ не одинъ, и не для одного себя; что онъ дѣлаетъ общее дѣло всей Церкви, всего рода человѣческаго, для котораго совершилось искупленіе и котораго онъ только нѣкоторая часть. Только вмѣстѣ со всею Церковью и въ живомъ общеніи съ нею можетъ онъ спастись.

Каждая нравственная побѣда въ тайнѣ одной Христіанской души есть уже духовное торжество для всего Христіанскаго міра. Каждая сила духовная, создавшаяся внутри одного человѣка, невидимо влечетъ къ себѣ и подвигаетъ силы всего

нравственнаго міра. Ибо какъ въ мірѣ физическомъ небесныя свѣтила притягиваются другъ къ другу безъ всякаго вещественнаго посредства, такъ и въ мірѣ духовномъ каждая личность духовная, даже безъ видимаго дѣйствія, уже однимъ пребываніемъ своимъ на нравственной высотѣ, подымаетъ, привлекаетъ къ себѣ все сродное въ душахъ человѣческихъ. Но въ физическомъ мірѣ каждое существо живетъ и поддерживается только разрушеніемъ другихъ; въ духовномъ мірѣ созиданіе каждой личности созидаетъ всѣхъ, и жизнію всѣхъ дышетъ каждая.

Во всѣ времена были и есть люди, проникнутые высшимъ свѣтомъ и силою вѣры. Отъ нихъ, какъ лучи отъ звѣздъ, расходится истинное ученіе вѣры по всему Христіанскому міру. Въ исторіи Церкви можно видѣть часто видимые способы этого свѣта, какъ онъ проникаетъ изъ мѣстъ, озаренныхъ высшимъ ученіемъ, въ страны, гдѣ оно затемнялось волею человѣка; какъ погасалъ этотъ свѣтъ въ мѣстахъ, которыя прежде всего болѣе освящались имъ, и какъ опять зажигается онъ, принесенный изъ другихъ странъ, прежде лежавшихъ во тьмѣ. Ибо благодать истины никогда не оскудѣваетъ въ царствѣ Божіемъ.

Исторія Аѳона.

Духовная Іерархія.—Лѣстница Іакова.—Живыя истины—не тѣ, которыя составляютъ мертвый капиталъ въ умѣ человѣка, которыя лежатъ на поверхности его ума и могутъ пріобрѣтаться внѣшнимъ ученіемъ, но тѣ, которыя зажигаютъ душу, которыя могутъ горѣть и погаснуть, которыя даютъ жизнь жизни, которыя сохраняются въ тайнѣ сердечной и, по природѣ своей, не могутъ быть явными и общими для всѣхъ; ибо, выражаясь въ словахъ, остаются незамѣченными, выражаясь въ дѣлахъ, остаются непонятными для тѣхъ, кто не испыталъ ихъ непосредственнаго прикосновенія. По этой-то причинѣ особенно драгоцѣнны для каждаго Христіанина писанія Св. Отцевъ. Они говорятъ о странѣ, въ которой были.

Отношеніе вѣры къ разуму, или какую степень знанія составляетъ вѣра?

Различныя отношенія внутренняго самосознанія къ Богопознанію.

Сознаніе всепроникающей связности и единства вселенной предшествуетъ понятію о единой причинѣ бытія и возбуждаетъ разумное сознаніе единства Творца.

Неизмѣримость, гармонія и премудрость мірозданія наводятъ разумъ на сознаніе всемогущества и премудрости Создателя.

Но единство, всемогущество, премудрость и всѣ другія понятія о Божественности первой причины, которыя разумъ можетъ извлечь изъ созерцанія внѣшняго мірозданія, еще не внушаютъ ему того сознанія о живой и личной самосущности Создателя, которое даетъ существенность нашимъ умственнымъ къ Нему отношеніямъ, перелагая самое внутреннее движеніе нашихъ мыслей и чувствъ къ Нему изъ сферы умозрительной отвлеченности въ сферу живой, отвѣтственной дѣятельности.

Это сознаніе, совершенно измѣняющее характеръ нашего Богомыслія, и которое мы не можемъ извлечь прямо изъ одного созерцанія внѣшняго мірозданія, возникаетъ въ душѣ нашей тогда, когда къ созерцанію міра внѣшняго присоединится самостоятельное и неуклонное созерцаніе міра внутренняго и нравственнаго, раскрывающаго предъ зрѣніемъ ума сторону высшей жизненности въ самыхъ высшихъ соображеніяхъ разума.

Вѣра—не довѣренность къ чужому увѣренію, но дѣйствительное событіе внутренней жизни, чрезъ которое человѣкъ входитъ въ существенное общеніе съ Божественными вещами (съ высшимъ міромъ, съ небомъ, съ Божествомъ).

Главная причина заблужденія человѣка заключается въ томъ, что онъ не знаетъ, что̀ любитъ и чего хочетъ.

Потребность счастія, потребность любви, потребность гармоніи, потребность правды, потребность сочувствія, потребность умиленія, потребность дѣятельности, потребность самозабвенія, потребность саморазумѣнія, — всѣ эти законныя и существенныя потребности человѣческаго сердца происходятъ изъ одного общаго корня жизни, до котораго немногіе доводятъ свое самосознаніе.

Справедливость, правда рѣже любви, потому что она труднѣе, стóитъ болѣе пожертвованій и менѣе усладительна.

Мы охотно удвоили бы наши пожертвованія, только бы уменьшить наши обязанности. Какъ часто встрѣчается человѣкъ великодушный и вмѣстѣ несправедливый, благотворительный и неблагодарный, щедрый и скупой, расточительный на то, что не должно тратить, и скупой на то, что обязанъ давать; преданный по прихоти, жесткій съ тѣми, кто имѣетъ право на его преданность, ненавистный, можетъ быть, въ томъ кругу, куда поставило его Провидѣніе, и достойный любви и удивленія, какъ скоро выходитъ изъ него; охотникъ въ дѣлахъ человѣколюбія и бѣглецъ изъ рядовъ обязанностей, и воображающій, что можетъ произвольнымъ и часто безполезнымъ пожертвованіемъ уплатить нарушеніе самыхъ существенныхъ, самыхъ близкихъ обязанностей. Не труды, не пожертвованія, не опасности, ему противна правильность порядка. Ему легче быть возвышеннымъ, нежели честнымъ. Но не скажу: ему легче быть милосерднымъ, нежели справедливымъ, ибо милосердіе несправедливаго—не милосердіе.

Въ добрѣ и злѣ все связано. Добро одно, какъ истина одна. Справедливость къ милосердію, какъ стволъ дерева къ его верхушкѣ.

Мышленіе, отдѣленное отъ сердечнаго стремленія, есть также развлеченіе для души, какъ и безсознательная веселость. Чѣмъ глубже такое мышленіе, чѣмъ оно важнѣе по видимому, тѣмъ въ сущности дѣлаетъ оно человѣка легкомысленнѣе. Потому,

серьезное и сильное занятіе науками принадлежитъ также къ числу средствъ развлеченія, средствъ для того, чтобы разсѣяться, чтобы отдѣлаться отъ самого себя. Эта мнимая серьезность, мнимая дѣльность разгоняетъ истинную. Удовольствія свѣтскія дѣйствуютъ не такъ успѣшно и не такъ быстро.

Чувство возстановленія (исцѣленія) нашего внутренняго единства и гармоніи.

Вѣровать — это получать изъ сердца то свидѣтельство, которое Самъ Богъ далъ своему Сыну.

Вѣра—взоръ сердца къ Богу.

Справедливость, нравственность, духъ народа, достоинство человѣка, святость законности могутъ сознаваться только въ совокупности съ сознаніемъ вѣчныхъ религіозныхъ отношеній человѣка.

Міръ свободной воли имѣетъ свою правду въ мірѣ вѣчной нравственности.

ПРИМѢЧАНІЯ.

— **Матеріалы для біографіи И. В. Кирѣевскаго** (стр. 1).—Напечатано въ 1-мъ изданіи. На стр. 39 напечатано (какъ и въ 1-мъ изданіи): „Впрочемъ, въ отношеніи къ прежнему“ и т. д.; въ подлинномъ письмѣ было: „Впрочемъ, какъ эта перемѣна ни значительна въ отношеніи къ прежнему“ и т. д.

Въ дополненіе къ „Матеріаламъ“ приводимъ текстъ записки, оказавшейся среди бумагъ И. В. Кирѣевскаго. Она писана А. И. Кошелевымъ, безъ сомнѣнія со словъ вдовы И. В., Натальи Петровны Кирѣевской. Подлинникъ—на отдѣльномъ полулистѣ.

„Исторія обращенія Ивана Васильевича“.

„И. В. Кирѣевскій женился въ 1834 году на дѣвицѣ Нат. Петр. Арбеневой, воспитанной въ правилахъ строгаго христіанскаго благочестія. Въ первыя времена послѣ свадьбы исполненіе ею нашихъ церковныхъ обрядовъ и обычаевъ непріятно его поражало, но по свойственной ему терпимости и деликатности онъ ей въ томъ ни мало не препятствовалъ. Она съ своей стороны была еще скорбнѣе поражена отсутствіемъ въ немъ вѣры и полнымъ пренебреженіемъ всѣхъ обычаевъ Православной Церкви. Были между ними разговоры, которые оканчивались тѣмъ, что положено было ему не мѣшать ей въ исполненіи ея обязанностей, а ему быть свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, но онъ обѣщалъ при ней не кощунствовать и даже всячески прекращать непріятные для нея разговоры его друзей. На второй годъ послѣ женитьбы онъ попросилъ жену свою прочесть Кузена. Она охотно это исполнила, но когда онъ сталъ спрашивать ея мнѣнія объ этой книгѣ, то она сказала, что много въ ней хорошаго, но что новаго тамъ не нашла ничего, ибо въ твореніяхъ Св. Отцовъ все это изложено гораздо глубже и удовлетворительнѣе. Онъ усмѣхнулся и замолчалъ. Онъ сталъ просить жену почитать съ нимъ Волтера. Она объявила ему, что готова читать всякую серьезную книгу, которую онъ ей предложитъ, но насмѣшки и всякое кощунство ей противны и она ихъ не можетъ ни слышать, ни читать. Тогда они послѣ нѣкотораго времени начали вмѣстѣ читать Шеллинга, и когда великія, свѣтлыя мысли ихъ останавливали и И. В. Кирѣевскій требовалъ удивленія отъ жены своей, то она сначала ему отвѣчала, что эти мысли ей извѣстны изъ твореній Св. Отцовъ. Неоднократно она ему ихъ показывала въ книгахъ Св. Отцовъ, что̀ заставило И. В. иногда прочитывать

цѣлыя страницы. Непріятно было ему сознавать, что дѣйствительно въ Св. Отцахъ многое чѣмъ онъ восхищался въ Шеллингѣ. Онъ не любилъ въ этомъ сознаваться, но тайкомъ бралъ у жены книги, и читалъ ихъ съ увлеченіемъ. Знакомство съ Новоспасскимъ инокомъ Филаретомъ, бесѣды со святымъ старцемъ, чтеніе разныхъ твореній Св. Отцовъ услаждали его и увлекали на сторону благочестія. Онъ ѣздилъ къ о. Филарету, но всякій разъ какъ бы по принужденію. Видно было, что ему хочется къ нему ѣхать, но всегда нужно было какое то принужденіе. Наконецъ въ 1842 году, кончина Старца Филарета окончательно утвердила его на пути благочестія. И. В. Кирѣевскій никогда прежде не носилъ на себѣ креста. Жена его не разъ его о томъ просила, но И. В. отмалчивался. Наконецъ однажды онъ сказалъ ей, что надѣнетъ крестъ, если онъ будетъ ему присланъ отъ о. Филарета, котораго умъ и благочестіе онъ уже душевно уважалъ. Нат. Петр. поѣхала къ о. Филарету и сообщила ему это. Старецъ, перекрестившись, снялъ съ себя крестъ и давая сказалъ Нат. Петр.: да будетъ онъ И. В. во спасеніе.—Когда Нат. Петр. пріѣхала домой, то И. В. встрѣчая ее спросилъ: ну что сказалъ отецъ Филаретъ? Она вынимаетъ крестъ и отдаетъ его И. В.—И. В. спрашиваетъ ее: какой это крестъ? Нат. Петр. говоритъ ему, что о. Филаретъ снялъ его съ себя и сказалъ, что да будетъ онъ ему во спасеніе. И. В. палъ на колѣни и говоритъ: ну теперь чаю спасенія для души моей, ибо я въ умѣ своемъ положилъ: если отецъ Филаретъ сниметъ съ себя крестъ и мнѣ его пришлетъ, то явно будетъ, что Богъ призываетъ меня ко спасенію. Съ этой минуты замѣтенъ былъ рѣшительный поворотъ въ мысляхъ и чувствахъ И. В. Послѣ кончины отца Филарета И. В., живя по близости Оптиной Пустыни, въ частыхъ бесѣдахъ съ отцами Леонидомъ, Макаріемъ и другими старцами, все болѣе и болѣе укрѣплялся въ благочестіи. Онъ читалъ очень много отеческихъ книгъ, бесѣдовалъ часто со старцами и все болѣе крѣпъ для будущей своей дѣятельности".

— **Девятнадцатый вѣкъ** (стр. 85).—Впервые напечатано въ „Европейцѣ" 1832 г., кн. 1-я.

— **Въ отвѣтъ А. С. Хомякову** (стр. 109).—Впервые напечатано въ 1-мъ изданіи; написано въ 1839 г. (а не 1838-мъ, какъ ошибочно указано въ текстѣ), въ отвѣтъ на статью А. С. Хомякова „О старомъ и новомъ"; см. выше, т. I. стр. 63. Статья Хом. напечатана въ 3-мъ томѣ его *Сочиненій*, стр. 11—29, изд. 1900 года.

— **Обозрѣніе современнаго состоянія литературы** (стр. 121).—Впервые напечатано въ „Москвитянинѣ" 1845 г., кн. 1, 2 и 3; должно было слѣдовать еще „Окончаніе", но оно не появилось.

— **О характерѣ просвѣщенія Европы** (стр. 174).—Впервые напечатано въ „Московскомъ сборникѣ" 1852 г. съ цензурными пропусками, и такъ же перепечатано въ 1-мъ изданіи. Въ настоящемъ изданіи пропуски

возстановлены на основаніи статьи М. А. Веневитинова *И. В. Кирѣевскій и цензура „Московскаго сборника“* въ *Рус. Арх.* 1897 г., кн. 10, стр. 287—291.

— **О необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи** (стр. 223).—Впервые напеч. въ „Русск. Бесѣдѣ“ 1856 г. кн. II. Цензурою были вычеркнуты (въ какомъ именно мѣстѣ—опредѣлить невозможно) слѣдующія строки: „чтобы даже внутренній приговоръ совѣсти, болѣе или менѣе очищенной, онъ не признавалъ, мимо согласія другихъ разумѣтельныхъ силъ, за конечный приговоръ высшей справедливости“ (см. письмо Т. И. Филиппова къ И. В. Кирѣевскому отъ 5 іюня 1856 г., Барсуковъ, *Погодинъ*, т. XIV, стр. 573—4).

— **Отрывки** (стр. 265).—Впервые напеч., съ обширнымъ послѣсловіемъ А. С. Хомякова, въ „Рус. Бесѣдѣ“ 1857 г., кн. V.

ОГЛАВЛЕНІЕ

1-го тома.

Стр.

Предисловіе редактора ..... III.

Матеріалы для біографіи И. В. Кирѣевскаго.—*Н. А. Елагина* 3

Первый отдѣлъ:

Девятнадцатый вѣкъ 85

Въ отвѣтъ А. С. Хомякову 109

Обозрѣніе современнаго состоянія литературы 121

О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи. 174

О необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи 223

Отрывки 265

Примѣчанія 283

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

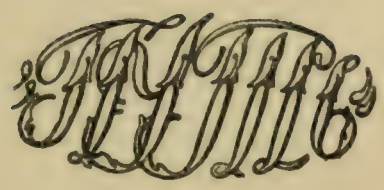
СОЧИНЕНІЙ

И. В. КИРѢЕВСКАГО

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

М. ГЕРШЕНЗОНА



V. 2

Томъ II

МОСКВА.
Типографія Императорскаго Московскаго Университета.
1911.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина.

(1828).

Отдавать себѣ отчетъ въ томъ наслажденіи, которое доставляютъ намъ произведенія изящныя,—есть необходимая потребность и вмѣстѣ одно изъ высочайшихъ удовольствій образованнаго ума. Отъ чего же до сихъ поръ такъ мало говорятъ о Пушкинѣ? Отъ чего лучшія его произведенія остаются неразобранными *), а вмѣсто разборовъ и сужденій слышимъ мы одни пустыя восклицанія: „Пушкинъ поэтъ! Пушкинъ истинный поэтъ! Онѣгинъ поэма превосходная! Цыганы мастерское произведеніе!“ и т. д.? Отъ чего никто до сихъ поръ не предпринялъ опредѣлить характеръ его поэзіи вообще, оцѣнить ея красоты и недостатки, показать мѣсто, которое поэтъ нашъ успѣлъ занять между первоклассными поэтами своего времени? Такое молчаніе тѣмъ непонятнѣе, что здѣсь публику всего менѣе можно упрекнуть въ равнодушіи.—Но, скажутъ мнѣ можетъ быть, кто имѣетъ право говорить о Пушкинѣ?—

Тамъ, гдѣ просвѣщенная публика нашла себѣ законныхъ представителей въ литературѣ, тамъ не многіе, законодательствуя общимъ мнѣніемъ, имѣютъ власть произносить окончательные приговоры необыкновеннымъ явленіямъ словеснаго міра. Но у насъ ничей голосъ не лишній; мнѣніе каждаго, если оно составлено по совѣсти и основано на чистомъ убѣжденіи, имѣетъ право на всеобщее вниманіе. Скажу болѣе: въ наше время каждый мыслящій человѣкъ не только можетъ, но еще обязанъ выражать свой образъ мыслей передъ лицомъ публи-

*) Все, что въ Сынѣ Отечества, Дамскомъ Журналѣ, Вѣстникѣ Европы и Московскомъ Телеграфѣ было сказано до сихъ поръ о Русланѣ и Людмилѣ, Кавказскомъ Плѣнникѣ, Бахчисарайскомъ Фонтанѣ и Онѣгинѣ, ограничивалось простымъ извѣщеніемъ о выходѣ упомянутыхъ поэмъ, или имѣло главнымъ предметомъ своимъ что либо постороннее, какъ напр. романтическую поэзію и т. п.; но собственно разборовъ поэмъ Пушкина мы еще не имѣемъ.

ки,—если, впрочемъ, не препятствуютъ тому посторонніія обстоятельства: ибо только общимъ содѣйствіемъ можетъ у насъ составиться то, чего такъ давно желаютъ всѣ люди благомыслящіе, чего до сихъ поръ, однакоже, мы еще не имѣемъ, и что, бывъ результатомъ, служитъ вмѣстѣ и условіемъ народной образованности, а слѣдовательно, и народнаго благосостоянія: я говорю объ общемъ мнѣніи. Къ тому же все, сказанное передъ публикою, полезно уже потому, что сказано: справедливое—какъ справедливое; несправедливое—какъ вызовъ на возраженія.

Но говоря о Пушкинѣ, трудно высказать свое мнѣніе рѣшительно: трудно привесть къ единству все разнообразіе его произведеній и пріискать общее выраженіе для характера его поэзіи, принимавшей столько различныхъ видовъ. Ибо, выключая красоту и оригинальность стихотворнаго языка, какіе слѣды общаго происхожденія находимъ мы въ Русланѣ и Людмилѣ, въ Кавказскомъ Плѣнникѣ, въ Онѣгинѣ, въ Цыганахъ и т. д.?— Не только каждая изъ сихъ поэмъ отличается особенностью хода и образа изложенія (la manière); но еще нѣкоторыя изъ нихъ различествуютъ и самымъ характеромъ поэзіи, отражая различное воззрѣніе поэта на вещи, такъ что въ переводѣ ихъ легко можно бы было почесть произведеніями не одного, но многихъ авторовъ. Эта легкая шутка, дитя веселости и остроумія, которая въ Русланѣ и Людмилѣ одѣваетъ всѣ предметы въ краски блестящія и свѣтлыя, уже не встрѣчается больше въ другихъ произведеніяхъ нашего поэта: ея мѣсто въ Онѣгинѣ заступила уничтожающая насмѣшка, отголосокъ сердечнаго скептицизма, и добродушная веселость смѣнилась здѣсь на мрачную холодность, которая на всѣ предметы смотритъ сквозь темную завѣсу сомнѣній, свои наблюденія передаетъ въ каррикатурѣ, и созидаетъ какъ бы для того только, чтобы черезъ минуту насладиться разрушеніемъ созданнаго. Въ Кавказскомъ Плѣнникѣ, напротивъ того, не находимъ мы ни той довѣрчивости къ судьбѣ, которая одушевляетъ Руслана, ни того презрѣнія къ человѣку, которое замѣчаемъ въ Онѣгинѣ. Здѣсь видимъ душу, огорченную измѣнами и утратами, но еще не измѣнившую самой себѣ, еще не утратившую свѣжести прежнихъ чувствованій, еще вѣрную завѣтному влеченію,—душу, растерзанную судьбой, но не побѣжденную: исходъ борьбы еще зависитъ отъ будущаго. Въ поэмѣ Цыганы харак-

теръ поэзіи также совершенно особенный, отличный отъ другихъ поэмъ Пушкина. Тоже можно сказать почти про каждое изъ важнѣйшихъ его твореній.

Но, разсматривая внимательно произведенія Пушкина, отъ Руслана и Людмилы до пятой главы Онѣгина, находимъ мы, что при всѣхъ измѣненіяхъ своего направленія, поэзія его имѣла три періода развитія, рѣзко отличающихся одинъ отъ другаго. Постараемся опредѣлить особенность и содержаніе каждаго изъ нихъ, и тогда уже выведемъ полное заключеніе о поэзіи Пушкина вообще.

Если по характеру, тону и отдѣлкѣ, сроднымъ духу искусственныхъ произведеній различныхъ націй, стихотворство, какъ живопись, можно дѣлить на школы, то первый періодъ поэзіи Пушкина, заключающій въ себѣ Руслана и нѣкоторыя изъ мелкихъ стихотвореній, назвалъ бы я *періодомъ школы Итальянско-Французской*. Сладость Парни, непринужденное и легкое остроуміе, нѣжность, чистота отдѣлки, свойственныя характеру Французской поэзіи вообще, соединились здѣсь съ роскошью, съ изобиліемъ жизни и свободою Аріоста. Но остановимся нѣсколько времени на томъ произведеніи нашего поэта, которымъ совершилось первое знакомство Русской публики съ ея любимцемъ.

Если въ своихъ послѣдующихъ твореніяхъ, почти во всѣ созданія своей фантазіи вплетаетъ Пушкинъ индивидуальность своего характера и образа мыслей, то здѣсь является онъ чисто *творцомъ-поэтомъ*. Онъ не ищетъ передать намъ свое особенное воззрѣніе на міръ, судьбу, жизнь и человѣка; но просто созидаетъ намъ новую судьбу, новую жизнь, свой новый міръ, населяя его существами новыми, отличными, принадлежащими исключительно его творческому воображенію. Отъ того ни одна изъ его поэмъ не имѣетъ той полноты и оконченности, какую замѣчаемъ въ Русланѣ. Отъ того каждая пѣснь, каждая сцена, каждое отступленіе живетъ самобытно и полно; отъ того каждая часть такъ необходимо вплетается въ составъ цѣлаго созданія, что нельзя ничего прибавить или выбросить, не разрушивъ совершенно его гармоніи. Отъ того Черноморъ, Наина, Голова, Финнъ, Рогдай, Фарлафъ, Ратмиръ, Людмила, словомъ, каждое изъ лицъ, дѣйствующихъ въ поэмѣ (выключая, можетъ быть, одного: самаго героя поэмы), получило характеръ особенный, рѣзко образованный и вмѣстѣ глубокій. Отъ того,

наблюдая соотвѣтственность частей къ цѣлому, авторъ тщательно избѣгаетъ всего патетическаго, могущаго сильно потрясти душу читателя; ибо сильное чувство несовмѣстно съ охотою къ чудесному-комическому, и уживается только съ величественно-чудеснымъ. Одно очаровательное можетъ завлечь насъ въ царство волшебствъ; и если посреди плѣнительной невозможности что нибудь тронетъ насъ не на шутку, заставя обратиться къ самимъ себѣ, то прости тогда вѣра въ невѣроятное! Чудесное, призраки разлетятся въ ничто, и цѣлый міръ небывалаго рушится, исчезнетъ, какъ прерывается пестрое сновидѣніе, когда что нибудь въ его созданіяхъ напомнитъ намъ о дѣйствительности. Разсказъ Финна, имѣя другой конецъ, уничтожилъ бы дѣйствіе цѣлой поэмы: какъ въ Виландовомъ Оберонѣ одинъ,— впрочемъ, одинъ изъ лучшихъ отрывковъ его,—описаніе несчастій главнаго героя, слишкомъ сильно потрясая душу, разрушаетъ очарованіе цѣлаго, и, такимъ образомъ, отнимаетъ у него главное его достоинство. Но неожиданность развязки, безобразіе старой колдуньи и смѣшное положеніе Финна разомъ превращаютъ въ каррикатуру всю прежнюю картину несчастной любви, и такъ мастерски связываютъ эпизодъ съ тономъ цѣлой поэмы, что онъ уже дѣлается одною изъ ея необходимыхъ составныхъ частей. Вообще можно сказать про Руслана и Людмилу, что если строгая критика и найдетъ въ ней иное слабымъ, невыдержаннымъ, то конечно не сыщетъ ничего лишняго, ничего неумѣстнаго. Рыцарство, любовь, чародѣйство, пиры, война, русалки, всѣ стихіи волшебнаго міра совокупились здѣсь въ одно созданіе и, не смотря на пестроту частей, въ немъ все стройно, согласно, *цѣло*. Самые приступы къ пѣснямъ, занятые у пѣвца Іоанны, сохраняя вездѣ одинъ тонъ, набрасываютъ и на все твореніе одинъ общій оттѣнокъ веселости и остроумія.

Замѣтимъ, между прочимъ, что та изъ поэмъ Пушкина, въ которой всего менѣе встрѣчаемъ мы сильныя потрясенія и глубокость чувствованій, есть однакоже самое совершенное изъ всѣхъ его произведеній по соразмѣрности частей, по гармоніи и полнотѣ изобрѣтенія, по богатству содержанія, по стройности переходовъ, по безпрерывности господствующаго тона, и, наконецъ, по вѣрности, разнообразію и оригинальности характеровъ. Напротивъ того Кавказскій Плѣнникъ, менѣе всѣхъ остальныхъ поэмъ удовлетворяющій справедливымъ требованіямъ

искусства, не смотря на то, богаче всѣхъ силою и глубокостію чувствованій.

Кавказскимъ Плѣнникомъ начинается *второй періодъ Пушкинской поэзіи*, который можно назвать *отголоскомъ лиры Байрона*.

Если въ Русланѣ и Людмилѣ Пушкинъ былъ исключительно *поэтомъ*, передавая вѣрно и чисто внушенія своей фантазіи: то теперь является онъ *поэтомъ-философомъ*, который въ самой поэзіи хочетъ выразить сомнѣнія своего разума, который всѣмъ предметамъ даетъ общія краски своего особеннаго воззрѣнія и часто отвлекается отъ предметовъ, чтобы жить въ области мышленія. Уже не волшебниковъ съ ихъ чудесами, не героевъ непобѣдимыхъ, не очарованные сады представляетъ онъ въ Кавказскомъ Плѣнникѣ, Онѣгинѣ и проч.—жизнь дѣйствительная и человѣкъ нашего времени съ ихъ пустотою, ничтожностію и прозою дѣлаются предметомъ его пѣсень. Но онъ не ищетъ, подобно Гете, возвысить предметъ свой, открывая поэзію въ жизни обыкновенной, а въ человѣкѣ нашего времени—полный отзывъ всего человѣчества; а, подобно Байрону, онъ въ цѣломъ мірѣ видитъ одно противорѣчіе, одну обманутую надежду, и почти каждому изъ его героевъ можно придать названіе *разочарованнаго*.

Не только своимъ воззрѣніемъ на жизнь и человѣка совпадается Пушкинъ съ пѣвцомъ Гяура; онъ сходствуетъ съ нимъ и въ остальныхъ частяхъ своей поэзіи: тотъ же способъ изложенія, тотъ же тонъ, та же форма поэмъ, такая же неопредѣленность въ цѣломъ и подробная отчетливость въ частяхъ, такое же расположеніе, и даже характеры лицъ по большей части столь сходные, что съ перваго взгляда ихъ почтешь за чужеземцевъ-эмигрантовъ, переселившихся изъ Байронова міра въ творенія Пушкина.

Однакоже, не смотря на такое сходство съ Британскимъ поэтомъ, мы находимъ въ Онѣгинѣ, въ Цыганахъ, въ Кавказскомъ Плѣнникѣ и проч. столько красотъ самобытныхъ, принадлежащихъ исключительно нашему поэту, такую неподдѣльную свѣжесть чувствъ, такую вѣрность описаній, такую тонкость въ замѣчаніяхъ и естественность въ ходѣ, такую оригинальность въ языкѣ, и, наконецъ, столько національнаго, чисто Русскаго, что даже въ этомъ періодѣ его поэзіи нельзя назвать его простымъ подражателемъ. Нельзя однакоже допустить и того, что

Пушкинъ случайно совпадается съ Байрономъ; что воспитанные однимъ вѣкомъ, и, можетъ быть, одинакими обстоятельствами, они должны были сойтись и въ образѣ мыслей и въ духѣ поэзіи, а слѣдовательно, и въ самыхъ формахъ ея; ибо у истинныхъ поэтовъ формы произведеній не бываютъ случайными, но также слиты съ духомъ цѣлаго, какъ тѣло съ душою въ произведеніяхъ Творца. Нельзя, говорю я, допустить сего мнѣнія потому, что Пушкинъ тамъ даже, гдѣ онъ всего болѣе приближается къ Байрону, все еще сохраняетъ столько своего особеннаго, обнаруживающаго природное его направленіе, что для вникавшихъ въ духъ обоихъ поэтовъ очевидно, что Пушкинъ не случайно встрѣтился съ Байрономъ, но заимствовалъ у него, или лучше сказать, невольно подчинялся его вліянію. Лира Байрона должна была отозваться въ своемъ вѣкѣ, бывъ сама голосомъ своего вѣка. Одно изъ двухъ противоположныхъ направленій нашего времени достигло въ ней своего выраженія. Мудрено ли, что и для Пушкина она звучала не даромъ? Хотя, можетъ быть, онъ уже слишкомъ много уступалъ ея вліянію, и—сохранивъ болѣе оригинальности, по крайней мѣрѣ въ наружной формѣ своихъ поэмъ, придалъ бы имъ еще большее достоинство.

Такое вліяніе обнаружилось прежде всего въ Кавказскомъ Плѣнникѣ. Здѣсь особенно видны тѣ черты сходства съ Байрономъ, которыя мы выше замѣтили; но расположеніе поэмы доказываетъ, что она была первымъ опытомъ Пушкина въ произведеніяхъ такого рода; ибо всѣ описанія Черкесовъ, ихъ образа жизни, обычаевъ, игръ и т. д., которыми наполнена первая пѣснь, безполезно останавливаютъ дѣйствіе, разрываютъ нить интереса и не вяжутся съ тономъ цѣлой поэмы. Поэма вообще, кажется, имѣетъ не одно, но два содержанія, которыя не слиты вмѣстѣ, но являются каждое отдѣльно, развлекая вниманіе и чувства на двѣ различныя стороны. За то—какими достоинствами выкупается этотъ важный недостатокъ! Какая поэзія разлита на всѣ сцены! Какая свѣжесть, какая сила чувствъ! Какая вѣрность въ живыхъ описаніяхъ! Ни одно изъ произведеній Пушкина не представляетъ столько недостатковъ и столько красотъ.

Такое же, или, можетъ быть, еще большее сходство съ Байрономъ является въ Бахчисарайскомъ Фонтанѣ; но здѣсь искуснѣйшее исполненіе доказываетъ уже большую зрѣлость поэта.

Жизнь гаремская также относится къ содержанію Бахчисарайскаго Фонтана, какъ Черкесскій бытъ къ содержанію Кавказскаго Плѣнника: оба составляютъ основу картины, и, не смотря на то, какъ различно ихъ значеніе! Все, что происходитъ между Гиреемъ, Маріею и Заремою, такъ тѣсно соединено съ окружающими предметами, что всю повѣсть можно назвать одною сценою изъ жизни гарема. Всѣ отступленія и перерывы связаны между собой однимъ общимъ чувствомъ; все стремится къ произведенію одного, главнаго впечатлѣнія. Вообще, видимый безпорядокъ изложенія есть неотмѣнная принадлежность Байроновскаго рода; но этотъ безпорядокъ есть только мнимый, и нестройное представленіе предметовъ отражается въ душѣ стройнымъ переходомъ ощущеній. Чтобы понять такого рода гармонію, надобно прислушиваться къ внутренней музыкѣ чувствованій, рождающейся изъ впечатлѣній отъ описываемыхъ предметовъ, между тѣмъ какъ самые предметы служатъ здѣсь только орудіемъ, клавишами, ударяющими въ струны сердца.

Эта душевная мелодія составляетъ главное достоинство Бахчисарайскаго Фонтана. Какъ естественно, гармонически, восточная нѣга, восточное сладострастіе, слилися здѣсь съ самыми сильными порывами южныхъ страстей! Въ противоположности роскошнаго описанія гарема съ мрачностію главнаго происшествія виденъ творецъ Руслана, изъ безсмертнаго міра очарованій спустившійся на землю, гдѣ среди разногласія страстей и несчастій, онъ еще не позабылъ чувства упоительнаго сладострастія. Его поэзію въ Бахчисарайскомъ Фонтанѣ можно сравнить съ восточною Пери, которая, утративъ рай, еще сохранила красоту неземную; ея видъ задумчивъ и мраченъ; сквозь притворную холодность замѣтно сильное волненіе души; она быстро и неслышно, какъ духъ, какъ Зарема, пролетаетъ мимо насъ, одѣтая густымъ облакомъ, и мы плѣняемся тѣмъ, что видѣли, а еще болѣе тѣмъ, чѣмъ настроенное воображеніе невольно дополняетъ незримое. Тонъ всей поэмы болѣе всѣхъ другихъ приближается къ Байроновскому.

За то, далѣе всѣхъ отстоитъ отъ Байрона поэма Разбойники, не смотря на то, что содержаніе, сцены, описанія, все въ ней можно назвать сколкомъ съ Шильйонскаго Узника. Она больше каррикатура Байрона, нежели подражаніе ему. Бонниваръ страдаетъ для того, чтобы

Спасти души своей любовь;

и какъ ни жестоки его мученія, но въ нихъ есть какая-то поэзія, которая принуждаетъ насъ къ участію; между тѣмъ какъ подробное описаніе страданій пойманныхъ разбойниковъ поселяетъ въ душѣ одно отвращеніе, чувство, подобное тому, какое произвелъ бы видъ мученія преступника, осужденнаго къ заслуженной казни. Можно рѣшительно сказать, что въ этой поэмѣ нѣтъ ничего поэтическаго, выключая вступленія и красоту стиховъ, вездѣ и всегда свойственную Пушкину.

Сія красота стиховъ всего болѣе видна въ Цыганахъ, гдѣ мастерство стихосложенія достигло высшей степени своего совершенства и гдѣ искусство приняло видъ свободной небрежности. Здѣсь каждый звукъ, кажется, непринужденно вылился изъ души и, не смотря на то, каждый стихъ получилъ послѣднюю отработку, за исключеніемъ, можетъ быть, двухъ или трехъ изъ цѣлой поэмы: все чисто, округлено и вольно.

Но соотвѣтствуетъ ли содержаніе поэмы достоинству ея отдѣлки? — Мы видимъ народъ кочующій, полудикій, который не знаетъ законовъ, презираетъ роскошь и просвѣщеніе, и любитъ свободу болѣе всего; но народъ сей знакомъ съ чувствами, свойственными самому утонченному общежитію: воспоминаніе прежней любви и тоска по измѣнившей Маріулѣ наполняютъ всю жизнь стараго Цыгана. Но зная любовь исключительную, вѣчную, Цыганы не знаютъ ревности; имъ непонятны чувства Алеко. Подумаешь, авторъ хотѣлъ представить золотой вѣкъ, гдѣ люди справедливы, не зная законовъ; гдѣ страсти никогда не выходятъ изъ границъ должнаго; гдѣ все свободно, но ничто не нарушаетъ общей гармоніи, и внутреннее совершенство есть слѣдствіе не трудной образованности, но счастливой неиспорченности совершенства природнаго. Такая мысль могла бы имѣть высокое поэтическое достоинство. Но здѣсь, къ несчастію, прекрасный полъ разрушаетъ все очарованіе, и между тѣмъ какъ бѣдные Цыганы любятъ *горестно и трудно*, ихъ жены, *какъ вольная луна, на всю природу мимоходомъ изливаютъ равное сіянье.* Совмѣстно ли такое несовершенство женщинъ съ такимъ совершенствомъ народа?—Либо Цыганы не знаютъ вѣчной, исключительной привязанности; либо они ревнуютъ непостоянныхъ женъ своихъ, и тогда месть и другія страсти также должны быть имъ не чужды; тогда Алеко не можетъ уже казаться имъ страннымъ и непонятнымъ; тогда весь бытъ Европейцевъ отличается отъ нихъ только выгодами образо-

ванности; тогда, вмѣсто золотаго вѣка, они представляютъ просто полудикій народъ, несвязанный законами, бѣдный, несчастный, какъ дѣйствительные Цыганы Бессарабіи; тогда вся поэма противорѣчитъ самой себѣ.

Но, можетъ быть, мы не должны судить о Цыганахъ вообще по одному отцу Земфиры; можетъ быть, его характеръ не есть характеръ его народа. Но если онъ существо необыкновенное, которое всегда и при всякихъ обстоятельствахъ образовалось бы одинаково, и, слѣдовательно, всегда составляетъ исключеніе изъ своего народа; то цѣль поэта все еще остается неразгаданною. Ибо, описывая Цыганъ, выбрать изъ среды ихъ именно того, который противорѣчитъ ихъ общему характеру, и его одного представить предъ читателемъ, оставляя другихъ въ неясномъ отдаленіи:—то же, что, описывая характеръ человѣка, приводить въ примѣръ именно тѣ изъ его дѣйствій, которыя находятся въ разногласіи съ описаніемъ.

Впрочемъ, характеръ Алеко, эпизоды и всѣ части, отдѣльно взятыя, такъ богаты поэтическими красотами, что если бы можно было, прочтя поэму, позабыть ея содержаніе и сохранить въ душѣ память одного наслажденія, доставленнаго ею; то ее можно бы было назвать однимъ изъ лучшихъ произведеній Пушкина. Но въ томъ-то и заключается отличіе чувства изящнаго отъ простаго удовольствія, что оно дѣйствуетъ на насъ еще больше въ послѣдующія минуты воспоминанія и отчета, нежели въ самую минуту перваго наслажденія. Созданія, истинно-поэтическія, *живутъ* въ нашемъ воображеніи; мы забываемся въ нихъ, развиваемъ неразвитое, разсказываемъ недосказанное и, переселяясь такимъ образомъ въ новый міръ, созданный поэтомъ, живемъ просторнѣе, полнѣе и счастливѣе, нежели въ старомъ дѣйствительномъ. Такъ и Цыганскій бытъ завлекаетъ сначала нашу мечту; но при первомъ покушеніи присвоить его нашему воображенію, разлетается въ ничто, какъ туманы Ледовитаго моря, которые, принимая видъ твердой земли, заманиваютъ къ себѣ любопытнаго путешественника и при его же глазахъ, разогрѣтые лучами солнца, улетаютъ на небеса.

Но есть качество въ Цыганахъ, которое вознаграждаетъ насъ нѣкоторымъ образомъ за нестройность содержанія. Качество сіе есть большая самобытность поэта. Справедливо сказалъ авторъ Обозрѣнія Словесности за 1827 годъ *), что въ сей поэмѣ за-

*) См. 1-й N Моск. Вѣстн. 1828 года.

мѣтна какая-то борьба между идеальностью Байрона и живописною народностью поэта Русскаго. Въ самомъ дѣлѣ: возьмите описанія Цыганской жизни отдѣльно; смотрите на отца Земфиры не какъ на Цыгана, но просто какъ на старика, не заботясь о томъ, къ какому народу онъ принадлежитъ; вникните въ эпизодъ объ Овидіѣ,—и полнота созданій, развитая до подробностей, одушевленная поэзіею оригинальною, докажетъ вамъ, что Пушкинъ уже почувствовалъ силу дарованія самостоятельнаго, свободнаго отъ постороннихъ вліяній.

Всѣ недостатки въ Цыганахъ зависятъ отъ противорѣчія двухъ разногласныхъ стремленій: одного самобытнаго, другаго Байроническаго; посему самое несовершенство поэмы есть для насъ залогъ усовершенствованія поэта.

Еще болѣе стремленіе къ самобытному роду поэзіи обнаруживается въ Онѣгинѣ, хотя не въ первыхъ главахъ его, гдѣ вліяніе Байрона очевидно; не въ образѣ изложенія, который принадлежитъ Донъ-Жуану и Беппо, и не въ характерѣ самаго Онѣгина, однородномъ съ характеромъ Чильдъ-Гарольда. Но чѣмъ болѣе поэтъ отдаляется отъ главнаго героя и забывается въ постороннихъ описаніяхъ, тѣмъ онъ самобытнѣе и національнѣе.

Время Чильдъ-Гарольдовъ, слава Богу, еще не настало для нашего отечества: молодая Россія не участвовала въ жизни западныхъ государствъ, и народъ, какъ человѣкъ, не старѣется чужими опытами. Блестящее поприще открыто еще для Русской дѣятельности; всѣ роды искусствъ, всѣ отрасли познаній еще остаются неусвоенными нашему отечеству; намъ дано еще: надѣяться — что же дѣлать у насъ разочарованному Чильдъ-Гарольду?

Посмотримъ, какія качества сохранилъ и утратилъ цвѣтъ Британіи, бывъ пересаженъ на Русскую почву.

Любимая мечта Британскаго поэта есть существо необыкновенное, высокое. Не бѣдность, но преизбытокъ внутреннихъ силъ дѣлаетъ его холоднымъ къ окружающему міру. Безсмертная мысль живетъ въ его сердцѣ и день и ночь, поглощаетъ въ себя все бытіе его и отравляетъ всѣ наслажденія. Но въ какомъ бы видѣ она ни являлась: какъ гордое презрѣніе къ человѣчеству, или какъ мучительное раскаяніе, или какъ мрачная безнадежность, или какъ неутолимая жажда забвенія,— эта мысль всеобъемлющая, вѣчная,—что она, если не неволь-

ное, постоянное стремленіе къ лучшему, тоска по недосягаемомъ совершенствѣ? Нѣтъ ничего общаго между Чильдъ-Гарольдомъ и толпою людей обыкновенныхъ: его страданія, его мечты, его наслажденія, непонятны для другихъ: только высокія горы да голые утесы говорятъ ему отвѣтныя тайны, ему одному слышныя. Но потому именно, что онъ отличенъ отъ обыкновенныхъ людей, можетъ онъ отражать въ себѣ духъ своего времени и служить границею съ будущимъ; ибо *только разногласіе связуетъ два различныя созвучія.*

Напротивъ того, Онѣгинъ есть существо совершенно обыкновенное и ничтожное. Онъ также равнодушенъ ко всему окружающему: но не ожесточеніе, а неспособность любить сдѣлали его холоднымъ. Его молодость также прошла въ вихрѣ забавъ и разсѣянія; но онъ не завлеченъ былъ кипѣніемъ страстной, ненасытной души, но на паркетѣ провелъ пустую, холодную жизнь моднаго франта. Онъ также бросилъ свѣтъ и людей: но не для того, чтобы въ уединеніи найдти просторъ взволнованнымъ думамъ, но для того, что ему было равно скучно вездѣ.

> ...что онъ равно зѣвалъ
> Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

Онъ не живетъ внутри себя жизнью особенною, отмѣнною отъ жизни другихъ людей, и презираетъ человѣчество потому только, что не умѣетъ уважать его. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе такого рода людей, и всего меньше поэзіи въ такомъ характерѣ.

Вотъ Чильдъ-Гарольдъ въ нашемъ отечествѣ,—и честь поэту, что онъ представилъ намъ не настоящаго; ибо, какъ мы уже сказали, это время еще не пришло для Россіи, и дай Богъ, чтобы никогда не приходило.

Самъ Пушкинъ, кажется, чувствовалъ пустоту своего героя, и потому нигдѣ не старался коротко познакомить съ нимъ своихъ читателей. Онъ не далъ ему опредѣленной физіогноміи, и не одного человѣка, но цѣлый классъ людей представилъ онъ въ его портретѣ: тысячѣ различныхъ характеровъ можетъ принадлежать описаніе Онѣгина.

Эта пустота главнаго героя была, можетъ быть, одною изъ причинъ пустоты содержанія первыхъ пяти главъ романа: но форма повѣствованія, вѣроятно, также къ тому содѣйствовала. Тѣ, которые оправдываютъ ее, ссылаясь на Байрона, забываютъ.

въ какомъ отношеніи находится форма Бенно и Донъ-Жуана къ ихъ содержанію и характерамъ главныхъ героевъ.

Что касается до поэмы Онѣгинъ вообще, то мы не имѣемъ права судить по началу о сюжетѣ дѣла, хотя съ трудомъ можемъ представить себѣ возможность чего либо стройнаго, полнаго и богатаго въ замыслѣ при такомъ началѣ. Впрочемъ, кто можетъ разгадать границы возможнаго для поэтовъ, каковъ Пушкинъ? — имъ суждено всегда удивлять своихъ критиковъ.

Недостатки Онѣгина суть, кажется, послѣдняя дань Пушкина Британскому поэту. Но всѣ неисчислимыя красоты поэмы: Ленскій, Татьяна, Ольга, Петербургъ, деревня, сонъ, зима, письмо и пр. и пр. — суть неотъемлемая собственность нашего поэта. Здѣсь-то обнаружилъ онъ ясно природное направленіе своего генія; и эти слѣды самобытнаго созиданія въ Цыганахъ и Онѣгинѣ, соединенные съ извѣстною сценою изъ Бориса Годунова *), составляютъ, не истощая, третій періодъ развитія его поэзіи, который можно назвать *періодомъ поэзіи Русско-Пушкинской*. Отличительныя черты его суть: живописность, какая-то безпечность, какая-то особенная задумчивость, и, наконецъ, что-то невыразимое, понятное лишь Русскому сердцу; ибо какъ назвать то чувство, которымъ дышатъ мелодіи Русскихъ пѣсень, къ которому чаще всего возвращается Русскій народъ, и которое можно назвать центромъ его сердечной жизни?

Въ этомъ періодѣ развитія поэзіи Пушкина особенно замѣтна способность забываться въ окружающихъ предметахъ и текущей минутѣ. Таже способность есть основаніе Русскаго характера: она служитъ началомъ всѣхъ добродѣтелей и недостатковъ Русскаго народа; изъ нея происходитъ смѣлость, безпечность, неукротимость минутныхъ желаній, великодушіе, неумѣренность, запальчивость, понятливость, добродушіе, и пр. и пр.

Не нужно, кажется, высчитывать всѣхъ красотъ Онѣгина, анатомировать характеры, положенія и вводныя описанія, чтобы доказать превосходство послѣднихъ произведеній Пушкина надъ прежними. Есть вещи, которыя можно чувствовать, но нельзя доказать иначе, какъ написавши нѣсколько томовъ комментарій на каждую страницу. Характеръ Татьяны есть одно изъ лучшихъ созданій нашего поэта; мы не будемъ говорить объ немъ, ибо онъ самъ себя выказываетъ вполнѣ.

---

*) Мы не говоримъ объ мелкихъ сочиненіяхъ Пушкина, которыя обнаруживаютъ также три періода развитія его поэзіи.

Для чего хвалить прекрасное не также легко, какъ находить недостатки?—Съ какимъ бы восторгомъ высказали мы всю несравненность тѣхъ наслажденій, которыми мы одолжены поэту, и которыя, какъ самоцвѣтные камни въ простомъ ожерельѣ, блестятъ въ однообразной нити жизни Русскаго народа!

Въ упомянутой сценѣ изъ Бориса Годунова особенно обнаруживается зрѣлость Пушкина. Искусство, съ которымъ представленъ, въ столь тѣсной рамѣ, характеръ вѣка, монашеская жизнь, характеръ Пимена, положеніе дѣлъ и начало завязки: чувство особенное, трагически спокойное, которое внушаютъ намъ жизнь и присутствіе лѣтописца; новый и разительный способъ, посредствомъ котораго поэтъ знакомитъ насъ съ Гришкою: наконецъ, языкъ неподражаемый, поэтическій, вѣрный,— все это вмѣстѣ заставляетъ насъ ожидать отъ трагедіи, скажемъ смѣло, чего-то *великаго*.

Пушкинъ рожденъ для драматическаго рода. Онъ слишкомъ многостороненъ, слишкомъ объективенъ (*), чтобы быть лирикомъ: въ каждой изъ его поэмъ замѣтно невольное стремленіе дать особенную жизнь отдѣльнымъ частямъ, стремленіе, часто клонящееся ко вреду цѣлаго въ твореніяхъ эпическихъ, но необходимое, драгоцѣнное для драматика.

Утѣшительно въ постепенномъ развитіи поэта замѣчать безпрестанное усовершенствованіе; но еще утѣшительнѣе видѣть сильное вліяніе, которое поэтъ имѣетъ на своихъ соотечественниковъ. Не многимъ, избраннымъ судьбою, досталось въ удѣлъ еще при жизни наслаждаться ихъ любовью. Пушкинъ принадлежитъ къ ихъ числу, и это открываетъ намъ еще одно важное качество въ характерѣ его поэзіи: *соотвѣтственность съ своимъ временемъ*.

Мало быть поэтомъ, чтобы быть народнымъ; надобно еще быть воспитаннымъ, такъ сказать, въ средоточіи жизни своего народа, раздѣлять надежды своего отечества, его стремленіе, его утраты, — словомъ, жить его жизнію и выражать его невольно, выражая себя. Пусть случай такое счастіе: но не также ли мало зависятъ отъ насъ красота, умъ, прозорливость, всѣ тѣ качества, которыми человѣкъ плѣняетъ человѣка? И уже ли качества сіи существеннѣе достоинства: отражать въ себѣ жизнь своего народа?

(*) Мы принуждены употреблять это выраженіе, покуда не имѣемъ однозначительнаго на нашемъ языкѣ.

Обозрѣніе Русской словесности

за 1829 годъ.

(1830).

Прежде нежели мы приступимъ къ обозрѣнію словесности прошедшаго года, я прошу просвѣщенныхъ читателей обратить вниманіе на сочиненіе, которое, хотя вышло ранѣе 29 года, но имѣло вліяніе на его текущую словесность; которое должно имѣть еще большее дѣйствіе на будущую жизнь нашей литературы; которое успѣшнѣе всѣхъ другихъ произведеній Русскаго пера должно очистить намъ дорогу къ просвѣщенію Европейскому; которымъ мы можемъ гордиться передъ всѣми государствами, гдѣ только выходятъ сочиненія такого рода: котораго изданіе (выключая, можетъ быть, учрежденіе Ланкастерскихъ школъ) было самымъ важнымъ событіемъ для блага Россіи въ теченіе многихъ лѣтъ, и важнѣе нашихъ блистательныхъ побѣдъ за Дунаемъ и Араратомъ, важнѣе взятія Эрзерума, и той славной тѣни, которую бросили Русскія знамена на стѣны Царьградскія. Эта книга, — читатель уже назвалъ *Цензурный уставъ.*

Вліяніе его на текущую словесность прошедшаго года, хотя мало примѣтное, было тѣмъ не менѣе дѣйствительно. Наши журналы заимствовали болѣе изъ журналовъ иностранныхъ; переводы, хотя по большей части дурные, передавали намъ болѣе слѣдовъ умственной жизни нашихъ сосѣдей, и отъ того вся литература наша непримѣтно приближалась болѣе къ жизни обще-Европейской. Самыя перебранки нашихъ журналовъ, ихъ неприличныя критики, ихъ дикій тонъ, ихъ странныя личности, ихъ вѣжливости негородскія,—все это было похоже на нестройныя движенія распеленатаго ребенка, движенія необходимыя для развитія силы, для будущей красоты и здоровья.

Но, чтобы вѣрнѣе опредѣлить особенность нашей литературы прошедшаго года, открыть въ ней признаки господствующаго направленія нашей словесности вообще и ея отношеніе къ цѣлостному просвѣщенію Европы, бросимъ бѣглый взглядъ на характеръ всей литературы нашей девятьнадцатаго столѣтія: ибо одно прошедшее даетъ цѣну и указываетъ мѣсто настоящему, опредѣляя дорогу для будущаго.

Литературу нашу девятьнадцатаго столѣтія можно раздѣлить на три эпохи, различныя особенностью направленія каждой изъ нихъ, но связанныя единствомъ ихъ развитія. Характеръ первой эпохи опредѣляется вліяніемъ Карамзина; средоточіемъ второй была Муза Жуковскаго; Пушкинъ можетъ быть представителемъ третьей.

Начало девятьнадцатаго столѣтія въ литературномъ отношеніи представляетъ рѣзкую противоположность съ концомъ восемнадцатаго. Въ теченіе немногихъ лѣтъ просвѣщеніе сдѣлало столь быстрые успѣхи, что съ перваго взгляда они являются неимовѣрными. Кажется, кто-то разбудилъ полусонную Россію. Изъ лѣниваго равнодушія она вдругъ переходитъ къ жаждѣ образованія, ищетъ ученія, книгъ, стыдится своего прежняго невѣжества и спѣшитъ породниться съ иноземными мнѣніями. Когда явился Карамзинъ, уже читатели для него были готовы: а его удивительные успѣхи доказываютъ не столько силу его дарованій, сколько повсюду распространившуюся любовь къ просвѣщенію.

Но остановимся здѣсь, и подивимся странностямъ судьбы человѣческой. Тотъ, кому просвѣщеніе наше обязано столь быстрыми успѣхами, кто подвинулъ на полвѣка образованность нашего народа, кто всю жизнь употребилъ во благо отечества и уже видѣлъ плоды своего вліянія на всѣхъ концахъ Русскаго царства, человѣкъ, которому Россія обязана столькимъ, — онъ умеръ недавно, почти всѣми забытый, близь той Москвы, которая была свидѣтельницею и средоточіемъ его блестящей дѣятельности. Имя его едва извѣстно теперь бо̀льшей части нашихъ современниковъ; и еслибы Карамзинъ не говорилъ объ немъ, то можетъ быть многіе, читая эту статью, въ первый разъ услышали бы о дѣлахъ Новикова и его товарищей, и усомнились бы въ достовѣрности столь близкихъ къ намъ событій. Память объ немъ почти исчезла; участники его трудовъ разошлись, утонули въ темныхъ заботахъ частной дѣятельности;

многихъ уже нѣтъ; но дѣло, ими совершенное, осталось: оно живетъ, оно приноситъ плоды и ищетъ благодарности потомства.

Новиковъ не распространилъ, а создалъ у насъ любовь къ наукамъ и охоту къ чтенію. Прежде него, по свидѣтельству Карамзина, были въ Москвѣ двѣ книжныя лавки, продававшія ежегодно на 10 тысячь рублей; черезъ нѣсколько лѣтъ ихъ было уже 20, и книгъ продавалось на 200 тысячь. Кромѣ того Новиковъ завелъ книжныя лавки въ другихъ и въ самыхъ отдаленныхъ городахъ Россіи; распускалъ почти даромъ тѣ сочиненія, которыя почиталъ особенно важными; заставлялъ переводить книги полезныя, повсюду распространялъ участниковъ своей дѣятельности, и скоро не только вся Европейская Россія, но и Сибирь начала читать. Тогда отечество наше было, хотя не надолго, свидѣтелемъ событія, почти единственнаго въ лѣтописяхъ нашего просвѣщенія: рожденія *общаго мнѣнія*.

Такъ дѣйствовалъ типографщикъ Новиковъ. Замѣчательно, что почти въ то же время, другой типографщикъ, болѣе славный, болѣе счастливый, типографщикъ Франклинъ, дѣйствовалъ почти такимъ же образомъ на противоположномъ концѣ земнаго шара; но послѣдствія ихъ дѣятельности были столь же различны, сколько Россія отлична отъ Соединенныхъ Штатовъ.

Можетъ быть, самъ Карамзинъ обязанъ своею первою образованностью Новикову и его друзьямъ-единомышленникамъ. По крайней мѣрѣ въ ихъ кругу началось первое развитіе его блестящихъ дарованій, и онъ оставилъ намъ трогательное описаніе своей дружбы съ однимъ изъ нихъ, съ Г-мъ П. *). Говорить ли о другомъ товарищѣ Новикова, объ этомъ славномъ Ленцѣ, объ надеждѣ и удивленіи просвѣщенной Европы, который у насъ, въ нищетѣ и крайности, замерзъ на большой дорогѣ **)! —

Карамзинъ засталъ свою публику подъ вліяніемъ мистицизма, странно перемѣшаннаго съ мнѣніями Французскими изъ середины восьмнадцатаго столѣтія. Этимъ двумъ направленіямъ надлежало сосредоточиться, и они естественно соединились въ томъ филантропическомъ образѣ мыслей, которымъ дышатъ всѣ первыя сочиненія Карамзина. Кажется, онъ воспитанъ былъ для

---

*) Смотри: Соч. Кар., статью: *Цвѣтокъ на гробѣ моего Агатона.*

**) Объ сочиненіяхъ Ленца смотри прекрасную статью Экштейна въ его журналѣ *le Catholique* 1829 года.

своей публики и публика для него. Каждое слово его расходилось по всей Россіи; прозу его учили наизусть и восхищались его стихами, не смотря на ихъ непоэтическую отдѣлку,—такъ согласовался онъ съ умонаклонностью своего времени. Между тѣмъ всеобщность его вліянія доказываетъ намъ, что уже при первомъ рожденіи нашей литературы мы въ самой поэзіи искали преимущественно философіи, и за образомъ мнѣнія забывали образъ выраженія. До сихъ поръ еще мы не знаемъ, что такое вымыслъ и фантазія; какая-то правдивость мечты составляетъ оригинальность Русскаго воображенія; и то, что мы называемъ *чувствомъ*, есть высшее, что мы можемъ постигнуть въ произведеніяхъ стихотворныхъ.

Направленіе, данное Карамзинымъ, еще болѣе открыло нашу словесность вліянію словесности Французской. Но именно потому, что мы въ литературѣ искали философіи, искали полнаго выраженія человѣка, образъ мыслей Карамзина долженъ былъ и плѣнить насъ сначала, и въ послѣдствіи сдѣлаться для насъ неудовлетворительнымъ. Человѣкъ не весь утопаетъ въ жизни дѣйствительной, особенно среди народа недѣятельнаго. Лучшая сторона нашего бытія, сторона идеальная, мечтательная, та, которую не жизнь намъ даетъ, но мы придаемъ нашей жизни; которую преимущественно развиваетъ поэзія Нѣмецкая,—оставалась у насъ еще невыраженною. Французско-Карамзинское направленіе не обнимало ее. Люди, для которыхъ образъ мыслей Карамзина былъ довершеніемъ, вѣнцомъ развитія собственнаго, оставались спокойными; но тѣ, которые начали воспитаніе мнѣніями Карамзинскими, съ развитіемъ жизни увидѣли неполноту ихъ и чувствовали потребность новаго. Старая Россія отдыхала; для молодой нуженъ былъ *Жуковскій*.

Идеальность, чистота и глубокость чувствъ; святость прошедшаго; вѣра въ прекрасное, въ неизмѣняемость дружбы, въ вѣчность любви, въ достоинство человѣка и благость Провидѣнія; стремленіе къ неземному; равнодушіе ко всему обыкновенному, ко всему, что не *душа*, что не *любовь*,—однимъ словомъ, вся *поэзія* жизни, все *сердце души*, если можно такъ сказать, явилось намъ въ одномъ существѣ, и облеклось въ плѣнительный образъ Музы Жуковскаго. Въ ея задумчивыхъ чертахъ прочли мы отвѣтъ на неясное стремленіе къ лучшему и сказали: „вотъ чего не доставало намъ!“—Еще большею прелестью украсили ее любовь къ отечеству, ужасъ и слава народной войны.

Но поэзія Жуковскаго, хотя совершенно оригинальная въ средоточіи своего бытія (въ любви къ прошедшему, которую можно назвать господствующимъ тономъ его лиры) *), была однакоже воспитана на пѣсняхъ Германіи. Она передала намъ ту идеальность, которая составляетъ отличительный характеръ Нѣмецкой жизни, поэзіи и философіи; и такимъ образомъ въ составъ нашей литературы входили двѣ стихіи: умонаклонность Французская и Германская.

Между тѣмъ лира Жуковскаго замолчала. Изрѣдка только отрывистые звуки знакомыми переливами напоминали намъ о ея прежнихъ пѣсняхъ. Но развитіе духа народнаго не могло остановиться. Какъ мысль зоветъ звукъ, такъ народъ ищетъ поэта. Ему необходимъ наперсникъ, который бы сердцемъ отгадывалъ его внутреннюю жизнь, а въ восторженныхъ пѣсняхъ велъ дневникъ развитію господствующаго направленія. Поэтъ для настоящаго, что историкъ для прошедшаго: проводникъ народнаго самопознанія.

Литература наша, какъ мы уже сказали, представляла два борящіяся начала; но и филантропизмъ Французскій и Нѣмецкій идеализмъ совпадались въ одномъ стремленіи: въ стремленіи къ *лучшей дѣйствительности*. Пушкинъ выразилъ его сначала подъ свѣтлою краскою довѣрчивой надежды, потомъ подъ мрачнымъ покровомъ Байроновскаго негодованія къ существующему.

Но ни то, ни другое не могло быть продолжительнымъ: это двѣ крайности колебанія маятника, ищущаго равновѣсія. Между безотчетностью надежды и Байроновскимъ скептицизмомъ есть середина: это довѣренность въ судьбу и мысль, что сѣмена *желаннаго будущаго* заключены *въ дѣйствительности настоящаго*; что въ необходимости есть Провидѣніе; что если прихотливое созданіе мечты гибнетъ, какъ мечта, за то изъ *совокупности существующаго* должно образоваться лучшее прочное. Оттуда *уваженіе къ дѣйствительности*, составляющее средоточіе той степени умственнаго развитія, на которой теперь остановилось просвѣщеніе Европы и которая обнаруживается истори-

---

(*) Авторъ отъ того не распространяется здѣсь о характерѣ произведеній Жуковскаго, что въ этомъ же альманахѣ (т. е. *въ Денницѣ*) предполагалъ онъ напечатать особенной разборъ его стихотвореній, который однакожъ, по нѣкоторымъ причинамъ остался неоконченнымъ.

ческимъ направленіемъ всѣхъ отраслей человѣческаго бытія и духа.

Исторія въ наше время есть центръ всѣхъ познаній, наука наукъ, единственное условіе всякаго развитія; направленіе историческое обнимаетъ *все*. Политическія мнѣнія, для пріобрѣтенія своей достовѣрности должны обратиться къ событіямъ, слѣдовательно, къ Исторіи: такъ Тьерри, чтобы защитить нѣкоторыя положенія въ парламентѣ, написалъ Исторію Франціи. Философія, сомкнувши кругъ своего развитія сознаніемъ тожества ума и бытія, устремила всю дѣятельность на примѣненіе умозрѣній къ дѣйствительности, къ событіямъ, къ исторіи природы и человѣка. Математика остановилась въ открытіи общихъ законовъ и обратилась къ частнымъ приложеніямъ, къ сведенію теоріи на существенность дѣйствительности. Поэзія, выраженіе всеобщности человѣческаго духа, должна была также перейти въ дѣйствительность и сосредоточиться въ родѣ историческомъ.

Вѣкъ не могъ не имѣть вліянія и на Пушкина: мы увидимъ это, говоря о Полтавѣ. Но обратимся теперь къ прошедшему году: теперь, съ высоты общей мысли, намъ будетъ легче обнять весь горизонтъ нашей словесности и указать настоящее мѣсто ея частнымъ явленіямъ.

Послѣ всего будемъ мы говорить объ нашихъ журналахъ и альманахахъ. О другихъ изданіяхъ временныхъ, хотя и непеpіодическихъ, упомянемъ только въ отношеніи къ важнѣйшимъ сочиненіямъ, или въ примѣръ и доказательство нѣкоторыхъ оттѣнковъ характера нашей литературы; но преимущественно обратимся къ тѣмъ первоклассным произведеніямъ нашей словесности, которыя блеснули на литературномъ небѣ прошедшаго года такъ ярко, какъ близкія кометы, и утвердились на немъ такъ прочно, какъ неподвижныя звѣзды, чтобы навсегда свѣтить и указывать путь.

Первое, что привлекаетъ здѣсь наше вниманіе, это XII томъ Исторіи Русскаго Государства, послѣдній плодъ трудовъ великихъ, послѣдній подвигъ жизни полезной, священной для каждаго Русскаго. XII томъ Исторіи Россійскаго Государства, кажется, еще превзошелъ прежніе силою краснорѣчія, обширностью объема, вѣрностью изображеній, ясностью, стройностью картинъ, и этимъ ровнымъ блескомъ, этою чистотою, твердостью брилліантовою Карамзинскаго слога. Вообще достоинство его Исторіи ростетъ вмѣстѣ съ жизнію протекшихъ временъ. Чѣмъ

ближе къ настоящему, тѣмъ полнѣе раскрывается передъ нимъ судьба нашего отечества; чѣмъ сложнѣе картина событій, тѣмъ она стройнѣе отражается въ зеркалѣ его воображенія, въ этой чистой совѣсти нашего народа. — Не мѣсто здѣсь входить въ подробный разборъ Карамзина и не по силамъ намъ оцѣнить его достоинство. Въ молчаніи почтимъ память безсмертнаго, и съ благоговѣніемъ принесемъ дань благодарности и удивленія на его свѣжую могилу.

Но какъ умолчать о его критикахъ, дѣлавшихъ столько шуму въ нашей литературѣ? — Почти каждое произведеніе Карамзина было яблокомъ раздора для нашей полупросвѣщенной словесности. Это тѣмъ удивительнѣе, что Карамзинъ ни разу не отвѣчалъ ни на одну критику и не оскорбилъ ни одного самолюбія; что возвышенность и до конца неизмѣнившаяся чистота его души и жизни не оставили никакого оправданія для личной вражды; что, наконецъ, слава его, казалось, не могла не заглушить внушеній низкой зависти. Не смотря на то, сколь немногіе изъ критиковъ сохранили въ глазахъ публики характеръ безпристрастія! — Но если Карамзинъ имѣлъ враговъ, за то истинными друзьями никто не былъ счастливѣе Карамзина, и никто не имѣлъ столькихъ почитателей, столькихъ поклонниковъ, столькихъ горячихъ защитниковъ своей славы. Отъ того первый шагъ его въ область словесности уже былъ ознаменованъ рожденіемъ партій. Онѣ раздѣляли почти всю просвѣщенную Россію на двѣ неравныя стороны, не засыпали въ продолженіе всей жизни Карамзина и пережили его земное существованіе. — Чѣмъ выше звѣзда, тѣмъ гуще толпа родныхъ звѣздъ вокругъ нея, тѣмъ больше мѣста для темныхъ тучь подъ нею.

Всѣхъ критиковъ Исторіи Россійскаго Государства можно раздѣлить на два класса: къ первому принадлежатъ критики, нападающіе на частныя ошибки, неизбѣжныя въ трудѣ столь огромномъ, столь несоразмѣрномъ съ силами одного человѣка. Долго еще не извѣдать намъ вполнѣ бездоннаго моря народной жизни, затемненнаго его отдаленностью и мутностью источниковъ! — Признательности просвѣщенныхъ заслуживаютъ люди, посвятившіе себя изученію древности, когда съ достаточными силами, съ простотою, съ должнымъ уваженіемъ къ безсмертному историку, они исправляютъ погрѣшности, которыя естественно должны были вкрасться въ его Исторію. Но такъ ли

поступаетъ большая часть нашихъ критиковъ? — Въ темныхъ подвалахъ архивскихъ они теряютъ всякое чувство приличія, и выходятъ оттуда съ червями самолюбія и зависти, съ пылью мелкихъ придирокъ и въ грязи неуваженія къ достоинству. Сюда принадлежатъ нѣкоторыя статьи, помѣщенныя въ Московскомъ Вѣстникѣ 28 и 29 годовъ, и заслужившія справедливое негодованіе всѣхъ друзей Русской исторіи и покойнаго исторіографа. — Но все справедливое справедливо только въ границахъ, и тѣ, которые, за помѣщеніе сихъ статей поставили издателя въ одинъ разрядъ съ сочинителемъ и включили его въ число противниковъ Карамзина, столько же неправы, сколько самъ издатель, помѣстившій сіи статьи. Если послѣдній нашелъ въ нихъ замѣчанія, казавшіяся ему истинными, то, по моему мнѣнію, онъ долженъ былъ требовать отъ автора исключенія всего неприличнаго, и въ случаѣ отказа, совсѣмъ не печатать его рецензій, съ потерею которыхъ публика потеряла бы весьма немного. Но если Г. Погодинъ поступилъ иначе, то онъ заслуживаетъ упрекъ, какъ журналистъ, а не какъ человѣкъ и писатель, неимѣющій должнаго уваженія къ Карамзину. Собственныя сочиненія Г. Погодина служатъ тому лучшимъ доказательствомъ.

Второй разрядъ критиковъ нападаетъ на систему и планъ цѣлаго, на понятія исторіографа объ исторіи вообще. Они обвиняютъ Карамзина въ томъ, что онъ не обнимаетъ *всѣхъ* сторонъ и оттѣнковъ нашей прошедшей жизни. Но критики не чувствуютъ, что если упреки ихъ справедливы, то они служатъ не порицаніемъ, а похвалою Исторіи Россійскаго Государства. Ибо невозможно обнять народной жизни во всѣхъ ея подробностяхъ, покуда частныя отрасли ея развитія не обработаны въ отдѣльныхъ твореніяхъ и не сведены къ послѣднимъ выкладкамъ. Отъ того, изъ столькихъ историковъ, признанныхъ за образцовыхъ, критики не назовутъ намъ двухъ, писавшихъ по одному плану. Напротивъ того каждый бытописатель избиралъ и преслѣдовалъ преимущественно одну сторону жизни описываемаго имъ государства, оставляя прочія въ тѣни и въ отдаленіи. Если Карамзинъ, слѣдуя ихъ примѣру, ограничился преимущественнымъ изложеніемъ политическихъ событій и недосказалъ многаго въ другихъ отношеніяхъ, то это ограниченье было единственнымъ условіемъ возможности его успѣха; и намъ кажется весьма страннымъ упрекать Карамзина за неполноту

ся картины тогда, когда и съ этой неполной картины мы еще до сихъ поръ не можемъ снять даже легкаго очерка, чтобы оцѣнить ее какъ должно.—Пусть люди съ талантомъ пишутъ другія исторіи; пусть изберутъ они средоточіемъ своихъ изысканій частную жизнь нашего народа, или измѣненіе нашихъ гражданскихъ постановленій, или воспитаніе нашего просвѣщенія, или ходъ и успѣхи торговли, или монеты и медали:— трудъ ихъ можетъ быть полезенъ и достиженіе цѣли возможно, ибо они пойдутъ по дорогѣ, уже прочищенной.

Кромѣ сихъ двухъ разрядовъ есть еще третій родъ критиковъ, которымъ самая ничтожность ихъ даетъ право на особенный классъ: это *критики невѣжды*. Равно бѣдные познаніями историческими и литературными, лишенные даже поверхностнаго понятія объ общихъ положеніяхъ науки, и совершенно безчувственные къ приличіямъ нравственнымъ, они слабыми руками силятся пошатнуть твореніе вѣковое, переворачиваютъ смыслъ въ словахъ писателя великаго, смѣютъ приписывать ему собственное неразуміе, и хотятъ учить дѣтскимъ истинамъ мужа безсмертнаго, гордость Россіи. Даже достоинство учености думаютъ они отнять у Исторіи Карамзина, и утверждаютъ, что она писана для однихъ свѣтскихъ невѣждъ, они, невѣжи несвѣтскіе!—Все безполезно, что они говорятъ; все ничтожно, все ложь, — даже самая истина; и если случайно она вырвется изъ устъ ихъ, то, краснѣя, спѣшитъ снова спрятаться въ свой колодезь, чтобы омыться отъ ихъ осквернительнаго прикосновенія.—Я не называю никого: читатель самъ легко отличитъ этотъ разрядъ судей непризванныхъ по той печати отверженія, которою украсило ихъ литературное и нравственное невѣжество, положивъ клеймо своей таможни на ихъ контрабандное лицо.

Оставимъ ихъ.

Но съ удовольствіемъ укажемъ на критику, въ которой дѣльность и безпристрастіе розысканій соединяются съ приличностью тона: это статья, напечатанная въ 3 № Моск. Вѣстн. *О участіи Годунова въ убіеніи Димитрія.*

Кромѣ XII тома Россійской Исторіи, въ прошедшемъ году вышло у насъ, если вѣрить журналамъ, еще одно сочиненіе историческое, замѣчательное по достоинству литературному: это Полтава Пушкина. Въ самомъ дѣлѣ, изъ двадцати критикъ, вышедшихъ на эту поэму, болѣе половины разсуждало о томъ,

дѣйствительно ли согласны съ исторіей описанныя въ ней лица и происшествія. Критики не могли сдѣлать большей похвалы Пушкину.

Мы видѣли, что одно стремленіе *воплотить поэзію въ дѣйствительность* уже доказываетъ и бо̀льшую зрѣлость мечты поэта, и его сближеніе съ господствующимъ характеромъ вѣка. Но всегда ли поэтъ былъ вѣренъ своему направленію? и, переселивъ воображеніе въ область существенности, нашелъ ли онъ въ ней полный отвѣтъ на всѣ требованія поэзіи? или выступалъ иногда изъ круга дѣйствительности, какъ бы видя въ немъ арфу, у которой недостаетъ еще нѣсколькихъ струнъ, чтобы выразить всѣ движенія души?

Кромѣ голой существенности и *дополнительной* думы поэта (которая также существенность), мы еще находимъ въ Полтавѣ иногда думу, *противорѣчащую* дѣйствительности, иногда порывъ чувства, несогласный съ тѣмъ Шекспировскимъ состояніемъ духа, въ которомъ долженъ находиться творецъ, чтобы смотрѣть на внѣшній міръ, какъ на полное отраженіе внутренняго. Въ доказательство укажемъ на два мѣста Полтавы: на софизмъ о любви стариковъ и на романическую чувствительность Мазепы, когда онъ узнаетъ хуторъ Кочубея. И то, и другое противорѣчитъ истинѣ; но и то, и другое дѣлаетъ минутный эффектъ. Это сцена изъ Корнеля, вплетенная въ трагедію Шекспира.

Такое бореніе двухъ началъ: мечтательности и существенности, должно необходимо предшествовать ихъ примиренію. Это переходъ съ одной степени на другую; и въ наше время не одинъ Пушкинъ можетъ служить примѣромъ такого разногласія. Имъ дышетъ большая часть трагедій Шиллера, всѣ трагедіи Раупаха, Фр. Шлегеля *), Грильпарцера и почти всѣ произведенія новѣйшихъ Нѣмецкихъ писателей; Французская мелодрама обязана ему своимъ происхожденіемъ; иногда мы находимъ его даже у Вальтера Скотта, когда для возбужденія бо̀льшаго любопытства онъ вводитъ своихъ героевъ въ положенія неестественныя; самъ Гете, великій Гете, даже въ Эгмонтѣ наклонился одинъ разъ передъ своимъ вѣкомъ, олицетворивъ свободу Фландріи.

---

*) Недостатки трагедій Ф. Шлегеля имѣютъ еще другой главнѣйшій источникъ: неравновѣсіе геніальности съ системою.

Но та зрѣлость таланта, которую доказываетъ господствующій, хотя и не вездѣ выдержанный характеръ Полтавы, замѣтна также и въ отдѣльныхъ частяхъ сей поэмы. Объ ней свидѣтельствуютъ и мастерская обработка стиховъ, и сжатая полнота разсказа, и стройность переходовъ, особливо въ первой пѣсни, и ясная выразительность картинъ, и даже нѣкоторыя небрежности въ языкѣ и въ описаніяхъ. Вообще, если мы будемъ смотрѣть на Полтаву, какъ на зеркало дарованія, то увидимъ, что она даетъ намъ право на бо́льшую надежду въ будущемъ, нежели всѣ прежнія поэмы Пушкина. Но за то, если мы будемъ разсматривать ее въ отношеніи къ ней самой, то найдемъ въ ней такія несовершенства, которыя хотя нѣсколько объясняютъ намъ, почему публика приняла ее не съ такимъ восторгомъ, какой обыкновенно возбуждаютъ въ ней произведенія Пушкина. Главное изъ сихъ несовершенствъ есть недостатокъ единства интереса, единственнаго изъ всѣхъ единствъ, котораго несоблюденіе не прощается законами либеральной піитики. Еслибы поэтъ сначала возбудилъ въ насъ участіе любви или ненависти къ политическимъ замысламъ Мазепы, тогда и Петръ, и Карлъ, и Полтавская битва были бы для насъ развязкою любопытнаго происшествія. Но посвятивъ первыя двѣ пѣсни преимущественно исторіи любви Мазепы и Маріи, Пушкинъ окончилъ свою повѣсть вмѣстѣ съ концомъ второй пѣсни, и въ отношеніи къ главному интересу поэмы всю третью пѣснь можно назвать почти лишнею.

По этой ли причинѣ, или потому, что словесность наша еще не доросла до господствующаго направленія Полтавы, поэма сія не имѣла видимаго вліянія на нашу литературу, и ни одинъ изъ подражателей Пушкина не избралъ ее въ образцы для своихъ мозаиковъ.

Но сколько однолѣтнихъ литературныхъ цвѣтковъ вышло въ прошедшемъ году изъ сѣмянъ, брошенныхъ Пушкинымъ на поле нашей словесности еще во время его Байроновскаго направленія! — Замѣчательнѣйшій изъ подражателей Пушкина есть Г. Подолинскій. Но его поэма, *Борскій*, по бѣдности мыслей, по несоотвѣтственности языка съ чувствами и чувствъ съ предметами, и по еще важнѣйшимъ несообразностямъ въ планѣ,—замѣчательна только одною звучностью стиховъ.

Жуковскій напечаталъ въ прошедшемъ году свое *Море*, *Пѣснь побѣдителей* изъ Шиллера и связанные отрывки изъ Иліады.

Здѣсь въ первый разъ увидѣли мы въ Гомерѣ такое качество, котораго не находили въ другихъ переводахъ: что у другихъ напыщенно и низко, то здѣсь просто и благородно; что у другихъ бездушно и вяло, здѣсь сильно, мужественно и трогательно: здѣсь все тепло, все возвышенно, каждое слово отъ души; можетъ быть это-то и ошибка, если прекрасное можетъ быть ошибкою.

Море Жуковскаго живо напоминаетъ всю прежнюю его поэзію: тѣ же звуки, то же чувство, та же особенность, та же прелесть. Кажется, всѣ струны его прежней лиры отозвались здѣсь въ одномъ душевномъ звукѣ. Есть однако отличіе: что-то больше задумчивое, нежели въ прежней его поэзіи.

Торжество побѣдителей во многихъ мѣстахъ превосходитъ подлинникъ изящностью отдѣлки и поэтическими оттѣнками языка. Такова участь большей части переводовъ Жуковскаго. Изъ подражателей Жуковскаго, писавшихъ въ прошедшемъ году, замѣчательнѣйшіе: П. П. Козловъ и Ѳ. Н. Глинка. Первый издалъ собраніе своихъ стихотвореній.

Любовь къ литературѣ Германской, которой мы обязаны Жуковскому, все болѣе и болѣе распространяясь въ нашей словесности, была весьма замѣтна и въ произведеніяхъ прошедшаго года. Между поэтами Нѣмецкой школы отличаются имена Шевырева, Хомякова и Тютчева. Послѣдній, однакоже, напечаталъ въ прошедшемъ году только одно стихотвореніе. Хомяковъ, котораго стихи всегда дышатъ мыслію и чувствомъ, а иногда блестятъ докончанностью отдѣлки, отдалъ на театръ своего Ермака: но чтобы судить объ этой трагедіи, подождемъ ея явленія въ большой печатный свѣтъ; давно уже сказано, что типографскій станокъ есть единственно вѣрный пробный камень для звонкой монеты стиховъ. Шевыревъ помѣщалъ въ журналахъ нѣкоторыя мелкія стихотворенія, и кромѣ того отрывки изъ перевода Вильгельма Теля. Имѣя дарованія отличныя, обладая рѣдкимъ познаніемъ Русскаго языка, удивительною легкостью въ трудѣ и болѣе всего душею пламенною, сосредоточенною въ любви къ *высокому*, Шевыревъ однакожъ имѣетъ важный недостатокъ: недостатокъ отдѣлки, и не только въ частяхъ, но и въ планѣ: не только въ важныхъ, но даже и въ мелкихъ стихотвореніяхъ. Часто вмѣщаетъ онъ двѣ разнородныя, господствующія мысли въ одну піесу и тѣмъ мѣшаетъ чувству сосредоточиться. Но это богатство мыслей, часто излишнее, (какъ бы желали мы

упрекнуть въ этомъ качествѣ большую часть нашихъ писателей!), это богатство мыслей, особенно замѣтное въ прозѣ Шевырева, не есть ли залогъ его будущихъ успѣховъ?—Теперь онъ только выступаетъ на поприще: когда же жизнь и опытъ положатъ послѣдній вѣнецъ вкуса на его счастливыя дарованія, тогда, конечно, онъ займетъ значительное мѣсто въ нашей литературной аристократіи.

Говоря о той части словесности, которая преимущественно обнаруживаетъ вліяніе Нѣмецкое, нельзя не упомянуть объ *Ижорскомъ*, соч. неизвѣстнаго. Нѣкоторыя сцены изъ этой драматической фантазіи были напечатаны въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ прошедшаго года и замѣчательны по рѣдкому у насъ соединенію глубокости чувства съ игривостью воображенія. Мы причисляемъ это произведеніе къ Нѣмецкой школѣ, не смотря на нѣкоторое подражаніе Шекспиру, потому, что Шекспиръ здѣсь болѣе Шекспиръ Тиковскій, огермашившійся, нежели Шекспиръ настоящій, Шекспиръ Англичанинъ. Къ тому же и духъ цѣлаго сочиненія, сколько можно судить по отрывкамъ, кажется намъ преимущественно Нѣмецкій.

Но среди молодыхъ поэтовъ, напитанныхъ великими писателями Германіи, болѣе всѣхъ блестѣлъ и отличался покойный Д. В. Веневитиновъ, котораго стихотворенія вышли въ прошедшемъ году. Его желаніе исполнилось: прочтя не многое, что осталось намъ послѣ него, кто не скажетъ съ чувствомъ восторга и печали:

Какъ я люблю его созданья!
Онъ дышетъ жаромъ красоты,
Въ немъ умъ и сердце согласились,
И мысли полныя носились
На легкихъ крыліяхъ мечты.
Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ! *).

Веневитиновъ созданъ былъ дѣйствовать сильно на просвѣщеніе своего отечества, быть украшеніемъ его поэзіи и, можетъ быть, создателемъ его философіи. Кто вдумается съ любовью въ сочиненія Веневитинова (ибо одна любовь даетъ намъ полное разумѣніе); кто въ этихъ разорванныхъ отрывкахъ найдетъ слѣды общаго имъ происхожденія, единство одушевлявшаго ихъ существа; кто постигнетъ глубину его мыслей, связанныхъ стройною жизнью души поэтической, — тотъ узнаетъ

---

*) Послѣдніе стихи покойнаго Веневитинова.

философа, проникнутаго откровеніемъ своего вѣка; тотъ узнаетъ поэта глубокаго, самобытнаго, котораго каждое чувство освѣщено мыслію, каждая мысль согрѣта сердцемъ; котораго мечта не украшается искусствомъ, но сама собою родится прекрасная; котораго лучшая пѣснь — есть собственное бытіе, свободное развитіе его полной, гармонической души. Ибо щедро природа надѣлила его своими дарами и ихъ разнообразіе согласила равновѣсіемъ. Отъ того все прекрасное было ему родное: отъ того въ познаніи самого себя находилъ онъ разрѣшеніе всѣхъ тайнъ искусства, и въ собственной душѣ прочелъ начертаніе высшихъ законовъ, и созерцалъ красоту созданія. Отъ того природа была ему доступною для ума и для сердца: онъ могъ

Въ ея таинственную грудь
Какъ въ сердце друга заглянуть.

Созвучіе ума и сердца было отличительнымъ характеромъ его духа, и самая фантазія его была болѣе музыкою мыслей и чувствъ, нежели игрою воображенія. Это доказываетъ, что онъ былъ рожденъ еще болѣе для философіи, нежели для поэзіи. Прозаическія сочиненія его, которыя печатаются и скоро выйдутъ въ свѣтъ, еще подтвердятъ все сказанное нами.

Но что долженъ былъ совершить Веневитиновъ, чему помѣшала его ранняя кончина, то совершится само собою, хотя, можетъ быть, уже не такъ скоро, не такъ полно, не такъ прекрасно. Намъ *необходима* философія: все развитіе нашего ума требуетъ ее. Ею одною живетъ и дышетъ наша поэзія; она одна можетъ дать душу и цѣлость нашимъ младенствующимъ наукамъ, и самая жизнь наша, можетъ быть, займетъ отъ нея изящество стройности. Но откуда придетъ она? Гдѣ искать ее?

Конечно, первый шагъ нашъ къ ней долженъ быть присвоеніемъ умственныхъ богатствъ той страны, которая въ умозрѣніи опередила всѣ другіе народы. Но чужія мысли полезны только для развитія собственныхъ. Философія Нѣмецкая вкорениться у насъ не можетъ. *Наша* философія должна развиться изъ *нашей* жизни, создаться изъ текущихъ вопросовъ, изъ господствующихъ интересовъ *нашего* народнаго и частнаго быта. Когда? и какъ? — скажетъ время; но стремленіе къ философіи Нѣмецкой, которое начинаетъ у насъ распространяться, есть уже важный шагъ къ этой цѣли.

Чтобы еще болѣе убѣдиться въ пользѣ вліянія Нѣмецкихъ мыслителей, взглянемъ на многочисленную толпу тѣхъ изъ нашихъ писателей, которые, не отличаясь личнымъ дарованіемъ, тѣмъ яснѣе показываютъ достоинство пріобрѣтеннаго ими чужаго. Здѣсь господствуютъ два рода литераторовъ: одни слѣдуютъ направленію Французскому, другіе Нѣмецкому. Что встрѣчаемъ мы въ сочиненіяхъ первыхъ? *Мыслей* мы не встрѣчаемъ у нихъ (ибо мысли, собственно Французскія, уже стары; слѣд. не мысли, а общія мѣста: сами Французы заимствуютъ ихъ у Нѣмцевъ и Англичанъ) *). Но мы находимъ у нихъ *игру словъ* рѣдко, весьма рѣдко, и то случайно соединенную съ остроуміемъ, и *шутки*, почти всегда лишенныя вкуса, часто лишенныя всякаго смысла. И можетъ ли быть иначе?—Остроуміе и вкусъ воспитываются только въ кругу лучшаго общества; а многіе ли изъ нашихъ писателей имѣютъ счастіе принадлежать къ нему?

Напротивъ того въ произведеніяхъ писателей, которые напитаны чтеніемъ Нѣмецкихъ умствователей, почти всегда найдемъ мы что нибудь достойное уваженія, хотя тѣнь мысли, хотя стремленіе къ этой тѣни.

Но я говорю о писателяхъ безъ дарованій; талантъ равно блеститъ вездѣ; онъ, какъ красота, даетъ прелесть всѣмъ движеніямъ: какъ чувство, даетъ душу всѣмъ словамъ; какъ умъ, даетъ умѣстностью цѣну всѣмъ мыслямъ. Князь Вяземскій можетъ быть тому прекраснымъ доказательствомъ. Слѣдуя преимущественно направленію Французскому, онъ умѣетъ острыя

---

*) Что французская литература девятнадцатаго вѣка, утративъ свою прежнюю самобытность, живетъ единственно чужимъ вдохновеніемъ, о томъ свидѣтельствуютъ всѣ ея лучшія произведенія. Но еще новымъ подтвержденіемъ сей истины можетъ служить славный тріумвиратъ законодателей Французскаго мышленія въ наше время. Есть ли хотя одна плодоносная мысль въ лекціяхъ Cousin, которую бы онъ не занялъ у Нѣмцевъ?—Не Англичанамъ ли и Нѣмцамъ принадлежатъ всѣ основныя положенія Villemain, столь блестящаго въ своихъ примѣненіяхъ, столь искусно умѣющаго скрыть строгую стройность системы подъ наружнымъ безпорядкомъ отдѣльныхъ замѣчаній? Литературно-критическія сочиненія Гизо обнаруживаютъ еще непримиренную борьбу новаго Германскаго ученія съ прежними мнѣніями Французовъ; но историческія его лекціи дышатъ системою связною, полною, глубокою и занятою совершенно у новѣйшихъ Нѣмецкихъ философовъ, хотя новое развитіе сей системы, ея полнѣйшее и часто геніальное примѣненіе къ жизни среднихъ вѣковъ дѣлаютъ Гизо однимъ и изъ оригинальнѣйшихъ Французскихъ мыслителей.—Есть однако въ литературѣ Французской такое качество, которое отличаетъ ее отъ всѣхъ другихъ, обѣщаетъ много для будущаго, и самимъ подражаніямъ даетъ цвѣтъ оригинальности: это тѣсная связь литературы съ жизнію; но именно этого-то качества не могутъ перенять наши Русскіе подражатели. (*См. Иностр. Журналы*).

стрѣлы насмѣшки закалять въ оригинальныхъ мысляхъ и согрѣвать чувствомъ всегда умную, всегда счастливую, блестящую *игру ума*. Но и Князь Вяземскій, не смотря на всѣ свои дарованія, не смотря на то, что мы можемъ назвать его остроумнѣйшимъ изъ нашихъ писателей, еще выше тамъ, гдѣ, какъ въ *Унынiи*, голосъ сердца слышнѣе ума.

Многіе утверждаютъ, что Французское направленіе господствуетъ также и въ произведеніяхъ Баратынскаго: но по нашему мнѣнію, онъ столько же принадлежитъ къ школѣ Французской, сколько Ламартинъ, сколько сочинитель Сен-Марса, сочинитель заговора Малета, сколько нашъ Пушкинъ и всѣ тѣ писатели, которые, начавъ свое развитіе мнѣніями Французскими, довершили его направленіемъ Европейскимъ, сохранивъ Французскаго одну докончанность внѣшней отдѣлки.

Поэзія собственно Французская, какъ утреннее солнце, золотитъ однѣ вершины. Только тѣ минуты жизни, которыя *выдаются* изъ жизни вседневной, которыя и толпа раздѣляетъ съ поэтомъ, имѣютъ право входить въ заколдованный кругъ ихъ мечтаній, и, можетъ быть, одинъ Шенье дѣлаетъ исключеніе,— если можно направленіе Шенье назвать Французскимъ. Но Муза Баратынскаго, обнявъ всю жизнь поэтическимъ взоромъ, льетъ равный свѣтъ вдохновенія на всѣ ея минуты, и самое обыкновенное возводитъ въ поэзію, посредствомъ освѣтительнаго прикосновенія съ *цѣлою* жизнію, съ господствующею мечтою. Отъ того, чтобы дослышать всѣ оттѣнки лиры Баратынскаго, надобно имѣть и тоньше слухъ, и больше вниманія, нежели для другихъ поэтовъ. Чѣмъ болѣе читаемъ его, тѣмъ болѣе открываемъ въ немъ новаго, незамѣченнаго съ перваго взгляда,—вѣрный признакъ поэзіи, сомкнутой въ собственномъ бытіи, но доступной не для всякаго. Даже въ художественномъ отношеніи, многіе ли способны оцѣнить вполнѣ достоинство его стиховъ, эту точность въ выраженіяхъ и оборотахъ, эту мѣрность изящную, эту благородную щеголеватость?—Но если-бы идеалъ лучшаго общества явился вдругъ въ какой нибудь неизвѣстной намъ столицѣ, то въ его избранномъ кругу не знали бы другаго языка.

Между тѣмъ, красота жизни поэтической, съ лица которой Муза Баратынскаго сняла покрывало до половины, доказываетъ намъ, что поэтъ еще не весь выразился въ стихахъ своихъ: что мы должны ожидать еще несравненно болѣе того, что онъ

совершилъ: что ему еще предназначено столько превзойти наши ожиданія, сколько разоблаченіе красоты можетъ удивить воображеніе.

Но въ его *Бальномъ вечерѣ*, напечатанномъ въ прошедшемъ году, есть недостатокъ, котораго нѣтъ въ его *Эдѣ*, ни въ *Переселеніи душъ*, въ этомъ миломъ, остроумно-мечтательномъ капризѣ поэтическаго воображенія: въ Бальномъ вечерѣ Баратынскаго нѣтъ средоточія для чувства и (если можно о поэзіи говорить языкомъ механики) въ немъ нѣтъ одной *составной силы*, въ которой бы соединились и уравновѣсились всѣ душевныя движенія. Не смотря на то, однакоже, эта поэма превосходитъ всѣ прежнія сочиненія Баратынскаго изящностью частей, наружною связью цѣлаго и совершенствомъ отдѣлки. Въ самомъ дѣлѣ: кто̀, прочтя ее, не скажетъ, что поэтъ сдѣлалъ успѣхи; что самые недостатки его доказываютъ, что онъ требовалъ отъ себя больше, чѣмъ прежде; что смѣшеніе тѣни и свѣта здѣсь не сумерки, а разсвѣтъ, заря новой эпохи для его таланта; однимъ словомъ, что на его *Бальномъ вечерѣ*, какъ и на другихъ бальныхъ вечерахъ непоэтическихъ, сквозь тонкій, прозрачный занавѣсъ виденъ утренній свѣтъ наступающаго дня?

Баронъ Дельвигъ издалъ *Собраніе* своихъ *стихотвореній*. Также, какъ Баратынскій, онъ не принадлежитъ ни къ одной изъ новѣйшихъ школъ, и даже подражанія его древнимъ носятъ печать оригинальности.

Всякое подраженіе по системѣ должно быть холодно и бездушно. Только подражаніе изъ любви можетъ быть поэтическимъ и даже творческимъ. Но въ послѣднемъ случаѣ можемъ ли мы совершенно забыть самихъ себя? и не отъ того ли мы и любимъ образецъ нашъ, что находимъ въ немъ черты, соотвѣтствующія требованіямъ нашего духа? Вотъ отъ чего новѣйшіе всегда остаются новѣйшими во всѣхъ удачныхъ подражаніяхъ древнимъ *); скажу болѣе: нѣтъ ни одного истинно изящнаго перевода древнихъ классиковъ, гдѣ бы не легли слѣды такого

*) Великій Гете представляетъ тому убѣдительный примѣръ. Все, что есть прекраснаго въ его плѣнительной Ифигеніи, эти поэтическіе переливы сердечныхъ оттѣнковъ, выраженные душевно-музыкальными стихами, принадлежатъ исключительно поэзіи новѣйшей. И чѣмъ обязана Ифигенія систематическому усилію подражанія? — Неподвижностью дѣйствія и безличностью характеровъ, которые дѣлаютъ ее неспособною къ театральному представленію и совершенно несносною въ немного посредственномъ переводѣ. То же можно сказать и о Шиллеровой Мессинской невѣстѣ.

состоянія души, котораго не знали наши праотцы по уму. Чувство религіозное, коимъ мы обязаны христіанству; романическая любовь—подарокъ Арабовъ и варваровъ; уныніе—дитя Сѣвера и зависимости; всякаго рода фанатизмъ—необходимый плодъ борьбы вѣковыхъ неустройствъ Европы съ порывами къ улучшенію; наконецъ, перевѣсъ мысленности надъ чувствами, и оттуда стремленіе къ единству и сосредоточенью, — вотъ новыя струны, которыя жизнь новѣйшихъ народовъ натянула на сердце человѣка. Напрасно думаетъ онъ заглушить ихъ стонъ, ударяя въ лиру Греціи: онѣ невольно отзываются на его пѣсню, и, вмѣсто простаго звука, является аккордъ.

Таковы подражанія Дельвига. Его Муза была въ Греціи: она воспиталась подъ теплымъ небомъ Аттики; она наслушалась тамъ простыхъ и полныхъ, естественныхъ, свѣтлыхъ и правильныхъ звуковъ лиры Греческой; но ея нѣжная краса не вынесла бы холода мрачнаго Сѣвера, еслибы поэтъ не прикрылъ ее нашею народною одеждою; еслибы на ея классическія формы онъ не набросилъ душегрѣйку новѣйшаго уныція:—и не къ лицу ли Гречанкѣ нашъ сѣверный нарядъ?

Тоже господствующее чувство замѣтно и въ другихъ произведеніяхъ Дельвига, и тоже качество, которое даетъ отливъ новѣйшаго его подражаніямъ древнимъ, было причиною, что поэтъ выше всего является въ своихъ Русскихъ пѣсняхъ.

Но говоря о писателяхъ образцовыхъ, коихъ имена блестѣли въ литературѣ прошедшаго года, можно ли не упомянуть объ одной изъ лучшихъ надеждъ нашихъ? — Не многіе получили въ удѣлъ такую силу и мужество, коими красуются произведенія Языкова. Каждый стихъ его живетъ огнемъ, какъ саламандра.*

Если мы будемъ разсматривать литературу нашу въ отношеніи къ другимъ Европейскимъ, то найдемъ въ ней соединенное вліяніе почти всѣхъ словесностей. Мы сказали уже, что направленіе Нѣмецкое и Французское у насъ господствующія. Вліяніе поэзіи Англійской, особенно Байроновской и Оссіановской, замѣтно въ произведеніяхъ многихъ изъ нашихъ литераторовъ. Подражанія древнимъ, хотя немногочисленныя, не могли не имѣть вліянія на общій характеръ нашей литературы. Словесность Италіянская, отражаясь въ произведеніяхъ Нелединскаго и Батюшкова, также бросила свою краску на многоцвѣтную радугу нашей поэзіи. Все это живетъ вмѣстѣ, мѣ-

шается, роднится, ссорится и обѣщаетъ литературѣ нашей характеръ многосторонній, когда добрый геній спасетъ ее отъ безхарактерности.

Но вліяніе Итальянское, или лучше сказать, Батюшковское, замѣтно у немногихъ изъ нашихъ стихотворцевъ. *Туманскій* отличается между ними нѣжностью чувства и музыкальностью стиховъ. Въ прошедшемъ году онъ печаталъ не много. Къ той же школѣ принадлежатъ Г-да Ранчь и Ознобишинъ.

Предѣлы этой статьи не позволяютъ намъ распространяться обо всѣхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ прошедшаго года. Упомянемъ о нѣкоторыхъ. Василій Львовичь Пушкинъ напечаталъ три главы изъ своей романтической поэмы Храбровъ, гдѣ Муза его не измѣнила своей обыкновенной любезности.—Г-жа Лисицына издала собраніе своихъ стихотвореній, гдѣ чувство и простота выраженій ручаются за неподложность таланта. Баронъ Розенъ издалъ Дѣву семи Ангеловъ.

Кромѣ того здѣсь и тамъ мелькаютъ имена господъ: Иллиевскаго, Корсака, Трилуннаго, Павлова, Григорьева, Вельтмана, Вердеревскаго, Лихонина, Мих. Дмитріева, Маркевича, Крюкова, Сіянова, Крапинскаго, Якубовича, Степанова, Левшина, Каховскаго, Петрова, Тростина, Олина, Межакова, Масальскаго, Зайцевскаго, Каркунова, Башилова и другихъ. Но что сказать объ этихъ писателяхъ? — Многіе изъ нихъ знакомы уже нашей публикѣ, другіе вышли еще съ бѣлыми щитами на опасное поприще стихотворной дѣятельности. Во многихъ, можетъ быть, таится талантъ, и для развитія силы ищетъ только времени, случая и труда — по крайней мѣрѣ будемъ хранить уваженіе къ надеждѣ, подлѣ любви къ воспоминанію.

Драматическая литература наша — но можно ли назвать литературою сборъ нашихъ драматическихъ произведеній?— Въ этой отрасли словесности мы бѣднѣе всего. Трагедіи въ прошедшемъ году не вышло ни одной. Изъ комедій ни одна не превышаетъ посредственнаго. Замѣчательнѣе другихъ: *Свѣтскій случай* Г-на Хмѣльницкаго; его же отрывки изъ *Арзамазскихъ гусей*; отрывки изъ *Колумба*, недокончанной комедіи покойнаго А. И. Писарева, и *Дворянскіе выборы*, соч. неизвѣстнаго.

Вообще нашъ театръ представляетъ странное противорѣчіе съ самимъ собою: почти весь репертуаръ нашихъ комедій состоитъ изъ подражаній Французамъ, и, не смотря на то, именно тѣ качества, которыя отличаютъ комедію Французскую отъ всѣхъ

другихъ: вкусъ, приличность, остроуміе, чистота языка, и все, что принадлежитъ къ необходимостямъ хорошаго общества,— все это совершенно чуждо нашему театру. Наша сцена вмѣсто того, чтобы быть зеркаломъ нашей жизни, служитъ увеличительнымъ зеркаломъ для однѣхъ лакейскихъ нашихъ, далѣе которыхъ не проникаетъ наша комическая Муза. Въ лакейской она *дома*, тамъ ея и гостиная, и кабинетъ, и зала, и уборная; тамъ проводитъ она весь день, когда не ѣздитъ на запяткахъ дѣлать визиты Музамъ сосѣднихъ государствъ; и чтобы Русскую Талію изобразить похоже, надобно представить ее въ ливреѣ и въ сапогахъ.

Таковъ общій характеръ нашихъ оригинальныхъ комедій, еще неизмѣненный немногими, рѣдкими исключеніями. Причина этого характера заключается отчасти въ томъ, что отъ Фонъ-Визина до Грибоѣдова мы не имѣли ни одного комическаго таланта; а извѣстно, что необыкновенный человѣкъ, какъ и необыкновенная мысль, всегда даютъ одностороннее направленіе уму; что перевѣсъ силы уравновѣшивается только другою силою; что вредъ генія исправляется явленіемъ другаго, противодѣйствующаго.

Между тѣмъ можно бы замѣтить нашимъ комическимъ писателямъ, что они поступаютъ неразсчетливо, избирая *такое* направленіе. За простымъ народомъ имъ не угнаться; и какъ ни низокъ языкъ ихъ, какъ ни богаты неприличностями ихъ удалыя шутки, какъ ни грубы ихъ фарсы, которымъ хохочетъ раекъ; но они никогда не достигнутъ до своего настоящаго идеала, и всѣ комедіи ихъ — любой извощикъ убьетъ однимъ словомъ.

Почти на каждомъ изъ нашихъ писателей замѣтно вліяніе, болѣе или менѣе смѣшанное, какой нибудь изъ иностранныхъ литературъ, или котораго нибудь изъ нашихъ первоклассныхъ писателей. Есть однакоже у насъ особенная школа, оригинальная, самобытная, имѣющая свои качества, свое направленіе, своихъ многочисленныхъ приверженцевъ, совершенно отличная отъ всѣхъ другихъ, хотя многіе изъ нашихъ писателей заимствуютъ у нея красоты свои. Школа сія началась вмѣстѣ съ вѣкомъ, и основателемъ ея былъ графъ Дмитрій Ивановичь Хвостовъ, а послѣдователи его: Гг-да Борисъ Ѳедоровъ, Телепневъ, Свѣчинъ, Волковъ, Бестужевъ-Рюминъ, А. Орловъ и другіе. Почти всѣ сіи писатели суть поэты эпическіе, и почти каждый изъ нихъ создалъ особенную поэму въ классическомъ

духѣ, и только не многіе, напр. Г. Рюминъ, позволяютъ себѣ вступать въ область романтики; но Г. Ѳедоровъ дѣлаетъ исключеніе изъ всѣхъ: болѣе другихъ приближаясь къ основателю школы, онъ писалъ почти во всѣхъ родахъ.

Этою школою мы заключимъ обозрѣніе оригинальныхъ произведеній нашихъ стихотворцевъ. Переводами прошедшій годъ былъ богаче всѣхъ предшествовавшихъ. Назовемъ замѣчательнѣйшіе. Г. *Ротчевъ* перевелъ Вильгельма Теля и Мессинскую Невѣсту Шиллера, и печаталъ нѣкоторые отрывки изъ Макбета Шекспирова. Стихъ Г. Ротчева силенъ и звученъ; но онъ иногда теменъ, часто невѣренъ подлиннику и рѣдко передаетъ всѣ оттѣнки оригинала. Г. *Шевыревъ* напечаталъ одно дѣйствіе Вильгельма Теля. Его переводъ ближе къ подлиннику и изящнѣе перевода Г-на Ротчева. Г. *Вронченко* перевелъ Гамлета, отрывки изъ Дзядовъ Мицкевича, отрывки изъ Юнга и нѣсколько Ирландскихъ мелодій Мура. Вообще переводы его весьма близки и языкъ правиленъ, хотя не довольно изященъ и тяжелъ въ оборотахъ. Г. *Познанскій* перевелъ Альпугару изъ Мицкевича; она принадлежитъ еще не къ лучшимъ произведеніемъ Г-на Познанскаго, который вообще отличается вѣрнымъ чувствомъ поэтическихъ красотъ подлинника, изящною простотою языка и точностью выраженій.

Кромѣ того переводили и печатали отрывки въ разныхъ журналахъ и альманахахъ: изъ Ромео и Юліи Шекспира Г....; изъ Донъ-Карлоса Шиллерова и Ифигеніи Гете Г. *Лихонинъ*; изъ Донъ-Карлоса же Г. *Колачевскій* и Г. *Ободовскій*; изъ Байронова Донъ-Жуана и Паризины, изъ Парни и Мура Г. *Маркевичъ*; Паризину перевелъ также Г. *Карцевъ*; Г. *Щастный* перевелъ Фариса Мицкевича; Лару Байрона перевелъ Г. *Носковъ*. Г. *Трилунный* переводилъ изъ Гяура Байрона, и нѣсколько сценъ изъ Мольерова Амфитріона. Г. *Козловъ* перевелъ Крымскіе сонеты Мицкевича. Его же Субботній вечеръ, подражаніе Борнсу, замѣчателенъ по приложеннымъ въ началѣ стихамъ на смерть А. А. Воейковой, гдѣ видно трогательное чувство души, умѣющей любить прекрасное.

Сіи переводы, хотя весьма различнаго достоинства, всѣ однакоже доказываютъ успѣхи нашего просвѣщенія и усовершенствованіе нашего языка. Двадцать лѣтъ назадъ каждый изъ нихъ возбудилъ-бы особенное вниманіе. Замѣтимъ, что шесть иностранныхъ поэтовъ раздѣляютъ преимущественно любовь на-

шихъ литераторовъ: Гете, Шиллеръ, Шекспиръ, Байронъ, Муръ и Мицкевичь. Добрый знакъ для будущаго! — Знакомствомъ съ Гете, Шиллеромъ и Шекспиромъ обязаны мы распространившемуся вліянію словесности Нѣмецкой и Жуковскому; знакомствомъ съ Байрономъ обязаны мы Пушкину; любовь къ Муру принадлежитъ къ тѣмъ же странностямъ нашего литературнаго вкуса, которыя прежде были причиною безусловнаго обожанія Ламартина. Съ Мицкевичемъ прежде всѣхъ познакомилъ насъ князь Вяземскій: это счастливое начало дружественнаго сближенія двухъ родныхъ словесностей, которыя до сихъ поръ чуждались другъ друга.

Польская литература, также какъ Русская, до сихъ поръ была не только отраженіемъ литературы Французско-Нѣмецкой, но и существовала единственно силою чуждаго вліянія. Какъ могла она дѣйствовать на Россію?—Чтобы обѣ словесности вступили въ сношенія непосредственныя и заключили союзъ прочный, нужно было хотя одной изъ нихъ имѣть своего уполномоченнаго на сеймѣ первоклассныхъ правителей Европейскихъ умовъ; ибо одно господствующее въ Европѣ можетъ имѣть вліяніе на подвластныя ей литературы. Мицкевичь, сосредоточивъ въ себѣ духъ своего народа, первый далъ Польской поэзіи право имѣть свой голосъ среди умственныхъ депутатовъ Европы, и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ ей возможность дѣйствовать и на нашу поэзію.

Болѣе или менѣе сложное вліяніе сихъ шести чужеземныхъ поэтовъ, соединенное съ вліяніемъ нашей собственной литературы, образуетъ теперь общій характеръ всѣхъ первоклассныхъ стихотворцевъ нашихъ, и слѣдовательно, характеръ нашей текущей словесности вообще. Но прежде, нежели мы получимъ право говорить о семъ общемъ характерѣ, должны мы докончить картину литературы прошедшаго года обозрѣніемъ прозаическихъ сочиненій и журналовъ.

Мы не будемъ здѣсь говорить ни объ Исторіи 4 Хановъ, ни объ Описаніи Пекина, изданныхъ Отцемъ Іакинѳомъ; ни о картинѣ войны съ Турціей, сочиненной Г-мъ Бутурлинымъ; ни о другихъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ произведеніяхъ, не входящихъ въ область чистой литературы. Но замѣтимъ, что прошедшій годъ былъ особенно богатъ произведеніями въ родѣ повѣствовательномъ. Назовемъ лучшія: Мѣшокъ съ золотомъ, Г-на *Полеваго*; Черная курица, сказка для дѣтей, Г-на

Погорѣльскаго; Черная немочь, Г-на *Погодина*; Уединенный домикъ на Васильевскомъ островѣ, *Тита Космократова*; Русалка, Г-на *Байскаго*, и другія. — *Черный годъ или Горскіе Князья* имѣетъ всѣ тѣ же качества, какія публика находила въ прежнихъ романахъ покойнаго Г. Нарѣжнаго: *возможность* таланта, которому для перехода въ *дѣйствительность* еще недоставало большей образованности и вкуса.

Менѣе таланта, но болѣе литературной опытности, языкъ болѣе гладкій, хотя безцвѣтный и вялый, находимъ мы въ *Выжигинѣ*, нравственно-сатирическомъ романѣ Г-на Булгарина. Пустота, безвкусіе, бездушность, нравственныя сентенціи, выбранныя изъ дѣтскихъ прописей, невѣрность описаній, приторность шутокъ, — вотъ качества сего сочиненія, качества, которыя составляютъ его достоинство, ибо они дѣлаютъ его по плечу простому народу и той части нашей публики, которая отъ азбуки и катихизиса приступаетъ къ повѣстямъ и путешествіямъ. Что есть люди, которые читаютъ Выжигина съ удовольствіемъ и, слѣдовательно, съ пользою, это доказывается тѣмъ, что Выжигинъ расходится. Но гдѣ же эти люди? спросятъ меня. Мы не видимъ ихъ точно также, какъ и тѣхъ, которые наслаждаются *Сонникомъ* и книгою *О клопахъ*; но они есть, ибо и *Сонникъ*, и *Выжигинъ*, и *О клопахъ* раскупаются во всѣхъ лавкахъ.

Замѣчательно, что въ прошедшемъ году вышло около 100,000 экземпляровъ Азбуки Русской, около 60,000 Азбуки Славянской, 60,000 экземп. Катихизиса, около 15,000 Азбуки Французской, и вообще учебныя книги расходились въ этомъ году почти цѣлою третью болѣе, нежели въ прежнемъ. Вотъ что намъ нужно, чего недостаетъ намъ, чего по справедливости требуетъ публика.

Изъ переводныхъ книгъ назовемъ двѣ: *Вертера*, соч. Гете, переводъ Г-на Р., и Исторію Литературы Фр. Шлегеля, переводъ неизвѣстнаго. Первый можно назвать самымъ близкимъ, самымъ изящнымъ изъ всѣхъ прозаическихъ переводовъ, вышедшихъ у насъ въ послѣднее двадцатилѣтіе.

Странная неприличность полемики составляла отличительный характеръ нашихъ журналовъ прошедшаго года. Мы надѣемся, однако, что это скоро утомитъ нашу публику и что она скоро захочетъ видѣть въ нашихъ литераторахъ кой-что кромѣ двуногихъ животныхъ съ перьями.

Обозрѣніе особенныхъ качествъ каждаго изъ нашихъ журналовъ не входитъ въ планъ этой статьи. Замѣтимъ однако, что

Телеграфъ былъ богаче другихъ хорошими, дѣльными статьями, и болѣе другихъ передавалъ намъ любопытнаго изъ журналовъ иностранныхъ; *Сѣверная Пчела* была свѣжѣе другихъ политическими новостями; *Атеней* менѣе другихъ участвовалъ въ неприличныхъ полемикахъ; *Славянинъ* неприличность брани усилилъ до поэзіи.

Замѣтимъ еще одно качество, общее почти всѣмъ журналамъ нашимъ: странный слогъ, которымъ пишутся многія оригинальныя и большая часть переводныхъ статей, слогъ неточный, шершавый, и часто хуже того, которымъ писали у насъ прежде Карамзина и Дмитріева. Можетъ быть, это одна изъ главныхъ причинъ, почему люди со вкусомъ почти не читаютъ нашихъ журналовъ; ибо для образованнаго слуха нѣтъ ничего тяжелѣе фальшивыхъ тоновъ.

Сѣверные цвѣты были безъ сравненія лучшимъ изъ всѣхъ альманаховъ. *Въ Невскомъ альманахѣ* замѣтимъ прозаическую статью *Ливонія*, соч. неизвѣстнаго: если бы наше обозрѣніе было писано тѣмъ-же перомъ, которое начертало Ливонію, то мы печатали-бы его безъ боязни неуспѣха.

Другіе альманахи — но что пользы намъ знать, что тѣ или другія статьи печатались въ томъ, а не въ другомъ періодическомъ изданіи? Объяснитъ ли это сколько нибудь характеръ нашей литературы?

До сихъ поръ разсматривали мы словесность нашу въ отношеніи къ ней самой, и потому съ любопытствомъ останавливались на каждомъ произведеніи, которое открываетъ намъ новую сторону нашего литературнаго характера, или подаетъ новую надежду въ будущемъ. Здѣсь все казалось намъ важнымъ, все достойнымъ вниманія, какъ сѣмена, изъ коихъ со временемъ созрѣетъ плодъ.

Но если мы будемъ разсматривать нашу словесность въ отношеніи къ словесностямъ другихъ государствъ; если просвѣщенный Европеецъ, развернувъ передъ нами всѣ умственныя сокровища своей страны, спроситъ насъ: „Гдѣ литература ваша? Какими произведеніями можете вы гордиться передъ Европою?“ — Что будемъ отвѣчать ему?

Мы укажемъ ему на Исторію Россійскаго Государства; мы представимъ ему нѣсколько одъ Державина, нѣсколько стихотвореній Жуковскаго и Пушкина, нѣсколько басень Крылова,

нѣсколько сценъ изъ Фонъ-Визина и Грибоѣдова, и—гдѣ еще найдемъ мы произведеніе достоинства Европейскаго?

Будемъ безпристрастны, и сознáемся, что у насъ еще нѣтъ полнаго отраженія умственной жизни народа, у насъ еще нѣтъ литературы. Но утѣшимся: у насъ есть благо, залогъ всѣхъ другихъ: у насъ есть надежда и мысль о великомъ назначеніи нашего отечества! —

Вѣнецъ просвѣщенія Европейскаго служилъ колыбелью для нашей образованности; она рождалась, когда другія государства уже доканчивали кругъ своего умственнаго развитія, и гдѣ они остановились, тамъ мы начинаемъ. Какъ младшая сестра въ большой, дружной семьѣ, Россія прежде вступленія въ свѣтъ богата опытностью старшихъ.

Взгляните теперь на всѣ Европейскіе народы: каждый изъ нихъ уже совершилъ свое назначеніе, каждый выразилъ свой характеръ, пережилъ особенность своего направленія, и уже ни одинъ не живетъ отдѣльною жизнію: жизнь *цѣлой* Европы поглотила самостоятельность всѣхъ *частныхъ* государствъ.

Но для того, чтобы *цѣлое* Европы образовалось въ стройное, органическое тѣло, нужно ей особенное средоточіе, нуженъ народъ, который бы господствовалъ надъ другими своимъ политическимъ и умственнымъ перевѣсомъ. Вся исторія новѣйшаго просвѣщенія представляетъ необходимость такого господства: всегда одно государство было, такъ сказать, *столицею* другихъ, было *сердцемъ*, изъ котораго выходитъ и куда возвращается вся кровь, всѣ жизненныя силы просвѣщенныхъ народовъ.

Италія, Испанія, Германія (во время реформаціи), Англія и Франція, попеременно управляли судьбою Европейской образованности. Развитіе внутренней силы было причиною такого господства, а упадокъ силы причиною его упадка.

Англія и Германія находятся теперь на вершинѣ Европейскаго просвѣщенія; но вліяніе ихъ не можетъ быть живительное, ибо ихъ внутренняя жизнь уже окончила свое развитіе, состарѣлась и получила ту односторонность зрѣлости, которая дѣлаетъ ихъ образованность исключительно имъ однѣмъ приличною.

Вотъ отъ чего Европа представляетъ теперь видъ какого-то оцѣпенѣнія; политическое и нравственное усовершенія равно остановились въ ней; запоздалыя мнѣнія, обветшалыя формы, какъ запруженная рѣка, плодоносную страну превратили въ

болота, гдѣ цвѣтутъ однѣ незабудки, да изрѣдка блеститъ холодный, блуждающій огонекъ.

Изо всего просвѣщеннаго человѣчества два народа не участвуютъ во всеобщемъ усыпленіи; два народа, молодые, свѣжіе, цвѣтутъ надеждою: это Соединенные Американскіе Штаты и наше отечество.

Но отдаленность мѣстная и политическая, а болѣе всего односторонность Англійской образованности Соединенныхъ Штатовъ, —всю надежду Европы переносятъ на Россію.

Совмѣстное дѣйствіе важнѣйшихъ государствъ Европы участвовало въ образованіи начала нашего просвѣщенія, приготовило ему характеръ обще-Европейскій и вмѣстѣ дало возможность будущаго вліянія на всю Европу.

Къ той же цѣли ведутъ насъ гибкость и переимчивость характера нашего народа, его политическіе интересы и самое географическое положеніе нашей земли.

Судьба каждаго изъ государствъ Европейскихъ зависитъ отъ совокупности всѣхъ другихъ; — судьба Россіи зависитъ отъ одной Россіи.

Но судьба Россіи заключается въ ея просвѣщеніи: оно есть условіе и источникъ *всѣхъ* благъ. Когда же эти *всѣ* блага будутъ *нашими*, — мы ими подѣлимся съ остальною Европою и весь долгъ нашъ заплатимъ ей сторицею.

Обозрѣніе русской словесности

за 1831 годъ.

(1832).

Наша литература—ребенокъ, который только начинаетъ чисто выговаривать.

Не смотря на то, ни въ какой землѣ текущая словесность не имѣетъ такой значительности, какъ въ Россіи; и между тѣмъ какъ въ другихъ государствахъ литература есть одно изъ второстепенныхъ выраженій образованности, у насъ она главнѣйшее, если не единственное.

Быстрота и важность государственныхъ переломовъ; дѣятельное участіе, которое обязаны принимать въ нихъ люди частные; повсемѣстная борьба политическихъ и къ нимъ примкнувшихся религіозныхъ партій; ихъ противоположныя выгоды и разногласныя требованія; успѣхи и распространенность промышленности, связавшіе ея перевороты съ цѣлымъ составомъ народнаго бытія; все, даже самыя первыя стихіи частной жизни, почти во всѣхъ странахъ Европы, сосредоточиваютъ дѣятельность умовъ на *дѣла государственныя*, которыя потому могутъ одни служить полнымъ представителемъ общественной образованности, указателемъ господствующаго направленія и зеркаломъ текущей минуты.

Самыя науки, при такомъ расположеніи умовъ, не могутъ занимать въ нихъ перваго мѣста. Къ тому же, созрѣвшія вѣковымъ развитіемъ, онѣ уже сами собою склоняются къ жизни дѣйствительной, являясь предъ обществомъ, то какъ сила, то какъ орудіе политической дѣятельности.

Только относительная значительность остается для литературы. Но та часть ея, которая не задавлена вліяніемъ политики,—литература *чистая*, самоцѣнная, едва замѣтна посреди всеобщаго стремленія къ дѣламъ болѣе существеннымъ: она цвѣ-

тетъ блѣдно и болѣзненно, какъ цвѣтокъ осенній, благоухающій для охотниковъ, но не возбуждающій въ умѣ ни надежды на плодъ, ни довѣренности къ плодовитости дерева.

Въ Россіи напротивъ. Литература наша въ первой веснѣ: каждый цвѣтъ ея пророчитъ новый плодъ и обнаруживаетъ новое развитіе. Между тѣмъ какъ въ другихъ государствахъ дѣла государственныя, поглощая всѣ умы, служатъ главнымъ мѣриломъ ихъ просвѣщенія, у насъ неусыпныя попеченія прозорливаго Правительства избавляютъ частныхъ людей отъ необходимости заниматься политикой, и такимъ образомъ единственнымъ указателемъ нашего умственнаго развитія остается литература. Вотъ почему въ Россіи слѣдовать за ходомъ словесности необходимо не только для литераторовъ, но и для каждаго гражданина, желающаго имѣть какое нибудь понятіе о нравственномъ состояніи своего отечества.

Замѣтимъ ли мы усовершеніе вкуса въ произведеніяхъ литературныхъ? мы въ правѣ заключить, что есть публика образованная, слѣдовательно, мыслящая и въ своихъ мнѣніяхъ не отстающая отъ вѣка. Увидимъ ли мы счастливый успѣхъ произведенія невѣжественнаго, бездарнаго? мы порадуемся ему, предполагая, что самая необразованная часть Русскихъ читателей начинаетъ быть публикою и, слѣдовательно, просыпается отъ своего умственнаго бездѣйствія. Услышимъ ли мы жалобы на то, что книги безъ достоинства расходятся не только успѣшно, но еще успѣшнѣе книгъ съ достоинствомъ? мы порадуемся вдвое, видя, что намъ готовится въ будущемъ еще больше людей просвѣщенныхъ, нежели сколько мы имѣемъ теперь.

Такъ, если самая бездарность въ нашей литературѣ можетъ доставить намъ любопытныя свѣдѣнія о нашей первоначальной образованности — сколько же *данныхъ* о нашемъ просвѣщеніи вообще, сколько новыхъ показаній объ отношеніяхъ нашей литературы къ обществу и къ чужеземнымъ вліяніямъ; сколько предзнаменованій о характерѣ нашихъ будущихъ успѣховъ открывается внимательному наблюдателю въ изученіи нашихъ писателей первоклассныхъ, которыхъ каждое слово служитъ образцомъ для всего строя рядовыхъ литераторовъ, и каждое произведеніе отзывается участіемъ отборнѣйшаго круга читателей.

Такимъ образомъ, разсматривая замѣчательныя литературныя событія прошедшаго года, мы будемъ стараться опредѣлить

настоящую степень нашего литературнаго развитія и вмѣстѣ открыть отношеніе нашей образованности вообще къ успѣхамъ нашей словесности въ особенности. Прежде всего разсмотримъ три важнѣйшія явленія нашей поэзіи, и въ томъ порядкѣ, въ какомъ они выходили въ свѣтъ: Бориса Годунова Пушкина, Наложницу Баратынскаго и собраніе Балладъ и Повѣстей Жуковскаго. Потомъ скажемъ нѣсколько словъ о другихъ произведеніяхъ нашей словесности, замѣчательныхъ либо по внутреннему достоинству, либо по постороннимъ отношеніямъ. Что же касается до тѣхъ произведеній литературы, которыя, не обнаруживая развитія, свидѣтельствуютъ только о распространеніи словесности въ кругахъ полуобразованныхъ или едва начинающихъ образовываться, то врядъ ли нужно объ нихъ много распространяться. Довольно намъ знать для нашего утѣшенія, что теперь, также какъ и прежде, мы не бѣдны ни дурными сочиненіями, ни бездарными писателями, которые воспитываютъ неопытныхъ читателей, и также необходимы для будущаго просвѣщенія, какъ необходимо удобреніе земли для будущаго урожая.

Борисъ Годуновъ.

Каждый народъ, имѣющій свою трагедію, имѣетъ и свое понятіе о трагическомъ совершенствѣ. У насъ еще нѣтъ ни того, ни другаго. Правда, что когда Французская школа у насъ господствовала, мы думали имѣть образца въ Озеровѣ; но съ тѣхъ поръ вкусъ нашей публики такъ измѣнился, что трагедіи Озерова не только не почитаются образцовыми, но врядъ ли изъ десяти читателей одинъ отдастъ ему половину той справедливости, которую онъ заслуживаетъ; ибо оцѣнить красоту, начинающую увядать, еще труднѣе, чѣмъ отдать справедливость совершенной древности или восхищаться посредственностію новою; и я увѣренъ, что большая часть нашихъ самозванцевъ-романтиковъ готова промѣнять всѣ лучшія созданія Расина на любую Морлакскую пѣсню.

Чего же требуемъ мы теперь и чего должны мы требовать отъ трагедіи Русской? Нужна ли намъ трагедія Испанская? или Нѣмецкая? или Англійская? или Французская? или чисто Греческая? или составная изъ всѣхъ сихъ родовъ? и какого рода долженъ быть сей составъ? Сколько какихъ элементовъ

должно входить въ нее? И нѣтъ ли элемента намъ исключительно свойственнаго?

Вотъ вопросы, на которые критикъ и публика могутъ отвѣчать только отрицательно; прямой отвѣтъ на нихъ принадлежитъ одному поэту; ибо ни въ какой литературѣ правила вкуса не предшествовали образцамъ. Не чужіе уроки, но собственная жизнь, собственные опыты должны научить насъ мыслить и судить. Покуда мы довольствуемся общими истинами, не примѣненными къ особенности нашего просвѣщенія, не извлеченными изъ коренныхъ потребностей нашего быта, до тѣхъ поръ мы еще не имѣемъ своего мнѣнія, либо имѣемъ ошибочное; не цѣнимъ хорошаго-приличнаго потому, что ищемъ невозможнаго-совершеннаго, либо слишкомъ цѣнимъ недостаточное потому, что смотримъ на него издали общей мысли, и вообще мѣряемъ себя на чужой аршинъ и твердимъ чужія правила, не понимая ихъ мѣстныхъ и временныхъ отношеній.

Это особенно ясно въ исторіи новѣйшей литературы; ибо мы видимъ, что въ каждомъ народѣ рожденію собственной словесности предшествовало поклоненіе чужой, уже развившейся. Но если первые поэты были вездѣ подражателями, то естественно, что первые судьи ихъ держались всегда чужаго кодекса и повторяли наизусть чужія правила, не спрашиваясь ни съ особенностями своего народа, ни съ его вкусомъ, ни съ его потребностями, ни съ его участіемъ. Не менѣе естественно и то, что для такихъ судей лучшими произведеніями казались всегда произведенія посредственныя; что лучшая часть публики никогда не была на ихъ сторонѣ, и что явленіе истиннаго генія не столько поражало ихъ воображеніе, сколько удивляло ихъ умъ, смѣшивая всѣ разсчеты ихъ прежнихъ теорій.

Только тогда, когда новыя поколѣнія, воспитанныя на образцахъ отечественныхъ, получатъ самобытность вкуса и твердость мнѣнія независимаго отъ чужеземныхъ вліяній, только тогда можетъ критика утвердиться на законахъ вѣрныхъ, строгихъ, общепринятыхъ, благодѣтельныхъ для послѣдователей и страшныхъ для нарушителей. Но до тѣхъ поръ приговоръ литературнымъ произведеніямъ зависитъ почти исключительно отъ особеннаго вкуса особенныхъ судей, и только случайно сходится съ мнѣніемъ образованнаго большинства.

Вотъ одна изъ причинъ, почему у насъ до сихъ поръ еще нѣтъ критики. Да, я не знаю ни одного литературнаго сужденія, которое бы можно было принять за образецъ истиннаго воззрѣнія на нашу словесность. Не говоря уже о критикахъ, внушенныхъ пристрастіемъ, не говоря о безотчетныхъ похвалахъ или порицаніяхъ друзей и недруговъ,—возмемъ тѣ сужденія объ литературѣ нашей, которыя составлены съ самою большею отчетливостью и съ самымъ меньшимъ пристрастіемъ: и мы вездѣ найдемъ зависимость мнѣнія отъ вліяній словесностей иностранныхъ. Тотъ судитъ насъ по законамъ, принятымъ въ литературѣ Французской, тотъ образцомъ своимъ беретъ литературу Нѣмецкую, тотъ Англійскую, и хвалитъ все, что сходно съ его идеаломъ, и порицаетъ все, что не сходно съ нимъ. Однимъ словомъ, нѣтъ ни одного критическаго сочиненія, которое бы не обнаруживало пристрастія автора къ той или другой иностранной словесности, пристрастія по большей части безотчетнаго; ибо тотъ же критикъ, который судитъ писателей нашихъ по законамъ чужимъ, обыкновенно самъ требуетъ отъ нихъ національности и укоряетъ за подражательность.

Самымъ лучшимъ подтвержденіемъ сказаннаго нами могутъ служить вышедшіе до сихъ поръ разборы Бориса Годунова. Иной критикъ, помня Лагарпа, хвалитъ особенно тѣ сцены, которыя болѣе напоминаютъ трагедію Французскую, и порицаетъ тѣ, которымъ не видитъ примѣра у Французскихъ классиковъ. Другой, въ честь Шлегелю, требуетъ отъ Пушкина сходства съ Шекспиромъ, и упрекаетъ за все, чѣмъ поэтъ нашъ отличается отъ Англійскаго трагика, и восхищается только тѣмъ, что находитъ между обоими общаго. Каждый, по видимому, приноситъ свою систему, свой взглядъ на вещи, и ни одинъ, въ самомъ дѣлѣ, не имѣетъ своего взгляда; ибо каждый занялъ его у писателей иностранныхъ, иногда прямо, но чаще по наслышкѣ: И эта привычка смотрѣть на Русскую литературу сквозь чужіе очки иностранныхъ системъ до того ослѣпила нашихъ критиковъ, что они въ трагедіи Пушкина не только не замѣтили, въ чемъ состоятъ ея главныя красоты и недостатки; но даже не поняли, въ чемъ состоитъ ея содержаніе.

Въ ней нѣтъ единства,—говорятъ нѣкоторые изъ критиковъ,—нѣтъ поэтической гармоніи, ибо главное лицо: Борисъ, *заслонено* лицомъ второстепеннымъ, Отрепьевымъ.

Нѣтъ,—говорятъ другіе,—главное лицо не Борисъ, а Самозванецъ; жаль только, что онъ не довольно развитъ, и что не весь интересъ сосредоточивается на немъ; ибо гдѣ нѣтъ единства интереса, тамъ нѣтъ стройности.

Вы ошибаетесь,—говоритъ третій,—интересъ *не долженъ* сосредоточиваться ни на Борисѣ, ни на Самозванцѣ. Трагедія Пушкина есть трагедія *историческая*, слѣдовательно, не страсть, не характеръ, не лицо должны быть главнымъ ея предметомъ, но цѣлое время, *вѣкъ*. Пушкинъ то и сдѣлалъ: онъ представилъ въ трагедіи своей вѣрный очеркъ вѣка, сохранилъ всѣ его краски, всѣ особенности его цвѣта. Жаль только, что эта картина начертана поверхностно и не полно; ибо въ ней забыто многое характеристическое, и развито многое лишнее, напримѣръ, характеръ Марины и т. п. Еслибы Пушкинъ понялъ глубже время Бориса, онъ бы представилъ его полнѣе и ощутительнѣе, то есть, другими словами: подражая болѣе Шекспиру, Пушкинъ болѣе удовлетворилъ бы требованіямъ Шлегеля. Но забудемъ на время нашихъ критиковъ и Шекспира и Шлегеля и всѣ теоріи трагедій; посмотримъ на Бориса Годунова глазами не предубѣжденными системою, и не заботясь о томъ, что̀ *должно* быть средоточіемъ трагедіи, — спросимъ самихъ себя: что̀ составляетъ главный предметъ созданія Пушкина?

Очевидно, что и Борисъ, и Самозванецъ, и Россія, и Польша, и народъ, и царедворцы, и монашеская келья, и государственный совѣтъ — всѣ лица и всѣ сцены трагедіи развиты только въ *одномъ отношеніи*: въ отношеніи къ послѣдствіямъ цареубійства. Тѣнь умерщвленнаго Димитрія царствуетъ въ трагедіи отъ начала до конца, управляетъ ходомъ всѣхъ событій, служитъ связью всѣмъ лицамъ и сценамъ, разставляетъ въ одну перспективу всѣ отдѣльныя группы, и различнымъ краскамъ даетъ одинъ общій тонъ, одинъ кровавый оттѣнокъ. Доказывать это, значило бы переписать всю трагедію.

Но если убіеніе Димитрія съ его государственными послѣдствіями составляетъ главную нить и главный узелъ созданія Пушкина, если критики не смотря на то искали средоточія трагедіи въ Борисѣ, или въ Самозванцѣ, или въ жизни народа, и т. п., то очевидно, что они по *совѣсти* не могли быть довольны поэтомъ и должны были находить въ немъ и нестройность, и неполноту, и мелкость, и незрѣлость; ибо при такомъ отношеніи судей къ художнику, чѣмъ болѣе гармоніи въ твореніи послѣдняго, тѣмъ оно кажется разногласнѣе для первыхъ.

какъ вѣрно разсчитанная перспектива для избравшаго ложный фокусъ.

Но если бы, вмѣсто *фактическихъ* послѣдствій цареубійства, Пушкинъ развилъ намъ болѣе его *психологическое* вліяніе на Бориса, какъ Шекспиръ въ Макбетѣ; если бы вмѣсто Русскаго монаха, который въ темной кельѣ произноситъ надъ Годуновымъ приговоръ судьбы и потомства, поэтъ представилъ намъ Шекспировскихъ вѣдьмъ, или Мюльнерову волшебницу-цыганку, или пророческій сонъ

Pendant l'horreur d'une profonde nuit,

тогда, конечно, онъ былъ бы скорѣе понятъ и принятъ съ бо̀льшимъ восторгомъ. Но чтобы оцѣнить Годунова, какъ его создалъ Пушкинъ, надобно было отказаться отъ многихъ ученыхъ и школьныхъ предразсудковъ, которые не уступаютъ никакимъ другимъ ни въ упорности, ни въ односторонности.

Большая часть трагедій, особенно новѣйшихъ, имѣетъ предметомъ дѣло совершающееся, или долженствующее совершиться. Трагедія Пушкина развиваетъ послѣдствія дѣла уже совершеннаго, и преступленіе Бориса является не какъ *дѣйствіе*, но какъ сила, какъ мысль, которая обнаруживается мало по малу, то въ шопотѣ царедворца, то въ тихихъ воспоминаніяхъ отшельника, то въ одинокихъ мечтахъ Григорія, то въ силѣ и успѣхахъ Самозванца, то въ ропотѣ придворномъ, то въ волненіяхъ народа, то, наконецъ, въ громкомъ ниспроверженіи неправедно царствовавшаго дома. Это постепенное возрастаніе коренной мысли въ событіяхъ разнородныхъ, но связанныхъ между собою однимъ источникомъ, даетъ ей характеръ сильно-трагическій, и такимъ образомъ позволяетъ ей заступить мѣсто господствующаго лица, или страсти, или поступка.

Такое трагическое воплощеніе мысли болѣе свойственно древнимъ, чѣмъ новѣйшимъ. Однако мы могли бы найти его и въ новѣйшихъ трагедіяхъ, на примѣръ, въ Мессинской Невѣстѣ, въ Фаустѣ, въ Манфредѣ; но мы боимся сравненій: гдѣ дѣло идетъ о созиданіи новомъ, примѣръ легче можетъ сбить, чѣмъ навести на истинное воззрѣніе.

Согласимся однако, что такого рода трагедія, гдѣ главная пружина не страсть, а мысль, по сущности своей не можетъ быть понята большинствомъ нашей публики; ибо большинство

у насъ не толпа, не народъ, наслаждающійся безотчетно, а гг. читатели, почитающіе себя образованными: они, *наслаждаясь*, хотятъ вмѣстѣ *судить*, и боятся прекраснаго-непонятнаго, какъ злаго искусителя, заставляющаго чувствовать противъ совѣсти. Если бы Пушкинъ, вмѣсто Годунова, написалъ Эсхиловскаго Промеѳея, гдѣ также развивается воплощеніе мысли, и гдѣ еще менѣе *ощутительной* связи между сценами, то, вѣроятно, трагедія его имѣла бы еще меньше успѣха, и ей не только бы отказали въ правѣ называться *трагедіей*, но врядъ ли бы признали въ ней какое нибудь достоинство, ибо она написана ясно противъ всѣхъ правилъ новѣйшей драмы. Я не говорю уже объ насъ, бѣдныхъ критикахъ; наше положеніе было бы тогда еще жалче: напрасно ученическимъ помазкомъ старались бы мы расписывать красоты великаго мастера, — намъ отвѣчали бы одно: Промеѳей не трагедія, это стихотвореніе безпримѣрное, какого нѣтъ ни у Нѣмцевъ, ни у Англичанъ, ни у Французовъ, ни даже у Испанцевъ, — какъ же вы хотите, чтобы мы судили объ ней? на чье мнѣніе можемъ мы сослаться? ибо извѣстно, что намъ самимъ

Не должно смѣть
Свое сужденіе имѣть.

Таково состояніе нашей литературной образованности. Я говорю это не какъ упрекъ публикѣ, но какъ *фактъ*, и болѣе какъ упрекъ поэту, который не понялъ своихъ читателей. Конечно, въ Годуновѣ Пушкинъ выше своей публики; но онъ былъ бы еще выше, еслибъ былъ общепонятнѣе. Своевременность столько же достоинство, сколько красота, и Промеѳей Эсхила въ наше время былъ бы анахронизмомъ, слѣдовательно, ошибкою.

Мы еще воротимся къ трагедіи Пушкина, когда будемъ говорить о Русской литературѣ вообще.

Наложница.

Поэма Баратынскаго имѣла въ литературѣ нашей ту же участь, какую и трагедія Пушкина: ее также не оцѣнили, также не поняли, также несправедливо обвиняли автора за недостатки небывалые, также хвалили его изъ снисхожденія къ прежнимъ заслугамъ и съ такимъ тономъ покровительства, который Гёте, изъ деликатности, не могъ бы принять, говоря о писателяхъ едва извѣстныхъ. И подъ этими протекторскими

обозрѣніями, подъ этими учительскими порицаньями и совѣтами, большая часть критиковъ не удостоила даже подписать своего имени.

Такого рода литературное самоуправство нельзя не назвать по крайней мѣрѣ страннымъ. Но оно покажется еще страннѣе, когда мы вспомнимъ, что тѣ же самые критики, которые поступали такимъ образомъ съ Баратынскимъ, большую половину статей своихъ о его поэмѣ наполнили разсужденіями о нравственныхъ и литературныхъ приличіяхъ.

Мы припомнимъ это обстоятельство, говоря о характерѣ литературы нашей вообще: теперь обратимся къ самой поэмѣ *).

По моему мнѣнію, *Наложница* отличается отъ другихъ поэмъ Баратынскаго большею зрѣлостью въ художественномъ исполненіи. Объяснимся.

Читая *Эду*, мы проникнуты однимъ чувствомъ, глубокимъ, грустнымъ, поэтически-молодымъ, но за то и молодо-неопредѣленнымъ. Воображеніе играетъ согласно съ сердцемъ; въ душѣ остаются яркіе звуки; но въ цѣломъ созданіи чего-то недостаетъ, и есть что-то недосказанное, что-то некончанное, какъ въ первомъ порывѣ чувства, еще необъясненнаго воспоминаньями. Наружная отдѣлка Эды имѣетъ недостатки такого же рода: поэтъ часто увлекается однимъ чувствомъ, однимъ описаніемъ, прекраснымъ *отдѣльно*, но не всегда необходимымъ въ отношеніи къ цѣлому созданью. Однимъ словомъ, въ поэмѣ не всѣ средства клонятся къ одной цѣли, хотя главное чувство развито въ ней сильно и увлекательно.

Въ *Бальномъ Вечерѣ*, напротивъ того, стройность и гармонія частей не оставляютъ ничего желать въ художественномъ отношеніи. Все соразмѣрено, все на мѣстѣ; каждая картина имѣетъ надлежащій объемъ; каждому описанію показаны свои границы. Но, не смотря на эту мѣрность частей, господствующее чувство проистекаетъ изъ нихъ недовольно ясно и звучно; и если въ Эдѣ недостаетъ пластической опредѣленности и симметріи, то въ Бальномъ Вечерѣ мы хотѣли бы видѣть болѣе лирическаго единства и увлекательности.

---

*) Большая часть критиковъ Наложницы опровергали сами себя и другъ друга; но самый полный разборъ поэмы, самыя благовидныя обвиненія, самое отчетливое опроверженіе присовокупленнаго къ ней предисловія, находятся въ разборѣ Наложницы, напечатанномъ въ 10 нумерѣ Телескопа. Въ концѣ этой книжки Европейца, читатели найдутъ отвѣтъ на этотъ разборъ, и онъ же можетъ служить отвѣтомъ и на остальныя критики Баратынскаго поэмы.

То и другое соединено въ *Наложницѣ*, гдѣ главной мысли соотвѣтствуетъ одно чувство, выраженное ясно и сильно, развитое въ событіяхъ, соотвѣтственныхъ ему и стройно соразмѣренныхъ.

Но эта художественная зрѣлость, которою отличается послѣдняя поэма Баратынскаго отъ прежнихъ, не составляетъ еще главнаго достоинства изящныхъ произведеній. Художественное совершенство, какъ образованность, есть качество второстепенное и относительное; иногда оно, какъ маска на скелетѣ, только прикрываетъ внутреннюю безжизненность; иногда, какъ лицо благорожденной души, оно служитъ ея зеркаломъ и выраженіемъ; но во всякомъ случаѣ его достоинство не самобытное и зависитъ отъ внутренней, его одушевляющей поэзіи. Потому чтобы оцѣнить, какъ должно, поэму Баратынскаго, постараемся опредѣлить общій характеръ его поэзіи, и посмотримъ, какъ она выразилась въ его послѣднемъ произведеніи.

Музу Баратынскаго можно сравнить съ красавицею, одаренною душею глубокою и поэтическою, красавицею скромною, воспитанной и столь приличной въ своихъ поступкахъ, рѣчахъ, нарядахъ и движеніяхъ, что съ перваго взгляда она покажется обыкновенною; толпа можетъ пройти подлѣ нея, не замѣтивъ ея достоинства; ибо въ ней все просто, все соразмѣрено, и ничто не бросается въ глаза яркимъ отличіемъ; но человѣкъ съ душевною проницательностью будетъ пораженъ въ ней именно тѣми качествами, которыхъ не замѣчаетъ толпа.

Вотъ отъ чего нерѣдко случается намъ встрѣчать людей образованныхъ, которые не понимаютъ всей красоты поэзіи Баратынскаго и которые, вѣроятно, нашли бы его болѣе по сердцу, если бы въ его стихахъ было менѣе простоты и обдуманности, больше шуму, больше оперныхъ возгласовъ и балетныхъ движеній, точно также, какъ въ половинѣ прошедшаго вѣка Англійская публика не могла сочувствовать съ Заирою, видя, что при упрекахъ Орозмана она только плачетъ; и актриса, игравшая ея роль, желая произвести больше эфекта, должна была кричать и кататься по полу *).

---

*) Le sultan, говоритъ Волтеръ, n'est point ému de la voir dans cette posture ridicule et de désespoir, et le moment après il est tout étonné que Zaïre pleure. Il lui dit cet hémistiche:

Zaïre, vous pleurez!

Il auroit dû lui dire auparavant:

Zaïre, vous vous roulez par terre!

Но эта обдуманность и мѣрность, эта благородная простота и художественная докончанность, которыми отличаются произведенія Баратынскаго, не составляютъ случайнаго украшенія стиховъ его; онѣ происходятъ изъ самой сущности его поэзіи, которая, также какъ поэзія Батюшкова, дышетъ единственно любовью къ соразмѣрностямъ и къ гармоніи. Вся правда жизни представляется намъ въ картинахъ Баратынскаго въ перспективѣ поэтической и стройной; самыя разногласія являются въ ней не разстройствомъ, но музыкальнымъ диссонансомъ, который разрѣшается въ гармонію. Отъ того, чтобы дать просторъ сердцу, ему не нужно выдумывать себѣ небывалый міръ, волшебницъ, привидѣній и животнаго магнетизма; въ самой дѣйствительности открылъ онъ возможность поэзіи; ибо глубокимъ воззрѣніемъ на жизнь понялъ онъ необходимость и порядокъ тамъ, гдѣ другіе видятъ разногласіе и прозу. Оттуда утвержденіе его, что все истинное, вполнѣ представленное, не можетъ быть ненравственное; отъ того самыя обыкновенныя событія, самыя мелкія подробности жизни, являются поэтическими, когда мы смотримъ на нихъ сквозь гармоническія струны его лиры. Балъ, маскерадъ, непринятое письмо, пированье друзей, неодинокая прогулка, чтенье альбомныхъ стиховъ, поэтическое имя, однимъ словомъ, всѣ случайности и всѣ обыкновенности жизни, принимаютъ подъ его перомъ характеръ значительности поэтической,—ибо тѣсно связываются съ самыми рѣшительными опытами души, съ самыми возвышенными минутами бытія, и съ самыми глубокими, самыми свѣжими мечтами, мыслями и воспоминаньями о любви и дружбѣ, о жизни и смерти, о добрѣ и злѣ, о Богѣ и вѣчности, о счастьи и страданіяхъ, о ихъ цѣли, слѣдахъ и поэзіи.

Эти возвышенныя, сердечныя созерцанія, слитыя въ одну картину съ ежедневными случайностями жизни, принимаютъ отъ нихъ ясную форму, живую опредѣленность и граціозную ощутительность, между тѣмъ какъ самыя обыкновенныя событія жизни получаютъ отъ такого сліянія глубокость и музыкальность поэтическаго созданія. Такъ, часто не унося воображенія за тридевять земель, но оставляя его посреди обыкновеннаго быта, поэтъ умѣетъ согрѣть его такою сердечною поэзіею, такою идеальною грустію, что не отрываясь отъ гладкаго, вощенаго паркета, мы переносимся въ атмосферу музыкальную и мечтательно просторную.

Это направленіе поэзіи Баратынскаго яснѣе, чѣмъ въ другихъ поэмахъ, выразилось въ его Наложницѣ. Я не стану повторять здѣсь ея содержанія, давно уже извѣстнаго каждому изъ моихъ читателей. Замѣчу только, что въ этой поэмѣ нѣтъ ни одной сцены, которая бы не привела къ чувству поэтическому, и нѣтъ ни одного чувства, которое бы не сливалось неразрывно съ картиною изъ жизни дѣйствительной, — и эти картины говорятъ гораздо яснѣе всѣхъ возможныхъ толкованій. Вмѣсто того, чтобы описывать словами то тяжелое чувство смутной грусти, которое угнетало душу Елецкаго посреди безпорядочной, развратной его жизни; вмѣсто того, чтобы разсказывать, какъ эта грязная жизнь не могла наполнить его благороднаго сердца и должна была возбудить въ немъ необходимость любви чистой и возвышенной; какъ эта новая любовь, освѣжая его душу, должна была противорѣчить его обыкновенному быту; вмѣсто всѣхъ этихъ психологическихъ объясненій, поэтъ рисуетъ намъ сцены живыя, которыя говорятъ воображенію и взяты изъ вѣрнаго описанія дѣйствительности: картину ночнаго пированья; его безобразные слѣды въ комнатѣ Елецкаго; окно, открытое на златоглавый Кремль, поутру, при восхожденіи солнца; гулянье подъ Новинскимъ и встрѣчу съ Вѣрою, маскерадъ, разговоръ съ Сарою и пр. и пр. Иногда одинъ стихъ вмѣщаетъ цѣлую исторію внутренней жизни. Такъ, чтобы выразить любовь Елецкаго, поэтъ описываетъ наружность Вѣры, и прибавляетъ только:

Своими чистыми очами,
Своей спокойной красотой,
Столь благороднымъ выраженьемъ
Сей драгоцѣнной тишины, —
Она сходна была съ видѣньемъ
Его разборчивой весны.
. . . . . .

Онъ встрѣчается съ Вѣрою въ театрѣ:

Елецкій, сцену забывая,
Съ той ложи не сводилъ очей,
Въ которой Вѣра Волховская
Сидѣла, изрѣдка встрѣчая
Взоръ, остановленный на ней.—
Вкусивъ неполное свиданье,
Елецкій приходилъ домой
Исполненъ мукою двойной;
Но полюбивъ свое страданье,
Такой же встрѣчи съ новымъ днемъ
Искалъ въ безуміи своемъ.

Какъ нѣсколько словъ представляютъ весь характеръ Вѣры, и начало ея любви, и ея будущую участь:

Природа Вѣру сотворила
Съ живою, нѣжною душой;
Она ей чувствовать судила
Съ опасной въ жизни полнотой.
Недавно дѣва молодая,
Красою свѣжею блистая,
Вступила въ вихорь городской.
Она еще не разсудила,
Не поняла души своей;
Но темною мечтою въ ней
Она уже проговорила.
Странна ей суетность была;
Она плѣниться не могла
Ея несвязною судьбиной;
Хотѣло бъ сердце у нее
Себѣ избрать кумиръ единой,
И тѣмъ осмыслить бытіе.
Тутъ романическія встрѣчи
Съ героемъ повѣсти моей
. . . . . .

Но судьба обманула сердце бѣдной Вѣры: женихъ ея погибъ, всѣ мечты счастья разрушены навсегда,—и весь ужасный переворотъ въ душѣ ея поэтъ рисуетъ одною картиною, ощутительно ясною, глубоко обдуманною и вмѣстѣ поразительно простою и обыкновенною:

Въ ту жъ зиму съ дядей старикомъ
Покинувъ городъ, возвратилась
Она лишь два года потомъ.
Лицомъ своимъ не измѣнилась;
Блистаетъ тою же красой;
Но строже смотритъ за собой.
Въ знакомство тѣсное не входитъ
Она ни съ кѣмъ. Всегда отводитъ
Чуть-чуть короткій разговоръ.
Подчинены ея движенья
Холодной мѣрѣ. Вѣринъ взоръ,
Не измѣняя выраженья,
Не выражаетъ ничего.
Блестящій юноша его
Не оживитъ, и нетерпѣнья
Въ немъ не замѣтитъ старый шутъ.
Ее смѣшливыя подруги
Въ нескромный смѣхъ не вовлекутъ;
Раздѣлены ея досуги
Между роялемъ и канвой;
Въ раздумьи праздномъ не видали,
И никогда не заставали
Съ романомъ Вѣры Волховской;
Дѣвицей самой совершенной
Въ устахъ у всѣхъ она слыветъ.
Чтожъ эту скромность ей даетъ?
Увы! тоскою потаенной

Еще-ль душа ея полна?
Еще ли носитъ въ ней она
О прошломъ вѣрное мечтанье,
И равнодушна ко всему,
Что не относится къ нему,—
Что не его воспоминанье?
Или, созрѣвъ умомъ своимъ,
Уже теперь постигла имъ
Она безумство увлеченья?
Уразумѣла, какъ смѣшно
И легкомысленно оно,
Какъ правы принятыя мнѣнья
О романическихъ мечтахъ?
Или теперь въ ея глазахъ,
За общій очеркъ, въ мигъ забвенья
Полусвершенный ею шагъ,
Сталъ дѣтской шалостью одною,
И съ утонченностью такою,
Осмотру свѣтскому вѣрна,
Его сама передъ собою
Желаетъ искупить она?
Одно-ль, другое-ль въ ней виною
Страстей безвременной тиши:
Утраченъ Вѣрой молодою
Иль жизни цвѣтъ, иль цвѣтъ души.

Это описаніе Вѣры служитъ однимъ изъ лучшихъ примѣровъ того, какъ самыя обыкновенныя явленія въ жизни дѣйствительной получаютъ характеръ глубоко поэтическій подъ перомъ Баратынскаго. Я не говорю уже объ изображеніи Сары, лучшаго, можетъ быть, созданія въ цѣлой поэмѣ.

Однако, не смотря на всѣ достоинства Наложницы, нельзя не признаться, что въ этомъ родѣ поэмъ, какъ въ картинахъ Міериса, есть что-то безполезно стѣсняющее, что-то условно ненужное, что-то мелкое, не позволяющее художнику развить вполнѣ поэтическую мысль свою. Уже самый объемъ поэмы противорѣчитъ возможности свободнаго изліянія души; и для наружной стройности, для гармоніи переходовъ, для соразмѣрности частей, поэтъ часто долженъ жертвовать другими, болѣе существенными качествами. Такъ, самая любовь къ прекрасной стройности и соразмѣрности вредитъ поэзіи, когда поэтъ дѣйствуетъ въ кругу, слишкомъ ограниченномъ. Паганини, играя концерты на одной струнѣ, имѣетъ по крайней мѣрѣ то самолюбивое утѣшеніе, что публика удивляется искусству, съ которымъ онъ побѣждаетъ заданныя себѣ трудности. Но многіе ли способны оцѣнить тѣ трудности, съ которыми долженъ бороться Баратынскій?—

Можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что публика наша до тѣхъ поръ не пойметъ всей глубокости и всей поэзіи

оригинальнаго взгляда на жизнь, которымъ отличается Муза Баратынскаго, покуда онъ не представитъ его въ произведеніи, болѣе соотвѣтственномъ господствующему направленію его воображенія. Баратынскій, больше чѣмъ кто либо изъ нашихъ поэтовъ, могъ бы создать намъ поэтическую комедію, состоящую не изъ холодныхъ каррикатуръ, не изъ печальныхъ остротъ и каламбуровъ, но изъ вѣрнаго и вмѣстѣ поэтическаго представленія жизни дѣйствительной, какъ она отражается въ ясномъ зеркалѣ поэтической души, какъ она представляется наблюдательности тонкой и проницательной, передъ судомъ вкуса разборчиваго, нѣжнаго и счастливо образованнаго.

Русскіе альманахи

на 1832 годъ.

(*1832*).

До сихъ поръ вышло болѣе десяти альманаховъ на 1832 годъ. Между ними *Альціона*, изданная Барономъ Розеномъ, замѣчательна превосходными стихами Жуковскаго, стихами Пушкина, Кн. Вяземскаго и прозою Марлинскаго и Сомова. Но безъ сравненія отличаются отъ всѣхъ другихъ альманаховъ *Сѣверные Цвѣты*, блестящіе именами Дмитріева (И. И.), Жуковскаго, Пушкина, Кн. Вяземскаго, Баратынскаго, Языкова, и даже Батюшкова и покойнаго Дельвига. Вотъ уже годъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ Дельвига не стало, съ тѣхъ поръ, какъ преждевременная смерть ненавистною рукою вырвала его изъ круга друзей и тихой, поэтической дѣятельности.

Онъ былъ Поэтъ: безпечными глазами (*)
Смотрѣлъ на міръ,—и міру былъ чужой;
Онъ сладостно бесѣдовалъ съ друзьми;
Онъ красоту боготворилъ душой;
Онъ воспѣвалъ счастливыми стихами
Харитъ, вино, и дружбу, и покой.
. . . . . .
Любовь онъ пѣлъ, его напѣвы (**)
Блистали стройностью живой,
Какъ рѣзвый станъ и перси дѣвы,
Олимпа чашницы младой.
Онъ пѣлъ вино: простой и ясной
Стихи восторгъ одушевлялъ;
Они звенѣли сладкогласно,
Какъ въ шумѣ вольницы прекрасной
Фіялъ, цѣлующій фіялъ.
И дѣвы Русскія пристрастно
Ихъ повторяютъ. . . . . .
. . . . . .

---

*) Стихи сіи взяты изъ пѣсни Н. М. Языкова, напечатанной въ Сѣв. Цвѣтахъ 1832.

**) Изъ Посланья Языкова къ Дельвигу, напечатаннаго тамъ же.

Таковъ онъ былъ, хранимый Фебомъ,
Душой и лирой древній Грекъ.
. . . . . .
Его ужъ нѣтъ. Главой безпечной
Отъ шума жизни скоротечной,
Изъ міра, гдѣ все прахъ и дымъ,
Въ міръ лучшій, въ лоно жизни вѣчной
Онъ перелетъ. Но лиры звонъ
Намъ навсегда оставилъ онъ.

Дельвигъ писалъ немного и печаталъ еще менѣе; но каждое произведеніе его дышетъ зрѣлостью поэтической мечты и докончанностью классической отдѣлки. Его подражанія древнимъ, болѣе чѣмъ всѣ Русскіе переводы и подражанія, проникнуты духомъ древней простоты, Греческою чувствительностью къ пластической красотѣ, и древнею, дѣтскою любовью къ чистымъ идеаламъ чувственнаго совершенства. Но та поэзія, которою исполнены Русскія пѣсни Дельвига, ближе къ Русскому сердцу; въ этихъ пѣсняхъ отзывается гармоническимъ отголоскомъ задумчивая грусть и поэтическая простота нашихъ Русскихъ мелодій. Выписываемъ, въ доказательство, одну изъ пѣсенъ Дельвига, напечатанныхъ въ послѣднихъ Сѣверныхъ Цвѣтахъ, которая принадлежитъ къ числу лучшихъ его пѣсенъ:

Какъ за рѣченькой слободушка стоитъ;
По слободкѣ той дороженька бѣжитъ;
Путь-дорожка широка, да не длинна;
Разбѣгается въ двѣ стороны она:
Какъ на лѣво—на кладбище къ мертвецамъ;
А на право—къ Закавказскимъ молодцамъ.
Грустно было провожать мнѣ, молодой,
Двухъ родимыхъ и по той и по другой!
Обручальника по лѣвой проводя,
Съ плачемъ матерью-землей покрыла я;
А налетный другъ уѣхалъ по другой,
На прощанье мнѣ кивнувши головой.

Оцѣнить безпристрастно и подробно стихотворенія Дельвига, — была бы не маловажная услуга Русской литературѣ, и это одна изъ лучшихъ задачъ, предстоящихъ нашимъ критикамъ.

Повѣсть Батюшкова, напечатанная въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ, отличается его обыкновенною звучностью и чистотою языка. Стихи Дмитріева также напомнили намъ живо его прежнюю поэзію; прочтя ихъ, кто не повторитъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ:

Нѣтъ, не прошла, пѣвецъ нашъ вѣчно юный,
Твоя пора: твой геній бодръ и свѣжъ;
Ты пробудилъ давно молчавши струны,—
И звуки насъ плѣнили тѣ-жъ.

Этотъ *Отвѣтъ* Жуковскаго исполненъ самыхъ свѣжихъ красотъ, самаго поэтическаго чувства и самаго трогательнаго воспоминанія.

Къ названному нами присовокупимъ еще: *Сраженіе съ Змѣемъ*, переводъ Жуковскаго изъ Шиллера; *А. А. Дельвигу*, Языкова; *Моцартъ* и *Сальери*, Пушкина; *До свиданія*, Кн. Вяземскаго;—и вотъ лучшія украшенія Сѣверныхъ Цвѣтовъ нынѣшняго года, богатыхъ еще многими прекрасными стихами и прозою. Вообще, появленіе ихъ можно поставить въ число самыхъ замѣчательныхъ событій текущей литературы.

Горе отъ ума—на Московскомъ театрѣ.

(1832).

Въ концѣ прошедшаго года поставлена на Московскій театръ извѣстная комедія покойнаго А. С. Грибоѣдова: Горе отъ ума, и не смотря на то, что актеры играли дурно и ни одинъ изъ нихъ, не исключая даже г. Щепкина, не понялъ своей роли; не смотря на то, что комедія была уже давно знакома большей части зрителей, ибо нѣтъ уѣзда въ Европейской Россіи, нѣтъ армейскаго полка, гдѣ бы ее не знали наизусть; не смотря на то, что она не имѣетъ собственно драматическихъ и театральныхъ достоинствъ, и лучше въ простомъ чтеніи, чѣмъ на сценѣ; не смотря на то, наконецъ, что Московская публика видѣла въ ней собственную свою каррикатуру, — театръ былъ почти полонъ въ продолженіе трехъ или четырехъ разъ ея представленія. Доказываетъ ли это безпристрастіе Московской публики? Или наша насмѣшливость сильнѣе нашего самолюбія? Или, можетъ быть, мы смотрѣли на сцену съ такимъ же добрымъ простодушіемъ, съ какимъ извѣстная обезьяна, глядясь въ зеркало, говорила медвѣдю:

Смотри-ка, Мишенька: что это тамъ за рожа?

Правда, оригиналы тѣхъ портретовъ, которые начерталъ Грибоѣдовъ, уже давно не составляютъ большинства Московскаго общества, и хотя они созданы и воспитаны Москвою, но уже сама Москва смотритъ на нихъ, какъ на рѣдкость, какъ на любопытныя развалины другаго міра. Но главный характеръ Московскаго общества вообще — не перемѣнился. Философія Фамусова и теперь еще кружитъ намъ головы (*); мы и теперь, также какъ въ его время, хлопочемъ и суетимся изъ ничего; кланяемся и унижаемся безкорыстно и только изъ удовольствія кланяться; ведемъ жизнь безъ цѣли, безъ смысла; сходимся съ людьми безъ участія, расходимся безъ сожалѣнія; ищемъ наслажденій минутныхъ, и не умѣемъ наслаждаться.

---

*) Пофилософствуй, умъ вскружится:
Ѣшь три часа, а въ три дни не сварится!

И теперь, также какъ при Фамусовѣ, домы наши равно открыты для всѣхъ: для званыхъ и незваныхъ, для честныхъ и для подлецовъ. Связи наши составляются не сходствомъ мнѣній, не сообразностью характеровъ, не одинакою цѣлью въ жизни, и даже не сходствомъ нравственныхъ правилъ; ко всему этому мы совершенно равнодушны. Случай насъ сводитъ, случай разводитъ, и снова сближаетъ, безъ всякихъ послѣдствій, безъ всякаго значенія.

Эта пустота жизни, это равнодушіе ко всему нравственному, это отсутствіе всякаго мнѣнія и вмѣстѣ боязнь пересудовъ, эти ничтожныя отношенія, которыя истощаютъ человѣка по мелочамъ и дѣлаютъ его неспособнымъ ко всему стройно дѣльному, ко всему возвышенному и достойному труда: *жить*,— все это даетъ Московскому обществу совершенно особенный характеръ, составляющій середину между уѣзднымъ кумовствомъ и безвкусіемъ, и столичною искательностью и роскошью. Конечно, есть исключенія, и, можетъ быть, ихъ больше, чѣмъ сколько могутъ замѣтить проходящіе: есть общества счастливо отборныя, заботливо охраняющія себя отъ ихъ окружающей смѣшенности и душнаго ничтожества; есть люди, которые въ кругу тихихъ семейныхъ отношеній, посреди безкорыстныхъ гражданскихъ обязанностей, развиваютъ чувства возвышенныя вмѣстѣ съ правилами твердыми и благородными; есть люди, постигшіе возможность цѣли высокой посреди всеобщей пустоты и плоскости; люди, умѣющіе создавать себѣ наслажденія просвѣщенныя и роскошествовать съ утонченностью и вкусомъ; но эти люди, эти общества далеко не составляютъ большинства; и если бы они захотѣли принять на себя безполезную и молодо - странную откровенность *Чацкаго*, то, также какъ онъ, явились бы пугалищемъ собраній, существомъ несноснымъ, неприличнымъ и сумасшедшимъ.

Однако и самыя исключенія, находящіяся въ безпрестанной борьбѣ съ большинствомъ, не могутъ совершенно охраниться отъ его заразительности, и невольно, болѣе или менѣе, раздѣляютъ его недостатки. Такъ почти нѣтъ дома въ Москвѣ, который бы чѣмъ нибудь не обнаружилъ просвѣщенному иностранцу нашей недообразованности, и если не въ гостиной, не въ кабинетѣ, то хотя въ прихожей найдетъ онъ какое нибудь разногласіе съ Европейскимъ бытомъ и согласіе съ бытомъ Московскимъ.

Естественно, что это имѣетъ вліяніе и на самого хозяина; и потому совершенно справедливо, что

На всѣхъ Московскихъ есть особый отпечатокъ.

Вотъ въ чемъ состоитъ главная мысль комедіи Грибоѣдова, мысль, выраженная сильно, живо и съ прелестью поразительной истины. Каждое слово остается въ памяти неизгладимо; каждый портретъ приростаетъ къ лицу оригинала неотъемлемо; каждый стихъ носитъ клеймо правды и кипитъ огнемъ негодованія, знакомаго одному таланту.

Но есть въ той же комедіи другая мысль, которая, по моему мнѣнію, если не противорѣчитъ господствующей, то по крайней мѣрѣ доказываетъ, что авторъ судилъ о Москвѣ болѣе какъ *свидѣтель*, страстно взволнованный, нежели какъ *судья*, равнодушно мыслящій, и умѣющій, даже осуждая, отличать хорошее отъ дурнаго. Можетъ быть, это не вредитъ произведенію искусства, не вредитъ истинѣ художественной; но вредитъ истинѣ практической и нравственной. Мысль, о которой я говорю, заключается въ негодованіи автора на нашу любовь къ иностранному. Правда, эта любовь часто доходитъ до смѣшнаго и безсмысленнаго; дурно направленная, она часто мѣшаетъ нашему собственному развитію; но злоупотребленія вещи не уничтожаютъ ея достоинства. Правда, мы смѣшны, подражая иностранцамъ,—но только потому, что подражаемъ неловко и невполнѣ; что изъ-подъ Европейскаго фрака выглядываетъ остатокъ Русскаго кафтана, и что, обривши бороду, мы еще не умыли лица. Но странность нашей подражательности пройдетъ при большемъ распространеніи просвѣщенія; а просвѣщеніе у насъ распространиться не можетъ иначе, какъ вмѣстѣ съ распространеніемъ иностраннаго образа жизни, иностраннаго платья, иностранныхъ обычаевъ, которые сближаютъ насъ съ Европою *физически*, и, слѣдовательно, способствуютъ и къ нашему нравственному и просвѣщенному сближенію. Ибо, кто не знаетъ, какое вліяніе имѣетъ наружное устройство жизни на характеръ образованности вообще? Намъ нечего бояться утратить своей національности: наша религія, наши историческія воспоминанія, наше географическое положеніе, вся совокупность нашего быта столь отличны отъ остальной Европы, что намъ физически невозможно сдѣлаться ни Французами, ни Англичанами, ни Нѣмцами. Но до сихъ поръ національность наша была

національность необразованная, грубая, Китайски-неподвижная. Просвѣтить ее, возвысить, дать ей жизнь и силу развитія,— можетъ только вліяніе чужеземное; и какъ до сихъ поръ все просвѣщеніе наше заимствовано извнѣ, такъ только извнѣ можемъ мы заимствовать его и теперь, и до тѣхъ поръ, покуда поравняемся съ остальною Европою. Тамъ, гдѣ *обще-Европейское* совпадется съ нашею *особенностью*, тамъ родится просвѣщеніе истинно-Русское, образованно-національное, твердое, живое, глубокое и богатое благодѣтельными послѣдствіями. Вотъ отъ чего наша любовь къ иностранному можетъ иногда казаться смѣшною, но никогда не должна возбуждать негодованія: ибо, болѣе или менѣе, посредственно или непосредственно, она всегда ведетъ за собой просвѣщеніе и успѣхъ, и въ самыхъ заблужденіяхъ своихъ не столько вредна, сколько полезна.

Но любовь къ иностранному не должно смѣшивать съ пристрастіемъ къ иностранцамъ; если первая полезна, какъ дорога къ просвѣщенію, то послѣднее, безъ всякаго сомнѣнія, и вредно и смѣшно, и достойно нещуточнаго противодѣйствія. Ибо,—не говоря уже объ томъ, что изъ десяти иноземцевъ, промѣнявшихъ свое отечество на Россію, рѣдко найдется одинъ просвѣщенный,—большая часть такъ называемыхъ иностранцевъ не рознится съ нами даже и мѣстомъ своего рожденія; они родились въ Россіи, воспитаны въ полурусскихъ обычаяхъ, образованы также поверхностно, и отличаются отъ коренныхъ жителей только своимъ *незнаньемъ Русскаго языка* и иностраннымъ окончаніемъ фамилій. Это незнанье языка естественно дѣлаетъ ихъ чужими посреди Русскихъ, и образуетъ между ними и коренными жителями совершенно особенныя отношенія. Отношенія сіи, всѣмъ имъ болѣе или менѣе общія, созидаютъ между ними общіе интересы, и потому заставляютъ ихъ сходиться между собою, помогать другъ другу и, не условливаясь, дѣйствовать заодно. Такъ самое *незнанье языка* служитъ для нихъ *паролемъ*, по которому они узнаютъ другъ друга; а недостатокъ просвѣщенія нашего заставляетъ насъ смѣшивать иностранное съ иностранцами, какъ робенокъ смѣшиваетъ учителя съ наукою, и въ умѣ своемъ не умѣетъ отдѣлить понятія объ учености отъ круглыхъ очковъ и неловкихъ движеній.

Нѣсколько словъ о слогѣ Вильменя.

(1832).

Предыдущая статья объ Императорѣ Іуліанѣ *) принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ произведеніямъ Вильменя, гдѣ благородная простота слога не изукрашена кудреватою изысканностью выраженій и оборотовъ. Ибо, говоря вообще, языкъ Вильменя не столько отличается красотою правильною, строгою и классически спокойною, сколько живою, прихотливою граціозностью, щеголеватою своеобразностью и часто изученною небрежностью. Это особенно замѣтно въ его импровизированныхъ лекціяхъ, гдѣ литераторъ не имѣетъ времени быть сочинителемъ и переработывать свои невольныя внушенія по законамъ отчетливаго вкуса, и гдѣ, слѣдовательно, природный талантъ является со всѣми особенностями своихъ красотъ и недостатковъ, какъ разбуженная красавица въ утреннемъ неприборѣ. По той же причинѣ, по которой Гизо на лекціяхъ говоритъ больше дѣла и меньше фразъ, чѣмъ въ сочиненіяхъ обдѣланныхъ на досугѣ, по той же причинѣ въ импровизаціяхъ Вильменя больше фразъ и меньше дѣла, чѣмъ въ его твореніяхъ кабинетныхъ. За то фразы его, какъ удачный стихъ, какъ счастливая тема, остаются въ памяти даже и тогда, когда онѣ не выражаютъ мысли новой или необыкновенной, хотя общая система мыслей Вильменя и нова и необыкновенна для Франціи. Я говорю *система*, ибо не могу согласиться съ тѣми, которые не находятъ

---

*) Тотъ же литераторъ, которому мы обязаны переводомъ этой статьи, столько же правильно, изящно и близко передалъ на Русскій языкъ сочиненіе того же автора о Христіанскомъ Краснорѣчіи IV вѣка. Сочиненіе это будетъ напечатано вмѣсто предисловія къ новому переводу *Избранныхъ мѣстъ изъ Св. Іоанна Златоуста*, издаваемому г. Оболенскимъ (переводчикомъ Платона и Геродіана) въ пользу вдовъ и сиротъ духовнаго званія. См. 13 N. Телескопа.

ее во мнѣніяхъ Вильменя. Да, не смотря на наружный безпорядокъ его мыслей, не смотря на небрежность его изложенія, не смотря на кажущуюся легкость и случайность его положеній, Вильмень имѣетъ свою систему, и систему зрѣло обдуманную, ибо утвержденія его нигдѣ не противорѣчатъ одно другому; систему глубокую, ибо его мысли наравнѣ съ вѣкомъ; систему твердо понятую и строго связанную, именно потому, что онъ можетъ выражать ее такъ легко, такъ удопонятно и, по видимому, такъ поверхностно: ясность есть послѣдняя степень обдуманности.

На слогъ Вильменя болѣе другихъ Французскихъ писателей походитъ слогъ Бальзака, сочинителя Послѣдняго Шуана, Картинъ изъ частной жизни и пр. и пр. Бальзакъ, также какъ Вильмень, любитъ удивлять неожиданностью оборотовъ, необыкновенностью выраженій и небывалымъ сцѣпленіемъ разнозначительныхъ эпитетовъ; онъ, также какъ Вильмень, большую часть сравненій своихъ заимствуетъ изъ жизни дѣйствительной и настоящей; онъ также позволяетъ себѣ иногда неправильность и нововведеніе для того, чтобы нарисовать мысль въ ея живомъ цвѣтѣ, съ ея нѣжнѣйшими оттѣнками; — но не смотря на это сходство *манеры*, слогъ Бальзака, по моему мнѣнію, отличается отъ слога Вильменя тѣмъ, что послѣдній всегда почти вѣренъ чувству изящнаго приличія, между тѣмъ какъ первый, не смотря на весь талантъ свой, часто переступаетъ за предѣлы граціозности въ область неестественности. Вильмень скажетъ иногда фразу мишурную, но кстати; Бальзакъ повторитъ ту же фразу и часто не къ мѣсту. Вильмень иногда неправиленъ какъ литераторъ, но въ самыхъ неправильностяхъ его вы видите человѣка со вкусомъ тонкимъ и воспитаннымъ посреди отборнаго общества; говоря мысль новую, для которой еще нѣтъ выраженія, онъ скорѣе выберетъ оборотъ капризно разговорный, чѣмъ тяжело ученый, по такому же чувству приличія, по какому наши дамы, не находя Русскихъ словъ, скорѣе рѣшаются на галлицизмъ, чѣмъ на выраженіе Славянское. Бальзакъ неправиленъ не меньше Вильменя; но неправильность его часто ни чѣмъ не оправдывается, и его изысканность иногда оскорбляетъ не только вкусъ литератора, но и хорошій вкусъ вообще, какъ слишкомъ высокій прыжокъ танцующаго не на театрѣ.

Особенно примѣчательно въ Вильменѣ то, что, не зная по-Нѣмецки, онъ въ своихъ основныхъ мысляхъ и особенно въ

ихъ литературныхъ примѣненіяхъ, почти всегда сходится съ мыслями господствующими въ Германіи. По моему мнѣнію, это одно могло бы доказать намъ, что познаніе Нѣмецкой литературы значительно распространено между образованными Французами; что результаты Нѣмецкаго мышленія обращаются тамъ какъ монета, болѣе или мѣне знакомая каждому, хотя еще новая и не всѣми принимаемая, подобно нашимъ деньгамъ изъ платины.

О русскихъ писательницахъ.

(Письмо къ Аннѣ Петровнѣ Зонтагъ).

(1833).

На послѣдней почтѣ я не успѣлъ высказать вамъ, милостивая государыня, всѣхъ мыслей и чувствъ, которыя возбудило во мнѣ письмо ваше: позвольте договорить теперь. Для меня это дѣло самолюбія: я боюсь въ глазахъ вашихъ попасть къ числу тѣхъ, которые, видя прекрасное, понимаютъ его въ половину или цѣнятъ на вѣтеръ,—боюсь тѣмъ больше, что для меня, послѣ достоинства *хорошо дѣйствовать*, нѣтъ выше, какъ *умѣть понимать хорошее.*

Въ дѣйствіяхъ Одесскихъ дамъ я вижу не только доброе дѣло, но, — что по моему мнѣнію еще лучше, — дѣло истинно просвѣщенное. Оно замѣчательно не только въ нравственномъ отношеніи, но и въ общественномъ, какъ новое утѣшительное доказательство, что вообще образованность наша подвинулась впередъ. Здѣсь не одно внушеніе сердца, не одинъ случайный поступокъ, но добрая общественная мысль, раздѣленная многими; не просто состраданіе къ несчастію, безпокоющему насъ своимъ присутствіемъ, но просвѣщенно-сердечное участіе въ дѣлѣ общемъ,—не подложный признакъ того святаго просвѣщенія, которое одно истинное, и которое до сихъ поръ было у насъ еще довольно рѣдко.

Что женщины вообще имѣютъ сердце нѣжное, — это вещь давно извѣстная и такъ обыкновенная, что даже рѣдко вмѣняется въ достоинство, какъ все неизбѣжное, за что благодарятъ судьбу, а не человѣка. Что въ Россіи особенно есть женщины, созданныя съ душею возвышенною, способныя къ дѣламъ прекраснымъ, высокимъ, даже героическимъ,—это также вещь доказанная, и мы въ этомъ отношеніи уже имѣемъ право гордиться передъ многими народами, находя у себя при-

мѣры не одного, не двухъ поступковъ такихъ, отъ которыхъ на душѣ становится вмѣстѣ и тепло и свято. Но сочувствіе съ общественною жизнію у насъ еще ново, и отъ того женщины наши, не смотря на всѣ свои частныя добродѣтели, дѣлаютъ вообще меньше добра, чѣмъ въ государствахъ больше просвѣщенныхъ, и только потому, что тамъ общее чувство заставляетъ ихъ дѣйствовать *вмѣстѣ*, между тѣмъ какъ у насъ каждая можетъ дѣйствовать только за себя. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только обратить вниманіе на все добро, произведенное женскими благотворительными обществами въ Пруссіи, въ Баваріи, на Рейнѣ, во Франціи, и особенно въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ.

Не меньше хорошимъ знакомъ кажется мнѣ и то, что Одесскія дамы выбрали, какъ одно изъ средствъ — издать Альманахъ. Тому лѣтъ десять врядъ ли пришло бы кому-нибудь на мысль это средство. Впрочемъ, что я не слишкомъ далеко увлекся движеніемъ первой мысли, что ваши Одесскія дѣйствія въ самомъ дѣлѣ не случайность, не исключеніе, но признакъ большей зрѣлости нашей общественной образованности, — это, въ случаѣ нужды, я могъ бы доказать тысячью различныхъ примѣровъ, которые всѣ подтверждаютъ одно: что просвѣщеніе у насъ подвигается быстро, и что успѣхи его еще замѣтнѣе въ женщинахъ, чѣмъ въ мужчинахъ.

Возмите въ примѣръ наши гостиныя, нашу литературу, наше *первое* воспитаніе, которое всегда и вездѣ есть дѣло женщинъ,—какая разница съ тѣмъ, что̀ было прежде! Далеко ли то время, когда мнѣніе общественное отдѣляло женщинъ образованныхъ въ особый классъ, отличая ихъ названіемъ *ученыхъ?*— Теперь женщина только образованная еще не выходитъ отъ того изъ круга обыкновенныхъ. — Давно ли любезность женщинъ заключалась въ искусствѣ играть словами, вертѣть понятіями, низать узорныя фразы, и тѣ часто заученыя? Давно ли разговоръ ихъ вертѣлся между тѣсными личностями и безконечнымъ калейдоскопомъ общихъ мѣстъ о добродѣтели и порокѣ, о любви и дружбѣ, о чувствительности и холодности, о превосходствѣ мужчинъ или женщинъ, или о томъ, слѣпой ли счастливѣе глухаго, или глухой слѣпаго? Теперь такія любезности уже рѣдки. Вообще репутація любезности теперь уже не основывается на фразахъ; образованныя женщины уже не вертятъ понятіями куда попало; уже подъ маскою словъ не

ищутъ однихъ только личныхъ отношеній;—и на то есть причина: онѣ начали *мыслить*, и большая часть изъ нихъ имѣетъ образъ мыслей уже не гостинный, не накладной, но свой, настоящій. Часто въ головкѣ, еще не получившей права на букли, уже хранятся мысли самобытныя, современныя, не памятью добытыя, но серьёзнымъ размышленіемъ, или чтеніемъ книгъ такихъ, которыя прежде были бы недоступны для самыхъ ученыхъ. Бывало, при звукѣ смычка, дамы наши всею душею уходили въ свои ножки, все въ нихъ оживлялось, все приходило въ движеніе; онѣ дѣйствовали на паркетѣ всѣмъ сердцемъ, всѣми силами, всѣмъ тѣломъ, всею душею, — и все это вертѣлось предъ вами, все это прыгало безъ памяти. А теперь! — въ самыхъ блестящихъ собраніяхъ есть что-то неполное; на лицахъ самыхъ веселыхъ замѣтите вы частыя минуты задумчивости. Откуда такая перемѣна? Многіе видятъ въ этомъ только новую причину скуки; я въ этой скукѣ вижу потребность чего-то лучшаго, — потребность жизни живѣе, умнѣе, дѣльнѣе, теплѣе, однимъ словомъ: *просвѣщеннѣе*.

И то внутреннее, невыразимое страданіе, которое происходитъ отъ этой потребности живо ощущаемой, та болѣзнь души мыслящей, *болѣзнь образованности*, которая родилась въ наше время и до сихъ поръ еще не нашла себѣ имени, которая вмѣстѣ служитъ и причиною и признакомъ просвѣщенія, — какъ часто встрѣчаете вы ее даже въ такихъ женщинахъ, которыхъ, кажется, и природа и судьба нарочно для того только и создали на свѣтъ, чтобы узнать земное счастіе во всемъ его блескѣ. Это тяжело видѣть, но вмѣстѣ и отрадно; это страданіе, болѣзнь,—но болѣзнь къ росту, чистилище ума, переходъ въ міръ, вѣроятно, лучшій.

Впрочемъ не одно безотчетное чувство досталось въ удѣлъ нашимъ дамамъ отъ современнаго просвѣщенія. Часто подъ граціознымъ покрываломъ веселой шутки, подъ легкимъ, блестящимъ словомъ, скрывается не пролётная мысль, не слѣпое чувство, но цѣлое, настоящее *мнѣніе*, — мнѣніе, вещь почти неслыханная въ прежнія времена! Правда, и теперь это вещь довольно рѣдкая; но все она встрѣчается и, можетъ быть, чаще, чѣмъ думаютъ многіе. По крайней мѣрѣ, образованныя женщины *хотятъ* имѣть мнѣніе, чувствуютъ, что неукрашенныя сердечнымъ убѣжденіемъ въ нѣкоторыхъ истинахъ, онѣ теряютъ половину своей прелести. Частный опытъ не дока-

зательство; но, сколько я могъ замѣтить, то въ этомъ отношеніи чуть ли прекрасный полъ не опередилъ другой, который приписываетъ себѣ право на разумъ по преимуществу.

Какая разница тому лѣтъ десять!

То же, что объ обществѣ, можно сказать и объ нашей литературѣ. Распространеніе просвѣщенія замѣтно въ ней вообще; но въ отношеніи къ женщинамъ оно замѣтно несравненно болѣе. Вотъ уже около десяти лѣтъ, какъ литература наша ростетъ только въ ширину, — и то слава Богу! — между тѣмъ писательницы наши становятся выше.

И давно ли, съ этимъ словомъ *писательница*, соединялись самыя непріятныя понятія: пальцы въ чернилахъ, педантство въ умѣ и типографія въ сердцѣ. Но теперь, съ тѣхъ поръ, какъ нѣкоторыя изъ лучшихъ украшеній нашего общества вступили въ ряды литераторовъ; съ тѣхъ поръ, какъ нѣсколько истинно поэтическихъ минутъ изъ жизни нѣкоторыхъ женщинъ съ талантомъ отразились такъ граціозно, такъ плѣнительно въ ихъ зеркальныхъ стихахъ,—съ тѣхъ поръ названіе литератора стало уже не странностью, но украшеніемъ женщины; оно, во мнѣніи общественномъ, подымаетъ ее въ другую сферу, отличную отъ обыкновенной, такъ что воображеніе наше создаетъ вокругъ нея другое небо, другой воздухъ, и ярче и теплѣе, чѣмъ вашъ Одесскій.

Впрочемъ, я говорю здѣсь только о новомъ поколѣніи и частію о среднемъ; въ старомъ поколѣніи, которое привыкло видѣть въ женщинѣ полуигрушку,—предразсудокъ противъ писательницъ еще во всей силѣ. Онъ задавилъ, можетъ быть, не одинъ талантъ, обѣщавшій новую красоту нашей литературѣ и, можетъ быть, новую славу,—кто знаетъ?

Вслѣдствіе этого предразсудка, бо́льшая часть нашихъ дамъ-поэтовъ пишетъ мало, и либо со всѣмъ не печатаетъ, либо печатаетъ безъ имени. Исключеній не много.

Такъ, безъ сомнѣнія, вы слыхали объ одномъ изъ самыхъ блестящихъ украшеній нашего общества, о поэтѣ, которой имя, не смотря на ея рѣшительный талантъ, еще неизвѣстно въ нашей литературѣ. Не многимъ счастливымъ доступны ея *счастливые* стихи; для другихъ они остаются тайною. Талантъ ея скрытъ для свѣта, который осужденъ видѣть въ ней одно вседневное, одно невыходящее изъ круга жизни обыкновенной, и развѣ только по необыкновенному блеску ея глазъ, по

увлекательной поэзіи ея разговора, или по граціи ея движеній, можетъ онъ узнавать въ ней поэта, отгадывать въ ней тотъ талисманъ, который такъ изящно волнуетъ мечты.

Но если предразсудокъ противъ писательницъ еще не совсѣмъ уничтожился, то другой предразсудокъ противъ Русскаго языка, кажется, уже рѣшительно начинаетъ проходить. Не говорить по-Французски еще нельзя: такъ еще образовано наше общество; такъ еще необразованъ нашъ языкъ. Но, по крайней мѣрѣ, кто теперь начинаетъ писать, тотъ, конечно, начинаетъ писать по-Русски, и, вѣроятно, уже невозможенъ болѣе тотъ примѣръ Русскаго таланта, отнятаго у Россіи Французскою литературою, который возбуждаетъ въ насъ тѣмъ больше сожалѣнія, чѣмъ больше мы могли бы ожидать отъ него для нашей словесности. Не нужно договаривать, что я разумѣю здѣсь ту писательницу, которая передастъ Французской литературѣ поэтическую сторону жизни нашихъ древнихъ Славянъ. И въ самомъ дѣлѣ,—скажите: кому дала судьба больше средствъ дѣйствовать на успѣхи изящныхъ искусствъ въ Россіи?—Рожденная съ душею поэтическою, открытою для всего прекраснаго, одаренная талантами самыми рѣдкими, воспитанная посреди роскоши самаго утонченнаго просвѣщенія, съ самаго дѣтства окруженная всѣмъ блескомъ искусствъ, всею славою художественныхъ созданій, — она казалась сама однимъ изъ самыхъ счастливыхъ изящныхъ произведеній судьбы. О чемъ другіе мечтаютъ издали, что̀ другіе разгадываютъ по слуху, то являлось передъ нею живо и близко. Всѣ рѣдкости Европейской образованности, всѣ чудеса просвѣщенныхъ земель, и великія художества, и великіе художники, и знаменитые писатели, и лица, принадлежащія исторіи, и лица, принадлежащія минутѣ, — все это быстро и ярко пронеслось передъ ея глазами, все это должно было оставить слѣды драгоцѣнные на молодомъ ея воображеніи, — всѣмъ этимъ она могла дѣлиться съ своими соотечественниками, ставши прекрасною посредницею между ими и тѣмъ, что просвѣщенный міръ имѣетъ самаго замѣчательнаго.... Но это не сбылось...

Италія, кажется, сдѣлалась ея вторымъ отечествомъ, и, впрочемъ, — кто знаетъ? можетъ быть, *необходимость Италіи* есть общая неизбѣжная судьба всѣхъ, имѣвшихъ участь, ей подобную? Кто изъ первыхъ впечатлѣній узналъ лучшій міръ на землѣ, міръ прекраснаго; чья душа, отъ перваго пробужденія

въ жизнь, была, такъ сказать, взлелѣяна на цвѣтахъ искусствъ и образованности, въ теплой Итальянской атмосферѣ изящнаго; можетъ быть, для того уже нѣтъ жизни безъ Италіи, и синее Итальянское небо, и воздухъ Итальянскій, исполненный солнца и музыки, и Итальянскій языкъ, проникнутый всею прелестью нѣги и граціи, и земля Итальянская, усѣянная великими воспоминаніями, покрытая, зачарованная созданьями геніальнаго творчества, — можетъ быть, все это становится уже не прихотью ума, но сердечною необходимостью, единственнымъ неудушающимъ воздухомъ для души, избалованной роскошью искусствъ и просвѣщенія....

Недавно Россійская Академія,—и это дѣлаетъ честь Россійской Академіи,—издала стихотворенія одной Русской писательницы, которой труды займутъ одно изъ первыхъ мѣстъ между произведеніями нашихъ дамъ-поэтовъ, и которая до сихъ поръ оставалась въ совершенной неизвѣстности. Судьба, кажется, отдѣлила ее отъ людей какою-то страшною бездною, такъ что, живя посреди ихъ, посреди столицы, ни она ихъ не знала, ни они ее. Они оставили ее, не знаю для чего,—она оставила ихъ для своей Греціи,—для Греціи, которая, кажется, одна наполняла всѣ ея мечты и чувства: по крайней мѣрѣ о ней одной говоритъ каждый стихъ изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячь, написанныхъ ею. Странно: семнадцати лѣтъ, въ Россіи, дѣвушка бѣдная, бѣдная со всею своею ученостію!—Знать восемь языковъ; съ талантомъ поэзіи соединять талантъ живописи, музыки, танцованья; учиться самымъ разнороднымъ наукамъ; учиться безпрестанно; работать все дѣтство, работать всю первую молодость, работать начиная день, работать отдыхая; написать три большихъ тома стиховъ по-Русски, можетъ быть, столько же на другихъ языкахъ; въ *свободное время* переводить трагедіи, Русскія трагедіи, — и все для того, чтобы умереть въ семнадцать лѣтъ, въ бѣдности, въ крайности, въ неизвѣстности!

Жалко видѣть, какъ она, бывши еще четырнадцати лѣтъ, перевела лучшія пѣсни Анакреона на *пять языковъ*, приложила къ нимъ подробный грамматическій разборъ Греческаго подлинника и поднесла покойной Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, прося ея вниманія

Къ плодамъ трудовъ упорныхъ,
Въ дни дѣтства предпріятыхъ.

Покойная Императрица прислала ей фермуаръ съ брилліантами. Неизвѣстно, на долго ли стало ей это пособіе: семейство ея осталось въ крайности, она умерла въ чахоткѣ. Черезъ два года уже послѣ ея смерти, Ея Высочество Великая Княгиня Елена Павловна пожаловала одному изъ ея учителей за ея же переводы кольцо съ брилліантами. Публика съ своей стороны, быть можетъ, не прочтетъ ея сочиненій: и въ самомъ дѣлѣ, въ нихъ еще больше труда, чѣмъ таланта, и слишкомъ много учености;—помните Чернаго Доктора въ Стелло?

Въ этомъ же году вышло еще собраніе стихотвореній другой писательницы, также молодой, но уже давно извѣстной по многимъ сочиненіямъ, разбросаннымъ въ журналахъ и альманахахъ. Въ легкихъ, свѣтлыхъ, граціозно волнующихся стихахъ, отразились здѣсь самыя яркія, *звѣздныя* минуты изъ весенней, чистой, сердечно-глубокой жизни поэтической дѣвушки. *Мечта о любви*, — *Сонъ*, — *Стихи къ чародѣю*, — *Разочарованіе*,—*Воспоминанье дѣтства*, — *Деревня*, — *Звѣздочка*, — *Минута безнадежности*, — *Смерть дѣвушки-друга*, — *Стихи къ любимому поэту*, — *Къ ней*, — *Къ нему*, — *Тоска по лучшемъ мірѣ*,—однимъ словомъ: всѣ струны молодаго, поэтическаго сердца отозвались здѣсь въ одной идеальной гармоніи. Кажется, здѣсь все правда, все отъ сердца, ни одно чувство не выдумано, — и въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна эта музыкальная исповѣдь дѣвушки-поэта. Языкъ ея чистый, гармоническій, иногда мужественно силенъ, часто необыкновенно граціозенъ. Не смотря однако на красивость каждой піэсы, въ общемъ ихъ впечатлѣніи есть что-то грустное. Все слишкомъ идеальное, даже при свѣтлой наружности, рождаетъ въ душѣ печаль какимъ-то магнетическимъ сочувствіемъ;—такова одинокая, чистая пѣснь, прослышанная сквозь нестройный, ее заглушающій шумъ; такова жизнь дѣвушки съ душею пламенною, мечтательною, для которой изъ міра событій существуютъ еще одни внутреннія.

Другая писательница, извѣстная въ литературѣ нашей подъ тѣмъ же именемъ, уже нѣсколько лѣтъ, кажется, забыла свою лиру. Это тѣмъ больше жаль, что и ей также природа дала дарованіе неподложное. На минуту только блеснула она на горизонтѣ нашей поэзіи,—и уже одинъ изъ первоклассныхъ поэтовъ нашихъ говорилъ ей:

Вы знаете, какъ въ хоры сладкогласны
Созвучныя сливаются слова,
И чѣмъ они могучи и прекрасны
И чѣмъ поэзія жива;

Умѣете вы мыслію своею
Чужую мысль далеко увлекать,
И, праведно господствуя надъ нею,
Ее смирять и возвышать....

Такъ какъ я уже началъ говорить о нашихъ сочинительницахъ, то мнѣ хотѣлось бы еще поговорить съ вами о той писательницѣ, которая особенно замѣчательна въ литературѣ своею остроумною перепискою съ остроумнѣйшимъ изъ нашихъ поэтовъ, и которая, можетъ быть, не меньше замѣчательна внѣ литературы непринужденною любезностью своего разговора;— о другой писательницѣ, которой таинственное посланье къ Пушкину должно было такъ мучительно и вмѣстѣ такъ пріятно волновать самолюбивое любопытство поэта; о блестящей переводчицѣ одного изъ нашихъ извѣстныхъ, религіозно-печальныхъ поэтовъ, которая знаменита красотою именно того, чего недостаткомъ знаменитъ поэтъ, ею переводимый; — о любопытной, необыкновенной перепискѣ, которая началась было въ одномъ изъ нашихъ литературныхъ листковъ между однимъ литераторомъ и неизвѣстною, безъименною писательницею, обѣщающею талантъ, если можно судить о талантѣ по нѣсколькимъ стихамъ; — о сочинительницѣ *Сновидѣнія*, которой стихи замѣчательны какою-то молодою безъискуственностью, благородствомъ чувствъ, и еще тѣмъ, что внушили другой писательницѣ нѣсколько мило-граціозныхъ стиховъ;—обо всемъ этомъ хотѣлъ бы я поговорить съ вами подробно, если бы не боялся продолжить письма до безконечности.

Талантъ почти красота. Гдѣ бы онъ ни являлся намъ, въ мужчинѣ или въ женщинѣ, въ образованномъ или въ невѣждѣ, и какой бы онъ ни былъ,—даже самый безполезный,—талантъ всегда заключаетъ въ себѣ что-то магнетическое. Мнѣ всегда хочется поклониться вездѣ, гдѣ я встрѣчаю талантъ. Но женщина съ талантомъ имѣетъ въ себѣ что-то особенно привлекательное. Живописецъ ли она, или музыкантъ, или поэтъ, — все равно; если только природа дала ей дарованіе неподложное, если занятіе искусствомъ раскрыло ей душу къ изящному, настроило ея воображеніе поэтически и воспитало въ ея сердцѣ другую, лучшую жизнь, то вокругъ всего существа ея раз-

ливается какая-то невыразимая прелесть. Поэтъ-мужчина принадлежитъ міру изящнаго однимъ воображеніемъ; поэтъ-женщина принадлежитъ ему всѣмъ существомъ своимъ. Отъ того часто, смотря на нее, кажется, будто голова ея окружена чѣмъ-то блестящимъ, похожимъ на сіяніе; посмотришь ближе: это сіяніе—мечта, воздушная діадима изъ словъ и звуковъ, возбужденныхъ ею и на нее же отражающихся.

Вотъ почему я съ такимъ наслажденіемъ говорю о нашихъ писательницахъ, и вотъ почему я не могу объяснить себѣ, отъ чего до сихъ поръ онѣ такъ мало оцѣнены въ нашей литературѣ. Больно видѣть, какъ мудрено обходятся съ ними наши записные критики, которые либо совсѣмъ молчатъ объ нихъ, либо говорятъ такъ, что лучше бы молчали. Какой-то дамѣ удалось однажды написать: *Два червячка*, — и вотъ нашлись люди, которые удивляются: какъ дама, такое нѣжное, слабое созданіе, могла написать *два червячка*! — Другая дама начала переводить какіе-то извѣстные стихи такъ, какъ переводятъ мышей,—и вотъ журналы наши наполнились ей похвалами, восторгами, рукоплесканіями, тогда какъ истинный поэтическій талантъ, какова, напримѣръ, г-жа Лисицына, остается почти неузнаннымъ. Одинъ, кажется, Телеграфъ говорилъ о ней, и то уже давно; между тѣмъ какъ въ стихахъ ея столько души, столько поэзіи, столько драгоцѣнной, сердечной правды, сколько врядъ ли найдется у большей части нашихъ журнальныхъ поэтовъ, вмѣстѣ взятыхъ. Какія высокія минуты восторга должна была испытать она, какія мучительныя, свѣтлыя, невыносимыя минуты вдохновенія она должна была вынести, чтобы вырвать изъ сердца своего такіе глубокіе, такіе пронзительные звуки! Признаюсь вамъ: большая часть столько хваленыхъ Французскихъ дамъ-стихотворцевъ не производитъ на меня и половины того дѣйствія, какое стихи г-жи Лисицыной, которые, конечно, имѣютъ право на почетное мѣсто не въ одной дамской литературѣ. —

На дняхъ пришли сюда, только что отпечатанные въ Германіи, переводы съ Русскаго, подъ названіемъ: *Сѣверное Сіяніе*, das Nordlicht, переводы, сдѣланные одною знакомою вамъ дѣвушкою, одаренною самыми разнообразными и самыми необыкновенными талантами. Сколько я могу судить, то переводы эти превосходятъ всѣ извѣстные до сихъ поръ съ Русскаго

на какіе бы то ни было языки, не исключая ни Боуринга, столько превознесеннаго, ни фонъ-деръ-Борга, оцѣненнаго такъ мало. Впрочемъ я не знаю, что могъ бы я сказать о талантѣ молодой переводчицы лучше и больше того, что сказалъ ей Языковъ, котораго нѣкоторые стихи, переведенные ею, находятся также въ этомъ собраніи:

Вы силою волшебной думъ своихъ
Прекрасную торжественность мнѣ дали,
Вы на златыхъ струнахъ переиграли
Простые звуки струнъ моихъ.

И снова мнѣ, и ярче возсіяла
Минувшихъ дней счастливая звѣзда,
И жаждою священною труда
Живѣе грудь затрепетала.

Я чувствую: завиденъ жребій мой!
Есть и во мнѣ благословенье Бога,
И праведна житейская дорога,
Безпечно выбранная мной.

Не кланяюсь пустому блеску міра,
Не слушаю слѣпой его молвы:
Я выше ихъ.... Да здравствуете-жъ вы
И ваша творческая лира!

Такъ говорилъ Языковъ; а я, признаюсь вамъ, смотрю на эти переводы съ предубѣжденіемъ: мнѣ досадно видѣть, что Русская дѣвушка такъ хорошо владѣетъ стихомъ Нѣмецкимъ; еще досаднѣе знать, что она также хорошо, и можетъ быть еще лучше, владѣетъ стихомъ Французскимъ, и только на своемъ отечественномъ языкѣ не хочетъ испытать своихъ силъ!— Въ концѣ книги приложено нѣсколько оригинальныхъ піэсъ, исполненныхъ поэзіи и замѣчательныхъ особенно тѣмъ, что всего рѣже встрѣчается въ нашихъ дѣвушкахъ: оригинальностью и силою фантазіи. Читая ихъ, понимаешь, почему поэтъ говорилъ сочинительницѣ:

И два вѣнка, одинъ другаго краше,
На головѣ свилися молодой:
Зеленый лавръ поэзіи чужой,
И брилліанты Музы вашей!...

Менцель уже объявилъ въ литературныхъ листахъ о выходѣ *Сѣвернаго Сіянія*, и я жду его разбора съ нетерпѣніемъ: любопытно видѣть, что̀ самый остроумный изъ Нѣмецкихъ критиковъ скажетъ о нашей литературѣ, которая теперь въ первый разъ явилась ему въ настоящемъ видѣ. —

Перечитывая письмо мое, я нахожу, что оно слишкомъ длинно, и не смотря на то, слишкомъ неполно. Но въ этомъ виноватъ не я. Говоря о писательницахъ нашихъ, первая мысль моя была о той, которой труды—добро; которая въ сочиненіяхъ своихъ ищетъ не блеска, но пользы, дѣйствуя для цѣли прекрасной, возвышенной, такъ, какъ другіе не умѣютъ дѣйствовать для корыстныхъ наслажденій самолюбія. Но эта писательница.... говоря съ вами, я не смѣлъ упоминать объ ней.

10 Декабря 1833 г.
Москва.

О стихотвореніяхъ г. Языкова.

(*1834*).

Тому два года, Французскій журналъ Преній торжественно объявилъ Европѣ, что въ Россіи скончался одинъ изъ первоклассныхъ ея поэтовъ, г. Державинъ. Въ концѣ прошедшаго года издано во Франціи Собраніе Русскихъ повѣстей, выбранныхъ изъ Булгарина, Карамзина и другихъ (Le Conteur Russe, par Bulgarine, Karamsin et autres...).

Скажите, что страннѣе: говорить о Русской литературѣ, не зная Державина, или ставить вмѣстѣ имена Булгарина, Карамзина и другихъ? Который изъ двухъ примѣровъ доказываетъ бо̀льшее незнаніе нашей словесности?

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, надобно имѣть особенно тонкую проницательность, которою я не смѣю гордиться, и потому предоставляю это дѣло моимъ читателямъ. Но во всякомъ случаѣ кажется мнѣ несомнѣннымъ одно, что Русская литература извѣстна во Франціи почти столько-жъ, сколько Персидская или Татарская.

И мысль, что ни одна тѣнь нашей мысли, ни одинъ звукъ нашего голоса, не дойдутъ до народовъ образованныхъ, — это тяжелая мысль; и кромѣ грусти, она должна имѣть еще другое вредное вліяніе на нашихъ писателей. Литераторъ нашъ невольно стѣсняетъ кругъ своей умственной дѣятельности, думая о своихъ читателяхъ, между тѣмъ какъ писатель Французскій, при мысли о печатаніи, расширяетъ свои понятія; ибо при каждомъ счастливомъ движеніи ума, при каждомъ чувствѣ поэтически-самобытномъ, при каждомъ словѣ удачно сказанномъ, является ему надежда, вдохновительная надежда на сочувствіе со всѣмъ, что въ мірѣ есть просвѣщеннаго и славнаго.

Вотъ почему каждое покушеніе познакомить образованныхъ иностранцевъ съ нашею словесностью должно встрѣчать въ насъ отзывъ благодарности и возможно вѣрную оцѣнку.

Но между всѣми переводчиками съ Русскаго языка три особенно замѣчательны удачею своихъ переводовъ. Баурингъ, который одинъ изъ трехъ былъ оцѣненъ и, можетъ быть, даже перецѣненъ иностранными и Русскими критиками; Карлъ фонъ-деръ-Боргъ, котораго переводы имѣютъ безъ сравненія большее достоинство, но который не смотря на то извѣстенъ весьма не многимъ и еще ни въ одномъ журналѣ не нашелъ себѣ справедливаго суда; и, наконецъ, Каролина фонъ-Янишъ, которой замѣчательная книга явилась на послѣдней Лейпцигской ярмаркѣ и обнаруживаетъ, кажется, талантъ еще превосходнѣйшій *).

Но, какъ ни утѣшительно это начало дружескаго сближенія нашей словесности съ литературою Нѣмецкою, признаюсь, однако, что мнѣ было больше досадно, чѣмъ пріятно видѣть, какъ одного изъ первоклассныхъ поэтовъ нашихъ лучше всѣхъ Русскихъ понялъ и оцѣнилъ—писатель Нѣмецкій!

Г. ф.-д.-Боргъ, въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ Дерптскихъ лѣтописей **) въ нѣсколькихъ строчкахъ сказалъ больше справедливаго о сочиненіяхъ Языкова, нежели сколько было сказано о нихъ во всѣхъ нашихъ періодическихъ и неперіодическихъ изданіяхъ. Впрочемъ и то правда, что до сихъ поръ у насъ еще не говорили объ Языковѣ, а только вскрикивали. Одинъ Телеграфъ высказалъ свое мнѣніе, и тотъ, судя о Языковѣ, не былъ, кажется, свободенъ отъ такихъ предубѣжденій, съ которыми истина не всегда уживается.

При началѣ статьи своей г. ф.-д.-Боргъ жалуется на тяжелое чувство, которое возбуждаютъ въ немъ новѣйшія поэтическія произведенія Европы, и при этомъ случаѣ говоритъ о томъ утѣшеніи, которое доставляетъ ему созерцаніе литературы свѣжей, юношеской, которая еще не достигла времени своего полнаго процвѣтанія, но уже даетъ его предчувствовать.

Кто не раздѣлитъ съ г. Боргомъ того ощущенія, которое возбуждаетъ въ немъ современная поэзія Европы? Но что̀ касается до особеннаго утѣшенія, которое доставляетъ ему литература Русская, то въ этомъ случаѣ—почему намъ не повѣрить г. Боргу на слово? Можетъ быть, со стороны такъ и должно казаться.

---

*) Das Nordlicht, Proben der neueren russischen Literatur, von Caroline von Jaenisch.

**) Dorpater Jahrbücher für Literatur, Statistik und Kunst, besonders Russland's herausgegeben von Profess. Dr. Blum, Dr. Bunge, Dr. Goedel, Dr. Neue, Dr. Struve, v. d. Borg, Dr. Fridlander, Dr. Kruse, Dr. Rathke, Dr. Walter.

„Это утѣшительное чувство,—продолжаетъ г. Боргъ,—похо-„же на то, которое возбуждаетъ въ насъ весна, когда надежда „еще рисуетъ намъ будущее въ лучшемъ свѣтѣ,—между тѣмъ „какъ самые прекрасные дни осени внушаютъ невольную грусть... „Когда же поэтъ, принадлежащій юношеской литературѣ, самъ „еще находится въ порѣ юности и надежды, тогда изъ созда-„ній его навѣваетъ намъ двойною весною, такъ что ея дѣйствіе „на душу становится уже неотразимымъ.

„Такое дыханіе весны встрѣтилъ я въ сочиненіяхъ Языкова, „которыя для Дерптскихъ Лѣтописей имѣютъ еще тотъ особен-„ный интересъ, что молодой поэтъ нѣсколько лѣтъ принадле-„жалъ Дерптскому университету и ему обязанъ своимъ выс-„шимъ образованіемъ. Къ тому же и стихотворенія его напи-„саны большею частію во время его жизни въ Дерптѣ, или „наполнены воспоминаньями объ этой жизни. Они принадле-„жатъ почти исключительно лирическому роду и большею ча-„стію сложены въ тонѣ элегическомъ... Впрочемъ и застоль-„ныя и эротическія пѣсни не исключены изъ собранія и мно-„гія изъ нихъ особенно счастливы. Отечество, любовь, дружба „и братское житье веселыхъ юношей-товарищей — вотъ люби-„мые предметы поэта. Вообще стихи его плѣняютъ какою-то „свѣжестью и простодушіемъ, и врядъ ли есть одно стихотво-„реніе, которое бы можно было назвать неудавшимся. Но осо-„бенная прелесть заключена въ его языкѣ, отличающемся си-„лою, новостью и часто дерзостью выраженій, между тѣмъ какъ „стихъ его исполненъ самой рѣдкой благозвучности. Если же „мы прибавимъ къ сказанному еще то, что въ этихъ гармони-„ческихъ стихахъ выражается чувство всегда благородное, ду-„ша вся проникнутая любовью къ прекрасному и великому, то „конечно возбудимъ любопытство всѣхъ, принимающихъ участіе „въ успѣхахъ Русской словесности“ *).

Таково мнѣніе г. Борга. Оно показалось намъ особенно замѣчательнымъ въ томъ отношеніи, что изо всѣхъ рецензентовъ

---

*) Въ подтвержденіе своихъ словъ г. ф.-д.-Боргъ приводитъ нѣсколько стихотвореній Языкова вмѣстѣ съ своимъ переводомъ. Переписываемъ одно изъ нихъ, *) чтобы тѣ изъ нашихъ читателей, которые не знаютъ переводовъ г. Борга, могли судить о его талантѣ въ самомъ трудномъ испытаніи, которое когда-либо предстояло переводчику; ибо изо всѣхъ новѣйшихъ поэтовъ Языковъ можетъ быть самый непереводимый.

*) Это стихотвореніе Языкова: *Чужбина*, Die Fremde, которое здѣсь опущено. *Изд.*

Языкова до сихъ поръ, одинъ онъ постигнулъ поэтическую и нравственную сторону тѣхъ изъ стихотвореній поэта, которыя у насъ навлекли ему столько странныхъ упрековъ.

Слыша безпрестанные упреки Языкову, я всегда вспоминаю одного Русскаго барина, который ѣздилъ отдавать своего сына въ какой-то Нѣмецкій университетъ; но встрѣтивъ на улицѣ студента безъ галстука и съ длинными волосами, тотчасъ же понялъ изъ этого всю безнравственность Нѣмецкихъ университетовъ, и возвратился домой воспитывать своего сына въ Саратовѣ.

Вообще многіе изъ насъ еще сохранили несчастную старообрядческую привычку: судить о нравственности болѣе по наружному благочинію, чѣмъ по внутреннему достоинству поступка и мысли. Мы часто считаемъ людьми нравственными тѣхъ, которые не нарушаютъ приличій, хотя бы впрочемъ жизнь ихъ была самая ничтожная, хотя бы душа ихъ была лишена всякаго стремленія къ добру и красотѣ. Если вамъ случалось встрѣчать человѣка, согрѣтаго чувствами возвышенными, но одареннаго при томъ сильными страстями, то вспомните и сочтите: сколько нашлось людей, которые поняли въ немъ красоту души, и сколько такихъ, которые замѣтили одни заблужденія! Странно, но правда, что для хорошей репутаціи у насъ лучше совсѣмъ не дѣйствовать, чѣмъ иногда ошибаться, между тѣмъ какъ, въ самомъ дѣлѣ, скажите: есть ли на свѣтѣ что-нибудь безнравственнѣе равнодушія?

Конечно, я повторяю здѣсь мысли старыя, всѣмъ извѣстныя; но почему не повторять иногда старой истины? Есть мысли, которыя всякій знаетъ, но только въ теоріи; чтобы понимать ихъ въ ежедневномъ примѣненіи, для этого, кромѣ просвѣщенія умственнаго, нужна еще просвѣщенная жизнь, устроенная посреди просвѣщеннаго общества, гдѣ мысли изъ отвлеченнаго умозаключенія обратились въ непримѣтную привычку: до тѣхъ поръ истина еще не пошлость.

Вотъ почему Нѣмецкій ученый, отличающійся самою щекотливою чопорностью, скорѣе пойметъ нравственность стиховъ Языкова, чѣмъ многіе изъ самыхъ снисходительныхъ его Русскихъ читателей.

А между тѣмъ, если мы безпристрастно вникнемъ въ его поэзію, то не только найдемъ ее не безнравственною, но врядъ ли даже насчитаемъ у насъ многихъ поэтовъ, которые могли

бы похвалиться большею чистотою и возвышенностью. Правда, онъ воспѣваетъ вино и безъименныхъ красавицъ; но упрекать ли его за то, что тѣ предметы, которые дѣйствуютъ на другихъ нестройно, внушаютъ ему гимны поэтическіе?—Правда, пьянство есть вещь унизительная и гадкая; но если найдется человѣкъ, на котораго вино дѣйствуетъ иначе, то вмѣсто безнравственности, не будетъ ли это напротивъ доказательствомъ особенной чистоты и гармоніи его души?—Положимъ, что на васъ производятъ дѣйствіе чистое и поэтическое только весна, цвѣты и музыка, а все другое, что возбуждаетъ ваши нервы, внушаетъ вамъ мысли нечистыя,—въ этомъ случаѣ вы хорошо дѣлаете, воздерживаясь отъ всего возбудительнаго. Однако это не должно мѣшать вамъ быть справедливыми къ другимъ. И виноватъ ли Языковъ, что тѣ предметы, которые на душѣ другихъ оставляютъ слѣды грязи, на его душѣ оставляютъ перлы поэзіи, перлы драгоцѣнные, огнистые, круглые?

Изберите самыя предосудительныя, по вашему мнѣнію, изъ напечатанныхъ стихотвореній Языкова (ибо о ненапечатанныхъ, какъ о непризнанныхъ, мы не имѣемъ права судить), и скажите откровенно: производятъ ли они на васъ вліяніе нечистое?

Когда Анакреонъ воспѣваетъ вино и красавицъ, я вижу въ немъ веселаго сластолюбца; когда Державинъ славитъ сладострастіе, я вижу въ немъ минуту нравственной слабости; но, признаюсь, въ Языковѣ я не вижу ни слабости, ни собственно сластолюбія; ибо гдѣ у другихъ минута безсилія, тамъ у него избытокъ силъ; гдѣ у другихъ простое влеченіе, тамъ у Языкова восторгъ, а гдѣ истинный восторгъ, и музыка, и вдохновеніе—тамъ пусть другіе ищутъ низкаго и грязнаго; для меня восторгъ и грязь кажутся такимъ же противорѣчіемъ, какимъ огонь и холодъ, красота и безобразіе, поэзія и вялый эгоизмъ.

Впрочемъ судить такимъ образомъ о сочиненіяхъ Языкова могли бы мы только въ такомъ случаѣ, когда бы изо всѣхъ стихотвореній его мы знали одни застольныя и эротическія. Но если, при всемъ сказанномъ, мы сообразимъ еще то, что, можетъ быть, нѣтъ поэта, глубже и сильнѣе проникнутаго любовью къ отечеству, къ славѣ и поэзіи; что, можетъ быть, нѣтъ художника, который бы ощущалъ болѣе святое благоговѣніе передъ красотою и вдохновеніемъ, то тогда всѣ упреки въ без-

нравственности покажутся намъ странными до комическаго, и намъ даже трудно будетъ отвѣчать на нихъ, ибо мудрено будетъ понять ихъ возможность.

Но довольно. Уже слишкомъ много останавливались мы на предметѣ и безъ того слишкомъ ясномъ. Есть предубѣжденія, которыя не признаютъ и очевидности; есть близорукость, которой не поможетъ никакой телескопъ. Мы пишемъ для людей зрячихъ и безпристрастныхъ.

Стихотворенія Языкова внушаютъ намъ другой вопросъ, болѣе дѣльный и болѣе любопытный, и въ этомъ случаѣ особенно желалъ бы я найти сочувствіе моихъ читателей.

Благословенны тѣ мгновенья,
Когда въ виду грядущихъ лѣтъ,
Предъ ѳиміамомъ вдохновенья
Священнодѣйствуетъ поэтъ.

Дѣло критики, при разборѣ стихотворцевъ, заключается обыкновенно въ томъ, чтобы опредѣлить степень и особенность ихъ таланта, оцѣнить ихъ вкусъ и направленіе, и показать, сколько можно, красоты и недостатки ихъ произведеній.— Дѣло трудное, иногда любопытное, часто безполезное, и почти всегда неудовлетворительное, хотя и основано на законахъ положительныхъ.

Но когда является поэтъ оригинальный, открывающій новую область въ мірѣ прекраснаго и прибавляющій такимъ образомъ новый элементъ къ поэтической жизни своего народа,—тогда обязанность критики измѣняется. Вопросъ о достоинствѣ художественномъ становится уже вопросомъ второстепеннымъ: даже вопросъ о талантѣ является неглавнымъ; но мысль, одушевлявшая поэта, получаетъ интересъ самобытный, философическій: и лицо его становится идеею, и его созданія становятся прозрачными, такъ что мы не столько смотримъ *на нихъ*, сколько *сквозь нихъ*, какъ сквозь открытое окно; стараемся разсмотрѣть самую внутренность новаго храма и въ немъ божество, его освящающее.

Отъ того, входя въ мастерскую живописца обыкновеннаго, мы можемъ удивляться его искусству; но предъ картиною художника творческаго забываемъ искусство, стараясь понять мысль, въ ней выраженную, постигнуть чувство, зародившее эту мысль, и прожить въ воображеніи то состояніе души, при которымъ она исполнена. Впрочемъ и это послѣднее сочув-

ствіе съ художникомъ свойственно однимъ художникамъ же; но вообще люди сочувствуютъ съ нимъ только въ томъ, что въ немъ чисто человѣческаго: съ его любовью, съ его тоской, съ его восторгами, съ его мечтою-утѣшительницею, однимъ словомъ, съ тѣмъ, что̀ происходитъ внутри его сердца, не заботясь о событіяхъ его мастерской.

Такимъ образомъ на нѣкоторой степени совершенства искусство само себя уничтожаетъ, обращаясь въ мысль, превращаясь въ душу.

Но эта душа изящныхъ созданій,—душа нѣжная, музыкальная, которая трепещетъ въ звукахъ и дышетъ въ краскахъ,—неуловима для разума. Понять ее можетъ только другая душа, ею проникнутая. Вотъ почему критика произведеній образцовыхъ должна быть не столько судомъ, сколько простымъ свидѣтельствомъ: ибо зависитъ отъ личности, и потому можетъ быть произвольною, и основана на сочувствіи, и потому должна быть пристрастною.

Что̀ же дѣлать критикамъ систематическимъ, которые хотятъ доказывать красоту и заставляютъ васъ наслаждаться по правиламъ, указывая на то, что̀ хорошо, и на то, что̀ дурно?—Имъ въ утѣшеніе остаются произведенія обыкновенныя, для которыхъ есть законы положительные, ясные, не подлежащіе произвольному толкованію, — и надобно признаться, что это утѣшеніе огромное; ибо въ литературѣ каждаго народа встрѣчаете вы немногихъ поэтовъ - двигателей, тогда какъ всѣ другіе только слѣдуютъ данному ими направленію, подлежа критикѣ однимъ искусствомъ исполненія, но не душею созданія.

Нѣсколько свѣтильниковъ, окруженныхъ тысячью разбитыхъ зеркальныхъ кусковъ, гдѣ тысячу разъ повторяется одно и тоже,—вотъ образъ литературы самыхъ просвѣщенныхъ народовъ. Сколько же пріятныхъ занятій для того, кто захочетъ исчислять всѣ углы отраженій свѣта на этихъ зеркальныхъ обломкахъ.

Но если вообще то, что̀ мы называемъ *душею искусства*, не можетъ быть доказано посредствомъ математическихъ доводовъ, но должно быть прямо понято сердцемъ, либо просто принято на вѣру, — то еще менѣе можно требовать доказательствъ строго-математическихъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о поэтѣ молодомъ, котораго произведенія хотя и носятъ на себѣ признаки

поэзіи оригинальной, но далеко еще не представляютъ ея полнаго развитія.

Вотъ почему, стараясь разрѣшить вопросъ о томъ: что составляетъ характеръ поэзіи Языкова, мнѣ особенно необходимо сочувствіе моихъ читателей: ибо оно одно можетъ служить оправданіемъ для мыслей, основанныхъ единственно на внушеніяхъ сердца, и частію даже на его догадкахъ.

Мнѣ кажется,—и я повторяю, что мое мнѣніе происходитъ изъ одного индивидуальнаго впечатлѣнія,—мнѣ кажется, что средоточіемъ поэзіи Языкова служитъ то чувство, которое я не умѣю опредѣлить иначе, какъ назвавъ его *стремленіемъ къ душевному простору*. Это стремленіе замѣтно почти во всѣхъ мечтахъ поэта, отражается почти на всѣхъ его чувствахъ, и можетъ быть даже, что изъ него могутъ быть выведены всѣ особенности и пристрастія его поэтическихъ вдохновеній.

Если мы вникнемъ въ то впечатлѣніе, которое производитъ на насъ его поэзія, то увидимъ, что она дѣйствуетъ на душу какъ вино, имъ воспѣваемое, какъ какое-то волшебное вино, отъ котораго жизнь двоится въ глазахъ нашихъ: одна жизнь является намъ тѣсною, мелкою, вседневною; другая—праздничною, поэтическою, просторною. Первая угнетаетъ душу; вторая освобождаетъ ее, возвышаетъ и наполняетъ восторгомъ. И между сими двумя существованіями лежитъ явная, бездонная пропасть: но черезъ эту пропасть судьба бросила нѣсколько живыхъ мостовъ, по которымъ душа переходитъ изъ одной жизни въ другую: это любовь, это слава, дружба, вино, мысль объ отечествѣ, мысль о поэзіи и, наконецъ, тѣ минуты безотчетнаго, разгульнаго веселья, когда собственные звуки сердца заглушаютъ ему голосъ окружающаго міра,—звуки, которыми сердце обязано собственной молодости болѣе, чѣмъ случайному предмету, ихъ возбудившему.

Но не одна жизнь, и сама поэзія съ этой точки зрѣнія является намъ вдвойнѣ: сначала какъ пророчество, какъ сердечная догадка, потомъ какъ исторія, какъ сердечное воспоминаніе о лучшихъ минутахъ души. Въ первомъ случаѣ, она увлекаетъ въ міръ неземной; во второмъ,—она изъ дѣйствительной жизни извлекаетъ тѣ мгновенія, когда два міра прикасались другъ друга, и передаетъ сіи мгновенія какъ вѣрное, чистое зеркало. Но и та и другая имѣютъ одно начало, одинъ источникъ,—и вотъ

почему намъ не странно въ сочиненіяхъ Языкова встрѣтить веселую застольную пѣснь подлѣ святой молитвы, и отблескъ разгульной жизни студента подлѣ высокаго псалма. Напротивъ, при самыхъ разнородныхъ предметахъ лира Языкова всегда остается вѣрною своему главному тону, такъ что всѣ стихи его, вмѣстѣ взятые, кажутся искрами одного огня, блестящими отрывками одной поэмы, недосказанной, разорванной, но которой цѣлость и стройность понятны изъ частей. Такъ иногда въ немногихъ поступкахъ человѣка съ характеромъ открывается намъ вся исторія его жизни.

Но именно потому, что господствующій идеалъ Языкова есть праздникъ сердца, просторъ души и жизни, потому господствующее чувство его поэзіи есть какой-то электрическій восторгъ; и господствующій тонъ его стиховъ—какая-то звучная торжественность.

Эта звучная торжественность, соединенная съ мужественною силою, эта роскошь, этотъ блескъ и раздолье, эта кипучесть и звонкость, эта пышность и великолѣпіе языка, украшенныя, проникнутыя изяществомъ вкуса и граціи—вотъ отличительная прелесть и вмѣстѣ особенное клеймо стиха Языкова. Даже тамъ, гдѣ всего менѣе выражается господствующій духъ его поэзіи, нельзя не узнать его стиховъ по особенной гармоніи и яркости звуковъ, принадлежащихъ его лирѣ исключительно.

Но эта особенность, такъ рѣзко отличающая его стихъ отъ другихъ Русскихъ стиховъ, становится еще замѣтнѣе, когда мы сличаемъ его съ поэтами иностранными. И въ этомъ случаѣ особенно счастливъ Языковъ тѣмъ, что главное отличіе его слова есть вмѣстѣ и главное отличіе Русскаго языка. Ибо, если языкъ Итальянскій можетъ спорить съ нашимъ въ гармоніи вообще, то, конечно, уступитъ ему въ мужественной звучности, въ великолѣпіи и торжественности,—и слѣдовательно поэтъ, котораго стихъ превосходитъ всѣ Русскіе стихи, именно тѣмъ, чѣмъ языкъ Русскій превосходитъ другіе языки,—становится въ этомъ отношеніи поэтомъ-образцомъ не для одной Россіи.

Но сія наружная особенность стиховъ Языкова потому только и могла развиться до такой степени совершенства, что она, какъ мы уже замѣтили, служитъ небходимымъ выраженіемъ внутренней особенности его поэзіи. Это не просто тѣло, въ

которое вдохнули душу, но душа, которая приняла очевидность тѣла.

Любопытно наблюдать, читая Языкова, какъ господствующее направленіе его поэзіи оставляетъ слѣды свои на каждомъ чувствѣ поэта, и какъ всѣ предметы, его окружающіе, отзываются ему тѣмъ же отголоскомъ. Я не представляю примѣровъ потому, что для этого надобно бы было переписать все собраніе его стихотвореній: напомню только выраженіе того чувства, которое всего чаще воспѣвается поэтами, и потому всего яснѣе можетъ показать ихъ особенность:

А вы, пѣвца внимательные други,
Товарищи,—какъ думаете вы?
Для васъ я пѣлъ Нѣмецкіе досуги,
Спѣсивый хмѣль ученой головы,
И праздникъ тотъ, шумящій ежегодно,
Тамъ у пруда, на бархатѣ луговъ,
Гдѣ обогнулъ заливъ голубоводный
Зеленый скатъ лѣсистыхъ береговъ?—
Луна взошла, древа благоухали,
Зефиръ весны струилъ ночную тѣнь,
Костеръ пылалъ—мы долго пировали
И, бурные, привѣтствовали день!
Товарищи! не правда ли? на пирѣ
Не рознилъ вамъ лирическій поэтъ?
А этотъ пиръ не на обумъ воспѣтъ,
И вы моей порадовались лирѣ!...
Нѣтъ, не для васъ!—Она меня хвалила,
Ей нравились разгульный мой вѣнокъ,
И младости заносчивая сила,
И пламенныхъ восторговъ кипятокъ.
Когда она игривыми мечтами,
Радушная, преслѣдовала ихъ;
Когда она, веселыми устами,
Мой счастливый произносила стихъ—
Торжественна, полна очарованья,
Свѣжа, и гдѣ была душа моя!
О, прочь мои грядущія созданья,
О, горе мнѣ, когда забуду я
Огонь ея привѣтливаго взора,
И на челѣ избытокъ стройныхъ думъ,
И сладкій звукъ рѣчей, и свѣтлый умъ
Въ ліющемся кристаллѣ разговора.

Ее ужъ нѣтъ! Все было въ ней прекрасно!
И тайна въ ней великая жила,
Что юношу стремило самовластно
На видный путь и чистыя дѣла;
Онъ чувствовалъ: возвышенныя блага
Есть на землѣ!—Есть цѣлый міръ труда
И въ немъ—надеждъ и помысловъ ствага,
И бытіе привольное всегда!
Блаженъ, кого любовь ея ласкала,
Кто пѣлъ ее подъ небомъ лучшихъ лѣтъ....
Она всего поэта понимала—
И гордъ, и тихъ, и трепетенъ поэтъ
Ей приносилъ свое боготворенье;

И радостно, во имя божества,
Сбирались въ хоръ созвучныя слова!
Какъ онміамъ, горѣло вдохновенье!

Не знаю, успѣлъ ли я выразить ясно мои мысли, говоря о господствующемъ направленіи Языкова: но если я былъ столько счастливъ, что читатели мои раздѣлили мое мнѣніе, то мнѣ не нужно продолжать болѣе. Опредѣливъ характеръ поэзіи, мы опредѣлили все; ибо въ немъ заключаются и ея особенныя красоты, и ея особенные недостатки. Но пусть, кто хочетъ, пріискиваетъ для нихъ соотвѣтственные разряды и названія,—я умѣю только наслаждаться и, признаюсь, слишкомъ лѣнивъ для того, чтобы играть словами безъ цѣли, и столько ожидаю отъ Языкова въ будущемъ, что не могу въ настоящихъ недостаткахъ его видѣть что-либо существенное.

Теперь, судя по нѣкоторымъ стихотвореніямъ его собранія, кажется, что для поэзіи его уже занялась заря новой эпохи. Вѣроятно, поэтъ, проникнувъ глубже въ жизнь и дѣйствительность, разовьетъ идеалъ свой до большей существенности. По крайней мѣрѣ, надежда принадлежитъ къ числу тѣхъ чувствъ, которыя всего сильнѣе возбуждаются его стихотвореніями,— и если бы поэзіи его суждено было остаться навсегда въ томъ кругу мечтательности, въ какомъ она заключалась до сихъ поръ, то мы бы упрекнули въ этомъ судьбу, которая, даровавъ намъ поэта, послала его въ міръ слишкомъ рано или слишкомъ поздно для полнаго могучаго дѣйствованія; ибо въ наше время всѣ важнѣйшіе вопросы бытія и успѣха таятся въ опытахъ дѣйствительности и въ сочувствіи съ жизнію обще-человѣческою: а потому поэзія, не проникнутая существенностью, не можетъ имѣть вліянія довольно обширнаго на людей, ни довольно глубокаго на человѣка.

Впрочемъ, если мы желаемъ бо̀льшаго развитія для поэзіи Языкова, то это никакъ не значитъ, чтобы мы желали ей измѣниться; напротивъ, мы повторяемъ за нимъ,—и въ этомъ присоединятся къ намъ всѣ, кто понимаютъ поэта и сочувствуютъ ему,—мы повторяемъ отъ сердца за него его молитву къ Провидѣнію:

Пусть, неизмѣненъ, жизни новой
Придетъ къ таинственнымъ вратамъ,
Какъ Волги валъ бѣлоголовый
Доходитъ цѣлый къ берегамъ!

Е. А. Баратынскій.

(1845).

Баратынскій родился въ 1800 году (*), т. е. въ одинъ годъ съ Пушкинымъ; оба были ровесники вѣку.—Отъ природы получилъ онъ необыкновенныя способности: сердце глубоко-чувствительное, душу, исполненную незасыпающей любви къ прекрасному, умъ свѣтлый, обширный и вмѣстѣ тонкій, такъ сказать, до микроскопической проницательности,—и особенно внимательный къ предметамъ возвышеннымъ и поэтическимъ, къ вопросамъ глубокомысленнымъ, къ движеніямъ внутренней жизни, къ тѣмъ мыслямъ, которыя согрѣваютъ сердце, проясняя разумъ,—къ тѣмъ музыкальнымъ мыслямъ, въ которыхъ голосъ сердца и голосъ разума сливается созвучно въ одно задумчивое размышленіе.—Въ первомъ дѣтствѣ получилъ онъ самое тщательное воспитаніе; оно много помогло впослѣдствіи развитію его необыкновенно-утонченнаго вкуса.—Но молодость его была несчастлива. Въ далекой Финляндіи, посреди дикой и мрачной природы, въ разлукѣ съ родными и близкими ему людьми, съ неодолимою тоскою по родинѣ, вдали отъ тѣхъ, кто могъ бы понять его и утѣшить сочувствіемъ, печально и одиноко провелъ онъ лучшіе годы своей юности. Это обстоятельство вѣроятно содѣйствовало къ тому, что его самыя свѣтлыя мысли, и даже въ самое счастливое время его жизни, остались навсегда проникнуты тихою, но неотразимою грустію. Впрочемъ, можетъ быть, онъ и отъ природы уже былъ склоненъ къ этому направленію мысли, которое очень часто замѣчается въ людяхъ, соединяющихъ глубокій умъ съ глубокою чувствительностію. Оно происходитъ вѣроятно оттого, что такіе люди смотрятъ на жизнь не шутя, разумѣютъ ея высокую тайну, понимаютъ важность своего назначенія, и вмѣстѣ неотступно чувствуютъ бѣдность земнаго бытія. Оттого они даже въ кругу забавъ и шумныхъ удовольствій

(*) Въ селѣ Мара, Тамбовской губерніи, Кирсановскаго уѣзда; 29-го Іюня.

часто кажутся печальными: оттого самое чувство радости для нихъ бываетъ соединено съ непреодолимою задумчивостію и скорѣе похоже на грусть, чѣмъ на веселость обыкновенныхъ людей.

Но между тѣмъ изъ Финляндіи Баратынскій могъ иногда пріѣзжать въ Петербургъ, гдѣ въ то время только явился первый выпускъ учениковъ Царскосельского лицея,—юношей, почти дѣтей, связанныхъ узами благородной дружбы, основанной на одинаковомъ воспитаніи, на общей, имъ внушенной любви къ великому, къ прекрасному, къ просвѣщенію, къ наукамъ, къ искусству,—дружбы, особенно-крѣпкой внутреннимъ согласіемъ ихъ нравственныхъ понятій. Въ числѣ ихъ былъ молодой Пушкинъ, Дельвигъ и весьма многіе юноши, богатые талантами, или замѣчательные умомъ, или сильные характеромъ, различные способностями, но всѣ проникнутые нетерпѣливою жаждою дѣятельности, живымъ стремленіемъ къ значительнымъ цѣлямъ жизни. Впослѣдствіи не всѣ развились одинаково; различныя обстоятельства развели ихъ въ различныя стороны; нѣкоторые могли остановиться въ своемъ развитіи; иные, можетъ быть, могли уклониться отъ перваго направленія, впасть на нѣкоторое время въ крайность или заблужденіе; другіе счастливо совершили поприще свое: но въ то время ихъ общее дружеское сочувствіе пробудило въ каждомъ изъ нихъ всѣ лучшія способности души, такъ что изъ ихъ значительнаго круга, или отъ живаго соприкосновенія съ ними, вышли почти всѣ замѣчательные люди того времени. Съ ними сошелся и Баратынскій, и, въ ихъ живительномъ обществѣ, загорѣлась въ душѣ его первая искра его поэтическаго таланта, уже приготовленнаго его прежнею жизнію. Такъ въ хорошемъ, равно какъ и въ дурномъ, сочувствіе окружающихъ насъ людей вызываетъ изъ сердца тѣ стремленія, которыя безъ того, можетъ быть, никогда не родились бы на свѣтъ. Общее мнѣніе скоро соединило имя Баратынскаго съ именами Пушкина и Дельвига, въ то же время, какъ внутреннее сродство сердечныхъ пристрастій связало ихъ самою искреннею дружбою, цѣло сохранившеюся до конца жизни всѣхъ трехъ.

Баратынскій скончался въ прошедшемъ году, въ Италіи, которую онъ особенно любилъ въ своихъ далекихъ мечтаніяхъ,—въ кругу своего семейства, гдѣ онъ нашелъ то душевное счастіе, которое было главнѣйшею потребностію его любящаго серд-

ца. „Сладко проходитъ здѣсь жизнь наша“—писалъ онъ въ послѣднемъ письмѣ изъ Неаполя къ своему брату.

Стихи Баратынскаго отличаются тѣми же качествами, какія составляли особенность его поэтической личности: утонченность наружной отдѣлки всегда скрываетъ въ нихъ сердечную мысль, глубоко и заботливо обдуманную. Но между тѣмъ сколько ни замѣчательно ихъ поэтическое достоинство, однако они еще не вполнѣ высказываютъ тотъ міръ изящнаго, который онъ носилъ въ глубинѣ души своей. Рожденный для искренняго круга семьи и друзей, необыкновенно-чувствительный къ сочувствію людей ему близкихъ, Баратынскій охотно и глубоко высказывался въ тихихъ дружескихъ бесѣдахъ, и тѣмъ заглушалъ въ себѣ иногда потребность выражаться для публики. Изливъ свою душевную мысль въ дружескомъ разговорѣ, живомъ, разнообразномъ, невыразимо-увлекательномъ, исполненномъ счастливыхъ словъ и многозначительныхъ мыслей, согрѣтомъ теплотою чувства, проникнутомъ изяществомъ вкуса, умною, всегда умѣстною шуткою, дальновидностью тонкихъ замѣчаній, поразительной оригинальностью мыслей и особенно поэзіей внутренней жизни,—Баратынскій часто довольствовался живымъ сочувствіемъ своего близкаго круга, менѣе заботясь о возможныхъ далекихъ читателяхъ. Оттого для тѣхъ, кто имѣлъ счастіе его знать, прекрасные звуки его стиховъ являются еще многозначительнѣе, какъ отголоски его внутренней жизни. Но для другихъ, чтобы понять всю красоту его созданій, надобно прежде вдуматься въ совокупный смыслъ его отдѣльныхъ стихотвореній, вслушаться въ общую гармонію его задумчивой поэзіи.

Жизнь Стефенса.

(1845).

Стефенсъ, одинъ изъ первоклассныхъ двигателей наукъ въ Германіи, особенно знаменитъ какъ литераторъ-философъ. Другъ Шеллинга, сначала его своеобразный послѣдователь, потомъ самобытный создатель собственнаго своего направленія, онъ не образовалъ, однако же, никакой особенной школы, не составилъ никакого систематическаго ученія; но на всѣ школы, на всѣ системы, на всѣ мнѣнія и партіи дѣйствовалъ сильно и возбудительно. Потому, слѣды его вліянія на антропологію, на геологію, ботанику, физику, зоологію и почти всѣ естественныя науки, но особенно на философію, были не столько примѣтные, сколько существенные. Но если воззрѣнія его всегда дѣйствовали живительно на Германское любомудріе, не смотря на разногласіе его стремленія съ господствовавшимъ до сихъ поръ направленіемъ раціонализма, то въ наше время, кажется, предназначено ему получить еще особенный смыслъ и значеніе отъ совпаденія его требованій съ настоящимъ требованіемъ философіи. Характеръ его мышленія заключается въ безпрерывномъ стремленіи отъ понятія отвлеченнаго къ понятію живому, и отъ живаго бытія къ разумному сознанію. Онъ постоянно искалъ той неосязаемой черты, гдѣ наука и вѣра сливаются въ одно живое разумѣніе, гдѣ жизнь и мысль одно, гдѣ самыя высшія, самыя сокровенныя требованія духа находятъ себѣ не отвлеченную формулу, но внятный сердцу отвѣтъ. Онъ былъ рожденъ для этого стремленія: въ немъ всѣ движенія разума, каждое колебаніе ума, каждое трепетаніе мысли, невольно переходили въ музыкальную вибрацію души; цыфры обращались въ звуки, отвлеченныя формулы—въ живыя воззрѣнія. Онъ испыталъ все, для удовлетворенія своей глубокой потребности—сознать живую истину: не только изучилъ,

но пережилъ все системы философскія, испробовалъ на себѣ различныя формы Западнаго вѣрованія, сдѣлавшись изъ Протестанта Католикомъ, и потомъ изъ Католиковъ перейдя опять въ Протестанта. Его жизнь, имъ самимъ написанная, подъ названіемъ: Was ich erlebte, и еще не доведенная до настоящей минуты, есть одна изъ самыхъ замѣчательныхъ книгъ современной литературы. Занимательность психологическаго романа соединяетъ она съ интересомъ дѣйствительности и съ значительностью философскаго воззрѣнія. Она наполнена самыхъ живыхъ разсказовъ вмѣстѣ съ самыми глубокими мыслями, представленными съ увлекательною и поэтическою ясностью. Внѣшнія и внутреннія событія его собственной жизни сливаются въ ней со всею исторіею его времени, разнообразно перемѣшиваясь съ живописными описаніями природы, съ частными анекдотами, съ остроумными характеристиками и глубокими замѣчаніями. Послѣ исповѣди Руссо, записокъ Ласъ-Казаса, мемуаровъ Байрона и Гете, жизнь Стефенса останется какъ необходимое дополненіе характеристики нашего времени: окно на внутреннее развитіе философа.

Объемъ этого сочиненія дѣлаетъ полный переводъ его невозможнымъ для журнала. Мы предлагаемъ здѣсь отрывки, выпуская все, что относится къ наукамъ, къ описанію земель и городовъ, къ ученымъ личностямъ малоизвѣстнымъ, но сохраняя то, что касается до собственнаго развитія автора, вмѣстѣ съ его описаніемъ знаменитѣйшихъ людей и направленій Германіи, и передавая даже анекдоты и мелкія замѣчанія, тамъ, гдѣ намъ казалось, что они не лишены занимательности.

Рѣчь Шеллинга *).

(1845).

Шеллингъ нынѣшнюю зиму не читаетъ лекцій. Но въ Берлинской Академіи Наукъ, по случаю празднества въ день рожденія Фридриха Великаго (30 Генваря), прочелъ онъ рѣчь: о значеніи Римскаго Януса. Сочиненіе это, какъ говорятъ журналы, скоро выйдетъ въ свѣтъ, и если это справедливо, то мы надѣемся, что оно сообщитъ намъ много важнаго и новаго о малоизвѣстной у насъ до сихъ поръ философіи Шеллинга. Въ рѣчи своей о Янусѣ, Шеллингъ, говорятъ, выражаетъ свой взглядъ не только на миѳологію, но и на самыя основныя начала своей философіи вообще; ибо извѣстно, что философія миѳологіи имѣетъ высокое значеніе въ его новой системѣ. Въ миѳологіи видитъ онъ не дѣло выдумки того или другаго изобрѣтателя, не поэтическое выраженіе безсознательнаго инстинкта отдѣльныхъ народовъ; но понимаетъ въ ней великій, всеобщій, въ сознаніи цѣлаго человѣчества совершившійся процессъ внутренней жизни, который, потому именно, не могъ принадлежать одному народу, но распредѣлялся по различнымъ народамъ, въ различныхъ степеняхъ своего развитія, покуда его отдѣльныя отрасли, достигнувъ зрѣлости, въ эпоху перелома, совокупились, наконецъ, въ Римско-Греческомъ мірѣ, въ одну общую систему вѣрованія. Чтобы понять важность подобнаго взгляда на миѳологію относительно цѣлой системы философіи, необходимо знать понятіе Шеллингово о философіи религіи вообще.

Религія, по его мнѣнію, не есть простое *знаніе* о Богѣ, ни отвлеченное, *идеальное* отношеніе человѣка къ Богу, но дѣйствительное *бытіе* въ Богѣ, существенное, *реальное* отношеніе

---

*) Эта статья составлена изъ различныхъ журнальныхъ отрывковъ и записокъ изъ лекцій Шеллинга, читанныхъ въ Мюнхенѣ и въ Берлинѣ.

къ Богу. Отсюда происходитъ совершенно особенный взглядъ на философію религіи, и между прочимъ происходитъ новое раздѣленіе религіи.

Обыкновенно раздѣляютъ религію на откровенную (положительную) и естественную (выведенную разумомъ изъ своихъ понятій); оба взгляда на религію обыкновенно противополагаютъ одинъ другому. Подъ естественною разумѣютъ выходящую изъ чистаго разума, въ отличіе отъ той, которая непосредственно дана человѣку извнѣ, сообщена откровеніемъ. Но если мы удовольствуемся этимъ раздѣленіемъ, говоритъ Шеллингъ, то ни въ томъ, ни въ другомъ членѣ дѣленія не найдемъ особаго религіознаго начала. Ибо знаніе мое о религіи откровенной пріобрѣтается не особеннымъ, ей исключительно свойственнымъ образомъ, но тѣмъ же самымъ способомъ, какимъ я получаю свѣдѣнія мои о другихъ вещахъ, напримѣръ, о событіяхъ историческихъ и т. п., слѣдовательно, здѣсь нѣтъ рѣчи о какомъ либо особомъ, одной религіи принадлежащемъ образѣ познаванія. То же можно сказать и о религіи естественной: ибо и наука религіи, основанная на выводахъ разума, не имѣетъ особаго образа познаванія, одной религіи принадлежащаго; многія другія отрасли вѣдѣнія пріобрѣтаются такимъ же способомъ. Потому, если мы остановимся при такомъ раздѣленіи религіи, то признаемъ, что въ человѣкѣ нѣтъ особаго начала, которому бы исключительно принадлежало порожденіе религіознаго знанія, нѣтъ смысла *специфически*-религіознаго. Съ одной стороны, религія, приписывающая свое происхожденіе откровенію,—въ отношеніи къ разуму то же, что исторія; съ другой религія естественная то же, что философія. Чтобы дѣйствительно вывести начало специфически-религіозное, необходимо отыскать религіозное основаніе, *независимое отъ всякаго знанія*, чрезъ которое человѣкъ является въ живой зависимости отъ Божества,—основаніе, представляющее не одно *идеальное*, но вмѣстѣ и *реальное* отношеніе человѣка къ Богу, начало, не только мысленно, разумно полагающее Бога въ знаніи человѣка, но вмѣстѣ и дѣйствительно, существенно.

Теперь спрашивается: возможно ли отыскать въ человѣкѣ такое существенно Бога полагающее начало? Отвѣтъ заключается въ томъ, что прежнее религіозное бытіе человѣка, его прежнія вѣрованія, то есть миѳологія, не можетъ быть ни понята, ни объяснена иначе, какъ чрезъ такое Бога существенно полагающее начало.

Человѣкъ, выходящій изъ существеннаго, реальнаго отношенія къ Богу, долженъ чрезъ необходимый процессъ быть возвращенъ къ Богу. Миѳологія можетъ произойти единственно изъ этого процесса. Но въ этомъ случаѣ миѳологія будетъ уже не что иное, какъ естественная религія, слѣдовательно, Религіи откровенной противополагается не только религія наукообразно порожденная, но равно и естественная религія, которая есть миѳологія. Чрезъ этотъ третій членъ система выигрываетъ много. Ибо безъ предположенія этого третьяго невозможно понять откровенія. Изъ религіи раціональной рѣшительно нѣтъ перехода къ откровенной; ибо раціональная знаетъ только объ идеальномъ отношеніи человѣка къ Богу, между тѣмъ какъ откровенная предполагаетъ отношеніе реальное. Теорія откровенія не можетъ выходить изъ идеальнаго отношенія къ Богу, но изъ реальнаго. Она должна полагать это реальное отношеніе человѣка къ Богу *предразумно*, фактически, существенно, *бытословно, исторически*. Это единственное основаніе, возможное для теоріи откровенія. Но такое, прежде всякаго знанія положенное, существенное отношеніе человѣка къ Богу, не можетъ быть не что иное, какъ религія, которая бы сама изъ себя порождалась; а эта естественно самопорождающаяся религія есть не что иное, какъ миѳологія, или въ миѳологіи заключающаяся религія. Такимъ образомъ явно, что реальную основу для теоріи откровенія надобно искать въ *философіи миѳологіи*. Потому для собственной цѣли теоріи откровенія противно становиться противъ язычества въ положеніе чисто противоположное, только исключающее. Христіанство освобождаетъ человѣка не изъ-подъ власти этого реальнаго отношенія, но только изъ-подъ власти темнаго язычества. Потому реальность христіанства не можетъ уничтожиться понятіемъ о реальности язычества. Выраженіе: тьма языческая, означаетъ именно *темную, слѣпую*, естественно самопорождающуюся религію. Потому въ понятіи о самопорождающейся религіи противополагается раціонализму не только фактъ откровенія, но вмѣстѣ и фактъ миѳологіи.

Миѳологія и откровеніе, по Шеллингу, относятся взаимно какъ естественное къ сверхъестественному, Но естественное содержится къ сверхъестественному, какъ предыдущее къ послѣдующему. Потому сверхъестественное есть не что иное, какъ побѣжденіе естественнаго. Потому сверхъестественное

можетъ быть познано только въ своемъ отношеніи къ естественному.

Такимъ образомъ, вмѣсто прежняго раздѣленія религіи на откровенную и естественную, Шеллингъ принимаетъ: 1) религію естественную — миѳологію; 2) религію сверхъестественную — откровеніе; 3) порожденіе философіи и умозрѣнія — разумную религію. Но не должно понимать этого раздѣленія такимъ образомъ, какъ будто эти три понятія о религіи должны быть разнородны и разрознены: особенно два первыя находятся въ такой тѣсной связи, то есть, сверхъестественное находится въ такомъ близкомъ отношеніи къ естественному, что не иначе можетъ являться, какъ только въ моментѣ своей побѣды надъ естественными вѣрованіями, надъ религіями древности. Вслѣдствіе этого отношенія, миѳологія и откровеніе отстоятъ не такъ далеко другъ отъ друга, какъ обыкновенно думаютъ; *ложная* религія есть только искаженіе истинной. Откровенію предшествуетъ потемнѣніе; откровенной религіи необходимо предполагается начало болѣе скрывающее, чѣмъ открывающее Бога. Потому именно откровеніе, какъ дѣло побѣды, необходимо должно являться въ границахъ опредѣленнаго времени, ибо заключается единственно въ моментѣ проблеска (между тѣмъ какъ религія естественная постоянно порождается изъ саморазвивающагося начала). Отсюда видно, какая необходимая связь находится между *философіей миѳологіи* и *философіей религіи*.

Философическое вѣроученіе, говоритъ Шеллингъ, можетъ произойти единственно изъ примиренія религіи естественной съ откровенною, и по необходимости предполагаетъ ихъ обѣ. Миѳологія, или естественная религія, какъ естественная, есть вмѣстѣ и *необходимая*, *слѣпая*, *несвободная*, *религія оцѣпенѣнія*, *суевѣріе*. Только отъ того, что откровенною религіей истина освобождается изъ слѣпоты и несвободы, только отсюда возникаетъ собственно возможность свободнаго вѣденія. И такъ, отношеніе слѣдующее: религія оцѣпенѣнія—освобожденіе въ откровеніи,—религія духовная. При такомъ отношеніи свободно духовной религіи къ необходимо предполагаемой естественной и откровенной, философское вѣроученіе было бы лишено всякаго содержанія, если бы эти два момента не служили ему основаніемъ.

Такое же близкое отношеніе имѣетъ философія миѳологіи и

откровенія къ *философіи исторіи*. Не только потому, что предъисторическое время можетъ быть понято единственно чрезъ миѳологію, но также и потому, что отношеніе новаго міра къ старому можетъ быть постигнуто только изъ послѣдняго; ибо чрезъ откровеніе новый міръ находитъ себя освобожденнымъ изъ-подъ той власти, которая необходимо дѣйствовала въ старомъ силою необходимости и которая есть начало, породившее миѳологію.

Не менѣе тѣсно связывается это воззрѣніе и съ *философіей искусства*. Если и безъ того философія искусства не можетъ не касаться миѳологіи, то новое воззрѣніе на отношеніе миѳологіи къ откровенію объясняетъ впервыя истинное содержаніе древняго искусства къ новому, и такимъ образомъ могутъ разрѣшиться многія загадки изъ художественнаго отношенія миѳологіи къ откровенію. Напримѣръ, какимъ образомъ религіозное чувство не мѣшало художникамъ среднихъ вѣковъ сливать въ одну мысль или въ одно изображеніе предметы язычества съ предметами христіанства?

Но и съ философіей вообще находится философія откровенія и миѳологіи въ необходимомъ сопроникновеніи. Конечно, съ перваго взгляда, нѣтъ ничего разнороднѣе какъ философія и миѳологія; миѳологія, по видимому, есть царство необузданнаго неразумія, между тѣмъ какъ въ философіи должно созидаться царство самаго разума. Но самая эта противоположность заставляетъ насъ предпринять наукообразное изслѣдованіе: нѣтъ ли въ видимомъ неразуміи — разума? нельзя ли открыть и представить въ наружномъ безсмысліи — смысла? — Для этого необходимо *объективное представленіе смысла* (смысла, проявляющагося не во внутреннемъ разумѣніи, но во внѣшнемъ бытіи), что естественно не можетъ быть исполнено безъ значительнаго расширенія области философіи вообще. Какъ всякая философія почерпаетъ свое первое содержаніе изъ непосредственныхъ фактовъ, которые въ человѣческомъ сознаніи требуютъ себѣ пониманія и размышленія, такъ никакая положительная, полная и доконченная система философіи не можетъ возникнуть, не сознавъ и не объяснивъ всѣхъ фактовъ, имѣющихъ рѣшительное вліяніе на человѣчество. Слѣдовательно, та система философіи, которая не приняла въ соображеніе такого факта, какъ миѳологія, уже потому не можетъ назваться ни доконченною, ни полною. Слѣдовательно, какъ прежде, около со-

рока лѣтъ тому назадъ, переобразовалась вся философія, и основная точка исхода совершенно измѣнилась, только по той причинѣ, что въ дополненіе къ ея прежнему развитію присоединилась еще *философія натуры*, такъ и теперь розысканіе о чистомъ, неискаженномъ *фактѣ миѳологіи и откровенія* (который остается необъясненнымъ для философіи, какъ она развилась до сихъ поръ),—это розысканіе, говорю я, должно не только расширить предѣлы философіи, но измѣнить ее такимъ образомъ, что она явится совершенно отличною отъ теперешней.

Такое изложеніе улучшенной философской системы можетъ назваться косвеннымъ, непрямымъ, отраженнымъ, потому что оно исходитъ изъ даннаго факта, а не отъ безусловнаго перваго начала. И здѣсь является вопросъ: не лучше ли вообще начинать съ такого рода фактовъ, и только по мѣрѣ возрастающихъ розысканій сооружать систему, чѣмъ, начиная съ высшаго начала, доходить до факта уже по развитіи системы? Не лучше ли прямо къ дѣлу, чѣмъ такъ долго оставаться въ предисловіи? Такимъ практическимъ способомъ нѣкогда Сократъ и Платонъ учили философствовать, не такъ, что предварительно составляли розысканія о самомъ мышленіи; но такъ, что заставляли учениковъ своихъ мыслить, выходя отъ предметовъ случайно встрѣчающихся и восходя до высшихъ вопросовъ, посредствомъ возвышающагося стремленія ума. Потому очень важно спросить: лучшій ли способъ ученія философіи есть теперешній, или не должна ли система сообщаться именно косвеннымъ образомъ? Мы беремъ миѳологію, говоритъ Шеллингъ, гдѣ и какъ ее находимъ, и именно такую, какою она явилась въ мірѣ. *Система, которой косвенное изложеніе должно представиться такимъ образомъ, есть система положительная*, система науки, освобожденной отъ всякой субъективности, система прямо объективнаго бытія и дѣла, которую одну только можно желать, какъ существенную потребность разума, которую одну искали истинные мыслители, и для которой только замѣною, суррогатомъ, служили всѣ тѣ искусственныя системы, которыя строились не вслѣдствіе существенной, внутренней ихъ правды, но потому только, что разумъ не могъ получить, не могъ достигнуть того именно, чего желалъ, какъ недостаточный хозяинъ пьетъ иногда желудковый кофе отъ того, что не въ состояніи имѣть настоящаго. Потому, не нужно и опровергать искусственныя системы; ибо, существуя только за неимѣніемъ системы положительной, онѣ сами собой должны уни-

чтожиться при одномъ возникновеніи положительнаго. Онѣ также мало мѣшаютъ системамъ положительнымъ, какъ мнѣніе слѣпаго видѣнію зрячаго.

Шеллингъ, разбирая теперешнее понятіе о миѳологіи, толкуетъ Геродотово положеніе, что *Гомеръ и Гезіодъ составили трактатъ миѳологіи*, такимъ образомъ, что миѳологія хранилась хаотически въ сознаніи Греческаго народа, и въ Гезіодѣ и Гомерѣ только высказалась опредѣленно и ясно во всѣхъ своихъ моментахъ.

Миѳы не могутъ быть изобрѣтены; ибо тогда является вопросъ: *кто изобрѣлъ ихъ?* Кто нибудь *одинъ* не могъ ихъ выдумать, ибо миѳологія такъ сростается съ народомъ, что почитать ее изобрѣтенною то же, что выводить языкъ народа изъ чьего либо сочиненія. И какъ бы могъ изобрѣтатель передать свои понятія народу и заставить его вѣрить, что его вымыслы суть настоящіе боги? Легче даже предположить, что миѳологія есть изобрѣтеніе цѣлаго народа; но такое поэтическое состояніе трудно объяснить исторически. Впрочемъ это предположеніе было бы еще самое разумное, если бы оно не встрѣчало себѣ противорѣчія въ самомъ понятіи о народѣ. Ибо, что такое народъ, и что дѣлаетъ собраніе людей народомъ? *Не совмѣстное бытіе многихъ отдѣльныхъ людей составляетъ народъ, но общность сознанія, выражающаяся наружно въ языкѣ, а внутренно въ общности одного взгляда на порядокъ вещей и міра, единомысліе, изъ котораго происходятъ нравы и обычаи.* Эта общность взгляда на порядокъ и первоустройство вещей есть не что иное, какъ религія, которая у древнихъ народовъ является въ образѣ миѳологіи. Потому несообразно думать, чтобы миѳологія примкнула послѣ къ народу, уже существующему, когда народъ уже не можетъ возникнуть безъ общаго взгляда на первоустройство міра, безъ миѳологіи. И такъ, если миѳологія не можетъ возникнуть въ народѣ уже существующемъ, то она необходимо должна возникнуть вмѣстѣ съ самимъ народомъ, и слѣдовательно, она есть не что иное, какъ *тотъ участокъ всеобщаго сознанія, съ которымъ народъ вышелъ изъ первобытнаго единства человѣчества, чтобы существовать какъ какой-то опредѣленный и отъ всѣхъ отдѣльный народъ. Миѳологія народа есть то наслѣдство, которое онъ получаетъ изъ прежняго единства, и съ которымъ онъ отдѣляется отъ общности человѣчества.* Судьба каждаго народа заключается въ его миѳологіи;

и она именно есть его судьба. Возникновеніе различныхъ миѳологій, слѣдовательно, современно возникновенію различныхъ народовъ. Это возникновеніе различій само уже предполагаетъ первобытное единство, въ которомъ они заключались. Это единство не можетъ опять быть народомъ, но только самимъ человѣчествомъ въ его первобытной цѣлости и нераздѣльности. Между тѣмъ первобытная нераздѣльность уже не можетъ быть внѣшнею, но возможна только какъ внутреннее единство сознанія.

Отсюда выводитъ Шеллингъ, что первобытное единство человѣчества заключается въ монѳеизмѣ, изъ котораго потомъ, чрезъ отдѣленіе, возникли народы съ многобожными религіями. Очевидно, говоритъ онъ, что какъ первобытное человѣчество могло быть соединено только идеею о Единомъ Богѣ, такъ рѣшительно раздроблено оно не могло быть ничѣмъ инымъ, кромѣ какъ полиѳеизмомъ. Можно приводить физическія причины раздѣленія, какъ-то: землетрясенія, волканы, разрывы земли и т. п. Однако, каждый народъ прямо при своемъ образованіи уже является съ рѣшеннымъ характеромъ. Физическіе перевороты не могли сообщить отдѣльнымъ частямъ рѣшеннаго характера. Физическое опредѣляется внутреннимъ; физическое распаденіе народа уже предполагаетъ распаденіе духовное. И такъ, когда мы доходимъ до послѣдняго начала раздвоенія, то непремѣнно находимъ раздвоеніе внутреннее; ибо переломъ внутренній необходимо предшествуетъ внѣшнему. Понятіе о раздѣленіи народовъ посредствомъ такого перелома сохраняется въ самыхъ древнѣйшихъ преданіяхъ. Библія изображаетъ его какъ смѣшеніе языковъ въ человѣчествѣ, до того времени согласномъ. Языкъ, однако, есть только выраженіе внутренняго сознанія, и слѣдовательно, различіе языковъ объясняется только изъ различія внутренняго сознанія. Но именно въ распаденіи общности языка уничтожается общность сознанія. Распаденіе общности языка есть только внѣшній признакъ распаденія общаго сознанія. И такъ, это смѣшеніе языковъ было переломъ, кризисъ, произведенный возникающимъ многобожіемъ. Но съ той поры, какъ началось это смѣшеніе и какъ возникли многіе боги, *отъ человѣка уже не отходила боязнь, происходящая изъ сознанія, что онъ достался въ удѣлъ особому божеству*, и эта именно боязнь составляла силу ихъ индивидуальнаго сознанія. Она соединяла людей въ народъ, и она же отдѣляла ихъ отъ всѣхъ

тѣхъ, съ кѣмъ они не имѣли ничего общаго. Такимъ образомъ боязнь сдѣлалась основаніемъ какъ внѣшнихъ религіозныхъ, такъ и гражданскихъ учрежденій. Боязнь искала средствъ противъ совершеннаго раздробленія. Такія средства находимъ мы въ раздѣленіи кастъ, въ учрежденіи строгаго священноначалія, въ гигантскомъ зодчествѣ Индіи, Нубіи, Египта, Греціи, Италіи, въ гигантскихъ стѣнахъ и башняхъ, которыя въ древнихъ преданіяхъ приписываются гигантскому роду, уже исчезнувшему съ лица земли. При этихъ колоссальныхъ памятникахъ нельзя удержаться, чтобъ не думать о многозначительности Вавилонскаго столпа, котораго сооруженіе передано намъ какъ стремленіе соединиться, не растеряться, собраться вмѣстѣ.

Какое же значеніе этого, предшествующаго миѳологіи—моноѳеизма? Мнѣніе, что полиѳеизмъ есть искаженіе моноѳеизма, принадлежитъ къ древнѣйшимъ. Теперь спрашивается о свойствѣ и образѣ этого первоединобожія; ибо, что можетъ распадаться на части, то должно содержать въ себѣ разнообразіе, многочастіе, сочлененіе. Мы по необходимости принуждаемся предположить цѣлое единоученіе, и такое, какое мы въ настоящее время называемъ панѳеизмомъ. Отъ того должно бы намъ выразиться такъ, что полиѳеизмъ есть распавшійся моноѳеизмъ. Однако, какую причину можно допустить для такого распаденія? Какъ представить себѣ возможность такого рода сознанію разрѣшиться въ полиѳеизмѣ? Разслабленіе духа не объяснило бы намъ именно той силы, съ которою возникъ полиѳеизмъ; точно такъ же какъ моноѳеизмъ, если бы мы предположили его только какъ ученіе, не объяснилъ бы намъ той силы, съ какою единство стремилось возстановиться въ сознаніи. Потому необходимо предположить: 1-е, причину, дѣйствующую независимо отъ воли и знанія человѣка и стремящуюся къ порожденію полиѳеизма; 2-е, сопротивленіе этому порожденію. Потому, человѣкъ долженствовалъ быть захваченъ движеніемъ непроизвольнаго событія. Нельзя моноѳеизмъ, предшествующій полиѳеизму, понять какъ наукообразную систему, но необходимо въ сознаніи человѣка *предположить бытіе въ Божественномъ единствѣ;* ибо знаніе единства есть идеальное; *бытіе въ единствѣ: реальное отношеніе человѣка къ Богу.* Очевидно, человѣкъ поставленъ въ центрѣ вещей. Разумность его, кажется, основывается только на томъ, что тѣ же силы, которыя въ природѣ являются раздѣльно, въ немъ опять собраны въ единство, изъ коего онѣ выступали только для того, чтобы

породить природу. Потому человѣкъ находится въ центрѣ Божественнаго единства и въ состояніи панѳеистическаго прозрѣнія къ Богу. Покуда онъ остается здѣсь, всѣ вещи видятся ему какъ органы Божества; но какъ скоро онъ изгоняется изъ центра, то и окружность для него смѣшивается. Но онъ не хочетъ оставить прежняго состоянія, ибо оно было *состояніе блаженства.* Изъ этого противорѣчія между желаніемъ видѣть вещи въ Богѣ и положеніемъ внѣ центра вещей,—изъ этой борьбы возникъ смѣшанный панѳеизмъ и полиѳеизмъ, и возникъ *непроизвольнымъ, роковымъ образомъ.* Но какъ чувство бытія внѣ Бога было естественное, такъ возникновеніе полиѳеизма изъ моноѳеизма есть необходимое; и этотъ взглядъ есть единственно возможный, который въ самой миѳологіи показываетъ реальное отношеніе человѣка къ Богу и представляетъ распаденіе первобытнаго единобожія въ многобожіе, какъ необходимое, на всеобщемъ сознаніи человѣческаго рода основанное событіе. Явленіе многобожнаго понятія имѣетъ столько роковаго, слѣпаго, что мы никакъ не можемъ допустить, чтобъ оно образовалось изъ одного мышленія. Этотъ роковой характеръ требуетъ отношенія гораздо болѣе существеннаго; онъ предполагаетъ не простое знаніе о Богѣ, но бытіе въ средоточіи Божественныхъ вещей.

Это бытіе человѣка въ Божественномъ единствѣ можетъ быть, съ одной стороны, понято не иначе, какъ первобытное состояніе людей вообще и, слѣдовательно, какъ прошедшее. Неоспоримо по крайней мѣрѣ, что панѳеистическое прозрѣніе должно было нарушиться вмѣстѣ съ первымъ исходомъ человѣка изъ первобытнаго состоянія. Раемъ Библія называетъ то мѣсто блаженства, откуда человѣкъ былъ изгнанъ. Но какъ скоро нарушено Божественное единство силъ, то онъ становится подчиненнымъ всему тому, чему подчинены другія вещи; между тѣмъ какъ незаглушаемое чувство ему говоритъ, что онъ не то, что другія вещи, что онъ выше ихъ. Уже оттуда начинается это разстройство прозрѣнія. Между тѣмъ *съ другой стороны,* мы сейчасъ предположили, что до самаго непосредственно до-историческаго времени продолжается въ человѣчествѣ едино-сознаніе, которое нарушилось не прежде, какъ съ раздробленіемъ человѣчества на народы.

Въ разсужденіи своемъ о Римскомъ Янусѣ, Шеллингъ весьма легко могъ связать съ фигурою двуличнаго бога начало и конецъ всего миѳологическаго процесса, какъ онъ его понимаетъ.

Ибо, основываясь на философскихъ выводахъ и на свидѣтельствѣ древнихъ, Шеллингъ видитъ въ Янусѣ идею хаоса: подъ этимъ хаосомъ не должно понимать безпорядочнаго смѣшенія разнородныхъ веществъ, какъ разумѣютъ нѣкоторые; хаосъ у Шеллинга есть первоединство вселенной, о которомъ понятіе предшествуетъ въ человѣческомъ сознаніи понятію объ отдѣльныхъ богахъ; первоединство, въ которомъ еще покоятся въ безразличіи ѳеогоническія и космогоническія силы. Въ подтвержденіе этого взгляда, Шеллингъ приводитъ длинный рядъ свидѣтельствъ отъ Геродота до Сенеки. Въ двухъ отвернувшихся головахъ Януса, между которыми стоитъ полумѣсяцъ, видитъ Шеллингъ второй моментъ единства силъ, когда онѣ являются, хотя еще соединенными, но уже обозначившимися въ своемъ различіи. Шеллингъ опровергаетъ и то мнѣніе, которое видитъ въ Янусѣ единственно божество границы, воротъ, или перехода; какъ и то мнѣніе, которое предполагаетъ въ немъ выраженіе идеи о необходимомъ измѣненіи временъ, о противоположности прошедшаго и будущаго. Болѣе правдоподобія, чѣмъ эти безцвѣтныя толкованія, имѣютъ иногда историческія объясненія миѳологіи; но въ этомъ случаѣ и они были неудачны. Шеллингу не трудно было показать неосновательность Овидіева объясненія, что будто врата храма растворялись во время войны, для того, чтобы дать убѣжище войску въ случаѣ бѣгства; это мнѣніе равно противорѣчитъ и добродѣтели и нравамъ Римлянъ.

Мнѣніе Нибура, который въ воротахъ съ Янусовыми головами видитъ символъ вооруженнаго союза между Сабинскимъ и Латинскимъ племенемъ, сохранявшаго гражданскую самостоятельность каждаго племени,—также опровергается Шеллингомъ, который видитъ въ повѣствованіяхъ о первыхъ началахъ Рима не исторію, переобразованную народными пѣснями, но понятія миѳологическія, перенесенныя на историческую почву, перекроенныя по исторической мѣркѣ. Для него ворота съ Янусовыми головами представляютъ не войну Сабинцевъ съ Латинцами, но борьбу первоначальныхъ созидательныхъ силъ: они напоминаютъ ему изъ миѳологическихъ преданій πόλεμος ἁπάντων πατήρ. Но для тѣхъ, которымъ это значеніе Януса кажется преувеличеннымъ, или несогласнымъ съ понятіемъ о немъ древнихъ, Шеллингъ приводитъ мѣста изъ Макровія, Цицерона и другихъ, которые называютъ его deorum deus, и разсказываютъ, что при всѣхъ важнѣйшихъ предпріятіяхъ, прежде дру-

гихъ боговъ, призывали Януса. Шеллингъ приводитъ тѣ слова Овидія, въ которыхъ Янусъ самъ свидѣтельствуетъ о своемъ тождествѣ съ Хаосомъ. Важность этого мѣста замѣчали отчасти и другіе, и потому старались различными средствами разрѣшить затрудненіе, какъ понять Януса вмѣстѣ съ Юпитеромъ, главнымъ богомъ Римскаго народа. Буттманъ при имени Януса думалъ о Ζᾶν (Zeus); но Шеллингъ приводитъ самое сильное этимологическое доказательство изъ одного мѣста Феста, до сихъ поръ всѣми просмотрѣннаго, гдѣ Янусъ производится отъ Hios, hiare (зіять). Такимъ образомъ Янусъ, Hianus и chaos являются и по звуку и по смыслу однозначительными.

Сочиненія Паскаля, изданныя Кузенемъ.

(1845).

Мы уже извѣщали читателей нашихъ, что Кузень недавно возстановилъ текстъ Паскаля, искаженный іезуитами; теперь еще яснѣе и чище обнаруживается направленіе ума этого великаго мыслителя, проникнутаго глубокимъ скептицизмомъ въ отношеніи къ разуму и глубокою увѣренностію въ религіи.

Кузень въ нѣкоторыхъ статьяхъ, писанныхъ о Паскалѣ, старается, какъ философъ, доказать односторонность этого Янсенистскаго направленія Паскаля и всего знаменитаго *Поръ-Рояля*. Въ ихъ безусловномъ отрицаніи всякой безусловной философіи видитъ онъ столько же уклоненія отъ истинъ разума, сколько отъ истинъ католицизма; но, кажется, если бы и справедливо было, что Паскаль въ своемъ мышленіи уклоняется отъ истинныхъ законовъ разума, то, вѣроятно, не Кузеневы истины могли бы приблизить его къ настоящему мышленію. Кузень принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые почитаютъ возможнымъ принять чужую систему отчасти, приложить къ ней другія мнѣнія тоже отчасти, и говоря безпрестанно о безусловной необходимости законовъ разума, подчинять иногда эту необходимость другимъ цѣлямъ, выдавая за выводы разума соображенія своего разсудка. Не такова была строгая, крѣпкая, острая, желѣзная логика Паскаля.

Нѣтъ сомнѣнія, что Поръ-Рояль въ ученіи своемъ о благодати рознится съ ученіемъ Римскаго католицизма. Но мы думаемъ, что эти добросовѣстные мыслители потому только могли уклониться въ одностороннее пониманіе истины, что Западная Церковь, въ ихъ время, уклонялась въ другую сторону; когда мы вспомнимъ тѣ догматы Римской схоластики о благодати и заслугахъ человѣка, на которыхъ опиралось ученіе ихъ о чистилищѣ, о индульгенціяхъ и т. подоб., тогда поймемъ,

что для искренняго Христіанскаго мышленія невозможно было не вырваться изъ этого заблужденія въ другую противоположную крайность; если и эта крайность преувеличенная, то, конечно, она происходитъ изъ источника справедливаго.

Замѣтимъ, при этомъ случаѣ, изъ нашей Церкви никогда не могли произойти ни Янсеній, ни Поръ-Рояль, также какъ не могли произойти изъ нея ни Доминиканцы, Молинисты, ни благопримѣнительные противники обоихъ—Іезуиты.

Кстати къ Поръ-Роялю, приведемъ здѣсь отрывокъ изъ рѣчи Гюго, говоренной имъ въ Академіи, по случаю принятія въ нее Сентъ-Бева, написавшаго, какъ извѣстно, знаменитую книгу о Поръ-Роялѣ, исполненную многихъ любопытныхъ разсказовъ, живыхъ, краснорѣчивыхъ страницъ, но не обнявшую, какъ кажется, всей глубины Поръ-Рояльскаго ученія.

— Естественно было вамъ, м. г., по направленію вашего таланта, обратить вниманіе ваше на два знаменитые круга великихъ умовъ, которые сообщаютъ 17-му вѣку его двѣ характеристическія черты: на гостиную Рамбулье и на Поръ-Рояль. Одна открываетъ 17-й вѣкъ, другой сопровождаетъ и заключаетъ его. Одна вводитъ въ языкъ нашъ краску воображенія, другой—характеръ строгости. Оба, находясь на двухъ концахъ человѣческой мысли, проливаютъ на нее различный свѣтъ. Ихъ вліянія счастливо спорили между собою, и еще счастливѣе совмѣщались: въ нѣкоторыхъ образцахъ нашей словесности, возникшихъ, такъ сказать, въ равномъ отдаленіи отъ обоихъ, въ нѣкоторыхъ безсмертныхъ произведеніяхъ, которыя равно удовлетворяютъ уму въ его потребности воображенія и душѣ въ ея потребности внутренней строгости, сливаются въ одинъ свѣтъ ихъ двойственные лучи.

Изъ этихъ двухъ явленій, обозначающихъ знаменитую эпоху и сильно дѣйствовавшихъ на нравы и литературу Франціи, первому, гостиной Рамбулье, посвятили вы нѣсколько живыхъ и умныхъ очерковъ; но второй, Поръ-Рояль, возбудилъ и привлекъ ваше полное вниманіе. Вы посвятили ему превосходную книгу, которая хотя еще не окончена, но, безъ сомнѣнія, есть самое значительное произведеніе ваше. Вы хорошо сдѣлали, м. г. Достойна вниманія и глубокаго изученія эта строгая семья отшельниковъ, уединенно и значительно прошедшая сквозь 18-й вѣкъ, среди преслѣдованій и почтенія, среди восторговъ и ненависти, уважаемая великими, гонимая сильными, почерпав-

шая изъ самой слабости своей, изъ своего одиночества, какую-то неизъяснимую власть, и употреблявшая величіе ума на возвеличеніе вѣры. Николь, Лансело, Леместръ, Саси, Тилемонъ, Арнольды, Паскаль—имена почтенныя, славы спокойныя, среди которыхъ блестятъ цѣломудренной красотой три женщины, достигшія своею святостію того величества, котораго Римскія женщины достигали героизмомъ. Прекрасная и ученая школа мыслителей, замѣнившая Аристотеля Св. Августиномъ, покорившая своему убѣжденію герцогиню Лонговиль, образовавшая президента Гарлея, обратившая Тюренна, и которая въ то же время украшалась милосердіемъ Франсуа де Саля и крайнею строгостію аббата Сен-Сиранскаго. Впрочемъ, дѣло Поръ-Рояля не было дѣломъ литературнымъ; оно захватывало литературу случайно, такъ сказать, стороною. Настоящая цѣль этихъ печальныхъ и строгихъ мыслителей была чисто религіозная. Скрѣпить узы церкви внутри и во внѣ большею нравственностію священника и большею вѣрою народа; преобразовать Римъ, покоряясь ему; произвести внутри силою любви то, что Лютеръ хотѣлъ произвести во внѣ силою гнѣва; создать во Франціи, между страдающимъ и невѣжественнымъ народомъ съ одной стороны, и между разслабленнымъ и сластолюбивымъ дворянствомъ съ другой, создать классъ средній, здоровый, крѣпкій, стоически твердый, создать высокое мѣщанство, христіанъ образованныхъ, основать церковь образцовую посреди церкви, народъ образцовый посреди народа,—таково было тайное стремленіе, тайное честолюбіе, тайная глубокая мечта этихъ людей, знаменитыхъ тогда своимъ религіознымъ покушеніемъ и знаменитыхъ теперь своимъ литературнымъ слѣдомъ. И чтобъ достигнуть этой цѣли, чтобы основать общество согласно вѣрѣ, они почитали между всѣхъ необходимыхъ истинъ за самую необходимую, за самую свѣтлую, самую дѣйствительную, самую неизбѣжную для разума и самую существенную для вѣры: истину о слабости человѣка, вслѣдствіе первороднаго грѣха, истину о необходимости Бога искупителя,—истину Христа. Сюда обращались всѣ ихъ усилія, какъ будто они предвидѣли, что здѣсь предстоитъ опасность. Они воздвигали громады книгъ, утверждали выводы на выводахъ, доказательства на доказательствахъ, для укрѣпленія одной правды. Удивительный инстинктъ предчувствія, свойственный только однимъ глубокимъ умамъ! Мы должны замѣтить это явленіе.

Они спѣшили строить великую крѣпость, на спѣхъ созидали ее, какъ бы предугадывая великое нападеніе. Смотря на нихъ теперь, подумаешь, что эти люди семнадцатаго вѣка предвидѣли людей осьмнадцатаго. Кажется, что, наклонившись надъ бездною будущаго, безпокойные и внимательные, понимая, по какому-то болѣзненному колебанію воздуха, что неизвѣстный легіонъ движется во мракѣ, они уже слышали вдалекѣ приближеніе темной и нестройной арміи энциклопедистовъ, уже распознавали посреди неяснаго гула ея шаговъ смутный отголосокъ печальнаго и роковаго слова Жанъ-Жака, уже слышали пронзительный хохотъ Вольтера.

Ихъ преслѣдовали;— они едва замѣчали это. Будущая опасность вѣры занимала ихъ мысли болѣе, чѣмъ настоящія страданія ихъ общины. Они не просили ничего, не хотѣли ничего, ничего не добивались; они созерцали и работали, они жили въ тѣни уединенія, во свѣтѣ ума. Зрѣлище удивительное, которое волнуетъ душу, поражаетъ мысль! Между тѣмъ, какъ Людовикъ XIV покорялъ Европу, какъ Версаль удивлялъ Парижъ, какъ дворъ рукоплескалъ Расину, какъ городъ рукоплескалъ Мольеру; между тѣмъ какъ вѣкъ наполнялся блескомъ праздниковъ и громомъ побѣдъ; между тѣмъ, какъ всѣ взоры съ восторгомъ устремлены были на великаго Короля, и всѣ умы на великое царствованіе, они, отшельники, созерцатели, опредѣленные къ ссылкѣ, къ заключенію, къ смерти безславной и незамѣченной, заключенные въ монастырѣ, предназначенномъ къ разрушенію, въ монастырѣ, котораго послѣдніе слѣды должна была запахать враждебная соха,—мыслители, потерянные въ пустынѣ, вблизи этого Версаля, этого Парижа, этого великаго царствованія, Короля, мыслители земледѣльцы, воздѣлывающіе поле свое, изучавшіе тексты, не знавшіе, что дѣлается во Франціи и въ Европѣ, искавшіе въ Священномъ Писаніи непрерывныхъ доказательствъ о божественности Іисуса, искавшіе въ мірозданіи безконечнаго прославленія Создателю,—съ мыслію, направленною къ Богу, съ очами, устремлеными единственно къ Нему, они размышляли о Священныхъ книгахъ и великой природѣ, съ раскрытою Библіею, посреди ихъ церкви, съ лучезарнымъ солнцемъ, посреди ихъ небесъ.

Ихъ явленіе не было безполезно. Вы сказали это, м. г., въ замѣчательной книгѣ, которую они вамъ внушили. Они оставили слѣды свои въ теологіи, философіи, языкѣ, литературѣ, и до

сихъ поръ еще Поръ-Рояль остается внутреннимъ и тайнымъ свѣтильникомъ для нѣкоторыхъ великихъ умовъ. Домъ ихъ былъ разрушенъ, поле ихъ было опустошено, ихъ гробы вырыты и преданы на поруганіе, но ихъ память остается священною, но ихъ мысли еще стоятъ, но изъ дѣлъ, посѣянныхъ ими, многія принесли плодъ свой. Для чего же побѣда ихъ прошла сквозь такія бѣдствія? Отъ чего такое торжество, не смотря на такія преслѣдованія? Это не потому только, что они были мыслители возвышенные; это еще потому, это особенно потому, что они были искренніе; потому что они вѣрили, потому что они были убѣждены, потому что они шли къ своей цѣли съ сердцемъ, исполненнымъ единою волею, нераздѣльною, глубокою вѣрою. Размышляя о ихъ исторіи, невольно восклицаемъ каждому: Кто бы ты ни былъ, хочешь ли имѣть великія мысли, совершить великія дѣла? вѣрь! имѣй убѣжденіе, имѣй вѣру религіозную, вѣру патріотическую, вѣру литературную. Вѣруй въ человѣчество, въ силу генія, въ будущее, въ самого себя. Знай, откуда ты исходишь, чтобы знать, куда стремишься. Вѣра здорова для разума. Не довольно думать, надобно вѣрить. Изъ вѣры и убѣжденія исходятъ святые подвиги въ сферѣ нравственной и великія мысли въ сферѣ поэзіи.—

Публичныя лекціи профессора Шевырева

объ исторіи русской словесности, преимущественно древней.

Письмо въ Бѣлевъ.

(Къ А. П. Зонтагъ.)

(1845).

Въ прошедшую зиму, когда я жилъ въ деревнѣ почти совершенно отдѣленный отъ всего окружающаго міра, я помню, какое впечатлѣніе сдѣлали на меня ваши живые разсказы о блестящихъ лекціяхъ проф. Грановскаго, о томъ сильномъ дѣйствіи, которое производило на отборный кругъ слушателей его краснорѣчіе, исполненное души и вкуса, яркихъ мыслей, живыхъ описаній, говорящихъ картинъ и увлекательныхъ сердечныхъ сочувствій ко всему, что являлось или таилось прекраснаго, благороднаго и великодушнаго въ прошедшей жизни Западной многострадальной Европы. Общее участіе, возбужденное его чтеніями, казалось мнѣ утѣшительнымъ признакомъ, что у насъ въ Москвѣ живы еще интересы литературные, и что они не выражались до сихъ поръ единственно потому, что не представлялось достойнаго случая.

Теперь я спѣшу подѣлиться съ вами тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производятъ на насъ лекціи профессора Шевырева. Не слыхавъ Грановскаго, я не могу сравнивать двухъ преподавателей. Скажу только, что прежде, чѣмъ начались чтенія Шевырева, многіе изъ его слушателей не вѣрили ихъ возможности, хотя и не сомнѣвались въ дарованіи профессора. Предметъ лекціи — *исторія Русской словесности, преимущественно древней*, казался имъ неблагодарнымъ, сухимъ, частію уже общеизвѣстнымъ, частію слишкомъ ученымъ и не для всѣхъ любопытнымъ. Покорясь общему, еще существующему у насъ предубѣжденію, они думали, что чтенія о древней сло-

весности могутъ имѣть только одинъ интересъ--филологическій, важный почти исключительно для людей, посвятившихъ себя особенно изученію Русскаго языка, или изслѣдованіямъ Русской старины. Нѣсколько памятниковъ, говорили они, еще не составляютъ словесности; литература наша началась съ Ломоносова; что́ сказать обще-любопытнаго о словесности прежнихъ временъ? розысканія или разсужденія—еще не исторія; для исторіи нужно содержаніе,—а гдѣ найдетъ его профессоръ, говоря о временахъ до-Петровскихъ?

Основываясь на такомъ понятіи о ничтожности нашей древней словесности, многіе ѣхали на лекціи Шевырева почти только для того, чтобы слушать даръ преподаванія, отъ искренняго сердца жалѣя о незначительности предмета. Представьте же себѣ ихъ удивленіе, когда послѣ самыхъ первыхъ чтеній, они должны были убѣдиться, что лекціи о древней Русской словесности имѣютъ интересъ живой и всеобщій, который заключается не въ новыхъ фразахъ, но въ новыхъ вещахъ, въ богатомъ, малоизвѣстномъ и многозначительномъ ихъ содержаніи.

Конечно, нѣтъ сомнѣнія, что это богатство содержанія нашей древней словесности могло возникнуть изъ малоизвѣстныхъ памятниковъ въ одну живую картину только отъ искусства преподавателя. Только при его воззрѣніи могли собраться вмѣстѣ и сростись въ одно стройное зданіе различные обломки нашей полузабытой старины, разбросанные остатки нашей письменной словесности духовной и свѣтской, литературной и государственной, вмѣстѣ съ уцѣлѣвшими неписанными преданіями народа, сохранившимися въ его сказкахъ, повѣрьяхъ, поговоркахъ и пѣсняхъ. Между тѣмъ несомнѣнно и то, что никакое искусство не могло бы создать содержанія, когда бы оно не существовало въ самомъ дѣлѣ и, хотя разрозненное, не уцѣлѣло въ памятникахъ.

Въ этомъ отношеніи, лекціи Шевырева представляютъ особенную значительность. Эта новость содержанія, это оживленіе забытаго, возсозданіе разрушеннаго, есть, можно сказать, открытіе новаго міра нашей старой словесности *). Здѣсь даже литературное достоинство изложенія, сколько бы ни было

*) До сихъ поръ объ этомъ у насъ почти ничего не было писано замѣчательнаго, выключая книги М. А. Максимовича.

оно впрочемъ замѣчательно, становится уже второстепеннымъ, почти ничтожнымъ, въ сравненіи съ другимъ, важнѣйшимъ отношеніемъ. Ибо изъ-подъ лавы вѣковыхъ предубѣжденій открываетъ онъ новое зданіе, богатое царство нашего древняго слова; въ мнимой-знакомой сферѣ обнаруживаетъ новую сторону жизни, и такимъ образомъ вноситъ новый элементъ въ область человѣческаго вѣденія. Я говорю: новый элементъ, — потому, что дѣйствительно исторія древне-Русской литературы не существовала до сихъ поръ какъ наука; только теперь, послѣ чтеній Шевырева, должна она получить право гражданства въ ряду другихъ исторій всемірно-значительныхъ словесностей. Ибо, если и правда, что при другомъ образѣ мыслей можно не соглашаться съ тѣмъ или другимъ его мнѣніемъ, если при другой системѣ можно спорить даже съ его главнымъ воззрѣніемъ, то, по крайней мѣрѣ, ни при какомъ образѣ мыслей, ни при какой системѣ, нельзя уже, выслушавъ его, отвергать дѣйствительность науки, которая до сихъ поръ не только не существовала въ этомъ видѣ, но самая возможность которой была подвержена сомнѣнію.

Съ этой точки зрѣнія, лекціи Шевырева представляются намъ уже не литературнымъ явленіемъ, болѣе или менѣе заманчивымъ, но новымъ событіемъ нашего историческаго самопознанія. И въ этомъ смыслѣ, создавая новую сторону науки, онѣ принадлежатъ уже не одному кругу его слушателей, но получаютъ значительность общую,—можно сказать безъ преувеличенія,—значительность Европейскую.

Другое качество чтеній Шевырева, которое служитъ основаніемъ и какъ бы необходимымъ условіемъ всего ихъ достоинства, — это достовѣрность его изложенія. Онъ употребилъ на изученіе своего предмета многіе годы постоянной работы,—работы ученой, честной, можно сказать религіозно добросовѣстной. Каждый фактъ, приводимый имъ, изслѣдованъ со всевозможною полнотою; часто одна фраза, едва замѣтная посреди быстраго теченія рѣчи, есть очевидный плодъ долговременныхъ розысканій, многосложныхъ сличеній и неутомимыхъ трудовъ; иногда одно слово, иногда одинъ оттѣнокъ слова, можетъ быть, не всѣми замѣченный, отражаетъ изученіе многотомныхъ фоліантовъ, совершенное съ терпѣливою и добросовѣстною основательностію.

Что же касается до самаго преподаванія Шевырева, то осо-

бенность его заключается столько же въ его глубокомъ знаніи своего предмета, сколько въ томъ глубокомъ понятіи, которое онъ имѣетъ о словесности вообще, какъ о живомъ выраженіи внутренней жизни и образованности народа. Это понятіе, прямо противоположное прежнимъ, такъ называемымъ классическимъ теоріямъ, разрушеннымъ Шлегелями, отличается также и отъ ихъ воззрѣнія тѣмъ, что они хотя и видѣли въ литературѣ выраженіе народной жизни, но жизнь эту, отражающуюся въ письменномъ словѣ, ограничивали почти одною сферою умственной и художественной образованности, между тѣмъ какъ въ понятіяхъ Шевырева словесность отражаетъ всю сознанную и несознанную полноту народнаго быта, какъ онъ раскрывается въ самыхъ разнородныхъ сферахъ—умственной и гражданской, художественной и промышленной, семейной и государственной, въ племенной и случайно-личной, въ своеобразной и заимственной.

Это понятіе Шевырева о словесности можетъ быть выведено изъ его изложенія, но выведено нами, слушателями; а ему самому нѣкогда пускаться въ теоріи и опредѣленія. Въ его живомъ представленіи предмета мысль всегда фактъ, и фактъ всегда *осмысленъ*, какъ онъ самъ выражается, говоря о раскрытіи внутренняго значенія внѣшняго событія.

Вслѣдствіе такого воззрѣнія, изъ оживленныхъ памятниковъ нашей древней словесности воскресаетъ вся древняя исторія нашего отечества,—не та исторія, которая заключается въ сцѣпленіи войнъ и договорахъ, въ случайныхъ событіяхъ и громкихъ личностяхъ, но та внутренняя исторія, изъ которой, какъ изъ невидимаго источника, истекаетъ весь разумъ внѣшнихъ движеній. Впрочемъ, само собою разумѣется, что исторія древней образованности Россіи является не на первомъ планѣ его изложенія: она, по его же выраженію, только необходимый грунтъ его картины.

Между тѣмъ, представляя такимъ образомъ исторію словесности и просвѣщенія древне-Русскаго, профессоръ, чтобы яснѣе обозначить ихъ особенность, постоянно сравниваетъ ихъ значеніе съ соотвѣтствующими имъ явленіями на Западѣ Европы,—не для того, чтобы выхвалять одно на счетъ другаго; но для того, чтобы, сличая, яснѣе опредѣлить ихъ отличія. Въ этой параллельной характеристикѣ особенно ясно выражается тотъ глубоко значительный смыслъ древне-Русскаго просвѣ-

щенія, который оно приняло отъ свободнаго воздѣйствія Христіанской вѣры на нашъ народъ, не закованный въ языческую Греко-Римскую образованность, не завоеванный другимъ племенемъ: но самобытно, мирно, безъ насилія и христіански возраставшій изъ глубины духовныхъ убѣжденій въ благоустройство внѣшней жизни,—покуда Провидѣнію угодно было, нашествіемъ иноплеменныхъ вліяній, остановить это возрастаніе, можетъ быть, преждевременное въ общей экономіи всечеловѣческаго бытія, — преждевременное для внѣшне-образованнаго Запада, еще не созрѣвшаго къ участію въ чисто христіанскомъ развитіи,—можетъ быть, преждевременное и для самой Россіи, еще не принявшей въ себя стихій Западной образованности для подведенія ихъ подъ воздѣйствіе одного высшаго начала.

Редакція Москвитянина надѣялась помѣстить въ 1-мъ № своего журнала первую лекцію Шевырева; но, кажется, по отсутствію у насъ стенографовъ, она не вполнѣ была записана слушателями и потому врядъ ли когда нибудь явится иначе, какъ въ отрывкахъ.

Между тѣмъ, покуда различныя, уже послѣ на память изъ нихъ записанныя мѣста, будутъ сличаться и сводиться вмѣстѣ, я посылаю вамъ одинъ отрывокъ, изъ котораго вы получите понятіе о двухъ мысляхъ курса: о томъ, какъ разумѣетъ профессоръ отношеніе народности къ человѣчеству, и о томъ, какъ онъ смотритъ на словесность вообще.

Дѣйствіе, которое производятъ лекціи Шевырева, очень сильно и разнообразно: нѣкоторые восхищаются ими до восторга, другіе судятъ строго, съ противоположнымъ пристрастіемъ; но почти никто не остается равнодушенъ; иные видятъ въ нихъ борьбу Русскаго просвѣщенія съ Западнымъ, и въ этомъ ошибаются. Цѣль профессора совсѣмъ не та, чтобы унизить одну часть человѣческой образованности передъ другою. Онъ выражаетъ ихъ особенности, сравниваетъ для поясненія, старается опредѣлить съ безпристрастіемъ и видимо ищетъ избѣгнуть всякой исключительности. Его любовь къ Россіи—любовь сознательная, а не слѣпой восторгъ, выражающійся въ безсмысленныхъ восклицаніяхъ. Тѣ, которые хотятъ видѣть противное, вѣроятно, болѣе обращаютъ вниманіе на собственныя свои предубѣжденія, нежели на изложеніе профессора.

Замѣтно, что общее участіе къ лекціямъ безпрестанно возрастаетъ, также какъ и число слушателей. Сначала ихъ было

около полутораста; теперь ихъ уже болѣе трехъ сотъ. Послѣдняя лекція его перерывалась пять разъ рукоплесканіями, которыми его встрѣчаютъ и провожаютъ почти каждый разъ.

Сельское хозяйство.

(*1845*).

Открывая въ журналѣ учено-литературномъ особый отдѣлъ для сельскаго хозяйства, редакція руководствуется тою мыслію, что въ наше время и особенно въ нашемъ отечествѣ наука земледѣлія уже не ограничивается исключительно промышленными цѣлями, но въ болѣе глубокомъ развитіи принадлежитъ уже къ тѣмъ вопросамъ человѣческой образованности, которые соприкасаются съ самыми живыми предметами мышленія и съ самыми отвлеченными предметами жизни. Давно уже прошло то время, когда сельское хозяйство было исключительно дѣломъ заведеннаго обычая и стараго преданія. Но за безотчетною привычкою къ старинѣ послѣдовала безотчетная любовь къ нововведеніямъ. Въ то время еще ничто не измѣнялось въ сельскомъ порядкѣ вещей, потому ничто не требовало перемѣны прежняго хозяйственнаго устройства; измѣнился только образъ мыслей нѣкоторыхъ землевладѣтелей, и вслѣдствіе этой отвлеченной причины, начались заимствованія чужеземныхъ системъ, родившихся тамъ изъ особенныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ и вводившихся у насъ часто вопреки мѣстнымъ требованіямъ. Иногда учреждались плодопеременныя хозяйства, гдѣ избытокъ земли и недостатокъ рукъ указывалъ на устройство прямо противоположное. Сѣяли картофель въ огромныхъ количествахъ тамъ, гдѣ некуда было сбывать даже зерноваго хлѣба. Заводили многосложныя орудія, не соотвѣтствующія мѣстнымъ потребностямъ. Педантическое улучшеніе маленькаго клочка земли, еще не имѣющей большой цѣны въ Россіи, покупали важною потерею времени, особенно цѣннаго въ нашемъ земледѣліи. Ломали прежніе обычаи не для новой выгоды, но для новой системы. Вводили усиленную работу и часто излишнее отягченіе барщины тамъ, гдѣ прежняя была выгоднѣе даже для помѣщика. Прежній

естественный характеръ сельскихъ отношеній замѣнили характеромъ фабричной напряженности. Тратили огромные капиталы, чтобы добыть малоцѣнныя произведенія. Многіе разорили своихъ крестьянъ. Многіе возбудили въ нихъ мысль о разрозненности ихъ выгодъ съ интересами помѣщика - фабриканта. Другіе разорились сами. Весьма немногіе ограничили убытки свои потерею безполезно употребленныхъ трудовъ и стараній,—покуда, наконецъ, общія неудачи модно-раціональныхъ хозяевъ произвели въ общемъ мнѣніи помѣщиковъ направленіе совершенно противоположное. Какъ прежде искали всего новаго, почитая всякое нововведеніе улучшеніемъ, такъ теперь начали бояться всякаго улучшенія потому, что оно нововведеніе. Излишняя довѣрчивость къ системамъ перешла въ излишнюю недовѣрчивость къ мышленію.

Мы не раздѣляемъ ни того, ни другаго направленія. Признаемся однако, что если бы должны были непремѣнно избирать изъ двухъ, то имѣли бы болѣе сочувствія къ послѣднему; ибо думаемъ, что въ улучшеніяхъ не столько нужна быстрота нововведеній, сколько ихъ основательность, и что всякому усовершенствованію не столько вредитъ упорное пребываніе въ недостаточномъ, но уже существующемъ положеніи, — изъ котораго человѣкъ и безъ отвлеченной системы невольно вытѣсняется самымъ порядкомъ движущихся вокругъ него вещей,— сколько вредитъ ему неумѣстность недозрѣлыхъ новоустройствъ, которыхъ неудача усиливаетъ начало сельской неподвижности всею тяжестью обманутаго ожиданія.

Между тѣмъ, въ наше время главные вопросы сельскаго хозяйства находятся уже не въ томъ положеніи, въ какомъ они были при началѣ нашихъ нововводительныхъ опытовъ. Если тогда причина измѣненій хозяйства заключалась въ личныхъ пристрастіяхъ нѣкоторыхъ хозяевъ къ иностраннымъ теоріямъ, то теперь, напротивъ того, самый порядокъ сельскихъ вещей требуетъ нѣкоторыхъ перемѣнъ въ ихъ устройствѣ. Неимовѣрная, неслыханная до сего времени и во всѣхъ случаяхъ разорительная для земледѣльцевъ измѣняемость цѣнности ихъ произведеній; трудность существованія при излишней дороговизнѣ; неменьшая трудность къ добыванію необходимыхъ податей и оброковъ при крайней дешевизнѣ хлѣба; недавнее распространеніе мануфактуръ и фабрикъ, частію естественное, болѣе напряженно-искусственное и въ послѣднемъ случаѣ не

развивающее постепенно, но мгновенно измѣняющее нравы народа; распространеніе новыхъ потребностей роскоши въ самомъ неимущемъ классѣ обѣихъ столицъ и многихъ городовъ, съ коими сельскіе земледѣльцы находятся въ постоянномъ соприкосновеніи; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ усиленное населеніе и происшедшее отъ того иное отношеніе между цѣнностью работы и земли; наконецъ, примѣры и послѣдствія улучшаемаго хозяйства между государственными крестьянами, — всѣ эти и многія другія обстоятельства связываютъ въ наше время вопросы каждаго частнаго хозяйства съ вопросами о движеніи хозяйства въ нашемъ отечествѣ вообще, и дѣлаютъ потребность нѣкоторыхъ улучшеній уже не пристрастіемъ нѣкоторыхъ лицъ, но общею необходимостью всего сельскаго быта.

При такомъ положеніи вещей, наука сельскаго хозяйства связывается уже не только съ химіею, ботаникою, технологіею, механикою и тому подобными вѣденіями, но необходимо включаетъ въ себя и нравственно-статистическія, и частію даже историческія соображенія. Кромѣ того, самая промышленная часть земледѣлія, послѣ предшествовавшихъ односторонних теорій, должна принять новый смыслъ, чтобы пріобрѣсть новое довѣріе.

Изъ двухъ элементовъ, составляющихъ истинную науку хозяйства, опытъ и разумное познаніе чужихъ системъ и открытій, кажется, оба равно необходимы. Но познаніе чужихъ системъ тогда только можетъ принести пользу, когда оно не подчиняется пристрастію къ какой нибудь одной, случайно болѣе извѣстной, но соединяетъ изученіе всѣхъ важнѣйшихъ и самыхъ противоположныхъ, вмѣстѣ съ недовѣрчивостью къ исключительности каждой отдѣльной. Здѣсь полузнаніе вреднѣе незнанія. Безпристрастное соображеніе различныхъ теорій и еще болѣе различныхъ практикъ, въ различныхъ государствахъ и при различныхъ мѣстныхъ обстоятельствахъ, необходимо имѣетъ то дѣйствіе на наблюдающій умъ, что общія истины отрѣшаются отъ случайныхъ обстоятельствъ, дающихъ имъ одностороннее примѣненіе, и являются уже не Германскими, не Англійскими, не Бельгійскими и не Французскими; все ограниченное отпадаетъ отъ нихъ, какъ зависимое отъ мѣстныхъ вліяній, и чистое начало представляется такимъ образомъ въ томъ разумномъ видѣ, въ которомъ оно можетъ уже, какъ собственное соображеніе, подвергнуться сознатель-

ному разсчету всякаго мыслящаго хозяина. Такимъ образомъ, если полузнаніе вреднѣе незнанія, то знаніе спасаетъ отъ вреда полузнанія.

Статьи г-на профессора Липовскаго будутъ имѣть преимущественною цѣлію показаніе современнаго состоянія земледѣлія въ различныхъ Европейскихъ государствахъ, съ постоянною мыслію о возможности безпристрастнаго примѣненія общихъ началъ и открытій по этой части къ усовершенствованію земледѣлія въ нашемъ отечествѣ. Основательное теоретическое знаніе науки сельскаго хозяйства и вмѣстѣ наукъ съ нимъ смежныхъ имѣлъ онъ возможность подкрѣпить и повѣрить продолжительными путешествіями по Россіи, исключительно для этой цѣли предпринятыми. Не прежде, какъ вооруженный такими познаніями и наблюденіями, приступилъ онъ къ изученію на мѣстѣ улучшенныхъ хозяйствъ Германіи, Австріи, Италіи, Бельгіи, Франціи и особенно Англіи, страны, которой усовершенствованія были извѣстны у насъ болѣе по слухамъ, чѣмъ по совѣстливымъ изслѣдованіямъ на самомъ дѣлѣ. Вотъ почему редакція журнала почитаетъ немаловажнымъ пріобрѣтеніемъ постоянное участіе такого сотрудника. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она ожидаетъ содѣйствія нѣкоторыхъ другихъ опытныхъ Русскихъ хозяевъ, дабы совокупностью силъ можно было надѣяться достигнуть общеполезнаго результата.

Библіографическія статьи.

(*1845*).

Новый 1845 годъ будетъ ли новымъ годомъ для нашей словесности? подаритъ ли онъ ее какимъ нибудь великимъ, геніальнымъ созданіемъ, могущимъ поднять ея упавшій духъ, оживить ея застывающія силы, убить, уничтожить ея мелочную дѣятельность и направить къ новой существенной цѣли, къ живой жизни, проникнутой мыслію, согрѣтой сочувствіемъ, вдали отъ журнальныхъ пересудовъ и торговыхъ разсчетовъ? Или суждено литературѣ нашей еще и этотъ годъ томиться въ той же незначительности, въ какой она находится уже нѣсколько лѣтъ? — Мудрено отгадать будущее; еще труднѣе предузнать геніальное. Всѣ разсчеты обыкновенныхъ соображеній приходятся только къ посредственности. Но если бы мы позволили себѣ на минуту предаться тому мечтательному занятію, тому святочному удовольствію, чтобы, глядя на прошедшее и настоящее, разгадывать будущее,—то врядъ ли это удовольствіе гаданья могло бы доставить намъ много утѣшительнаго. Когда бы у насъ не было замѣчательныхъ талантовъ, мы могли бы забавляться ихъ ожиданіемъ. Если бы у насъ не являлось замѣчательныхъ литературныхъ произведеній, мы могли бы надѣяться, что они явятся. Но у насъ есть люди съ высокими дарованіями, отъ которыхъ мы могли бы ожидать великаго; являются иногда и созданія ихъ, исполненныя высшихъ достоинствъ, а между тѣмъ литература наша не живетъ, ея интересы спятъ, и сочувствія съ нею не замѣтно почти нигдѣ.—Отъ того, что слишкомъ рѣдкія высокія явленія нашей словесности исчезаютъ почти безъ слѣдовъ среди громады мелочныхъ ничтожностей; отъ того, что на нашихъ писателяхъ съ высшими и даже съ посредственными дарованіями лежитъ какая-то странная тяжесть бездѣйствія, въ которомъ мы не можемъ даже упрекать ни одного изъ нихъ

потому, что не въ правѣ приписать винѣ одного лица то, что, очевидно, есть общее состояніе. Прошедшій годъ видѣлъ нѣсколько блестящихъ литературныхъ явленій: *Наль и Дамаянти*, созданіе, исполненное самой свѣжей красоты, самыхъ яркихъ красокъ, самыхъ нѣжныхъ благоуханій Востока, проникнутое, одушевленное тихою музыкой сердечной мечты; — *Маттео Фальконе*, произведеніе удивительное по мастерству стиха, по глубокой правдѣ и образцовой простотѣ языка, — и нѣсколько другихъ явленій, которыя, однакоже, не имѣли почти никакого вліянія на текущую словесность; они пронеслись мимо ея, надъ нею, — блестящіе метеоры, — не оставляя видимаго слѣда и сохраняясь только въ воспоминаніи, рѣзко оторванномъ отъ ежедневныхъ впечатлѣній. Болѣе, чѣмъ немногими прекрасными явленіями, прошедшій годъ памятенъ будетъ въ литературѣ нашей своими незамѣняемыми утратами. Баратынскій, пѣвецъ любви, печали, сердечныхъ думъ и сердечныхъ сомнѣній, своеобразный поэтъ, высокій, глубоко чувствующій художникъ, искренній въ каждомъ звукѣ, отчетливо изящный въ каждой мечтѣ, похищенный преждевременною смертію, оставилъ въ словесности нашей нѣсколько прекрасныхъ созданій, неоцѣненныхъ по своему достоинству, но почти ничтожныхъ въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ могъ бы сдѣлать, если бы возможность дѣятельности измѣрялась одною силою дарованій. Въ послѣднее время писалъ онъ особенно мало и еще менѣе былъ понятъ и оцѣненъ монополистами литературныхъ мнѣній, самодовольными журнальными судьями, которые часто полу-Русскимъ языкомъ произносили приговоръ свой надъ его образцовыми, глубоко прочувствованными стихами; часто, по указанію ученическихъ тетрадей, разбирали, щупали, ломали его нѣжныя, художническія созданія и, можетъ быть, изъ добраго намѣренія, давали ему свои назидательные совѣты и наставленія. Не знаемъ, огорчало ли это Баратынскаго; думаемъ, что онъ могъ бы утѣшиться приговоромъ иныхъ, не менѣе извѣстныхъ литераторовъ, какъ напр. Жуковскаго, Пушкина, Вяземскаго, Языкова, Хомякова, Дельвига, Дениса Давыдова, Шевырева и многихъ другихъ. Но кто разочтетъ по законамъ благоразумія мѣру чувствительности избраннаго таланта? По крайней мѣрѣ, кажется въ послѣднее время, обманутый журнальными отзывами, онъ уже мало вѣрилъ сочувствію публики. А можетъ

быть, въ самомъ дѣлѣ, онъ не ошибался. Можетъ быть, большинство публики въ своихъ сочувствіяхъ не шутя руководствуется журнальными рецензіями, — такими, разумѣется, которыя по сердцу и по уму и по вкусамъ этого большинства.

Мѣсто, принадлежавшее Баратынскому въ нашей словесности, навсегда останется незанятымъ и, можетъ быть, еще долго неоцѣненнымъ. Ибо, даже послѣ извѣстія о его кончинѣ, журналы наши произнесли ему такой приговоръ, изъ котораго ясно видно, что еще не пришло время отдать полную справедливость его поэзіи. Одинъ *Современникъ* былъ въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, благороднымъ исключеніемъ изъ общаго настроя умовъ. Прекрасная, умная, исполненная глубокимъ сочувствіемъ и вмѣстѣ справедливая, дружески-теплая и вмѣстѣ просвѣщенно-безпристрастная статья, помѣщенная въ немъ о Баратынскомъ, доказываетъ по крайней мѣрѣ, что тотъ избранный кружокъ, для котораго существуетъ этотъ журналъ, цѣнилъ его и его поэзію.

Мы не распространяемся здѣсь о поэзіи Баратынскаго. Мы надѣемся въ одномъ изъ ближайшихъ *NN* Москвитянина доставить себѣ наслажденіе высказать вполнѣ наше мнѣніе и о его созданіяхъ. Теперь же упомянули мы о немъ только потому, что говорили о нашихъ утратахъ.

Вскорѣ за Баратынскимъ словесность наша лишилась еще другаго поэта. И. А. Крыловъ скончался на 77 году отъ рожденія, и если мы сообразимъ два тома его басенъ съ тѣмъ временемъ, въ которое онъ началъ писать, то, вопреки общему мнѣнію, скажемъ и про него тоже, что про Баратынскаго, что какъ ни много сдѣлалъ онъ для словесности нашей, но сдѣлалъ весьма мало въ сравненіи съ тѣмъ, что подобный ему талантъ могъ бы совершить во всякой другой литературѣ.

Величіе таланта Крылова заключается не столько въ великомъ литературномъ достоинствѣ его произведеній, сколько въ красотѣ ихъ народности. Крылову принадлежитъ честь единственная, ни съ кѣмъ не раздѣленная: онъ умѣлъ быть народнымъ, и что еще важнѣе, онъ хотѣлъ быть Русскимъ въ то время, когда всякое подражаніе почиталось просвѣщеніемъ, когда слово: *иностранное*, было однозначительно съ словомъ: *умное* или *прекрасное*; когда, поклоняясь нашимъ выписнымъ гувернерамъ, мы не знали оскорбительнаго слова, хуже слова:

Moujik!—Въ это время Крыловъ не только былъ Русскимъ въ своихъ басняхъ, но умѣлъ еще сдѣлать свое Русское плѣнительнымъ даже для насъ. Хотя долго продолжалось время, когда и ему не отдавали справедливости, съ исключительнымъ восторгомъ читали басни Дмитріева, впрочемъ исполненныя истинныхъ красотъ, и почти противъ совѣсти смѣялись Русскимъ разсказамъ Крылова.

Крыловъ былъ прекрасенъ своею народностію, но не въ силахъ распространить ея вліяніе на словесность. Это предоставлено было другому.

Что Крыловъ выразилъ въ свое время и въ своей басенной сферѣ, то въ наше время и въ сферѣ болѣе обширной выражаетъ Гоголь.

Послѣ появленія Мертвыхъ душъ Гоголя, много говорено было за нихъ и противъ нихъ не только въ литературѣ, но и во всѣхъ кругахъ читателей; — между тѣмъ, отъ восторженныхъ похвалъ и страстныхъ порицаній осталось, кажется, одно общее убѣжденіе, что Гоголь въ словесности нашей есть представитель той новой, великой, до сихъ поръ въ ясномъ видѣ еще не являвшейся силы, которой неисчислимые результаты могутъ произвести совершенный переворотъ въ нашей литературѣ, и которую называютъ *силою Русской народности*. До сихъ поръ мы были и находимся еще подъ вліяніемъ Французовъ и Нѣмцевъ. Жизнь нашей словесности оторвана отъ жизни нашего народа. Но, читая Гоголя, мы понимаемъ возможность ихъ соединенія. Впрочемъ, не потому Гоголь народенъ, что содержаніе разсказовъ его взято по большей части изъ Русской жизни: содержаніе не характеръ; Шекспиръ столько же Англичанинъ, описывая Римъ и Венецію, сколько въ своихъ Британскихъ драмахъ; не потому также называемъ мы Гоголя народнымъ, чтобы народъ читалъ его (слава Богу, народъ нашъ еще живетъ въ литературѣ Славянской, и немногіе, просвѣщенные *гражданскою* грамотностію, продолжаютъ образовываться посредствомъ Выжигина, Орлова и Польде-Кока); но потому, что въ глубинѣ души его таятся особенные звуки, потому что въ словѣ его блестятъ особенныя краски, въ его воображеніи живутъ особенные образы, исключительно свойственные Русскому народу, тому свѣжему, глубокому народу, который не утратилъ еще своей личности въ подражаніяхъ иностранному. Если бы и можно было перевесть

Гоголя на чужой языкъ, что впрочемъ невозможно, — то и тогда самый образованный иноземецъ не понялъ бы лучшей половины его красотъ.

Въ этой особенности Гоголя заключается глубокое значеніе его оригинальности. Въ ней его права на великое дѣйствіе въ литературѣ еще болѣе, чѣмъ въ геніальности его произведеній. Ибо если справедливо, что красота принадлежитъ всѣмъ націямъ, что статуя Греческая равно нравится Нѣмцу и Русскому, то надобно сознаться, что для понятія чужой красоты необходимо нѣкоторое разумное отвлеченіе, охлаждающее ея дѣйствіе, между тѣмъ какъ красота своенародная, окруженная невидимымъ строемъ сочувственныхъ звуковъ, близкихъ и далекихъ отголосковъ, темныхъ и ясныхъ, сердечныхъ, несознанныхъ воспоминаній, — не отрываетъ мечту отъ жизненной сферы; но, дѣйствуя двойною силою, связываетъ художественное наслажденіе, подлежащее сознанію, вмѣстѣ съ безотчетными пристрастіями нашей особенной жизни.

Этимъ объясняется, можетъ быть, и безмѣрное сочувствіе къ Гоголю нѣкоторыхъ, и неимовѣрныя нападенія на него другихъ.

О многихъ книгахъ, вышедшихъ въ прошедшемъ году, Москвитянинъ не успѣлъ еще извѣстить своихъ читателей. Мы постараемся теперь, хотя отчасти, дополнить этотъ недостатокъ.

Молитва Св. Ефрема Сирина, *Бесѣды на Св. Четыредесятницу.* Харьковъ. Въ Универс. Тип. 1844 года.

О грѣхѣ и его послѣдствіяхъ, *Бесѣда на Св. Четыредесятницу,* Харьковъ. Въ Унив. Тип. 1844 года.

Все, выходящее изъ-подъ пера преосвященнаго Иннокентія, принадлежитъ не одному богословію; оно составляетъ вмѣстѣ богатое украшеніе нашей словесности вообще. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи желаемъ мы выразить впечатлѣніе, произведенное на насъ этими двумя книгами.

Произведенія преосвященнаго Иннокентія представляютъ особенный характеръ духовнаго краснорѣчія, выражающійся болѣе или менѣе во всѣхъ его сочиненіяхъ, но преимущественно обозначившійся въ его двухъ *Седмицахъ—Страстной* и *Свѣтлой*. Однако, не смотря на то, что эта особенность характера весьма ощутительна для каждаго читающаго, она легче можетъ быть отличена чувствомъ, чѣмъ выражена словами,—и если бы отъ насъ потребовали ея опредѣленія, то мы затруднились бы обозначить ее какою либо формулой. Краснорѣчіе, теплота, ясность мыслей, живость представленій,—всѣ эти качества могутъ принадлежать и другимъ проповѣдникамъ; но между тѣмъ, читая преосвященнаго Иннокентія, вы ясно понимаете, что въ дѣйствіи его слова есть нѣчто особенное, исключительно ему принадлежащее. За неумѣніемъ сказать нашу мысль кратко, постараемся объяснить ее хотя описательно.

Духовное краснорѣчіе имѣетъ двѣ стороны, слагается изъ двухъ частей, изъ двухъ силъ, которыми оно дѣйствуетъ. Одна заключается въ изложеніи вѣчныхъ истинъ, неизмѣняемо живущихъ въ Церкви; другая состоитъ въ примѣненіи этихъ вѣчныхъ, неизмѣняемыхъ ученій къ тѣмъ вѣчно измѣняющимся обстоятельствамъ времени и мѣста, въ которыхъ проповѣдникъ застаетъ своихъ слушателей. Если бы первая часть, т. е., изложеніе истины, была одна необходимая для поученія, то въ такомъ случаѣ не нужно было бы говорить проповѣди; достаточно было бы повторять однажды составленный катихизисъ. Если бы вторая стихія проповѣди, т. е., примѣненіе вѣчныхъ истинъ къ измѣняющимся обстоятельствамъ, относилась единственно къ тѣмъ безпрерывно возвращающимся недостаткамъ человѣка, въ которыхъ онъ, по всегдашней слабости своей природы, можетъ одинаково находиться во всякое время, не смотря на различіе временъ; если бы проповѣдь, говорю я, ограничивалась только тѣми увѣщаніями и возбужденіями, которыя во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ равно необходимы для поддержанія вѣры и жизни православной противъ всегдашняго враждованія страстей, неразумія и соблазновъ,—то въ такомъ случаѣ весьма достаточно было бы для насъ богатаго наслѣдства древнихъ Отцевъ, и слово новое могло бы казаться почти излишнимъ послѣ всего уже прежде сказаннаго великими столпами Церкви. Но между тѣмъ, не смо-

тря на все душепитательное, что мы можемъ почерпнуть въ писаніяхъ древнихъ Учителей, мы чувствуемъ однакоже, что кромѣ того намъ необходимо еще подкрѣпительное слово современнаго намъ пастыря, близкаго свидѣтеля нашихъ особенныхъ недоумѣній и немощей, разрѣшителя нашихъ новыхъ затрудненій, утѣшителя при новыхъ бѣдствіяхъ, указателя пути при новыхъ заблужденіяхъ, вразумителя при новыхъ сомнѣніяхъ, возникающихъ, можетъ быть, изъ одного корня, но являющихся въ каждое время въ новомъ видѣ, съ новыми самооправданіями, съ новыми обольщеніями. Потому мы думаемъ, что, кромѣ другихъ существенныхъ качествъ, достоинство *современности* есть одно изъ необходимыхъ условій для сильнаго дѣйствія рѣчи на слушателей.

Всѣ знаменитые проповѣдники имѣли это качество въ большей или меньшей степени. Особенность каждаго времени давала особенную краску ихъ краснорѣчію.

Въ наше время, кажется, главная болѣзнь человѣка состоитъ не въ излишествѣ какой либо страсти, не въ незнаніи какой либо истины и не въ случайномъ недоразумѣніи какого либо вопроса; мы замѣчаемъ, напротивъ, вмѣсто односторонней напряженности, болѣе общее разслабленіи сердца, противоположное всякой страстности и пригнетающее человѣка къ низкимъ цѣлямъ и побужденіямъ, не отъ избытка его неустроенныхъ порывовъ, но отъ недостатка внутренней способности ко всякому сильному стремленію. Вмѣсто незнанія, страдаемъ мы, кажется, излишнимъ многознаніемъ, равно заботясь о изученіи истиннаго и ложнаго, равно признавая полезное и вредное, и, запутавшись въ многомысліи, часто смѣшиваемъ самое разнородное, подчиняясь общему, безразличному впечатлѣнію взаимно уничтожающихся воздѣйствій добра и зла, одинаково доступныхъ нашему, ни горячему, ни холодному, сочувствію.

Противъ этой господствующей немощи нашего времени, душевной холодности и умственной запальчивости, сердечной вялости и мысленной вседвижимости, разслабленной, себялюбивой изнѣженности, и напряженной діалектической мечтательности, — духовному пастырю возможны два способа врачеванія: или дѣйствовать прямо на сердце и, согрѣвая его живыми образами, возбуждая очевидными представленіями, увлекая теплыми изображеніями Божественнаго и Святаго,—такъ

сказать, *по слѣдамъ чувства*, наводить мысль на путь спасенія; или дѣйствовать непосредственно на разумъ, строгимъ судомъ очистить истину отъ лжи, глубокомысленнымъ и яснымъ доводомъ разрѣшить запутанное, обличить мнимое, прояснить темное, отрѣзать сомнительное, утвердить вѣрное, устроить блуждающую мысль, такъ сказать, *образумить* ее, и потомъ уже, на предварительно утвержденномъ основаніи внутренняго *сознанія*, назидать умственную и сердечную жизнь человѣка въ духовной нераздѣльности всѣхъ частныхъ его способностей.

Эти два противоположные способа дѣйствованія противъ двухъ коренныхъ недостатковъ нашего времени принадлежатъ, кажется, преимущественно двумъ великимъ современнымъ учителямъ нашей Церкви и составляютъ особенность характера ихъ духовнаго краснорѣчія,—не такъ, однакоже, чтобы одна особенность исключала другую, но такъ, что каждая вмѣщаетъ въ себѣ противоположную, какъ свою необходимую, но подчиненную силу.

Потому, если слово пр. Иннокентія (ибо теперь имѣемъ мы въ виду выразить наше мнѣніе исключительно о характерѣ его краснорѣчія), если слово его, проникнутое живостію какъ бы непосредственнаго воззрѣнія на изображаемыя имъ событія, согрѣтое приложеніемъ высшихъ истинъ къ очевидному и, такъ сказать, осязательному обозначенію нашей современной жизни, если оно и рѣдко касается вопросовъ догматическихъ, рѣдко стремится разрѣшить сомнѣнія мысленныя—то тѣмъ не менѣе, дѣйствуя прежде на чувство, оно не только не забываетъ умственнаго устроенія нашего современнаго многомыслія, но (что составляетъ особенность его краснорѣчія), не говоря о нихъ, самымъ способомъ сердечнаго возбужденія оно уже отвѣчаетъ на тѣ умозрительные вопросы, на то утонченное раздвоеніе ума, которые составляютъ отличительный характеръ нашего вѣка. Читая пр. Иннокентія, вы чувствуете, что ему не безызвѣстны ваши мысленныя волненія; что вся гордость разумнаго развитія, всѣ хитросплетенія современной науки, не могутъ представить ему никакого новаго возраженія, еще незнакомаго его многотрудившейся мысли, еще непобѣжденнаго вѣрою въ глубинѣ внуренняго сознанія. Этимъ, кажется, объясняется всеобщее дѣйствіе его проповѣди, равно согрѣвающей сердце человѣка безграмотнаго и многоученаго:

это теплое слово вѣры твердой, не безсознательной, но уже испытавшей упорную борьбу съ разумомъ, вѣры мыслящей и непобѣдимо прошедшей сквозь всѣ нападенія свѣтской мудрости, сквозь всѣ затрудненія оторвавшейся отъ неба науки.

Но, если справедливо сказанное нами, то неоспоримо и то, что произведенія пр. Иннокентія тѣмъ болѣе должны имѣть дѣйствіе, чѣмъ болѣе выражается въ нихъ замѣченная нами особенность его силы. Примѣняя же сказанное нами къ тѣмъ двумъ книгамъ, по поводу которыхъ мы начали это разсужденіе, мы сознаемся, что, не смотря на всѣ ихъ достоинства, не умѣли мы найти въ нихъ тѣхъ отличительныхъ качествъ, которыми согрѣты другія произведенія преосвященнаго. Признаемся также, что вина этому заключается не въ книгахъ, читанныхъ нами, но въ насъ, ихъ читавшихъ. Потому, мы не судимъ ихъ достоинства, только выражаемъ впечатлѣніе ихъ на насъ, зная притомъ, что для лучшей части читателей преосвященнаго впечатлѣніе это будетъ совершенно иное, ибо чѣмъ полнѣе, чѣмъ выше раскрывается жизнь духовная въ человѣкѣ, тѣмъ совершеннѣе отлучается онъ отъ минутныхъ волненій времени, тѣмъ менѣе нуждается въ новомъ, въ еще несказанномъ, въ современномъ, и тѣмъ болѣе смысла получаютъ въ глазахъ его истины вѣчныя, хотя всѣмъ извѣстныя, но всегда новыя для его благочестиваго вниманія, истины душеполезныя, святыя, во всякое время равно принадлежащія святой Церкви, и теперь ясно и вѣрно повторенныя ея знаменитымъ пастыремъ.

О воспитаніи дѣтей *въ духѣ Христіанскаго благочестія.* Москва. Тип. Авг. Семена.

Эта книга, передѣланная съ Нѣмецкаго, заключаетъ въ себѣ весьма много полезныхъ наставленій, сказанныхъ хорошимъ, чистымъ и правильнымъ языкомъ. Вѣроятно, это только введеніе въ болѣе полное изложеніе науки воспитанія; ибо общія истины, выраженныя здѣсь, тогда только получатъ настоящую цѣну, когда будутъ соединены съ замѣчаніями практическими, могущими указать путь къ достиженію цѣли, здѣсь обозначенной. Лучшее средство — сдѣлать хорошій совѣтъ небезполезнымъ, заключается въ томъ, чтобы дать возможность его исполнить.

Фаустъ, *трагедія, соч. Гёте. Переводъ первой и изложеніе второй части. М. Вронченко. 1844 г.* Въ привил. тип. Фишера. С.-Петербургъ.

Удивительно, сколько жизни въ геніальномъ созданіи! Фаустъ—полу-романъ, полу-трагедія, полу-философская диссертація, полу-волшебная сказка, полу-аллегорія, полу-правда, полу-мысль, полу-мечта, полу-музыка, но всего менѣе театральное зрѣлище; не смотря на то, однако, въ 1829 году былъ поставленъ Тикомъ на Дрезденскій театръ. Всѣ думали тогда, что Фаустъ будетъ убитъ сценою, — и ошиблись. Дѣйствіе, которое онъ произвелъ на театрѣ, еще усилило то впечатлѣніе, которое онъ производитъ въ чтеніи. Теперь произведенъ надъ нимъ другой опытъ: Фаустъ, не переводимый Фаустъ,—явился въ Русскомъ переводѣ, буквально вѣрномъ, но далеко не поэтически вѣрномъ. Мы думали: Фаустъ безъ поэзіи языка—то же, что красавица безъ молодости; мы начали читать его съ этимъ предубѣжденіемъ: первыя страницы были невыносимы; почти каждое слово, напоминая подлинникъ, тѣмъ непріятнѣе оскорбляло наше воспоминаніе. И что же? Когда мы прочли нѣсколько сценъ, то уже не могли болѣе оторваться отъ книги. Внутренняя поэзія Фауста овладѣла воображеніемъ нашимъ, и этотъ блѣдный, но совѣстливо точный и удивительно вѣрный по смыслу переводъ произвелъ на насъ почти такое же дѣйствіе, какое могло бы произвести перечитываніе оригинала.

Мы благодаримъ г. Вронченка за это наслажденіе; благодаримъ его и за то, что онъ не исказилъ смысла фальшивою поддѣлкою, но съ довѣренностію къ внутренней силѣ геніальной мысли и съ самоотверженіемъ автора, достойнымъ уваженія, предпочелъ безцвѣтность стиха ложному колориту.

Первая часть Фауста переведена вполнѣ; вторая—изложена только въ сущности; къ обѣимъ частямъ приложенъ общій обзоръ.

Любопытно видѣть, какое дѣйствіе произведетъ Фаустъ на нашу словесность. Конечно, онъ не совсѣмъ новость, потому что большей части образованныхъ читателей онъ извѣстенъ въ оригиналѣ. Однако же, всѣмъ незнавшимъ по-Нѣмецки онъ былъ незнакомъ, потому, что Французскіе переводы не да-

ютъ объ немъ никакого понятія. Говорятъ, есть превосходный переводъ на Англійскій языкъ; но намъ не случалось его видѣть. Впрочемъ и то правда, что произведеніе геніальное чужой словесности, хотя и знакомое намъ на чужомъ языкѣ, совсѣмъ иначе дѣйствуетъ на литературную образованность нашу, когда явится въ одеждѣ нашего роднаго слова. Даже и то не остается безъ полезнаго дѣйствія, когда мы замѣчаемъ слабость перевода, и какъ и почему наше слово еще не доросло до нѣкоторыхъ значеній.

Кажется, однако, что огромное, изумительное вліяніе, которое имѣлъ Фаустъ на литературу Европейскую, не вполнѣ можно отнести къ его поэтическому и философскому достоинству. Значительная часть силы его заключалась въ его современности. Онъ выражалъ минуту перехода Европейской образованности отъ вліянія Французскаго къ вліянію Нѣмецкому. Фаустъ — рождающійся 19 вѣкъ. Онъ также Нѣмецъ, какъ Кандидъ былъ Французъ, Гамлетъ—Англичанинъ, Донъ Жуанъ — Испано-Итальянецъ. Онъ могъ вмѣстить въ себѣ значеніе всечеловѣческое потому, что въ этотъ часъ Европейской жизни таково было значеніе жизни Германской: мысль отвлеченная, требующая борьбы и волненій жизни; жизнь взволнованная, разногласная, требующая согласія и значенія мысли.

Въ обзорѣ переводчика, написанномъ весьма остроумно и обнаруживающемъ глубокое изученіе своего предмета, мы отличимъ двѣ части. Все, что сказано имъ о первой части Фауста, кажется намъ дѣльнымъ и справедливымъ; но въ своихъ объясненіяхъ второй части, мы думаемъ, авторъ не совсѣмъ былъ вѣренъ своей собственной теоріи: судить о мысли художественнаго произведенія по даннымъ, въ немъ самомъ заключающимся, а не по догадкамъ, извнѣ къ нему прилагаемымъ. „Какая польза,—говоритъ онъ,—узнавать, что̀ гдѣ авторъ сказать хотѣлъ, если онъ не сказалъ того дѣйствительно?—Передъ нами лежитъ его произведеніе въ томъ видѣ, какъ оно было написано и окончательно выправлено“.

„Мы,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—ставимъ Гёте по уму и таланту выше всѣхъ его толковниковъ и потому рѣшаемся вѣрить не имъ, а самому Гёте, то есть, видѣть въ Фаустѣ только то, что дѣйствительно и явственно въ немъ находится—видѣть не менѣе того, но и не болѣе. Такъ, съ без-

пристрастными читателями, пройдемъ мы обѣ части піесы, строго придерживаясь текста, отнюдь не позволяя себѣ никакихъ пополнительныхъ подразумѣній".

Еще въ другомъ мѣстѣ также говоритъ онъ прекрасно о перетолкованіяхъ и подразумѣніяхъ: „Посредствомъ подразумѣнія изъ всего на свѣтѣ можно вывесть всё, что кому угодно. Пусть кто нибудь возметъ хоть сказку о Бовѣ Королевичѣ, да станетъ поступать, какъ толковники поступаютъ съ Фаустомъ, то есть, прямой и естественный смыслъ любаго мѣста почитать за грубую наружную оболочку мысли; подъ этою оболочкою подразумѣвать, смотря по надобности, тотъ или другой смыслъ отдаленный, переносный; придумывать, наконецъ, важное значеніе для каждаго слова, хотя бы то слово было, видимо, поставлено только для круглоты оборота,— нѣтъ сомнѣнія, что изъ Бовы Королевича выйдетъ подтвержденіе какой угодно философической системы!"

„На первый взглядъ кому либо можетъ показаться, что подразумѣвательная символистика есть только игра, хотя пустая и безплодная, но, по крайней мѣрѣ, безвредная. Пусть, скажутъ намъ, чудаки объясняютъ, что и какъ имъ вздумается; пусть, пожалуй, и Наполеона, сына Летиціи, принимаютъ за Аполлона, дитя свѣта, а двѣнадцать его маршаловъ за двѣнадцать зодіакальныхъ знаковъ; пусть, словомъ сказать, дряхлѣющій умъ забавляется калейдоскопомъ мудрованія, какъ одѣтинѣвшійся старикъ тѣшится постройкой карточныхъ домиковъ — зачѣмъ мѣшать его удовольствію? Мѣшать, конечно, не стоило бы труда, если бы игра оставалась при одномъ играющемъ; но происходитъ совсѣмъ не то: кривые толки сбиваютъ съ толку публику, особенно же увлекаютъ младшую часть публики, всегда довѣрчивую, всегда прельщаемую таинственностію. Такимъ образомъ распространяется множество сужденій загадочныхъ; а предметъ сужденій не только не поясняется, но, напротивъ, затемняется въ самыхъ ясныхъ частяхъ своихъ".

Не смотря однако на это возстаніе автора противъ подразумѣній, во второй части Фауста онъ хотя не видитъ тѣхъ отвлеченныхъ мыслей, то философскихъ, то мистическихъ, которыя находили въ ней другіе толкователи, но за то не замѣчаетъ въ ней и того значенія, которое, очевидно, придавалъ ей самъ Гёте, таинственно хранившій ее какъ послѣднее за-

вѣщаніе всей своей поэтически-философской жизни. Если въ первой части Фауста переводчикъ признаетъ символическое изображеніе человѣка вообще, а не какое нибудь опредѣленное, частное лицо, даже не Нѣмца, а полнаго человѣка, только въ Нѣмецкомъ платьѣ,—то кажется, что по тѣмъ же причинамъ не имѣлъ онъ права видѣть и во второй части одну Нѣмецкую и художническую личность Гёте, вмѣсто всеобщности человѣка, или, по крайней мѣрѣ, человѣка нашего времени. Конечно, частныя впечатлѣнія поэта не могли не связываться съ его общими мыслями: эти случайности жизни даютъ краску поэтической мечтѣ; это фольга, говоритъ Жанъ-Поль, придающая блескъ и яркость безцвѣтно прозрачной мысли. Но не однѣ же случайности безъ мысли составляютъ поэзію Гёте, и особенно поэзію аллегорическую. Потому, мы благодарны г. Вронченку за то, что онъ открываетъ намъ связь между нѣкоторыми обстоятельствами въ жизни Гёте и его поэтическими изображеніями; это весьма любопытно и можетъ быть полезно въ психологическомъ и художественномъ отношеніи; но мы не можемъ согласиться съ нимъ, чтобы изображенія поэтическія ограничивались однимъ этимъ мелкимъ значеніемъ. Намъ кажется также не совсѣмъ справедливымъ и то, что г. Вронченко, разбирая смыслъ второй части Фауста, не упомянулъ о разборѣ эпизода Елены, сдѣланномъ г. Шевыревымъ и напечатанномъ въ первыхъ годахъ Московскаго Вѣстника. Разборъ г. Шевырева имѣетъ ту важность, что Гёте, отдавая объ немъ отчетъ, самъ объявилъ, что Шевыревъ понялъ мысль его аллегоріи и умѣлъ присвоить себѣ. Въ этомъ случаѣ, кажется, показаніе Гёте существеннѣе всякихъ догадокъ, противъ которыхъ такъ сильно и такъ справедливо возстаетъ самъ г. Вронченко.

Языкъ г. Вронченка вообще правильный, свободный и чистый. Но иногда попадаются нѣкоторыя выраженія не простительно неправильныя, какъ напр. *пахая землю*, *скалистыя врата*, *одѣтинѣвшійся старикъ*, *сущное дѣло*, и т. п.

На сонъ грядущій, *отрывки изъ вседневной жизни. Сочиненіе графа В. А. Соллогуба. Изданіе второе.* Часть 1. С.-Петербургъ. 1844 г. Изданіе книгопродавца А. Иванова.

Повѣсти г. Соллогуба можно бы, кажется, узнать безъ подписи, между всѣхъ другихъ явленій нашей современной лите-

ратуры, по двумъ качествамъ, которыя всего рѣже встрѣчаются въ современной словесности, но которыя, казалось бы, составляютъ необходимое условіе всякаго произведенія, имѣющаго какое нибудь притязаніе на художественное достоинство: это вкусъ и неподдѣльное чувство. Нельзя сказать, чтобы изящная литература наша была бѣдна произведеніями: у насъ выходитъ не мало повѣстей и романовъ, но весьма мало такихъ, которые бы могли читаться. Въ повѣстяхъ нашихъ много дѣйствія, много сильныхъ ощущеній, выдуманныхъ хладнокровно, даже много мыслей, набранныхъ и перемѣшанныхъ; но рѣдко найдете вы чувства невыдуманныя, мысль свою, проведенную сквозь сердце; еще рѣже понятіе о художественномъ приличіи и соразмѣрности. Первое, что сдѣлалъ бы древній философъ съ нашими философами-романистами, вѣроятно, послалъ бы ихъ жертвовать Граціямъ. Но г. Соллогубъ составляетъ въ этомъ отношеніи совершенно противоположность съ большинствомъ нашихъ писателей. Повѣсти его необыкновенно увлекательны, языкъ простой и вѣрный, разсказъ живой, чувства въ самомъ дѣлѣ чувствованныя и потому невольно передающіяся читателю. Все это заставляетъ насъ съ нетерпѣніемъ ожидать втораго тома. Если же,—что вѣроятно,—эти повѣсти дождутся третьяго изданія, то мы желали бы въ нихъ видѣть только одно измѣненіе, и то въ заглавіи. „На сонъ грядущій“ не по-Русски. Есть молитвы на сонъ грядущимъ, которыя, вѣроятно, подали поводъ къ этому смѣшенію звуковъ, не имѣющему опредѣленнаго значенія.

Опытъ науки философіи. *Сочин. Ѳ. Надеждина.* С.-Петербургъ.

Было время, когда появленіе подобной книги у насъ могло бы составить эпоху въ нашей литературѣ; слово: философія, имѣло въ себѣ что-то магическое. Слухи о любомудріи Нѣмецкомъ, распространяя повсюду извѣстіе о какой-то новооткрытой Америкѣ въ глубинѣ человѣческаго разума, возбуждали, если не общее сочувствіе, то, по крайней мѣрѣ, общее любопытство. Особенно молодое поколѣніе съ жадностію искало всякой возможности проникнуть въ этотъ таинственный міръ. Страсть доходила до того, что даже читали Веланскаго и Галича!—Этого мало: ихъ не только читали, но даже многіе вос-

хищались ихъ сочиненіями, и что всего замѣчательнѣе, эти поклонники *біологическаго изслѣдованія природы въ ея творящемъ и творимомъ началѣ* принадлежали къ числу людей самыхъ образованныхъ того времени.

Теперь подобныя книги уже не производятъ восторга; отношенія наши къ философіи Нѣмецкой измѣнились. Вмѣсто того, чтобы искать посредника между Нѣмецкимъ мыслителемъ и нами,—посредника, часто не понимающаго ни своего учителя, ни самого себя, мы обратились къ самому источнику и Нѣмецкую мысль читаемъ на Нѣмецкомъ языкѣ. Потому, философскія понятія распространились у насъ весьма сильно. Нѣтъ почти человѣка, который бы не говорилъ философскими терминами; нѣтъ юноши, который бы не разсуждалъ о Гегелѣ; нѣтъ почти книги, нѣтъ журнальной статьи, гдѣ незамѣтно бы было вліяніе Нѣмецкаго мышленія; десятилѣтніе мальчики говорятъ о конкретной объективности. Потому, Русская книга о философіи уже не можетъ произвести такого дѣйствія, какъ прежде.

Но удивительно, что когда мы вникнемъ нѣсколько внимательнѣе въ это всеобщее распространеніе философскихъ знаній, то увидимъ, что настоящій источникъ его находится не въ изученіи философскихъ писателей, не въ усвоеніи тѣхъ, или другихъ системъ, но, такъ сказать, въ томъ воздухѣ, которымъ мы дышемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, поговорите съ любымъ мыслителемъ, которыхъ у насъ теперь такъ много: вы замѣтите съ перваго взгляда, что всѣ его мнѣнія основаны на признаніи философіи Гегеля за высшую истину; что онъ отвергаетъ то, принимаетъ другое, дѣйствуетъ такимъ образомъ, даже чувствуетъ такъ, а не иначе, только потому, что этотъ образъ мыслей и дѣйствованій согласенъ съ тою системою, въ которой онъ убѣжденъ болѣе, чѣмъ во всякой другой истинѣ, и которую, потому, онъ кладетъ въ основаніе всей умственной и дѣйственной жизни своей.

А между тѣмъ, если вы всмотритесь въ тотъ умственный процессъ, посредствомъ котораго этотъ поклонникъ Гегеля пріобрѣлъ свое основное убѣжденіе, то съ удивленіемъ увидите, что процесса не было никакого. Большею частію онъ даже совсѣмъ не читалъ Гегеля. Изъ читавшихъ, иной прочелъ только примѣненіе началъ къ другимъ наукамъ, иной читалъ одну эстетику, иной только началъ читать его философію исто-

ріи, иной только прочелъ конецъ его исторіи философіи, тотъ нѣсколько страницъ изъ логики, тотъ видѣлъ феноменологію; большая часть читала что нибудь о философіи Гегеля, или слышала объ ней отъ людей, достойныхъ вѣры, отъ людей образованныхъ, слѣдящихъ за современнымъ просвѣщеніемъ и знающихъ очень хорошо, что философія Гегеля въ наше время точно признана за высшую и за единственно возможную.

Такъ образуются у насъ философы-раціоналисты,—на вѣру въ чужія убѣжденія. Да, принятіе чужихъ убѣжденій дѣло такое обыкновенное, что изъ нѣсколькихъ сотъ Гегельянцевъ, извѣстныхъ мнѣ, я едва могъ бы назвать трехъ, въ самомъ дѣлѣ изучившихъ Гегеля.

Фактъ этотъ тѣмъ замѣчательнѣе, что здѣсь дѣло идетъ не о мнѣніи болѣе или менѣе вѣроятномъ, но о сознательномъ развитіи одного основнаго, логически необходимаго начала, по законамъ строгой неизбѣжности: о саморожденіи разума въ сознаніе. Вся сущность философіи Гегеля заключается въ этой методѣ саморазвитія. А между тѣмъ ее принимаютъ въ послѣднихъ результатахъ, не испытывая вѣрности самаго основнаго процесса.

Объяснить возможность этого факта мы не умѣемъ. Но думаемъ, что онъ самъ можетъ служить объясненіемъ для многихъ странныхъ явленій въ нашемъ литературномъ мірѣ, которыя безъ него остались бы непонятными. Между прочимъ это объясняетъ намъ и то, отъ чего могутъ у насъ выходить книги философскія, заключающія, такъ сказать, одно приложеніе опредѣленнаго образа мыслей, безъ вывода процесса его составленія. Мы забываемъ, что этотъ процессъ не можетъ предполагаться; что каждое особенное раціональное воззрѣніе на вопросы философскіе требуетъ особеннаго предварительнаго процесса логическаго, и что, наконецъ, при теперешнемъ состояніи науки никакая правдоподобность, никакая удобопонятность, никакая отдѣльная разумность мнѣнія, не даютъ ему права на признаніе философа, если оно не выведено изъ законовъ логической необходимости, изъ саморазвитія одного основнаго начала.

Эта неопредѣленность основной точки зрѣнія, или, лучше сказать, это отсутствіе логическаго вывода перваго основанія, есть между прочимъ главный недостатокъ книги, о которой мы

говоримъ,—недостатокъ, который впрочемъ можетъ быть почтенъ за достоинство ото всѣхъ тѣхъ читателей, которые принимаютъ философію по ея результатамъ. Кромѣ того, книга эта имѣетъ многія замѣчательныя качества: языкъ чистый, отчетливый, не лишенный иногда новыхъ счастливыхъ выраженій.—Но мысли, взятыя въ частности, представлены, какъ удобомыслимыя, а не какъ логически неизбѣжныя.

Мы особенно напираемъ на этотъ недостатокъ потому, что желали бы видѣть въ литературѣ нашей, преимущественно предъ всѣми другими философскими сочиненіями, именно это наукообразное развитіе самаго основанія раціональнаго умозрѣнія; ибо думаемъ, что въ обращеніи мысли къ своему основанію есть единственная возможность ея успѣха. Успѣхъ этотъ кажется намъ тѣмъ легче въ настоящее время, что состояніе современной науки мышленія давно уже приняло новый характеръ въ Германіи, между тѣмъ какъ мы продолжаемъ еще возиться съ тѣми же вопросами.

Лука да Марья, *народная повѣсть. Соч. Ѳ. Глинки.*

Особенность этой маленькой книжки, писанной для народа, заключается въ мастерскомъ языкѣ, которымъ она писана, въ нравственной цѣли, къ которой она стремится, и въ добромъ дѣлѣ, для котораго предназначена вырученная ея продажею сумма. Но, по нашему мнѣнію, средство, избранное авторомъ для совершенія этого добраго дѣла: написать книгу для народа,—есть уже само по себѣ не только дѣло доброе, но еще изъ самыхъ благодѣтельныхъ, какія только могутъ представиться человѣку съ сострадательнымъ сердцемъ. Ибо народъ нашъ нуждается въ здоровой умственной пищѣ; за неимѣніемъ ея, при новой, безпрестанно болѣе распространяющейся грамотности, можетъ онъ обратиться къ самой вредной, самой пустой, самой невѣжественной литературѣ,—и, по несчастію, уже начинаетъ обращаться къ ней. Послѣдствія отъ такого искаженія народныхъ мнѣній могутъ быть самыя несчастныя, если сильно и скоро не поспѣшатъ предупредить это зло писатели съ дарованіемъ, любящіе отечество и его будущую судьбу, пишущіе не по заказу, но по внутренней необходимости, и знающіе народъ нашъ не по слухамъ, но изъ дѣйствительныхъ жизненныхъ отношеній.

Къ числу такихъ почтенныхъ писателей, безъ всякаго сомнѣнія, могъ бы принадлежать авторъ разбираемой нами брошюрки, если бы захотѣлъ посвятить себя этой прекрасной цѣли. Извѣстность въ другой сферѣ словесности давно имъ уже пріобрѣтена и упрочена. Новая дѣятельность для полуграмотнаго народа, конечно, не прибавитъ ничего къ его литературному имени, не доставитъ никакихъ возмездій житейскихъ, ни славы, ни почестей, ни выгодъ, ни, можетъ быть, даже видимыхъ знаковъ благодарности, отъ тѣхъ, для чьей пользы онъ будетъ работать. Но самая безвозмездность труда имѣетъ свою прелесть для нѣкоторыхъ людей благородныхъ, которая составляетъ ихъ исключительную собственность и служитъ, можетъ быть, единственнымъ знакомъ ихъ отличія отъ другихъ.

Между тѣмъ, начавъ уже говорить мнѣніе наше объ этомъ важномъ предметѣ, по случаю новой книжки для народа, мы почитаемъ себя обязанными договорить его откровенно, и потому скажемъ въ дополненіе нашихъ словъ, что характеръ литературы народной, какъ намъ кажется, требуетъ еще другихъ важнѣйшихъ качествъ, кромѣ тѣхъ, какія мы замѣтили въ этой книжкѣ.

Дѣло чтенія для народа сопряжено съ нѣкоторымъ трудомъ. Нравственная мысль имъ уважается; но если она уже и прежде была извѣстна ему, то не составляетъ новой причины для чтенія. Простота несложнаго разсказа также не причина къ предпринятію этого труда. Наконецъ, народность языка, столь трудно достигаемая литераторами, для самого народа есть дѣло обыкновенное и не поражаетъ его такъ, какъ насъ.

Тѣ не совсѣмъ правы, я думаю, которые смотрятъ на нашъ народъ, какъ на ребенка, еще ничего несмыслящаго и требующаго дѣтскихъ игрушекъ, поверхностныхъ наставленій, полушуточнаго языка и легкихъ размышленій о предметахъ самыхъ обыкновенныхъ.

Правда, народъ читаетъ иногда сказки; но не для того, чтобы учиться, а только для того, чтобы смѣяться, или занять свою фантазію чудными невозможностями. Но въ нешуточныхъ мысляхъ своихъ обращаетъ онъ интересъ ума уже не къ частнымъ элементарнымъ истинамъ, не къ азбучнымъ понятіямъ нравственности; но, что покажется, можетъ быть, невѣроятнымъ для многихъ, онъ прямо приступаетъ къ самымъ высшимъ,

самымъ отвлеченнымъ вопросамъ любомудрія; ищетъ постигнуть ихъ внутреннюю связь и внѣшнія отношенія къ жизни, не ограничивая любопытства своего интересомъ корысти, или примѣняемостію мысли къ житейскимъ пользамъ.

Предметы, которые занимаютъ умъ народа и служатъ основаніемъ его мышленія, почерпаются имъ изъ самыхъ глубокихъ истинъ нашего вѣроученія. Онъ прежде всего ищетъ составить себѣ понятіе о Высшемъ Существѣ, о Его отношеніяхъ къ міру и человѣку, о началѣ добра и зла, о созданіи и устройствѣ вселенной, о нравственной законности человѣческихъ поступковъ, о правдѣ и грѣхѣ, о первоначальномъ законѣ человѣческихъ отношеній, семейныхъ и общественныхъ; о возможности внутренняго усовершенствованія человѣка, о характерѣ высшаго соединенія его съ Богомъ и т. д. Вотъ отъ чего житія Святыхъ, поученія Св. Отцевъ и Богослужебныя книги составляютъ, или, правильнѣе, составляли любимый предметъ его чтенія, украшеніе его вечернихъ разговоровъ, источникъ его духовныхъ пѣсенъ, обычную сферу его мышленія въ старости, утѣшенія его предсмертныхъ минутъ, когда весь смыслъ жизни сосредоточивается въ одно послѣднее сознаніе. Вотъ главное основаніе всей совокупности его развитыхъ и неразвитыхъ убѣжденій.

Но надобно признаться, что этотъ характеръ народнаго мышленія съ нѣкотораго времени началъ измѣняться. Причина тому, кажется, въ измѣненіи тѣхъ отношеній, какія существовали прежде между понятіями низшаго и высшихъ классовъ. Ибо прежде распространенія у насъ образованности Западной, основывающейся преимущественно на раціонализмѣ науки,— все просвѣщеніе Россіи, весь образъ мыслей всѣхъ классовъ общества, проистекалъ изъ одного общаго источника: изъ прямаго и непосредственнаго ученія нашей Церкви.

Монастыри наши, раскинутые частою сѣткою по всей землѣ Русской, наполненные выходцами изъ всѣхъ классовъ народа, находились въ такомъ отношеніи къ умственному просвѣщенію всей земли, въ какомъ находятся университеты Европейскіе къ народамъ Западнымъ: они составляли центръ и опредѣляли характеръ народнаго мышленія.

Въ тишинѣ уединенной кельи смиренный инокъ, отрекшійся отъ всѣхъ постороннихъ цѣлей, не развлекаясь волненіемъ надеждъ и страховъ, радостями и страданіями жизни, преда-

вался вполнѣ изученію высшихъ духовныхъ истинъ, соединяя умозрѣніе съ молитвою, мысль съ вѣрою, дѣло самоусовершенствованія съ дѣломъ самопознанія, и стараясь такимъ образомъ не однимъ отвлеченнымъ понятіемъ, но всею полнотою своего бытія, утонуть въ постиженіи высшей премудрости, открывавшейся ему въ Божественномъ Писаніи и въ богомудромъ помышленіи Святыхъ Отцевъ. Вокругъ смиреннаго инока собирались мало по малу слушатели-ученики; вокругъ нихъ народъ изо всѣхъ классовъ общества. Умозрѣніе, которому предавались отшельники изъ міра, было вмѣстѣ и основаніемъ и вѣнцомъ всего мышленія въ мірѣ. Высшія сословія, находясь въ живомъ и близкомъ соприкосновеніи съ монастырями и основывая убѣжденія свои на тѣхъ же началахъ, развивали въ дѣлѣ жизненныхъ отношеній тѣ же понятія, которыя въ дѣлѣ чистаго умозрѣнія развивались въ уединенной кельѣ. Простой народъ, не имѣя ни довольно времени, ни довольно средствъ, чтобы самому образовывать свои понятія, принималъ ихъ по частямъ, отрывками, но всегда проникнутыми одинакимъ смысломъ, изъ монастырей и отъ высшаго класса. Такимъ образомъ, понятія одного сословія были дополненіемъ другаго, и общая мысль держалась крѣпко и цѣло въ общей жизни народа, истекая постоянно изъ одного источника: Церкви.

Между тѣмъ, съ тѣхъ поръ какъ наука Запада сдѣлалась еще другимъ источникомъ нашего мышленія, понятія высшаго класса, проистекая изъ него, отдѣлились отъ понятій народныхъ, если не внутреннимъ разногласіемъ, то, по крайней мѣрѣ, недостаткомъ внѣшняго соглашенія. Монастырь пересталъ быть центральнымъ вмѣстилищемъ всѣхъ концовъ общества и живымъ средоточіемъ всѣхъ его умственныхъ движеній. Убѣжденія и понятія народныя, неподдерживаемыя прикосновеніемъ съ господствующей образованностію, получили ту ограниченность, которая многимъ изъ просвѣщенныхъ не позволяетъ постигнуть глубину ихъ перваго основанія. Но между тѣмъ эти убѣжденія, эти понятія простаго народа, разорванныя на части, но еще живыя и сохранившія внутреннюю силу свою, остаются до сихъ поръ еще единственнымъ содержаніемъ его умственныхъ размышленій, основою его сердечныхъ убѣжденій, связью его различныхъ членовъ, причиною его нравовъ и обычаевъ, и единственнымъ источникомъ его нравственной

крѣпости. Этотъ характеръ внутренняго народнаго быта находитъ себѣ подпору въ слушаніи церковныхъ службъ, въ ослабѣвшихъ, но еще не совсѣмъ прерванныхъ сношеніяхъ съ оставшимися монастырями, и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ духовныхъ книгахъ, доступныхъ грамотнымъ старикамъ.

Между тѣмъ, неизбѣжная необходимость времени требуетъ уже и отъ простаго народа принятія новой образованности. Грамотность гражданская становится почти всеобщею; но, дѣлая простолюдина способнѣе къ пріобрѣтенію новыхъ свѣдѣній, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, удаляетъ его отъ занятій языкомъ Церковно-Славянскимъ, въ которомъ заключался единственный источникъ его внутреннихъ убѣжденій. Что же будетъ, если, почерпая свои понятія изъ новой литературы гражданской, онъ найдетъ въ ней однѣ книги легкаго чтенія, составленныя изъ денежныхъ выгодъ, забавляющія читателя странностью эффектовъ, старающіяся возбудить въ немъ страсти и понравиться ему разслабленіемъ нравственныхъ правилъ,—или книги чтенія тяжелаго, составленныя съ цѣлію учить народъ тому, что онъ знаетъ, не приноровленныя къ его уже готовымъ понятіямъ, объясняющія ему частные вопросы науки безъ отношенія къ его центральнымъ убѣжденіямъ, даже не предполагая ихъ существованія и принимая внѣшнюю необразованность за дѣтскую пустоту безсмыслія. Первыя книги разорятъ его внутреннюю жизнь; вторыя или не будутъ читаться, или не свяжутся съ его первороднымъ мышленіемъ, и, слѣдственно, останутся безполезными. Вообще чтеніе, вмѣсто цѣли назиданія, получитъ цѣлью удовольствіе.

Вотъ почему мы думаемъ, что писатель, способный противостать этому разрушенію народныхъ понятій, можетъ быть однимъ изъ самыхъ благодѣтельныхъ дѣятелей нашего времени.

И не надобно думать, чтобы новая образованность производила на народъ то же дѣйствіе, какое она обнаруживаетъ на высшіе классы. Здѣсь, бывъ общимъ дѣломъ цѣлаго сословія, она сообщаетъ ему извѣстныя понятія, извѣстныя правила, извѣстные обычаи, взаимно другъ друга подкрѣпляющіе и общіе всѣмъ и каждому. Частное лицо, предаваясь ей, не вырывается изъ своихъ семейныхъ, общественныхъ отношеній. Напротивъ того, въ тѣхъ сословіяхъ, которыя, пріобрѣтая образованность Западную, должны вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнить свой

прежній образъ жизни и мысли, частное лицо, предавшееся новому вліянію, необходимо приходитъ въ разногласіе со всѣмъ кругомъ его прежнихъ отношеній. Эта отдѣленность одного лица отъ мнѣній и правилъ его общества открываетъ его умъ и душу всѣмъ приманкамъ личной прихоти.

Иные находятъ въ себѣ довольно внутренней силы, чтобы и въ одиночествѣ убѣжденій противостоять напору страстей и корыстныхъ видовъ. Но другіе, не подкрѣпленные уваженіемъ къ общему мнѣнію своего круга, падаютъ нравственно и умственно, бывъ жертвою своей отдѣленности. Ибо въ дѣлѣ нравственной крѣпости и жизненнаго благоразумія, по большей части, одинъ человѣкъ стоитъ, опираясь на другаго.

Вотъ отъ чего многими замѣчено, что изъ семьи, державшейся правилъ старины, первое лицо, перемѣняющее свое Русское платье и обычаи на такъ называемые Нѣмецкіе, обыкновенно увлекается прелестію самыхъ мелочныхъ выгодъ новаго просвѣщенія, предается самымъ безумнымъ страстямъ, проживаетъ легкомысленно имѣніе отца, собранное долголѣтними трудами и глубокими разсчетами, и часто даже, вмѣстѣ съ имѣніемъ, роняетъ имя, украшавшееся общимъ уваженіемъ. Только при второмъ и третьемъ поколѣніи новообразовавшейся семьи возстанавливается то равновѣсіе между лицомъ и обществомъ, которое служитъ самою вѣрною опорой нравственности обоихъ.

Впрочемъ, кромѣ замѣченнаго разногласія между частнымъ лицомъ съ его кругомъ, вредное дѣйствіе новой образованности происходитъ еще и отъ того, что обыкновенно человѣкъ предается ей не вслѣдствіе развитія своихъ внутреннихъ убѣжденій, но вслѣдствіе внѣшней необходимости, или внѣшнихъ выгодъ, или только удовольствій жизни. Напротивъ, внутреннее убѣжденіе въ немъ обыкновенно противится такой наружной перемѣнѣ; но онъ жертвуетъ убѣжденіемъ для выгодъ жизни. Иногда на развалинахъ человѣка выростаетъ ученый; но обыкновенно плоды такого поступка не могутъ не соотвѣтствовать сѣмени.

Что же касается до причины разногласія новой образованности съ нашею прежнею, то она заключается не въ томъ, чтобы онѣ въ самомъ дѣлѣ обѣ были непримиримы въ началахъ своихъ; но въ томъ, что до сихъ поръ еще характеръ образованности Европейской есть чисто раціональный, осно-

ванный не на признаніи высшей истины, но на совокупности личныхъ мнѣній, на перевѣсѣ логики надъ всѣми другими источниками познаванія,—между тѣмъ какъ въ характерѣ нашей образованности логическое развитіе составляетъ только одну зависимую часть умственнаго убѣжденія. Эта особенность современной образованности Запада была причиною, почему въ различныхъ странахъ Европы распространеніе наукъ производило различныя дѣйствія: въ земляхъ протестантскихъ, распространяясь въ народѣ, просвѣщеніе еще болѣе проницало его единствомъ одного основнаго начала; въ земляхъ католическихъ, напротивъ того, оно было обыкновенно причиною раздвоенія и неустройства.

Отношенія нашего православнаго ученія къ развитію внѣшней науки столько же отличны отъ Римскосхоластической нетерпимости, сколько и отъ противоположнаго ему подчиненія вѣры подъ господство личнаго разума. Наша Церковь никогда не выставляла никакой системы человѣческой, никакого ученаго богословія, за основаніе своей истины, и потому не запрещала свободное развитіе мысли въ другихъ системахъ, не преслѣдовала ихъ, какъ опасныхъ враговъ, могущихъ поколебать ея основу. Не признавая, напримѣръ, ни одной системы астрономіи за безусловно истинную, за исключительно свою, она не имѣла нужды преслѣдовать Галилея за то, что земля обращается вокругъ солнца, не называла еретиками тѣхъ, кто признавалъ или не признавалъ Аристотеля.

Съ другой стороны, Церковь наша никогда не подвергала верховныхъ истинъ суду и власти личныхъ мнѣній, и потому никогда не измѣняла своего ученія.

Изъ этого очевидно, что и отношеніе нашей родной образованности къ просвѣщенію Западному должно быть совершенно особенное. Но прежде чѣмъ отношеніе это придетъ въ правильное устройство, прежде чѣмъ науки Запада переработаются въ нашемъ смыслѣ,—что можетъ сдѣлать писатель для народа?—Передавать ему частныя открытія наукъ? Но этого недостаточно, чтобы установить его внутренній образъ мыслей и оградить его отъ разрушительныхъ вліяній. Увѣщевать? Но для этого нужно прежде убѣдить. Что же остается ему дѣлать?

Мы думаемъ, что дѣятельность его только тогда принесетъ настоящіе плоды, когда высшимъ развитіемъ просвѣщенія сама наука станетъ въ гармонію съ нашею жизнію.

Но для этого недостаточно силъ одного писателя. Для этого нужно общее содѣйствіе всѣхъ людей мыслящихъ и неравнодушныхъ къ внутреннему достоинству человѣка вообще и къ благосостоянію своего отечества въ особенности.

Впрочемъ, если и безъ видимаго плода погибнетъ благонамѣренная дѣятельность частнаго человѣка, то можетъ ли совершенно безъ плода погибнуть дѣло, оживленное искреннею мыслію блага? Одинъ не можетъ ничего; но если не будетъ одного, какъ будетъ два?

О романѣ О. П. Шишкиной: *Прокопій Ляпуновъ.*

Мы спѣшимъ, съ позволенія почтенной сочинительницы, раздѣлить съ читателями нашими то удовольствіе, которое доставило намъ чтеніе первыхъ главъ изъ новаго ея романа. Великое время, которое онъ возбуждаетъ въ воспоминаніи, живость разсказа, прекрасный слогъ, талантъ автора, ея любовь къ отечеству, ея добросовѣстное желаніе понять и представить въ настоящемъ видѣ событія нашей прошедшей жизни,—все это даетъ большое достоинство ея произведеніямъ и позволяетъ намъ обѣщать читателямъ еще болѣе интереса отъ этого новаго сочиненія, ибо предметъ повѣствованія становится здѣсь еще живѣе и многозначительнѣе, чѣмъ въ первомъ ея романѣ, которому этотъ служитъ продолженіемъ.

Но то уваженіе, которое мы имѣемъ къ литературнымъ заслугамъ сочинительницы, налагаетъ на насъ обязанность, не ограничиваясь общими похвалами, сказать откровенно мнѣніе наше объ этомъ родѣ словесности у насъ и объ его отношеніи къ ея таланту.

Историческій романъ явился на свѣтъ не потому только, что Вальтеръ Скоттъ понялъ въ немъ возможность новаго рода литературныхъ произведеній. Онъ былъ слѣдствіемъ господствующаго тогда стремленія Европы: оживить въ умахъ, воскресить въ воображеніи старый бытъ, уничтоженный новымъ и снова возвращенный возстановленіемъ прежняго порядка вещей, разрушеннаго революціей и Наполеономъ. Англія, живущая неразрывнымъ развитіемъ преданія, Англія, самый ожесточенный, неумолимый, задушевный врагъ Наполеона, была естественно впереди этого стремленія къ возстановленію стараго, прошедшаго; но и въ Англіи самой болѣе всего сочувствовало съ этимъ

направленіемъ то сословіе, котораго вся сила и вся значительность заключается въ сохраненіи стараго, передъ напоромъ новизны. Вотъ отъ чего родоначальникъ историческихъ романовъ могъ явиться только въ Англіи, среди ея аристократіи, въ минуту всеобщаго движенія къ прежнему порядку вещей. Вотъ отъ чего романы его, какъ новое поэтическое и вмѣстѣ ученовѣрное выраженіе этого направленія, имѣли успѣхъ невѣроятный. И послѣдователи Вальтеръ Скотта, изъ которыхъ, впрочемъ, ни одинъ не сравнялся съ нимъ въ исторической вѣрности красокъ и литературномъ достоинствѣ изложенія,—отъ того даже самые бездарные его послѣдователи, не остались безъ читателей, покуда продолжалось это общее направленіе. Историческій романъ сталъ въ одинъ разрядъ съ мебелью рококо, съ поддѣлкою подъ прежнія фижмы, съ гербами на ливреяхъ возвратившихся эмигрантовъ, т. е., сдѣлался дѣломъ моды, всегда основанной на какой нибудь сокрытой, хотя часто изуродованной мысли.

Но отъ чего мы Русскіе, у которыхъ послѣ Наполеона ничего не возстановлялось, кромѣ стѣнъ Москвы, ничто не обращалось изъ новаго въ старое, отъ чего мы такъ увлеклись этою модою? Это можетъ объясниться только тѣмъ, что литературная жизнь наша питается сочувствіемъ не съ нашею жизнію, а съ иноземными гостиными.

Замѣтимъ однако, что этотъ родъ словесности самъ по себѣ, независимо отъ моды, имѣетъ великіе недостатки. Главный изъ нихъ тотъ, что достоинство его зависитъ не столько отъ литературнаго таланта, сколько отъ глубокаго изученія исторіи и отъ вѣрности мѣстныхъ красокъ. Ибо при малѣйшей невѣрности онъ падаетъ ниже всякаго фантастическаго вымысла, который и въ невозможномъ имѣетъ свою внутреннюю правду; между тѣмъ какъ правда романа историческаго только внѣшняя, относительная къ исторіи, оскорбляя которую, онъ оскорбляетъ и умъ, и память, и чувство читателя, и лишается въ глазахъ его всякой цѣны. Успѣхъ дурныхъ романовъ ничего не доказываетъ; онъ свидѣтельствуетъ только, что большинство читателей въ знаніи исторіи было еще ниже сочинителя, и больше ничего.

Въ наше время, когда изданіемъ столькихъ драгоцѣнныхъ и неизвѣстныхъ прежде памятниковъ старины распространился новый свѣтъ на нашу прошедшую жизнь, и возбудилось къ

ней общее вниманіе, общая любовь мыслящихъ людей, историческій романъ могъ бы имѣть новый существенный смыслъ; но за то требуетъ и новыхъ труднѣйшихъ условій.

Кромѣ того, что мы теперь, познакомившись болѣе съ предметомъ, сдѣлались взыскательнѣе въ вѣрности его изображенія; кромѣ того, что эта взыскательность требуетъ отъ автора болѣе глубокаго изученія не только составленныхъ исторій, но и самыхъ памятниковъ нашей древности; кромѣ того, что такое глубокое изученіе уже не можетъ совершиться между дѣломъ, но должно быть предметомъ постоянной, пожизненной, трудной работы и сухихъ, неусыпныхъ розысканій; кромѣ того, что это такими усиліями доставшееся изученіе предмета должно быть одушевлено вѣрностью взгляда и искусствомъ живаго представленія; кромѣ всего этого, надобно прибавить еще и то, что самое это изученіе всѣхъ подробностей исторіи необходимо должно ограничить право изобрѣтенія и вымысла, и что тѣ вольности фантазіи, которыя могли быть даже достоинствомъ романа при полузнаніи предмета, становятся, при болѣе короткомъ съ нимъ знакомствѣ, уже не достоинствами, но недостатками, оскорбляющими внутреннее чувство читателя.

Отъ того мы думаемъ, что если историческій романъ у насъ долженъ явиться въ новомъ видѣ, то для этого, вѣроятно, долженъ родиться особый геній, и что до тѣхъ поръ всѣ произведенія этого рода непремѣнно будутъ ниже того, что авторъ ихъ могъ бы создать во всякой другой литературной сферѣ.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, мы думаемъ, что почтенная сочинительница прилагаемаго отрывка, обладающая столь замѣчательнымъ талантомъ, не почтетъ насъ за безвкусныхъ варваровъ, не умѣющихъ цѣнить ея блестящихъ литературныхъ достоинствъ, если мы прибавимъ къ сказанному, что удовольствіе, которое доставило намъ чтеніе этого отрывка, исполненнаго многихъ красотъ, было испытано нами не безъ примѣси нѣкотораго сожалѣнія къ избранному ею предмету, который самъ по себѣ составляетъ самую яркую, самую глубокую, самую многозначительную и самую великую минуту во всей прошедшей жизни нашей. Здѣсь малѣйшая невѣрность является уже тяжелымъ диссонансомъ, малѣйшее приложеніе къ правдѣ измѣняетъ ея смыслъ, какъ прибавленіе всякаго новаго украшенія къ изображенію древней надписи, еще не до конца разгаданной, портитъ, не украшая.

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ.

Царицынская ночь.

(1827).

Ночь застала веселую кавалькаду въ двухъ верстахъ отъ Царицына. Невольно измѣнили они быстрый бѣгъ лошадей своихъ на медленный шагъ, когда передъ ними открылись огромные пруды—краснорѣчивый памятникъ мудраго правленія Годунова. Шумные разговоры умолкли, и тихія мысли сами собой пошли разгадывать прошлую жизнь отечества.

Между тѣмъ взошелъ мѣсяцъ. Онъ освѣтилъ неровную, узкую дорогу, открылъ дальнія поля и рощи, и отразился въ спокойныхъ водахъ. Ночь была тихая; на небѣ ни одной тучи и всѣ звѣзды.

Владиміръ первый прервалъ молчанье. „Мнѣ пришла мысль,—сказалъ онъ—представить Борисово царствованіе въ романѣ. Нѣтъ ничего загадочнѣе Русскаго народа въ это время. Не всѣ же кланялись восходящему солнцу. Представьте же себѣ человѣка, который равно ненавидитъ Годунова, какъ цареубійцу-похитителя, и Гришку, какъ самозванца; къ чему привяжетъ онъ слово: *отечество?* Мнѣ кажется, здѣсь въ первый разъ Русскій задумался объ Россіи. Къ тому же голодъ, чума, безплодныя войны, безпрестанныя возстанія народа и всѣ бѣдствія того времени должны были невольно связать умы въ одно общее стремленіе; и этимъ только объясняется послѣ возможность успѣховъ Минина и Пожарскаго. Пруды эти, гдѣ работали тысячи, собранныя со всѣхъ концовъ государства, вѣроятно, также не мало помогли мыслямъ перебродить въ народѣ. Но для романа я избралъ бы человѣка неназваннаго исторіею, воспитаннаго при дворѣ Грознаго во всѣхъ предразсудкахъ того времени, и старался бы показать: какъ сила обстоятельствъ постепенно раскрывала въ немъ понятіе лучшаго, покуда наконецъ Польское копье не положило его подъ стѣной освобожденнаго Кремля“.

„Конечно, такое лицо будетъ зеркаломъ того времени,—сказалъ Фалькъ — и работа дастъ много пищи воображенію и сердцу. Но берегись только, чтобы не нарядить девятнадцатый вѣкъ въ бороду семьнадцатаго“.

„Не ужели-жъ ты думаешь,—отвѣчалъ Владиміръ—что, переносясь въ прошедшее, можно совершенно отказаться отъ текущей минуты. А когда бы и можно было, то должно ли?—Только отношенія къ намъ даютъ смыслъ и цѣну окружающему, и потому одно настоящее согрѣваетъ намъ исторію“.

„Да, — сказалъ Черный — кому прошедшее не согрѣваетъ настоящаго“.

Завязался споръ; но скоро остановило его новое явленіе: изъ-за рощи показался гробъ—царскій дворецъ.

„Всѣ строенья Баженова,—сказалъ Вельскій—замѣчательны какою нибудь мыслью, которую онъ умѣлъ передать своимъ камнямъ, и мысль эта почти всегда печальная и вмѣстѣ странная. Кому бы пришло въ голову сдѣлать гробъ изъ потѣшнаго дворца Екатерины? А между тѣмъ, какая высокая поэзія: слить земное величіе съ памятью о смерти, и самую пышность царскаго дворца заставить говорить о непрочности земныхъ благъ. Этотъ недавній дворецъ для меня краснорѣчивѣе всѣхъ развалинъ Рима и Гишпаніи“.

„Онъ самъ развалина,—сказалъ Фалькъ,—Екатерина никогда не живала въ немъ, и отъ самаго построенья онъ оставался пустымъ, а теперь безъ оконъ и дверей. Мысль поэта-художника, говорятъ, не понравилась Государынѣ“.

Въ такихъ разговорахъ друзья приблизились къ саду, переѣхали мостъ, у трактира сошли съ лошадей и, отправляясь осматривать красоты Царицына, не позабыли заказать себѣ сытнаго ужина.

Отвязавши широкую лодку и закуривши трубки, друзья пустились гулять по гладкому пруду. Тишина, лунная ночь, качанье лодки, равномѣрные удары веселъ, музыкальное плесканье воды, свѣжесть воздуха, мрачно-поэтическій видъ окружающаго сада,—все это настроило ихъ душу къ сердечному разговору, а сердечный разговоръ, какъ обыкновенно случалось между ними, довелъ до мечтаній о будущемъ, о назначеніи человѣка, о таинствахъ искусства и жизни, объ любви, о собственной судьбѣ и, наконецъ, о судьбѣ Россіи. Каждый изъ нихъ жилъ еще надеждою, и Россія была любимымъ предме-

томъ ихъ разговоровъ, узломъ ихъ союза, зажигательнымъ фокусомъ прозрачнаго стекла ихъ надеждъ и желаній. Все, что таилось въ душѣ самаго священнаго, довѣрчиво вылилось въ слова; и можно сказать, что въ эту ночь на Годуновскомъ пруду не раздалось ни одного слова не теплаго мыслію. Правда, если бы человѣкъ, испытанный жизнью, потерявшій вѣру въ несбыточное, словомъ, человѣкъ опытный, подслушалъ ихъ неопытныя рѣчи, то улыбнулся бы многому молодому, незрѣлому, безумному; но если жизнь еще не совершенно убила въ немъ сердце, то, конечно, оно не разъ забилось бы сильнѣе отъ сердечнаго слова. . .

Между тѣмъ лодка причалила къ тому мѣсту, гдѣ былъ приготовленъ ужинъ. Друзья расположились подъ открытымъ небомъ. Пробка хлопнула и, не встрѣтивъ потолка, возвратилась на столъ.

„Сегоднишній вечеръ былъ полонъ,—сказалъ Владиміръ, наливая бокалы—вѣрно каждому изъ насъ отзовется онъ въ цѣлой жизни, и, начиная съ теперешней минуты, вѣрно каждый уже смѣлѣе смотритъ въ будущее, и для каждаго сдѣлалось священнѣе то мѣсто, куда поставила его судьбу. Спасибо свѣтлой Царицынской ночи!“

„Въ самомъ дѣлѣ свѣтлой,—сказалъ Черный—что непримѣтною искрою таилось въ сердцѣ, то ея вліяніемъ разсвѣло въ ясный день и, конечно, не погаснетъ прежде послѣдняго луча жизни. За здоровье Царицынской ночи!“

Чоканье рюмокъ было отвѣтомъ.

„Мы не позабыли ничего, что грѣетъ душу,—сказалъ Фалькъ—только одного недостаетъ еще: стиховъ. Вельскій! это твое дѣло! Благослови сегоднишнюю сходку!“

„Давайте шампанскаго!“—отвѣчалъ Вельскій.

Вино закипѣло; поэтъ, собирая мысли, устремилъ глаза къ небу: тамъ Большая-Медвѣдица свѣтилась прямо надъ его головою. Мигомъ осушилъ онъ бокалъ . . . мысль загорѣлась . . онъ началъ такъ:

Смотрите, о други! надъ нами семь звѣздъ:
То вѣстники счастья, о други!
Залогъ исполненія лучшихъ надеждъ,
Блестящее зеркало жизни.

Такъ, други! надъ темною жизнію намъ
Семь звѣздъ зажжено Провидѣньемъ;
И все, что прекраснаго есть на землѣ,—
Все даръ семизвѣзднаго хора.

Намъ *Вѣры звѣзда* утѣшитель въ бѣдахъ,
И въ счастьи надежный вожатый;
Звѣзда Пѣснопѣнья льетъ въ душу восторгъ
И жизнь согрѣваетъ мечтою.

Но счастливъ, кто обнялъ мечту не во снѣ!
Кому, на восторгъ отвѣчая,
Лазурное небо стыдливыхъ очей
Звѣздою Любви загорѣлось!

Кого возлелѣяла *Славы звѣзда.*
Кому, предъ неправою силой,
Главы благородной склонить не дала
Свободы звѣзда золотая...

Кто *Дружбы звѣздой* изъ немногихъ избранъ,
Сокровища лучшія сердца
Со страхомъ отъ взоровъ людей не таилъ,
Какъ тать укрываетъ святыню.

Седьмая звѣзда свѣтитъ ярче другихъ,
Надеждою свѣтъ тотъ прекрасенъ!
Но въ горѣ отрады она не даетъ,
И счастья съ собой не выноситъ;

Страданья и смерть обѣщаетъ она
Тому, кто безумной мечтою
Въ вожатые жизни ее изберетъ...
О други! Кто пьетъ за *седьмую?*—

Опалъ.

(Волшебная сказка).

(1830).

Царь Нурреди́нъ шестьнадцати лѣтъ взошелъ на престолъ Сирійскій. Это было въ то время, когда, по свидѣтельству Аріоста, духъ рыцарства подчинилъ всѣ народы однимъ законамъ чести, и всѣ племена различныхъ исповѣданій соединилъ въ одно поклоненіе красотѣ.

Царь Нурреди́нъ не безъ славы носилъ корону царскую; онъ окружилъ ее блескомъ войны и побѣдъ, и громъ оружія Сирійскаго разнесъ далеко за предѣлы отечественные. Въ битвахъ и поединкахъ, на пышныхъ турнирахъ и въ одинокихъ странствіяхъ, среди Мусульманъ и невѣрныхъ,—вездѣ мечъ Нурреди́на оставлялъ глубокіе слѣды его счастія и отважности. Имя его часто повторялось за круглымъ столомъ двѣнадцати храбрыхъ, и многіе изъ знаменитыхъ сподвижниковъ Карла носили на безстрашной груди своей повѣсть о подвигахъ Нурреди́новыхъ, начертанную четкими рубцами сквозь ихъ прорубленныя брони.

Такъ удачею и мужествомъ добылъ себѣ Сирійскій царь и могущество и честь; но оглушенное громомъ брани сердце его понимало только одну красоту — опасность, и знало только одно чувство — жажду славы, неутолимую, безпредѣльную. Ни звонъ стакановъ, ни пѣсни трубадуровъ, ни улыбка красавицъ не прерывали ни на минуту однообразнаго хода его мыслей; послѣ битвы готовился онъ къ новой битвѣ; послѣ побѣды искалъ онъ не отдыха, но задумывался о новыхъ побѣдахъ, замышлялъ новые труды и завоеванія.

Не смотря на то, однако, разъ случилось, что Сирія была въ мирѣ со всѣми сосѣдями, когда Оригеллъ, царь Китайскій, представилъ мечу Нурреди́на новую работу. Незначительныя

распри между ихъ подданными дошли случайно до слуха правителей; обида росла взаимностью, и скоро смерть одного изъ царей стала единственнымъ честнымъ условіемъ мира.

Выступая въ походъ Нурреди́нъ поклялся головою и честью передъ народомъ и войскомъ: до тѣхъ поръ не видать стѣнъ Дамасскихъ, покуда весь Китай не покорится его скипетру и самъ Оригеллъ не отплатитъ своею головою за обиды, имъ нанесенныя.—Никогда еще Нурреди́нъ не клялся понапрасну.

Черезъ мѣсяцъ всѣ области Китайскія, одна за другою, поклонились мечу Нурреди́на. Побѣжденный Оригеллъ съ остаткомъ избранныхъ войскъ заперся въ своей столицѣ. Началась осада.

Не находя средствъ къ спасенію, Оригеллъ сталъ просить мира, уступая побѣдителю половину своего царства. Нурреди́нъ отвѣчалъ, что со врагами не дѣлится, — и осада продолжается.

Войско Оригеллово ежедневно убываетъ числомъ и упадаетъ духомъ; запасы приходятъ къ концу; Нурреди́нъ не сдается на самыя униженныя просьбы.

Уныніе овладѣло царемъ Китайскимъ; всякій день положеніе Оригелла становится хуже; всякій день Нурреди́нъ пріобрѣтаетъ новую выгоду. Въ отчаяньи, Китайскій царь предложилъ Нурреди́ну все свое царство Китайское, всѣ свои владѣнія Индѣйскія, всѣ права, всѣ титлы, съ тѣмъ только, чтобы ему позволено было вывести свои сокровища, своихъ женъ, дѣтей и любимцевъ. Нурреди́нъ оставался неумолимымъ,—и осада продолжается.

Наконецъ, видя неизбѣжность своей погибели, Оригеллъ уступаетъ все, и сокровища, и любимцевъ, и дѣтей, и женъ, и просилъ только о жизни. Нурреди́нъ, припомнивъ свою клятву, отвергъ и это предложеніе.

Осада продолжается ежедневно сильнѣе, ежедневно неотразимѣе. Готовый на все, Китайскій царь рѣшился испытать послѣднее, отчаянное средство къ спасенію: чародѣйство.

Въ его осажденной столицѣ стоялъ огромный, старинный дворецъ, который уже болѣе вѣка оставался пустымъ, потому что нѣкогда въ немъ совершено было ужасное злодѣяніе, столь ужасное, что даже и повѣсть о немъ исчезла изъ памяти людей; ибо кто зналъ ее, тотъ не смѣлъ повторить другому, а кто не зналъ, тотъ боялся выслушать. Отъ того преданье шло

только о томъ, что какое-то злодѣяніе совершилось, и что дворецъ съ тѣхъ поръ оставался нечистымъ. Туда пошелъ Оригеллъ, утѣшая себя мыслію, что хуже того, что будетъ, не будетъ.

Посреди дворца нашелъ онъ площадку; посреди площадки стояла палатка съ золотою шишечкой; посреди палатки была лѣстница съ живыми перильцами; лѣстница привела его къ подземному ходу; подземный ходъ вывелъ его на гладкое поле, окруженное непроходимымъ лѣсомъ; посреди поля стояла хижина; посреди хижины сидѣлъ Дервишъ и читалъ Черную Книгу. Оригеллъ разсказалъ ему свое положеніе и просилъ о помощи.

Дервишъ раскрылъ Книгу Небесъ, и нашелъ въ ней подъ какою звѣздою Нурреддинъ родился, и въ какомъ созвѣздіи та звѣзда, и какъ далеко отстоитъ она отъ подлунной земли.

Отыскавъ мѣсто звѣзды на небѣ, Дервишъ сталъ отыскивать ея мѣсто въ судьбахъ небесныхъ, и для того раскрылъ другую книгу, Книгу Волшебныхъ Знаковъ, гдѣ на черной страницѣ явился передъ нимъ огненный кругъ: много звѣздъ блестѣло въ кругу и на окружности, иныя внутри, другія по краямъ; Нурреддинова звѣзда стояла въ самомъ центрѣ огненнаго круга.

Увидѣвъ это, колдунъ задумался, и потомъ обратился къ Оригеллу съ слѣдующими словами:

„Горе тебѣ, царь Китайскій, ибо непобѣдимъ твой врагъ и никакія чары не могутъ преодолѣть его счастія; счастье его заключено внутри его сердца, и крѣпко создана душа его, и всѣ намѣренія его должны исполняться; ибо онъ никогда не желалъ невозможнаго, никогда не искалъ несбыточнаго, никогда не любилъ небывалаго, а потому и никакое колдовство не можетъ на него дѣйствовать!“

„Однако,—продолжалъ Дервишъ—я могъ бы одолѣть его счастье, я могъ бы опутать его волшебствами и наговорами, если бы нашлась на свѣтѣ такая красавица, которая могла бы возбудить въ немъ такую любовь, которая подняла бы его сердце выше звѣзды своей и заставила бы его думать мысли невыразимыя, искать чувства невыносимаго и говорить слова непостижимыя; тогда могъ бы я погубить его“.

„Еще могъ бы я погубить его тогда, когда бы нашелся въ мірѣ такой старикъ, который бы пропѣлъ ему такую пѣсню, ко-

торая бы унесла его за тридевять земель въ тридесятое государство, куда звѣзды садятся".

„Еще могъ бы я погубить его тогда, когда бы въ природѣ нашлось такое мѣсто, съ горами, съ пригорками, съ лѣсами, съ долинами, съ рѣками, съ ущельями, такое мѣсто, которое было бы такъ прекрасно, чтобы Нурреди́нъ, засмотрѣвшись на него, позабылъ хотя на минуту обыкновенныя заботы текущаго дня".

„Тогда мои чары могли бы на него дѣйствовать".

„Но на свѣтѣ нѣтъ такой красавицы, нѣтъ въ мірѣ такого старика, нѣтъ такой пѣсни, и нѣтъ такого мѣста въ природѣ".

„Потому Нурреди́нъ погибнуть не можетъ".

„А тебѣ, Китайскій царь, спасенья нѣтъ и въ чародѣйствахъ":

При этихъ словахъ чернокнижника отчаянье Оригелла достигло высшей степени, и онъ уже хотѣлъ идти вонъ изъ хижины Дервиша, когда послѣдній удержалъ его слѣдующими словами:

„Погоди еще, царь Китайскій! еще есть одно средство погубить твоего врага. Смотри: видишь ли ты звѣзду Нурреди́нову? Высоко, кажется, стоитъ она на небѣ; но, если ты захочешь, мои заклинанья пойдутъ еще выше. Я сорву звѣзду съ неба; я привлеку ее на землю; я сожму ее въ искорку; я запру ее въ темницу крѣпкую,—и спасу тебя; но для этого, государь, долженъ ты поклониться моему владыкѣ и принести ему жертву подданническую".

Оригеллъ согласился на все. Трынь-трава закурилась, знакъ начерченъ на землѣ, слово произнесено, и обрядъ совершился.

Въ эту ночь,—войска отдыхали и въ городѣ и въ станѣ,—часовые молча ходили взадъ и впередъ, и медленно перекликались;—вдругъ: какая-то звѣздочка сорвалась съ неба и падаетъ, падаетъ—по темному своду, за темный лѣсъ; часовые остановились: звѣзда пропала—куда? неизвѣстно; только тамъ, гдѣ она падала, струилась еще свѣтлая дорожка, и то на минуту;—опять на небѣ темно и тихо;—часовые опять пошли своею указною дорогою.

На утро оруженосецъ вошелъ въ палатку Нурредина: „Государь! какой-то монахъ съ горы Араратской проситъ видѣть свѣтлое лицо твое; онъ говоритъ, что имѣетъ важныя тайны сообщить тебѣ".

„Впусти его!“

„Чего хочешь ты отъ меня, святой отецъ?“

„Государь! шестьдесятъ лѣтъ не выходилъ я изъ кельи, въ звѣздахъ и книгахъ испытуя премудрость и тайны созданія. Я проникъ въ сокровенное природы; я вижу внутренность земли и солнца: будущее ясно глазамъ моимъ; судьба людей и народовъ открыта передо мною!...“

„Монахъ! чего хочешь ты отъ меня?“

„Государь! я принесъ тебѣ перстень, въ которомъ заключена звѣзда твоя. Возьми его, и судьба твоя будетъ въ твоихъ рукахъ. Если ты надѣнешь его на мизинецъ лѣвой руки и вглядишься въ блескъ этого камня, то въ немъ предстанетъ тебѣ твое счастіе; но тамъ же увидишь ты и гибель свою, и отъ тебя одного будетъ зависѣть тогда твоя участь, великій государь...“

„Старикъ! — прервалъ его Нурреди́нъ, — если все сокровенное открыто передъ тобой, то какъ же осталось для тебя тайною то, что давно извѣстно всему міру? — Можетъ быть только ты одинъ не знаешь, столѣтній отшельникъ, что судьба Нурреди́на и безъ твоего перстня у него въ рукахъ, что счастіе его заключено въ мечѣ его. Не нужно мнѣ другой звѣзды, кромѣ той, которая играетъ на этомъ лезвіѣ, — смотри, какъ блещетъ это желѣзо — и какъ умѣетъ оно наказывать обманщиковъ!...“

При этомъ словѣ Нурреди́нъ схватилъ свой мечъ; но когда обнажилъ его, то старый монахъ былъ уже далеко за палаткою царскою, по дорогѣ къ непріятельскому стану. Черезъ нѣсколько минутъ оруженосецъ снова вошелъ въ ставку Нурреди́на.

„Государь! монахъ, который сей часъ вышелъ отъ тебя, возвращался опять. Онъ велѣлъ мнѣ вручить тебѣ этотъ перстень и проситъ тебя, собственными глазами удостовѣриться въ истинѣ его словъ“.

„Гдѣ онъ? Приведи его сюда?“

„Оставя мнѣ перстень, онъ тотчасъ же скрылся въ лѣсу, который примыкаетъ къ нашему лагерю, и сказалъ только, что придетъ завтра“.

— Хорошо. Оставь перстень здѣсь, и когда придетъ монахъ, пусти его ко мнѣ.

Перстень не блестѣлъ богатствомъ украшеній. Круглый

опалъ, обдѣланный въ золотѣ просто, тускло отливалъ радужныя краски.

„Не уже ли судьба моя въ этомъ камнѣ?—думалъ Нурреди́нъ. Завтра вѣрнѣе узнаешь ты свою судьбу отъ меня, дерзкій обманщикъ!...“ И между тѣмъ царь надѣвалъ перстень на мизинецъ лѣвой руки и, смотря на переливчатый камень, старался открыть въ немъ что нибудь необыкновенное.

И въ самомъ дѣлѣ, въ облачно-небесномъ цвѣтѣ этого перстня былъ какой-то особенный блескъ, котораго Нурреди́нъ не замѣчалъ прежде въ другихъ опалахъ. Какъ будто внутри его была спрятана искорка огня, которая играла и бѣгала, то погасала, то снова вспыхивала, и при каждомъ движеніи руки разгоралась все ярче и ярче.

Чѣмъ болѣе Нурреди́нъ смотрѣлъ на перстень, тѣмъ яснѣе отличалъ онъ огонекъ, и тѣмъ прозрачнѣе дѣлался камень. Вотъ огонекъ остановился яркою звѣздочкой, глубоко внутри опала, котораго туманный блескъ разливался внутри нея, какъ воздухъ вечерняго неба, слегка подернутаго легкими облаками.

Въ этомъ легкомъ туманѣ, въ этой свѣтлой, далекой звѣздочкѣ было что-то неодолимо привлекательное для царя Сирійскаго; не только не могъ онъ отвести взоровъ отъ чудеснаго перстня, но, забывъ на это время и войну и Оригелла, онъ всѣмъ вниманіемъ и всѣми мыслями утонулъ въ созерцаніи чудеснаго огонька, который, то дробясь на радугу, то опять сливаясь въ одно солнышко, выросталъ и приближался все больше и больше.

Чѣмъ внимательнѣе Нурреди́нъ смотрѣлъ внутрь опала, тѣмъ онъ казался ему глубже и бездоннѣе. Мало по малу золотой обручикъ перстня превратился въ круглое окошечко, сквозь которое сіяло другое небо, свѣтлѣе нашего, и другое солнце, такое же яркое, лучезарное, но какъ будто еще веселѣе и не такъ ослѣпительно.

Это новое небо становилось безпрестанно блестящѣе и разнообразнѣе; это солнце все больше и больше; вотъ оно выросло огромнѣе надземнаго, еще ярче, еще торжественнѣе, и хотя ослѣпительно, но все ненаглядно и привлекательно; быстро катилось оно ближе и ближе; или, лучше сказать, Нурреди́нъ не зналъ, солнце ли приближается къ нему, или онъ летитъ къ солнцу.

Вотъ новое явленіе поражаетъ его напряженныя чувства: изъ-подъ катящагося солнца исходитъ глухой и неявственный гулъ, какъ бы ревъ далекаго вѣтра, или какъ стонъ умолкающихъ колоколовъ; и чѣмъ ближе солнце, тѣмъ звонче гулъ. Вотъ ужъ слухъ Нурредина можетъ ясно распознать въ немъ различные звуки: будто тысячи арфъ разнострунными звонами сливаются въ одну согласную пѣснь; будто тысячи разныхъ голосовъ различно строются въ одно созвучіе, тѣ умирая, тѣ рождаясь, и всѣ повинуясь одной, разнообразно переливчатой, необъятной гармоніи.

Эти звуки, эти пѣсни проникли до глубины души Нурредина. Въ первый разъ испыталъ онъ, что такое восторгъ. Какъ будто сердце его, дотолѣ нѣмое, пораженное голосомъ звѣзды своей, вдругъ обрѣло и слухъ и языкъ; такъ, какъ звонкій металлъ, въ первый разъ вынесенный на свѣтъ рукою искусства, при встрѣчѣ съ другимъ металломъ, потрясается до глубины своего состава и звенитъ ему звукомъ отвѣтнымъ. Жадно вслушиваясь въ окружающую его музыку, Нурреднпъ не могъ различить, что изнутри его сердца, что извнѣ ему слышится.

Вотъ прикатившееся солнце заслонило собою весь круглый сводъ своего неба; все горѣло сіяніемъ; воздухъ сталъ жарокъ, и душенъ, и ослѣпителенъ; музыка превратилась въ оглушительный громъ; — но вотъ — пламя исчезло, замолкли звуки, и нѣмое солнце утратило лучи свои, хотя еще не переставало рости и приближаться, свѣтя холоднымъ сіяніемъ восходящаго мѣсяца. Но, безпрестанно блѣднѣя, скоро и это сіяніе затмилось; солнце приняло видъ земли, и вотъ — долетѣло... ударило... перевернулось... и—гдѣ земля? гдѣ перстень?... Нурреднпъ, самъ не вѣдая какъ, очутился на новой планетѣ.

Здѣсь все было странно и невидано: горы, насыпанныя изъ граненыхъ брилліантовъ; огромные утесы изъ чистаго серебра, украшенные самородными рельефами, изящными статуями, правильными колоннами, выросшими изъ золота и мрамора. Тамъ ослѣпительныя бесѣдки изъ разноцвѣтныхъ кристалловъ. Тамъ роща,—и прохладная тѣнь ея исполнена самаго нѣжнаго, самаго упоительнаго благоуханія. Тамъ бьетъ фонтанъ виномъ кипучимъ и яркимъ. Тамъ свѣтлая рѣка тихо плескается о зеленые берега свои; но въ этомъ плескани, въ этомъ говорѣ волнъ есть что-то разумное, что-то понятное безъ словъ, какой-то мудреный разсказъ о несбыточномъ, но бываломъ, ка-

кая-то сказка волшебная и заманчивая. Вмѣсто вѣтра здѣсь вѣяла музыка; вмѣсто солнца здѣсь свѣтилъ самъ воздухъ. Вмѣсто облаковъ летали прозрачные образы боговъ и людей; какъ будто снятые волшебнымъ жезломъ съ картины какого нибудь великаго мастера, они, легкіе, вздымались до неба и, плавая въ стройныхъ движеніяхъ, купались въ воздухѣ.

Долго Сирійскій царь ходилъ въ сладкомъ раздумьи по новому міру, и ни взоръ его, ни слухъ ни на минуту не отдыхали отъ безпрестаннаго упоенія. Но посреди окружавшихъ его прелестей невольно въ душу его тѣснилась мысль другая: онъ со вздохомъ вспоминалъ о той музыкѣ, которую приближаясь издавала звѣзда его; онъ полюбилъ эту музыку такъ, какъ будто она была не голосъ, а живое созданіе, существо съ душою и съ образомъ; тоска по ней мѣшалась въ каждое его чувство, и услышать снова тѣ чарующіе звуки стало теперь его единственнымъ, болѣзненнымъ желаніемъ.

Между тѣмъ въ глубинѣ зеленаго лѣса открылся передъ нимъ блестящій дворецъ, чудесно слитый изъ остановленнаго дыма. Дворецъ, казалось, струился и волновался, и переливался, и не смотря на то, стоялъ неподвижно и твердо въ одномъ положеніи. Прозрачныя колонны жемчужнаго цвѣта были увиты свѣтлыми гирляндами изъ розовыхъ облаковъ. Дымчатый портикъ возвышался стройно и радужно, красуясь граціей самыхъ строгихъ пропорцій; огромный сводъ казался круглымъ каскадомъ, который падалъ во всѣ стороны свѣтлою дугою, безъ рѣки и безъ брызговъ: все во дворцѣ было живо, все играло, и весь онъ казался летучимъ облакомъ, а между тѣмъ это облако сохраняло постоянно свои строгія формы. Крѣпко забилось сердце Нуррединово, когда онъ приблизился ко дворцу: предчувствіе какого-то неиспытаннаго счастія занимало духъ и томило грудь его. Вдругъ растворились легкія двери, и въ одеждѣ изъ солнечныхъ лучей, въ вѣнцѣ изъ яркихъ звѣздъ, опоясанная радугой, вышла дѣвица.

„Это она!“ воскликнулъ Сирійскій царь. Нурреднъ узналъ ее. Правда, подъ туманнымъ покрываломъ не видно было ея лица; но по гибкому ея стану, по ея граціознымъ движеніямъ и стройной поступи, развѣ слѣпой одинъ могъ бы не узнать на его мѣстѣ, что эта дѣвица была та самая Музыка Солнца, которая такъ плѣнила его сердце,

Едва увидѣла дѣвица Сирійскаго царя, какъ въ ту же ми-

нуту обратилась къ нему спиною и, какъ бы испугавшись, пустилась бѣжать вдоль широкой аллеи, усыпанной мелкимъ, серебрянымъ пескомъ. Царь за нею.

Чѣмъ ближе онъ къ ней, тѣмъ шибче бѣжитъ дѣвица, и тѣмъ болѣе царь ускоряетъ свой бѣгъ.

Грація во всѣхъ ея движеніяхъ; волосы развѣялись по плечамъ; быстрыя ножки едва оставляютъ на серебряномъ песку свои узкіе, стройные слѣды; но вотъ ужъ царь не далеко отъ нея; вотъ онъ настигъ ее, хочетъ обхватить ея стройный станъ,—она мимо, быстро, быстро... какъ будто Грація обратилась въ Молнію; легко, красиво... какъ будто Молнія обернулась въ Грацію.

Дѣвица исчезла; царь остался одинъ, усталый, недовольный. Напрасно искалъ онъ ее во дворцѣ и по садамъ: нигдѣ не было и слѣдовъ дѣвицы. Вдругъ изъ-за куста ему повѣяло музыкой, какъ будто вопросъ: за чѣмъ пришелъ ты сюда? —

„Клянусь красотою здѣшняго міра,—отвѣчалъ Нурреди́нъ— что я не съ тѣмъ пришелъ сюда, чтобы вредить тебѣ, и не сдѣлаю ничего противнаго твоей волѣ, прекрасная дѣвица, если только выйдешь ко мнѣ и хотя на минуту откроешь лицо свое.“

„Какъ пришелъ ты сюда?“ повѣяла ему таже музыка. Нурреди́нъ разсказалъ, какимъ образомъ достался ему перстень, и едва онъ кончилъ, какъ вдругъ изъ тѣнистой бесѣдки показалась ему таже дѣвица; и въ то же самое мгновеніе царь очнулся въ своей палаткѣ.

Перстень былъ на его рукѣ, и передъ нимъ стоялъ ханъ Арбазъ, храбрѣйшій изъ его полководцевъ и умнѣйшій изъ его совѣтниковъ. „Государь!—сказалъ онъ Нурреди́ну—покуда ты спалъ, непріятель ворвался въ нашъ станъ. Никто изъ придворныхъ не смѣлъ разбудить тебя; но я дерзнулъ прервать твой сонъ, боясь, чтобы безъ твоего присутствія побѣда не была сомнительна.“

Суровый, разгнѣванный взоръ былъ отвѣтомъ министру; нехотя опоясалъ Нурреди́нъ свой мечъ, и тихими шагами вышелъ изъ ставки.

Битва кончилась.—Китайскія войска снова заперлись въ стѣнахъ своихъ; Нурреди́нъ, возвратясь въ свою палатку, снова заглядѣлся на перстень. Опять звѣзда, опять солнце и музыка, и новый міръ, и облачный дворецъ, и дѣвица. Теперь

она была съ нимъ смѣлѣе, хотя не хотѣла еще поднять своего покрывала.

Китайцы сдѣлали новую вылазку. Сирійцы опять отразили ихъ; но Нурреди́нъ потерялъ лучшую часть своего войска, которому въ битвѣ уже не много помогала его рука, бывало неодолимая. Часто въ пылу сраженія Сирійскій царь задумывался о своемъ перстнѣ, и посреди боя оставался равнодушнымъ его зрителемъ, и бывши зрителемъ, казалось, видѣлъ что-то другое.

Такъ прошло нѣсколько дней. Наконецъ, царю Сирійскому наскучила тревога боеваго стана. Каждая минута, проведенная не внутри опала, была ему невыносима. Онъ забылъ и славу, и клятву: первый послалъ Оригеллу предложеніе о мирѣ, и, заключивъ его на постыдныхъ условіяхъ, возвратился въ Дамаскъ; поручилъ визирямъ правленіе царства, заперся въ своемъ чертогѣ, и подъ смертною казнію запретилъ своимъ царедворцамъ входить въ царскіе покои безъ особеннаго повелѣнія.

Почти все время проводилъ Нурреди́нъ на звѣздѣ, близь дѣвицы; но до сихъ поръ еще не видалъ онъ ея лица. Однажды, тронутая его просьбами, она согласилась поднять покрывало; и той красоты, которая явилась тогда передъ его взорами, невозможно выговорить словами, даже магическими,—и того чувства, которое овладѣло имъ при ея взглядѣ, невозможно вообразить даже и во снѣ. Если въ эту минуту Сирійскій царь не лишился жизни, то конечно не отъ того, чтобы люди не умирали отъ восторга, а вѣроятно потому только, что на той звѣздѣ не было смерти.

Между тѣмъ министры Нурреди́новы думали болѣе о своей выгодѣ, чѣмъ о пользѣ государства. Сирія изнемогала отъ неустройствъ и беззаконій. Слуги слугъ министровыхъ утѣсняли гражданъ; почеты сыпались на богатыхъ; бѣдные страдали; народомъ овладѣло уныніе, а сосѣди смѣялись.

Жизнь Нурреди́на на звѣздѣ была серединою между сновидѣніемъ и дѣйствительностію. Ясность мыслей, святость и свѣжесть впечатлѣній могли принадлежать только жизни на яву; но волшебство предметовъ, но непрерывное упоеніе чувствъ, но музыкальность сердечныхъ движеній и мечтательность всего окружающаго уподобляли жизнь его болѣе сновидѣнію, чѣмъ дѣйствительности. Дѣвица Музыка казалась также сліяніемъ двухъ міровъ. Душевное выраженіе ея лица, безпрестанно измѣ-

няясь, было всегда согласно съ мыслями Нурредина, такъ что красота ея представлялась ему столько же зеркаломъ его сердца, сколько отраженіемъ ея души. Голосъ ея былъ между звукомъ и чувствомъ: слушая его, Нурреднинъ не зналъ, точно ли слышитъ онъ музыку, или все тихо, и онъ только воображаетъ ее? Въ каждомъ словѣ ея находилъ онъ что-то новое для души, а все вмѣстѣ было ему какимъ-то счастливымъ воспоминаніемъ чего-то дожизненнаго. Разговоръ ея всегда шелъ туда, куда шли его мысли, такъ какъ выраженіе лица ея слѣдовало всегда за его чувствами; а между тѣмъ все, что она говорила, безпрестанно возвышало его прежнія понятія, такъ какъ красота ея безпрестанно удивляла его воображеніе. Часто, взявшись рука съ рукою, они молча ходили по волшебному міру; или, сидя у волшебной рѣки, слушали ея волшебныя сказки; или смотрѣли на синее сіяніе неба; или, отдыхая на волнистыхъ диванахъ облачнаго дворца, старались собрать въ опредѣленныя слова все разсѣянное въ ихъ жизни; или, разостлавъ свое покрывало, дѣвица обращала его въ коверъ самолетъ, и они вмѣстѣ улетали на воздухъ, и купались, и плавали среди красивыхъ облаковъ; или, поднявшись высоко, они отдавались на волю случайнаго вѣтра и неслись быстро по безпредѣльному пространству и уносились, куда взоръ не дойдетъ, куда мысль не достигнетъ, и летѣли, и летѣли такъ—что духъ замиралъ...

Но положеніе Сиріи безпрестанно становилось хуже, и тѣмъ опаснѣе, что въ цѣлой Азіи совершились тогда страшные перевороты. Древніе грады рушились; огромныя царства колебались и падали; новыя возникали насильственно; народы двигались съ мѣстъ своихъ; неизвѣстныя племена набѣгали неизвѣстно откуда; предѣловъ не стало между государствами; никто не вѣрилъ завтрешнему дню; каждый дрожалъ за текущую минуту; одинъ Нурреднинъ не заботился ни о чемъ. Внутреннія неустройства со всѣхъ сторонъ открыли Сирію внѣшнимъ врагамъ; одна область отпадала за другою, и уже самые близорукіе умы начинали предсказывать ей близкую погибель.

„Дѣвица!—сказалъ однажды Нурреднинъ дѣвицѣ Музыкѣ—поцѣлуй меня!“

„Я не могу — отвѣчала дѣвица — если я поцѣлую тебя, то лишусь всего отличія моей прелести, и красотой своей сравняюсь съ обыкновенными красавицами подлунной земли.

Есть однако средство исполнить твое желаніе, не теряя красоты моей... оно зависитъ отъ тебя... послушай: если ты любишь меня, отдай мнѣ перстень свой; блестя на моей рукѣ, онъ уничтожитъ вредное дѣйствіе твоего поцѣлуя."

„Но какъ же безъ перстня приду я къ тебѣ?"

„Какъ ты теперь видишь мою землю въ этомъ перстнѣ, такъ я тогда увижу въ немъ твою землю; какъ ты теперь приходишь ко мнѣ, такъ и я приду къ тебѣ" — сказала дѣвица-Музыка, и, одной рукой снимая перстень съ руки Нурредина, она обнимала его другою. И въ то мгновеніе, какъ уста ея коснулись устъ Нуррединовыхъ, а перстень съ его руки перешелъ на руку дѣвицы, въ то мгновеніе, продолжавшееся, можетъ быть, не болѣе одной минуты, новый міръ вдругъ исчезъ вмѣстѣ съ дѣвицей, и Нурреднпъ, еще усталый отъ восторга, очутился одинъ на мягкомъ диванѣ своего дворца.

Долго ждалъ онъ обѣщаннаго прихода дѣвицы - Музыки; но въ этотъ день она не пришла; ни черезъ два, ни черезъ мѣсяцъ, ни черезъ годъ. Напрасно разсылалъ онъ гонцовъ во всѣ концы свѣта искать Араратскаго отшельника; уже и послѣдній изъ нихъ возвратился безъ успѣха. Напрасно истощалъ онъ свои сокровища, скупая отовсюду круглые опалы; ни въ одномъ изъ нихъ не нашелъ онъ звѣзды своей.

„Для каждаго человѣка есть одна звѣзда, — говорили ему волхвы — ты, государь, потерялъ свою, другой уже не найти тебѣ!"

Тоска овладѣла царемъ Сирійскимъ, и онъ конечно не задумался бы утопить ее въ студеныхъ волнахъ своего златопесчанаго Бардинеза, еслибы только вмѣстѣ съ жизнію не боялся лишиться и послѣдней тѣни прежнихъ наслажденій— грустнаго, темнаго наслажденія: *вспоминать* про свое солнышко!

Между тѣмъ тотъ же Оригеллъ, который недавно трепеталъ меча Нуррединова, теперь самъ осаждалъ его столицу. Скоро стѣны Дамасскія были разрушены, Китайское войско вломилось въ царскій дворецъ, и вся Сирія вмѣстѣ съ царемъ своимъ подпала подъ власть Китайскаго императора.

„Вотъ примѣръ коловратности счастія,—говорилъ Оригеллъ, указывая полководцамъ своимъ на окованнаго Нурредина—те-

перь онъ рабъ, и вмѣстѣ съ свободою утратилъ весь блескъ прежняго имени. Ты заслужилъ свою гибель—продолжалъ онъ, обращаясь къ царю Сирійскому,—однако я не могу отказать тебѣ въ сожалѣніи, видя въ несчастіи твоемъ могущество судьбы еще болѣе, чѣмъ собственную вину твою. Я хочу, сколько можно, вознаградить тебя за потерю твоего трона. Скажи мнѣ: чего хочешь ты отъ меня? О чемъ изъ утраченнаго жалѣешь ты болѣе? Который изъ дворцовъ желаешь ты сохранить? Кого изъ рабовъ оставить? Избери лучшія изъ сокровищъ моихъ и, если хочешь, я позволю тебѣ быть моимъ намѣстникомъ на прежнемъ твоемъ престолѣ!"

„Благодарю тебя, государь! — отвѣчалъ Нурединъ — но изъ всего, что ты отнялъ у меня, я не жалѣю ни о чемъ. Когда дорожилъ я властію, богатствомъ и славою, умѣлъ я быть и сильнымъ, и богатымъ. Я лишился сихъ благъ только тогда, когда пересталъ желать ихъ, и недостойнымъ попеченія моего почитаю я то, чему завидуютъ люди. Суета, всѣ блага земли! суета все, что обольщаетъ желанія человѣка, и чѣмъ плѣнительнѣе, тѣмъ менѣе истинно, тѣмъ болѣе суета! Обманъ все прекрасное, и чѣмъ прекраснѣе, тѣмъ обманчивѣе; ибо лучшее, что есть въ мірѣ, это—мечта".

30 Декабря 1830 г.
Москва.

Отрывокъ изъ романа: Двѣ жизни.

(1832).

ГЛАВА I.

Изящнымъ называютъ прекрасное, прекрасно выраженное. И если это справедливо, то искусство хорошо одѣваться должно принадлежать къ числу изящныхъ искусствъ, по крайней мѣрѣ столько же, сколько танцованье.

Вотъ почему на женщину, одѣтую со вкусомъ, я смотрю съ удовольствіемъ эстетическимъ, какъ на артиста, котораго мы съ наслажденіемъ разгадываемъ въ его созданіяхъ. И одѣваться хорошо не такъ легко, какъ думаютъ обыкновенно. Для этого нужно много, много условій, и я думаю даже, что это также трудно, какъ быть великимъ музыкантомъ, или великимъ живописцемъ, и, можетъ быть, даже великимъ человѣкомъ. Правда, на свѣтѣ чаще встрѣчаются женщины хорошо одѣтыя, чѣмъ Наполеоны и Байроны; но это потому только, что природа сама женщина и отъ того въ дарахъ своихъ щедрѣе къ своему прекрасному полу, чѣмъ къ нашему. А въ доказательство, что я говорю безъ преувеличенія, постараемся исчислить всѣ тѣ качества, которыя необходимо имѣть женщинѣ, чтобъ одѣваться хорошо, въ истинномъ смыслѣ этого слова.

Для этого нужно:

1. Красота, по крайней мѣрѣ нѣкоторая степень красоты;— безъ того не можетъ быть и рѣчи объ изящномъ.

2. Вкусъ, то есть, качество, котораго нельзя ни купить, ни выучить, которое дается немногимъ, и которое даже тогда, когда дано природою, еще имѣетъ нужду въ счастливомъ и правильномъ развитіи. Слѣдовательно:

3. Воспитаніе и образованность. Здѣсь, вѣроятно, многіе будутъ со мною противнаго мнѣнія. — „Кому не случалось,—

скажутъ они, — встрѣчать женщину прекрасно одѣтую, безъ образованности и воспитанія?“ Но разсуждать объ одеждѣ такимъ образомъ, значитъ не понимать ея глубокаго значенія. Конечно, женщина необразованная можетъ быть одѣта по модѣ и даже къ лицу; но развѣ это все?—Красота одежды заключается не въ модѣ и даже не въ красивости, она не въ шелкахъ и не въ блондахъ, не въ страусахъ и не въ бриллiантахъ. Одежда, какъ слово, кромѣ наружной гармоніи, имѣетъ еще свой внутренній смыслъ, понятный для понимающаго. Этотъ смыслъ долженъ быть въ ладу не только съ лицомъ и модою, но съ цѣлымъ существомъ женщины. Та, которой одежда не имѣетъ смысла, одѣта дурно. Женщина, которой манеры противорѣчатъ ожиданіямъ, возбужденнымъ ея одеждою, одѣта дурно. Женщина, которой наружность несогласна съ оборотомъ ея ума и съ характеромъ ея любезности, одѣта дурно. Однимъ словомъ, все то, что̀ нарушаетъ внутреннюю и внѣшнюю гармонію, все то дурно, все то неприлично или не къ лицу, все безсмысленно и не изящно. Потому для прекрасной, гармонической одежды необходима еще

4. Грація манеровъ. Но это качество, безъ котораго нѣтъ ни платья хорошо сшитаго, ни платья хорошо надѣтаго, эта грація манеровъ, которая разливаетъ такую обворожительную атмосферу вокругъ женщины, дѣйствуетъ, какъ обманъ, только на первую минуту, если не соединена съ другою, съ душевною граціею. И потому, чтобы нарядъ женщины былъ прекрасенъ больше одной первой минуты, должна она имѣть еще

5. Внутреннюю грацію, грацію ума и душевныхъ движеній, которая предполагаетъ внутреннюю жизнь стройную, гармоническую, прекрасную, т. е.,

6. Поэзію сердца.

Но для того, чтобы чувствовать красоту и постигать ее во всей глубинѣ и во всѣхъ утонченностяхъ, кромѣ поэзіи сердца, надобно имѣть еще

7. Познаніе человѣческаго сердца, которое (замѣтимъ между прочимъ) есть основаніе всей житейской мудрости и котораго нельзя имѣть безъ

8. Познанія самихъ себя, которое есть, ни больше ни меньше, какъ основаніе всякой мудрости и всякой добродѣтели.

Но всего этого еще мало для того, чтобы хорошо одѣваться.—Чтобы красивый нарядъ женщины былъ вмѣстѣ и пре-

краснымъ выраженіемъ ея внутренней красоты, мало имѣть красоту, понимать красоту и любить красоту; кромѣ красоты она должна имѣть еще

9. Постоянную возвышенность ума и характера. Ибо безъ того нѣтъ силы человѣческой, которая бы могла отвлечь женщину отъ суетности; а гдѣ суетность, тамъ желаніе нравиться сильнѣе необходимости внутренней гармоніи; тамъ желанье нравиться на счетъ истины; тамъ можетъ быть блескъ, можетъ быть даже минутное очарованіе, но не можетъ быть прелести глубокой, поэтической жизни, гармонически выражающейся въ прекрасной наружности. Безъ особенной, врожденной и тщательно воспитанной возвышенности ума и характера, всякая женщина будетъ больше или меньше тщеславною, и предпочтетъ одобреніе многихъ немногимъ, и количество поклонниковъ будетъ ей дороже ихъ качества. Она захочетъ блестѣть предъ всякимъ, кружить головы слабыя, и одѣнется прекрасно для людей обыкновенныхъ, но безсмысленно для мыслящаго. Толпа будетъ отъ нея безъ ума, т. е., въ натуральномъ своемъ положеніи; человѣкъ мыслящій пройдетъ мимо ея равнодушно: человѣкъ съ душей не замѣтитъ ее.

Такимъ образомъ одежда имѣетъ свою физіономію, предполагаетъ своихъ Лафатеровъ и, такъ же какъ лицо, можетъ служить зеркаломъ души. Но для того, чтобы одежда служила зеркаломъ души, не мѣшаетъ женщинѣ имѣть, между прочимъ, еще одно качество—

10. Душу.

Вы видите изо всего сказаннаго, что одѣваться со вкусомъ, со смысломъ, изящно, поэтически, гармонически, и пр. и пр., однимъ словомъ: одѣваться хорошо, — не можетъ быть общею принадлежностью женщинъ нигдѣ, ни въ какомъ государствѣ. Потому я надѣюсь, что Московскія красавицы не примутъ себѣ въ особенную обиду, когда я скажу имъ, что Бронскій, герой моей повѣсти, въ цѣлый вечеръ не могъ найти на Тверскомъ бульварѣ ни одной дамы хорошо одѣтой, хотя дамъ было много, потому что это былъ день гулянья.

Впрочемъ я думаю, что безъ оскорбленія Московской чести можно признаться, что дамы здѣсь одѣваются особенно дурно. Это живо чувствовалъ Бронскій, который недавно возвратился изъ чужихъ краевъ, съ еще свѣжими воспоминаньями и съ несчастною охотою сравнивать.

Онъ находилъ больше изысканности, чѣмъ вкуса, больше небрежности, чѣмъ простоты, и вообще въ нарядахъ больше противорѣчій, чѣмъ украшеній. Подъ модною шляпкой неразглаженное платье. Тамъ платье стройное, но поясъ на одинъ бокъ и нескладный башмакъ. Тамъ въ одной одеждѣ смѣшенье десятилѣтнихъ уборовъ, и едва раждающаяся мода на развалинахъ давно забытаго наряда. Тамъ нѣтъ анахронизмовъ, но за то нѣтъ и простоты. Тамъ простота, но нѣтъ опрятности: либо букли не на мѣстѣ, либо смяты, либо перчатки нечистыя, либо башмаки изношенные, а иногда даже стоптанные на одну сторону!—Тамъ шелкъ, и блонда, и бриллiанты, и перья, и блескъ и мода, и все вмѣстѣ нестройно и безвкусно. Тамъ и вкусъ и простота, но корсетъ такъ стянутъ, что мѣшаетъ естественности движеній, такъ что, не смотря на всю красивость наряда красавицы, желаешь ей нарядиться хуже, чтобы казаться лучше.—Всего рѣже встрѣчалъ Бронскій хорошо обутую ножку, и съ грустнымъ чувствомъ замѣтилъ онъ, что если Московскія барыни вообще одѣваться не умѣютъ, то обуваются, Боже мой! обуваются еще хуже. Изрѣдка, правда, случалось ему встрѣтить обувь красивую и стройную; но башмакъ, складный снаружи, почти всегда былъ такъ узокъ, что мѣшалъ ходить, или платье такъ коротко, что ножка изъподъ него казалась будто на выставкѣ; и по тонкимъ прозрачнымъ чулкамъ толстыми нитками была вышита вывѣска:

здѣсь показываются красивыя ножки.

Иногда, рѣдко, находилъ Бронскій весь нарядъ прекраснымъ,—но только при другомъ лицѣ; иногда онъ былъ и къ лицу, но такъ строго по модѣ, такъ рабски новъ, что женщина въ немъ казалась тою куклою, которую всякій день посылаютъ съ модами изъ Парижа въ Лондонъ. И это рабство, эта кукольность, давали личику хорошенькому, часто не глупому, оттѣнокъ какой-то машинальности, ни сколько не плѣнительной для глазъ, и еще меньше привлекательной для воображенія.

Вообще, чѣмъ больше Бронскій разсматривалъ наряды гуляющихъ, тѣмъ меньше находилъ ихъ по сердцу, и уже въ досадѣ готовъ онъ былъ оставить бульваръ, когда вдругъ передъ его глазами мелькнули двѣ ножки, которыя сильно взволновали

его любопытство;—ножки невыразимо стройныя и обутыя со всею красивостью самаго утонченнаго вкуса. Онъ поднялъ глаза выше, дама между тѣмъ прошла мимо, опираясь на руку кавалера, такъ что Бронскій уже не могъ разсмотрѣть лица ея, но за то видѣлъ ея талію, ея стройную талію, аристократически граціозную и тонко обхваченную широкимъ, голубымъ и свободнымъ поясомъ. Невольное чувство заставило Бронскаго идти за нею.

Нѣтъ ничего легче, какъ описать ея нарядъ: бѣлое платье безъ прихотливыхъ затѣй, соломенная шляпка безъ перьевъ, безъ цвѣтовъ, безъ бантовъ, безо всякихъ украшеній; турецкая шаль, накинутая небрежно,—и вотъ все, что̀ можно разсказать объ ея нарядѣ. Но какъ выразить эту гармонію и стройность, эту благородную простоту, эту музыкальную красивость, которыми, казалось, проникнуто все существо ея, такъ, что ея одежда, ея гибкій станъ, ея стройныя движенія и грація ея поступи, все казалось однимъ изящнымъ созданіемъ, одною прекрасною мыслію, однимъ счастливымъ сномъ.

Въ покроѣ ея платья и въ живописности ея прически, всѣ требованія моды были какою-то удачею, или правильнѣе, какимъ-то волшебствомъ соглашены съ требованіями самаго разборчиваго, самаго художественнаго вкуса. Не было ничего въ ея нарядѣ, гдѣ бы можно было замѣтить границу между модою и вкусомъ, между искусствомъ и природою, и смотря на нее, свѣтскій наблюдатель, конечно, задумался бы о томъ: лицо ли красавицы такъ счастливо пришлось къ сегоднишней модѣ, или нарядъ былъ съ умѣньемъ и вкусомъ принаровленъ къ прекрасному ея лицу.

Лицо ея, когда Бронскій разсмотрѣлъ его, возбудило въ немъ такое чувство, въ которомъ соединялись два обыкновенно различныя движенья души: удовольствіе и грусть;—удовольствіе эстетическое, которое внушаетъ намъ все свѣтлое въ природѣ, все правильное въ искусствахъ; грусть музыкальная и еще неназванная, которую возбуждаетъ въ насъ тоже явленіе искусствъ или природы, только тогда, когда посреди прекрасныхъ формъ его мы открываемъ такое чувство, которое можемъ понять только одинокимъ движеніемъ сердца, но не въ силахъ ни передать его, ни даже назвать другому; ибо для рѣдкаго, для избраннаго, часто нѣтъ у людей ни общаго понятія, ни готоваго имени.

Черты лица ея, тонкія, благородныя, правильныя, казались прозрачными: такъ чисто и явственно выражались сквозь нихъ ея музыкальныя, веселыя, фантастическія движенія души.

Она могла бы напомнить Магдалину Кановы, если бы Магдалину кающуюся можно было вообразить веселою и смѣющеюся.

Мужчина, который велъ ее подъ руку, казался между пятидесятью и шестидесятью лѣтъ. Онъ былъ одѣтъ просто, но не безъ щеголеватости.

Вообще и онъ и она были явленіе необыкновенное на Тверскомъ бульварѣ. Но замѣчательнѣе всего было въ нихъ именно то, что̀ всего меньше могло быть замѣчено: они прошли посреди гуляющихъ, не обративъ на себя почти ни чьего вниманія, и Бронскому не легко было узнать кто они, потому, что никто не понималъ, о комъ онъ говоритъ. Наконецъ, однако нашелся одинъ старый отставной генералъ, который могъ дать ему объ нихъ нѣкоторое понятіе.

„Теперь я знаю, о комъ вы говорите,"—сказалъ онъ Бронскому, послѣ многихъ неудачныхъ догадокъ. „Человѣкъ пожилой съ молодою дамою? высокій ростомъ? шея прямо? спина не гнется? словомъ сказать, иностранная фигура, то есть, не Русская—или—какъ бы сказать?.... иностранная?—Это Вельскій съ дочерью; я его знавалъ прежде. Онъ былъ лѣтъ пять за границей и недавно возвратился; ужасный чудакъ; англоманъ; а впрочемъ человѣкъ пріятный, человѣкъ образованный, и, можно сказать, умный человѣкъ."

Генералъ, который разсуждалъ такимъ образомъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ людей въ Москвѣ, которые сами отличаются и невѣжествомъ, и глупостью, и особенно какою-то непонятною тяжестію пустоты, но за то составляютъ другимъ репутацію образованности, ума и любезности.—Странная Москва! Но и эта странность имѣетъ свой смыслъ; и для нея можно найти достаточную причину; и она даже даетъ надежды на будущее, надежды, которыя рождаются не изъ прямаго дѣйствія обстоятельствъ, но рикошетомъ, какъ ядро, которымъ на водѣ стрѣляютъ ниже, чтобы оно отскочило выше.

ГЛАВА II.

Я надѣюсь, что читатели изъ словъ генерала не станутъ еще заключать объ Вельскомъ. Правда, онъ имѣлъ нѣкоторыя осо-

бенности; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ ужаснымъ чудакомъ. Англоманомъ же назвалъ его генералъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ Русскіе купцы продаютъ Нѣмецкое шампанское.

Вельскій имѣлъ много привычекъ не-Московскихъ и вообще любилъ создавать себѣ образъ жизни самъ, тогда только слѣдуя принятымъ обычаямъ, когда они совпадались съ его мыслями. Не смотря на древность своего дворянства, привычки жизни своей составилъ онъ себѣ по образцу средняго сословія образованной Европы, перенимая иное у Англичанъ, другое у Нѣмцевъ, иное у Французовъ, не пренебрегая впрочемъ и Русскаго, когда оно не мѣшало его вкусамъ и входило въ тотъ смыслъ, который онъ старался дать своей жизни. Къ его крыльцу, вмѣсто швейцара, былъ придѣланъ колокольчикъ. Вмѣсто стаи лакеевъ, имѣлъ онъ самую не многочисленную прислугу, и ту вольную. Въ комнатахъ его не было ничего лишняго, но все нужное, все удобное. Мебели отличались роскошью изящества, покоя и чистоты, а не золота. На столѣ его всегда лежала послѣдняя иностранная газета и нѣсколько литературныхъ журналовъ. Въ кабинетѣ его были всѣ замѣчательныя новости наукъ и словесностей. Кухня его была Русская, то есть, не древне-Русская, не множество блюдъ безъ конца и безъ вкуса, но Русская новая, эклектически-Европейская, то есть, такая, какимъ со временемъ должно быть Русское просвѣщеніе. Маленькую карету его возили двѣ лошади и почти всегда безъ лакея. Щеголеватость его платья замѣчали не многіе,—такъ оно было просто и однообразно. Вообще опрятность, покой, вкусъ, простота и Англійское удобство были отличительнымъ характеромъ всѣхъ его роскошей.

Воспитанная посреди такихъ привычекъ, подъ надзоромъ отца умнаго и просвѣщеннаго, проведя пять лѣтъ въ чужихъ краяхъ, въ кругу самыхъ отборныхъ обществъ, въ атмосферѣ изящныхъ искусствъ и умственной аристократіи; одаренная самыми счастливыми способностями и красотою не общею,—Софья Вельская, семнадцати лѣтъ, была бы одною изъ замѣчательныхъ дѣвушекъ въ самыхъ образованныхъ земляхъ, а тѣмъ больше въ Россіи. Не смотря на то, однако, она въ Москвѣ не понравилась сначала. И въ самомъ дѣлѣ, между нею и большинствомъ Московскихъ дамъ было не много общаго. Что занимало ее, не занимало ихъ; а ихъ разговоры были ей не

по сердцу. Важное для нихъ, казалось ей неважнымъ; а любопытное для нея, заставляло ихъ зѣвать. Она не могла смѣяться, когда другія смѣялись, и, бѣдная, смѣялась почти всегда одна. Она не вертѣла фразъ, не искала сентенцій, говорила просто, какъ думала, и только то, что думала,—и потому прослыла ограниченною. Она слушала, когда ей говорили, и не могла говорить, когда ее не слушали или не понимали, — и потому прослыла странною. Не находя людей по сердцу, она молчала сколько могла,—и потому прослыла гордою. Поведенія своего она не разсчитывала на эффектъ,—и потому прослыла вмѣстѣ и сентиментальною и холодною. Она не восхищалась любезностями Московскихъ кавалеровъ,—и потому прослыла пустою. Она невольно скучала посреди несходныхъ съ нею обществъ, и потому прослыла скучною.

Къ этому еще надобно прибавить, что Софья была застѣнчива.

Островъ.

(Недоконченная повѣсть).

(1838).

ГЛАВА I.

На Средиземномъ морѣ, между острововъ, окружающихъ Грецію, давно уже извѣстна мореходцамъ одна скала, уединенно возвышающаяся посреди моря.

Эта скала замѣчательна мореплавателямъ особенно потому, что она служитъ для нихъ спасительнымъ предостереженіемъ отъ опасныхъ подводныхъ камней и совершенно непроходимой мели, которая окружаетъ ее со всѣхъ сторонъ на нѣсколько верстъ. Потому, кормчій, какъ скоро завидитъ ее вдалекѣ, уже спѣшитъ повернуть корабль въ ту или другую сторону, чтобы миновать опасное мѣсто.

И не одни большія суда, даже мелкія лодки рыбаковъ, иногда занесенныя бурею отъ ближнихъ острововъ въ сосѣдство опасной скалы, всегда погибали тамъ безъ возврата, застрявая въ вязкомъ песку или разбиваясь объ острые камни, такъ что ни одинъ, вѣроятно, живой человѣкъ не приближался къ подошвѣ неприступнаго утеса,—а вершина его была знакома только хищнымъ птицамъ, которыя прилетали туда съѣдать свою добычу.

Но достигнуть до скалы людямъ было не только невозможно, но и не нужно, и даже не любопытно. Она не представляла ничего, кромѣ голаго, безплоднаго камня, впрочемъ довольно живописно исковерканнаго, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ орошеннаго гремящими, дробящимися потоками, вытекавшими, вѣроятно, изъ средины самой скалы.

Но для чего же природа образовала это безполезное явленіе? Или нужно человѣку, на всѣхъ дорогахъ земли и моря, на

всѣхъ путяхъ жизни и мышленія, встрѣчать безпрестанныя затрудненія и опасности, чтобы не заснуть прежде ночлега въ разслабляющей душу безпечности?

Въ ту ночь, когда въ Греціи случилось извѣстное землетрясеніе, отъ котораго многіе города уничтожились, многія горы измѣнили свой видъ, рѣки—теченіе, и особенно потерпѣли острова, а на сѣверъ отъ Кандіи, около Санторино, даже явился на свѣтъ новый, небывалый островокъ, тогда—кажется, это было въ 1573 году—и въ каменной скалѣ произошло нѣкоторое измѣненіе. Мель вокругъ нея распространилась еще болѣе; самъ утесъ еще выросъ изъ моря и много расширился въ своемъ объемѣ.

Послѣ того, лѣтъ черезъ тридцать, два Греческіе монаха, занимаясь рыбною ловлею, въ тихую погоду, на легкой плоскодонной лодочкѣ, плавали около береговъ Анатоліи. Утро было ясное; море, какъ зеленое стекло, лежало недвижимо; рыба играла на поверхности воды, и они, преслѣдуя ея движенія, мало по малу удалились отъ берега. Но неожиданно поднялся вѣтеръ, и сила волненія увлекла ихъ еще далѣе въ море. Видя опасность, они начали прилежно работать веслами; но буря увеличивалась; земля исчезла изъ виду; лодочка ихъ, прыгая по волнамъ, уносилась все далѣе. Воздухъ сталъ теменъ отъ тучъ; вокругъ не было ничего, кромѣ разорваннаго моря, которое, казалось, за каждою волною раскрывается до самаго дна. Страхъ, ужасъ и холодъ проникали ихъ до самыхъ костей. Но скоро они почувствовали, что продолжать долѣе споръ свой съ бурею было бы имъ и безполезно, и невозможно. Сберегая силы на всякій случай, они сложили весла въ лодку и отдались на волю Божію.

Между тѣмъ, успѣли они принять другъ отъ друга исповѣдь, получили разрѣшеніе, обнялись, и тихимъ, но согласнымъ голосомъ запѣли псалмы, глядя, уже почти равнодушно, на свою безпрестанно раскрывающуюся могилу.

Долго легкая лодочка носилась съ пѣньемъ по ревущему морю, увлекаясь то въ ту, то въ другую сторону.

Наконецъ, сквозь тучи проглянуло солнце; потомъ скоро все небо очистилось, вѣтеръ утихъ, и только одно раскачавшееся море не переставало еще волноваться.

Сами не вѣря безвредности своего долгаго плаванія, они начали уже надѣяться на спасеніе; но надежда ихъ скоро

изчезла, когда, осматриваясь вокругъ себя, они замѣтили, что находятся далеко отъ земли, и прямо въ виду той опасной скалы, которая, какъ имъ было извѣстно, со всѣхъ сторонъ окружена мелью и камнями, и куда неодолимо стремило ихъ морское волненіе. Въ срединѣ моря еще была имъ возможность случайно наплыть на островъ или встрѣтить корабль. Здѣсь не было и этой надежды; они неслись на скалу и уже видимо плавали надъ самою мелью. Но вотъ другое удивленіе: между желтаго песку, едва покрытаго водою, показалось темное углубленіе, какъ бы тропинка для лодки посреди непроходимаго моря. Снова взялись они за весла, стараясь удержаться на этой узкой полоскѣ, которая своимъ темнымъ цвѣтомъ ясно отличалась отъ окружающей равнины. Мало по малу морская тропинка привела ихъ къ самой подошвѣ скалы,— они спасены.

Между тѣмъ день склонялся къ вечеру. Море успокоилось. Но возвращаться уже было поздно. Они рѣшились встащить лодку на камни и, взойдя на скалу, дожидаться тамъ до слѣдующаго утра.

По неровнымъ уступамъ огромныхъ, разбитыхъ камней, кое-какъ взобрались они на верхъ утеса: но тамъ нашли они зрѣлище неожиданное.

Скала, казавшаяся безплоднымъ камнемъ, въ самомъ дѣлѣ была цвѣтущій, плодоносный островъ. Голые кремни, которые окружали его со всѣхъ сторонъ, составляли только высокую ограду, внутри которой, въ таинственномъ углубленіи, скрывалась пространная, зеленая равнина, усѣянная живописными пригорками, перерѣзанная живыми потоками, густыми и разнообразными перелѣсками. Высокіе кедры не достигали, однако же, до вершины ограды. Лѣса лавровые и финиковые мѣшались съ оливковыми и лимонными деревьями, осыпанными плодами, съ апельсинами и персиками, съ орѣховыми рощами, съ миртовыми кустами и виноградными лозами, вокругъ нихъ обвивающимися. Невыразимое чувство овладѣло спасенными спутниками посреди этой роскошной природы. Молча стали они на колѣни и долго не могли найти голоса для словъ, смотря на свѣтлый востокъ, озаренный заходящимъ солнцемъ.

Окончивъ молитву и утоливъ голодъ древесными плодами, они пошли осматривать островъ.

Нигдѣ не замѣтно было слѣдовъ человѣка. Все было дико, но все прекрасно; садъ, устроенный безъ трудовъ и работы; все ярко и стройно, все наполнено красоты и благоуханія. Особенно вниманіе ихъ остановилось на теченіи одного красиваго потока, который бѣжалъ съ вершины небольшой горы и, живописно извиваясь по ней, безпрестанно падалъ съ камня на камень громкими порогами. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ паденіе его было значительнѣе другихъ, сгибаясь въ широкую дугу, подъ которой, какъ подъ прозрачнымъ покрываломъ, зеленѣлись кусты и растенія, они замѣтили, что подъ этимъ радужнымъ сводомъ образовалась круглая пещера, у входа заросшая гибкими розгами винограда. Природа, казалось имъ, нарочно создала, въ этой жаркой странѣ, это отрадное убѣжище, и занавѣсила его прохладною струею отъ солнца, и убрала его стѣны разноцвѣтными кристаллами, и устлала его подъ мягкимъ мохомъ и густою травою. Но что-то звонкое попалось имъ подъ ноги. Это былъ женскій браслетъ, украшенный драгоцѣнными каменьями. Какъ зашелъ онъ сюда? Птица ли занесла его? или былъ здѣсь человѣкъ? Но вотъ явный признакъ человѣка: прямой Греческій мечъ, весь покрытый ржавчиною. Не далеко отъ него яшмовая курильница, обвитая искусственными рельефами, съ остатками благовонной смолы и нѣсколькихъ недогорѣвшихъ углей. Вотъ и еще: шлемъ и мужскія латы. Подлѣ нихъ блестѣли въ травѣ женскія ожерелья и кованный поясъ, а въ темномъ углу пещеры два бѣлые человѣческіе остова лежали обнявшись. Но истлѣвшія кости, при первомъ прикосновеніи, разлетѣлись въ пыль, такъ что отъ нихъ остались только два маленькіе крестика, изъ чистаго золота, и два кольца, на которыхъ вырѣзаны были двѣ Греческія буквы, на одномъ *I*., на другомъ *H*. Больше не было никакой надписи.

На другой день, когда солнце выкатилось на небо, маленькая лодочка уже плыла вдаль отъ острова, по той же темной тропинкѣ.

Легко было путникамъ, вчера замѣтивши дорогу, отыскать ее опять. Скоро выбрались они въ открытое море и, держась все прямо, достигли одного изъ острововъ Архипелага. Тамъ сѣли они на корабль и благополучно прибыли въ свой монастырь, во все продолженіе пути храня крѣпкую тайну о своемъ странномъ открытіи. Но въ монастырѣ они обо всемъ

разсказали настоятелю, который, чувствуя, при бѣдственномъ состояніи Востока, всю важность независимаго убѣжища, также втайнѣ сообщилъ объ немъ патріарху. Такимъ образомъ, извѣстіе о новомъ островѣ сберегалось между избраннымъ духовенствомъ Востока, и только не многимъ, мужамъ испытанной жизни и характера, передавалось оно вмѣстѣ съ другими важными преданіями, которыя всегда хранились и теперь еще хранятся въ цѣлости, у извѣстной части Восточнаго монашества.

Между тѣмъ, многіе пустынники удалились на тайный островъ, навсегда скрываясь тамъ отъ свѣта и людей. Вскорѣ, подлѣ таинственнаго грота, въ тѣни кипарисовой рощи, основанъ Греческій монастырь и возвысилась церковь во имя Св. Георгія, отъ чего и весь островъ получилъ то же названіе между знавшими о его существованіи.

Въ теченіе времени, переселялись туда многіе изъ ученѣйшихъ людей Греціи и Палестины, такъ что, наконецъ, монастырь Св. Георгія, хотя извѣстный не многимъ, сдѣлался, однако же, однимъ изъ первыхъ на Востокѣ и по духовной замѣчательности людей, его составляющихъ, и по богатству своей библіотеки, и по своему счастливому мѣстоположенію, и болѣе всего—по тому особенному духу глубины, который долженъ былъ возникнуть въ отдѣленномъ и сомкнутомъ кругу людей необыкновенныхъ.

Впрочемъ, не одни монахи населяли таинственную скалу; многія и свѣтскія семейства, преслѣдуемыя невѣрными, уходили туда, желая лучше сокрыться въ вѣчномъ уединеніи, чѣмъ промѣнять на Латинскую чужбину свою Православную родину.

Часто, на Греческихъ островахъ или въ Константинополѣ, когда отъ паши или отъ султана угрожала опасность какому-нибудь важному фанаріоту, за его подозрительную приверженность къ христіанамъ, или богатому купцу, за его завидныя сокровища,—то прежде, чѣмъ бѣда настигнетъ несчастнаго, у порога его жилища являлся какой-нибудь неизвѣстный прохожій, въ разорванномъ рубищѣ, и просилъ его гостепріимства. И получивъ его, за чашей меду, онъ разсказывалъ хозяину про свои далекія странствія, про Святую землю, угнетенную варварами; про Аѳонскую гору, свѣтильникъ христіанскаго просвѣщенія на Востокѣ; про нѣкоторыхъ Святыхъ му-

жей, скрывавшихся въ пустыняхъ Азіи и Африки,—а между тѣмъ, тайно передавалъ ему извѣстіе объ опасности и приготовленныхъ средствахъ къ спасенію. Но нѣкоторымъ, особенно испытаннымъ, открывалось также о существованіи неизвѣстнаго острова.

По этой причинѣ, островъ раздѣленъ былъ на двѣ части: въ одной стоялъ монастырь, и жили монахи; въ другой— семейства изгнанныхъ.

На этой послѣдней части острова образъ жизни былъ совсѣмъ необыкновенный. Земля была общая, труды совмѣстные, деньги безъ обращенія, роскошь неизвѣстна; а между тѣмъ, вся образованность древней и новой Греціи хранилась между жителями во всей глубинѣ своей особенности, неизвѣстной Западу и забытой на Востокѣ. Въ ихъ занятіяхъ работа тѣлесная смѣнялась умственною дѣятельностію. Въ собраніяхъ правдивость, доброжелательство и стремленіе къ возвышеннымъ наслажденіямъ духа. Въ семейномъ кругу глубокій миръ и чистота. Въ воспитаніи дѣтей развитіе душевныхъ силъ безъ насильственныхъ напряженій, — ненависть къ притворству и презрѣніе къ нелюбовному чувству соперничества. Высоко цѣнили они всякое достоинство, всякую способность; но для дѣтей своихъ скорѣе бы предпочли ихъ совершенное отсутствіе, чѣмъ, при нѣкоторомъ достоинствѣ, еще больше лукавое его выказываніе. И они росли весело, юноши крѣпкіе духомъ и тѣломъ, дѣвы стыдливыя, глубоколюбящія и во всей прелести неизнѣженнаго здоровья и Греческой красоты.

Не рѣдко, однако же, получали островитяне извѣстія объ остальномъ мірѣ, и часто туда, гдѣ нужна была помощь, тайно посылали деньги изъ своихъ сокровищъ, имъ не нужныхъ и только хранимыхъ для добрыхъ дѣлъ и нѣкоторыхъ далекихъ предположеній. Не тревожила ихъ наружная мишура Европейской образованности, ни газетныя знаменитости, ни чужедворныя сплетни; но моремъ отдѣленные отъ міра, любовью къ человѣчеству съ нимъ соединенные, всегда съ любопытствомъ сердечнаго участія слѣдили они за судьбами просвѣщенія и народовъ, и съ трепетомъ ожидали, не воскреснетъ ли Греція, и не блеснетъ ли гдѣ-нибудь лучь надежды къ избавленію Христіанства.

Такъ было на неизвѣстномъ островѣ, посреди невѣжественныхъ земель, угнетенныхъ варварами. Между тѣмъ, въ про-

свѣщенной странѣ человѣчества, въ образованной Европѣ, все, казалось, идетъ своимъ установленнымъ, твердымъ порядкомъ. Люди живутъ какъ обыкновенно, одинъ не заботясь о другомъ: каждый думаетъ, считаетъ, страдаетъ и утѣшается за себя. Тѣ не многіе, на которыхъ лежитъ бремя общей заботы, также слѣдуютъ обыкновеннымъ правиламъ: въ прошедшемъ ищутъ уроковъ для будущаго, судятъ о завтра по вчера: смотря на заходящее солнце, разсчитываютъ о грядущемъ утрѣ. И въ самомъ дѣлѣ, разсчеты ихъ вѣрны: по извѣстнымъ законамъ, извѣстныя силы играютъ и равновѣсятся, какъ играетъ въ парусахъ постоянный и попутный вѣтеръ.

Но вдругъ на Западѣ переломился порядокъ: взволновался народъ, разыгралися страсти, рухнулъ престолъ, полилась кровь, падаетъ Церковь, законы ломаются, все устройство вещей ниспровергнуто, новое устройство возникаетъ и снова рушится, уставы смѣняются другими, все зыблется, все падаетъ, все подымается и снова падаетъ: топоръ работаетъ день и ночь, кровь льется рѣками, народъ пляшетъ, страсти не знаютъ границъ, клики восторга мѣшаются съ крикомъ отчаянія, съ громомъ пушекъ и барабановъ, съ отзывомъ славы и побѣдъ, воплями кровожаднаго звѣрства, съ глубокими воздыханіями глубокой любви къ человѣчеству, съ хохотомъ распутства и самозабвенія.

Вся Европа дрожитъ отъ волнующагося народа; всѣ царства соединились противъ него войною и не могутъ одолѣть его напряженныхъ силъ. Что-то будетъ съ просвѣщеннымъ человѣчествомъ?

На уединенномъ островѣ слухъ о переворотахъ Европейскихъ особенно занималъ одного изъ потомковъ древнихъ Греческихъ императоровъ, фанаріота Палеолога, прежде служившаго драгоманомъ при Портѣ и отъ того болѣе другихъ опытнаго въ дѣлахъ Запада. Но эти извѣстія ни сколько не измѣняли его мирныхъ занятій и стройной, дѣятельной жизни, раздѣленной между ихъ дружескимъ обществомъ и его небольшою семьею, которую составляли: его молодая жена, маленькій сынъ и маленькая дѣвочка, у нихъ воспитывавшаяся.

Олимпіада Палеологъ была одною изъ тѣхъ женъ, любимыхъ Небомъ, которыя видимо приводятъ благословеніе Божіе на душу ими любимаго. Чистая правильная красота была только свѣтлою тѣнью свѣтлаго, внутренняго существа ея. Со всею

теплотою полнаго, не засыпающаго сердца, раздѣляла она съ мужемъ опредѣленныя заботы дня, и произвольныя мысли отдыха, и далекія надежды будущаго, и едва замѣтныя сердечныя думы,—и все въ его жизни, въ сердцѣ и въ мысляхъ, получало новый, заманчивый видъ отъ ея гармоническаго прикосновенія. Неистощимая глубина ихъ душевнаго согласія могла только сравниться съ глубокою синевою теплаго неба надъ ихъ тихимъ островомъ.

Общими силами, общими радостными заботами, занимались они воспитаніемъ своего маленькаго Александра,—и это чувство наполняло въ ихъ сердцѣ тоже отдѣленное мѣсто, на которомъ лежала и мысль о будущемъ избавленіи ихъ народа.

Дѣвочка, которая у нихъ воспитывалась, была дочь фанаріота Наттарры, искренняго друга Палеолога и погибшаго въ Константинополѣ насильственною смертію, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ. Маленькая Елена, спасенная человѣколюбіемъ варваровъ, въ маленькой колыбели, забрызганной кровью ея родныхъ, тайно перенесена была въ другой городъ къ одной бѣдной христіанкѣ. Скоро потомъ какой-то монахъ, зная прежнюю связь ея отца съ Палеологомъ, въ одну темную ночь, поставилъ люльку въ узкую лодочку и съ тихою молитвою надъ прекраснымъ младенцемъ, по спокойному морю между мелей и камней, привезъ ее спящую на островъ Св. Георгія.—

Но на Западѣ долго еще не рѣшался вопросъ о судьбѣ взволнованнаго народа. Поколеблетъ ли онъ другія царства, или сгоритъ въ собственномъ огнѣ? Чѣмъ кончится этотъ взрывъ? Чего надѣяться? Чего бояться?

И для чего Провидѣніе послало или, по крайней мѣрѣ, допустило это страшное явленіе? Какая польза произойдетъ изъ него для человѣчества? Или даромъ пролито столько крови, легло столько жертвъ, и между жертвами столько чистыхъ?

Изъ броженія безпорядка выйдетъ ли лучшій порядокъ? Изъ дорогихъ опытовъ устройствъ и законовъ родится ли лучшее устройство, лучшіе законы? Или все это волненіе окончится одною горячею страницею въ исторіи, однимъ холоднымъ урокомъ для человѣчества?

Или, можетъ быть, эта кровь, эти жертвы—только страшное наказаніе просвѣщенному человѣчеству за ложь въ его просвѣщеніи,—очистительное наказаніе человѣку за разслаб-

леніе его сердечныхъ силъ, за вялость и ограниченность его стремленій, за притворство въ вѣрѣ, за корыстное искаженіе святыни, за несочувствіе къ угнетеннымъ, за презрѣніе правъ безсильныхъ, за легкомысліе, за коварство, за изнѣженность, за забытіе меньшей братіи Сына Человѣческаго, за оскудѣніе любви?...

Отдыхая на дерновой скамейкѣ, въ тѣни лавровой рощи, однажды Палеологъ, въ минуту душевнаго волненія, говорилъ женѣ своей: „За твою чистую душу, другъ мой сердечный, посылаетъ намъ Небо то небывалое счастіе, которое другіе знаютъ только во снѣ. Когда твоя стройная рука меня обнимаетъ, и я гляжу въ твои глубокіе, блестящіе глаза, тогда мнѣ кажется, что внутри моего сердца раскрывается другое зрѣніе, и я вижу насквозь все безтѣлесное существо твое, и вижу еще тѣмъ же чувствомъ сердца, какъ будто вокругъ насъ струится что-то прекрасное, что-то охранительное, родное и непонятное. Какъ будто небо въ эту минуту раскрывается надъ нами. А съ нѣкотораго времени еще новая радость прибавилась къ моему счастью. Одна мысль тревожила меня за маленькую Елену, когда ее привезли къ намъ. Я зналъ всегда, что ты будешь любить ее, что со всею заботливостью матери ты окружишь ея дѣтство самыми нѣжными попеченіями; но я боялся, чтобы любовь къ нашему сыну не увлекла тебя невольно хотя къ какому-нибудь различію въ чувствахъ къ двумъ дѣтямъ. И мнѣ грустно было предвидѣть послѣдствія этого для маленькой сироты, зная, какъ прозорливо несчастіе и, еще больше, какъ оно подозрительно. Но теперь я спокоенъ совершенно. Я снова убѣдился, что для тебя чувство добродѣтели тоже, что чувство природы. Я вижу ясно, какъ ты внутри сердца не раздѣляешь обоихъ дѣтей, какъ ты равно и полно любишь ихъ одною материнскою любовью. Трудно выразить, какое сладкое ощущеніе даетъ мнѣ эта увѣренность. Часто я думаю, что если изъ-за могилы можно видѣть нашу землю, то вѣрно съ благодарностію, вѣрно съ радостными благословеніями молится за тебя ея бѣдный отецъ“.

— „Я видѣла твое сомнѣніе,—отвѣчала Олимпіада—и молчала, ожидая, покуда время тебя успокоитъ. Могла ли я не любить дочь твоего друга? И, впрочемъ, кто бы она ни была, можно ли не чувствовать особенной привязанности къ этому прекрасному ребенку? Посмотри, какая кротость, какой умъ въ

этихъ черныхъ, задумчивыхъ глазкахъ! Посмотри, какъ въ эти лѣта на ея миломъ личикѣ уже обозначилась вся будущая красота! Какая стройность, какія тихія, легкія движенія, и какое любящее сердце! Однако, я не скрою отъ тебя, что, можетъ быть, начало моего чувства было не совсѣмъ безкорыстное. Когда привезли ее къ намъ, и я взяла ее на руки еще спящую, и потомъ она открыла свои большіе глаза съ длинными, черными рѣсницами, и потянулась маленькими ручками, и улыбнулась мнѣ прекрасною улыбкою, тогда мнѣ живо пришло на сердце, что этотъ ребенокъ нарочно посланъ намъ для того, чтобы со временемъ составить счастье нашего Александра. Съ тѣхъ поръ эта мысль лежитъ неотвязно у меня на умѣ, и я невольно смотрю на Елену, какъ на свою дочь, посланную мнѣ Богомъ для радости всей нашей семьи".

„Ты говоришь мнѣ мою же мысль,—отвѣчалъ Палеологъ,— и, кажется, надежда насъ не обманетъ. Смотри, какъ сильно ростетъ между ними ихъ дѣтская дружба, основаніе будущаго согласія и залогъ неминутной, разумной любви".

Между тѣмъ, какъ они говорили, дѣти ихъ, кудрявыя, веселыя, бѣгали вокругъ нихъ, играя между цвѣтущими лаврами. Солнце садилось; въ монастырѣ раздался тихій благовѣстъ; и взоры ихъ, устремившись на небо, были полны счастія и благодарности.

Впрочемъ, это счастіе, эта тихая жизнь возможна была только для нихъ, отдѣленныхъ отъ міра. Но для человѣка, окруженнаго безпрестаннымъ волненіемъ интересовъ, страховъ, заботъ, удовольствій и страданій другихъ людей,—нѣтъ отдѣльной судьбы и, слѣдовательно, нѣтъ безмятежнаго счастія. Когда умъ его, встревоженный любопытствомъ, хотя разъ пришелъ въ живое соприкосновеніе съ движеніями человѣчества, то уже насильно и навсегда обреченъ онъ раздѣлять его общую судьбу, если не дѣломъ руки, то по крайней мѣрѣ колебаніемъ сердечнымъ, волненіемъ мыслей, сочувствіемъ, пристрастіями, ошибками и вообще всѣми страданіями человѣческаго рода. Тогда ему счастье одно: если жизнь его, для него потерянная, будетъ не совсѣмъ потеряна для другихъ!—

Все больше разгорался кровавый пожаръ на Западѣ. Страшно смотрѣть, какъ Небо караетъ народъ. Но кто знаетъ? Можетъ быть, какъ буря очищаетъ воздухъ, такъ волненіе народное должно очистить жизненную атмосферу человѣчества?

Можетъ быть, бѣдствія царствъ и людей посылаются имъ для того, чтобы разбудить заснувшія силы ума, настроить въ гармонію разстроенные звуки души и натянуть новыя струны на ослабѣвшее сердце человѣка?

Или, можетъ быть, эти судороги народной жизни предсказываютъ только смерть прошедшему, безъ надежды для будущаго? Можетъ быть, этими страшными движеніями отжившіе народы роютъ себѣ могилу, приготовляя мѣсто для колыбели новыхъ?

Но вотъ рѣшается задача Европы.

Пришелъ человѣкъ, задумчивый и упрямый: въ глазахъ—презрѣнье къ людямъ, въ сердцѣ—болѣзнь и желчь; пришелъ одинъ, безъ имени, безъ богатства, безъ покровительства, безъ друзей, безъ тайныхъ заговоровъ, безъ всякой видимой опоры, безъ всякой силы, кромѣ собственной воли и холоднаго разсчета, и — разсчетомъ и волею — остановилъ колесо переворотовъ, и нагнулъ передъ собою вольнолюбивыя головы— и, кланяясь ему, народъ утихъ. И онъ заковалъ его въ цѣпи, и поставилъ передъ собою въ послушные ряды, и повернулъ ихъ красиво при звукѣ барабановъ, и повелъ ихъ за собою далеко отъ отечества, и приказалъ имъ умирать за его имя, за его прихоти, за богатство его низкой родни; и народъ шелъ стройно, подъ звуки его барабановъ, и умиралъ отважно за его прихоти, и, умирая, посылалъ дѣтей своихъ ему на службу, и благословлялъ его имя, и восторженнымъ кликамъ не было конца!

И не было границъ его силѣ. Царства падали предъ нимъ, —онъ создавалъ новыя; троны рушились,—онъ ставилъ другіе; чужимъ народамъ давалъ онъ свои законы; сильныхъ властителей сгибалъ въ своей прихожей. Вся Европа страдала подъ его могуществомъ и съ ужасомъ называла его Великимъ!

И онъ былъ одинъ.

Безъ правъ на власть — самодержецъ; вчера затерянный въ толпѣ простолюдинъ, нынче—судьба всего просвѣщеннаго міра. Какимъ волшебствомъ совершилъ онъ чудеса свои?

Когда другіе жили, онъ считалъ; когда другіе развлекались въ наслажденіяхъ, онъ смотрѣлъ все на одну цѣль и считалъ; другіе отдыхали послѣ трудовъ, онъ складывалъ руки на груди своей и считалъ; другой, въ упоеніи счастія, спѣшилъ бы

воспользоваться своими успѣхами, насладиться своею силою, забыться, хотя минуту, на лаврахъ своихъ,—онъ помнилъ все одинъ разсчетъ и смотрѣлъ все на одну цѣль. Ни любовь, ни вино, ни поэзія, ни дружеская бесѣда, ни состраданіе, ни блескъ величія, ни даже слава,—ничто не развлекало его: онъ все считалъ, все шелъ впередъ, все шелъ одною дорогой и все смотрѣлъ на одну цѣль.

Вся жизнь его была одна математическая выкладка, такъ что одна ошибка въ разсчетѣ могла уничтожить все гигантское построеніе его жизни.—

Между тѣмъ, на островѣ Св. Георгія случилось происшествіе, новое посреди его однообразной жизни. Въ морѣ показалась маленькая лодка, плывшая къ острову: въ лодкѣ сидѣли два человѣка: одинъ монахъ, другой въ Европейской одеждѣ, еще никогда невиданный на островѣ. Монахъ давно былъ знакомъ островитянамъ, часто для ихъ потребностей переѣзжая со скалы на землю; но кто же другой? Черты лица его ясно обнаруживали Грека; круглая шляпа надвинута на глаза; станъ замѣтно высокій, хотя весь обвитый длиннымъ плащемъ. Съ любопытствомъ и недоумѣніемъ ожидали они его приближенія. Но когда лодка подъѣхала къ утесу, прежде Европейца монахъ одинъ взошелъ на островъ, прося собравшихся жителей, чтобы они, изъ осторожности, скрылись отъ минутнаго гостя, хотя въ ближній лѣсъ. Жители тотчасъ же исполнили совѣтъ старца; но многіе, спрятавшись въ кустахъ, съ дѣтскимъ любопытствомъ смотрѣли оттуда, ожидая, что будетъ? а нѣкоторыя дѣти легли въ густую траву недалеко отъ самой дороги. Въ томъ числѣ былъ и двѣнадцатилѣтній Александръ.

Посреди шумной Европейской жизни, кипящей разнообразіемъ перемѣнъ, мудрено понять, какъ сильно въ уединеніи зажигается любопытство человѣка самыми бездѣльными обстоятельствами, которыя сколько-нибудь нарушаютъ обыкновенный порядокъ тишины. Въ этомъ положеніи находились жители острова. Съ мужественною крѣпостію ума обнимали они самыя глубокія соображенія отвлеченнаго мышленія: но самому ничтожному явленію изъ живой дѣйствительности поддавались со всею воспріимчивостію ребенка. Отъ того, напрягая вниманіе, глядѣли они изъ-за кустовъ своихъ, какъ незнакомецъ вышелъ на островъ, какъ онъ, вмѣстѣ съ монахомъ, пошелъ по дорогѣ

въ монастырь, и какъ они, улыбаясь, переглянулись между собою, когда лежавшій въ травѣ Александръ выставилъ изъ нея свою кудрявую голову, чтобы лучше разсмотрѣть пріѣзжаго, проходившаго мимо.

Подойдя къ монастырю, Европеецъ снялъ шляпу, перекрестился, но, не останавливаясь, пробѣжалъ путь свой. „Куда?“ думали они.

Любопытство ихъ еще увеличилось, когда они замѣтили, что путники избрали дорогу къ той отдаленной кипарисовой рощѣ, гдѣ таилась въ глуши кедровъ и деревьевъ небольшая пещера одного пустынника, который уже многіе годы скрывался тамъ отъ взоровъ людей, ни для кого не отворяя дверей своего подземелья.

Но когда путники подошли къ нему, и незнакомецъ постучался у входа, произнеся нѣсколько неслышныхъ имъ словъ, тогда, къ удивленію жителей, загремѣлъ внутри желѣзный затворъ, и дверь растворилась. Незнакомецъ взошелъ туда одинъ; провожавшій монахъ остановился у входа; дверь снова заперлась изнутри.

Долго оставался незнакомецъ въ подземельѣ; но жители не уставали смотрѣть туда, ожидая его появленія.

Наконецъ, показался онъ изъ пещеры, а вмѣстѣ съ нимъ и самъ отшельникъ, столько времени невидѣнный ни кѣмъ.

Старецъ былъ низкаго роста, и еще болѣе согнутый постомъ и годами; черную рясу опоясывалъ ременный поясъ, на головѣ низкій Греческій клобукъ, лицо почти заросло сѣдыми волосами; но въ свѣтлыхъ глазахъ его сіяла свѣжесть молодости, печать строгой жизни и чистоты душевной.

Отъ непривычки, можетъ быть, или отъ лѣтъ, онъ съ трудомъ, казалось, передвигалъ свои ноги; однако, опираясь на посохъ, безъ отдыха шелъ съ незнакомцемъ, провожая его до самаго берега, и что-то во всю дорогу говорилъ ему съ видимымъ жаромъ. Европеецъ молчалъ, изрѣдка отвѣчая.

Никто не слыхалъ ихъ любопытнаго разговора. Иногда только отдѣльныя слова старца долетали до тѣхъ, кто былъ ближе къ дорогѣ. Эти слова были: „Греція... Божья помощь... война... избранный человѣкъ... еще не готово... великое дѣло... тебѣ...“, и тому подобныя. Иногда слышались и цѣлыя реченія, какъ напримѣръ: „государственныя дѣла мнѣ чужды, только сердце болитъ за братію.“ Или же: „велика опасность

отъ невѣрныхъ, не меньше отъ иновѣрныхъ, а больше отъ своихъ.“ Или еще: „великое дѣло готовится: только начать его безвременно, все тоже, что стать за противниковъ.“ Но самая длинная рѣчь изъ его разговора, которую удалось поймать нѣкоторымъ, была слѣдующая: „Остановись не много: посмотри на этотъ прекрасный островъ! Еще Богъ бережетъ его: жизнь на немъ не похожа на вашу грязную: люди не знаютъ его; но если бы узнали, какъ бы удивились они! А, кажется, чему бы? Что тутъ новаго? Въ душѣ каждаго человѣка есть такой же незамѣтный, такой же потерянный островокъ, снаружи камень, внутри рай! Только ищи его. Только душа часто сама не знаетъ объ немъ. А еще хуже, если...“ Тутъ старецъ повернулъ въ другую сторону, продолжая путь свой, и больше не слышно было его словъ.

Когда же дошелъ онъ до края скалы, то провожавшій монахъ былъ уже внизу и сидѣлъ въ лодкѣ, приготовляя весла. Старецъ остановился на самомъ утесѣ, и видно было, что онъ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ поднялъ къ небу глаза, блестящіе слезами, и потомъ указалъ рукою на ту сторону, гдѣ далеко на небосклонѣ, на подобіе неясныхъ облаковъ, едва виднѣлись горы Греціи. Незнакомецъ сталъ на колѣни и поднялъ руки къ небу, какъ бы произнося какую-то клятву. Потомъ, получивъ благословеніе отъ старца, онъ скорыми шагами сошелъ къ морю, сѣлъ въ лодку и, еще разъ поклонившись отшельнику, отплылъ отъ берега.

Согбенный старецъ долго стоялъ на скалѣ, облокотившись на свой посохъ и не сводя взоровъ отъ удаляющейся лодки. Но когда она совсѣмъ скрылась изъ виду, онъ посмотрѣлъ на небо, отеръ глаза и тихими шагами пошелъ въ подземелье, гдѣ снова затворился отъ людей.

Тогда на островѣ начались разспросы и догадки: но вѣрнаго жители могли узнать только то, что незнакомецъ былъ Грекъ, который еще въ дѣтствѣ зналъ старца, жившаго прежде на Аѳонской горѣ.—

Прошло нѣсколько лѣтъ: уже на островѣ давно перестали говорить объ этомъ происшествіи: но на воображеніе молодаго Александра оно положило неизгладимое впечатлѣніе.

Все, что слыхалъ онъ прежде отъ своего отца о землѣ за моремъ, все, что читалъ онъ въ его книгахъ о жизни людей и народовъ, все разомъ проснулось въ его умѣ, все заиграло

новою жизнью и скиѣлось въ одну пеструю, блестящую, волшебную картину, при одномъ взглядѣ на странную заморскую одежду, на стройную походку чужеземца, на его Европейскія движенія.

„Кто былъ этотъ Грекъ?"—думалъ онъ.—„За чѣмъ пріѣзжалъ онъ сюда? Кто открылъ ему нашу тайну? Какъ пустилъ его къ себѣ старецъ-отшельникъ? Что значитъ ихъ таинственный разговоръ? О какомъ *великомъ дѣлѣ* они говорили?... О, много плѣнительнаго, тайнаго и заманчиваго должно скрываться въ разнообразной жизни людей, отдѣленныхъ отъ насъ этимъ грустнымъ моремъ! Что наша бѣдная жизнь въ сравненіи съ ихъ блестящею жизнію? Вялый, болѣзненный сонъ. Нѣтъ, хуже сна! Мои сны живѣе моей жизни. Они уносятъ меня въ тѣ далекія мѣста, о которыхъ читалъ я въ книгахъ моего отца; тамъ одна минута богатѣе для сердца, чѣмъ годы здѣсь. И не уже ли не должно жить вмѣстѣ со всѣмъ созданнымъ человѣчествомъ, дѣлить его труды и радости, помогать ему, погибать съ нимъ въ бѣдахъ, утопать въ наслажденіяхъ? Боже мой! Удастся ли мнѣ когда-нибудь исполнить желанія моего сердца?"

Это стремленіе въ другой міръ за моремъ безпрестанно увеличивалось въ душѣ молодаго человѣка, усиливалось чтеніемъ, разговорами съ отцомъ, уединенными мечтаніями, препятствіями и всѣми даже равнодушными обстоятельствами жизни, которыя обыкновенно поджигаютъ воображеніе больное, зараженное невозможностью. Шли годы; но это чувство выростало въ немъ еще сильнѣе и, наконецъ, сдѣлалось его господствующимъ состояніемъ духа.

Такъ достигъ онъ *своего* двадцатилѣтняго возраста.—

А между тѣмъ просвѣщенный міръ, которому завидовалъ Александръ, лежалъ еще скованный подъ желѣзною пятою своего властелина. Необъятно было его могущество и (удивительно!) все оно было явнымъ созданіемъ его головы.

Но въ головѣ его, еще отъ рожденія, одна мысль задавила всѣ другія: мысль блестящая и тяжелая, какъ царскій вѣнецъ; удивительная, какъ Египетская пирамида; но сухая и безплодная, какъ голый утесъ посреди океана, и холодная, какъ глубокій снѣгъ сѣвера, и страшно-разрушительная, какъ бы пожаръ огромной столицы, и безцвѣтная, какъ музыка барабановъ. И справедливое Провидѣніе послало ему *судьбу* его, по *мысли* его.

„За чѣмъ,—думалъ Александръ, смотря на далекія горы Греціи: — за чѣмъ радовался отецъ мой, когда я изучалъ чужеземные языки? За чѣмъ давалъ онъ мнѣ свои ядовитыя книги? Онѣ отравили мнѣ душу соблазнительнымъ представленіемъ невозможной для меня жизни; онѣ нашептали мнѣ мысли плѣнительныя и неотвязныя; онѣ, какъ волшебный коверъ, уносятъ меня въ страны далекія, кипящія новостью и опасностями, заманчивыя счастьемъ разнообразія, бурею душевныхъ волненій и блескомъ художественныхъ хитростей. Все прекрасно, все мнѣ нравится, все плѣняетъ меня въ этихъ недоступныхъ земляхъ; даже пороки ихъ наполняютъ меня любопытствомъ: ихъ неразумныя слабости вмѣстѣ съ гигантскими созданьями ума; ихъ необузданныя страсти посреди усильнаго стремленія къ устройству; ихъ легкомысліе, ихъ яркія искусства, ихъ внутреннія противорѣчія, пестрое просвѣщеніе, ломкія связи, быстрые перевороты, ежеминутная дѣятельность для близкаго настоящаго и вмѣстѣ странная безпечность о будущемъ,—все это мнѣ ново, все мудрено и заманчиво“.

„Я чувствую, я понимаю, что наша жизнь на островѣ и лучше, и чище, и разумнѣе ихъ, и должна бы, кажется, быть счастливѣе; но самъ не знаю отъ чего: только въ ихъ жизни я вижу счастіе, а здѣсь все безцвѣтно и пусто“.

„Не нахожу я отрады въ кругу семьи моей, ни въ дружескихъ собраніяхъ нашего общества, ни въ опредѣленныхъ занятіяхъ дня, ни даже въ свободныхъ сновидѣніяхъ ночи. Всюду преслѣдуетъ меня безпокойство невозможнаго желанія, вездѣ однѣ, неотвязныя мысли, вездѣ тоска и скука, и мечта все объ одномъ!“

„Нѣтъ! не могу я больше выносить это мучительное состояніе! Во что бы то ни стало, переплыву я это зеленое море, отыщу тамъ земли невиданныя, но давно знакомыя, брошусь въ объятья ихъ бурной жизни, утону въ ихъ отрадныхъ волненіяхъ!“

„Жаль мнѣ тебя, добрый отецъ мой! Много надеждъ положилъ ты на сына своего! Жаль тебя, бѣдная мать! Все твое счастье во мнѣ! Перенесешь ли ты тяжелую разлуку? И ты, прекрасная Елена... которую они готовили мнѣ въ подруги счастія... за чѣмъ открыла ты невинное сердце безвременнымъ внушеніямъ? Что будетъ съ тобою?“

„Милыя, дорогія сердцу созданія! Душа разрывается при

мысли объ васъ. За чѣмъ судьба поставила мое сердце въ это несносное противорѣчіе?“

„Самъ не знаю, что во мнѣ дѣлается; я не властенъ надъ моими чувствами, не властенъ болѣе надъ поступками: чужая сила влечетъ меня неодолимо, можетъ быть на погибель: будь, что будетъ!“

„Кто это пробирается между миртами? Сквозь темную зелень блеснуло бѣлое покрывало. Это ты, Елена? Пойди ко мнѣ, милая сестра моя; скажи мнѣ слово утѣшенія изъ тихой души твоей. Безпокойныя мысли встревожили меня“.

— „Не въ первый разъ замѣчаю я, милый братъ,—сказала Елена,—что какое-то скрытое горе лежитъ у тебя на сердцѣ. Давно собиралась я просить тебя, чтобы ты раздѣлилъ его со мною. Только страхъ меня удерживалъ, чтобы словами дружбы еще больше не растревожить твоей непонятной тоски. Теперь, благодарю тебя! теперь я счастлива, что ты самъ ищешь моего участія“.—

„Елена! Посмотри туда, на край неба: видишь ты эти далекія, чуть замѣтныя облака? Знаешь ли, что значатъ эти облака?“

— „Знаю: это горы“.—

„Да, Елена! это горы Греціи! Знаешь ты, что тамъ живутъ люди?“

— „Могу ли я не знать этого! Они убили моего отца!“—

„Убили отца! Не всѣ были убійцы. Тамъ были и друзья отца твоего, съ кѣмъ онъ жилъ вмѣстѣ, дѣлилъ радость и горе, заботы и опасности, съ кѣмъ вмѣстѣ готовилъ надежды къ избавленію христіанъ, вмѣстѣ думалъ дѣйствовать, понимаешь ты? *дѣйствовать!*“...

— „Твой отецъ былъ ему лучшимъ другомъ“.—

„Елена! тамъ жизнь другая. Тамъ все кипитъ, тамъ все ярко, все живо. Тамъ день не похожъ на другой. Тамъ есть опасность, есть и надежда. Тамъ впереди жизни — неизвѣстное; сзади—воспоминаніе. Тамъ жизнь не машина, напередъ разсчитанная. Елена! Не уже ли ни во снѣ, ни въ мечтахъ тебѣ никогда не хотѣлось *туда?*“

—„Братъ мой! Тамъ зарѣзана моя мать. Тамъ погибли мои родные. Здѣсь твоя семья окружила меня любовью и счастьемъ. Могу ли я понять это желаніе? Братъ мой, другъ мой! Оставь свои далекія мысли. Возврати твою прекрасную душу

на этотъ счастливый островъ, въ тихій кругъ твоей семьи, также счастливой прежде! Посмотри, какъ твоя черная задумчивость убиваетъ твоего прекраснаго отца. Давно ужъ онъ лишился своего свѣтлаго спокойствія, глядя на твою тоску. А мать твоя, всякій разъ, когда ты уйдешь на этотъ берегъ, она не осушаетъ глазъ своихъ. Смотри, какъ горько они измѣнились оба въ это тяжелое время. Братъ милый! Сжалься надъ нами!"—

Много еще сердечныхъ словъ и дружескихъ убѣжденій нашла Елена въ душѣ своей, уговаривая его возвратиться къ прежней, спокойной жизни. Но, наконецъ, она замолчала, замѣтивъ, что онъ уже давно ея не слушаетъ. Тогда на лицѣ ея выразилась живая, глубокая скорбь,—скорбь дружбы, теряющей друга, тоска любви, нераздѣленной и презрѣнной. Неподвижно устремились на него ея большіе, черные глаза; но въ нихъ не было слезъ; они сверкали тѣмъ сухимъ блескомъ страданія, который является во взорахъ человѣка при послѣдней судорогѣ сердца, когда или жизнь отходитъ, или счастье жизни гибнетъ навѣки.

Между тѣмъ онъ стоялъ задумавшись, смотря на далекія горы Греціи.

Но въ этотъ день совершилось важное событіе въ домѣ Палеологовъ.

Давно уже замѣтили они задумчивость, тоску и, наконецъ, совершенное уныніе своего сына. Не трудно было имъ узнать причину его страданія. Само собою разумѣется, что они употребили всѣ средства къ его излѣченію. Увѣщанія, совѣты, прямые и косвенные разговоры, всякаго рода убѣжденія, приведены были въ дѣйствіе; но все безъ успѣха. Непонятная страсть его только увеличивалась и особенно развилась въ это послѣднее время. Наконецъ, убѣдившись, что всѣ старанія ихъ безполезны, что для него уже невозможно счастіе въ тихомъ, семейномъ кругу, по крайней мѣрѣ прежде, чѣмъ онъ насытитъ свое болѣзненное любопытство, Палеологъ рѣшился самъ помогать ему. Уже нѣсколько разъ въ собраніяхъ народныхъ, тайно отъ самого Александра, просилъ онъ ихъ общество позволить ему отправиться въ другія земли. Общество не соглашалось, полагая, и не безъ основанія, что страстное любопытство молодаго человѣка не стоитъ опасности цѣлаго острова, могущаго погибнуть отъ одной его неосторожности, отъ одного не-

обдуманнаго слова. Но неотступныя просьбы Палеолога, его ручательства и, наконецъ, его клятвы за сына, поколебали твердость его друзей. Они начали склоняться, хотя съ неудовольствіемъ, на отправленіе Александра, и въ этотъ день назначили быть послѣднему собранію, чтобы положить окончательное рѣшеніе этого дѣла.

Олимпіада Палеологъ раздѣляла мысли и намѣренія своего мужа: но сердце ея, противъ убѣжденій мужа, все еще не могло оторваться отъ утѣшительныхъ ожиданій. Она думала, что сынъ ея еще можетъ возвратиться отъ своей страсти: что онъ не рѣшится оставить ихъ, разорвать ихъ счастіе, на немъ основанное; что его удержитъ благоразуміе, привязанность къ нимъ и, можетъ быть, любовь къ Еленѣ, любовь, которую она предполагала въ немъ больше по собственному желанію, нежели по какимъ-нибудь особеннымъ замѣчаніямъ. Потому, въ то время, когда отецъ пошелъ на послѣднее совѣщаніе островитянъ, мать, еще не теряя надежды, послала Елену на берегъ острова, поручивъ ей употребить послѣднія увѣщанія дружбы надъ больнымъ сердцемъ ея сына.

Она тѣмъ больше ожидала отъ разговора Елены, что послѣдняя до сихъ поръ еще никогда не говорила съ Александромъ объ этомъ предметѣ.

Долго Олимпіада Палеологъ оставалась одна, въ робкомъ ожиданіи. То выходила она на крыльцо смотрѣть, не идетъ ли мужъ съ тяжелою вѣстію, или Елена съ радостію. То, возвращаясь внутрь дома, она спѣшила заняться какимъ-нибудь хозяйственнымъ устройствомъ, стараясь заглушить въ себѣ безполезное волненіе. То вдругъ, обливаясь горькими слезами, она бросалась передъ Распятіемъ, произнося самыя пламенныя молитвы. То опять выходила слушать, не йдутъ ли съ вѣстію. Безпокойство ея все больше усиливалось. Она попеременно придумывала себѣ то отчаянныя, то радостныя мысли. Наконецъ, утомившись внутренними усиліями, она сѣла на кресла подъ раскрытымъ окномъ и неподвижно осталась въ этомъ положеніи, не замѣчая теченія времени. Вдругъ кто-то стукнулъ въ двери. Дрожь пробѣжала по ея членамъ. „Это Елена!—думала она—вѣрно добрая вѣсть, вѣрно радость! И какъ могла я мучиться такъ напрасно! Какъ могла я сомнѣваться въ немъ! Елена, другъ мой, иди!“ Эти мысли разомъ и съ быстротою молніи пробѣжали въ ея сердцѣ. И по какому-

то закону предустановленнаго разногласія души съ жизнію, закону, который чаще повторяется, чѣмъ обыкновенно думаютъ, она всего больше предавалась надеждѣ, отворяя дверь печальному извѣстію.

Такъ въ изнурительной болѣзни, въ самую послѣднюю минуту жизни, является неожиданная увѣренность въ выздоровленіи.

Но недолго оставалась она въ заблужденіи. Въ двери взошелъ не отецъ, — взошла Елена; но мертвая блѣдность ея лица, но ея сильно открытые глаза и какая-то странная окаменѣлость во всѣхъ чертахъ, слишкомъ ясно высказывали истину. Бѣдная мать не сказала, не спросила ничего; но опустила голову и возвратилась на прежнее мѣсто. Елена также не нарушала молчанія.

Возвратился Александръ: но и тогда никто не начиналъ разговора.

Между тѣмъ солнце сѣло.

Наконецъ, пришелъ и отецъ: „рѣшено,—сказалъ онъ женѣ своей—ему позволено ѣхать.“

„Александръ! мнѣ удалось, наконецъ, получить согласіе нашего общества. Завтра ты отправишься отсюда. Здѣсь, я вижу, ты счастливъ быть не могъ. Но смотри теперь, смотри на твою мать, смотри на Елену: видишь ты, чего намъ стоитъ эта разлука? Горе тебѣ, если когда-нибудь забудешь ты это чувство, или сдѣлаешься его недостойнымъ! Богъ съ тобой! Надъ тобою будетъ всегда мое благословеніе и моя молитва.“

„Александръ! Я далъ клятву за тебя, что тайна наша умретъ въ твоемъ сердцѣ. Ты, я знаю твердо, предателемъ не будешь. Только помни, что малѣйшая неосторожность здѣсь будетъ предательство.“

„Помни нашу вѣру, наши правила, нашу любовь.... но къ чему говорить? Теперь слова безполезны. Одно не забудь, что твоя перемѣна насъ убьетъ; доброе извѣстіе о тебѣ еще можетъ утѣшать. Теперь пойдемъ со мной!“

Въ волненіи неожиданнаго чувства смотрѣлъ Александръ на отца, на мать, на Елену, и, съ недоумѣніемъ повинуясь, пошелъ за Палеологомъ.

Они вышли изъ дому: уже стало темно: они пошли по дорогѣ къ померанцевой рощѣ; взошли въ глубину ея: тамъ, у одного замѣтно изогнутаго дерева, стояли уже приготов-

ленныя двѣ лопаты: одну взялъ Палеологъ, другую Александръ, и начали рыть землю; скоро подъ лопатой зазвенѣлъ металлъ; они вынули желѣзный сундукъ; Палеологъ раскрылъ его и сказалъ:

„Здѣсь хранятся всѣ мои сокровища, привезенныя изъ Греціи. Вотъ золото; вотъ камни драгоцѣнные. Я берегъ ихъ для другой цѣли... Богу не угодно было... Возьми ото всего половину. Знай, у тебя будетъ большое богатство, рѣдкое между людей. Но знай также, что каждая деньга, которую ты бросишь безъ нужды, отнимется отъ святаго дѣла. Нѣтъ,—не отговаривайся! Ты не знаешь еще, что такое деньги, не понимаешь цѣны твоего отреченія. Я хочу, чтобы ты взялъ. Останется, привезешь назадъ.“

Опять зарыли сундукъ; заровняли землю; наложили дернъ: взяли лопаты и возвратились домой.

На другой день, рано поутру, всѣ вмѣстѣ пошли они въ церковь молиться объ отъѣзжающемъ. Весь народъ собрался туда участвовать въ молитвахъ за измѣняющаго имъ юношу. Но провожать его съ берега не пошелъ никто.

Молча шла грустная семья отъ церкви къ мѣсту отплытія. Тамъ въ лодкѣ уже ждалъ ихъ монахъ, который долженъ былъ перевезти Александра.

Тяжело было его прощанье съ матерью; словами этого чувства выразить нельзя. Когда же онъ сталъ прощаться съ отцомъ, то, обнявшись крѣпко, они громко зарыдали оба и долго не могли оторваться. Наконецъ Палеологъ благословилъ его въ послѣдній разъ, и потомъ отвернулся въ сторону, стараясь остановить излишество сердечныхъ движеній.

Но когда онъ подошелъ проститься съ Еленой, на лицѣ его выражалось столько страданія, что бѣдная мать его не могла вынести этого виду и закрыла руками глаза свои.

„Прощай! — сказала ему Елена, — прощай, братъ мой, другъ мой! Можетъ быть, навсегда! Будь счастливъ! Цѣлую жизнь я стану молить Бога объ этомъ. Все, что мнѣ дорого на землѣ, всѣ мои надежды на счастье, увозишь ты съ собою. Теперь моя жизнь, разорванная, блѣдная, будетъ согрѣта только мыслію о тебѣ. Да! для чего мнѣ скрывать долѣе то, что такъ сильно, такъ вѣчно живетъ въ душѣ моей? Можетъ быть, въ послѣдній разъ смотрю я на тебя.... Мой милый! Прими-жь на разлуку мое первое признанье въ любви, пожизненной и

замогильной! Прими мою клятву, передъ лицомъ Неба, въ вѣчности этого святаго чувства!... Ради Бога, не говори мнѣ ничего!... Я не хочу связать тебя словомъ, которое, можетъ быть, вырветъ у тебя состраданіе! Одну только просьбу, прошу я, исполни, изъ дружбы къ той, кого ты называешь сестрою".

„Ты знаешь этотъ рубинъ на моей золотой цѣпочкѣ? Я съ дѣтства не разставалась съ нимъ. Его нашли въ моей колыбели, когда меня, одну изъ всей семьи, Богъ знаетъ для чего, спасли отъ убійства. Этотъ рубинъ, я это знаю сердцемъ, мнѣ положила подъ подушку моя мать въ день смерти, и положила не безъ молитвы, не безъ желанія.... Можетъ быть, суевѣріе, можетъ быть, обманъ сердца, но я думаю, я чувствую, я увѣрена, что въ немъ есть особенная хранительная сила; возми-жь его! Если сколько-нибудь дорога тебѣ память обо мнѣ, то обѣщай мнѣ, другъ мой, не снимать его съ груди твоей никогда!"

И между тѣмъ, какъ она говорила, слезы ея остановились, грудь сильно волновалась, глаза блестѣли, недавняя блѣдность исчезла, и все лицо загорѣлось яркимъ румянцемъ.

Еще разъ обнялъ Александръ отца и мать. Всѣ вмѣстѣ сошли внизъ со скалы, чтобы проводить его до самой лодки. Онъ сѣлъ; монахъ отчалилъ отъ берега; море заплескалось подъ веслами; лодка плыла все далѣе и далѣе отъ острова. Когда же, наконецъ, она стала едва замѣтною, черною точкою на небосклонѣ, тогда трое оставшіеся бросились въ объятія другъ къ другу и долго плакали.

ГЛАВА II.

Монахъ, который везъ Александра, во всю дорогу не говорилъ ни слова. На другой день лодка ихъ пристала къ одному маленькому острову Архипелага. Тамъ также стоялъ монастырь, но вмѣсто всего населенія жили нѣсколько монаховъ, занимавшихся рыбною ловлею. На всей поверхности земнаго шара это была единственная точка, имѣвшая прямое сообщеніе съ скалою Св. Георгія.

Молчаливый монахъ вышелъ на берегъ вмѣстѣ съ Александромъ, привелъ его къ настоятелю, которому вручилъ какое-то письмо, и отправился назадъ въ своей маленькой лодочкѣ.

Пробывъ нѣсколько дней на новомъ мѣстѣ, Александръ отправился оттуда, уже въ большой и безопасной шлюпкѣ, на другой островъ, потомъ на третій, и, наконецъ, достигъ твердой земли Греціи.

Но, осматривая родину своихъ предковъ, онъ пораженъ былъ тяжелымъ уныніемъ. „Гдѣ же—думалъ онъ,—гдѣ мой народъ, просвѣтитель вселенной, хранитель Православія, образецъ образованности?“ Напрасно искалъ онъ. Вокругъ него были рабы невѣрныхъ. Но плоды рабскаго униженія были гнуснѣе самаго рабства: обманъ, коварство, разбой, измѣна, спѣсь, подлость, алчность въ корысти, невѣжество, предательство, лукавство, душевная грязь и вонь. И эти варвары—были Греки!

Ни для кого, можетъ быть, такое разногласіе низкой дѣйствительности съ великимъ именемъ не могло быть такъ ощутительно, какъ для него, новаго юноши, который пришелъ на землю прямо изъ чистаго острова. Не одно настоящее видѣлъ онъ въ странахъ и людяхъ; ему все прошедшее казалось присутственнымъ: въ его книгахъ, въ его мечтаньяхъ, древнее и новое было равно близко, равно живо, сливаясь въ одну нераздѣльную картину міра, въ одну недослушанную сказку о Царѣ земли и его приключеніяхъ.

Однако, не всѣ слѣды прошедшаго изгладились съ лица нѣкогда славной земли. То же небо, тѣ же рѣки, тѣ же горы, кой-гдѣ живыя развалины, и самая почва земли, составленная изъ праха героевъ. Языкъ измѣнился, но звуки родные, близость сына съ отцомъ. Даже въ самомъ народѣ, не смотря на мерзость его униженія, еще сохранились нѣкоторые признаки прежняго достоинства. Часто неожиданно, посреди невѣжества, вспыхивала чистая любовь къ прекрасному; изъ глубины варварства вдругъ блестѣло какое-то врожденное сочувствіе съ высокимъ, а въ трудную минуту неустрашимость и рѣшительность. Нѣтъ! несовсѣмъ еще погибъ народъ; въ немъ живо еще зерно воскресенія: его святая глубокая привязанность къ вѣрѣ. Это чувство, для понимающаго, имѣетъ значеніе богатое: вѣрный залогъ неисчислимыхъ силъ, ожидающихъ пробужденія, силъ неодолимыхъ, только прикрытыхъ цѣпями, зарытыхъ въ невѣжествѣ, забытыхъ равнодушными, посторонними зрителями, безсмысленными клеветниками погибающаго.

Но въ это время въ Греческомъ народѣ особенно замѣтно

было еще новое, необыкновенное напряженіе, ожиданіе чего-то неопредѣленнаго, небывалое нетерпѣніе противъ своихъ повелителей, между собою странное, неусловленное согласіе, мгновенная догадливость безъ объясненія. Часто на площади или на улицѣ, собравшись въ толпу передъ окнами своихъ господъ, они пѣли какія-то новыя пѣсни про запрещенную любовь къ отечеству, про сладость мщенія, про торжество креста, про счастіе независимости, и все это вмѣстѣ съ прямыми, восторженными проклятіями невѣрныхъ. А невѣрные властители ихъ равнодушно слушали музыкальные звуки, не понимая словъ, и безпечно курили табакъ, любуясь согласнымъ пѣньемъ своихъ рабовъ.

Тогда Александръ началъ догадываться, о какомъ *великомъ дѣлѣ* говорилъ старецъ на островѣ.

Но странное устройство человѣческаго сердца! На островѣ Александръ страдалъ желаніемъ отъѣзда; уѣхавъ, онъ мучился мыслію объ островѣ. Какъ будто далекое ближе къ душѣ, чѣмъ близкое; какъ будто мысль сильнѣе привлекается отсутствующимъ, чѣмъ окружающимъ настоящимъ.

Но чувства его къ Еленѣ были еще непонятнѣе. Вмѣстѣ съ нею провелъ онъ всю жизнь отъ самаго дѣтства, и съ перваго дѣтства до послѣдняго часа разлуки онъ любилъ ее одинакою тихою любовью, тѣмъ свѣтлымъ стремленьемъ сердца, которымъ любятъ сестру, друга, прекрасное созданіе Творца. Но въ минуту прощанья, мысль: „можетъ быть навсегда!“ вдругъ раскрыла передъ нимъ незамѣченныя прежде сокровища ея существа. Какъ будто повязка снялась съ его зрѣнія. Тутъ въ первый разъ испыталъ онъ новое чувство; въ первый разъ понялъ, что въ любви прекраснаго созданія есть счастіе невыразимое; что есть другая краска для жизни; что въ согласіи душъ есть существенность теплая, полная для души; что, можетъ быть, вся жизнь на землѣ не стоитъ одной минуты этого согласія; что для *одной* души, для *одного* любящаго созданія, между всѣми милліонами другихъ существъ, есть только *одна* другая душа, *одно* другое созданіе, ему вполнѣ отвѣчающее; что эта единственная — теперь передъ нимъ, теперь подаетъ ему руку и, можетъ быть, въ послѣдній разъ, и онъ самъ легкомысленною прихотью разрываетъ это прекрасное, теперь близкое, неуловимое послѣ, это таинственное счастье, Самимъ Богомъ для нихъ приготовленное.... Всѣ эти

думы, не раздѣляясь на мысли, но вмѣстѣ, какъ одно чувство, легли ему на сердце тяжело и сладко. И онъ прощался съ Еленой, самъ не понимая для чего. Еще одно мгновенье, онъ готовъ былъ остаться. Но новость чувства смутила его. Безъ мысли продолжалъ онъ начатое. Шелъ къ лодкѣ, какъ будто къ мѣсту казни; голова его кружилась, память замерла, сердце упало, но не меньше того онъ уѣхалъ.

Есть глубокая, еще неизслѣдованная тайна въ нѣкоторыхъ минутахъ человѣческой жизни. Отъ чего, напримѣръ, минута перваго свиданья кладетъ иногда рѣзкое, неизгладимое клеймо на всѣ будущія отношенія двухъ людей? Отъ чего въ минуту смерти человѣкъ видитъ въ протекшей жизни своей то, чего никогда не видалъ въ ней прежде? Отъ чего иногда въ минуту душевной пустоты и разсѣянности, вдругъ, ни откуда, является человѣку желанная мысль, которую прежде онъ долго и напрасно искалъ въ постоянныхъ трудахъ размышленія? Отъ чего въ минуту сильнаго горя, вдругъ иногда мысль отрывается отъ своего предмета, разбѣгаясь, увлекаясь самыми мелочными явленіями, забавляясь игрою свѣта на зелени, шумомъ вѣтра, переливами тѣней, узорами мороза на стеклахъ, стукомъ колесъ по мостовой, жужжаньемъ мухи?

Но минута прощанья особенно богата сердечными откровеньями. Часто не подозрѣваетъ человѣкъ, какія блага хранятся вокругъ него, и съ удивленіемъ узнаетъ объ нихъ только въ тотъ часъ, когда долженъ сказать имъ: *прости*! Сколькихъ чувствъ, сколькихъ понятій, сколькихъ радостей лишился бы онъ, еслибъ не зналъ утратъ, или не боялся ихъ! Можетъ быть, для того въ здѣшнемъ мірѣ все такъ перемѣнчиво, такъ не твердо, такъ неуловимо-минутно, что сердце человѣческое не умѣетъ цѣнить вѣрнаго, наслаждаться неизмѣннымъ и вѣчнымъ, какъ только больной чувствуетъ цѣну здоровья, и, только выздоравливая, наслаждается этимъ чувствомъ, и забываетъ здоровый. Опять законъ *предустановленнаго разногласія души съ жизнію....*

Объѣхавъ всю Грецію (такъ называлъ Александръ Европейскую Турцію, по старой памяти), осмотрѣвъ все замѣчательное на землѣ и на островахъ, онъ особенно старался вникнуть въ жизнь посѣщаемыхъ имъ людей, принять участіе въ ихъ занятіяхъ, оцѣнить причины ихъ дѣятельности, смыслъ и характеръ трудовъ, цѣли ихъ стремленій, и больше всего: понять

то *основное чувство*, которое каждый носитъ въ глубинѣ души, какъ *общее слѣдствіе* его борьбы съ жизнію, какъ *итогъ бытія*. Но здѣсь всѣ ожиданія его были обмануты. Вмѣсто сочувствія съ жизнію людей, въ сердцѣ своемъ нашелъ онъ къ нимъ только чувство сожалѣнія. Поступки ихъ казались ему безпричинными, мысли недодуманными, намѣренія смѣшанными, чувства невѣрными, жизнь изорванною, взаимныя отношенія то жалко безразсудными, то страшно предательскими.

Но не всѣ же люди въ этомъ искаженномъ положеніи (думалъ онъ), и съ этою мыслію отправился въ Константинополь, чтобы тамъ сѣсть на корабль и плыть на Западъ. Но въ Константинополѣ прежде всего пошелъ онъ къ патріарху получить отъ него благословеніе.

Къ удивленію Александра, патріархъ уже былъ предувѣдомленъ объ немъ. Впрочемъ, Александръ не меньше удивленъ былъ и его необыкновенною простотою обращенія, посреди всеобщей напыщенности Грековъ. Онъ принялъ его въ особой комнатѣ, съ большимъ участіемъ разспрашивалъ объ островѣ, говорилъ о Греціи, о Европѣ, далъ нѣсколько полезныхъ совѣтовъ, и между прочимъ сказалъ: „По несчастію, твоя правда, сынъ мой! Человѣкъ искаженъ въ нашемъ бѣдномъ отечествѣ; но въ просвѣщенныхъ земляхъ онъ не лучше. Такихъ людей, такой жизни, какъ у васъ на островѣ, не найти нигдѣ! Впрочемъ, посмотри самъ: опытъ убѣдительнѣе. Да! и въ другомъ замѣчаніи ты не ошибся: только, кажется, въ народѣ нашемъ готовится что-то новое, есть какое-то броженіе, которое предвѣщаетъ перемѣну... Но я не знаю, радоваться ли этому, или бояться? Если что будетъ, то будетъ не безъ крови; а кто знаетъ, на пользу ли? Прежде всѣхъ наружныхъ перемѣнъ, я желалъ бы видѣть перемѣну внутреннюю, которая возможна при всѣхъ обстоятельствахъ и, можетъ быть, даже и легче при тяжелыхъ. Но, авось, Богъ не оставитъ Своего народа, который и безъ того много, много страдалъ! Видишь ли: вся бѣда отъ того, что просвѣщеніе теперешнее выросло подъ вліяніемъ ереси. Отъ того зародилась въ него ложь, а ложь привела къ невѣрію. Что-жь вышло? Истина и умъ стали врагами. Чего тутъ ждать? Но самъ увидишь! Ахъ! не то бы было, если бы нашу православную Грецію не задавили невѣрные! Все воля Божія: Онъ знаетъ лучше, куда и какъ вести человѣка и человѣчество! Наше дѣло только молиться, чтобы Онъ смягчилъ пра-

ведный гнѣвъ Свой и помиловалъ Свой бѣдный народъ. Впрочемъ, мы страдаемъ, мы убиты; но святое дѣло, но святая Церковь—она жива и будетъ жить. Не одни мы православные: подлѣ насъ есть братья наши, которые составляютъ великое государство, богатое надеждами. Прежде и они задавлены были невѣрными: но теперь проснулись, отдохнули, и для человѣчества готовится у нихъ новая судьба. Правда, и къ нимъ уже нашли дорогу ослѣпленіе, ереси и заблужденія невѣрія, и у нихъ уже святая правда и умное просвѣщеніе начинаютъ приходить въ разногласіе; но Провидѣніе не обманетъ: придетъ время, Оно пошлетъ имъ людей, которые поймутъ истину, и тогда все перемѣнится. Тогда, можетъ быть, и намъ можно будетъ надѣяться воскреснуть для жизни.... Если же у насъ случится что-нибудь прежде.... тогда я прошу Бога объ одномъ: чтобъ далъ мнѣ умереть, исполняя долгъ мой, и умереть съ надеждою, не видавъ обмана и новой гибели моего народа!"

„Впрочемъ, это еще не скоро. Покуда прощай! Да благословитъ тебя Богъ. Мы не забудемъ тебя въ молитвахъ нашихъ, а ты вспомни иногда обо мнѣ. Вотъ тебѣ паспортъ: онъ будетъ тебѣ нуженъ; я нарочно приготовилъ его для тебя прежде. Вотъ еще письма отъ многихъ здѣшнихъ фанаріотовъ и банкировъ ко многимъ важнымъ лицамъ въ Европѣ. Они тебѣ пригодятся. Чѣмъ скорѣе ты узнаешь, что тебѣ любопытно знать, тѣмъ скорѣе излѣчишься отъ любопытства. Оставайся здѣсь какъ можно меньше; долго жить здѣсь тебѣ не безопасно: лучше сядь-ка на первый корабль—и съ Богомъ! Когда же воротишься на родину, — а ты вѣрно воротишься, — можетъ быть, меня уже не будетъ на свѣтѣ; ты не забудь, однако, что былъ старикъ, который предсказывалъ тебѣ разувѣреніе въ мысляхъ и возвращеніе назадъ, и который отпустилъ тебя съ благословеніями и съ любовью."

Но сѣсть на корабль въ эту минуту было не совсѣмъ легко. Случилось такъ, что кораблей въ Константинополѣ стояло не много, а попутчиковъ явилось вдругъ такое множество, что некуда было помѣстить ихъ. Это необыкновенное стремленіе въ Европу произведено было перемѣною политическихъ обстоятельствъ на Западѣ. Съ трудомъ и за дорогую цѣну могъ Александръ отыскать себѣ мѣсто на одномъ купеческомъ кораблѣ, который хотя шелъ въ Италію, однако на пути своемъ долженъ былъ сдѣлать еще многія уклоненія.

На кораблѣ было много народу всякихъ націй и сословій. Были Турки, Греки, Итальянцы, Нѣмцы, Французы и Поляки Были также и женщины — между прочимъ, двѣ дамы, принадлежавшія къ одному изъ Европейскихъ посольствъ въ Константинополѣ. Онѣ возвращались въ свое отечество, соскучивъ жизнію на Востокѣ: одна была баронесса *Вес*...., другая ея племянница, графиня *Эльм*.... Одна молодая, прекрасная; обѣ знатнаго рода и сильныхъ связей. Онѣ скоро замѣтили Александра. Его молодость, его прекрасная наружность, живой умъ, непринужденный разговоръ, явная неопытность жизни и чистота воображенія понравились имъ. Но его рѣдкія познанія, пріобрѣтенныя посредствомъ уединенія, книгъ и страсти, заставляли предполагать въ немъ необыкновенное, тщательное воспитаніе и, слѣдовательно, обнаруживали еще и знатность происхожденія, и богатство, и всѣ тѣ преимущества, которыя образованный міръ привыкъ почитать высшими достоинствами, называя ихъ пустою случайностью.

Обѣ дамы показывали ему живое участіе, и скоро онъ сдѣлался почти неразлучнымъ ихъ собесѣдникомъ на кораблѣ. Онѣ разсказывали ему о чудесахъ своего отечества, о жизни образованныхъ народовъ, о удовольствіяхъ избраннаго общества, о блескѣ баловъ, о волшебствѣ театра, о свободѣ и достоинствѣ, о законахъ чести, о правилахъ поединка, о преимуществахъ красоты и пола женщинъ, о слабостяхъ нѣкоторыхъ, о замѣчательныхъ происшествіяхъ, о нѣкоторыхъ смѣшныхъ и странныхъ приключеніяхъ, о Римѣ, о вѣрѣ, о своей значительности при Дворѣ, о своемъ знаменитомъ родствѣ, богатыхъ владѣніяхъ и загородномъ замкѣ, и великомъ Наполеонѣ, о кофеѣ съ сахаромъ и молокомъ — однимъ словомъ, обо всемъ, что, по ихъ мнѣнію, должно было ему казаться новымъ и любопытнымъ, или могло дать ему высокое мнѣніе объ нихъ. Онъ слушалъ, спрашивалъ, дѣлалъ свои замѣчанія,—и время проходило непримѣтно.

Путешествіе ихъ продолжалось довольно долго: корабль, для нѣкоторыхъ торговыхъ оборотовъ, долженъ былъ приставать къ островамъ, гдѣ оставался по нѣскольку дней; а къ тому же и противный вѣтеръ дѣлалъ плаваніе весьма медленнымъ.

Графиня обладала такого рода красотою, которую обыкновенно называютъ величественною, но которую скорѣе можно на-

звать чувственною красотою. Высокій ростъ, полнота и стройность, голубые глаза, полузакрытые черными рѣсницами, маленькое лицо, выраженіе котораго безпрестанно измѣнялось, маленькій ротикъ, носъ, немножко поднятый къ верху съ видомъ беззаботности и легкомыслія, въ движеніяхъ гордое выраженіе достоинства, вмѣстѣ съ какою-то роскошною мягкостью, голосъ чистый и бархатный, во всемъ существѣ сліяніе нѣжности и силы, величія и слабости. Однимъ словомъ, графиня принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыхъ можно и любить и ненавидѣть, которыхъ одно присутствіе дѣйствуетъ электрически даже на равнодушныхъ, о которыхъ воспоминаніе хранится въ отдѣльномъ ряду воображенія, и которыхъ ласки, какъ говорилъ *N*..., могутъ задушить живаго и одушевить мертваго.

Знакомство ея съ Александромъ становилось всякій день ближе и дружественнѣе. Но многіе изъ ихъ сопутниковъ на кораблѣ, замѣчая ея короткое обращеніе съ счастливымъ юношей, уже начинали предполагать между ними гораздо болѣе согласія, чѣмъ было въ самомъ дѣлѣ.

Однажды корабль присталъ къ одному изъ острововъ Архипелага. Попутчики разошлись по городу. Александръ остановился въ загородной гостиницѣ, которой нижній этажъ заняли двѣ дамы. Весь день провели они вмѣстѣ, гуляя по прилежащему саду. Когда они возвратились домой, уже взошла луна. Они сѣли на балконѣ. Разговоръ становился безпрестанно живѣе и откровеннѣе. Они были одни. Вокругъ тѣнистыя деревья едва шевелили листьями.

„Вы не можете понять,—говорила графиня Александру,—какія тяжелыя минуты переноситъ иногда сердце женщины, скованной свѣтскими приличіями. Съ самаго дѣтства она невольница чужаго разсчета. Ей не позволено вздохнуть отъ сердца; слово отъ души ставятъ ей въ преступленіе. Вмѣсто всего счастія, которымъ наслаждаться могутъ, хоть не умѣютъ, женщины низшаго круга, мы должны ограничиться одною выгодою: казаться счастливыми, внушать зависть къ тѣмъ благамъ, которыми мы не наслаждаемся! Не успѣвши оглянуться въ жизни, должны мы на вѣки подчинить судьбу свою человѣку постороннему, который часто и остается навсегда постороннимъ для сердца. Намъ говорятъ: богатство! знатность! мѣсто въ обществѣ! прежде чѣмъ мы понимаемъ — ка-

кой смыслъ подъ этими звуками. Насъ ловятъ на блескъ, какъ эту ночную бабочку можно поймать на свѣчку. А послѣ, вмѣстѣ съ желѣзнымъ приличіемъ, является долгъ, честь и другія слова, неопровергаемыя, убійственныя сердцу, которое для жизни"...

„Бѣдная графиня! Мнѣ жаль васъ отъ всей души!"

„Александръ! Я вижу въ глазахъ вашихъ непритворное участіе: благодарю васъ! Это благо рѣдкое и безцѣнное! Не могу сказать вамъ, какъ утѣшительно для меня встрѣтить прямое и чистое чувство!"

„О! вы можете быть въ немъ увѣрены, графиня. Ваша дружба для меня дѣло священное..."

„Дружба... Александръ! дайте мнѣ руку вашу... да, я принимаю вашу дружбу... Чистая, прекрасная душа! Еще не испорченная жизнью, еще не замаранная разсчетомъ, не искаженная притворствомъ! Какая пустыня, какая неприступная крѣпость сберегла это сокровище отъ заразы людей? Александръ!.. Сядьте сюда... я хочу видѣть насквозь эту прекрасную душу въ вашихъ глазахъ... еще ближе ко мнѣ... Александръ... скажите мнѣ... любили вы когда-нибудь?

„Графиня, — отвѣчалъ Александръ дрожащимъ голосомъ, самъ не понимая причины внутренняго волненія,—то, что у васъ называется любовью, то, что пишутъ въ вашихъ книгахъ... кажется, для меня чувство незнакомое. Но если глубокая сердечная преданность одному существу есть любовь, да! я ее знаю. Но для чего этотъ вопросъ? Онъ разбудилъ въ душѣ моей тяжелое чувство... Графиня! говорите мнѣ о себѣ! Мнѣ лучше слушать васъ, чѣмъ отвѣчать вамъ".

Она продолжала спрашивать; Александръ принужденъ былъ разсказать свою исторію, разумѣется, не упоминая ни объ островѣ, ни объ чемъ, что могло дать о немъ подозрѣніе. Но съ чувствомъ и съ жаромъ разсказалъ онъ: какъ въ его семьѣ воспитывалась дѣвушка красоты невыразимой, какъ онъ оставилъ семью, снѣдаемый страстью любопытства, какъ, разъ уѣхавъ, онъ понялъ въ себѣ то чувство, котораго не замѣчалъ прежде, какъ съ тѣхъ поръ страдаетъ онъ мыслью объ отцѣ, объ матери и еще больше о бѣдной Еленѣ, и какъ, наконецъ, съ самаго дня отъѣзда, онъ всякую ночь видитъ ее во снѣ,— „и такъ живо, такъ ясно", — говорилъ онъ, — „какъ будто въ самомъ дѣлѣ душа моя переносится къ ней. Мысль, что это

не сонъ, а видѣніе, служитъ мнѣ истиннымъ утѣшеніемъ. И сказать ли вамъ, графиня? Я думаю даже, что эти постоянные сны рождаются во мнѣ не изъ души моей, но даются мнѣ извнѣ, наводятся на меня силою талисмана, который я ношу на груди. Да, графиня! я пробовалъ снимать его, и сны мои объ Еленѣ оставляли меня вмѣстѣ съ нимъ. Надѣну опять, и опять тѣ же ясные сны....“—

Тутъ показалъ онъ графинѣ рубинъ, который Елена дала ему на прощанье. А между тѣмъ, графиня уже выручила руку свою изъ его руки, уже лицо ея приняло прежнее выраженіе достоинства, голова поднялась съ видомъ холодной гордости, въ глазахъ ея осталось что-то живое, неуспокоенное; но съ улыбкою снисхожденія она взяла рубинъ, посмотрѣла его разсѣянно и, отдавая назадъ, сказала Александру: — „Да, можетъ быть въ самомъ дѣлѣ, онъ имѣетъ силу талисмана. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ ваша привязанность къ роднымъ очень похвальна... Это дѣлаетъ вамъ много чести... Однако, роса; становится холодно; пойдемте къ тетушкѣ.“

„Красивая куколка!—думала она, входя въ гостиную — и душа безъ вкуса, безъ смысла, не смотря на свой начитанный умъ, на свою безтолковую живость. И я могла хоть на минуту считать его *чѣмъ-то*! Вотъ до какого безумія доводитъ женщину сила несчастія, тоска пустоты душевной! Послѣ того обвиняйте ее, когда она встрѣтитъ человѣка въ самомъ дѣлѣ достойнаго! Дайте ей камень зарека, убейте ее безъ ея власти, вы, женщины добродѣтельныя! Въ самомъ дѣлѣ: завидное дѣло—ваша добродѣтель!“

Вслѣдствіе этого разговора, отношенія графини къ Александру, повидимому, остались тѣ же, но въ сущности измѣнились во всемъ. Она по прежнему продолжала показывать ему свое участіе дружбы, но уже *его* участія не искала. Та же короткость осталась между ними, но въ этой короткости явилось такъ ясно выраженіе неравенства, такъ холодно обозначилось ея превосходство и добродушное снисхожденіе къ нему, что при концѣ путешествія, товарищи ихъ плаванія уже отказались отъ своихъ насмѣшливыхъ предположеній и тѣмъ охотнѣе сознали свою ошибку, что прекрасная графиня совершенно очаровала ихъ своею свѣтскою любезностью, умною внимательностію ко всѣмъ.

Въ Тріестѣ Александръ простился съ графинею. Дамы отправились въ Вѣну, онъ въ Италію.

Вѣну тогда ожидало зрѣлище, какого еще не представлялъ ни одинъ городъ на свѣтѣ отъ самаго сотворенія міра. Готовился конгрессъ. Рѣшалась судьба всего просвѣщеннаго міра, въ блестящемъ, торжественномъ собраніи всѣхъ властителей міра.

Давно прежде, въ древнемъ Римѣ также рѣшалась судьба вселенной. Но чего не было ни въ Римѣ, ни гдѣ когда-либо, это было чувство, съ которымъ міръ ожидалъ рѣшенія судьбы своей.

Теперь, новыя событія заслонили въ нашей памяти это недавно прошедшее время. Но кто захочетъ воскресить его въ умѣ своемъ, конечно, сознается, что не было надеждъ столь заоблачныхъ, не было такихъ невозможныхъ мечтаній о благѣ людей и человѣчества, которыя бы не казались возможными для народовъ, видѣвшихъ паденіе угнетавшаго ихъ Наполеона.

Вѣчный миръ, совершенное согласіе, повсемѣстная справедливость, безмятежное благополучіе, — все это принадлежало къ числу самыхъ умѣренныхъ, самыхъ благоразумныхъ ожиданій.

Исполинъ палъ. Ошибка сдѣлана. Въ великодушномъ самоубійствѣ сгорѣла древняя столица; его дружина погибла въ снѣгахъ Сѣвера; его царскій вѣнецъ на главѣ другаго; его барабаны замолкли; его могущество въ разсказѣ школьныхъ учителей!

Но не вся судьба еще совершилась: еще впереди таится голый, горячій островъ на океанѣ; но уже онъ близко. Тамъ— пытка неволи, каторга мелочныхъ оскорбленій, потомъ смерть, потомъ—слава!

Но въ то время, когда онъ палъ, кажется, и слава его слетѣла на минуту съ освобожденной земли; ибо тогда не только друзья его забыли объ немъ, но и враги его почти забыли.—

Готовится конгрессъ. Со всѣхъ сторонъ сбиралось въ Вѣну безчисленное множество королей, принцевъ, герцоговъ, эрцгерцоговъ, владѣтельныхъ князей, великихъ полководцевъ, глубокихъ дипломатовъ, знаменитыхъ красавицъ, славныхъ ученыхъ, огромныхъ богачей, всего, что есть замѣчательнаго въ

образованномъ мірѣ. Но тотъ, кто былъ душею всего движенія, кто поднялъ угнетенный міръ, кто велъ царей и народы, на комъ особенно покоились всѣ надежды и ожиданія, на чью молодую и прекрасную голову, увѣнчанную небывалымъ вѣнцомъ всемірной любви, восторговъ, устремлены были взоры всѣхъ царей и народовъ,—Русскій Императоръ былъ еще въ Парижѣ.

Но его ждали—и огромныя, почти баснословныя приготовленія праздниковъ, парадовъ и всякаго рода удовольствій и пышностей готовились къ его пріѣзду.

Правда, не время было тогда путешествовать по Италіи. Она была въ странномъ положеніи: ни война, ни миръ, но все безпокойство войны, все бездѣйствіе мира.

Однакожъ Венеція сильно зажгла воображеніе Александра. Хотя пѣсни на ея гондолахъ уже начинали умолкать, хотя Наполеонъ вывезъ изъ нея много сокровищъ искусства; но осталось еще довольно.

Проѣзжая по темнымъ улицамъ города, Александру казалось, что онъ живетъ въ сказкѣ, которой чудная таинственная завязка разрѣшается въ свѣтломъ музыкальномъ аккордѣ.

Въ одной гостиницѣ съ Александромъ сталъ еще другой путешественникъ: это былъ молодой Нѣмецкій поэтъ и живописецъ, Леонардъ фонъ-Фуксъ, изъ Дрездена, который, окончивъ свой академическій курсъ въ Германіи, рѣшился, для довершенія своего художественнаго образованія, объѣхать Италію—zu fuss (пѣшкомъ). Его блѣдное лицо, свѣтлые волосы, длинно разсыпанные по плечамъ, задумчивый взглядъ, и по временамъ быстрое оживленіе лица, обнаруживали юношу мечтательнаго, напитаннаго философіей, преданнаго искусствамъ, влюбленнаго въ классическую древность. Эта послѣдняя черта скоро сблизила его съ Александромъ. Потомъ—молодость, идеальное стремленіе обоихъ и случайное созвучіе душъ, тѣсно сдружили ихъ въ короткое время, такъ что они рѣшились не разставаться во все время путешествія.

Много узналъ новаго Александръ отъ своего молодаго товарища, но особенно драгоцѣнны ему были его замѣчанія о картинахъ. Онъ не только объяснилъ Палеологу отличія различныхъ школъ и особенности почерковъ кисти извѣстныхъ мастеровъ; но, что всего важнѣе, научилъ цѣнить достоинство *художественной красоты*, которая составляетъ половину *красоты изящной*.

Однажды, въ Римѣ, осматривая уже въ десятый разъ сокровища Ватикана и отдыхая отъ впечатлѣній дня въ уединенной прогулкѣ за городомъ, Александръ сказалъ своему другу:

„Когда я сравниваю себя прежде путешествія въ Италію и теперь, я вижу, что новый міръ создался въ душѣ моей изъ чудныхъ вліяній искусства, разсыпаннаго здѣсь. Но странно: отъ чего я не могъ предчувствовать его прежде?“

„Отъ того,—отвѣчалъ Леонардъ,—что этотъ міръ живой.“

„Но развѣ наука, чувство, страсть, красота не живутъ также? — возразилъ Палеологъ. — Однако, все это можетъ понять человѣкъ безъ опыта, одною силою размышленія. Изящество, кажется, ближе всего къ уединенію: оно все отвлеченное созданіе воображенія; отъ чего же не можемъ мы воображеніемъ *догадаться* о мірѣ изящнаго?“

„Ты ошибаешься,—сказалъ Леонардъ,—и не одинъ ты. Многіе смѣшиваютъ изящное въ искусствахъ съ красотою въ природѣ, или съ выдумкою воображенія; но это не справедливо. Кромѣ красоты, кромѣ первой мысли, основнаго чувства въ художникѣ, для изящнаго произведенія нужна еще *удача выраженія*. И этого мало: еще нужно *постепенное развитіе* этихъ удачъ, длинный рядъ опытовъ, цѣлая исторія откровенія, концертъ несозданныхъ согласій, найденныхъ между выраженіемъ и невыразимымъ. Отъ того изящное понятно только въ совокупности двухъ созданій. Но если будетъ человѣкъ одаренъ всѣми способностями отъ природы, и если ему показать одну, только одну картину, хотя бы это было лучшее произведеніе Рафаэля, или Леонардо де-Винчи, то онъ не пойметъ красоты этой картины; я думаю даже, онъ тѣмъ меньше пойметъ ее, чѣмъ она будетъ совершеннѣе.“

„Это правда“ сказалъ Палеологъ.

„Въ мірѣ изящнаго, есть неожиданность вдохновенная,— продолжалъ Леонардъ,—есть какая-то игра случайностей, которая составляетъ одну изъ его прелестей. Ты замѣтилъ, что счастливая случайность есть вообще одна изъ стихій красоты? То, что правильно выдумывается умомъ, всегда холодно; что случайно и неожиданно прибавитъ къ выдумкѣ минута, то тепло и живо.“

„Не это ли сочувствіе души съ неожиданными случайностями минуты составляетъ то, что называютъ геніальностію?“— спросилъ Палеологъ.

„Это то, что справедливо называется *даромъ* или *талантомъ*: но для *геніальности* этого еще мало. Если бы мнѣ пришлось дѣлать опредѣленіе геніальности, я бы назвалъ ее ясновидѣніемъ невыразимаго. Посмотри Рафаэля: многіе не хуже его выразили видимое; но кто яснѣе обозначилъ невыразимое, и кто выше его? Впрочемъ, вообще искусство не выражаетъ ничего, а только обозначаетъ, намекаетъ на что-то. И напрасно изящное произведеніе называютъ *воплощеніемъ* мысли, какъ теперь мода выражаться. Оно только тѣнь ея, ея *вторый* отблескъ. Оно такъ мало *воплощеніе*, мысль такъ мало *живетъ* въ этихъ *тѣняхъ*, что ты можешь цѣлую жизнь смотрѣть на картину и не видать ея основной мысли, можешь цѣлый вѣкъ слушать одну музыку и не понять ея значенія, покуда не оглянешься назадъ, въ глубину души, откуда эта тѣнь упала на холстъ или струны.“

„ Я не понимаю тебя, — сказалъ Палеологъ: — развѣ наше тѣло не такая же тѣнь души? А между тѣмъ душу въ тѣлѣ мы называемъ воплощенною.“

„Для насъ, при нашемъ образѣ мыслей, это выраженіе истинно. Но ты не забудь, любезный другъ, что наши теоретики не такъ думаютъ.“

Въ продолженіе этого разговора друзья возвратились домой. Леонардъ, желая еще больше объяснить свои мысли объ искусствѣ, досталъ свой портфель, въ которомъ хранилось богатое собраніе его рисунковъ вмѣстѣ съ маленькими, мелко исписанными листочками, на которыхъ хранились его стихи и разныя мысли и минутныя замѣчанья.

„Да!—продолжалъ онъ говорить, перебирая страницы своего портфеля:—удивительно, какъ въ наше умное и многостороннее время говорится столько несправедливаго и односторонняго объ изящномъ“...

„Постой, Леонардъ! — прервалъ его Палеологъ: — чей это портретъ?“

„Это? Это портретъ одной знакомой мнѣ дамы; ты не знаешь ее.“

„Почему-жъ ты думаешь, что я ее не знаю? Мнѣ кажется, это графиня Эльм..., съ которой я ѣхалъ изъ Константинополя до Тріеста.“

„Да, это графиня Эльм....“

„Леонардъ, по какому случаю у тебя портретъ ея?“

„О, эту исторію я разскажу тебѣ когда-нибудь... со всѣми подробностями... вотъ: нашелъ! *Философскій выводъ женщины*, слушай!“

„Нѣтъ, Леонардъ, я не хочу теперь слушать твоихъ разсужденій: оставимъ это до другаго времени. Теперь разскажи мнѣ, какъ ты знаешь графиню Эльм...“

„Изволь, если это тебѣ любопытнѣе. Впрочемъ, исторія эта не длинная. Надобно только по порядку... Вотъ какъ это было.

„Съ тѣхъ поръ прошло четыре года, — нѣтъ, больше! теперь ужъ пять лѣтъ. Какъ время идетъ! Я учился тогда въ Іенѣ...

„Недалеко отъ Іены лежитъ одно изъ имѣній графини Эльм..., куда она пріѣзжаетъ иногда на лѣто, вмѣстѣ съ теткою своею, баронессою Вес...

„Надобно сказать, что въ университетѣ, между прочимъ, я былъ друженъ съ однимъ студентомъ, котораго звали Фридрихъ Вульфъ. Его отецъ пасторомъ въ Р...; это маленькій городокъ въ Виртенбергѣ.

„Фридрихъ Вульфъ имѣлъ одно качество въ высочайшей степени: онъ былъ музыкантъ, какихъ мало, какіе родятся вѣками. Только, по несчастію, онъ былъ еще и поэтъ. Вмѣсто того, чтобы совсѣмъ предаться одному искусству, Вульфъ старался соединить ихъ оба: онъ бросилъ свою скрипку и пристрастился къ гитарѣ, чтобы на ней съ утра до вечера наигрывать темы для своихъ стиховъ. Впрочемъ, надобно признаться, что онъ скоро достигъ на гитарѣ до такого совершенства, какое трудно вообразить, не слыхавши его. Изъ своихъ семи струнъ умѣлъ онъ извлекать такіе звуки, которыхъ нельзя было и подозрѣвать въ этомъ бѣдномъ инструментѣ. Я до сихъ поръ не понимаю, откуда онъ бралъ эту сладость, эту силу, эту необыкновенную *пѣвучесть* своей игры. Съ гитарою онъ пѣлъ свои стихи. Его голосъ былъ звучный и выразительный. Поэтому ты поймешь, что, не смотря на посредственность стиховъ, мы часто слушали ихъ съ большимъ удовольствіемъ.

„Вульфъ былъ весь въ музыкѣ и въ своихъ стихахъ. Его свѣдѣнія въ наукахъ были довольно посредственныя; на лекціи ходилъ онъ лѣниво; впрочемъ, неохотно также раздѣлялъ и забавы товарищей. Почти всегда задумчивый, съ гитарой, онъ

наигралъ и надумалъ себѣ какой-то особенный міръ изъ мечтательныхъ звуковъ, изъ блестящихъ словъ, изъ мудреныхъ выдумокъ,—и жилъ себѣ въ этомъ мірѣ одинъ.

„Меня любилъ онъ; охотно разсказывалъ мнѣ свои мечты, игралъ свои фантазіи и пѣлъ стихи. Признаюсь, что въ этихъ довѣренностяхъ, не смотря на многое сумасбродное, я находилъ много поэтическаго.

„Его внутренняя жизнь была не столько собраніемъ чувствъ, сколько догадокъ сердечныхъ. Въ дѣтствѣ онъ былъ несчастливъ; изъ большой семьи одинъ сынъ нелюбимый — рано пріобрѣлъ онъ убѣжденіе, что жизнь настоящая не въ обстоятельствахъ, а въ мысляхъ, и что отъ горя жизни можно укрыться въ музыкѣ и поэзіи. Съ этою цѣлью началъ онъ строить себѣ *храмъ убѣжища*, какъ онъ выражался. Въ этомъ храмѣ должно было соединиться все, что питаетъ и грѣетъ душу, чего ищутъ, желаютъ, куда идутъ надежды; все, что служитъ концомъ сердечныхъ стремленій. И что бы ни касалось его воображенія, тотчасъ же одѣвалось въ мимику и переходило въ слово. Онъ вѣрилъ, что для всего на свѣтѣ есть особенный переливъ звуковъ, и что есть какое-то *слово*, вѣнецъ и основаніе всякаго мышленія, ключь ко всѣмъ тайнамъ, цѣль всѣхъ воздыханій человѣчества; что это *слово* незамѣтно для людей, потому что хранится высоко въ сердцѣ, выше, дальше внутренняго зрѣнія; что тамъ лежитъ оно несгараемо, въ вѣчномъ огнѣ изъ самыхъ пламенныхъ чувствъ, изъ горячихъ думъ и раскаленныхъ образовъ воображенія человѣка; что къ нему ведетъ воздушная лѣстница, составленная изъ сильныхъ думъ, изъ страстныхъ звуковъ и сердечныхъ вдохновеній; что по ступенямъ этой лѣстницы скользятъ и восходятъ незримые духи, легкія тѣни, которыя помогаютъ душѣ; что все прекрасное на землѣ есть только блѣдный отблескъ одного живаго слова, горящаго на высотѣ сердечной. Однако, смотря на прекрасное земное, можно, какъ бы смотря въ зеркало, догадываться: откуда свѣтъ и гдѣ къ нему дорога. Но горе тому,— говорилъ онъ,—кто приметъ зеркало за правду, если кто усомнится въ правдѣ, обманувшись въ зеркалѣ!“

„У меня въ альбомѣ есть портретъ Фридриха, посмотри его: этотъ листокъ я считаю однимъ изъ лучшихъ моего портфеля.“

Тутъ Леонардъ досталъ картину, на которой изображенъ

былъ Нѣмецкій студентъ съ распущенными волосами, которыми игралъ вѣтеръ, безъ галстуха и съ гитарою въ рукахъ. Онъ сидитъ подъ деревомъ; вокругъ него разбросана свѣтлая роща, которой вѣтви гнутся въ одну сторону, и нѣсколько цвѣтущихъ кустарниковъ, тоже смятыхъ находящею бурею. Часть неба покрыта облаками, тучи несутся грядою, но лучи солнца еще ярко озаряютъ одну половину картины. Другая уже темна. Гроза начинается; но видно, что день былъ прекрасный. Вдали подымается радуга.

Все это замѣтно было съ перваго взгляда на Леонардовой картинѣ. Но когда Палеологъ сталъ вглядываться въ нее подробнѣе, она вдругъ приняла новый видъ. Каждая часть въ ней оживилась особенно, каждая черта кисти выражала какой-нибудь фантастическій предметъ. Облака были собраніемъ безчисленныхъ лицъ и тѣней: то крылатая женщина летитъ съ распущенными волосами; то чудное зданіе распадается на части, но изъ обломковъ его образуются очерки новыхъ существъ; то горы, сотканныя изъ разнообразныхъ фигуръ; исполины, змѣи, страшныя чудовища и прекрасныя дѣвы, все вмѣстѣ, одинъ призракъ сливается съ другимъ, и всѣ вмѣстѣ составляютъ одну густую, бурную тучу.

Но не одно небо, не одни облака, также и деревья были оживлены. Каждая вѣтка, согнутая вѣтромъ, рисовала очеркъ тѣней, фигуръ; каждый промежутокъ въ листьяхъ обрисовывалъ лицо или чудовище; даже цвѣты на кустарникахъ, склоняясь къ землѣ, обозначали какой-нибудь призракъ.

Но въ одномъ мѣстѣ, гдѣ солнечный лучъ сквозь отверстіе вѣтвей ярко падалъ на свѣжую зелень, пересѣкая дугу далекой радуги и образуя собою прозрачный столбъ свѣтлой пыли, тамъ, чуть замѣтно внимательному взору, подымалась въ глубинѣ свѣта воздушная лѣстница, усѣянная крылатыми тѣнями.

Между тѣмъ, какъ Палеологъ разсматривалъ картину, Леонардъ продолжалъ свой разсказъ...

1838 г.

———

Мицкевичу.

(1828).

Въ знакъ памяти, предъ нашимъ разставаньемъ,
Тебѣ подносимъ не простой стаканъ:
Онъ зачарованъ дружбы колдованьемъ,
На днѣ его положенъ талисманъ.

И если ты, среди пировъ веселья
Забывшися, вино въ него нальешь,
Не жди тогда въ немъ шумнаго похмѣлья,—
Грусть тихую о прежнемъ въ немъ найдешь.

Тогда живая сила талисмана
Живыя крылья дастъ твоей мечтѣ,
И знай—мечту твою обнимутъ тѣ,
Чьи имена прочтешь вокругъ стакана.

И извѣститъ ихъ о твоей тоскѣ
Печальное ихъ сердца содроганье,
И будутъ на твое воспоминанье
Согласной думой вторить вдалекѣ.

Но если ночью, посреди молчанья,
Вдругъ, безъ причины, стукнетъ твой стаканъ,
Знай—это голосъ нашего мечтанья:
Его тебѣ примчалъ твой талисманъ.

Не вѣкъ же будетъ спутникъ твой страданье;
Быть можетъ, сердце радость оживитъ
Въ чужбинѣ; но когда воспоминанье
Тебѣ минуту счастья отравитъ,

И ты искать захочешь утѣшенья
Отъ грустныхъ думъ прошедшаго въ винѣ,
Не тронь нашъ кубокъ! Онъ не дастъ забвенья:
Въ немъ талисманъ лежитъ на свѣтломъ днѣ.

Хоръ изъ трагедіи Андромаха.

(1831).

Были дни: великъ и пышенъ
Ты стоялъ, Пріамовъ домъ,
Дланью Зевсовой возвышенъ,
Полный златомъ и сребромъ.
Былъ врагамъ далеко страшенъ,
Гордый силою своей,
Высотою стѣнъ и башенъ,
Быстротечностью коней.
Всѣми благами украшенъ,
Ты лелѣялъ съ давнихъ дней:
Непорочность дѣвъ стыдливыхъ,
Прелесть женъ благочестивыхъ,
Дерзость юношей кичливыхъ,
Веледушіе мужей.

Но Паридовой измѣной
Прогнѣвился Кроніонъ;
Гибель, слѣдомъ за Еленой,
Входитъ въ свѣтлый Иліонъ.
Ополчаются Атриды
Сокрушить Пріама тронъ—
Златовласой Тиндариды
Выдать имъ не хочетъ онъ!—
Вотъ судами вкругъ Авлиды
Синій Понтъ загромождёнъ
И, по манію Паллады,
Отъ разгнѣванной Геллады
Броненосныя громады
Понеслись на Иліонъ.

Но вотще неутомимо
Грековъ ратуютъ вожди,
Предъ врагомъ за край родимой
Гекторъ всюду впереди.
Отъ руки неодолимой
Тьмы Ахейцевъ въ прахъ легли:
Но судьбѣ неумолимой
Боги Трою обрекли!
Гекторъ палъ за край родимой....
Зашумѣли корабли,
Стихли яростные бои,
И Ахейскіе герои
Отъ развалинъ бывшей Трои
Въ путь возвратный протекли.

ПИСЬМА И. В. КИРѢЕВСКАГО.

1.

А. И. КОШЕЛЕВУ *).

4 Іюля 1828. Москва.

Письмо твое доставило мнѣ такое же наслажденіе, какое получаетъ скупой, когда пересматриваетъ свои сокровища, и, хотя никогда не сомнѣвался въ ихъ цѣлости, но, несмотря на то, все-таки чувствуетъ неизъяснимое удовольствіе пересчитывать ихъ безпрестанно и снова убѣждаться въ ихъ невредимости. Тѣ не знаютъ тайнъ дружества, которые говорятъ будто оно чуждается словъ, и конечно они не испытали прелести дружескихъ увѣреній, простыхъ, но крѣпкихъ, какъ рукожатіе. Когда время очиститъ наши чувства, и воспоминаніе отдѣлитъ радость отъ горя, восторгъ отъ скуки, поэзію отъ прозы,—тогда слова дружбы соберутся въ одномъ углу сердечной памяти вмѣстѣ съ лучшими событіями жизни.

Болѣзнь твоя меня не безпокоитъ, но ты, какъ кажется, считаешь ее чѣмъ то важнымъ, и напрасно: вся непріятность крапивной лихорадки ограничивается скукою чесанья, и то не больше трехъ или четырехъ дней, послѣ которыхъ она проходитъ безо всякихъ послѣдствій, кромѣ бо́льшаго здоровья.

Мнѣ бы хотѣлось, чтобы во время твоей поѣздки въ Рязань ты ограничилъ бы свои занятія однимъ мышленіемъ, т. е. не стараясь прибавить къ понятіямъ новыхъ свѣдѣній изъ новыхъ книгъ, уже полученныхъ прежде, перегонялъ бы черезъ кубикъ передумыванья, и водку мыслей передвойлъ бы въ спиртъ. Ихъ количество можетъ быть уменьшится, но за то качество прибудетъ и невольно заставитъ тебя писать. А это теперь для тебя необходимо. Мнѣ кажется: первый удачный опытъ, показавъ тебѣ твои силы, рѣшитъ тебя сдѣлаться писателемъ. Это званіе не мѣшаетъ ничему, но, напротивъ, еще помогаетъ сдѣлать однимъ камнемъ два удара. Къ тому же не забудь, что ты обѣщалъ Погодину. Кстати къ Погодину: онъ задумалъ пресмѣшную вещь: хочетъ писать особенную брошюрку о томъ, что политическое равновѣсіе Европы принадлежитъ къ числу тѣхъ мыслей, которыя,

---

*) Съ подлинника. Было напечатано въ *Рус. Арх.* 1909. № 5.

вмѣстѣ съ повѣрьями о колдунахъ, привидѣньяхъ и чертяхъ, суть порожденія невѣжества и суевѣрія, и въ *нашъ просвѣщенный* вѣкъ должны вывестись и исчезнуть при свѣтѣ *истиннаго* мышленія. Сколько я ни толковалъ ему, а переубѣдить не могъ; ибо для этаго нужно понять: что̀ такое Политическое равновѣсіе, а здѣсь-то и запятая. Однако надѣюсь еще остановить его отъ этой шалости, которая достойна издателя Моск. Вѣст. Впрочемъ ты не говори объ этомъ ни ему, когда увидишься, ни кому другому. Пусть оно умретъ вмѣстѣ со всѣми его глупостями. По моему эта послѣдняя стоитъ казаковъ Останкинскихъ.

Сомнѣваться въ моемъ отвѣтѣ на твое будущее обѣщанное письмо не должно. Охотно готовъ возобновить съ тобою бумажную мѣну мыслей: будь же опять мой кошелекъ, въ который я стану складывать все золото мое. Скажи мое почтеніе твоей маменькѣ, также и ото всѣхъ моихъ, которые тебя обнимаютъ. Моя маменька съ самаго твоего отъѣзда была нездорова; теперь ей лучше. Прощай, твой Кирѣевскій.

2.

М. П. ПОГОДИНУ *).

(*Петербургъ, начало 1830 г.*).

Благодарю тебя, любезный Погодинъ, за твое письмо. Ты хочешь, чтобы я подробно высказалъ мое мнѣніе о твоей персонѣ, и потому надобно распространиться. Прежде всего однако надобно поблагодарить тебя за довѣренность въ мою правдивость, довѣренность, которая, впрочемъ, больше тебѣ комплиментъ, нежели мнѣ. Но скажи, пожалуйста: что за мысль исповѣдываться другъ другу на письмѣ, тогда какъ мы два дня назадъ могли говорить другъ другу тоже и полнѣе, и свободнѣе. Какъ ни коротко знакомъ съ человѣкомъ, но все легче сказать ему правду въ глаза, нежели написать ее заочно. Или можетъ быть ты думаешь, что я стану тебя хвалить; въ послѣднемъ случаѣ ты очень ошибся. Все хорошее, что есть въ тебѣ, такъ испорчено, задавлено дурнымъ или лучше сказать незрѣлымъ, неразвитымъ, дикимъ началомъ твоего существа, что нельзя довольно повторять тебѣ о твоихъ недостаткахъ. Несвязность, необдуманность, *взбалмошность*, соединенная съ очень добрымъ сердцемъ, съ умомъ, очень часто одностороннимъ, вотъ ты, и какъ литераторъ и какъ человѣкъ. Одно можетъ тебя исправить: искать и найти кругъ людей, которыхъ бы мнѣніемъ ты дорожилъ какъ святынею, ибо нельзя довольно убѣдиться въ томъ, что человѣкъ образуется только человѣкомъ. Если же ты останешься

---

*) Барсуковъ, *Погодинъ*, т. III. стр. 58.

теперешнимъ человѣкомъ, то конечно сдѣлаешь много хорошаго, можетъ быть иное рыцарски-прекрасное; но *навѣрное* сдѣлаешь много и такого, что просто называется *нечистымъ поступкомъ*. Бойся этого! И не обидься грубостью моей искренности. Ты думаешь, что сдѣлалъ все, когда оправдалъ свой поступокъ чистотою намѣреній, но это важная *смертельная* ошибка. Кромѣ *совѣстнаго суда*, для нашихъ дѣлъ есть еще другая инстанція, гдѣ предсѣдательствуетъ *мнѣніе*. Имъ ты и не дорожишь, ибо слишкомъ много вѣришь въ собственное. Но это мнѣніе, не забудь, его зовутъ—*честь*. Можно быть правымъ въ одной инстанціи, а виноватымъ въ другой. Но для истиннаго достоинства, для красоты, для счастья, для уважительности человѣка, необходимо, чтобы каждый поступокъ удовлетворялъ и тому, и другому судилищу. Это возможно, ибо оно должно. Вотъ одно правило, которое я всегда почиталъ истиннымъ, въ которое вѣрю еще и теперь, ибо понимаю его ясно и необходимо; вотъ оно: если сегодня я страдаю невинно, то вѣрно вчера я былъ виноватъ въ томъ же безнаказанно и способенъ былъ сдѣлаться виновнымъ завтра, а наказаніе только предупредило, вылѣчило меня напередъ, какъ горькое кушанье, исправляя желудокъ, предупреждаетъ его близкое разстройство. Ибо Провидѣніе несправедливо быть не можетъ, а способность къ дурному или хорошему для него равнозначительна съ дѣйствительнымъ поступкомъ. Ибо время, которое раздѣляетъ сѣмя отъ плода, для него прозрачное зеркало, воздухъ. Вотъ отчего, если хочешь узнать себя, то разбери свою судьбу, и перемѣни ее въ желанную, внутреннимъ переобразованіемъ самого себя. Но повторяю, только люди могутъ воспитать человѣка! Ищи ихъ, и знай, что каждый шагъ, сближающій тебя съ недостойнымъ, тебя отдаляетъ отъ достойныхъ. О сочиненіи твоемъ я не говорилъ и не скажу никому. Пушкину очень понравился твой *Иванъ**) и онъ обѣщалъ писать и послать тебѣ кое-что. Всѣ здѣшніе тебѣ кланяются. Жуковскій благодаритъ за память. Кстати покуда ты не узналъ всѣхъ утонченностей того чувства, которое называютъ приличіемъ, то изъ тебя никогда не будетъ проку. Не хорошо бы кончить такъ, но бумаги нѣтъ.

3.

П. В. КИРѢЕВСКОМУ **).

(*Берлинъ*). *16—21 Марта 1830.*

Правда, милый братъ-другъ, намъ надо писать чаще, покуда мы близко, но еще розно. Спасибо за твое письмо; но извѣстія твои объ Москвѣ были не свѣжѣе моихъ. Послѣ моего послѣдняго письма къ

---

*) „Іоаннъ Грозный“ М. П. Погодина.
**) Съ подлинника. Было напечатано въ *Рус. Арх.* 1907 кн. 1.

тебѣ, я получилъ отъ маменьки и отъ сестры. Папенька въ Долбинѣ. У дѣтей у *всѣхъ* была корь, но, какъ говорятъ онѣ вмѣстѣ съ Рамихомъ, *хорошая корь*. Маменька не спитъ ночи, ухаживая за больными; сестра вѣроятно также, хотя и не говоритъ объ этомъ. Тяжело думать объ нихъ. Я просилъ сестру во всякомъ письмѣ ко мнѣ выписать мнѣ какой-нибудь текстъ изъ Евангелія. Я это сдѣлалъ для того, чтобы 1-е, дать ей лишній случай познакомиться короче съ Евангеліемъ; 2-е, чтобы письма наши не вертѣлись около вещей постороннихъ, а сколько можно выливались изъ сердца. Страница, гдѣ есть хотя строчка святаго, легче испишется отъ души. Но что же? вотъ текстъ, который она выбрала въ своемъ послѣднемъ письмѣ: Ne soyez donc point inquiets pour le lendemain, car le lendemain se mettra en peine pour lui-même: à chaque jour suffit son mal. „Какъ бы мы были спокойны, прибавляетъ она, если бы исполняли это. Но мы никогда не думаемъ о настоящемъ, а заботимся только о будущемъ".—Бѣдная! въ 17 лѣтъ для нея будущее—забота и безпокойство. Во всей семьѣ нашей господствующее, ежедневное чувство есть какое-то напряженное, боязливое ожиданіе бѣды. Съ такимъ чувствомъ счастье не уживается. Но откуда оно? зачѣмъ? Какъ истребить его? Какъ замѣнить спокойствіемъ и мужественною неустрашимостью передъ ураганами судьбы?—вотъ объ чемъ мы должны подумать вмѣстѣ, чтобы дѣйствовать общими силами. Если бы намъ удалось дать сестрѣ столько же твердости и крѣпости духа, сколько у нея нѣжности, чувствительности и доброты, то мы сдѣлали бы много для ея счастья. Между тѣмъ я надѣюсь, что это тяжелое состояніе духа, въ которомъ она писала ко мнѣ, прошло вмѣстѣ съ болѣзнями дѣтей. Но ты знаешь, долго ли нашъ домъ бываетъ свободенъ отъ причинъ къ безпокойству! Все это составляетъ для меня до сихъ поръ неразрѣшенную задачу. Къ папенькѣ я писать буду на первой почтѣ. Его мнительность изъ физическаго міра перешла въ нравственный. Но по счастью она обратилась на такой пунктъ, гдѣ отъ нея легко избавиться. По крайней мѣрѣ я употреблю всѣ силы, чтобы разувѣрить его и доказать, что я не пересталъ его любить по прежнему. Не знаю, откуда могла ему прійти эта мысль; боюсь, чтобы она не имѣла источникомъ вліяніе той враждебной звѣзды, которая отдаляетъ меня ото всего, что̀ дорого сердцу. Знаешь ли, мнѣ иногда кажется, что судьба, прокладывая мнѣ такую крутую дорогу въ жизни, ведетъ меня къ чему-нибудь необыкновенному. Эта мысль укрѣпляетъ мои силы въ стремленіи быть достойнымъ ея призванія. То, что̀ я писалъ къ тебѣ о Берлинской жизни и университетѣ,—неправда, или лучше полу-правда. Для тебя, я думаю, во всякомъ случаѣ Мюнхенъ полезнѣе, а не то—Парижъ? Приготовь отвѣтъ къ пріѣзду. Между тѣмъ пиши ко мнѣ въ Дрезденъ черезъ Рожалина. Тамъ я буду около перваго Апрѣля ихъ стиля. Но Святую мы встрѣтимъ вмѣстѣ.

До сихъ поръ я еще, кромѣ Гуфланда, не познакомился здѣсь ни съ однимъ профессоромъ, хотя сдѣлалъ нѣсколько знакомствъ интересныхъ. Надняхъ, однако, отправлюсь къ Гегелю, Гансу, Шлейермахеру. Такъ какъ я не имѣю къ нимъ писемъ, и черты моего лица будутъ единственнымъ рекомендательнымъ письмомъ, то я и не знаю еще, какъ я буду принятъ и удадутся ли мнѣ нѣкоторые планы на нихъ, исполненіе которыхъ могло бы сдѣлать мое путешествіе не напраснымъ. При свиданіи разскажу подробнѣе, но до сихъ поръ *считаю*, какъ говорятъ, *безъ хозяина*. Изо всѣхъ, съ кѣмъ я здѣсь познакомился, самый интересный—это майоръ Радовицъ, къ которому я имѣлъ письмо отъ Жуковскаго. Мудрено встрѣтить больше оригинальности съ такимъ здравомысліемъ.—Изъ любопытныхъ вещей, видѣнныхъ мною, первое мѣсто занимаетъ здѣшняя картинная галлерея. Слишкомъ длинно было бы разсказывать всѣ особенности впечатлѣній, которыя я вынесъ оттуда. Скажу только, что здѣсь въ первый разъ видѣлъ я одну Мадонну Рафаеля, которая мнѣ крѣпко понравилась, или, лучше сказать, *посердечилась*. Я видѣлъ прежде около 10 Мадоннъ Рафаеля, и на всѣ смотрѣлъ холодно. Я не могъ понять, *какое* чувство соотвѣтствуетъ этому лицу. Это не царица; не богиня; святая,—но это святое понимается не благоговѣніемъ; прекрасная,—но не производитъ ни удивленія, ни сладострастія; не поражаетъ, не плѣняетъ. Съ какимъ же чувствомъ надобно смотрѣть на нее, чтобы понять ея красоту и господствующее расположеніе духа ея творца? Вотъ вопросъ, который оставался для меня неразрѣшеннымъ, покуда я увидѣлъ одну изъ здѣшнихъ Мадоннъ. *Эта* Мадонна объяснила мнѣ, что понять ея красоту можно только *однимъ* чувствомъ: *чувствомъ братской любви*. Движенія, которыя она возбуждаетъ въ душѣ, однородны съ тѣми, которыя раждаются во мнѣ при мысляхъ объ сестрѣ. Не любовью, не удивленіемъ, а только братской *нѣжностью* можно понять чистую прелесть ея простоты и величіе ея нѣжной невинности. То, что я говорю теперь, такъ истинно, и я чувствовалъ это такъ ясно, что чѣмъ больше я всматривался въ Мадонну, тѣмъ живѣе являлся передо мной образъ Машки, и наконецъ такъ завладѣлъ мною, что я изъ за него почти не понималъ другихъ картинъ, и на Рубенса и Вандика смотрѣлъ какъ на обои, покуда наконецъ распятіе Іисуса Х., какого-то стариннаго живописца Нѣмецкой школы, разбудило меня. Это была первая картина, которую сердце поняло безъ посредства воображенія. Это лучшая проповѣдь, какую я когда либо читалъ, и я не знаю, какое невѣріе устоитъ предъ нею, по крайней мѣрѣ на время созерцанія. Никогда не понималъ я такъ ясно и живо величіе и *прелесть* Іисуса, какъ въ этомъ простомъ изображеніи тѣхъ чувствъ, которыя его распятіе произвело на свидѣтелей его страданій, на его мать, на сестру Лазаря, Марію, и на Іосифа. Такія чувства, такія слезы могутъ быть принесены въ жертву только чело-

вѣку-Богу. Видѣлъ ли ты, и сколько разъ, твою Мюнхенскую Галлерею, которая, какъ говорятъ, одна изъ замѣчательнѣйшихъ въ Европѣ? Не можешь ли ты прислать что нибудь изъ твоего путешествія и Мюнхенской жизни для Погодина или для Дельвига, который издаетъ Литер. газету вмѣстѣ съ Пушкинымъ, Баратынскимъ и Вяземскимъ? Оба велѣли тебя просить объ этомъ. Я также обѣщалъ обоимъ; но мои наблюденія до сихъ поръ были такъ *индивидуальны*, какъ говорятъ Нѣмцы, что могутъ быть интересны только для близкихъ мнѣ, кому я самъ интересенъ. *Обще-любопытнаго* я видѣлъ еще немного, а то, что видѣлъ, стоитъ большаго труда обдѣлать въ хорошую журнальную статью, а для журнальнаго труда мнѣ до сихъ поръ не было времени. Поработай за меня. Прощай, милый, крѣпко и твердо любимый братъ! Всею силою души прижимаю тебя къ сердцу, котораго лучшая половина твоя. И. Кирѣевскій.

Начато 16-го, окончено 21-го Марта н. с.

4.

М. В. КИРѢЕВСКОЙ *).

(Августъ 1830).

8-е/20.—Дружочекъ Маша! Сегодня твое рожденье и чтобы освятить себя на этотъ день, я начинаю его письмомъ къ тебѣ, милая сестра. Мудрено и грустно начать твое рожденье письмомъ. За годъ назадъ, когда я былъ съ вами,—*Вечеръ*. Вотъ что я успѣлъ написать къ тебѣ сегодня только что проснулся, т. е. въ 7 часовъ по утру. Но вмѣсто того, чтобы продолжать письмо свое, я засмотрѣлся на эти 3 строчки какъ будто на Рафаэлеву картинку, и до тѣхъ поръ, покуда братъ и Рожалинъ вошли въ мою комнату *поздравляться*, т. е. до 9-ти часовъ,—что же я дѣлалъ въ эти 2 часа,—ты этаго не спросишь. Можетъ быть ты сама въ это же время думала объ насъ, и знала, что если мы и не пришли къ тебѣ сегодня по утру, поцѣловать тебя и поздравить, то мысли наши были съ тобою еще прежде, чѣмъ ты проснулась, даже прежде чѣмъ мы сами проснулись. Знаешь-ли ты, что я во всякомъ снѣ бываю у васъ? Съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ, не прошло ни одной ночи, чтобъ я не былъ въ Москвѣ. Только какъ!—Вообрази, что до сихъ поръ я даже во снѣ не узналъ, что такое свиданье, и каждый сонъ мой былъ повтореніемъ разлуки. Мнѣ все кажется, будто я возвратился *когда то давно*, и уже ѣду опять. Сны эти до того неотвязно меня преслѣдуютъ, что одинъ разъ, садясь въ коляску, тоже во снѣ, чтобы ѣхать отъ васъ, я утѣшался мыслію, что теперь, когда сонъ мой исполнился, по крайней мѣрѣ я перестану его видѣть всякую ночь.

---

*) Съ подлинника.

Вообрази же, какъ я удивился, когда проснулся, и увидѣлъ, что и это былъ сонъ.—Это родъ сознаго сумасшествія, une idée fixe, qui est devenue un rêve permanent. Mais pourquoi fallait-il que cette idée fixe soit la séparation, et non le revoir? -Хоть ты попробуй наслать мнѣ сонъ со свиданьемъ. Надумай его. Хоть одинъ, а я уцѣплюсь за него всею силою воображенья, и разведу изъ него цѣлую гряду такихъ сновъ. Это будетъ сѣмечко отъ цвѣтка: *Иванъ и Марья*, которое я посажу къ себѣ глубоко въ мысли, и стану за нимъ ходить, и буду его грѣть и лелѣять, покуда оно пуститъ корни такъ далеко, чтобы никакая буря его не вырвала, никакой репейникъ не задавилъ.—Не смѣйся надъ этимъ. Сны для меня не бездѣлица. Лучшая жизнь моя была во снѣ. Не смѣйся же, когда я такъ много говорю объ нихъ. *Они вздоръ, но этотъ вздоръ доходитъ до сердца.* Къ тому же съ кѣмъ лучше тебя могу я раздѣлить его?—Между тѣмъ, чтобъ ты знала, какъ *наслать* сонъ, надобно чтобы я научилъ тебя знать свойства сновъ вообще. Это наука важная, и я могу говорить объ ней avec connaissance de cause. По крайней мѣрѣ я здѣсь опытнѣе, чѣмъ на яву. Слушай же: первое свойство сновъ то, что они не свободны, не зависятъ *отъ тѣхъ, объ комъ идутъ.* Такъ, если мнѣ непремѣнно надобно всякую ночь видѣть васъ, то сны мои будутъ свѣтлы, когда вамъ весело, и печальны, когда вы грустны, или нездоровы или безпокоитесь. Оттого, если ты хочешь быть моей колдуньей, то должна сохранять въ себѣ безпрестанно такую ясность души, такое спокойствіе, такое довольство, которыя сообщившись моему сну, вложили бы въ него чувство *невмѣстное съ мыслію объ разлукѣ.* Разумѣется что такъ колдовать должны вы всѣ вмѣстѣ. И для твоей веселости нужна веселость всѣхъ, и цвѣтокъ *Иванъ и Марья* ростетъ между *Машкиной душкой, Васильками, Лиліями*, и пр. и пр. Второе свойство сновъ то, что они дѣти, и безпрестанно хватаютъ все, что передъ глазами. А такъ какъ у меня передъ глазами все нѣмцы да нѣмцы, то и во снѣ они же мѣшаются съ вами. Оттого, чтобы прогнать нѣмцевъ изъ моихъ русскихъ сновъ, присылай мнѣ скорѣе свой портретъ. Насмотрѣвшись днемъ на него, на брата, на Рож. и на все, что пріѣхало съ нами изъ Россіи, я надѣюсь по крайней мѣрѣ во снѣ освободиться отъ Германіи, которую, впрочемъ, я не нелюблю, а ненавижу! Ненавижу какъ цѣпь, какъ тюрьму, какъ всякій гробъ, въ которомъ зарываютъ живыхъ.—Ты изъ своей Россіи не можешь понять что такое эта Германія. Все, что говорятъ объ ней путешественники, почти все вздоръ. Если же хочешь узнать, что она такое, то слушай самихъ нѣмцевъ. Одни нѣмцы говорятъ объ ней правду, когда называютъ ее землею дубовъ (das Land der Eichen), хотя дубовъ въ Германіи, кромѣ самихъ нѣмцевъ, почти нѣтъ. За то эти изо всѣхъ самые деревянные. Вчера еще братъ зацѣпился за однаго изъ нихъ зонтикомъ, и такъ неосторожно, что зонтикъ сломался. Братъ извинился

по-русски, своимъ обыкновеннымъ: ахъ! извините!—Нѣмецъ почувствовалъ ударъ только шаговъ черезъ двадцать, вдругъ, сталъ какъ вкопаный, выпучилъ глаза и молчалъ. Обдумавшись хорошенько онъ наконецъ снялъ шляпу, чтобы отвѣчать брату: **Ich bitte recht sehr, Herr Baron! es thut nichts!**—Не знаю какъ ты назовешь такую живость, а для меня ей нѣтъ слова кромѣ: нѣмецкой.—Но,—лучше воротимся къ нашимъ снамъ.—Они дѣти; все, что они говорятъ, почти такая же чепуха какъ это письмо; но они дѣти благородныя, изъ которыхъ ничего не сдѣлаешь ни угрозами, ни бранью, но которыя чувствительны къ ласкамъ. Потому ихъ надобно иногда баловать и лакомить. Но ласка, баловство и лакомство для моихъ сновъ, это твои письма. Каждое слово изъ нихъ, передумавшись на яву, переходитъ въ сонъ, и сны мои, какъ дѣти воспитанныя, слушаются каждаго слова. Потому, чтобы они не капризничали и не хмурились, ты ихъ ласкай по-чаще, и по-больше и по-акуратнѣе. Кромѣ того, на сны, какъ на дѣтей, дѣйствуетъ много хорошій примѣръ. Это особенно представь на разсмотрѣніе Маминькѣ, и попроси ее исправить свои сны хотя для того, чтобы мои не портились.—А покуда спи. 2 часа ночи и спать пора и хочется. Это письмо дойдетъ до тебя черезъ мѣсяцъ. Я тогда вѣроятно уже буду въ Италіи. Первый сонъ со свиданьемъ будетъ мнѣ знакомъ, что ты получила мое письмо.

5 сентября/24 августа. Отгадала ли ты, милая Машка, что это письмо писано послѣ 3-хъ бутылокъ шампанскаго, выпитыхъ за твое здровье нами тремя? Я бы не послалъ тебѣ этотъ вздоръ, если бы не хотѣлъ доказать *на дѣлѣ*, что не ты одна бываешь пьяна. Передъ Папинькой извини меня за эту безтолковую трату почтовыхъ денегъ тѣмъ, что я впередъ пьяный писать не буду!—Теперь ты уже большая дѣвушка!—Теперь ты уже *отвѣчаешь* за каждый поступокъ свой, за каждое слово!—Надѣнешь-ли букли?—Объ верховой ѣздѣ я писалъ къ Маминькѣ.—Пишешь-ли журналъ?—Прощай!—Будь здорова и смотри за здоровьемъ маминьки.—Тебѣ поручаю я при *малѣйшемъ* нездоровьѣ посылать за Рамихомъ, **même au risque d'être grondée.**—Обнимаю тебя отъ всего сердца. Твой Иванъ.

Побраните хорошенько Петруху за короткость его писемъ и велите ему писать *за недѣлю* до почты.—А то мнѣ стыдно посылать такія огромныя письма съ его такими маленькими.

5.

А. И. КОШЕЛЕВУ *).

(Январь 1831).

Въ половинѣ Генваря, пишешь ты, можетъ быть мы увидимся! Если бы это было въ самомъ дѣлѣ, то неудавшееся путешествіе мое было

*) Съ подлинника.

бы мнѣ меньше досадно. Боюсь, однако, что ты только мажешь по усамъ. Между тѣмъ во всякомъ случаѣ, т. е. удастся ли намъ такъ скоро видѣться или нѣтъ, а мы все должны пользоваться сближеніемъ разстояній между нами и по крайней мѣрѣ пусть хоть письма наши докажутъ, что нѣтъ границы между нами. Обѣщать писать часто, я не стану, потому, что врядъ ли ты уже повѣришь такаго рода обѣщаніямъ; но постараюсь исполнить на дѣлѣ, если твои отвѣты не будутъ откладываться въ длинный ящикъ, такъ какъ ты сдѣлалъ съ отвѣтомъ на мое письмо, которое я послалъ къ тебѣ съ Тютчевымъ. Кстати: получилъ ли ты его? Если нѣтъ, то не жалуйся, что я не писалъ тебѣ изъ за границы, потому, что я забылъ твой адресъ и въ письмѣ съ Тютчевымъ просилъ тебя прислать мнѣ его. Но ты доказалъ мнѣ, что есть человѣкъ еще меня лѣнивѣе.

Удастся ли мнѣ когда нибудь исполнить мой планъ путешествія, или останусь я на всегда въ этой несносной Москвѣ, я еще не знаю. Знаю только, что употреблю всѣ силы, чтобы вырваться отсюда куда бы то ни было, и—либо сойду съ ума, либо поставлю на своемъ. Это желаніе, или лучше сказать, эта страсть, сдѣлалась у меня тѣмъ сильнѣе, чѣмъ неудачнѣе была моя поѣздка. А неудачна она была во всѣхъ отношеніяхъ, и не столько по короткости времени, сколько по тому, что я ничего не видалъ кромѣ Германіи, скучной, незначущей и глупой несмотря на всю свою ученость. Но объ этомъ подробнѣе поговоримъ при свиданіи.

Вотъ тебѣ Норова *Меръ*, который совершенно оправдываетъ свое названіе. Изъ замѣчаній цензора ты увидишь, отчего Погодинъ его не напечаталъ. Дай Богъ, чтобы и тебѣ не было больше успѣха.

1-ое Генваря. Очень радъ, что до сихъ поръ не отослалъ къ тебѣ письма, и не начиная новаго, могу поздравить тебя съ Новымъ годомъ.

Я и теперь еще не отправилъ къ тебѣ письма моего (8-е Генваря); вообразишь, какую я дѣятельную жизнь веду здѣсь?—Приняться за перо, для меня такая важность, что я прежде долженъ къ тому собираться. Теперь же, когда внутреннее чувство говоритъ мнѣ, что ты скоро будешь въ Москву,—руки отнимаются писать къ тебѣ. И зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, буду я трудиться писать, когда то же могу черезъ нѣсколько дней разсказать тебѣ не обижая свою лѣнь?—

Прощай, до свиданія.

Весь твой Кирѣевскій.

6.

В. А. ЖУКОВСКОМУ *).

(*Почт. штемп.: 6 окт. 1831*).

Милостивый Государь, Василій Андреевичъ,

Издавать журналъ такая великая эпоха въ моей жизни, что рѣшиться на нее безъ Вашего одобренія было бы мнѣ физически и нравственно невозможно. Ни рука не подымется на перо, ни голова не освѣтится порядочною мыслію, когда имъ не будетъ доставать Вашего благословенія. Дайте жъ мнѣ его, если считаете меня способнымъ на это важное дѣло; если жъ Вы думаете, что я еще не готовъ къ нему, или что вообще, почему бы то ни было, я лучше сдѣлаю, отказавшись отъ изданія журнала, то все-таки дайте мнѣ Ваше благословеніе, прибавивъ только журналу not to be!—Если жъ мой планъ состоится, т. е. если Вы скажете мнѣ: *издавай*! (потому, что отъ этого слова теперь зависитъ все), тогда я надѣюсь, что будущій годъ моей жизни будетъ небезполезенъ для нашей литературы, даже и потому, что мой журналъ заставитъ больше писать Баратынскаго и Языкова, которые обѣщали мнѣ дѣятельное участіе. Кромѣ того, журнальныя занятія были бы полезны и для меня самого. Они принудили бы и пріучили бы меня къ опредѣленной дѣятельности; окружили бы меня mit der Welt des europäischen wissenschaftlichen Lebens, и этому далекому міру дали бы надо мной силу и вліяніе близкой существенности. Это нѣкоторымъ образомъ могло бы мнѣ замѣнить путешествіе. Выписывая всѣ лучшіе неполитическіе журналы на трехъ языкахъ, вникая въ самыя замѣчательныя сочиненія первыхъ писателей теперешняго времени, я изъ своего кабинета сдѣлалъ бы себѣ аудиторію Европейскаго университета, и мой журналъ, какъ записки прилежнаго студента, былъ бы полезенъ тѣмъ, кто сами не имѣютъ времени или средствъ брать уроки изъ первыхъ рукъ. Русская литература вошла бы въ него только какъ дополненіе къ Европейской, и съ какимъ наслажденіемъ могъ бы я говорить объ Васъ, о Пушкинѣ, о Баратынскомъ, объ Вяземскомъ, объ Крыловѣ, о Карамзинѣ,—на страницахъ, не запачканныхъ именемъ Булгарина; передъ публикой, которая покупаетъ журналъ не для модныхъ картинокъ; имѣя въ памяти только тѣхъ читателей, которые думаютъ и чувствуютъ не наслово, которыхъ участіе возвышаетъ дѣятельность, и забывъ, что есть на свѣтѣ другіе. Но разумѣется, что все это можетъ быть хорошо только за неимѣніемъ лучшаго. Когда-то хотѣлъ

---

*) Съ подлинника. Было напечатано въ *Рус. Арх.* 1909 кн. 4.

издавать журналъ Пушкинъ: если онъ рѣшится нынѣшній годъ, то разумѣется *мой* будетъ уже лишній. Тогда, также какъ и въ случаѣ Вашего неодобренія, я буду искать другихъ занятій, другаго поприща для дѣятельности и постараюсь настроить мысли на предметы не литературные.

Рѣшите-жъ участь Вашего И. Кирѣевскаго.

7.

А. И. КОШЕЛЕВУ *).

(*Вѣроятно, 1832 г.*).

И мы съ Одоевскимъ также безпрестанно вспоминаемъ время, проведенное у васъ такъ дружески и такъ тепло, не смотря на непогоду вокругъ насъ. Это время должно отозваться намъ не въ одной памяти. Какъ несчастное предзнаменованіе три свѣчки на столѣ, такъ три друга за столомъ счастливое, особливо, когда они окружены милыми имъ людьми. Это не суевѣріе. Поцѣлуй за меня ручки у Дарьи Николаевны и поблагодари ее хорошенько за наше Ильинское житье. Что̀ ея нога, и когда вы въ Москву? Я очень радъ слышать, что ты продолжаешь свои занятія. Вотъ тебѣ Шеллинговъ Идеализмъ, а Канта у меня теперь не имѣется. Постараюсь достать. Желалъ бы, чтобы ты пріѣхалъ сюда съ доконченнымъ сочиненіемъ, хотя не знаю, возможно ли работать такъ скоро надъ дѣломъ такимъ труднымъ. Dupin я искалъ во всѣхъ лавкахъ, и напрасно. Надобно выписывать изъ Риги или изъ Любека. Успѣемъ-ли? О Гельвеціи, я думаю, я самъ былъ бы такаго же мнѣнія, какъ ты, если бы прочелъ его теперь. Но лѣтъ 10 назадъ онъ произвелъ на меня совсѣмъ другое дѣйствіе. Признаюсь тебѣ, что тогда онъ казался мнѣ не только отчетливымъ, яснымъ, простонародно-убѣдительнымъ, но даже нравственнымъ, несмотря на проповѣдованіе эгоизма. Эгоизмъ этотъ казался мнѣ только неточнымъ словомъ, потому что подъ нимъ могли разумѣться и патріотизмъ, и любовь къ человѣчеству, и всѣ добродѣтели. Къ тому же мысль, что добродѣтель для насъ не только долгъ, но еще щастіе, казалась мнѣ отмѣнно убѣдительною въ пользу Гельвеція. Къ тому же примѣръ его собственной жизни противорѣчитъ упрекамъ въ безнравственности. То, что̀ ты говоришь о 89 годѣ, мнѣ кажется не совсѣмъ справедливо. Двигатели мнѣній и толпы были тогда не только люди нравственные, но энтузіасты добродѣтели. Робеспьеръ былъ не меньше какъ фанатикъ добра. Конечно, это было не послѣдствіемъ тогдашней философіи, но можетъ быть

*) Съ подлинника. Было напечатано въ *Рус. Арх.* 1909 кн. 5.

вопреки ей; однако было. Можетъ быть, оно произошло только отъ сильнаго броженія умовъ и судебъ народныхъ, ибо и человѣкъ въ минуты критическія бываетъ выше обыкновеннаго. Россія, мы надѣемся, черезъ этотъ переломъ не пройдетъ; авось въ ней не будетъ кровопролитныхъ переворотовъ, но тѣмъ заботливѣе надобно пещись въ ней о нравственности системъ и поступковъ. Чѣмъ меньше фанатизма, тѣмъ строже и бдительнѣе долженъ быть разумъ. И я заключу также, какъ ты: у насъ *должна быть* твердая и молодымъ душамъ свойственная нравственность, и стремленіе къ ней должно быть главною, единственною цѣлью всякой дѣятельности; въ ней патріотизмъ и любомудріе, въ ней основа религіи,—но надобно умѣть ее понимать. Потому пиши, я буду дѣлать тоже, и потомъ посмотримъ. Твой И. Кирѣевскій.

17 Сентября, день Вѣры, Надежды, Любви и Софіи.

8.

ЕМУ-ЖЕ *).

6 іюля (1833 или 1834 г.).

Вчера я писалъ къ тебѣ, другъ Кошелевъ, потому что была оказія, и писалъ наспѣхъ; сегодня пишу безъ оказіи, только потому, что хочется потолковать съ тобой, и даже не знаю, застанетъ ли тебя письмо мое въ Ильинскомъ. Но все равно! Гдѣ нибудь, когда нибудь ты его получишь; а если нѣтъ—не бѣда: я пишу *такъ*, не имѣя ничего *сказать* тебѣ, хотя имѣю охоту говорить обо многомъ. Я сейчасъ изъ подъ души, которую наконецъ добылъ; вечеръ славный: и свѣжо и тепло вмѣстѣ; я сижу подъ окномъ; на окнѣ чай, который я пью, какъ пьяница, понемногу, съ наслажденіемъ, съ сладострастіемъ; въ одной рукѣ трубка, въ другой перо,—и я пишу, какъ пью чай, съ роздыхомъ, съ Турецкою нѣгою лѣни: хорошо и *мягко* жить на эту минуту! Какая-то музыка въ душѣ, безпричинная, *Эолова* музыка, не связанная ни съ какою мыслію. Зачѣмъ неспособенъ я вѣрить! Я бы думалъ тогда, что это безпричинное чувство въ душѣ моей—чье нибудь вліяніе, что эта сердечная музыка не *мое* расположеніе духа, а отголосокъ, сочувствіе, физическое ощущеніе чужой мысли; но я этаго не думаю, потому что не вѣрю такимъ чудесамъ; и еще по многимъ другимъ причинамъ. Странно: это чувство, покуда я говорилъ объ немъ, прошло. Видно я убилъ его словомъ, либо неловко зацѣпилъ какою нибудь несоотвѣтственною мыслію. Но все равно: давай пользоваться вечеромъ и чаемъ, и толковать, какъ бы мы были вмѣстѣ. Вотъ тебѣ отчетъ въ моихъ занятіяхъ съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхалъ. Не

---

*) Съ подлинника. Было напечатано въ *Рус. Арх.* 1909 кн. 5.

стану говорить объ нѣкоторыхъ хлопотахъ, объ безсмысленныхъ движеніяхъ ума, и тѣла, и языка, которыя дробили мое время и крошили мысли; объ нихъ говорить и вспоминать, значитъ продолжать ихъ силу. Но въ остальныя минуты, когда могъ быть самъ съ собою, я былъ въ одномъ изъ двухъ положеній: либо отдавалъ свою голову на произволъ судьбы (и это слишкомъ часто) и тогда строилъ себѣ на воздухѣ разнаго рода Италіи; либо былъ господинъ своимъ мыслямъ, и тогда думалъ и писалъ объ воспитаніи женщинъ,—предметъ, который не знаю какъ ограничить, такъ онъ много захватываетъ другихъ предметовъ. Чтобы показать, что воспитаніе женщинъ не соотвѣтствуетъ потребностямъ времени и просвѣщенія, надобно показать характеръ времени и просвѣщенія, отдѣлить отъ существеннаго случайное, выказать мысль изъ подъ событій, привести къ одному итогу раздробленныя цифры, и это все изложить языкомъ общимъ, равно признаннымъ въ гостиныхъ и въ школахъ; изложить въ формахъ самыхъ простыхъ, чтобы женщина могла понять ихъ, и несмотря на эту ясность, изложить такъ, чтобы цензура не имѣла къ чему придраться, несмотря на подпись моего имени,—вотъ задача, которую исполнить такъ трудно, что эта одна трудность можетъ расшевелить къ работѣ, какъ къ пистолетной стрѣльбѣ. Но этаго мало. Представивъ время, изобразивъ сердце человѣческое, какъ оно создано просвѣщеніемъ и нравственнымъ порядкомъ вещей, надобно показать еще, какое изо всего этого слѣдуетъ отношеніе между мужчиною и женщиною. Для этаго необходимо представить вообще исторію этихъ отношеній, отъ начала исторіи до нашихъ временъ, и показать, въ какой соотвѣтственности былъ всегда нравственный порядокъ вещей съ судьбою женщинъ; потомъ открыть общій законъ этой соотвѣтственности; потомъ, проведя его и умозрительно, и фактически черезъ всѣ моменты просвѣщенія, показать его примѣненіе къ настоящему; этотъ результатъ вывести столько же умозрительно, сколько жизненно; наконецъ для всѣхъ требованій, для всей системы найти, создать одно слово, имя, которое бы отдѣляло ее отъ всѣхъ другихъ системъ, чтобы въ умѣ читателей не смѣшивались отрывки изъ одной мысли съ отрывками изъ другой мысли несоотвѣтственной; чтобы всѣ слова мои не приписали ни безсмысленному требованію Сенсимонической эмансипаціи, ни плоскому повторенію понятій запоздалыхъ; и надобно все это сработать къ Сентябрю, и если удастся, буду молодецъ!

7-е Іюля. Я долженъ былъ перервать мое письмо вчера потому, что у меня догорѣли свѣчи, и мой человѣкъ уже отправился спать. Я вчера простился съ Трубецкимъ, который ѣдетъ сегодня. Скарятину Влад. я до сихъ поръ не могъ доставить твоего письма потому, что онъ изволитъ забавляться на охотѣ и до сихъ поръ не возвращался домой. Вотъ тебѣ записку Чаадаева, на которую я отвѣчалъ: не знаю, и обѣщалъ спросить у тебя. Прощай. Твой И. К.

9.

А. А. ЕЛАГИНУ. *)

(*Мартъ 1834 г.*).

Милый другъ Папинька, я такъ полонъ чувствъ и мыслей, которыя бы хотѣлъ передать Вамъ, что не знаю съ чего начать письмо.—Я видѣлъ Наталью Петровну, — мы объяснились съ нею, Маминька согласна, и для нашего щастья недостаетъ теперь только Вашего благословенія. Ради Бога пришлите его скорѣе и такое сердечное, отеческое, дружеское, какаго я ожидаю отъ Васъ, и которое необходимо мнѣ какъ одно изъ первыхъ условій щастья.—Щастье! это слово, отъ котораго я было отвыкъ, и которое вдругъ воскресло для меня съ полнымъ, глубокимъ смысломъ. Раздѣлите его со мною Вашимъ сочувствіемъ,— теперь дружба Ваша нужнѣе для меня, чѣмъ когда нибудь.—Разсказать подробности всего я теперь не въ состояніи. При свиданіи можетъ быть я успѣю привести свою голову въ порядокъ. Можетъ быть на слѣдующей почтѣ буду писать къ Вамъ. Теперь я похожъ на слѣпаго, который вдругъ увидѣлъ свѣтъ, и еще не умѣетъ отличать предметовъ отдѣльно, а только видитъ, что все вмѣстѣ свѣтло и ясно. Вотъ почему и теперь могу дѣлиться съ Вами только этимъ общимъ впечатлѣніемъ и для него даже не нахожу словъ.—Жду Вашего письма съ живымъ нетерпѣніемъ и безо всякаго безпокойства. Да, я увѣренъ *и ни минуты не сомнѣвался*, что мое щастье будетъ для Васъ щастливымъ чувствомъ, что Вы раздѣлите его вполнѣ, и благословите насъ какъ дѣтей своихъ и друзей. Обнимаю Васъ крѣпко, и за себя и за Наташу.

10.

А. П. ЕЛАГИНОЙ **).

(*1836*).

Поблагодарите хорошенько нашего добраго Жуковскаго. Стало быть и здѣсь, между собакъ, картъ, лошадей и исправниковъ, можно жить независимо и спокойно подъ крыломъ этого генія-хранителя нашей семьи. Пожалуйста напишите объ немъ побольше, его словъ, его мнѣній, всего, куда брызнетъ его душа....

Мы послали вамъ стихи подъ именемъ Бенедиктова. Однако это была мистификація, въ которой прошу и васъ участвовать, сохраняя всевозможную тайну. Вотъ въ чемъ дѣло: наканунѣ нашей присылки

---

*) Съ подлинника.
**) Руск. Арх. 1909 кн. 5.

стиховъ мы смѣялись тому, какъ наша публика и Шевыревская партія восхищаются Бенедиктовымъ и прочими рифмоплетеньями, гдѣ поэты безъ мыслей притворяются мыслящими потому только, что прочли нѣсколько Нѣмцевъ, не понимая, можетъ быть, половины, похоже на то, какъ покойный П., пробывъ нѣсколько лѣтъ подлѣ Ермолова, выучилъ нѣсколько его словъ, принялъ у него книжный языкъ и важную фигуру и поразилъ весь почтамтъ своимъ умомъ и тонкою прозорливостью. Въ доказательство, какъ легко писать такіе стихи, мы втроемъ съ женой и братомъ начали піесу за ужиномъ и кончили, не выходя еще изъ за стола. Къ тому же до самаго послѣдняго стиха мы не знали, куда зайдемъ, ни о чемъ пишемъ. Къ тому же насъ еще затруднила Наташа, которая непремѣнно требовала вставить *осину*, какъ еще никогда не воспѣтую. Теперь, милая маменька, такъ какъ вы обманулись, то слѣдовательно и всякій обманется. Нельзя ли вамъ исполнить наше желаніе и обмануть Шевырева, такъ чтобы онъ помѣстилъ ее въ первомъ номерѣ, однако безъ имени, а только поставилъ бы В. Б..., это будетъ Варвара Боровкова, ваша бывшая прачка, отъ имени которой мы ему и еще пришлемъ стиховъ, если онъ до нихъ разохотится. Велите пожалуйста переписать незнакомой рукой и черезъ кого нибудь передать ему. Пожалуйста, постарайтесь объ этомъ. Если эпиграфъ покажется вамъ уже слишкомъ глупъ, то вмѣсто *Гете* подпишите *Тикъ*, подъ фирмою котораго всякая безсмыслица сойдетъ.

11.

В. А. ЕЛАГИНУ *).

(1842 г.).

Любезный братъ Вася. Это письмо получишь ты отъ князя Гагарина, который взялся доставить его, и съ которымъ ты долженъ познакомиться непремѣнно. Это одинъ изъ людей рѣдкихъ по внутреннимъ и внѣшнимъ качествамъ. О мнѣніяхъ его не говорю, ты самъ увидишь и оцѣнишь хорошее, а въ чемъ не сойдешься, то конечно извинишь ему ради чистоты намѣреній.—Я люблю его и уважаю и желалъ бы только чтобы нѣкоторыя особенности не мѣшали намъ вполнѣ сочувствовать другъ другу.—Напиши мнѣ объ немъ и пожалуйста не откладывай, какъ я, который до сихъ поръ не собрался къ тебѣ писать, хотя многое нужно переговорить. Теперь спѣшу и потому оставляю до слѣдующаго письма по почтѣ.—Одно только необходимымъ считаю сказать теперь не по почтѣ, чтобы ты посовѣтовалъ Попову и другимъ русскимъ быть поосторожнѣе въ ихъ разговорахъ.—Поповъ наговорилъ что то о дви-

*) Съ подлинника.

женіи умовъ въ Москвѣ, о какомъ то новомъ стремленіи, о какомъ то духѣ и пр., все вещи, которыя здѣсь пугаютъ и могутъ быть вредны и ему и его пріятелямъ здѣшнимъ и тамошнимъ. Нѣмцы ужъ собирались объ этомъ толковать въ журналахъ, что вышло бы и вздорно, и смѣшно, и не безвредно. Урезонь его и поклонись ему отъ меня.

Нынче Маменькино рожденіе. Поздравляю тебя и обнимаю отъ всей души. До слѣдующаго раза, надѣюсь скоро.

Твой братъ И. Кирѣевскій.

Пожалуйста не скупись извѣстіями о Шеллингѣ.

12.

А. С. ХОМЯКОВУ *).

Долбино. 1844. 10-е Апрѣля.

Письмо твое, любезный другъ Хомяковъ, отправленное изъ Москвы 21-го Марта, я получилъ 5-го Апрѣля, вѣроятно отъ того, что оно шло черезъ Тулу.—Предложеніе твое доставило мнѣ истинное, сердечное удовольствіе, потому что я ясно видѣлъ въ немъ твое дружеское чувство, которое, въ послѣднемъ итогѣ, есть чуть ли не самая существенная сторона всякаго дѣла. Что же касается собственно до *этого* дѣла, то если въ немъ и есть другая сторона, дѣловая, то такъ завалена затрудненіями, что врядъ ли и вашей дружбѣ возможно будетъ откопать ее. Впрочемъ представляю мое полное и подробное мнѣніе объ этомъ предметѣ на судъ тебѣ, братьямъ Петру и Васѣ**), и тѣмъ, кто вмѣстѣ съ вами интересуется объ этомъ дѣлѣ.

Я думаю, что лучше и полезнѣе, и блестящѣе, и дѣльнѣе всего издавать журналъ тебѣ. Тогда во мнѣ нашелъ бы ты самаго вѣрнаго и дѣятельнаго сотрудника. Потому, что хотя мнѣ запрещено было издавать Европейца, но не запрещено писать и участвовать въ журналахъ. Если же ты рѣшительно не хочешь оставить свою куклу Семирамиду***) (потому что зайцы бы не помѣшали: на время порошъ могъ бы завѣдывать журналомъ другой), то отчего не издавать Шевыреву? Нѣтъ человѣка способнѣе къ журнальной дѣятельности. Къ тому же Москв. держался имъ, и слѣд. теперь при отъѣздѣ Погодина всего *справедливѣе* журналу перейти къ нему. Но такъ какъ ты объ этомъ не пишешь, то вѣроятно есть какія нибудь непреодолимыя затрудненія, т. е. его рѣшительный отказъ, и пр. и пр. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ вотъ что я скажу о себѣ: издавать журналъ было бы для

---

*) Съ подлинника. Было напечатано въ *Рус. Арх.* 1909 кн. 5.
**) Василію Алексѣевичу Елагину.
***) Записки о Всемірной Исторіи Хомякова.

меня самымъ пріятнымъ занятіемъ, и можетъ быть самымъ дѣльнымъ, потому что я по несчастію убѣдился, что для возбужденія моей дѣятельности необходимо внѣшнее и даже срочное принужденіе. Но противъ этого много затрудненій: 1-е, я обѣщалъ Семéну Исторію; 2-е, мнѣ былъ запрещенъ журналъ, и неизвѣстно, позволятъ-ли теперь. Примѣръ Полеваго, которому запретили одинъ и позволили другой, не знаю, приложится ли ко мнѣ. Развѣ 12-ти-лѣтняя давность послужитъ мнѣ замѣной другихъ заслугъ. Но безъ яснаго и формальнаго позволенія я издавать не стану, именно потому, что уже разъ мнѣ было запрещено. 3-е. Если мнѣ и позволятъ, то можно ли найти гарантіи противъ того, что опять Петербургскіе журналисты меня оклевещутъ, донесутъ и выхлопочутъ новое запрещеніе? Подвергнуться во второй разъ тому, чтобы быть жертвой Булгариныхъ, было бы уже черезчуръ глупо съ моей стороны и въ мои лѣта! Что̀, кажется, благонамѣреннѣе Погодина и его Москвитянина? Я такъ думаю, хотя и не читалъ его. А между тѣмъ сколько было на него доносовъ, и сколько разъ рисковалъ онъ быть запрещеннымъ, если бы не спасалъ его министръ. У меня этой опоры не будетъ, и никакой, а между тѣмъ Булгарины съ братіей будутъ на меня еще злѣе, чѣмъ на Погодина, потому что я имѣлъ неосторожность еще въ 29-мъ году обидѣть самолюбіе большей части Петербургскихъ литераторовъ и сдѣлать ихъ своими личными врагами. Противъ этого могло бы быть одно спасеніе: если бы человѣкъ благонамѣренный и неподкупный, и вмѣстѣ сильный, взялъ журналъ подъ свое покровительство, т. е., говоря покровительство, я разумѣю не послабленіе цензуры, но напротивъ увеличеніе ея строгости, только не безтолковой, и вмѣстѣ защиту отъ доносовъ и заступленіе отъ запрещенія. Такимъ человѣкомъ я разумѣю Строгонова, но не знаю, согласится ли онъ на это. Вотъ какъ я воображаю себѣ это дѣло: если бы кто нибудь изъ нашихъ общихъ знакомыхъ сказалъ ему слѣдующее: Вашему сіятельству извѣстно, что П. уѣзжаетъ за границу и продаетъ свой журналъ. Купить его желалъ бы К., надѣясь, что послѣ 12-ти лѣтняго молчанія ему позволено будетъ говорить, тѣмъ болѣе, что когда онъ черезъ знакомыхъ своихъ справлялся о томъ, то ему отвѣчали, что запрещенъ Европеецъ, а не онъ, и поставили въ примѣръ Надеждина и Полеваго, находившихся въ томъ же положеніи. Но К. естественно не хочетъ въ другой разъ подвергнуться той же участи, и потому не рѣшается просить позволенія прежде, чѣмъ узнаетъ, можетъ ли, въ случаѣ разрѣшенія, надѣяться на ваше покровительство журналу. Образъ мыслей его вамъ извѣстенъ. Подъ покровительствомъ разумѣетъ онъ одно: увѣренность, что при самой строгой цензурѣ, какую вамъ угодно будетъ назначить, отвѣтственность затѣмъ будетъ лежать на ней, а не на немъ.

Если Строгоновъ будетъ обѣщать это, то тогда надобно пустить Валуева въ переговоры съ Семеномъ. Если Семенъ не сочтетъ себя

обиженнымъ за то, что я не пишу Исторіи, то въ такомъ случаѣ надобно будетъ условиться съ Погодинымъ такимъ образомъ, чтобы онъ не дѣлалъ ни малѣйшей жертвы, а высчиталъ бы, что стоитъ изданіе журнала, сколькими подписчиками оно покрывается, отчислилъ бы сверхъ того 50 экземпляровъ на безденежную раздачу, и затѣмъ назначилъ бы себѣ такое число ежегодно, какое считаетъ достаточнымъ. Объ этомъ надобно будетъ сдѣлать формальное условіе тогда, когда и если я получу позволеніе, которое впрочемъ онъ же долженъ будетъ мнѣ исходатайствовать, т. е. частными письмами узнать прежде черезъ своихъ знакомыхъ, возможно ли это, и если скажутъ—да, то подать прошеніе министру, чтобы позволено ему было передать Москв. мнѣ. Или можетъ быть мнѣ самому надобно будетъ подать о томъ прошеніе, въ такомъ случаѣ пришлите мнѣ форму, какъ и кому писать, тоже списавшись съ людьми знающими и поговоря съ гр. Строгоновымъ. Я думаю впрочемъ, что это прошеніе должно будетъ дойти до Государя, потому что отъ его имени объявлено мнѣ было запрещеніе. Но можно ли просить Государя объ этомъ? и какимъ образомъ? Я думаю, въ этомъ случаѣ надобно мнѣ будетъ писать къ гр. Бенкендорфу. Оправдываться въ прошедшемъ было бы теперь не кстати. Но тогда ты знаешь, что я не оправдывался (оправданіе мое, которое ходило тогда по Москвѣ, было писано не мною, и не по моимъ мыслямъ, и распущено не по моему желанію). Теперь я могъ бы сказать только одно: что съ тѣхъ поръ прошло 12 лѣтъ; что, разбирая свой образъ мыслей по совѣсти, я не нахожу въ немъ ничего возмутительнаго, ни противнаго правительству, ни порядку, ни нравственности, ни религіи, и потому осмѣливаюсь думать, что не недостоинъ того, чтобы молчаніе, наложенное на меня съ 32-го года, было наконецъ снято, и пр. и пр. Какое можетъ быть изъ этого слѣдствіе, я не знаю; но ты видишь по крайней мѣрѣ, что я не упрямлюсь отказываться, но, развивая мысль, невольно встрѣчаюсь съ столькими затрудненіями, что врядъ ли ты самъ найдешь ихъ преодолимыми. Спѣшу кончить, чтобы не опоздать, хотя о многомъ хотѣлось бы поговорить съ тобой.

Жена кланяется тебѣ, Катеринѣ Михайловнѣ, и Марьѣ Алексѣевнѣ. Я также. Ожидаю твоего отвѣта не черезъ Тулу, а то долго идетъ. Твой И. К.

13.

ЕМУ-ЖЕ *).

2-е Мая (1844).

Вчера получилъ письмо твое, любезный другъ Хомяковъ, т. е. въ день твоего рожденья, когда выпилъ за твое здоровье. Теперь спѣшу

*) Съ подлинника. Было напеч. въ *Рус. Арх.* 1909 кн. 5.

отвѣчать тебѣ хотя нѣсколько словъ, а въ субботу буду писать подробнѣе.

На предложеніе твое я весьма бы радъ былъ согласиться, если бы это было возможно. Но разсуди самъ, если я, не зондировавши грунта, вдругъ явлюсь издателемъ, и если вдругъ, основываясь на прежнемъ, поступятъ съ Москв. также, какъ съ Ев(ропейцемъ), то не лишу ли я Пог. его собственности, и не пріобрѣту ли самому себѣ право называться по крайней мѣрѣ вѣтренымъ и неосновательнымъ человѣкомъ? Когда я говорилъ въ прежнемъ письмѣ объ имени, то конечно не для того, чтобы одному пожинать лавры; но я хотѣлъ имѣть право отвѣчать одинъ. Если же собственность журнала останется Погодину, то чѣмъ могу я вознаградить его въ случаѣ неудачи? Если правительству будетъ извѣстно, что я издаю, и журналу это не повредитъ, то въ этомъ случаѣ до имени мнѣ дѣла нѣтъ, только бы имѣть право выказывать свой образъ мыслей самовластно. Если же могло бы къ моему имени присоединиться еще имя литературной извѣстности, то это не только бы подняло журналъ, но еще и мнѣ придало бы больше куражу. Не согласится ли Шев(ыревъ)? Каждый отвѣчалъ бы за себя. А если бы ты согласился, то за успѣхъ можно бы напередъ дать росписку. Что же касается до именъ неизвѣстныхъ, то я не понимаю, для чего они? Развѣ для того, чтобъ напередъ отнять у публики довѣренность. Если же комитетъ нуженъ только для того, чтобы мнѣ passer inaperçu, то это мнѣ кажется плохой разсчетъ. Когда нибудь я буду же aperçu, и тогда опять тѣ же отношенія. Къ тому же издавать комитетомъ значитъ сдѣлать кашу безъ масла.

О Стр(огоновѣ) я писалъ потому, что 1-ое, онъ человѣкъ благогородный и хорошій, 2-ое, онъ глава Московскаго просвѣщенія, 3-ье, ему извѣстенъ мой образъ мыслей по двумъ статьямъ, которыя я ему сообщилъ. Основываясь на этомъ, я думалъ, что онъ можетъ взяться обезопасить журналъ отъ скоропостижной смерти, стѣснивъ его жизнь посредствомъ цензуры. Но собственно покровительство его, просто какъ покровительство, мнѣ не нужно.

Результатъ всего слѣдующій: безъ того, чтобы имя мое было извѣстно и позволено, я издавать не могу, тѣмъ болѣе, что журналъ остается собственностью Погодина. Если же это можетъ быть, т. е. совершенно безопасно для журнала, тогда устраивай какъ хочешь, я на все согласенъ.

Еще одно: ты пишешь, что противники издаютъ Галатею. Кто же эти противники? Неужели ты такъ называешь Грановскаго и пр.? Если такъ, то не ошибаетесь ли вы и во мнѣ? Можетъ быть, вы считаете меня заклятымъ Славянофиломъ, и потому предлагаете мнѣ Москв... То на это я долженъ сказать, что этотъ Славянофильскій образъ мыслей я раздѣляю только *отъ части*, а *другую часть* его считаю *дальше отъ себя, чѣмъ самыя эксцентрическія мнѣнія Грановскаго.*

Я отмѣнно обрадованъ былъ извѣстіемъ, что ты и Языковъ начали писать. Отъ этого только подписываюсь на Москвит.

Увѣдомь меня, когда ты ѣдешь? Нашъ общій поклонъ Катеринѣ Михайловнѣ. Твой И. К.

14.

М. П. ПОГОДИНУ *).

(*Кон. 1844 или нач. 1845 г.*).

Что ты хочешь дѣлать съ Москвитяниномъ, совѣтуя перепечатывать въ него оффиціальныя пошлости тайнаго совѣтника Стурдзы? Онъ хотя и Стурдза, но хорошъ только какъ писатель-христіанинъ; а какъ начнетъ быть тайнымъ совѣтникомъ, то становится въ родѣ Сушкова, только нѣсколькими градусами оффиціальнѣе. Это просто убить журналъ, если печатать и еще перепечатывать такую пошлую лесть, восторженнымъ гласомъ произнесенную. Напиши къ нему что хочешь; придумай извиненіе, если нужно извиняться; а мнѣ кажется лучше поссориться, чѣмъ замараться.

Иннокентіева проповѣдь тоже холодные пустяки. Перепечатывать ее кажется не нужно, тѣмъ болѣе, что Воскресное Чтеніе вездѣ, гдѣ есть Москвитянинъ, и расходится въ гораздо бо̀льшемъ количествѣ. Нельзя ли черезъ Лобкова попросить еще у митрополита, хотя той проповѣди на Великую Пятницу, на которой Платонъ написалъ ему: *Ты князь проповѣдниковъ.*

Статью о древней Русской торговлѣ давай сюда *непремѣнно.* Не это называется сухимъ предметомъ. Безъ такихъ статей Москвитянинъ опошлится. Онѣ-то и могутъ дать ему настоящій характеръ.

Надпись на билетахъ я теперь только прочелъ, и не понимаю, что тамъ написано. Что-то очень темно. Къ тому же надобно перемѣнить и то, что не 1-го, а 20-го числа будетъ выходить №.

15.

В. А. ЖУКОВСКОМУ **).

Москва. 28 Генваря (1845).

Въ самомъ дѣлѣ, какъ могу я отвѣчать Вамъ? Даже изъ учтивости, послѣ всего, что Вы для меня дѣлаете, кажется мнѣ приличнѣе молчать совсѣмъ, чѣмъ говоря не высказать всей благодарности, для

*) Съ подлинника. Было напеч. въ *Рус. Арх.* 1909 кн. 5.
**) Съ подлинника. Было напечатано въ *Рус. Арх.* 1909 кн. 4.

чего не достало бы у меня ни словъ, ни умѣнья. Еще въ Ноябрѣ написано было у меня длинное письмо къ Вамъ, но не кончено и потому не послано. Потомъ перемѣнились нѣкоторыя обстоятельства, и надобно было писать другое. Между тѣмъ пришелъ Вашъ подарокъ Москвитянину, который, чѣмъ глубже тронулъ меня, тѣмъ крѣпче завязалъ языкъ. Не знаю, отъ чего со мной такъ бываетъ. Это какой-то психологическій недостатокъ, который прошу мнѣ простить, потому что я не умѣю съ нимъ сладить. Нынче 29-е Генваря. Поздравляю Васъ и всѣхъ Вашихъ, тамошнихъ и здѣшнихъ. Поздравляю Васъ также съ новымъ Жуковскимъ. Мы получили это извѣстіе съ живѣйшею радостью. Посылаю вамъ 1-й № Москвитянина. Онъ вышелъ поздно по многимъ причинамъ, частію внѣшнимъ, неисправность типографская, ценсура и пр., частію по внутреннимъ, неуспѣхъ, неумѣнье и пр. Маменька вѣроятно уже писала къ Вамъ о нашей потерѣ. Братъ Андрей обѣщалъ много. Но, кажется, именно лишнее усиленное развитіе внутренней жизни пришло въ разногласіе съ жизнію внѣшнею, и убило его этой дисгармоніей. Конечно Тотъ, Кто управляетъ судьбою міра и каждаго, лучше знаетъ, для чего жизнь и для чего смерть; но признаюсь, иногда трудно понять и не меньше трудно оторвать мысль отъ пониманія непонятнаго. Здоровье маменьки теперь, слава Богу, начинаетъ поправляться. Вчера она въ первый разъ выѣхала навѣстить меня, который немного простудился. Жена моя тоже нездорова. Она въ 8-мъ мѣсяцѣ и очень боится девятаго. У насъ вообще въ воздухѣ какія-то особенныя болѣзни, соединенныя съ сильнымъ нервнымъ разстройствомъ. Нѣкоторые изъ лучшихъ докторовъ говорятъ, что надобно измѣнить прежнія системы лѣченія, потому что болѣзни принимаютъ какой-то новый характеръ. Жена моя хотѣла сама писать къ Вамъ, но не въ состояніи теперь этого сдѣлать. Она поручила мнѣ сказать Вамъ, что Ваша строгость съ Вашею маленькою Сашенькой можетъ быть очень легко замѣнена другимъ средствомъ, которое извѣстно ей по многимъ опытамъ. Вмѣсто наказаній, которыя въ этомъ случаѣ рѣдко, и очень рѣдко приносятъ пользу, нуженъ только бдительный надзоръ няньки или того, кто смотритъ за ребенкомъ....

Въ недокончанномъ и непосланномъ письмѣ моемъ я изложилъ Вамъ подробно о Москвитянинѣ, и причины, меня побудившія взять его на свои руки, и цѣль мою, и планъ, и надежды, и опасенія. Теперь постараюсь изложить одно существенное. Тому года три, я просилъ К. В.*) справиться гдѣ слѣдуетъ, могу ли я писать и участвовать въ журналахъ: ему отвѣчали, что мнѣ былъ запрещенъ Евр. (этому теперь 13 лѣтъ), но не запрещалось никогда писать гдѣ хочу, и что

---

*) Князя П. А. Вяземскаго.

Пол. и Над. *) не только пишутъ, но и сами издаютъ другіе журналы послѣ запрещенія своихъ. Теперь, передъ условіемъ съ Погод. я спрашивалъ совѣта гр. Стр. **), и онъ полагалъ, что почитаетъ участіе мое возможнымъ. Но Погодина имя (и) отвѣтственность не могутъ быть сняты безъ особаго разрѣшенія, для котораго нужно время. Въ то же время Погод. увѣдомилъ Министра о передачѣ мнѣ редакціи, изъ чего явствуетъ, что хотя я издаю подъ чужимъ именемъ, но не обманомъ, не изъ подъ тишка, а съ вѣдома правительства. Между тѣмъ въ стихахъ Вашихъ имени моего не пропустили, потому что Вы говорите о *моемъ* журналѣ. Причины, побудившія меня взяться за это дѣло, были частію личныя слабости, частію умственныя убѣжденія. Личныя заключаются въ томъ, что 1-е я удостовѣрился, что для дѣятельности моей необходимо внѣшнее побужденіе, срокъ, не отъ меня зависящій. 2-е, журнальная дѣятельность мнѣ по сердцу. 3-е, въ уединенной работѣ я такой охотникъ grübeln, что каждая мысль моя идетъ ракомъ. Въ журналѣ внѣшняя цѣль дастъ ей границы, и показываетъ дорогу. Къ тому же во мнѣ многое дозрѣло до статьи, что далеко еще не дозрѣло до книги. Выраженное въ отрывкахъ, оно придвинетъ меня къ полнѣйшему уразумѣнію того, что̀ мнѣ недостаетъ. Къ тому же дѣятельность, возбужденная внѣшними причинами, можетъ быть обратится въ привычку (хотя въ послѣднемъ я крѣпко сомнѣваюсь). Сверхъ всего этого я имѣлъ въ виду и то, что если журналъ пойдетъ, то дастъ мнѣ возможность не жить въ деревнѣ, которую я не умѣю полюбить несмотря на многолѣтнія старанія, и позволитъ мнѣ жить въ Москвѣ, которую я, также несмотря на многія старанія, не умѣю отдѣлить отъ воды, отъ воздуха, отъ свѣта. Таковы были личныя причины. Важнѣе этого было то обстоятельство, что многіе изъ моихъ Московскихъ друзей объявили мнѣ, что моя редакція Москвит. будетъ для нихъ причиною дѣятельности. Но надъ всѣмъ этимъ носилась та мысль, или можетъ быть та мечта, что теперь именно пришло то время, когда выраженіе моихъ задушевныхъ убѣжденій будетъ и не безполезно и возможно. Мнѣ казалось вѣроятнымъ, что въ наше время, когда Западная словесность не представляетъ ничего особенно властвующаго надъ умами, ни какаго начала, которое бы не заключало въ себѣ внутренняго противорѣчія, ни какаго убѣжденія, которому бы вѣрили сами его проповѣдники, что именно теперь пришелъ часъ, когда наше Православное начало духовной и умственной жизни можетъ найти сочувствіе въ нашей такъ называемой образованной публикѣ, жившей до сихъ поръ на вѣру въ Западныя системы. Христіанская истина, хранившаяся до сихъ поръ въ одной нашей церкви, не искаженная свѣтскими интересами папизма, неизломан-

---

*) Полевой и Надеждинъ.

**) Графа С. Г. Строганова, попечителя Московскаго учебнаго округа.

ная гордостью саморазумѣнія, неискривленная сентиментальною напряженностію мистицизма,— истина самосущная, какъ сводъ небесный, вѣчно новая, какъ рожденіе, неизбѣжная какъ смерть, недомыслимая, какъ источникъ жизни,— до сихъ поръ хранилась только въ границахъ духовнаго Богомыслія. Надъ развитіемъ разумнымъ человѣка, надъ такъ называемымъ просвѣщеніемъ человѣчества господствовало начало болѣе или менѣе искаженное, полу-языческое. Ибо малѣйшее уклоненіе въ прицѣлѣ кладетъ пулю въ совершенно другую мѣту. Отношеніе этого чистаго Христіанскаго начала къ такъ называемой образованности человѣческой составляетъ теперь главный жизненный вопросъ для всѣхъ мыслящихъ у насъ людей, знакомыхъ съ нашею духовною литературою. Къ этому же вопросу, дальше или ближе, приводятся всѣ, занимающіеся у насъ древне-русскою исторіей. Слѣд. я могъ надѣяться найти сочувствіе въ развитіи моего убѣжденія. Вотъ почему я рѣшился испытать журнальную дѣятельность, хотя и знаю, что неудача въ этомъ случаѣ была бы мнѣ почти не подъ силу. Я говорю не подъ силу въ нравственномъ отношеніи, потому что въ финансовомъ я не рискую. Издателемъ остается Погодинъ, съ его расходами и барышами, покуда будетъ такое количество подписчиковъ, что мнѣ можно будетъ безъ убытка заплатить ему извѣстную сумму за право изданія. Но если журналъ не пойдетъ, не встрѣтитъ сочувствія, то эта ошибка въ надеждахъ вѣроятно уже будетъ послѣднимъ изъ моихъ опытовъ литературной дѣятельности. Представьте-жъ, каково было мое положеніе, когда въ концѣ Декабря я увидѣлъ, что для 1-го №, который долженъ былъ рѣшить судьбу журнала, у меня нѣтъ ничего, кромѣ стиховъ Языкова, моихъ статей и маменькиныхъ переводовъ. Присылка Вашихъ стиховъ оживила и ободрила меня. Я почувствовалъ новую жизнь. Потомъ получилъ Слово Митрополита. За три дня до выхода книжки выказалъ Погодинъ сказку Луганскаго, таившуюся у него подъ спудомъ. Прошу сказать мнѣ подробно Ваше мнѣніе объ этомъ номерѣ: оно будетъ мнѣ руководствомъ для другихъ. Отрывокъ изъ письма Вашего объ Одиссеѣ нельзя было не напечатать. Это одна изъ драгоцѣннѣйшихъ страницъ нашей литературы. Тутъ каждая мысль носитъ сѣмена совершенно новаго, живаго воззрѣнія. Одиссея Ваша должна совершить переворотъ въ нашей словесности, своротивъ ее съ искусственной дороги на путь непосредственной жизни. Эта простодушная искренность поэзіи есть именно то, чего намъ недостаетъ и, что мы, кажется, способнѣе оцѣнить, чѣмъ старые хитрые народы, смотрящіеся въ граненыя зеркала своихъ вычурныхъ писателей. Живое выраженіе народности Греческой разбудитъ понятіе и объ нашей, едва дышущей въ умолкающихъ пѣсняхъ. Кстати къ пѣснямъ, изъ собранія, сдѣланнаго братомъ, одинъ томъ уже почти годъ живетъ въ Петербургской цензурѣ, и судьба его до сихъ поръ еще не рѣшается. Они сами знали только пѣсни иностранныя, и думаютъ, что

русскія—секретъ для Россіи, что ихъ можно *не пропустить*. Между русскими пѣснями и русскимъ народомъ Петербургская цензура! Какъ будто народъ пойдетъ спрашиваться у Никитенки, какую пѣсню затянуть надъ сохою. Братъ мой недавно пріѣхалъ изъ деревни и помогаетъ мнѣ въ журналѣ. Адресъ мой: Въ Большомъ Знаменскомъ пер., подлѣ церкви Ржевской Божіей Матери, въ домѣ Бернгардъ. Адресъ матушки: Противъ Пожарнаго депо въ приходѣ Покрова въ Левшинахъ въ домѣ г-жи Воейковой. Калачи Московскіе спрашиваютъ у меня всякій день, когда Василій Андреевичъ будетъ насъ кушать? Что прикажете имъ отвѣчать? Надолго ли уѣхалъ отъ васъ Гоголь? Если будете писать ко мнѣ, если доставите мнѣ эту истинную радость, то скажите что нибудь объ немъ. Особенно хотѣлось бы мнѣ слышать отъ Васъ о томъ сильномъ религіозномъ направленіи, которое кажется теперь овладѣло имъ. Откуда оно развилось, куда идетъ и до куда дошло. Страшно, чтобы въ Парижѣ не подольстились къ нему Іезуиты. Изучалъ ли онъ особенно нашу Церковь?

Баронъ Черкасовъ здѣсь, а братъ его, не баронъ, въ деревнѣ подлѣ насъ. Мы видались довольно часто. Онъ человѣкъ очень замѣчательный, чисто-нравственный, не шутя вѣрующій, и живущій по убѣжденію. Мачиха отдала ему свое имѣніе. А онъ изъ благодарности посвящаетъ ей и ея дѣтямъ свою жизнь, занимается ея хозяйствомъ, снимаетъ планы съ ея земель и работаетъ съ утра до вечера, какъ только позволяетъ ему его разстроенное здоровье.

Москву теперь занимаютъ больше всего балы, безпрестанные, очень, какъ говорятъ, приличные, т. е. дорогіе, и довольно неприличные, и, тоже какъ говорятъ, не очень веселые. Теперь прекратились по причинѣ траура. О лекціяхъ Шевырева Вы прочтете въ Москвитянинѣ. Новое филантропическое общество дамъ, результатъ Mystères de Paris, занимаетъ почти всѣхъ. Отыскиваютъ des pauvres honteux, и никакъ не могутъ найти. А между тѣмъ прежняя милостыня Русская исчезаетъ. Даже на Церковь перестаютъ подавать. Здоровье Яке-пузана *) кажется поправляется, но все еще плохо. Онъ пишетъ много, и стихъ его кажется сталъ еще блестящѣе и крѣпче. Хомяковъ пишетъ больше прозою (*больше* сказано въ противуположность къ *очень мало* въ бильярдномъ смыслѣ). Во второмъ № Москв. Вы увидите его статью. Чертковъ издалъ второе Прибавленіе къ своему каталогу,—вещь великолѣпная. Жена моя готовится издать дополненіе къ семейству господъ Кирѣевскихъ. Она кланяется Вамъ и Вашей женѣ и поздравляетъ.

Вашъ И. Кирѣевскій.

---

*) Н. М. Языковъ.

16.

М. П. ПОГОДИНУ *).

(*Начало 1846 г.*).

Любезный Погодинъ! Честь тебѣ и слава, и благодарность отъ всѣхъ, кто дорожитъ памятью Карамзина и славою Россіи. Я прочелъ твое *Слово* **) съ истиннымъ наслажденіемъ. Давно ничто литературное не производило на меня такого впечатлѣнія: Карамзинъ явился у тебя въ своемъ истинномъ видѣ, и такимъ образомъ рѣчь твоя воздвигаетъ ему въ сердцѣ читателя великій памятникъ, лучше Симбирской бронзы. Замѣчаній, которыхъ ты отъ меня требуешь, я сдѣлалъ не много. Оттого ли, что большія красоты заслонили отъ меня мелкіе недостатки, или оттого, что ихъ нѣтъ, только вотъ все, что я замѣтилъ:

№ 1. *Согражданина вашего.* Онъ не Симбирскій, а Русскій гражданинъ, и слѣдовательно—согражданинъ всѣхъ насъ. Эту честь намъ уступать нельзя. Не лучше ли сказать: *согорожанина вашего, нашего общаго согражданина...*

№ 2. Не одинъ Симбирскъ ставилъ памятникъ Карамзину; потому выражавшій свои чувства при этомъ случаѣ не могъ быть *органомъ однихъ Симбиряковъ.* Нельзя ли сказать *органомъ общаго чувства...*

№ 3. О книжной лавкѣ Карамзинъ не заботился. Сочиненія его продавались безъ его хлопотъ. Не вѣрнѣе ли будетъ: *между типографіей и письменнымъ столомъ.*

№ 4. Въ прежніе вѣка не было *безусловныхъ вѣрноподданныхъ.* Сколько князей изгонялось за нарушенія условій! Одно подозрѣніе въ злодѣяніи Бориса возстановило противъ него всю Россію. Одно неуваженіе къ обрядамъ и обычаямъ Русскимъ уничтожило Самозванца. А тѣ грамоты, на которыхъ цѣловали крестъ наши властители при восшествіи на престолъ отъ Шуйскаго до Анны?—Нѣтъ, то-то и особенность нашего прежняго вѣрноподданства, что оно было *не безусловное,* но напротивъ условленное *законностью.* Самое слово вѣрноподданный какъ-то нейдетъ къ характеру прежнихъ вѣковъ. Въ немъ закалъ новаго времени. Оно изъ лексикона Ѳеофана и Яворскаго. Къ тому же весь конецъ этого періода слишкомъ пахнетъ риторикой, хотя начало его прекрасное.

№ 5. Нельзя ли сказать: *который по примѣру древнихъ, забытыхъ вѣковъ...*

№ 6. Можно ли сказать: *честь и слава вѣку и государству,* гдѣ *крѣпостный крестьянинъ* и пр.?..

---

*) Барсуковъ, *Погодинъ*, т. VIII стр. 221.
**) „Историческое Похвальное Слово Карамзину“ М. П. Погодина.

№ 7. Не правильнѣе ли: *забытый въ прошедшемъ вѣкѣ*? Потому что въ прежніе вѣка мы безъ сравненія больше цѣнили доблести нравственныя и внутреннія, религіозныя, чѣмъ внѣшнія, видимыя.

№ 8. Что за *правила твоего искусства*? и зачѣмъ объ нихъ думать?— Все, что наводитъ на риторику, наводитъ и на зѣвоту.

№ 9. Что такое—*Русскій Богъ*?—Вообще эта манера говорить о Ломоносовѣ уже очень опошлилась. *Тамъ, на берегу Бѣлаго моря* и проч. Не лучше ли такъ: Богу угодно было, чтобы еще при жизни Самодержца, преобразователя Государства, родился тотъ крестьянинъ, которому предназначено было преобразовать наше слово. Черезъ пятнадцать лѣтъ и пр.

№ 10. *Вѣдь* что-то не въ тонѣ. Не лучше ли и *моменты* замѣнить *ступенями*, или по крайней мѣрѣ *періодами*.

№ 11. Здѣсь, кажется, мѣсто упомянуть о *Новиковѣ* и представить въ настоящемъ свѣтѣ его вліяніе на Карамзина. Ты, правда, упомянулъ о немъ въ другомъ мѣстѣ, но только что упомянулъ. Въ памяти о Карамзинѣ Новиковъ долженъ занимать не такое мѣсто. Конечно, собственный геній и внутренній голосъ были руководителями Карамзина; но кто раскрылъ въ немъ этотъ геній? Кто освободилъ этотъ голосъ отъ шума мелкой жизни? Кто вдохнулъ живительную мысль и далъ средства къ высокому направленію жизни?—Хорошо бы было представить здѣсь это общество незамѣтныхъ дѣлателей, трудящихся въ тишинѣ и безъ славы, безъ выгодъ, на пользу человѣчества и Отечества. Карамзинъ могъ сблизить языкъ съ естественностію и съ дѣйствительною жизнію потому, что жизнь дѣйствительная уже получила то высокое значеніе, которое было ею утрачено, и безъ котораго она не могла имѣть образованнаго слова. Карамзинъ разрѣшилъ вопросъ потому, что вопросъ уже былъ предложенъ и данныя къ рѣшенью готовы.

№ 12. *Успокоившись*—лишнее. Можетъ быть, писатель испытывалъ сильное волненіе, но читатель еще спокоенъ, хотя и заинтересованъ.

№ 13. *Произвести впечатлѣніе о себѣ въ правительствѣ*—не по Русски.

№ 14. Бабушка Екатерина Аѳанасьевна Протасова, при которой мы читали твою рѣчь, замѣтила при этомъ случаѣ, что вмѣстѣ съ необыкновеннымъ успѣхомъ, который имѣла *Бѣдная Лиза*, вмѣстѣ съ необыкновеннымъ восторгомъ возбудила она и сильныхъ, горячихъ порицателей, которые говорили тогда, что при этомъ упадкѣ искусства остается уже ожидать только того, чтобы писатели называли своихъ героевъ еще и *по отчеству*!—Вы увидите, говорили они, назовутъ! право назовутъ и по отчеству! За это злонамѣренное пророчество сердились тогда всѣ обожатели Карамзина.

№ 15. Прекрасный отрывокъ: здѣсь весь Карамзинъ въ зародышѣ. Здѣсь слышанъ и Новиковъ. Не тутъ ли сказать объ немъ?

№ 16. Начиная съ *крестьянской*; задача—не крестьянская, хотя и о крестьянахъ. Нужно другое слово.

№ 17. Зачѣмъ объявлять эту тайну?

№ 18. Слово *республиканская свобода* колетъ глаза. Не лучше ли *народная*?

№ 19. Какъ хочешь, *закрывъ глаза*—не хорошо. Потому-то онъ и ринулся въ бездну Русской Исторіи, что *открылъ глаза*, которые у другихъ были закрыты.

№ 20. Не лишняя ли эта вставка отъ черты до черты? Зачѣмъ тутъ разсужденіе о правилахъ науки или искусства? Не лучше ли прямо начать: *Въ приготовленіи матеріаловъ* и проч.

№ 21. Ужъ это слишкомъ! Богословамъ начинать съ *Карамзина!*

№ 22. Какъ остальныя выписки твои всѣ кстати и объясняютъ твою мысль, такъ эта выписка, надобно признаться, самая несчастная. Подумай хорошенько, можно ли безъ оговорки выставить эту мысль *Карамзина*?—Если была темная точка въ свѣтломъ умѣ *Карамзина*, то, конечно, это смѣшеніе понятій о единовластіи и самовластіи, о воспитаніи *грубаго и невѣжественнаго народа просвѣщеннымъ правительствомъ!*—Здѣсь начало раздвоенія между правительствомъ и народомъ.—*Разумъ* народа—въ церквахъ, въ университетахъ, въ литературѣ, въ убѣжденіяхъ сословій и пр.—Въ правительствѣ—народная *воля*; можетъ ли быть *воля* умнѣе *разума*? Можетъ *казаться* умнѣе, когда, не слушаясь разума, *подражаетъ* чужому образу дѣйствій. Отсюда минутный блескъ и неминуемое разстройство организма. Оттого Петръ идетъ не въ пути народа, а наперекоръ ему. Однимъ словомъ, здѣсь то вся завязка вопроса между Востокомъ и Западомъ въ Русскомъ образѣ мыслей. Приводя Карамзина безъ возраженій, ты опровергаешь самъ себя.

№ 23. Языкъ *произвестися* не можетъ.

№ 24. Отчего Жуковскій названъ воспитанникомъ Карамзина, а не просто другомъ?

Но главное, что можно замѣтить о всей рѣчи, это то, что она производитъ впечатлѣніе сильное и написана, и дѣйствуетъ прекрасно. Честь тебѣ и слава!

17.

М. В. КИРѢЕВСКОЙ *).

17 Марта 1847.

Ты пишешь, милая сестра, что тебя давно уже *преслѣдуетъ* мысль о освобожденіи крестьянъ, что ты молишься Богу, чтобы Онъ позволилъ тебѣ осуществить эту сладкую мечту, что думаешь, что и мы

*) Съ подлинника.

въ этомъ случаѣ одобримъ твое желаніе и просишь нашихъ совѣтовъ о томъ, какъ бы привести въ *дѣйствительное исполненіе* твое намѣреніе. Благодарю тебя за то, что ты сообщила намъ свою мысль и хочешь знать наше мнѣніе. Долгомъ сердца считаю, сказать его тебѣ съ полною искренностію.

Но прежде, чѣмъ я скажу тебѣ свое мнѣніе о *твоемъ* дѣлѣ, я считаю также долгомъ сказать тебѣ мои убѣжденія объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи *вообще*, для того, чтобы ты не предполагала во мнѣ такаго мнѣнія, котораго я не имѣю, и не придала бы отъ того моимъ совѣтамъ болѣе вѣсу, чѣмъ сколько они заслуживаютъ.

Правда, у насъ теперь безпрестанно толкуютъ объ эмансипаціи. Кошелевъ, Хомяковъ и другіе. Но я ихъ мнѣнія не раздѣляю. Не потому, чтобы я считалъ хорошимъ и полезнымъ для Россіи оставить навсегда крѣпостное состояніе; не потому даже, чтобы я считалъ это возможнымъ; крѣпостное состояніе должно со временемъ уничтожиться, когда предварительно будутъ сдѣланы въ Государствѣ другія перемѣны, законность судовъ, независимость частныхъ лицъ отъ произвола чиновниковъ, и многія другія, которыхъ здѣсь исчислять не нужно;—но въ теперешнее время, я думаю, что такая всеобъемлющая перемѣна произведетъ только смуты, общее разстройство, быстрое развитіе безнравственности, и поставитъ отечество наше въ такое положеніе, отъ котораго сохрани его Богъ!—И что такое свобода безъ законности?—Зависимость отъ продажнаго чиновника, вмѣсто зависимости отъ помѣщика.—Но выгоды помѣщика больше или меньше связаны съ благосостояніемъ его крестьянъ; но, говоря вообще, помѣщики самые дурные имѣютъ больше совѣсти, чѣмъ чиновники; кромѣ совѣсти, въ нихъ есть, больше или меньше, чувство чести, которое мѣшаетъ имъ злоупотреблять свою власть; есть зависимость отъ мнѣнія другихъ, которая была причиною, что отношенія ихъ къ крестьянамъ каждый годъ улучшаются, и съ тѣхъ поръ уже какъ я помню, измѣнились совершенно. Чиновникъ же не связанъ ничѣмъ, кромѣ своей выгоды и другими чиновниками, тоже продажными. Ты знаешь сама, въ какомъ положеніи Государственные крестьяне, а если не знаешь, то спроси брата Петра, или священника Александра Петровича, или любаго сосѣда или купца, который знаетъ ихъ положеніе, и скажи послѣ того, стоитъ-ли это положеніе того, чтобы производить переворотъ въ Россіи?

Но это я говорю объ *общемъ* освобожденіи крестьянъ въ Россіи; что нисколько не мѣшаетъ частнымъ людямъ освобождать своихъ крестьянъ, если они думаютъ доставить имъ лучшее положеніе. Но подумай по совѣсти (не увлекаясь желаніемъ сдѣлать поступокъ, который люди могутъ хвалить; не увлекаясь самолюбивымъ удовольствіемъ сказать самой себѣ: я освободила крестьянъ своихъ, я поступила по совѣсти! когда въ самомъ дѣлѣ поступокъ твой будетъ носить громкое имя

не измѣняя ничего на дѣлѣ), подумай: въ самомъ-ли дѣлѣ лучше будетъ твоимъ крестьянамъ заплатить за себя 100 т. и получить зато право называться свободными, подпавъ подъ власть чиновниковъ, чѣмъ не называясь свободными быть такими на дѣлѣ, и не платя 100 т. рублей (которыхъ у нихъ нѣтъ, и которыхъ добываніе ихъ непремѣнно запутаетъ), платить тебѣ ежегодно самый маленькій оброкъ, нисколько ихъ не стѣсняющій и не породившій въ нихъ никогда ни малѣйшей жалобы?—Подумай это по совѣсти и спроси сама себя въ глубинѣ сердца: *не тщеславіе-ли передъ самой собою* заставляетъ тебя желать измѣнить ихъ положеніе?—Если ты думаешь, что они этаго желаютъ, то ты ошибаешься: желать этаго можетъ быть могутъ нѣсколько человѣкъ, которые побогаче другихъ, но вообще ихъ это извѣстіе испугало. По крайней мѣрѣ я такъ слышалъ отъ нихъ же. Они говорятъ, что живутъ подъ твоимъ крыломъ *какъ у Христа за пазухой*, перемѣны всякой боятся и деньги за свой выкупъ платить очень затрудняются. Всего же болѣе боятся они того, чтобы ты ихъ не продала, потому, какъ они говорятъ, что сумму за ихъ выкупъ ты назначила такую малую, что тебѣ другіе помѣщики охотно дадутъ много больше, и тогда они могутъ попасть въ дурныя руки. Нѣкоторые помѣщики уже слышали тамъ о твоемъ намѣреніи, и хотятъ покупать ихъ у тебя, и думаютъ дать тебѣ больше 100 т., полагая, что ты дѣлаешь это нуждаясь въ деньгахъ. Изъ нихъ есть одинъ, особенно, котораго крестьяне боятся, какъ человѣка дурнаго и злаго. Но я увѣренъ, что ты не продашь ихъ, и потому объ этомъ не распространяюсь.

Къ этому прибавлю еще, что я зналъ нѣкоторыхъ отмѣнно почтенныхъ людей, между ними назову К. Ѳ. Муравьеву, которые также хотѣли заключить съ своими крестьянами условіе, по которому они имѣли бы право выкупаться въ свободные хлѣбопашцы; но разобравъ дѣло вблизи и посовѣтовавшись съ людьми знающими, хотя и сдѣлали они многія для того предварительныя дѣйствія, и употребили много хлопотъ, и крестьяне были согласны и правительство позволило, но однако они убѣдились, что это условіе будетъ во вредъ обѣимъ сторонамъ, и оставили дѣло по прежнему.

Въ дополненіе этаго я еще скажу тебѣ, что правительство теперь вольныхъ хлѣбопашцевъ уничтожаетъ и обращаетъ ихъ въ Государственные крестьяне. Вчера еще слышалъ я, что огромное Демидовское имѣніе (кажется 6 т. душъ), которое было вольными хлѣбопашцами, теперь обращено въ Государственныхъ крестьянъ подъ общее управленіе окружныхъ чиновниковъ.—Каково будетъ твоимъ крестьянамъ, заплативши тебѣ 100 т. вдругъ очутиться подъ властію чиновника, который заставитъ ихъ платить двойной оброкъ противъ того, который они платятъ тебѣ? Потому что, казенный оброкъ вмѣстѣ съ окладомъ на жалованіе чиновникамъ или управляющимъ, болѣе 8 р. серебромъ съ души, тогда какъ тебѣ они платятъ около 4 р. сер. съ

души.—Но сколько еще сходитъ съ Государственныхъ крестьянъ незаконныхъ поборовъ, и сколько несправедливостей отъ пьяныхъ и полномочныхъ писарей, отъ волостныхъ, отъ окружныхъ и пр.!!—Сколько соблазновъ къ беззаконному дѣйствованію посредствомъ подкуповъ! —Какая опасность отъ откупщиковъ, которые могутъ поставить у нихъ кабаки, харчевни, противъ ихъ воли дать имъ соблазнъ и пр. Возьми еще и то въ соображеніе, что выплачивая тебѣ откупную сумму они непремѣнно войдутъ въ зависимость ростовщиковъ, которые высасываютъ обыкновенно всю нравственную кровь у крестьянъ; а ты сама, между тѣмъ, получая ихъ выкупъ не вдругъ, а по срокамъ, непремѣнно истратишь деньги по мѣрѣ ихъ полученія и потомъ останешься безъ ничего, и не будешь въ состояніи быть полезною никому, сдѣлавъ еще вредъ мужикамъ.—

Вотъ мое мнѣніе. Обсуди его безъ страсти и пристрастія. Если же, разсудивъ, ты останешься при своемъ намѣреніи, то прошу написать ко мнѣ, и я тотчасъ же поѣду къ знающимъ это людямъ и пришлю тебѣ форму условія и пр.

Еще одно считаю тебѣ не лишнимъ сказать: Если ты боишься, что послѣ твоей смерти положеніе крестьянъ твоихъ измѣнится, то ты можешь сдѣлать какое хочешь завѣщаніе и положить его для вѣрности въ Опекунскій Совѣтъ, такъ, что крестьяне твои во всякомъ случаѣ и несмотря ни на какихъ наслѣдниковъ будутъ послѣ тебя или обязанными на такихъ или другихъ условіяхъ, или совершенно свободными, смотря по тому, какъ ты сочтешь за лучшее.—Но для этаго хорошо бы было, чтобы завѣщаніе твое сдѣлано было въ тайнѣ, чтобы не возбудить у крестьянъ мыслей, которыя могутъ быть имъ вредны прежде времени.—А покуда ты жива продолжай управлять ими какъ дѣлала до сихъ поръ, бери съ нихъ легкій оброкъ, дай имъ свободу управлять собою, не предай ихъ въ обиду чиновниковъ, и они будутъ благословлять тебя такъ всегда, какъ теперь благословляютъ.

Обнимаю тебя. Твой братъ И. Кирѣевскій.

(Приписка П. В. Кирѣевскаго).

Я было хотѣлъ также писать къ тебѣ нынче объ этомъ дѣлѣ, но братъ прочелъ мнѣ свое письмо и такъ какъ я съ этимъ мнѣніемъ *совершенно согласенъ*, какъ я уже и говорилъ тебѣ прежде, то и не считаю уже нужнымъ повторять тоже. Пуще всего желаю, чтобы ты обдумала это какъ можно больше, и *не спѣшила*.

Крѣпко тебя обнимаю. Мы всѣ, слава Богу, здоровы.

10 марта.

Твой братъ Петръ К.

(Опять рукою И. В.).

Написавши это письмо, я отдалъ его Кошелеву, и при томъ разсказалъ, въ какомъ положеніи твои крестьяне находятся. Онъ сказалъ

мнѣ, что хотя онъ и эманципаторъ ex officio, однако тебѣ ни какъ не посовѣтуетъ освобождать, а оставить какъ есть. Потомъ онъ написалъ прилагаемое письмо, въ которомъ совсѣмъ его немного запуталъ, я думаю отъ желанія проповѣдовать свою любимую тему. Послѣ того я его видѣлъ, и онъ тоже говоритъ, что тебѣ никакъ не слѣдуетъ и нѣтъ причины эманципировать, и что ты сдѣлаешь этимъ только вредъ, а не пользу твоимъ крестьянамъ. А въ письмѣ его это не такъ ясно.

Обнимаю тебя еще разъ.

18.

(МОСКОВСКИМЪ ДРУЗЬЯМЪ) *).

(*Мартъ—апрѣль 1847 г.*).

28-го Марта **) въ день 700 лѣтія Москвы, не смотря на ужасную дорогу, не смотря на нѣкоторыя домашнія обстоятельства, которыя требовали моего присутствія дома, я отправился черезъ всю Москву на Дѣвичье поле къ М. П. Погодину, потому что зналъ, что у него собираются въ этотъ день нѣкоторые изъ моихъ друзей, люди, соединенные между собою, кромѣ многихъ разнородныхъ отношеній, еще особенно общею имъ всѣмъ любовью къ Москвѣ, съ именемъ которой смыкается болѣе или менѣе образъ мыслей каждаго изъ насъ, представляя съ этой стороны преимущественно точку взаимнаго сочувствія. Я надѣялся, что когда такіе люди соберутся вмѣстѣ во имя Москвы, и безъ того соединяющей ихъ мысли, то самое это обстоятельство оживитъ въ нихъ сознаніе ихъ взаимнаго сочувствія. Сознаніе это, думалъ я, возбудитъ въ нихъ потребность отдать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ именно есть общаго между всѣми и каждымъ; узнать, что̀ остается еще разногласнаго, искать средства разрѣшить это разногласіе и наконецъ понять возможность сочувствія болѣе полнаго, болѣе живого, болѣе живительнаго и плодоноснаго. Я ожидалъ много отъ этого дня. По камнямъ и грязи, въ саняхъ, шагомъ, тащился я полтора часа, довольно мучительно подпрыгивая на толчкахъ и ухабахъ. Но чѣмъ труднѣе было путешествіе, тѣмъ болѣе утѣшался я мыслію, что люди, которые рѣшатся на такой трудъ, вѣроятно, сдѣлаютъ это не безъ цѣли.

Какъ часто прежде, находясь въ кругу этихъ людей, проникнутыхъ однимъ благороднымъ стремленіемъ, но раздѣленныхъ тысячью недоразумѣній, страдалъ я внутренно отъ тѣхъ однообразныхъ повтореній

---

*) *Рус. Арх.* 1904, кн. 8, стр. 495.
**) 1847 года.

нѣкоторыхъ, всѣмъ общихъ, но всѣми различно понимаемыхъ, фразъ, отъ той недоконченности всякой мысли, отъ тѣхъ безконечныхъ, горячихъ и вмѣстѣ сухихъ, ученыхъ, умныхъ, и вмѣстѣ пустыхъ споровъ, которые наполняли всѣ ихъ взаимныя отношенія и явно свидѣтельствовали о томъ, что темныя сочувствія между ними не только не развились въ единомысліе, но что даже они и не видали этого разногласія, или видѣвши не тяготились имъ; не чувствовали потребности углубиться въ самый корень своихъ убѣжденій и, укрѣпившись единомысленно въ началѣ, согласиться потомъ и во всѣхъ его существенныхъ приложеніяхъ, и такимъ образомъ сомкнуться всѣмъ въ одну живую силу, на общее дѣло жизни и мысли.

Что̀ могли бы сдѣлать эти люди, думалъ я, если бы они отдали себѣ послѣдній отчетъ въ своихъ убѣжденіяхъ и сознательно соединились вмѣстѣ. Сколько лѣтъ жизни погибло понапрасну отъ того только, что, соединясь случайно, они никогда не думали о соединеніи сознательномъ! Но вотъ теперь наконецъ собираются они во имя одной общей имъ мысли: наконецъ начнется новая жизнь въ ихъ избранномъ кругу.

Нужно ли продолжать? Каждый изъ васъ знаетъ, въ чемъ состояло это соединеніе ваше во имя общей вамъ мысли. По камнямъ и грязи, по толчкамъ и ухабамъ тащились вы ровно безъ всякой цѣли. Когда же я видѣлъ, что собраніе ваше кончается ничѣмъ, хотѣлъ я напомнить вамъ о причинѣ, насъ соединившей, о необходимости большей связи между нашими мнѣніями, о неясности, въ которой убѣжденія наши находятся, не только относительно другихъ, но даже и относительно насъ самихъ: тогда нѣкоторые изъ васъ не могли разсуждать объ этомъ, потому что должны были слушать Плесси, другіе ѣхать на вечеръ, третьи по дѣламъ, а нѣкоторые даже выразили ту мысль, что между нами недоразумѣній никакихъ нѣтъ; что если есть нѣкоторыя разномыслія, то они несущественны и происходятъ единственно отъ различія нашихъ индивидуальностей, и, слѣдовательно, никогда разрѣшены въ согласіе быть не могутъ; что впрочемъ мы всѣ отдали себѣ самый полный и крайній отчетъ въ нашихъ убѣжденіяхъ и, слѣдовательно, ни сами узнать, ни другъ другу сообщить ничего новаго не можемъ, кромѣ нѣкоторыхъ, случайно тѣмъ или другимъ узнанныхъ, фактовъ.

Противъ этого мнѣнія, которое я полагаю не только несправедливымъ, но и прямо тлетворнымъ, разрушительнымъ для всякой возможности общаго дѣла между нами, не безполезно будетъ, я думаю, выяснить тѣ разногласія, которыя находятся въ нашихъ мнѣніяхъ, и пояснить тѣ противорѣчія, которыя доказываютъ неразвитость нашего внутренняго сознанія.

Во-первыхъ, мы называемъ себя Славянами, и каждый понимаетъ подъ этимъ словомъ различный смыслъ. Иной видитъ въ славянизмѣ

только языкъ и единоплеменность, другой понимаетъ въ немъ противоположность Европеизму, третій - стремленіе къ народности, четвертый — стремленіе къ православію. Каждый выдаетъ свое понятіе за единственно законное и исключаетъ все выходящее изъ другого начала. Но противорѣчатъ ли эти понятія и стремленія одно другому, или есть между ними что-либо общее, что связываетъ ихъ въ одно начало? Этого до сихъ поръ между нами не объяснено. Если въ самомъ дѣлѣ наши различія въ этомъ отношеніи только различные виды одного общаго начала: то, сознавъ это, мы подчинили бы ему свои частныя воззрѣнія и не ослабляли бы другъ друга безконечными противорѣчіями.

2. Самое понятіе о *народности* между нами также совершенно различно. Тотъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ одинъ, такъ называемый *простой народъ;* другой ту *идею* народной особенности, которая выражается въ нашей исторіи; третій—тѣ слѣды церковнаго устройства, которые остались въ жизни и обычаяхъ нашего народа, и пр. и пр. и пр. Во всѣхъ этихъ понятіяхъ есть нѣчто общаго, есть и особенное. Принимая это особенное за общее, мы противорѣчимъ другъ другу и мѣшаемъ правильному развитію собственныхъ понятій. Къ тому же каждое изъ этихъ особыхъ понятій противорѣчитъ само себѣ и потому доказываетъ неразвитость сознанія. Такъ, напр., въ стремленіи къ народности полагаютъ условіе, такъ сказать, нашего спасенія, и возможность просвѣщенія Русскаго, и спасенія Европы, и развитія науки и изяществъ и пр., и пр., а между тѣмъ народность ограничивать простонародностью значитъ: отрѣзывать отъ начала народнаго все то, чего въ этой простонародности не заключается, а что въ ней заключается дѣйствительно народнаго, то принимать въ видѣ одностороннемъ, т. е. особенное отраженіе его въ простонародности почитать за его нормальное выраженіе. Если же прибавимъ, что при этомъ понятіи требуется отъ каждаго, кто не хочетъ погибнуть какъ хворостъ въ печи, чтобы онъ всѣ усилія своего духа употребилъ на то, чтобы умиротворить въ себѣ все, что можетъ быть противно этой народности и образовать себя и внутренно и внѣшне согласно понятіямъ и вкусамъ простого народа: то нельзя не согласиться, что въ этомъ требованіи заключается еще болѣе несознательности. Ибо если можно требовать отъ человѣка, чтобы онъ работалъ надъ самимъ собою въ виду первообраза истины, то это понятно потому, что дѣло идетъ о первообразѣ истины; а работать надъ собою для достиженія простонародности можно бы было въ такомъ только случаѣ, если бы простонародность эта была непосредственнымъ воплощеніемъ самой истины. Но какъ это предположить несообразно, то и требованіе остается какъ невозможное.

Также легко можно доказать, что и другія особенныя понятія о народности заключаютъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, какъ скоро мы примемъ ихъ за полное выраженіе нашей народности вообще. А

между тѣмъ народность въ ея общемъ началѣ до сихъ поръ еще нами не сознана и не выражена. Оттого понятія наши смѣшаны, требованія необязательны и сочувствія неплодоносны.

Третье важное разногласіе между нами заключается въ понятіи объ отношеніяхъ народа къ государственности. Здѣсь самыя рѣзкія крайности во мнѣніяхъ дѣлаютъ всякое соглашеніе совершенно невозможнымъ. А между тѣмъ мы не отдаемъ другъ другу, а можетъ быть и себѣ самимъ, отчета въ тѣхъ началахъ, изъ которыхъ особенность нашихъ мнѣній проистекаетъ и притомъ уже нѣсколько лѣтъ стоимъ другъ подлѣ друга не соединяясь и, безпрестанно обращаясь въ окольныхъ мысляхъ, не подвигаемся ни на шагъ впередъ.

Не соглашаясь въ этихъ понятіяхъ, естественно, что мы расходились и въ безчисленномъ множествѣ понятій производныхъ и второстепенныхъ, которыя въ примѣняемости своей къ жизни даютъ ей рѣшительно тотъ или другой смыслъ.

Оттого ли расходимся мы, что (не сознаемъ) вполнѣ основныхъ понятій нашихъ? Или сами по себѣ не отдали послѣдняго отчета? Или мы не можемъ сойтись по несогласію коренныхъ началъ нашихъ убѣжденій? Вопросъ этотъ, кажется, не можетъ не быть для насъ вопросомъ первой важности. Для меня, по крайней мѣрѣ, сочувствіе съ вами составляетъ, такъ сказать, половину моей нравственной жизни. Потому, кто въ этомъ отношеніи сколько-нибудь сочувствуетъ мнѣ, тому предлагаю я слѣдующее средство къ разрѣшенію нашихъ недоумѣній, или, по крайней мѣрѣ, къ нѣкоторому приближенію къ этой цѣли: поставить себѣ въ обязанность и дать другъ другу слово, чтобы, хотя одинъ разъ въ недѣлю, одинъ или двое изъ насъ изложили, хотя общими чертами, свое мнѣніе о какомъ-либо изъ предметовъ, въ которыхъ мы не сходимся, и прочтя это мнѣніе другимъ, дали возможность каждому выразить объ немъ свое сужденіе, не для того, чтобы выяснить только противорѣчіе свое, но для того, чтобы въ самомъ противорѣчіи отыскать черту общаго сочувствія. Такимъ образомъ, восходя отъ начала къ началу, мы дойдемъ, можетъ быть, до тѣхъ основаній, согласіе въ которыхъ можетъ дать новую жизнь нашимъ мыслямъ и новый смыслъ нашей жизни.

19.

М. П. ПОГОДИНУ *).

(Мартъ—апрѣль 1848 г.).

...Ты пишешь ко мнѣ, что не худо бы литераторамъ представить адресъ Императору о излишнихъ и стѣснительныхъ дѣйствіяхъ цен-

---

*) Барсуковъ, *Погодинъ*, т. IX стр. 303.

зуры. Сначала я оставилъ эту мысль безъ большаго вниманія, какъ несбыточную. Потомъ однако, когда я обдумалъ твой характеръ, и что у тебя часто отъ первой мысли до дѣла бываетъ полъ-шага,—тогда я испугался и за тебя, и за дѣло. Подумай: при теперешнихъ безтолковыхъ переворотахъ на Западѣ *время ли* подавать намъ *адресы* о Литературѣ? Конечно цензурныя стѣсненія вредны для просвѣщенія и даже для Правительства, потому что ослабляютъ умы безъ всякой причины; но всѣ эти отношенія ничего не значатъ въ сравненіи съ текущими важными вопросами, которыхъ правильнаго рѣшенія намъ надобно желать отъ Правительства.—Не велика еще бѣда, если наша Литература будетъ убита на два или на три года. Она оживетъ опять. А между тѣмъ подавать просительные адресы въ теперешнее время, значило бы поставить Правительство во враждебное или по крайней мѣрѣ въ недовѣрчивое отношеніе къ литераторамъ, что гораздо хуже, потому что можетъ повести къ слѣдствіямъ неправильнымъ и вреднымъ. Правительство теперь не должно бояться никого изъ благомыслящихъ. Оно должно быть увѣрено, что въ теперешнюю минуту мы всѣ готовы жертвовать всѣми второстепенными интересами для того, чтобы только спасти Россію отъ смутъ и безполезной войны. Мы должны желать только того, чтобы Правительство не вмѣшало насъ въ войну по какой-нибудь прихоти или по дружбѣ къ какому-нибудь Шведскому или . . . королю; чтобы оно не пошло давить нашихъ Словенъ вмѣстѣ съ Нѣмцами; чтобы оно *не возмущало народъ ложными слухами о свободѣ и не вводило бы никакихъ новыхъ законовъ, покуда утишатся и объяснятся дѣла на Западѣ, чтобы, напримѣръ, оно не дѣлало инвентарей къ помѣщичьимъ имѣніямъ, что волнуетъ умы несбыточными предположеніями*; чтобы оно не позволяло фабрикамъ безъ всякой нужды заводиться внутри городовъ и особенно столицъ, когда они съ такою же выгодою могутъ стоять за нѣсколько верстъ отъ заставы, и пр. и пр. Впрочемъ всего въ письмѣ не перескажешь.

20.

В. А. ЖУКОВСКОМУ *).

(1849 г. весна).

Когда я получилъ и прочелъ письмо Ваше, душа моя не наполнилась, а переполнилась чувства живой и сладкой благодарности. Впрочемъ не знаю, такъ ли назвать это чувство. Мнѣ кажется, не меньше согрѣло бы мнѣ сердце, если бы я узналъ, что Вы сдѣлали для другаго то, и такъ, какъ это сдѣлали для меня. Вы перервали Вашу лю-

---

*) Съ подлинника. Было напечатано въ *Рус. Арх.* 1909 кн. 4.

бимую работу надъ Одиссеей, которая приближалась уже къ концу, для того, чтобы говѣть на Страстной недѣлѣ свободно отъ всѣхъ постороннихъ занятій. Но въ это время, получивъ мое письмо, Вы ни на минуту не усумнились нарушить Вашъ святой шабашъ для того, чтобы просить о моемъ сынѣ. Благодарю Того, Кто далъ мнѣ щастье быть близко Васъ, и отъ всей души прошу Его, чтобы Онъ заплатилъ на Вашихъ дѣтяхъ то, что̀ Вы сдѣлали для моего сына, и чтобы мой сынъ, о которомъ Вы ходатайствовали какъ о собственномъ, помнилъ въ теченіе жизни своей быть достойнымъ этаго. Письма Ваши я отправилъ на другой же день въ Петербургъ и по Вашему совѣту написалъ къ Броневскому. Теперь получилъ уже отъ него отвѣтъ, что Принцъ согласился на Вашу просьбу о несчитаніи моему сыну 9-ти мѣсяцевъ препятствіемъ для вступленія въ 4-й классъ Лицея, но, что касается до принятія его на казенный коштъ, то это зависитъ отъ Высочайшей воли и принадлежитъ только дѣтямъ генераловъ и чиновниковъ не ниже 4-го класса. Первое для насъ самое важное; а второе, кажется, лучше такъ, какъ случилось. Чувствуя всю доброту Вашей просьбы объ этомъ, я думаю однако, что хотя точно состояніе наше ограничено, но все намъ легче будетъ платить за сына какъ другіе, чѣмъ пользоваться не заслуженно такаго рода милостію. Впрочемъ письмо Ваше и въ этомъ отношеніи было не безполезно. Получивъ его, я далъ прочесть сыну: онъ былъ имъ глубоко тронутъ и вѣроятно навсегда сохранитъ то сознаніе, что, просивъ за него милости, Вы этимъ какъ бы ручались за него, слѣдовательно, кромѣ другихъ причинъ, уже и по этому на него легла обязанность соотвѣтствовать Вашему ручательству своимъ внутреннимъ настроеніемъ честно. Случайный же результатъ просьбы есть уже дѣло постороннее для его внутренней обязанности. Кто знаетъ? Можетъ быть придетъ время, когда это сознаніе послужитъ къ тому, чтобы подкрѣпить его внутренніе карантины противъ той нравственной заразы, отъ которой теперь гніетъ Европа, этой Французской болѣзни, отъ которой у бѣднаго Западнаго человѣка уже провалилось небо; хотя я и надѣюсь, что эта болѣзнь до насъ не коснется, или, если коснется, то какаго нибудь несущественнаго края нашего общества. Грустно видѣть, какимъ лукавымъ, но неизбѣжнымъ и праведно насланнымъ безуміемъ страдаетъ теперь человѣкъ на Западѣ. Чувствуя тьму свою, онъ, какъ ночная бабочка, летитъ на огонь, считая его солнцемъ. Онъ кричитъ лягушкой и лаетъ собакой, когда слышитъ Слово Божіе. И этаго испорченнаго, эту кликушу, хотятъ отчитывать—по Гегелю! Теперь еще вдвое тяжеле, чѣмъ прежде, знать Васъ тамъ, подъ гнетомъ тяжелой необходимости жить посреди этихъ людей и далеко отъ отечества. Я понимаю, что никакія цѣпи изгнанія не могутъ быть мучительнѣе цѣпей болѣзни того существа, въ которомъ не только соединилось все милое сердцу, но вмѣстѣ и всѣ ближайшія обязанности священнаго долга охранять и беречь. Прошу Бога отъ

всей души, чтобы Онъ скорѣе утѣшилъ Васъ здоровьемъ Вашей жены и тѣмъ далъ Вамъ возможность возврата. Здѣсь не только слово Ваше, но и самое присутствіе было бы полезно въ текущую многозначительную минуту. Оттуда Вамъ дѣйствовать почти невозможно. Ваша брошюра и письмо къ Вяз. какъ ни прекрасно написаны, какъ ни хвалились въ журналахъ, но вѣрно написались бы не такъ, если бы Вы были здѣсь, и потому того дѣйствія, которое должно имѣть Ваше слово на Русскихъ читателей, они произвести не могли. Одиссея совсѣмъ другое дѣло. Она внѣ временъ, и Вашъ переводъ ея есть важное событіе въ исторіи нашей словесности. Она внѣ временъ, потому что принадлежитъ всѣмъ временамъ равно, исключая однакоже нашего, потому что наше внѣ обыкновеннаго порядка, и внѣ всякой умственной и литературной жизни. Оттого и она не могла явиться у насъ въ той силѣ, которая ей принадлежитъ надъ нормальнымъ состояніемъ человѣческаго ума. Дѣйствіе ея на литературу нашу должно быть великое, но медленное, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ будетъ менѣе ново, чѣмъ болѣе она будетъ читаться. Таковъ самый характеръ ея красоты. Это не блескъ страсти, не электрическая и ослѣпительная молнія въ темную ночь; но ясный взглядъ высокаго и испытаннаго разума на богатую и глубокую природу; свѣтлый и тихій вечеръ, таинственный отдаленностью горизонта. Извѣстіе, что переводъ Вашъ уже почти конченъ, удивило и обрадовало всѣхъ насъ. Я, признаюсь Вамъ, не воображалъ Гомера въ той простотѣ, въ той неходульной поэзіи, въ какой узналъ его у Васъ. Каждое выраженіе равно годится въ прекрасный стихъ и въ живую дѣйствительность. Нѣтъ выдающагося стиха, нѣтъ хвастливаго эпитета; вездѣ ровная красота правды и мѣры. Въ этомъ отношеніи, я думаю, онъ будетъ дѣйствовать не только на литературу, но и на нравственное настроеніе человѣка. Неумѣренное, необузданное слово въ наше время, кажется мнѣ, столько же выражаетъ, сколько и производитъ необузданность сердечныхъ движеній. Есть однакоже нѣкоторыя вещи въ Вашей Одиссеѣ, которыя мнѣ кажутся ниже ея общаго уровня. Я замѣтилъ ихъ для того, чтобы поговорить съ Вами при свиданіи, и могъ ихъ замѣтить потому, почему на бѣлой бумагѣ можно замѣтить малѣйшую пылинку. Эти пылинки заключаются не въ выраженіяхъ, которыя кажутся мнѣ удивительнымъ совершенствомъ, но въ перестановкѣ словъ, которая иногда кажется мнѣ болѣе искусственной, чѣмъ могла бы быть, особливо и только сравнительно съ общею естественностью. Впрочемъ написавши это, я чувствую, что довольно странно выходитъ: мнѣ говорить Вамъ о недостаткахъ Вашего слога. Утѣшаюсь только тою мыслію, что можетъ быть Вы, выслушавши всѣ толки званыхъ и незваныхъ судей, между кучею вздора найдете что-нибудь дѣльное, и въ такомъ случаѣ второе изданіе Вашей Одиссеи будетъ еще совершеннѣе. Если же изо всѣхъ замѣчаній не найдете ничего дѣльнаго для себя, то тѣмъ полезнѣе будетъ для меня слышать

Ваше мнѣніе. Обнимаю Васъ отъ всей души, за себя, за жену, за сына и всю семью. Отъ маменьки уже болѣе недѣли не получалъ извѣстій. По послѣднему письму здоровье ея было довольно хорошо.

Вашъ Иванъ Кирѣевскій.

21.

А. П. КОШЕЛЕВУ *).

29 Февраля 1851.

Въ послѣднемъ письмѣ твоемъ, любезный другъ Кошелевъ, ты объявляешь мнѣ о твоемъ отъѣздѣ за границу, а между тѣмъ адреса своего туда мнѣ не приложилъ, хотя пишешь, что отъ меня письмо ожидаешь въ Генварѣ. Теперь только узналъ я, что ты уже возвратился, и спѣшу отвѣчать на твое письмо вопросомъ: какое новое впечатлѣніе произвела на тебя Германія? Каждое живое замѣчаніе твое было бы драгоцѣнною новостью для меня, зарытаго въ Бѣлевскихъ снѣгахъ и слушающаго только свистъ Бѣлевской мятели, подъ музыку которой разсуждаетъ попъ о нравственныхъ качествахъ его дьячка и дьякона. Мнѣ сдается однако, что на Западѣ должны быть какіе нибудь признаки новой, начинающейся эпохи: новыя потребности умовъ, новый взглядъ на вещи, новыя ожиданія,—однимъ словомъ перемѣна въ убѣжденіяхъ такаго роду, какой не было за годъ прежде. Слава Богу, что ты почитаешь теперешнее время неблагопріятнымъ для того, чтобы хлопотать о твоемъ любимомъ вопросѣ. Дай Богъ, дай Богъ, чтобы онъ не трогался до тѣхъ поръ, пока у насъ не измѣнится направленіе умовъ, покуда Западный духъ не перестанетъ господствовать въ нашихъ понятіяхъ и въ нашей жизни, такъ, что остается еще Русскимъ то что стоитъ, а все что движется, подвигается къ Нѣмечинѣ. Покуда мы идемъ и ведемся по этой дорогѣ, дай Богъ чтобы у насъ дѣлалось какъ можно меньше перемѣнъ, особенно перемѣнъ существенныхъ. Я говорю это отъ полнаго убѣжденія ума, съ живою любовью къ Россіи, съ надеждою ей такаго величія и благоденствія, какое и не снилось Западнымъ народамъ, но вмѣстѣ и съ мучительнымъ страхомъ, что какое нибудь преждевременное и самолюбивое переобразованіе испортитъ дѣло самороднаго развитія. Что надѣетесь вы сдѣлать вашими криками? Неужели вы думаете, что какое нибудь важное дѣло можетъ сдѣлаться хорошо, когда оно будетъ дѣлаться въ Западномъ духѣ? Конечно, криками и толками можно вызвать дѣло, но не то, какаго вы желаете, а то, отъ котораго будетъ плакать Русскій человѣкъ и вы и само правительство. Если правительство обманется до того, что ваши

*) Съ подлинника. Было напечатано въ *Рус. Арх.* 1909 кн. 5.

крики приметъ за выраженіе общаго мнѣнія, то перемѣну сдѣлаетъ, только не ту и не такъ, какъ вы желаете. Вы хотите эмансипаціи крестьянъ,—вамъ дадутъ инвентари, и дѣло будетъ испорчено навсегда. Родится небывалый антагонизмъ между сословіями, и тогда, чѣмъ это кончится, страшно и подумать. Когда спорное начало ляжетъ въ основаніе зданія, то трещина не остановится, покуда все зданіе разсядется. Сохрани Богъ отъ этого! Тѣмъ горячѣе говорю я: сохрани Богъ! что думаю, или сказать откровенно, убѣжденъ вполнѣ, что не пройдетъ десяти или много пятнадцати лѣтъ, какъ направленіе умовъ у насъ должно измѣниться совершенно. Я говорю о низшихъ и о высшихъ умахъ. Вмѣсто Нѣмецкаго раціональнаго, переобразовательнаго духа, духъ Православно-Русскій проникнетъ всѣ наши убѣжденія и дѣйствія. И правительство будетъ тогда увѣреннѣе въ своей силѣ, и народъ пойдетъ прямѣе и спокойнѣе въ своемъ развитіи,—и тогда Божіе благословеніе будетъ на каждомъ дѣлѣ улучшенія. Между тѣмъ какъ теперь каждая попытка улучшенія производитъ только новый безпорядокъ. Потому теперь покуда мое желаніе одно: чтобы насъ оставили въ томъ положеніи, въ какомъ мы находимся,—хорошо ли оно, дурно-ли,—только бы не тревожили перемѣнами и, что еще важнѣе, не тревожили бы угрозами перемѣнъ, которыя производятъ нравственное разстройство хуже разстройства фактическаго. А что образъ мыслей всего нашего образованнаго класса долженъ перемѣниться въ самомъ непродолжительномъ времени и отъ Нѣмецкаго раціональнаго духа обратиться къ Русско-Православному, эта истина можетъ быть очевидно доказана для всякаго, кто вникалъ въ развитіе Западнаго просвѣщенія и въ исторію Русскаго. Въ границахъ письма конечно этого изложить нельзя. Я и такъ уже наговорилъ много, и кажется слишкомъ много. Обнимаю тебя и жду твоего отвѣта. Жена моя тебѣ кланяется. Извѣсти насъ о здоровьѣ твоей жены и твоихъ дѣтей. Мы на это время нѣсколько безпокоимся объ Васѣ, отъ котораго давно не получали писемъ.

Твой И. К.

P. S. Протасьевъ до сихъ поръ еще денегъ процентныхъ не прислалъ. Если имѣешь съ нимъ сношенія, то напомни ему.—Диссертацію Кудрявцева, когда прочтешь самъ, то пожалуйста пришли. Мнѣ будетъ очень любопытно ее видѣть, и я возвращу скоро.

22.

ЕМУ-ЖЕ *).

(*Вѣроятно, весна 1851 г.*)

Письмо твое, любезный другъ Кошелевъ, возбудило во мнѣ самое живое любопытство, такъ что несмотря на мои ежедневные видимые

*) Съ подлинника. Было напечатано въ *Рус. Арх.* 1909 кн. 5.

успѣхи въ *прилежаніи* (жена говоритъ, будто я похитилъ это слово у нея, но я почитаю его моею собственностію, потому что, хотя оно изобрѣтено ею, однако посвящено было собственно моей особѣ), несмотря на мое прилежаніе я пишу къ тебѣ нарочно для того, чтобы просить тебя изложить мнѣ подробнѣе твои планы и дѣйствія относительно предпринимаемыхъ тобою новыхъ мѣръ хозяйственнаго переобразованія. Я знаю, что если ты что нибудь предпримешь важное, то это будетъ не легкомысленно обдумано, и потому сообщеніе твоихъ мыслей объ этомъ центральномъ вопросѣ нашего времени, будетъ для меня не только любопытно, но можетъ быть и полезно. Я съ удовольствіемъ поспѣшу перенять у тебя то, что найду для себя удобоисполнимымъ и согласнымъ съ моими понятіями объ этомъ предметѣ. Начиная съ дворовыхъ, я желалъ бы знать, откупаются ли они у тебя, или отпускаешь ты ихъ по контрактамъ? Въ первомъ случаѣ я желалъ бы знать, по скольку они тебѣ платятъ? а во второмъ, какаго рода эти контракты, и какую гарантію имѣешь ты для ихъ исполненія? Также прошу тебя сказать мнѣ, какимъ образомъ поступаешь ты съ тѣми, которые не хотятъ идти на волю или не могутъ, по лѣтамъ, по здоровью и пр..

Въ отношеніи къ крестьянамъ я совершенно раздѣляю твою мысль, что легче ихъ сдѣлать свободными, чѣмъ обязанными. И не только легче, но и выгоднѣе для обѣихъ сторонъ и для цѣлаго государства. Права̀ будутъ яснѣе и послѣдствія перемѣны существеннѣе. Но на какомъ основаніи думаешь ты это сдѣлать? Мое мнѣніе въ этомъ случаѣ таково, что такъ какъ ихъ отпустить безъ земли не позволитъ правительство, ни Опекунскій Совѣтъ, а дать имъ пятидесятинную пропорцію земли было бы совершенное разореніе помѣщика, то остается одно средство: дать имъ нѣкоторое количество земли вмѣстѣ съ переводомъ на нихъ нѣкоторой части долга Опек. Сов. Десятинная пропорція на душу кажется будетъ въ этомъ случаѣ очень достаточное количество, ибо оно будетъ довольно важною поддержкою для крестьянина, и вмѣстѣ поставитъ его въ необходимость искать посторонней работы, безъ чего всѣ поля помѣщиковъ остались бы необдѣланными, по извѣстному свойству Русскаго народа искать работы только до тѣхъ поръ, покуда она необходима для его пропитанія. Какая же часть долга Опек. Сов. должна за то лежать на крестьянахъ? Мнѣ кажется, справедливѣе всего было бы въ этомъ случаѣ: во первыхъ, взять въ соображеніе тѣ цѣны, за которыя продается обыкновенно душа на свозъ въ той или другой губерніи, и потомъ къ этой цѣнѣ прибавить пятую часть долга, выдаваемаго на пятидесятинную пропорцію. Напримѣръ: Опекунскій Совѣтъ выдаетъ на душу съ пятью десятинами земли въ N губерніи 75 руб. сер.. Въ той же губерніи душа на свозъ продается обыкновенно за 25 руб. сер.; слѣдовательно, къ 25 прибавить $^1/_5$ часть долга, будетъ 25+15=40 руб. сер. Эту сумму долженъ Опекунскій Совѣтъ перевести на крестьянъ, или выдать помѣщику, когда имѣніе не заложено.

Но здѣсь представляется другой вопросъ: въ состояніи ли будутъ крестьяне платить ежегодно Опекунскому Совѣту 6-ть процентовъ съ 140 руб., т. е. 8 руб. 40 к. ассигнаціями? И какія средства можетъ употребить Опек. Сов. въ случаѣ неуплаты? Очень бы любопытно мнѣ было слышать это отъ тебя; а я, признаюсь тебѣ, нахожусь въ недоумѣніи. Къ тому же на кого въ этомъ случаѣ лягутъ подушныя и земскія повинности? Справедливѣе всего было бы на землю; но какъ это сдѣлать прежде кадастра? Въ другомъ отношеніи кажется мнѣ это дѣло не менѣе затруднительнымъ, т. е. въ отношеніи къ общему порядку вещей у насъ въ Россіи. Ибо нѣтъ сомнѣнія, что освобожденные крестьяне будутъ не только разорены, но вмѣстѣ и развращены въ самое короткое время, съ помощью кабаковъ, приказныхъ и пр. и пр. Тогда кто ручается тебѣ, что твои лѣса не будутъ вырублены, твои луга потравлены, твой хлѣбъ увезенъ въ копнахъ, твои лошади уведены съ пастбища и пр. и пр.? Безпрестанно относиться къ Земскому Суду было бы можетъ быть возможно для откупщика, какъ ты; но для помѣщиковъ вообще это было бы тоже, что сдѣлать становаго своимъ хозяиномъ, т. е. разориться самому и разорить совершенно крестьянъ. Къ тому же, когда не одинъ, но всѣ помѣщики въ уѣздѣ освободятъ крестьянъ своихъ, то 50 становыхъ не будутъ имѣть физической возможности изслѣдывать всѣ дѣла, которыя будутъ ежеминутно возникать между крестьянами и помѣщиками. При томъ не надобно забыть и то обстоятельство, что если такое переобразованіе сдѣлается всеобщимъ, то вѣроятно освобожденные крестьяне поступятъ въ вѣдѣніе какаго нибудь особаго министерства, и слѣдовательно при каждомъ дѣлѣ съ ними нуженъ будетъ особый депутатъ со стороны этого министерства; а что значатъ эти депутаты и какъ легко имѣть съ ними дѣло, можемъ мы видѣть изъ депутатовъ Государственныхъ Имуществъ.

Обнимаю тебя дружески и ожидаю скораго отвѣта.

Я получилъ изъ Новосильской конторы 828 р. и послалъ туда росписку.

Твой И. К.

Милостивую Государыню Ольгу Ѳедоровну сердечно благодарю за ея дружескую приписку, цѣлую ея ручки и радуюсь знать, что она благополучно возвратилась изъ чужихъ краевъ. Но особенно былъ бы я ей благодаренъ, если бы ей Богъ вложилъ добрую мысль и на этотъ разъ написать что нибудь о себѣ, но только нѣсколько поподробнѣе того, что она приписала въ прошедшемъ письмѣ Котелева. Жена моя кланяется вамъ обоимъ. Вася ожидаетъ обѣщаннаго письма отъ Вани, о здоровьѣ котораго вы ничего не сказали.

23.

КМУ-ЖЕ *).

10 іюля (вѣроятно 1851).

Вотъ это, можно сказать, что поступокъ истинно-пріятельскій, любезный другъ мой! Написать три письма, не утѣшаться самодовольно своимъ превосходствомъ, но написать еще четвертое, чтобы разбудить спящаго или откладывающаго лѣнивца—это такое дѣло, такой подвигъ, который оцѣнить вполнѣ, можетъ-быть, могу только я. Впрочемъ я виноватъ не такъ много, какъ тебѣ можетъ казаться. Первое письмо твое было коротенькое, въ которомъ ты только обѣщалъ другое, длинное. Этого длиннаго я дожидался очень долго, а наконецъ, когда получилъ его, то увидѣлъ, что на него отвѣчать по почтѣ было бы слишкомъ длинно и слишкомъ много надобно бы было платить за пересылку. Скоро послѣ того я получилъ твое третье письмо, въ то самое время, когда я отправился встрѣчать сына въ Калугу, гдѣ жена моя сдѣлалась больна, а я возвратился если не съ болѣзнею, то, по крайней мѣрѣ, съ жестокою зубною болью, мучившею меня почти до этого дня.— *20 іюля.* Меня перервали на цѣлую недѣлю кое-какія дѣла и заботы. Спѣшу возвратиться къ начатому письму. Прежде всего скажу тебѣ, милый другъ мой, что теперешнее настроеніе твоего духа радуетъ меня болѣе, чѣмъ я могу выразить. Благодарю Бога за тебя и надѣюсь отъ тебя многаго. Я давно зналъ, что ты пойдешь по этой дорогѣ, и ждалъ тебя тѣмъ съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ, что человѣкъ какъ ты именно необходимъ въ наше время. Ты спрашиваешь у меня совѣта о томъ, что тебѣ читать. Но изъ того, что ты читаешь, я вижу, что ты въ этомъ совѣтѣ не нуждаешься и самъ собираешь себѣ настоящую пищу. Если ты находишь наслажденіе въ чтеніи Василія Великаго, Златоуста и Тихона Воронежскаго, то нѣтъ сомнѣнія, что ты прочтешь всѣхъ святыхъ отцовъ, переведенныхъ на славянскій языкъ, ибо на западныхъ языкахъ они искажены и, большею частью, въ тѣхъ именно мѣстахъ, которыя самыя существенныя для утвержденія на прямомъ пути человѣка, который стремится къ Восходу отъ Запада. Но ты спрашиваешь меня, кого читать прежде, кого послѣ, и я долженъ признаться тебѣ, что этотъ простой вопросъ меня затруднилъ. Это чтеніе, чтобы принести настоящую пользу, должно быть сообразно особому устроенію каждаго человѣка. Со мной было такъ, что прежде, чѣмъ я усвоилъ себѣ основное и общее, я хватался за высшее, приличное только совершеннымъ и опытнымъ мужамъ, и признаюсь тебѣ, что этимъ самомнѣніемъ я порализировалъ свои силы, воспиталъ въ

---

*) Колюпановъ, *Біографія А. И. Кошелева*, т. II, Прилож., стр. 101.

себѣ именно ту раздвоенность, которой уничтоженіе составляетъ главную цѣль духовнаго умозрѣнія. Задѣлывать трещину въ построенномъ зданіи труднѣе, чѣмъ класть новое. Потому, любезный другъ, не мнѣ давать тебѣ совѣтъ, а, напротивъ, тебѣ слѣдуетъ поддержать меня своимъ сочувствіемъ, или, лучше сказать, тою взаимностію сочувствія, которая удвоиваетъ силы. Изъ всего нашего круга у тебя мысль и дѣло ближе всѣхъ срослись между собою. Этого именно намъ недоставало прежде тебя. Впрочемъ, именно по этому свойству твоему, малѣйшее уклоненіе для тебя тѣмъ опаснѣе, какъ ошибка на войнѣ опаснѣе ошибки въ маневрахъ. Потому для тебя существеннѣе всякихъ книгъ и всякаго мышленія—найти святаго православнаго старца, который бы могъ быть твоимъ руководителемъ, которому ты могъ бы сообщать каждую мысль свою и услышать о ней не его мнѣніе, болѣе или менѣе умное, но сужденіе святыхъ отцовъ. Такіе старцы, благодаря Бога, еще есть въ Россіи, и если ты будешь искать искренно, то найдешь. Они есть и въ Москвѣ, только, разумѣется, не въ бѣломъ духовенствѣ.

Что касается до исторіи церкви, то, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ ни одного удовлетворительнаго руководства. Иннокентій, какъ ты справедливо замѣтилъ, больше годится для справокъ, чѣмъ для чтенія,—хотя и для справокъ онъ не довольно полонъ. Флери многое искажалъ, какъ папистъ, съ намѣреніемъ, а еще больше искажалъ по незнанію, потому что на Западѣ даже самые добросовѣстные ученые не знаютъ исторіи православной церкви,—такъ она переиначена пристрастными свидѣтельствами папистовъ. Неандеръ—человѣкъ вѣрующій по сердцу, но сбитый съ пути въ умственныхъ понятіяхъ. Онъ хочетъ быть безпристрастнымъ и представляетъ факты довольно вѣрно, но выводитъ изъ нихъ заключенія ложныя. Впрочемъ, при повѣркѣ его другими, онъ можетъ сообщить настоящіе матеріалы для составленія въ умѣ исторіи церкви. Гфререр просто не христіанинъ. Онъ пишетъ, кажется, для того только, чтобы отличиться оригинальностью взглядовъ,—нѣмецкій Полевой. За то книга его читается легко, умна, краснорѣчива, но сбивчива. Достань еще Мосгейма: это старинный протестантъ, который глухъ на одно ухо, но ученъ и уменъ. Его книга своею наружною формою служила образцомъ для Иннокентія. Краткая ручная книга *Haase* также можетъ служить для справокъ. Тому лѣтъ 20 она была очень любима многими нашими духовными лицами, особенно вышедшими изъ Петербургской академіи, несмотря на то, что Гаазе самъ человѣкъ почти невѣрующій! Краткая исторія первыхъ 4-хъ вѣковъ Муравьева читается легко и для первоначальнаго обозрѣнія довольно удобна. Монографій, разумѣется, больше, чѣмъ исторій. Достань Аѳанасія Великаго, Möhler'a, Іоанна Златоустаго, Неандера, „Правду русской церкви“ Муравьева (книга очень хорошая), исторію Флорентинскаго собора, которую очень хвалятъ, но я ее еще не читалъ.

Богословіе Макарія мнѣ извѣстно не вполнѣ, т.-е. я знаю его Введеніе и первую часть Богословія. Второй еще не имѣю. Въ первой части есть вещи драгоцѣнныя, именно опроверженіе Filioque, особенно драгоцѣнныя по выпискамъ Зверникава, котораго книги достать нельзя, хотя, говорятъ, она была у насъ напечатана. Но *Введеніе* Макарія мнѣ очень не нравится, какъ по сухости школьнаго слога, такъ и по нѣкоторымъ мнѣніямъ несогласнымъ съ нашею церковью, — напримѣръ о непогрѣшимости іерархіи, какъ будто Духъ Святый является въ іерархіи отдѣльно отъ совокупности всего христіанства. Достань Богословіе Антонія Кіевскаго. Тамъ языкъ хуже и тоже много ошибокъ, но есть и хорошее. Впрочемъ, если сказать правду, то удовлетворительнаго Богословія у насъ нѣтъ. Лучшимъ введеніемъ къ нему можетъ служить *Духовный Алфавитъ*, напечатанный въ сочиненіяхъ Димитрія Ростовскаго подъ его именемъ, и еще проповѣди митр. Филарета. Тамъ много бриллiантовыхъ камушковъ, которые должны лежать въ основаніи Сіонской крѣпости. Впрочемъ, мнѣ кажется, что въ теперешнее время, когда такъ запутаны христіанскія понятія отъ западныхъ искаженій, вросшихся въ истинное ученіе въ продолженіе тысячелѣтія и ослѣпившихъ не только умъ нашъ, но и сердце, такъ что мы, даже читая древнихъ святыхъ отцевъ, подкладываемъ имъ собственныя понятія и не замѣчаемъ того, что̀ не согласно съ западнымъ ученіемъ,—въ наше время, говорю я, всего ближе къ цѣли было бы составить такое введеніе въ Богословіе, въ которомъ бы объяснилось все различіе православнаго ученія отъ Римскаго не только въ основныхъ догматахъ, но и во всѣхъ ихъ выводахъ. Зная это различіе, мы читали бы святыхъ отцовъ съ полнымъ сознаніемъ ихъ истинности.

Прощай, милый другъ! Спѣшу окончить, чтобы не заставить тебя еще больше дожидаться моего письма. Жена моя тебѣ кланяется. Сынъ кланяется твоему. Мы ѣдемъ въ началѣ августа въ Москву провожать Васю. Если ты будешь въ Москвѣ проѣздомъ, то авось увидимся.

Въ сборникѣ нашемъ, разумѣется, я буду участвовать, если только онъ состоится. Но мнѣ кажется, что ты разсчитывалъ безъ хозяина, т.-е. безъ цензора, который, какъ говорятъ, мараетъ съ плеча, и мараетъ все, но особенно то, гдѣ есть мысль, и особенно мысль, которая могла бы быть полезна. Впрочемъ попробуй.

24.

ОПТИНСКОМУ СТАРЦУ МАКАРІЮ *).

(1852 г.).

Милостивый Государь, сердечно уважаемый Батюшка! Это письмо, вѣроятно, придетъ къ Вамъ въ Свѣтлый праздникъ: потому прошу

*) Напечат. въ „Историч. описаніи Козельской Оптиной пустыни“, 1902 г., стр. 182.

Васъ принять мое искреннее поздравленіе вмѣстѣ съ радостнымъ привѣтствіемъ: Христосъ воскресе!—Я вчера отправилъ къ Вамъ по почтѣ мою статью, съ перерывомъ въ серединѣ (ибо эти листы были въ типографіи), и не успѣлъ притомъ написать къ Вамъ ни слова. Я прошу Васъ, Милостивый Батюшка, когда Вы будете по благосклонности Вашей ко мнѣ читать статью мою, то возьмите на себя еще и тотъ трудъ, чтобы исправить въ ней то, что Вы найдете требующимъ исправленія. Каждое замѣчаніе Ваше будетъ для меня драгоцѣнно. Въ томъ пропускѣ, который я не могъ прислать къ Вамъ, находятся мои разсужденія о просвѣщеніи западномъ. Я показываю, что оно вышло изъ трехъ источниковъ: изъ Рима языческаго, изъ Римской церкви и изъ насилій завоеванія, и что всѣ три источника эти направляли Западнаго человѣка къ наружности, и къ предпочтенію разсудка (который разбираетъ внѣшнюю сторону мысли и формальное сцѣпленіе понятій) передъ разумомъ, который стремится къ цѣльной истинѣ. Потому, я думаю, для Васъ понятна будетъ моя мысль и не смотря на пропускъ. Для меня же особенно важны будутъ Ваши замѣчанія о томъ, что я говорю о Св. Отцахъ Восточной Церкви, и о Россіи, какъ она была въ древнія времена.—Хотя я думаю, что говорю истину, однако же чувствую въ тоже время, что судить объ этомъ могутъ только такіе люди, какъ Вы. А мнѣ не хотѣлось бы сказать ничего неистиннаго, или невѣрнаго, особливо объ ученіи Св. Отцевъ.

25.

ЕМУ-ЖЕ *).

(*1852*).

Отъ всего сердца уважаемый Батюшка!

Вчера ввечеру получили мы письмо Ваше и рукопись перевода Исаака Сирина (съ Болховскимъ купцемъ В. И. Курк.), а сегодня еще письмо по почтѣ отъ 8 Августа. Но сегодня съ самаго утра я долженъ былъ ѣздить по дѣлу нашего процесса, и потому не могъ просмотрѣть замѣчаній Вашихъ на переводъ Троицкой Академіи, и только половину Вашего перевода *1-й главы Ис. С.* успѣлъ прочесть и сличить съ переводомъ Лаврскимъ и Паусіевскимъ. До сихъ поръ мнѣ кажется, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Вы отступаете отъ перевода Лаврскаго, Вы совершенно правы и смыслъ у Васъ вѣрнѣе. Но, не смотря на это, мнѣ кажется, что переводъ Паисія все еще остается превосходнѣе, и хотя смыслъ въ немъ иногда не совсѣмъ ясенъ съ перваго взгляда, но эта неясность поощряетъ къ внимательнѣйшему изысканію, а въ другихъ мѣстахъ въ Словенскомъ переводѣ смыслъ полнѣе не только

*) Напечат. тамъ-же, стр. 175.

отъ выраженія, но и отъ самаго оттѣнка слова. Напримѣръ: у Васъ сказано: „сердце, вмѣсто Божественнаго услажденія увлечется въ служеніе чувствамъ“. Въ словенскомъ переводѣ: „разсыпается бо сердце отъ сладости Божія въ служеніе чувствъ“. Слово: разсыпается отъ сладости, можетъ и неправильно по законамъ наружной Логики, но влагаетъ въ умъ понятія истинныя, и между прочимъ оно даетъ разумѣть, что сладость Божественная доступна только цѣльности сердечной, а при несохраненіи этой цѣльности сердце служитъ внѣшнимъ чувствамъ.—Также выраженіе: „иже истиннаго сердца своего упѣломудряетъ видѣніе ума слова“, даетъ не только понятіе о *исправленіи* сердечномъ, но еще и о томъ, что пожеланіе нечистое есть *ложь сердца*, которою человѣкъ самъ себя *обманываетъ*, думая желать того, чего въ самомъ дѣлѣ не желаетъ.— Впрочемъ, можетъ быть я вижу въ этихъ выраженіяхъ и излишнее; главное было въ прямомъ смыслѣ, а оттѣнка вещь посторонняя.—Прочтя все слово и всѣ замѣчанія, я сообщу Вамъ мое мнѣніе, потому что Вы приказываете мнѣ это сдѣлать.— Митрополиту думаемъ мы отвезти Ваши рукописи завтра, если Богу будетъ угодно.—О вопросѣ Вашемъ: можно-ли писать по русски: *отъ того же къ тому же*, Н. П. уже сообщила мнѣніе Митрополита. Я же думалъ, что написать Вамъ въ послѣднемъ письмѣ, что никакъ не вижу почему бы нельзя было сказать этого. По моему мнѣнію это столько возможно по Русски, сколько и по Словенски. Сомнѣніе Ваше о томъ, не повредитъ ли нѣкоторымъ то мнѣніе, которое Ис. Сиринъ имѣлъ о положеніи земли, если это мнѣніе оставить безъ примѣчанія,— я представлю на разсужденіе Митрополита, также какъ и то, что Вы изволите писать о переводѣ слова *разумъ*. Я съ своей стороны въ этомъ послѣднемъ случаѣ совершенно согласенъ съ Вами.—Что же касается до того, что Вы изволите писать мнѣ, чтобы я вникъ и *уразумѣлъ* и сказалъ Вамъ свое мнѣніе (!) о той, не совсѣмъ понятной, матеріи, которая заключается между 16 и 20 стр. 28-го листа на оборотѣ, то это приказаніе Ваше не потому удивило меня, что требовало отъ меня объясненія для Васъ! но потому показалось мнѣ поразительнымъ, что въ самомъ дѣлѣ Богъ устроилъ такъ, что я могу Вамъ сообщить на это отвѣтъ. Ибо тому 16 лѣтъ, когда я въ первый разъ читалъ Исаака Сирина, Богу угодно было, чтобы я именно объ этомъ мѣстѣ просилъ объясненія у покойнаго о. Филарета Новоспасскаго, который сказалъ мнѣ, что это мѣсто толкуется такъ, что подъ словомъ „Главо и основаніе всея твари,“ понимается Михаилъ Архангелъ.—Видно надобно было о. Филарету передать это Вамъ; но какъ Вы не были тогда при немъ, то Богъ вложилъ мнѣ въ мысль, спросить его именно объ этомъ.—Спѣшу, чтобы письмо мое попало на почту хотя со штрафомъ. Испрашиваю Вашихъ Св. молитвъ и Св. благословенія, и съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію остаюсь Вашъ покорный слуга и духовный сынъ И. К.

26.

ЕМУ-ЖЕ *).

28 Іюля 1853 г.

Искреннолюбимый и уважаемый Батюшка! Еще нынѣшнею весною зашелъ ко мнѣ одинъ разъ старинный мой знакомый, Нѣмецкій пасторъ Зедергольмъ, и привелъ ко мнѣ познакомить своего сына, Карла, который, тому года два, вышелъ изъ Университета однимъ изъ первыхъ кандидатовъ, и о которомъ его отецъ говоритъ, что онъ былъ бы дѣльнѣе другихъ его дѣтей, если бы только не былъ слабаго здоровья.—Этотъ молодой человѣкъ, вскорѣ послѣ перваго знакомства, открылся мнѣ, что чувствуетъ превосходство нашего вѣроисповѣданія предъ лютеранскимъ и даже не прочь отъ того, чтобы принять нашу вѣру. Однако же, это онъ надѣется сдѣлать со временемъ, а прежде отправляется въ Смоленскую губернію на нѣсколько мѣсяцевъ, а потомъ думаетъ ѣхать путешествовать въ Грецію, и, можетъ быть, тамъ совершитъ это дѣло. Я совѣтовалъ ему это дѣло не откладывать, если онъ уже убѣжденъ, а лучше поѣхать въ Грецію уже Православнымъ. Но чтобы болѣе узнать нашу церковь и окончательно укрѣпить свои убѣжденія, я совѣтовалъ ему поѣхать къ Вамъ въ Оптинъ. Онъ принялъ мой совѣтъ и хотѣлъ поѣхать къ Вамъ послѣ пребыванія въ Смоленской губерніи, а между тѣмъ будетъ подготовлять свое семейство къ этому поступку, который тѣмъ тяжелъ долженъ быть для его отца, что онъ самъ пасторъ, и кромѣ того еще страдалъ за свою вѣру, ибо отставленъ отъ своихъ должностей именно за то, что въ проповѣдяхъ своихъ не совѣтовалъ Нѣмцамъ перемѣнять свою вѣру на нашу. Теперь, тому дней десять, онъ возвратился изъ Смоленской губ., и сообщилъ мнѣ, что отецъ его, наконецъ, если не благословляетъ его на это дѣло, то и не противится ему, но предоставляетъ полную свободу поступить по своему убѣжденію, требуя только, чтобы онъ прежде повидался съ нимъ, въ деревнѣ близъ Серпухова, гдѣ онъ проводитъ лѣто. Потому молодой Зедергольмъ хотѣлъ ѣхать къ отцу, а потомъ къ Вамъ. Но между тѣмъ, оставаясь еще нѣсколько дней въ Москвѣ, просилъ меня познакомить его съ какимъ нибудь Русскимъ священникомъ, который бы могъ приготовить его еще прежде Оптина и по знакомству съ которымъ онъ могъ бы сколько нибудь узнать хорошую сторону нашего бѣлаго духовенства. Я назвалъ ему Сергѣя Григорьевича Терновскаго, какъ человѣка, котораго я хотя мало знаю лично, но о которомъ я слышалъ много хорошаго, и который вѣрно не откажется заняться съ нимъ. Въ этомъ смыслѣ я написалъ Сергѣю Григорьевичу письмо,

---

*) Напечат. тамъ-же, стр. 183.

которое онъ доставилъ самъ. Сергѣй Григорьевичъ точно занялся съ нимъ нѣсколько разъ, и произвелъ на него хорошее дѣйствіе; однако же, мнѣ поручилъ сказать съ Облеуховымъ, что почитаетъ лучшимъ кончить это дѣло здѣсь, а не ѣздить къ отцу, ни въ Оптинъ. Однако же, молодой человѣкъ не могъ и не хотѣлъ измѣнить своего обѣщанія, даннаго имъ отцу, видѣться съ нимъ прежде, чѣмъ совершитъ этотъ великій и невозвратный шагъ, и потому отправился въ Серпуховъ вчера. Оттуда же онъ поѣдетъ черезъ недѣлю къ Вамъ, если найдетъ, что не затруднительно проѣхать изъ Серпухова въ Калугу. Въ противномъ же случаѣ, онъ воротится въ Москву, и окончитъ уже это дѣло здѣсь, а къ Вамъ поѣдетъ послѣ поговѣть и познакомиться съ Вами, многоуважаемый Батюшка, и видѣть Вашу обитель, и, между прочимъ, познакомиться съ о. Іоанномъ, о которомъ я ему говорилъ, какъ о человѣкѣ, который находился нѣсколько въ подобныхъ обстоятельствахъ.—Я не боялся затруднить Васъ этимъ, Батюшка: ибо дѣло идетъ о спасеніи души.—Можетъ быть, то, *какимъ образомъ*, съ какою полнотою убѣжденій совершитъ онъ этотъ рѣшительный шагъ, рѣшитъ судьбу всей остальной его жизни. Можетъ быть, отъ этого и для другихъ его поступокъ будетъ или камнемъ назиданія или претыканія. Если же я въ этомъ случаѣ поступилъ не такъ, какъ должно было, то прошу Васъ простить мнѣ.—Имѣю честь быть Вашимъ покорнымъ слугою и духовнымъ сыномъ И. К.

27.

ЕМУ-ЖЕ *).

8 Октября 1853 г.

Въ трехъ отпечатанныхъ листахъ Максима Исповѣдника Вы изволите усмотрѣть многія перемѣны противъ рукописи. Изъ нихъ тѣ, которыя сдѣланы въ толкованіи на „Отче нашъ“, кажутся мнѣ совершенно согласными съ смысломъ перевода С. Паисія и много объясняющими темноту нѣкоторыхъ реченій. Также и примѣчанія нѣкоторыя кажутся мнѣ весьма драгоцѣнными; напр., примѣч. на стр. 16 и на стр. 25.—Въ рукописи были нѣкоторыя слова поправлены рукою самого Митрополита. Видно, что онъ занимался этимъ дѣломъ.—Но послѣ того, какъ рукопись была у Митрополита, Голубинскій сдѣлалъ нѣкоторыя прибавленія, и, кажется, напрасно. Напр., онъ вставилъ въ текстъ слова на 16 стр.: глаголя: „да пріидетъ Духъ Твой Святый и да очиститъ насъ“. Что было драгоцѣнное поясненіе въ примѣчаніи, то дѣлается порчей книги, когда вставляется въ текстъ и при-

*) Напечат. тамъ-же, стр. 185.

писываются святому Писателю такія слова, которыхъ онъ не говорилъ.—Но съ этимъ было дѣлать нечего. Однако же, другую вставку я взялъ на себя смѣлость вычеркнуть, потому что мнѣ кажется, что она можетъ навести на ложное пониманіе. Голубинскій взялъ ее изъ рукописи Латинской, изданной Бернардинскими монахами. Для чего же изъ этихъ Латинскихъ изданій брать реченія, которыхъ нѣтъ въ переводѣ Пансія, и приписывать ихъ Пансію?—это реченіе, о которомъ я говорю, находится на стр. 29. У Пансія было сказано: *ниже яко иною ину; не бо по производству отъ Единицы Троица небытна* (*несозданна*) *Суща и самоизъявна.* Голубинскій поправилъ: *ниже видѣти яко ину черезъ ину: не бо посредствуется коимъ либо соотношеніемъ тождественное и безъотносительное, акибы произведеніе къ винѣ своей относящееся; ниже яко отъ иныя ину: не бо по производству отъ Единицы Троица, незаимствовано бытіе имущи и самоизъявна Суща.*—Здѣсь, какъ Вы изволите видѣть, слова подчеркнутыя два раза у Пансія не находятся, и вставлены Голубинскимъ изъ Латинскаго изданія.—Но, державши корректуру, я думалъ, что мы не имѣемъ права приписывать Пансію то, что онъ не писалъ, и что, сомнительно даже, написалъ ли бы онъ, и было ли въ какомъ нибудь текстѣ Максима, ибо Латинскіе монахи въ такихъ случаяхъ не знаютъ совѣсти и легко присочиняютъ реченіе, чтобы приводить его въ подтвержденіе противъ ученія о Единой Винѣ Святой Троицы. Основываясь на этомъ чувствѣ, я вычеркнулъ слова, прибавленныя Голубинскимъ. Онъ можетъ ихъ поставить въ опечаткахъ, если захочетъ. Но Васъ, Батюшка, прошу сказать мнѣ, такъ ли я поступилъ, или слишкомъ самовольно?

Въ другомъ же писаніи Св. Максима, въ *Словѣ постническомъ*, Голубинскій много перемѣнилъ въ рукописи, и, кажется, очень часто понапрасну, а иногда даже поставилъ и смыслъ, какъ мнѣ кажется, неправильный; дѣлать было нечего. Потому, кажется, что рукопись была написана дурнымъ почеркомъ и съ ошибками грамматическими, онъ предъубѣдился противъ всего сочиненія, и увѣрился, что это переводъ не Пансія, а какого-то переводчика, неопытнаго ни въ Греческомъ, ни въ Русскомъ языкѣ. Мнѣ же кажется, что онъ ошибается, и что переводъ носитъ характеръ Пансіевской системы *до слова*, и что поправки Голубинскаго несовѣмъ удачны. Напр.: слово *смотреніе* онъ напрасно замѣняетъ словами *цѣль* или *намѣреніе*. Мысль, что *Господь терпѣлъ дѣйствія лукаваго изъ любви къ людямъ, которыми тотъ дѣйствовалъ.* Голубинскій неправильно, кажется, замѣнилъ другою мыслію, говоря, что Господь *наказывалъ лукаваго* любовью къ людямъ.—Не это, кажется, есть то наказаніе, которое опредѣлено лукавому. Тамъ многое Голубинскій измѣнилъ по своему предъубѣжденію. Все, однакоже, эта брошюрка съ двумя Писаніями Св. Максима есть, по моему мнѣнію, одна изъ самыхъ глубокомысленныхъ, изъ самыхъ важныхъ, изъ самыхъ полезныхъ книгъ, которыя когда либо были у насъ напечатаны.

На 15 стран. сдѣлана одна непростительная опечатка Греческаго слова, и потому эта страничка будетъ перепечатываться.

Въ Исаакѣ Сиринѣ, мнѣ кажется, очень нужно сдѣлать еще предисловіе отъ Васъ, въ которомъ сказать, что С. Паисій, желая придать возможную ясность своему переводу, не нарушая его буквальной вѣрности, обозначалъ въ своихъ рукописяхъ различнаго рода точками — различныя отношенія между словами, которыя въ Греческомъ языкѣ очевидны сами собой, въ словенскомъ сами собою не выражаются. О значеніи этихъ точекъ С. Паисій распространяется подробно въ концѣ своего предисловія, что Русскіе издатели не почли за нужное повторять, ибо въ предлагаемомъ изданіи объясненіе посредствомъ подсловныхъ точекъ замѣнено объясненіями внизу страницы. Такого рода предисловіе, мнѣ кажется, необходимо сдѣлать для того, чтобы—во 1-хъ, оправдать Паисія, котораго разсужденія о различіи языковъ Греч. и Слов. иначе покажутся ни къ чему не ведущими; а во 2-хъ, для того, чтобы оправдать себя: ибо—печатая предисловіе Паисія, и выбросивъ изъ него что либо, нельзя не оговориться въ этомъ дѣйствіи, чтобы избѣгнуть упрека въ невѣрности и въ неполнотѣ изданія. Это предисловіе можно будетъ напечатать послѣ Паисіевскаго и предъ его жизнію. Съ любовію преданный Вамъ, Вашъ покорный слуга и духовный сынъ И. К.

28.

А. И. КОШЕЛЕВУ *).

15 Октября 1853 г.

Я прочелъ книгу Vinet, которую ты мнѣ далъ съ условіемъ сказать о ней подробно мое мнѣніе, обозначивъ опредѣлительно: въ чемъ согласенъ съ нею, въ чемъ не согласенъ. Но признаюсь, что это было бы для меня очень затруднительно! Я ни согласиться съ Vinet не могу, ни отвергнуть того, что̀ онъ говоритъ, не въ состояніи. Мнѣ кажется (прости, что буду говорить откровенно и безъ церемоніи о такой книгѣ, которую ты называешь своимъ сочиненіемъ), кажется, что онъ самъ не далъ себѣ яснаго отчета въ своей мысли прежде, чѣмъ началъ излагать ее, оттого вышла очень краснорѣчивая, очень искренняя путаница лжи и правды. О чемъ хлопочетъ онъ? Что хочетъ сказать?— То, кажется, что церковь должна быть совершенно отдѣлена отъ государства, такъ что ни церковь не должна знать государства, ни государство церкви, но каждое изъ этихъ двухъ согласій должно существовать и дѣйствовать не только независимо отъ другаго, но и безъ

*) Колюпановъ, *указ. соч.*, стр. 80.

всякаго отношенія къ другому. Эта ли его мысль? *Но какая церковь и какое государство должны* такъ дѣйствовать? И что такое *должны*? Какой *законъ* будутъ они исполнять, дѣйствуя такъ: законъ церкви, или законъ государства? И какой церкви и государства, существующаго съ какою господствующею мыслію? Или слово *должны* не относится ни къ какому закону никакой церкви, ни къ какому извѣстному государству, ни къ какой извѣстной философской идеѣ государства, но есть только постулатъ тѣхъ понятій, какія Vinet составилъ себѣ о лучшемъ устройствѣ протестантской церкви и объ идеалѣ государства? Въ такомъ случаѣ, прежде разрѣшенія вопроса, надобно было ясно обозначить: какая это образовалась въ головѣ Vinet лучшая церковь и какой идеалъ государства? Потомъ изъ этихъ понятій уже само собой вышло бы и послѣдствіе ихъ, законъ ихъ взаимнаго отношенія. Тогда мысль Vinet вступила бы въ свои естественныя границы: тогда съ нею нельзя было бы спорить, какъ съ мыслію, составляющею часть его личнаго вѣроисповѣданія и его любимой мечты о государствѣ. Но тогда, вмѣсто 550 страницъ, книга Vinet обратилась бы въ весьма маленькую брошюрку, которую мы съ тобой, вѣроятно, не замѣтили бы, какъ вещь, имѣющую слишкомъ относительный интересъ. Но тѣмъ-то и шумятъ ложныя мысли, что онѣ растягиваютъ частныя истины въ объемъ всеобщихъ истинъ.

Вине начинаетъ свою книгу говоря объ убѣжденіяхъ религіозныхъ вообще и объ обязанности каждаго человѣка свободно выражать свое. Здѣсь онъ беретъ предметомъ своимъ не только *всѣ исповѣданія христіанскія*, но и *всѣ вѣры не христіанскія*, жидовскую, языческія, магометанскую, и даже *убѣжденія философскія*, и даже *систему невѣрія*, и ставитъ ихъ всѣ въ одну категорію убѣжденій совѣсти объ истинѣ, и изъ законовъ самой совѣсти выводитъ для всѣхъ обязанность открытаго и свободнаго исповѣданія своихъ убѣжденій. Я въ такомъ случаѣ совершенно сочувствую съ нимъ, какъ христіанинъ, ибо этотъ законъ совѣсти объ открытомъ и небоязненномъ исповѣданіи своей вѣры есть законъ христіанскій. Но я сомнѣваюсь въ томъ, *всѣ* ли виды язычества и *всѣ* ли системы невѣрія найдутъ этотъ законъ въ своей совѣсти. „Но совѣсть одна“, скажешь ты. Да, какъ одна истина. Это не мѣшаетъ однакожь человѣку принимать часто за истину ложь. Совѣсть —это вѣра. Требовать *одной совѣсти* ото всѣхъ людей—то же, что требовать *одной вѣры*. Конечно, въ *этомъ частномъ* отношеніи, совѣсти большей части вѣръ согласны между собою, однако же если есть общества жрецовъ или философовъ, которые содержатъ *свои убѣжденія* въ тайнѣ и думаютъ, что для самаго торжества ихъ истины необходимо скрывать ее подъ личиною общепринятаго заблужденія, то я могу не соглашаться съ ними, могу жалѣть о нихъ, могу спорить съ ними, но не могу думать, чтобы мои понятія о совѣсти и вѣрѣ должны были непремѣнно быть и ихъ понятіями о совѣсти и вѣрѣ. Слѣдовательно,

не благоразумнѣе ли будетъ здѣсь различить: какому убѣжденію принадлежитъ какой образъ дѣйствованія, и каждое требованіе посылать прямо по адресу туда, гдѣ оно принимается. Утѣшать же себя мыслію, будто весь міръ признаетъ тѣ законы, которые я считаю для себя обязательными, это—китайство, изъ котораго выводы могутъ повести къ заблужденію.

Изъ этого положенія, что *каждое убѣжденіе* имѣетъ нравственную обязанность откровенно выражаться въ словахъ и дѣйствіяхъ, Vinet выводитъ нравственную обязанность *для каждаго государства* не стѣснять никакое убѣжденіе въ возможности выразить себя и проповѣдывать себя словами, дѣлами и жизнію. Такъ какъ онъ говоритъ о государствѣ *вообще* и объ убѣжденіи *вообще*, то естественно, что въ его разсужденіяхъ является такая неопредѣлительность, такая преувеличенность, такая несоотвѣтственность одной мысли съ другою, что первыя сто страницъ второй части показались мнѣ войною Донкихота съ вѣтряными мельницами, или упражненіями талантливаго студента на курсѣ какого-нибудь швейцарскаго Шевырева. Противъ кого рыцарствуетъ онъ?—противъ *Роте*, о которомъ и протестанты даже сомнѣваются, христіанинъ ли онъ или нѣтъ. Его понятіе о государствѣ, что оно должно быть само вполнѣ человѣкомъ, есть одна изъ системъ, которыхъ тысячи возникаютъ ежедневно въ Германіи. Принять эту систему за представительницу общаго мнѣнія и думать, что все сдѣлалъ, когда одолѣлъ ее,—довольно смѣшно и ребячливо. Еслибы еще Vinet сражался съ отцомъ Роте—самимъ Гегелемъ, разбирая его взглядъ на государство въ его первообразномъ видѣ, то возраженія его имѣли бы какой-нибудь всеобщій интересъ; но возражать одному изъ полугегельянцевъ—хорошо только тому, кому очень писать хочется. Къ тому же, никакое философское понятіе о государствѣ не стоитъ само собою, но выводится изъ общихъ началъ системы, какъ необходимое послѣдствіе. Какъ же опровергать выводъ, не касаясь началъ? Вообще выводы философскіе не опровергаются, они просто отвергаются, когда построится противорѣчащая имъ система. Но Vinet взялся разсуждать о государствѣ на правахъ философа, а между тѣмъ никакой философской истины не поставилъ. Поэтому, что бы онъ ни говорилъ, истину или ложь, все будетъ безъ основанія, одна фраза, больше или меньше благовидное мечтаніе. Другое дѣло, когда онъ захочетъ говорить какъ христіанинъ. Здѣсь онъ имѣетъ основаніемъ убѣжденія того исповѣданія, къ которому онъ принадлежитъ. Здѣсь, слѣдовательно, его слово имѣетъ голосъ.

Мало-по-малу ворочая свою мысль съ боку на бокъ и пережевывая одно и то же, Vinet, наконецъ, дошелъ до этого сознанія и чувствуетъ, что сказанное имъ *вообще* не такъ общепримѣнительно, какъ казалось ему съ перваго взгляда. Вслѣдствіе этого пробуждающагося въ немъ сознанія, Vinet сначала ограничиваетъ свои возгласы объ убѣж-

деніяхъ *вообще* тѣмъ, что сказанное имъ не можетъ относиться къ магометанству, ни къ древнему язычеству, ни къ іудейству, а только къ различнымъ видамъ христіанства. Потомъ еще страннѣ черезъ сто онъ говоритъ, что сказанное имъ не можетъ относиться къ римскому католичеству, которое перестало бы быть совсѣмъ католичествомъ и Римскою церковью, еслибъ отказалось отъ соединенія власти духовной и свѣтской. А потому его требованіе о раздѣленіи двухъ властей можетъ относиться *только къ однимъ протестантскимъ исповѣданіямъ.*

Книга была бы гораздо яснѣе, еслибъ авторъ съ самаго начала опредѣлилъ границы своей мысли.

Однакожъ и между протестантскими исповѣданіями надобно также различить. Если, наприм., *англійскую церковь* считать въ числѣ протестантскихъ, то очевидно, что къ ней не можетъ относиться требуемая авторомъ неприкосновенность свѣтской и духовной власти. Ибо, какъ прямое произведеніе власти *свѣтской*, церковь англійская при разъединеніи властей должна сама распасться на свои составныя части и, слѣдовательно, уничтожиться.

Реформаты тоже не могли бы (по крайней мѣрѣ при началѣ своемъ) слѣдовать увѣщанію *Vinet*, ибо, по ученію Кальвина, самое государство должно происходить изъ церкви и ею устраиваться. Но историческая мельница оттерла эту часть догмата отъ реформатства, и потому для этой секты вопросъ объ отношеніи къ свѣтской власти еще можетъ почитаться нерѣшеннымъ.

Квакеры прямо и чисто не признаютъ государства внѣ себя и надъ собою и по догмату своему не могутъ составлять часть аудиторіи *Vinet*.

Гернгутеры хотя и не во враждебномъ отношеніи къ государству находятся, однако же внутри другаго политическаго общества составляютъ не только общество церковное, но и гражданское, съ особыми устройствами взаимныхъ отношеній. Слѣдовательно и они, еслибы составляли народъ отдѣльно существующій, непремѣнно образовали бы государство, прямо изъ церкви исходящее и съ церковнымъ устройствомъ одно составляющее. Потому и къ нимъ слово Vinet относиться не можетъ.

Остаются лютеране, которые признали въ Аугсбургскомъ исповѣданіи, что устройство свѣтскаго государства не должно зависѣть отъ церкви, что власти духовная и свѣтская различны и не должны подчиняться одна другой, но обѣ должны съ одинакимъ благоговѣніемъ почитаться и сохраняться, *какъ двѣ высшія благодати Бога на землѣ* (als zwei höchste Gaben auf Erden).

Но, поставивъ церковь въ одинакихъ правахъ съ государствомъ въ догматѣ, они въ дѣйствительности тотчасъ же подчинили устройство духовное покровительству и надзору, и распоряженію и даже управленію свѣтской власти.

Но такъ какъ это ученіе церкви для лютеранъ не догматъ, а закоренѣвшій историческій фактъ, то требованіе Vinet можетъ собственно къ нимъ относиться; ибо Vinet не хочетъ, вѣроятно, измѣнять вѣроисповѣданій, онъ хочетъ только исправить понятія нѣкоторыхъ объ одномъ постороннемъ предметѣ сомнительнаго свойства. Къ этимъ же сектамъ протестантскаго исповѣданія, къ которымъ относится вопросъ *Vinet*,—т.-е. для которыхъ онъ не догматъ, а еще вопросъ,—можно причислить христіанъ всѣхъ исповѣданій, колеблющихся въ своихъ убѣжденіяхъ, и, потомъ, невѣрующихъ и философски-христіанствующихъ. Но эти послѣдніе, хотя бы они и имѣли въ рукахъ власть политическую, могутъ ли почитаться законными судьями въ дѣлѣ церковныхъ отношеній? А между тѣмъ авторъ имѣетъ въ виду *ихъ* болѣе, чѣмъ другихъ, ибо преимущественно опирается *на требованіяхъ современной образованности*. По его мнѣнію, христіанская церковь, скоро послѣ своего явленія въ міръ, испортилась и начала заблуждаться. Одно изъ послѣдствій этого заблужденія было сближеніе государства и церкви при Константинѣ. Потомъ всѣ бѣды христіанъ и христіанства были необходимымъ слѣдствіемъ этого сближенія, и только въ наше новѣйшее время становится возможнымъ для церкви открыть глаза и видѣть свою ошибку (стр. 350 и мног. др. мѣста). Другими словами: Духъ Святый, скоро послѣ временъ апостольскихъ, оставилъ церковь и возвращается къ ней только чрезъ проповѣдь Vinet. Или, можетъ-быть, Духъ Святый не оставлялъ церковь, а живя въ ней, заблуждался, покуда Vinet вразумилъ его. Бѣдный западный человѣкъ, которому такая галиматья можетъ лѣзть въ голову!... Или можетъ-быть галиматья эта не въ головѣ (которая не дошла до сознанія своихъ преобразовательныхъ требованій), а только въ сердцѣ, которое внушаетъ желаніе преобразовывать и исправлять церковь. Это чувство послѣ отступленія латинства сдѣлалось господствующимъ въ европейской образованности.

Несмотря однако же на то, что книга Vinet не имѣетъ ни основанія, ни возможной примѣнительности,—въ ней есть много прекраснаго, много мыслей свѣтлыхъ, много замѣчаній вѣрныхъ, много сердечныхъ, драгоцѣнныхъ словъ, и ея чтеніе очень пріятно и, можетъ-быть, не безполезно возбуждаетъ потребность яснаго сознанія объ этомъ вопросѣ въ читателѣ православномъ. Ибо вопросъ этотъ въ православной церкви не имѣетъ того логическаго опредѣлительнаго отвѣта, какой онъ получилъ на Западѣ отъ соединенія власти духовной и свѣтской въ одномъ лицѣ. Тамъ изъ этого обстоятельства произошла цѣлая система политическихъ отношеній государствъ, которая взошла въ богословскую догматику, какъ часть ея. Тамъ церковь была видимымъ основаніемъ и постоянно видимою поддержкою мірской власти и во всѣ отрасли мірскаго управленія взошла какъ одинъ изъ его видимыхъ

элементовъ. Точно такое же вещественное господство обнаружила Латинская церковь и въ области науки. Вмѣсто того, чтобы духовно проникнуть самое мышленіе человѣческое, самый корень его мышленія, она выводила изъ своего ученія видимыя, буквальныя положенія и навязывала ихъ наукѣ. Галилей, отрекающійся отъ своей системы, и Генрихъ IV, исполняющій эпитимію, выражаютъ одинъ смыслъ церковнаго преобладанія. Оттого реформація, отдѣливъ церковь отъ римства, одинаково разорвала связь какъ между правительствомъ и церковью, такъ и между наукою свѣтскою и богословіемъ. И въ обѣихъ сферахъ послѣдствія были одинаковы. Какъ скоро духовное начало перестало господствовать надъ свѣтскимъ, такъ свѣтское стало господствовать надъ духовнымъ. Церкви протестантскія очутились подъ распоряженіемъ свѣтскихъ правительствъ, и богословія протестантскія сдѣлались выводомъ изъ философскихъ системъ. Ибо государство совершенно безотносительное къ церкви такъ же невозможно, какъ и философія совершенно безотносительная—къ ученію вѣры. Если вещество не повинуется духу, то не можетъ оставаться въ *равныхъ* правахъ, но неизбѣжно должно взять верхъ. Примѣръ Американскихъ Штатовъ, который приводитъ Vinet, ничего не доказываетъ. Это не государство, а случайное совокупленіе нѣсколькихъ разнородныхъ массъ, безпрестанно готовыхъ распасться. Они держатся только тѣмъ что не пришли къ самосознанію. Какъ скоро самосознаніе проникнетъ ихъ отъ сердца въ части и отъ частей въ сердце, такъ они разлетятся на множество кусковъ. Между тѣмъ теперь правительство въ нихъ не можетъ захватить власть надъ религіей *потому*, что у нихъ нѣтъ одной религіи. Взаимное противорѣчіе многихъ религій составляетъ условіе ихъ независимости. Но еслибы народъ, въ какомъ бы то ни было государствѣ, имѣлъ какую-нибудь одну вѣру, то невозможно предположить, чтобъ эта вѣра не опредѣлила—посредственно или непосредственно—своихъ отношеній къ государству и не требовала бы отъ него извѣстныхъ отношеній къ себѣ. Единство въ образѣ мыслей не можетъ не требовать единства въ образѣ дѣйствій. Одинаковая вѣра требуетъ одинаковыхъ нравовъ, одинаковой системы всѣхъ отношеній—семейныхъ и общественныхъ. Правильно ли будетъ то устройство государственное, которое не будетъ прямымъ слѣдствіемъ этой системы междугражданской? Или правительство, которое будетъ стѣснять выраженіе всенародныхъ убѣжденій, подъ предлогомъ, что это выраженіе можетъ быть оскорбительно для какихъ-нибудь убѣжденій иностранныхъ? Или которое само будетъ оскорблять убѣжденія народныя своими устройствами, составляемыми въ духѣ иноземныхъ убѣжденій, наприм. правительство магометанскаго народа, которое будетъ требовать отъ войска употребленія вина для куражу? Или когда оно позволитъ безнаказанно другимъ сектамъ оскорблять нравы своего народа явнымъ исполненіемъ обычаевъ противорѣчащихъ всеобщимъ

убѣжденіямъ, наприм. въ государствѣ христіанскомъ публичныя вакханаліи язычества, или публичныя насмѣшки надъ вѣрою и правами народа? Или распространеніе соблазнительныхъ книгъ? Или должно ли правительство, говоря вообще, обращать какое-нибудь вниманіе на нравственныя понятія своего народа? Должны ли законы отстранять то, что мѣшаетъ свободному выраженію этихъ нравственныхъ понятій, или удалять то, что стремится ихъ оскорбить или разрушить? Соединенные Штаты, говоритъ авторъ, не имѣютъ законовъ, которые бы охраняли общественную нравственность или общественныя убѣжденія. Но за то тамъ общественныя убѣжденія, въ каждомъ особенномъ штатѣ, охраняются беззаконно, особеннымъ общественнымъ своеволіемъ, которое, кажется, не лучше закона, котораго боится авторъ. Противъ оскорбителей ихъ убѣжденій толпа дѣйствуетъ самоуправно и безнаказанно. Если такой безпорядокъ входитъ въ общій порядокъ вещей, то легче ли онъ отъ того, что производится не по закону, а безъ закона?

Авторъ говоритъ очень справедливо, что въ большей части государствъ, гдѣ есть государствующая религія, правительство пользуется ею какъ средствомъ для своихъ частныхъ цѣлей и, подъ предлогомъ покровительства ей, угнетаетъ ее. Но это бываетъ *не потому*, что въ государствѣ есть господствующая вѣра, а напротивъ потому, что господствующая вѣра народа *не господствуетъ* въ государственномъ устройствѣ. Это несчастное отношеніе происходитъ тогда, когда, вслѣдствіе какихъ-нибудь случайныхъ историческихъ обстоятельствъ, произойдетъ разрывъ между убѣжденіями народа и правительства. Тогда вѣра народа употребляется какъ средство, но не долго. Одно изъ трехъ непремѣнно должно произойти: или народъ поколеблется въ своей вѣрѣ, и затѣмъ поколеблется все государственное устройство, какъ мы видѣли на Западѣ; или правительство дойдетъ до правильнаго самосознанія и обратится искренно къ вѣрѣ народа, какъ мы надѣемся; или народъ увидитъ, что его обманываютъ, какъ мы боимся.

Авторъ говоритъ, будто церковь православная всегда находилась подъ угнетеніемъ правительства потому, что, бывъ оффиціальною религіей государственною, она находилась подъ покровительствомъ правительства, которое подъ этимъ предлогомъ и пользовалось ею какъ средствомъ. Но несправедливость этого доказывается какъ исторіей Византіи, такъ и исторіей Россіи. Въ Византіи церковь православная очень рѣдко была покровительствуема правительствомъ, которое по большей части было инославное—или аріанское, или латинствующее, или иконоборствующее, которое наконецъ и погубило Грецію своимъ отступничествомъ въ унію. Въ Россіи, напротивъ, всѣ правительства—и княжескія, и народныя—были православныя, отъ Владиміра до Грознаго, и мы видимъ, благоденствовала ли церковь и торжествовало ли убѣжденіе народное. Грозный дѣйствовалъ утѣснительно, потому что былъ *еретикъ*;

это доказывается, вопервыхъ, Стоглавымъ соборомъ и, вовторыхъ, стремленіемъ поставить византійство въ одно достоинство съ православіемъ. Отъ того произошла опричина, какъ стремленіе къ ереси государственной и власти церковной. А что его понятіе о границахъ или, правильнѣе, о безграничности его власти и объ ея разорванности съ народомъ было не христіанское, а еретическое, это до сихъ поръ всенародно свидѣтельствуютъ святыя мощи митрополита Филиппа.

Для вѣрующаго отношеніе къ Богу и Его святой церкви есть самое существенное на землѣ, отношеніе же къ государству есть уже второстепенное и случайное. Очевидно, что всѣ законы истины должны нарушиться, когда существенное будетъ подчиняться случайному, или будетъ признаваться на одинакихъ правахъ съ нимъ, а не будетъ господствовать надъ нимъ.

Нужно ли оговариваться, что господство церкви я не понимаю какъ инквизицію, или какъ преслѣдованія за вѣру? Этотъ магометанизмъ, эти насильственныя обращенія такъ же противны христіанству истинному, какъ и обращенія посредствомъ обмана. Если Латинская церковь увлеклась, а можетъ-быть еще и теперь увлекается заблужденіемъ, будто цѣль оправдываетъ средства, если нѣкоторые члены изъ церкви православной заражались когда-нибудь этимъ лжеученіемъ, то эта ошибка нѣкоторыхъ людей до самой церкви не относится. И государство не въ томъ должно согласоваться съ церковью, чтобы разыскивать и преслѣдовать еретиковъ и силою принуждать вѣрить (это и духу христіанства противно, и производитъ дѣйствіе противное намѣренію, и государству самому вредитъ почти столько же, сколько и церкви); но въ томъ оно должно согласоваться съ церковью, чтобы поставить себѣ главною задачей своего существованія—безпрестанно болѣе и болѣе проникаться духомъ церкви и не только не смотрѣть на церковь какъ на средство къ своему удобнѣйшему существованію, но, напротивъ, въ своемъ существованіи видѣть только средство для полнѣйшаго и удобнѣйшаго водворенія церкви Божіей на землѣ.

Государство есть устройство общества, имѣющее цѣлью жизнь земную, временную. Церковь есть устройство того же общества, имѣющее цѣлью жизнь небесную, вѣчную. Если общество понимаетъ свою жизнь такъ, что въ ней временное должно служить вѣчному, то и государственное устройство этого общества должно служить церкви. Если же общество понимаетъ свою жизнь такъ, что въ ней земныя отношенія идутъ сами по себѣ, а духовныя сами по себѣ, то государство въ такомъ обществѣ должно быть отдѣлено отъ церкви. Но такое общество не будетъ состоять изъ христіанъ, а изъ людей невѣрующихъ, или по крайней мѣрѣ изъ смѣшанныхъ вѣръ и убѣжденій. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, конечно, очень вредно бы было, чтобъ одна партія, завладѣвъ силою политическою, давила бы другія, какъ въ Австріи. Но такое государство, искусственно или насильственно слѣпленное изъ

различныхъ вѣроисповѣданій и, слѣдовательно, изъ различныхъ народныхъ согласій, стремящихся по натурѣ своей взаимно уничтожаться и, слѣдовательно, распасться на различныя самобытныя устройства,—такое государство не можетъ имѣть притязанія на стройное нормальное развитіе. Все его достоинство должно ограничиваться характеромъ *отрицательнымъ*, такъ что чѣмъ менѣе оно существуетъ какъ государство, тѣмъ болѣе достигаетъ своей цѣли, какъ въ Англіи. Въ такомъ государствѣ граждане могутъ смотрѣть очень равнодушно, когда въ законодательной палатѣ ихъ будутъ сидѣть жиды и дѣлать для нихъ законы. Но тамъ, гдѣ народъ связанъ внутренно одинакими убѣжденіями вѣры, тамъ онъ вправѣ желать и требовать, чтобъ и внѣшнія его связи—семейныя, общественныя и государственныя—были согласны съ его религіозными внушеніями и чтобы правительство его было проникнуто тѣмъ же духомъ. Дѣйствовать враждебно этому духу—значитъ дѣйствовать враждебно самому народу, хотя бы эти дѣйствія и доставляли ему какія-нибудь земныя выгоды.

29.

ЕМУ-ЖЕ *)

13 Октября (1853).

Я получилъ твое письмо, другъ Кошелевъ, и хотя не кончилъ моего письма къ тебѣ, но посылаю неконченное, чтобы ты не упрекалъ меня въ неоплатности долга. Продолженіе надѣюсь написать послѣ окончанія другаго дѣла, срочнаго.

Твое письмо я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ, потому что оно очень хорошо написано, и потому, что я обѣщаю себѣ большое удовольствіе въ работѣ отвѣчать на него. Ты тронулъ такой вопросъ, съ отвѣтомъ на который должна созвучать вся глубина философіи христіанской. Я не рѣшился бы говорить объ немъ, по недостаточности моей для этаго духовнаго умозрѣнія, говорить никому, кромѣ самаго себя, и слѣд. тебя. Мои ошибки во взглядѣ на этотъ предметъ не повредятъ тебѣ, потому, что ты будешь смотрѣть на нихъ какъ на одно изъ движеній собственныхъ твоихъ мыслей. Но прежде хотѣлъ бы кончить начатое письмо о Vinet.—Что же касается до Полит. Экон., то прошу тебя покуда избавить меня отъ этаго предмета, занятіе которымъ было бы совсѣмъ несогласно съ моими теперешними занятіями.

---

*) Съ подлинника. Послано одновременно съ предъидущимъ, дата котораго проставлена въ *концѣ* письма.

Благодарю тебя за твои заботы о моихъ залогахъ. Я цѣню это какъ истинно дружеское участіе.

Обнимаю тебя. Жена моя тебѣ кланяется.

Твой И. Кирѣевскій.

Что твоя боль глазная? Береги ихъ. Твоего отвѣта ожидаю.

30.

ЕМУ-ЖЕ *).

(Окт.—Ноябрь 1853 г.)

Чтобы наши толки имѣли какое-нибудь разумное послѣдствіе, необходимо намъ постоянно исполнять два условія: 1) ни на минуту не терять изъ виду *самаго зерна* того предмета, о которомъ мы споримъ. Иначе мы разбредемся въ стороны и не одолѣемъ собрать все сказанное нами въ одинъ общій итогъ; 2) мы ни на минуту не должны забывать, *для чего* мы споримъ. Если для того, чтобы имѣть удовольствіе оспорить одинъ другаго, то лучше учись играть въ шахматы и давай спорить на шахматной доскѣ. Если же мы споримъ для того, чтобы согласиться, то эта цѣль стòитъ труда писанья. Но для этого надобно намъ искать въ мысляхъ и словахъ другъ друга не того, чтò несогласно съ нашими мыслями, а напротивъ—того именно, чтò у насъ есть *общаго* относительно предмета спора. Изъ этого общаго должны мы стараться сдѣлать такіе выводы, которые бы обѣими сторонами были приняты сочувственно. Тогда предметъ разногласія самъ собою разрѣшится, прилагаясь къ этимъ выводамъ. Если же, вмѣсто общаго и согласно съ нимъ, мы будемъ искать въ словахъ противника того, съ чѣмъ можно спорить, то ни споръ нашъ никогда не кончится, ни вывода никакого мы изъ него не добудемъ.

Я написалъ эту диссертацію потому, что, мнѣ кажется, ты былъ слишкомъ спорливъ въ твоемъ отвѣтѣ на мое письмо, и я самъ боюсь заразиться твоею манерою. Что, наприм., намъ пользы разсуждать, какой смыслъ должно имѣть слово: *китайство?* Значитъ ли оно—считать свои частныя понятія за единственныя общечеловѣческія, или оно значитъ—коснѣть въ старомъ и противиться новому,—во всякомъ случаѣ разсужденіе объ этомъ и о подобныхъ тому вещахъ можетъ привести насъ только къ тому результату, что *ты* употребляешь это слово правильно, а *я*—ошибочно; но что-жь изъ этого слѣдуетъ? Намъ важно здѣсь не то, каково я разсуждаю, или каково ты разсуждаешь, а важенъ намъ здѣсь только предметъ нашего разсужденія.

---

*) Колюпановъ, *указ. соч.*, стр. 94.

Перечитывая письмо твое, съ трудомъ могу удержать себя, чтобы не спорить о каждомъ пунктѣ отдѣльно. Однако же это желаніе мое — доказать, что я правъ, а что ты ошибаешься—совершенно исчезаетъ во мнѣ, когда я вслушиваюсь умомъ въ другое желаніе—согласиться съ тобою въ единомысліи.

Прежде, чѣмъ буду спорить, постараюсь отыскать, въ чемъ мы согласны, чтобы тѣмъ удалить причины недоразумѣній.

Когда я говорю, что государственность народа должна быть проникнута его вѣрою, т.-е. церковью, которую онъ исповѣдуетъ, то это не значитъ, чтобы государство должно было *покровительствовать* церкви. Покровительствуютъ низшему. Высшему можно только служить и служа, правда, охранять, но только по его волѣ. Если ты скажешь, что подъ предлогомъ охраненія государство иногда стремится господствовать надъ церковью, то злоупотребленіе не уничтожаетъ возможности хорошаго употребленія. Первое (злоупотребленіе) должно замѣчать, открывать, выставлять на общій видъ и тѣмъ уничтожать. Но второе (правильное употребленіе силы государственной въ пользу церкви) нельзя не признать дѣломъ добрымъ.

Я не почитаю также хорошимъ дѣломъ, чтобы государство служило церкви инквизиціоннымъ образомъ. Инквизиція соотвѣтствуетъ логически только Римской церкви, смѣшавъ власть мірскую и духовную въ одно нехристіанское господство. Но въ церкви православной инквизиціонный образъ дѣйствія долженъ почитаться еретическимъ, какъ монашескіе ордена рыцарей, кавалерственные епископы и т. п. Потому въ православныхъ земляхъ инквизиціонныя дѣйствія *вредятъ* церкви; въ папскихъ государствахъ инквизиція, напротивъ, *поддерживаетъ* зданіе церковное. Въ южной Европѣ послѣ XVI столѣтія только одна инквизиція могла удержать римское вѣроисповѣданіе и *усилить* реформацію. У насъ, напротивъ, расколы родились прямо изъ инквизиціонныхъ мѣръ и можетъ-быть до сихъ поръ ими же усиливаются.

Также почитаю я противнымъ православной церкви *насильственное понужденіе* гражданъ къ принятію благодати, таинственныхъ дарованій Божіихъ. Церковь, напротивъ, во всѣ времена боялась предавать таинства недостойнымъ, какъ бы отдать святыню на поруганіе, или повѣдать тайну Господа врагамъ Его. Если это дѣлается, то какъ противное церкви, а не какъ согласное съ нею, или полезное ей.

Также не полезно церкви, а противно ей, когда ее употребляютъ *какъ средство* для государственныхъ или мірскихъ цѣлей, злоупотребленіемъ присяги и т. п.

Также противно церкви, когда она поставляется въ какую-нибудь *зависимость* отъ мірскаго устройства государствъ, когда духовенство обращается въ чиновничество и т. п.

Но все это противно церкви христіанской *только тогда*, когда она находится во всей чистотѣ *православія*. Римской же церкви, какъ я

сказалъ, это не только не противно, но прямо требуется ея характеромъ свѣтско-духовнымъ. Отъ нея-то, отъ римской ереси, распространились эти смѣшанныя понятія, вмѣстѣ со многими другими заблужденіями, въ нѣкоторыхъ и православныхъ странахъ. Но ревность къ чистотѣ вѣры должна требовать, вмѣстѣ со многими другими, очищенія и этихъ понятій, касающихся отношеній церкви къ государству. И теперь именно пришло время, когда это очищеніе нашихъ понятій отъ еретическихъ примѣсей особенно необходимо, потому что натискъ иновѣрія и безвѣрія такъ силенъ, что уже почти не осталось ни одной мысли общественной, политической, нравственной, юридической или даже художественной, которая бы болѣе или менѣе не была запачкана и измята неправославными руками, въ которыхъ она побывала. Потому, если съ этой точки разсматривать книгу Vinet, т.-е. какъ *противудѣйствіе* тѣмъ ложнымъ понятіямъ объ отношеніяхъ церкви и государства, которыя распространились изъ Римской церкви, даже ко многимъ лицамъ православнаго исповѣданія, то, конечно, нельзя не сказать, что *въ этомъ отношеніи* чтеніе этой книги можетъ быть очень полезно. Также, я думаю, весьма полезно можетъ быть чтеніе этой книги у насъ и потому, что возбудитъ въ умахъ такой вопросъ, который спитъ и которому пора, очень пора проснуться.

Но этимъ должно ограничиться то, что̀ я могу сказать въ пользу Vinet. Кажется, этого не мало, и ты можешь быть доволенъ. Я надѣюсь, что ты, видя какъ охотно я отдаю справедливость твоему пріятелю въ отношеніи практическаго примѣненія, захочешь и мнѣ отдать справедливость въ томъ, что я не могу согласиться съ нимъ въ тѣхъ *основныхъ* началахъ, изъ которыхъ онъ выводитъ свои требованія. Или, лучше сказать, не могу я согласиться съ нимъ не потому, чтобы его основныя начала противорѣчили моимъ, но потому, что основныхъ началъ у него не нахожу никакихъ, твердыхъ, опредѣленныхъ, ясно согласныхъ. Нахожу у него смѣшеніе всякихъ началъ, смотря по тому, что̀ ему для его декламаціи кажется на ту минуту эффектнѣе. Такъ, не поставивъ яснаго опредѣленія ни церкви, ни государству, какъ я сказалъ въ прошедшемъ письмѣ, онъ говоритъ иногда, какъ вещь обще-христіанскую, то, что̀ можетъ относиться къ одному виду протестантства. Иногда относитъ къ государству вообще то, что можно отнести только къ государству слѣпленному изъ разнородныхъ кусковъ, какъ Соединенные Штаты. Во многихъ мѣстахъ декламируетъ онъ о томъ, какъ вѣра должна проникать *во всѣ* отношенія людей, и потомъ, рядомъ съ этими возгласами и какъ бы забывая ихъ, декламируетъ противъ того, чтобы государство находилось въ какомъ-либо опредѣленномъ отношеніи къ вѣрѣ, господствующей въ народѣ.

Ты, защищая его и опровергая меня, *дѣлаешь* свое построеніе понятій объ отношеніи государства къ церкви, но также по примѣру своего

пріятеля Vinet говоришь очень горячо, часто остроумно, но не ищешь для своего построенія твердаго матеріала. Ты говоришь: „Государство—не *устройство* общества, а *самое* общество“. И сказавъ это, сейчасъ же упрекаешь меня въ Луи-Бланствѣ и спрашиваешь: „развѣ государство обязано мнѣ доставлять хлѣбъ, богатство, свѣдѣнія,—словомъ, все нужное для земной жизни?“ За этимъ слѣдуетъ выходка о томъ, что „не слѣдуетъ на государство возлагать отеческія, наставничьи или какія бы то ни было распорядительскія обязанности въ отношеніи гражданъ“. Я не буду спорить противъ этой выходки, но не умѣю согласить ее съ тѣмъ положеніемъ, что государство—не извѣстное *устройство*, но *самое общество*.

Церковь, говоришь ты, не есть устройство общества, ибо общественный элементъ входитъ въ нее какъ второстепенный. Въ ней первое—человѣкъ, т.-е. лице. Въ государствѣ все—общество; въ церкви все—человѣкъ. Но если для нея человѣкъ—все, если она обнимаетъ его вполнѣ, то какъ можетъ она дѣлать это, не опредѣляя характера его отношеній къ обществу? Неужели общество магометанъ или жидовъ будетъ имѣть одинакіе нравы съ обществомъ христіанъ? Или общество квакеровъ—одинакіе нравы съ обществомъ латинцевъ? Еслибы лютеране, латинцы, кальвинисты и англиканцы устроили—каждые—свою жизнь совершенно послѣдовательно своимъ убѣжденіямъ, то неужели каждое общество не имѣло бы своихъ особенныхъ нравовъ и обычаевъ, сообразныхъ особенности своихъ убѣжденій?

Ото всѣхъ отъ нихъ отличалось бы общество православное, т.-е., разумѣется, *согласное* съ своимъ основнымъ ученіемъ.—Но если вѣра народа имѣетъ такое тѣсное соединеніе съ его нравами и обычаями, то какъ же не будутъ имѣть къ нимъ никакого отношенія его законы?—Конечно, завоеваніемъ, или какими-нибудь подобными несчастными обстоятельствами могутъ и, по большей части, дѣйствительно накладываютъ на народъ законы, несогласные съ его нравами, обычаями и вѣрою; но развѣ то, что̀ бываетъ, законъ для того, что̀ должно быть?

Противъ этого отношенія государственнаго устройства къ нравамъ и убѣжденіямъ народа ты говоришь: „Гдѣ же такое государство (гдѣ бы народъ былъ связанъ одинакими убѣжденіями)? Такого государства не только нѣтъ и никогда не было, но ты его даже и въ воображеніи создать не можешь“.—Но я думаю, что до 16-го вѣка *всѣ* государства Европы были таковы, что народы въ каждомъ были одинакой вѣры.—Но особенно древняя Россія въ этомъ отношеніи можетъ служить образцомъ единодушія и единомыслія народнаго, воплощавшагося въ нравы и обычаи народные, и если не успѣвшаго (по причинѣ внѣшнихъ историческихъ условій) выразиться въ его правительственной государственности, то выразившаго, по крайней мѣрѣ, свои требованія во многихъ отношеніяхъ государственнаго законодательства. Впрочемъ я думаю еще и то, что даже теперь никто не имѣетъ права смотрѣть

на Россію иначе, какъ на государство православное, а если Биронъ, или кто изъ нѣмцевъ когда-нибудь и смотрѣлъ на нее иначе, то никогда не смѣлъ въ этомъ признаться.—Императрица Екатерина въ своемъ манифестѣ, которымъ она объявляла о низверженіи Петра III и о своемъ восшествіи, говоритъ, что императоръ Петръ III, дошелъ до того, что намѣревался даже содѣлать господствующею въ Россіи вѣрою лютеранскую, отъ чего каждый вѣрный подданный государства долженъ былъ помышлять о пролитіи его крови.—Конечно, не я могу одобрять слова ея; но они, однако же, показываютъ, какъ она понимала единство Россіи и ея вѣры, и хотя сама была не вѣрующая, но никогда не смѣла признаться въ томъ.—И какже можетъ измѣниться характеръ православной Россіи отъ того, что она покорила подъ свою власть нѣсколько милліоновъ католиковъ и нѣсколько милліоновъ протестантовъ, евреевъ, магометанъ и большое количество язычниковъ?—Еслибъ они покорили Россію, тогда только могла бы она утратить господство православнаго духа въ своемъ законоустройствѣ и въ своемъ правительствѣ.—Если же, сохрани Богъ, въ Россіи когда-нибудь сдѣлается что-нибудь противно православію, то все-таки будетъ враждебно Россіи столько же, сколько и вѣрѣ ея. Все, что препятствуетъ правильному и полному развитію православія, все то препятствуетъ развитію и благоденствію народа Русскаго; все, что даетъ ложное и нечисто православное направленіе народному духу и образованности, все то искажаетъ душу Россіи и убиваетъ ея здоровье нравственное, гражданское и политическое. Потому, чѣмъ болѣе будетъ проникаться духомъ православія государственность Россіи и ея правительство, тѣмъ здоровѣе будетъ развитіе народное, тѣмъ благополучнѣе народъ и тѣмъ крѣпче его правительство, и, вмѣстѣ, тѣмъ оно будетъ благоустроеннѣе, ибо благоустройство правительственное возможно только въ духѣ народныхъ убѣжденій.—Если оно будетъ не того духу, то непремѣнно будетъ стѣснять свободное его выраженіе въ жизни и словѣ подъ предлогомъ толеранства и, стѣсняя его, само будетъ стѣсняться имъ и утверждаться противъ него только насильственно, боясь каждой тѣни духа общественнаго, какъ привидѣнія изъ другаго міра.

Ты говоришь: „Церковь и государство едины и тожественны только въ человѣкѣ, и то только въ его таинственномъ центрѣ. Въ проявленіи же въ мірѣ они совершенно различны и общаго ничего не имѣютъ.—Но мы сейчасъ видѣли, что у нихъ общаго—*нравы* и *обычаи* народа, которые происходятъ изъ его убѣжденій, *вѣры*, и съ которыми должно согласоваться его *законное устройство*. Но, кромѣ нравовъ и обычаевъ народа, *всѣ его общественныя отношенія* составляютъ также общую середину между церковью и государствомъ, происходя, болѣе или менѣе, изъ одной и требуя отъ другаго себѣ *гласнаго* утвержденія, или, по крайней мѣрѣ, свободнаго развитія, не стѣсняемаго противорѣчащими законами.

„Церковь, говоришь ты, на землѣ—*гостья*; государство здѣсь—житель, владыка“.—Но если церковь—гостья *званая*, то потому именно ее и угощать слѣдуетъ, чтобы она не оставила не заботящагося о ней хозяина! „Ея вся цѣль—жизнь будущая, ея правила—вѣчныя и безусловныя“. Это правда, но потому-то она и не можетъ покориться требованіямъ здѣшней жизни; потому-то и должно покориться ей государство, котораго „цѣль—жизнь здѣшняя, а правила—временныя, условныя“. Неужели не хорошо здѣшнюю жизнь устраивать сообразно нашимъ понятіямъ о будущей?

„Вѣра, говоришь ты, есть даръ свыше и, вмѣстѣ, самое свободное, самое самобытное дѣйствіе человѣка, потому ее нельзя перенести на государство; слѣдовательно какже можетъ быть государство христіанское—православнымъ?“ Но какъ же ты это понимаешь? Государство можетъ быть языческое, можетъ быть іудейское, магометанское и только не можетъ быть христіанское?

„Для государства, говоришь ты, вѣрою служитъ общественное мнѣніе, которое есть сумма вѣръ человѣческихъ въ посредственномъ, временномъ ихъ проявленіи“. Для чего же ты хочешь, чтобы государство сообразовалось лучше съ этимъ временнымъ, часто ошибочнымъ проявленіемъ народныхъ убѣжденій, а не съ самимъ источникомъ ихъ? Къ тому же говоря: „сумма вѣръ“, а не „вѣра“, ты непремѣнно хочешь подъ словомъ государство понимать или Соединенные Штаты, или Австрію, т.-е. случайный или насильственный слѣпокъ разногласныхъ народностей. Но такое соединеніе разногласій, которыя *воюютъ*, встрѣчаясь другъ съ другомъ, и силятся разорваться при первой возможности,—не можетъ идти въ примѣръ *гармоническаго* устройства государства.

Ты продолжаешь: „общественное мнѣніе устанавливаетъ общественную нравственность, по существу своему временную и условную,—единственное правило для государства; слѣдовательно, *оно должно быть нравственнымъ*“. Я не понимаю здѣсь силлогизма. Почему же единственное правило для государства должна быть только *временная* нравственность, происходящая изъ случайнаго и временнаго общественнаго мнѣнія? Отчего не та—не временная и не случайная—нравственность, происходящая не изъ случайной прихоти общественнаго мнѣнія, но прямо изъ вѣры, господствующей въ государствѣ? Можетъ быть, впрочемъ, что здѣсь-то именно и заключается узелъ всего различія между нашими мнѣніями, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ ихъ практическому примѣненію. Для тебя главное основаніе государства, причина его такого или такого направленія и образованія—однимъ словомъ, его *душа*,—есть *общественное мнѣніе*, или *мнѣніе большинства*. Для меня душа государства есть *господствующая вѣра народа*. Но подумай: право господствованія большинства не сведется ли, въ послѣднемъ результатѣ, къ праву сильнаго? Конечно, и при твоемъ и при

моемъ понятіи о государствѣ должно предположить въ немъ возможность такого оборота вещей, при которомъ грубая эгоистическая сила господствуетъ надъ разумомъ и убѣжденіями народа. Но при моемъ предположеніи это можетъ случиться только обманомъ или явнымъ насиліемъ, т.-е. *беззаконно*. При твоемъ предположеніи это будетъ законное господство партіи, превосходящей по количеству или по силѣ. Вслѣдствіе этого неизбѣжно надобно будетъ признать понятіе Гегелево, что всякое правленіе въ государствѣ равно законно, только бы стояло, и всякая революція равно законна, только бы удалась, и правленіе то беззаконно, которое свергнуто, и революція беззаконна, которая не удалась. Эти-то безнравственныя убѣжденія и привели Европу къ теперешнему ея положенію. Но въ вопросѣ объ отношеніи государства къ церкви ты идешь гораздо дальше Гегеля. Онъ видитъ тѣсную связь между ними, которую ты не признаешь.

Ты кончаешь письмо свое словами: „въ дѣйствительномъ мірѣ, между этими противуположностями (между церковью и государствомъ) нѣтъ примиренія, такъ сказать—моста; и потому они не могутъ ни сидѣть вмѣстѣ на одномъ престолѣ, ни подчинять себя одинъ другому“. Не противорѣчатъ ли эти слова тому, что ты самъ говорилъ сейчасъ же прежде о томъ, что общественное мнѣніе и общественная нравственность служатъ именно этими примирительными мостами между вѣрою и государствомъ?

Прежде еще ты говоришь: „для *общества* нѣтъ ничего вѣчнаго; все для него, какъ и оно само, временно и случайно; вѣчность существуетъ только для *человѣка*—не какъ гражданина, а какъ лица. Государство, которое захочетъ служить вѣчности, должно принять или уставъ Василія Великаго, или иное подобное учрежденіе, но въ обоихъ случаяхъ оно перестаетъ быть государствомъ“. Я думаю, что тутъ есть какая-нибудь ошибка въ твоихъ выраженіяхъ. Ибо не можетъ быть, чтобы ты въ самомъ дѣлѣ думалъ, что цѣль государства должна быть только временная и случайная, а все вѣчное къ нему не относится. Тогда для него и въ немъ не существовало бы ни справедливости, ни нравственности, ни святости законовъ, ни достоинства человѣка, ни духа народнаго и проч., но только удобное и полезное для временныхъ цѣлей. Тогда, способствуя всѣми мѣрами къ развитію благосостоянія физическаго въ народѣ, оно должно всѣми также зависящими отъ него мѣрами заглушать развитіе духовное, какъ могущее быть иногда *прямо противно* этимъ временнымъ цѣлямъ земнаго благосостоянія. Хотя бывали можетъ-быть правители государствъ, которые имѣли подобныя убѣжденія, но, кажется, никто не смѣлъ ихъ громко выговаривать.

Если ты скажешь, что противъ такого угнетательнаго направленія правительствъ ты обезопасилъ себя другимъ требованіемъ, именно тѣмъ, что „государство, какъ ты говоришь, должно доставлять намъ одно: возможность пріобрѣсти все, что нужно для земной жизни, и

пользоваться спокойно этимъ пріобрѣтеніемъ, т.-е. свободу". Это хорошо на словахъ; но почему же ты думаешь, что государство, которое существуетъ съ какою-нибудь мелкою земною цѣлью, послушается твоего требованія свободы? Понятіе о свободѣ политической есть понятіе относительное и отрицательное, и только на немъ основывалось бы и для него существовало бы общество. Какъ и чѣмъ удержишь ты эту свободу въ такомъ устройствѣ, которое не признаетъ другой законности, кромѣ господства большинства, т.-е. перевѣса силы? Если же въ это относительное и отрицательное понятіе о свободѣ политической мы захотимъ вложить смыслъ существенный и положительный и назовемъ ее уваженіемъ къ свободѣ нравственной и къ достоинству человѣка, то такое понятіе непосредственно происходитъ изъ началъ религіозныхъ; и если ты хочешь, чтобы государство признало его, то оно должно признать и производящія его начала за свое законное основаніе. Признать святость нравственнаго лица нельзя, не признавая святости *вѣчныхъ* нравственныхъ истинъ, которыхъ источникъ и средоточіе есть вѣра. Потому, только возникая изъ вѣры, и ей подчиняясь, и ею одушевляясь, можетъ государство развиваться стройно и сильно, не нарушая свободнаго и законнаго развитія личностей и такъ же свободно и живительно согласуясь съ духомъ народа, проникнутаго тою же вѣрою.

Здѣсь оканчиваю я письмо мое, любезный другъ, но не отвѣтъ, ибо надѣюсь продолжать въ Калугѣ. Но письмо это дошло до того пункта, на которомъ кончилось первое и съ котораго оно было отодвинуто твоимъ нападеніемъ. Слѣдов. эти 3 письма (2 моихъ и 1 твое) составляютъ одну половину вопроса, т.-е. объ отношеніи государства къ церкви *вообще*. Вторая половина будетъ разсматривать эти отношенія въ особенности, т.-е. какая система вѣрованія соотвѣтствуетъ какому устройству государства. Здѣсь-то и заключается настоящее зерно моей мысли. Потому, если напишешь на это письмо отвѣтъ, то не сообщай его мнѣ прежде окончанія моего письма. Остаюсь и проч.

31.

ЕМУ-ЖЕ *).

1 Іюня 1854 года.

Любезный другъ! Прилагаю расписку Вреде и очень бы желалъ поскорѣе узнать отъ тебя, такъ ли я сдѣлалъ, что отдалъ ему деньги, не получивъ отъ него твоей сохранной расписки, которую онъ, какъ говоритъ, забылъ въ деревнѣ. Это въ его распискѣ прописано, и я потому не рѣшился затрудняться въ выдачѣ, думая тѣмъ исполнить

---

*) Съ подлинника. Было напечатано въ *Рус. Арх.* 1909 кн. 5.

твое желаніе. Если же есть у тебя какое нибудь сомнѣніе, то напиши поскорѣе, покуда онъ не уѣхалъ за границу.

Что то ты подѣлываешь въ деревнѣ? Я съ самаго отъѣзда твоего почти ничего не дѣлалъ. Теперь моя жена переѣхала въ Сокольники на мѣсяцъ, дышать смолянымъ воздухомъ и пить кумысъ, по приказанію доктора, а я разъѣзжаю между Сокольниками и Красными воротами.

Новаго въ Москвѣ ничего нѣтъ, кромѣ того, что графиня Растопчина докричалась до того, что наконецъ ей повѣрило правительство, которое, будь сказано между нами, при всѣхъ своихъ качествахъ имѣетъ тотъ важный недостатокъ, что почти совсѣмъ лишено литераратурной образованности, и потому не можетъ отличить, что ему вредно въ литературѣ, отъ того, что можетъ поддержать его силу. И вслѣдствіе этого, Хомякова, который, какъ ты знаешь, былъ всегда защитникомъ самодержавія и православія, на котораго за это даже нападали такъ называемые либералы отъ 1823 года по сіе время, на котораго вообще нападали еще за то, что онъ одинъ изо всѣхъ поэтовъ всегда хвалилъ Россію, теперь призывали къ графу Закревскому, и по предписанію 3-го Отдѣленія взяли съ него росписку въ томъ, что онъ никому не будетъ сообщать своихъ сочиненій прежде, чѣмъ ихъ утвердитъ цензура. Это за то, что онъ въ стихахъ своихъ къ Россіи сказалъ, что у насъ нѣтъ правды въ судахъ. Эта мѣра, разумѣется, очень дѣйствительное средство для того, чтобы убить вдохновеніе поэта. Каково, сочиняя стихи, думать о чиновникахъ главнаго цензурнаго Комитета! Хомяковъ старается не показать, что это его огорчило, но не могло быть иначе. Когда сообразишь нѣкоторые факты вмѣстѣ, дѣлается очень странно: преслѣдуютъ сочиненія и память Гоголя, который стоялъ за самодержавіе; преслѣдуютъ Хомякова, который тоже стоитъ за самодержавіе; а безсовѣстныя похвалы, которыя вся публика принимаетъ за насмѣшку, правительство принимаетъ за чистыя деньги, и даетъ за нихъ награды и перстни. Что заключить изъ этого? Къ тому же преслѣдуются люди съ талантомъ, а покровительствуются люди бездарные.

Обнимаю тебя и надѣюсь имѣть скорый отвѣтъ.

Душевно тебѣ преданный

Иванъ Кирѣевскій.

32.

А. В. ВЕНЕВИТИНОВУ *).

2 іюня 1874 г.

Мы надѣемся видѣть тебя въ проѣздъ черезъ Москву, когда ты, какъ говорятъ, поѣдешь осматривать твои вѣдомства. Очень бы хо-

*) Барсуковъ, *Погодинъ*, т. XIII стр. 129.

рошо было, еслибъ жена твоя поѣхала съ тобою и еслибы вы побольше пробыли въ Москвѣ. Особенно теперь пора оставить Петербургъ, съ его холернымъ воздухомъ и не-Русскимъ духомъ, дрожащимъ отъ Австрійскаго кулака. Цыгарка испугала медвѣдя. Здѣсь почти всѣ сословія доходятъ до отчаянія извѣстіями о нашихъ уступкахъ, а у васъ, говорятъ, не скрываясь, боятся войны и просятъ мира. Если правда, то можно ли оставаться здоровымъ въ такомъ воздухѣ, который такъ здоровъ для Нѣмцевъ? Я воображаю, въ какое негодованіе приходитъ Аполлина Михайловна отъ дѣйствій этихъ не-Гоголевскихъ мертвыхъ душъ. Ея прекрасная нетерпимость къ гадостямъ должна еще несравненно больше страдать отъ гадостей нравственныхъ, чѣмъ отъ гадостей художественныхъ. Потому уѣзжайте поскорѣе въ глубь Россіи, хоть на короткое время отдохнуть посреди благородныхъ душъ ревизскихъ, отъ духоты мертвыхъ душъ, управляющихъ живыми, не краснѣя. А между тѣмъ, по дорогѣ, заѣзжайте въ Москву и дайте намъ возможность видѣть васъ и удовольствіе выразить лично, какъ много и какъ отъ всей души любимъ мы васъ.—Говоря *мы*, я особенно разумѣю меня и мою жену, а говоря *вы*, я разумѣю тебя и твою милую жену.

33.

ОПТИНСКОМУ СТАРЦУ МАКАРІЮ *).

9 Іюля 1854 г.

Искренно-любимый и уважаемый Батюшка! Сейчасъ прочелъ я Ваше письмо изъ Калуги къ Н. П. и теперь же хочу поздравить Васъ съ полученіемъ наперснаго креста. Хотя я и знаю, что ни это, ни какое видимое отличіе не составляютъ для Васъ ничего существеннаго, и что не такія отличія Вы могли бы получить, если бы сколько нибудь желали ихъ,—однакоже все почему-то очень пріятно слышать это. Можетъ быть потому, что это будетъ пріятно для всѣхъ любящихъ Васъ. Мы всегда видѣли, какъ Вы внутри сердца Вашего носите крестъ Господень и сострадаете Ему въ любви къ грѣшникамъ. Теперь та святыня,' которая внутри любящаго сердца Вашего, будетъ очевидна для всѣхъ на груди Вашей. Дай, Боже, чтобы на многіе, многіе и благополучные лѣта! Дай, Боже, многіе лѣта за то и благочестивому Архіерею нашему.

Другая часть письма Вашего произвела на меня совсѣмъ противоположное дѣйствіе. Вы пишите, что страдаете отъ безсонницы, и что

---

*) Напечат. въ „Историч. описаніи Козельской Оптиной пустыни“ 1902 г. стр. 196.

четыре ночи совсѣмъ не могли заснуть. Это, кромѣ того, что мучительно, но еще и крайне вредно для здоровья. Не имѣетъ ли на это какое нибудь вліяніе послѣобѣденный чай? Потомъ думаю я и то, что сонъ Вашъ отнимаютъ заботы о всѣхъ насъ грѣшныхъ, которые съ нашими страданіями и грѣхами къ Вамъ относимся. Вы думаете, какъ и чѣмъ подсобить требующимъ Вашей помощи, и это отнимаетъ у Васъ спокойствіе сердечное. Но подумайте, Милостивый Батюшка, что душевное здоровье всѣхъ насъ зависитъ отъ Вашего тѣлеснаго. Смотрите на себя, какъ на ближняго. Одного вздоху Вашего обо всѣхъ насъ вообще къ Милостивому Богу довольно для того, чтобы Онъ всѣхъ насъ прикрылъ Своимъ теплымъ крыломъ. На этой истинной вѣрѣ почивайте, Милостивый Батюшка, на здоровье всѣмъ намъ. Отгоните отъ себя заботливыя мысли, какъ враговъ не только Вашего, но и нашего спокойствія, и, ложась на подушку, поручите заботы объ насъ Господу, Который не спитъ.—Ваша любовь, не знающая границъ, разрушаетъ тѣло Ваше.

34.

ЕМУ-ЖЕ *).

13 Ноября 1854 г.

Многоуважаемый и искренно любимый Батюшка!

Н. Петр. сообщила мнѣ письмо Ваше къ ней отъ 6 Ноября, въ которомъ Вы изволите писать о Максимѣ Исповѣдникѣ, и я вижу изъ Вашихъ словъ мое крайнее неразуміе въ пониманіи этого высокаго духовнаго Писателя, и прошу Васъ простить меня въ этомъ. Я полагалъ, что главная трудность въ пониманіи его писаній заключается не столько въ духовной высотѣ, сколько въ формахъ языка, занятыхъ, какъ я думалъ, у философскихъ системъ того времени, и особенно новоплатониковъ. Вотъ почему я былъ такъ дерзокъ, что осмѣлился предложить Вамъ свои услуги въ дѣлѣ перевода, предполагая въ мѣстахъ неудобопонятныхъ искать объясненія въ философскихъ терминахъ и оборотахъ мыслей древнихъ школъ. Но поистинѣ, Батюшка, я думалъ только о буквальномъ смыслѣ, а не о духовномъ, и если бы зналъ, что дѣло идетъ о послѣднемъ, то не смѣлъ бы предложить своего участія. Я очень хорошо знаю, и глубоко чувствую, какъ слѣпъ я въ этомъ послѣднемъ отношеніи, и не только тамъ, гдѣ мысль выражена неясно, но даже тамъ, гдѣ она сказана просто и удобопонятно даже для дѣтей, какъ напримѣръ въ Евангеліи,—я безпрестанно нахожу для себя темноты, которыхъ не могу проникнуть, и въ этихъ случаяхъ

*) Напечат. тамъ-же, стр. 198.

обыкновенно рѣшаю мои недоумѣнія предположеніемъ просить объясненія у Васъ; хотя въ тоже время чувствую, что даже и Ваши объясненія могутъ только указать, *куда* смотрѣть, а не дадутъ *глазъ*, которыми видѣть.—Чтоже касается до того высшаго умозрѣнія, о которомъ Вы пишите, и которое открывается по дѣяніи, то кому же дастъ его Господь, если не Вамъ. Это умозрѣніе жизненное и живое, которое горитъ какъ свѣча предъ Господомъ, и освѣщаетъ все вокругъ себя, и зажигаетъ свѣтильникъ въ чистыхъ лампадахъ Васъ окружающихъ; это свѣтъ, на который мы, далекіе отъ Васъ, смотримъ съ благоговѣніемъ и любовію, какъ на Божій даръ, посланный Имъ на пользу, вразумленіе и утѣшеніе людей Вамъ современныхъ.—Потому, простите меня, Батюшка, если я думаю, что Св. Максимъ едва ли говорилъ такія вещи, которыя въ духовномъ смыслѣ могли бы быть для Васъ невразумительными, хотя въ смыслѣ буквальномъ и наружно-философскомъ онъ сказалъ многое такое, что, можетъ быть, и навсегда и для всѣхъ останется не вполнѣ объясненнымъ.—Впрочемъ, опять повторяю, что не понимая въ этомъ дѣлѣ почти ничего, я вполнѣ покоряю мое сужденіе Вашему, и прошу меня простить за мое безразсудное мнѣніе.

35.

А. И. КОШЕЛЕВУ *).

17 Іюня 1855.

Я получилъ письмо твое, любезный другъ, изъ котораго вижу, что ты проводишь время свое довольно непріятно, по причинѣ худаго урожая, который грозитъ оставить людей безъ хлѣба на будущій годъ, и тяжелаго ихъ положенія въ нынѣшнемъ году, по которому они уже и теперь безъ хлѣба. Явно, что не случайности, не человѣческія неразумія, а Самъ Господь наказываетъ насъ за наши грѣхи, и наказаніемъ хочетъ пробудить въ насъ заснувшія нравственныя силы.—Если такъ, то велика Его милость къ намъ. Только бы мы захотѣли, и сумѣли вразумиться.—Къ намъ изъ Тамбовской деревни пишутъ тоже, что почти все пропало, земля раскалилась отъ жаровъ, и дождей не было до 13-го Іюня, когда писано послѣднее письмо. Между тѣмъ по дѣлу нашему наши антагонисты уже подали въ Шацкѣ прошеніе объ аппеляціи 1-го Іюня, и вѣроятно теперь въ Тамбовѣ уже дѣло въ ходу. Не можешь-ли узнать о его положеніи и черезъ твоихъ знакомыхъ поговорить съ секретаремъ?—Въ Долбинѣ у насъ урожай хотя плохъ, но не совсѣмъ ничтоженъ. Дожди кой-когда были; но жатва также должна начаться около Петрова дня. Небывалое обстоятельство. Мы

---

*) Съ подлинника.

еще не уѣхали, однакоже на пунктѣ отъѣзда. Были у Троицы со всей семьей, и возвратившись отъ туда Наталья Петровна сдѣлалась больна. Теперь ей лучше и мы надѣемся скоро выѣхать. По причинѣ этой поѣздки къ Троицѣ и болѣзни жены, мы до сихъ поръ не отвѣчали на милое письмо Ольги Ѳедоровны. Передай ей нашъ дружескій поклонъ и скажи, что на дняхъ будемъ писать къ ней. Въ Москвѣ нѣтъ никого. Матушка уѣхала на прошедшей недѣлѣ, Хомяк. и Сам. также. Бо̀льшая часть домовъ замазаны мѣломъ или отдаются въ наймы. По улицамъ рѣдко встрѣтится карета. Если кто остался, то живутъ на дачахъ. Я отъ роду не видалъ такой пустой Москвы.—Къ намъ пріѣхалъ сынъ на лѣтнія вакаціи, и мы веземъ его въ деревню. Здѣсь и пусто, и душно, и скучно; и тоска беретъ, какой я давно не испытывалъ.

Обнимаю тебя и надѣюсь писать тотчасъ по пріѣздѣ въ Долбино.

Твой И. Кирѣевскій.

36.

ЕМУ-ЖЕ *).

1855. 26 Іюля. Долбино.

Наконецъ мы пріѣхали въ Долбино, любезный другъ Кошелевъ, и спѣшу извѣстить объ этомъ тебя, чтобы ты адресовалъ письма въ Бѣлевъ. Я не былъ здѣсь четыре года. Хозяйство нашелъ въ довольно хорошемъ видѣ, т. е. то, что обыкновенно называется хозяйствомъ. Но крестьянъ нашелъ крайне обѣднѣвшими. Два года сряду былъ у нихъ неурожай хлѣба, и сверхъ того въ одной части имѣнія былъ падежъ на скотъ, такъ что у нихъ не осталось ни коровы, ни овцы. Нынѣшній урожай ржи, слава Богу, порядочный; но овесъ ниже посредственнаго. Цѣны на овесъ подымаются, на гречиху еще болѣе, но на рожь слабѣютъ. Извѣсти пожалуйста, какъ у васъ, чтобы можно было нѣсколько сообразить о продажѣ. Кромѣ того прошу тебя сказать мнѣ, доволенъ ли ты Вильсоновской молотилкой и что она стоитъ? Если ты доволенъ ею, и стоитъ она не очень дорого, то прошу тебя прислать мнѣ адресъ Вильсона и рекомендательное письмо отъ тебя къ нему, чтобы онъ не обманулъ меня. Тебя онъ уважаетъ и сдѣлаетъ поаккуратнѣе, если будетъ знать, что ты въ этомъ участвуешь. Прошу тебя прислать мнѣ это на первой почтѣ. Я пріѣхалъ сюда 22-го, и до сихъ поръ еще не видалъ ни матушки, ни тетушки, ни газетъ, которыхъ къ намъ что-то не высылаютъ. Книги еще не раскрывалъ никакой. Только смотрѣлъ хозяйство, уставалъ отъ жару, и лѣнился. Въ жизни деревенской есть что-то душное и грустное, по крайней мѣрѣ для меня. Точно пробкой

---

*) Съ подлинника. Было напечатано въ *Рус. Арх.* 1909 кн. 5.

по стеклу водять. Въ Москвѣ можетъ быть уединеніе; здѣсь самыя сухія заботы, безъ малѣйшей надежды на какой нибудь удовлетворительный успѣхъ. Если бы я имѣлъ твои убѣжденія о возможности и пользѣ скорой эмансипаціи, тогда бы мнѣ было отраднѣе; но я, по несчастію, такъ ясно вижу, что отъ этого *теперь* можетъ произойти только огромный вредъ, безъ всякой настоящей пользы, и можетъ быть даже вредъ неисправимый,—я это вижу такъ ясно, что не могу обманывать себя утѣшительными мечтами, какъ бы ни было пріятно имъ предаваться. Что твоя политическая экономія? и согласенъ ли ты со мной въ томъ, что я говорю о Росси? Получилъ ли Хомяковъ отвѣтъ отъ Норова? Имѣешь ли извѣстія о нашемъ дѣлѣ? И не думаешь ли побывать въ Оптинѣ? Тамъ очень хорошо. Мы проѣзжали черезъ него и останавливались тамъ на два дня. Тамъ въ самомъ дѣлѣ душа отдыхаетъ. Обнимаю тебя и дружески кланяюсь твоей женѣ. Преданный тебѣ И. К.

37.

ЕМУ-ЖЕ *).

Долбино (1855) 13 Августа.

Не знаю, застанетъ ли тебя въ Москвѣ это письмо, любезный другъ Кошелевъ, но на всякій случай спѣшу сказать тебѣ нѣсколько словъ въ отвѣтъ на твое писаніе, чтобы предупредить тебя, если возможно, отъ опрометчиваго дѣйствія. Ты думаешь, какъ кажется изъ твоего письма, поддерживать Москвитянинъ, или даже купить его. Но купить Москвитянинъ будетъ вамъ рѣшительно вредно. Новый журналъ, совсѣмъ новый, съ новою мыслію, съ новыми людьми и съ яснымъ, чистымъ убѣжденіемъ, можетъ быть одинъ для васъ полезенъ и настоящимъ орудіемъ вашихъ намѣреній. Москвитянинъ же въ десять лѣтъ не выпутается изъ своей смѣшанной репутаціи. Въ новомъ журналѣ каждая мысль будетъ самостоятельна; все недосказанное будетъ дополняться свѣжими соображеніями читателей. Въ старомъ же журналѣ и новая мысль будетъ толковаться прежнимъ духомъ изданія. Самъ Погодинъ, я думаю, такой сотрудникъ, который будетъ непремѣнно парализировать вашу самобытность, не только въ денежномъ отношеніи, но и во многомъ другомъ. Что касается до его писемъ, то хотя я и передавалъ тебѣ слова его, что онъ отдаетъ ихъ въ журналъ, но я сдѣлалъ это безъ примѣчаній потому, что полагалъ, ты поймешь всю несбыточность такой приманки, которою онъ хочетъ васъ привлечь

---

*) Съ подлинника. Было напечатано въ *Рус. Арх.* 1909 кн. 5.

на свой журналъ. Но ты вспомни ихъ содержаніе, и увидишь, что о печатаніи ихъ не можетъ быть и мысли, не только старанія. Кромѣ же того я не знаю, чѣмъ онъ можетъ быть полезенъ журналу. Если документами старины, то это не поддерживаетъ журнала. Что же касается до Филиппова, то мнѣ кажется ты ошибаешься, думая, что въ его рукахъ журналъ будетъ вялъ и односторонепъ. Филипповъ въ вашемъ кругу будетъ проникнутъ вашимъ духомъ и воззрѣніемъ на литературу и проч., ибо вашъ духъ также вѣрующій, какъ и его, но только больше развитъ въ отношеніи къ внѣшней образованности. Пишетъ онъ не только не вяло, но съ замѣчательнымъ талантомъ. А дѣятельность и легкость работы у него въ замѣчательной степени. Я былъ свидѣтелемъ, какъ онъ одну книгу перевелъ всю въ нѣсколько дней, при всѣхъ другихъ своихъ занятіяхъ. Нынѣшній годъ онъ въ Оптинѣ говѣлъ, и въ эти дни, между службами, тоже списалъ цѣлую Греческую книжку. Для журнальной дѣятельности это кладъ. Впрочемъ, разумѣется надобно вамъ будетъ, если хотите получить позволеніе, непремѣнно ѣхать въ Петербургъ, и тамъ хлопотать и настаивать. Безъ того ничего не сдѣлается. Вотъ мое мнѣніе.

Преданный тебѣ И. К.

Мой Вася теперь въ Москвѣ до 14-го, т.-е. до завтра.

38.

ЕМУ-ЖЕ *).

Долбино. 11 ноября (вѣроятно 1855 г.).

Письмо твое отъ 23 окт. я получилъ 30 окт., а статью, **) которую ждалъ съ нетерпѣніемъ, получилъ только 7 ноября. Я прочелъ ее съ большимъ интересомъ и возвращаю на первой же почтѣ. Очень желаю, чтобы она была напечатана, потому что она, безъ сомнѣнія, будетъ очень полезна. Мысль ея истинная, и сказано съ одушевленіемъ. Если въ ней есть недостатокъ, то тотъ, что она не довольно сжата и въ ней есть повторенія. Впрочемъ, можетъ-быть для большинства читателей это не мѣшаетъ, а поможетъ понять и убѣдиться. Потомъ, мнѣ кажется, что у тебя не довольно развита главная мысль, мелькомъ сказанная въ концѣ, т.-е. что просвѣщеніе западное только *вредною стороною своею* противно русскому православному духу, но *существенная* сторона его не только не противна духу русскому, но еще необходима для его полнѣйшаго развитія, какъ и православное направленіе необходимо для полнѣйшаго развитія самого западнаго просвѣщенія, что

*) Колюпановъ, *указ. соч.* стр. 99.
**) О какой статьѣ Кошелева говоритъ здѣсь Кирѣевскій, не извѣстно.

начала русской основной образованности только потому *особенны* отъ западныхъ, что они - *высшая ихъ ступень*, а не потому, чтобы были совершенно *иныя*. По этой-то причинѣ русская особенность и можетъ своимъ развитіемъ задушить вредную сторону западной образованности, что направитъ ее въ сторону истинную; по этой же причинѣ и сама русская особенность можетъ быть задушена западнымъ просвѣщеніемъ, если ей не дадутъ развиться во̀-время, прежде чѣмъ ложное направленіе Запада возьметъ совершенно верхъ надъ русскою особенностію въ Россіи. Оттого совершенно справедливо говоришь ты, что упустить благопріятное время было бы ошибкою можетъ-быть неисправимою.

Недостаточность и даже вредность мѣръ запретительныхъ очевидна изъ того, что русская особенность не есть развитое и готовое просвѣщеніе, но только его основаніе, только направленіе, дрожжи, которыя должны перебродить въ мукѣ, чтобы вышелъ хлѣбъ. Еслибы возможно было остановить входъ въ Россію западнаго просвѣщенія, то изъ этого вышло бы то послѣдствіе, что русскій умъ пришелъ бы въ еще бо̀льшую подчиненность Западу, котораго вліяніе сдѣлалось бы еще сильнѣе.

Позволяйте все, — сказать нельзя и не должно. Есть книги безусловно вредныя, именно тѣ, которыя возбуждаютъ и воспламеняютъ бурныя страсти. Противъ ложнаго разсужденія есть противоядіе въ самомъ разсужденіи. Но страсть — вино. Страсть, возбужденная книгою,—вино фальшивое и вредное для здоровья. Если не запретить его продажу, то люди могутъ отравиться. Крѣпкихъ желудковъ не много и для нихъ могутъ быть исключенія.

Вотъ, любезный другъ, мои мысли о твоей статьѣ. Повторяю, она очень хороша, и интересна, и жива, и дѣльна; но я думаю, что она была бы еще лучше, еслибы ты немного сократилъ ее, уничтоживъ повторенія, и немного распространилъ мысль твою объ общихъ свойствахъ русскаго просвѣщенія, ибо, право, эта мысль незнакома почти никому, а твоя статья писана въ такомъ тонѣ, что ее должна читать вся масса русскихъ читателей, а не пять-шесть твоихъ пріятелей. Обыкновенно же у насъ подъ русскимъ духомъ понимаютъ только *отсутствіе* образованности и нѣкоторыя характеристическія особенности нравовъ, не подозрѣвая, что эти особенности связаны съ нѣкоторыми *положительными* началами высшаго просвѣщенія.

Очень бы желалъ, чтобъ эти замѣчанія мои тебѣ на что-нибудь пригодились. Если же не найдешь ихъ дѣльными, то извини. Я говорю съ тобою, какъ бы съ самимъ собою, прямо, что̀ приходитъ въ голову. Не мудрено, что и вздоръ въ голову придетъ. Авторъ долженъ слушать всѣ критики, а принимать изъ нихъ только то, что̀ самому по сердцу. Но по довѣренности, или по дружбѣ, не должно ничего перемѣнять, особенно въ сочиненіи, которое написано con amore.

Прошу тебя извѣстить меня о судьбѣ твоего журнала. Хочетъ ли Хомяковъ ѣхать въ П-бургъ, и когда именно? Мнѣ это не только ин-

тересно знать, но и нужно. Если онъ не поѣдетъ, или поѣдетъ еще не скоро, то я буду писать къ Норову о себѣ. Мнѣ очень наскучило быть нѣмымъ.

Что наше дѣло? Что сдѣлала Палата? Ольга Ѳедоровна писала къ женѣ, что Палата что-то сдѣлала. Очень бы желательно было узнать объ этомъ пообстоятельнѣе и поскорѣе. Хотя я и совершенно покоенъ на этотъ счетъ, зная, что въ вашихъ рукахъ оно пойдетъ лучше и успѣшнѣе, чѣмъ бы могло идти въ моихъ, но все же любопытно знать.

Ты нѣсколько разъ писалъ ко мнѣ, что вы нарядились въ русское платье.—Очень радуюсь за васъ, если это платье удобно и красиво. Но не знаю, радоваться ли за платье. Для него, кажется, было бы здоровѣе, еслибы прежде другихъ въ него нарядились Писемскій съ Сушковымъ. Не худо бы было обмундировать въ него для образца и княгиню Одоевскую. Намъ съ тобой, кажется, не мѣшало бы и подождать, покуда увидимъ, какой эффектъ они сдѣлаютъ.

Я писалъ къ тебѣ нынче лѣтомъ о молотильной машинѣ и просилъ совѣта, какую взять. Ты совѣтовалъ мнѣ подождать, покуда Петровскій изобрѣтетъ машину новаго устройства.

39.

А. В. ВЕНЕВИТИНОВУ *).

(Конецъ 1855 г.)

Боже мой, какое ужасное извѣстіе сообщилъ намъ А. И. Рейнгардъ! Михаилъ Михайловичъ, это чистое, благородное существо—палъ жертвою этой проклятой войны!**)—Признаюсь тебѣ, немногихъ изъ падшихъ героевъ Севастополя было мнѣ такъ жаль, какъ его. Другіе отдавали свою жизнь съ самоотверженіемъ, но и съ запальчивостью страсти. Въ немъ горѣлъ чистый огонь самосознательнаго, высокаго самопожертвованія. Героевъ воинскихъ Россія, слава Богу, найдетъ. Но гдѣ найти такого человѣка, какъ былъ онъ, насквозь проникнутаго святостью долга, благородствомъ и возвышенностью убѣжденій.—Всѣ, кто принимаетъ участіе въ общемъ дѣлѣ, слѣдили за его дѣйствіями съ какою-то особенною любовью. Какъ перенесетъ эту потерю Михаилъ Юрьевичъ?***) Въ немъ онъ оживалъ новою жизнію. Тяжело даже подумать о его положеніи. Для Матвѣя Юрьевича†), эта потеря,—я думаю, будетъ почти

*) Барсуковъ, *Погодинъ*, т. XIV стр. 136.

**) Гр. Мих. Мих. Вьельгорскій, предсѣдатель госпитальной комиссіи въ Севастополѣ; онъ умеръ въ Симферополѣ, заразившись тифомъ.

***) Графъ Вьельгорскій, отецъ Михаила Михайловича.

†) Братъ Михаила Юрьевича.

также чувствительна. Онъ, говорятъ, любилъ его почти какъ сына. Когда я ихъ видѣлъ вмѣстѣ, мнѣ казалось, что иногда,—смотря на Михаила Михайловича, въ его глазахъ выражалось столько невольной любви и нѣжности, что это замѣчаніе мое тогда еще прибавило много прекрасныхъ чувствъ къ тому понятію, которое я имѣлъ о внутреннемъ счастіи вашей рѣдкой, дружной семьи. И вотъ, какъ оборвалось это счастіе семейной любви! Анна Михайловна *), говорятъ, была больше другихъ дружна съ нимъ. Дай ей Богъ силу и вѣру, чтобы перенести это тяжелое испытаніе! Но за Аполлину Михайловну**) я боюсь больше всѣхъ. Ея здоровье и безъ того разстроено, къ тому же она не знаетъ границъ въ движеніяхъ своего прекраснаго сердца. Потому позволь мнѣ тебѣ напомнить, что у васъ въ Петербургѣ теперь находится о. Матвѣй, котораго слово не безъ духовной силы. Если ты пошлешь за нимъ, то онъ вѣрно не откажется навѣстить васъ.—Я увѣренъ, что бесѣда съ нимъ удержитъ въ христіанскомъ равновѣсіи вѣрующую душу, которая часто тѣмъ способнѣе терять это равновѣсіе, чѣмъ въ ней больше природной любви и самозабвенія. Увлекшись горемъ, мы забываемъ то, что, можетъ быть, знаемъ лучше другихъ въ минуты обыкновенныя, забываемъ, что Господь любитъ насъ больше, чѣмъ мать любитъ своего ребенка, что если Онъ, Милосердный, посылаетъ намъ утрату, то видно, это не утрата, а пріобрѣтеніе,—видно это самое лучшее, что только можетъ быть для насъ и для утраченнаго. И кто знаетъ, можетъ быть, эта короткая разлука есть необходимое условіе того, чтобы послѣ полнѣе и внутреннѣе соединиться. И кто намъ сказалъ, что оставляющій земную жизнь разлучается съ нами? Если въ нашемъ сердцѣ то чувство, которое составляетъ и его душевную жизнь, то очевидно, что наше сердце становится мѣстомъ, гдѣ онъ пребываетъ, не мысленно, а существенно сопроницаясь съ нимъ. Ты поймешь мою мистику, любезный другъ, не смотря на то, что тебя называютъ дѣловымъ и положительнымъ человѣкомъ. Для тебя жизнь сердечная—твоя настоящая. Я помню, какое глубокое, какое продолжительное и проницающее горе овладѣло тобою по кончинѣ твоего брата***)!—Зато послѣ ты одинъ устоялъ въ вѣрѣ, когда друзья твои почти всѣ колебались и падали. Вѣренъ Господь Милосердный и Всемогущій. Онъ не погубитъ чистой любви нашего сердца, что бы ни представлялось въ видимой жизни. Прости меня, любезный другъ, если письмо мое неумѣстно. Подумавши, я чувствую, что недостаточенъ сказать слово утѣшительное. Но потребность говорить съ тобой въ эту минуту была сильнѣе другихъ соображеній. Обнимаю тебя.

---

*) Сестра Михаила Михайловича.
**) Рожденная графиня Вьельгорская, супруга А. В. Веневитинова.
***) Дмитрія Владиміровича, скончавшагося въ 1827 г.

ПРИМѢЧАНІЯ.

— **Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина** (стр. 1).—Напечат. въ „Московск. Вѣстн.“ 1828 г., ч. VIII, за подписью 9. 11 (т. е. И. К.).

— **Обозрѣніе русской словесности за 1829 г.** (стр. 14).—Напечат. въ альманахѣ Максимовича „Денница“ на 1830-й годъ.

— **Обозрѣніе русской словесности за 1831 г.** (стр. 40).—Напечат. въ „Европейцѣ“ 1832 г.

— **Русскіе альманахи на 1832 г.** (стр. 55).—Напечат. тамъ-же.

— **Горе отъ ума—на Московскомъ театрѣ** (стр. 58).—Тамъ-же.

— **Нѣсколько словъ о слогѣ Вильменя** (стр. 62).—Тамъ-же.

— **О русскихъ писательницахъ** (стр. 65).—Напечат. въ „Одесскомъ альманахѣ“ 1834 г.

— **О стихотвореніяхъ г. Языкова** (стр. 76).—Напечат. въ „Телескопѣ“ 1834 г., ч. XIX, кн. 3 и 4, за подписью: У—z.

— **Е. А. Баратынскій** (стр. 87).—Напечат. въ „Библіотекѣ для воспитанія“ 1845 г., ч. III, отд. 1, перепечатано въ „Русск. Арх.“ 1874 г., кн. II; въ 1-ое изданіе не вошло.

— **Жизнь Стефенса** (стр. 90).—Напечат. въ „Москвитянинѣ“ 1845 г. кн. 1, какъ вступленіе къ выдержкамъ изъ автобіографіи Стефенса.

— **Сочиненія Паскаля** (стр. 104).—Тамъ-же, кн. 3.

— **Публичныя лекціи проф. Шевырева** (стр. 109).—Тамъ же, кн. 1.

— **Сельское хозяйство** (стр. 115).—Тамъ-же, кн. 1, какъ предисловіе къ серіи статей Я. Линовскаго по сельск. хозяйству.

— **Библіографическія статьи** (стр. 119).—Тамъ-же, кн. 1, 2, 3.

— **Царицынская ночь** (стр. 147).—Впервые напечат. въ 1-мъ изд. См. выше, т. I, стр. 11.

— **Опалъ** (стр. 151).—См. слѣдующее примѣч.

— **Отрывокъ изъ романа: Двѣ жизни** (стр. 164).—Въ „Матеріалахъ для біографіи И. В. К.“ (см. выше, т. I. стр. 61) Н. А. Елагинъ говоритъ, что и этотъ „Отрывокъ“, и „Опалъ“ были написаны для „Европейца“, но напечатаны впослѣдствіи. „Отрывокъ“ былъ напечатанъ, за подписью: У-z, въ „Телескопѣ“ 1834 г. ч. XIX. Намъ не удалось опредѣлить, гдѣ появился впервые „Опалъ“.

— **Островъ** (стр. 172).—Впервые напечат. въ 1-мъ изд.

— **Мицкевичу** (стр. 210).—Впервые напечат. по-русски въ *Рус. Арх.* 1874 г., т. II, стр. 223; было напечатано латинскими литерами въ примѣчаніяхъ къ франц. изданію сочиненій Мицкевича 1872 года. „Передъ отъѣздомъ Мицкевича изъ Москвы въ Петербургъ въ 1828 году, въ квар-

тирѣ Соболевскаго на прощальномъ ужинѣ Мицкевичу поднесенъ былъ золотой кубокъ съ вышеприведенными стихами. На кубкѣ вырѣзаны имена: Баратынскаго, двухъ братьевъ Кирѣевскихъ, вотчима ихъ Алексѣя Андреевича Елагина, Н. М. Рожалина, Н. А. Полеваго, Шевырева и Соболевскаго" (*Рус. Арх.* тамъ-же, стр. 224).

— **Хоръ изъ трагедіи Андромаха** (стр. 211).—Впервые напечат. въ альманахѣ „Денница" 1831 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

2-го тома.

Второй отдѣлъ:

Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина 1
Обозрѣніе Русской словесности за 1829 годъ 14
Обозрѣніе Русской словесности за 1831 годъ 40
Русскіе альманахи на 1832 годъ 55
„Горе отъ ума" на Московскомъ театрѣ 58
Нѣсколько словъ о слогѣ Вильменя 62
О русскихъ писательницахъ 65
О стихотвореніяхъ г. Языкова 76
Е. А. Баратынскій 87
Жизнь Стефенса 90
Рѣчь Шеллинга 92
Сочиненія Паскаля, изданныя Кузенемъ 104
Публичныя лекціи профессора Шевырева 109
Сельское хозяйство 115
Библіографическія статьи:

(Введеніе) 119
„Молитва Св. Ефрема Сирина" / „О грѣхѣ и его послѣдствіяхъ" 123
„О воспитаніи дѣтей въ духѣ христіанскаго благочестія" 127
„Фаустъ", трагедія, соч. Гете, перев. М. Вронченко 128
„На сонъ грядущій", соч. гр. В. А. Соллогуба 131
„Опытъ науки философіи", соч. Надеждина 132
„Лука да Марья", соч. Ѳ. Глинки 135
О романѣ О. П. Шишкиной „Прокопій Ляпуновъ" 142

Третій отдѣлъ:

Царицынская ночь 147
Опалъ 151
Отрывокъ изъ романа: Двѣ жизни 164
Островъ 172
Мицкевичу, стих 210
Хоръ изъ трагедіи Андромаха, стих 211

Письма:

1. А. И. Кошелеву, *4 іюля 1828 г.* 215
2. М. П. Погодину, *нач. 1830 г.* 216
3. П. В. Кирѣевскому, *16—21 марта 1830 г.* 217
4. М. В. Кирѣевской, *авг. 1830 г.* 220
5. А. И. Кошелеву, *янв. 1831 г.* 222
6. В. А. Жуковскому, *6 окт. 1831 г.* 224
7. А. И. Кошелеву, *1832 г.* 225
8. Ему-же, *6 іюля 1833 или 1834 г.* 226
9. А. А. Елагину, *мартъ 1834 г.* 228
10. А. П. Елагиной, *1836 г.* 228
11. В. А. Елагину, *1842 г.* 229
12. А. С. Хомякову, *10 апр. 1844 г.* 230
13. Ему-же, *2 мая 1844 г.* 232
14. М. П. Погодину, *кон. 1844 или нач. 1845 г.* 234
15. В. А. Жуковскому, *28 янв. 1845 г.* 234
16. М. П. Погодину, *нач. 1846 г.* 239
17. М. В. Кирѣевской, *17 марта 1847 г.* 241
18. Московскимъ друзьямъ, *мартъ-апрѣль 1847 г.* 245
19. М. П. Погодину, *мартъ-апрѣль 1848 г.* 248
20. В. А. Жуковскому, *весна 1849 г.* 249
21. А. И. Кошелеву, *20 февраля 1851 г.* 252
22. Ему-же, *весна 1851 г.* 253
23. Ему-же, *10 іюня 1851 г.* 256
24. Оптинскому старцу Макарію, *1852 г.* 258
25. Ему-же, *1852 г.* 259
26. Ему-же, *28 іюля 1853 г.* 261
27. Ему-же, *8 окт. 1853 г.* 262
28. А. И. Кошелеву, *15 окт. 1853 г.* 264
29. Ему-же, *13 окт. 1853 г.* 272
30. Ему-же, *окт.-ноябрь 1853 г.* 273
31. Ему-же, *1 іюня 1854 г.* 280
32. А. В. Веневитинову, *2 іюня 1854 г.* 281
33. Оптинскому старцу Макарію, *9 іюля 1854 г.* 282
34. Ему-же, *23 ноября 1854 г.* 283
35. А. И. Кошелеву, *17 іюня 1855 г.* 284
36. Ему-же, *26 іюля 1855 г.* 285
37. Ему-же, *13 авг. 1855 г.* 286
38. Ему-же, *11 ноября 1855 г.* 287
39. А. В. Веневитинову, *кон. 1855 г.* 289

Примѣчанія 297

М. Гершензонъ.

Историческія записки

СОДЕРЖАНІЕ:

Ученіе о личности (И. В. Кирѣевскій).
Ученіе о природѣ сознанія (Ю. Ѳ. Самаринъ).
Ученіе о жизненномъ дѣлѣ (Н. В. Гоголь).
Расколъ въ русскомъ обществѣ.
Смута.
Интеллигенція.

1910.

Цѣна 1 р. 25 к.

Книгоиздательство „ПУТЬ“

высылаетъ свои изданія всѣмъ, выписывающимъ непосредственно изъ склада (Москва, Знаменка, 11), принимая почтовые расходы на свой счетъ, но расходы по наложенію платежа заказчики принимаютъ на себя (до 5 р.— 10 к., свыше—по 2 коп. съ рубля).

За границу отправка изданій производится на тѣхъ же условіяхъ, но по полученіи **полной** оплаты заказа (наложеніе платежа не допускается).

Провинціальные Книжные магазины пользуются уступкой 30% и должны принимать на себя расходы по пересылкѣ книгъ.

Контора открыта ежедневно кромѣ праздниковъ отъ 11 до 3 ч.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по средамъ отъ 3 до 4 час.

Адресъ к-ры р-ціи Москва, Знаменка, 11. (Тел. 127—18).

I 76-80 [illegible]

90-91

121-122

125-6

150

151-3, 154

162-172

II 3 5-6

1

12, 14

15-19

23-27

28-35-39

40-54

58-61

68-75

83

92-103

120-123

245-248

295, 34

BINDING LIST JAN 1 1952

LR
K5847G

519843
Kireevsky, Ivan Vasil'evich
Полное собраніе сочиненій; ред. М.Гершен-
зона.
2v. in 1

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED